6231 инв. X
Ч50 410
т. 2.

К. Валишевскій

Первые Романовы

К-во «Современныя Проблемы»

И. Степановъ

250 411 250 410 9(47).16 т
ДБ
Е 15

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ.

[Т 2]

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ.

К. ВАЛИШЕВСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО В. Ф.

инв. 6231
1991

Книгоиздательство «СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ».
МОСКВА.—1911.

ТЕ 1

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

Типографія „Печатное Дѣло", Газетный пер., № 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая здѣсь работа заканчиваетъ собою общій обзоръ начальнаго періода исторіи современной Россіи и должна служить какъ бы введеніемъ къ моимъ прежнимъ сочиненіямъ. Она завершаетъ собою также циклъ монографій, болѣе детальныхъ, хотя, конечно, и неполныхъ, въ которыхъ я пытался изложить русскую исторію въ теченіе трехъ вѣковъ отъ Ивана Грознаго до Екатерины Великой.

Мнѣ уже замѣтили одни въ видѣ порицанія, другіе видѣ похвалы, что на этомъ длинномъ пути я часто дѣлалъ отступленія, такъ сказать, шелъ зигзагами. Причину этого я уже объяснилъ и теперь считаю своимъ долгомъ опять извиниться. Я дѣлалъ, что могъ и какъ могъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ я не располагалъ тѣми источниками, которые позволяли мнѣ потомъ приступить къ изслѣдованію этихъ отдаленнѣйшихъ эпохъ прошедшаго, къ тому же недостаточно изслѣдованнаго. Начиная съ конца и рисуя моимъ читателямъ сначала обольстительный образъ Екатерины, я однако былъ чуждъ всякой задней мысли. Если кто, предполагая противное, хотѣлъ сдѣлать мнѣ комплиментъ, то я его не заслужилъ.

Обнародованіе моего предыдущаго сочиненія, посвященнаго смутной порѣ конца шестнадцатаго и начала семнадцатаго вѣковъ, случайно совпало со взрывомъ новаго революціоннаго кризиса. Другое совпаденіе (а я о немъ совсѣмъ и не думалъ), придастъ этой работѣ видъ кажущейся современности. Въ 1913 году династія Романовыхъ . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . будетъ праздновать трехсотлѣтіе своего воцаренія. Чтобы возбудить и привлечь наше вниманіе, первые шаги этого знаменитаго дома не нуждаются въ такихъ ссылкахъ.

Въ эпоху его выступленія совершились событія, которыя еще и до сихъ поръ не перестаютъ обусловливать внутреннюю и внѣшнюю жизнь великой сѣверной имперіи. По мѣткому выраженію Ключевскаго, современный русскій человѣкъ, подходя къ этому періоду національной исторіи, испытываетъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы читаетъ свою автобіографію.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ мы еще находимся въ Московскомъ государствѣ, но уже его эксцентрическое ядро на финской землѣ начинаетъ расти и распространяться по всѣмъ направленіямъ, начинаетъ создаваться та великая, огромная Россія, которую мы знаемъ. Въ этомъ семнадцатомъ вѣкѣ оканчивается дѣло „великихъ собирателей земли русской". Наслѣдники распавшейся монархіи первыхъ Рюриковичей снова захватываютъ вмѣстѣ съ древнею столицею, Кіевомъ, значительную часть наслѣдія Владиміра. Въ теченіе своей вѣковой борьбы съ Польшею за владѣніе этими областями и за гегемонію въ славянскомъ мірѣ, новая зарождающаяся Россія беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ своею западною соперницею и въ то же время достигаетъ на востокѣ береговъ Тихаго Океана. Она переходитъ окончательно въ ряды великихъ европейскихъ и азіатскихъ державъ.

Исполняя подобную задачу, стремясь отчасти облегчить ее, оправляясь послѣ недавнихъ погромовъ, упрочивая наиболѣе важныя учрежденія, развивая свою политическую мощь, древне-московское государство попутно освобождалось отъ нѣкоторыхъ слишкомъ архаическихъ чертъ сѣдого прошлаго. Оно вступаетъ въ сношенія съ западною цивилизаціею, претворяетъ въ себѣ ея первоначальные элементы и такъ сказать предвосхищаетъ и подготовляетъ во многихъ пунктахъ реформаторскую дѣятельность Петра Великаго.

Въ то же самое время замѣчаются глубокія измѣненія въ соціальной и экономической жизни, обнаруживающія характерныя черты современнаго режима. Старинная аристократическая форма управленія страною уступаетъ мѣсто все возрастающей диференціаціи соціальныхъ классовъ. Правящее „боярство" теряетъ одну за другою свои привиллегіи и свою политическую диктатуру, претворяясь въ новый привилегированный классъ дворянъ съ болѣе широкою и существенно демократическою базою. Зарождающаяся промышленность

даетъ толчекъ возникновенію третьяго сословія. Но, подчиняясь невольно противорѣчію, составляющему историческій законъ этой парадоксальной судьбы, демократическое движеніе повело совсѣмъ не къ эмансипаціи, а къ политическому и экономическому порабощенію заинтересованныхъ классовъ. Обращеніе дворянства въ роль правящаго класса повлекло за собою превращеніе свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ. Политическое же вліяніе, пріобрѣтенное новыми привилегированнымъ классомъ, имѣла тенденцію превратиться во власть бюрократическую. Расцвѣтъ буржуазіи былъ остановленъ экономическимъ режимомъ, который въ интересахъ государства возложилъ на нее всѣ тягости барщины. Государство, въ свою очередь, стремится основать свое всемогущество и свою силу не на свободномъ развитіи, а на возможно полномъ порабощеніи всѣхъ классовъ.

Цѣлый рядъ потрясающихъ драмъ сопровождалъ эту эволюцію: борьба церкви съ свѣтскою властью, сопротивленіе инстинкта консерватизма противъ новыхъ вѣяній, борьба совѣсти за свою свободу, рядъ кровавыхъ войнъ, бунтовъ и возмущеній. Именно въ эту эпоху, дойдя до своего апогея, своеобразная казачья вольница совершаетъ свои послѣдніе великіе подвиги и въ ту же пору родился изъ моря крови расколъ къ той интенсивной жизни, которая воодушевляетъ его и въ наши дни.

На этой сценѣ, полной трагическихъ событій, появляются актеры, достойные предназначенной для нихъ роли. На ряду съ патріархомъ Никономъ, мощною личностью и творцомъ церковной реформы, достигаетъ почти эпическаго величія, выступая на защиту прежнихъ вѣрованій, простой попъ Аввакумъ. А сколько еще другихъ фигуръ яркихъ, характерныхъ, героическихъ или трогательныхъ стоятъ рядомъ съ ними: Стенька Разинъ, атаманъ возмутившихся Донскихъ казаковъ, колеблющійся между завоеваніемъ Москвы и Тегерана, Богданъ Хмѣльницкій, глава возставшихъ Днѣпровскихъ, пытавшійся возстановить для себя старинное кіевское княжество, и совершенно въ другихъ рамкахъ, въ нѣдрахъ родившагося раскола святая, блаженная, по выраженію Аввакума, Ѳедосья Морозова.

Михаилъ Ѳеодоровичъ становится робкимъ основателемъ династіи, но ему помогаетъ, раздѣляя съ нимъ власть, его

отецъ, невольный монахъ, импровизированный патріархъ и регентъ на правахъ отеческаго авторитета, являясь чѣмъ-то въ родѣ московскаго Ришелье—фигура чрезвычайно интересная. За ними же слѣдуетъ второй Романовъ, отецъ Петра Великаго, на котораго нельзя не обратить вниманія, какъ на одного изъ наиболѣе высоконравственныхъ монарховъ всѣхъ временъ и народовъ.

Къ этимъ интереснымъ фактамъ необходимо прибавить еще одинъ. Въ XV и XVI ст. лишь намѣченныя, стертыя въ XVII в. европейской культурой, характерныя черты московскаго типа теперь, какъ разъ наканунѣ своего исчезновенія, достигаютъ своего полнаго развитія, такъ что ихъ можно уловить и запечатлѣть.

Между тѣмъ даже въ Россіи эта эпоха до сихъ поръ не явилась предметомъ какой-либо цѣльной работы за исключеніемъ общей исторіи Соловьева, которая теперь во многихъ отношеніяхъ устарѣла, да и по политическимъ мотивамъ авторъ ея не могъ произвести достаточно тщательнаго изслѣдованія. Такое же исключеніе представляетъ изъ себя и недавно опубликованная третья часть курса исторіи Ключевскаго, мастерской трудъ, ограничивающійся однако общими положеніями и предполагающій основательное знакомство съ предметомъ. Даже царствованіе Алексѣя ожидаетъ своего историка послѣ труда Берга, появившагося въ 1831 году и не имѣющаго уже научнаго значенія.

Нашъ трудъ и долженъ восполнить этотъ пробѣлъ. Я не осмѣливаюсь сказать, что онъ будетъ восполненъ цѣликомъ, но все-таки надѣюсь, что мнѣ здѣсь удалось не безъ нѣкоторой пользы дать нѣсколько общихъ взглядовъ и опредѣленныхъ данныхъ.

Что касается частностей, то русская литература собрала для этой эпохи достаточно матеріала въ видѣ монографій и обнародованій различныхъ документовъ. Я использовалъ ихъ, стараясь ихъ дополнить по мѣрѣ силъ. Такъ какъ исторія Россіи сталкивается во многихъ мѣстахъ, особенно въ Украйнѣ, съ исторіей Польши, то я долженъ былъ черпать матеріалъ и въ польскихъ источникахъ и даже въ малорусской литературѣ, обогащенной недавно важными работами Грушевскаго, ставшими частью доступными и европейской публикѣ благодаря нѣмецкому переводу.

Вновь приношу свою благодарность всѣмъ тѣмъ, которые двадцать лѣтъ старались помочь выполненію моей задачи. Почти въ то самое время, какъ я оканчивалъ свою работу, отошелъ въ вѣчность Иванъ Ивановичъ Щукинъ, мой другъ или скорѣе почти сотрудникъ, такъ какъ я очень часто и всегда съ пользою для себя прибѣгалъ къ помощи его богатой библіотеки и его обширной эрудиціи.

И съ чувствомъ глубокой скорби кладу я послѣднюю дань признательности на его преждевременную могилу.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Образованіе государства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основатель династіи.—Михаилъ Ѳеодоровичъ.

1. Первый Романовъ.—2. Наслѣдіе смутнаго времени.—3. Миръ со Швеціей.—4. Договоръ съ Польшею.

I.

Первый Романовъ.

Восшествіе на тронъ перваго Романова, положившее конецъ Смутному времени, явилось блестящимъ опроверженіемъ народной пословицы, по которой для приготовленія рагу необходимъ заяцъ. Исторія, кажется, не знаетъ другого примѣра образованія политическаго тѣла при подобныхъ условіяхъ. Передъ нами дворянская фамилія правда популярная, но не очень древняя, ... и пережившая цѣлый рядъ испытаній; отецъ новаго государя находился нѣсколько лѣтъ въ опалѣ и испыталъ рядъ самыхъ удивительныхъ приключеній. Онъ былъ постриженъ въ монахи въ монастырѣ, превращенномъ въ тюрьму... Онъ былъ, наконецъ, заложникомъ въ рукахъ Поляковъ. Передъ нами и его мать, также вынужденная принять схиму, вмѣстѣ со своимъ сыномъ жертва всѣхъ бѣдствій внѣшней и гражданской войны, гонимая съ мѣста на мѣсто и думающая только о томъ, чтобы ее забыли вмѣстѣ съ сыномъ . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . И изъ всего этого на зарѣ семнадцатаго вѣка въ московскомъ государствѣ, дове-

денномъ до крайней нищеты, и создались національная династія и сильная власть.

Дѣло походило на безумное пари. Я уже указалъ въ одномъ изъ предыдущихъ сочиненій [1]), вслѣдствіе какого стеченія обстоятельствъ оно состоялось. Теперь я постараюсь показать, какъ оно было выиграно.

Одинъ Голландецъ, жившій въ то время въ Москвѣ, выражалъ увѣренность, что у Михаила было одно средство, чтобы удержаться на тронѣ, а именно подражать Грозному и „купаться въ крови по горло". Однако онъ ошибался.

Первый Романовъ напротивъ былъ мягкимъ и безобиднымъ правителемъ.

Онъ впрочемъ и не думалъ вовсе быть государемъ. Сначала онъ положился на своихъ окружающихъ, т.-е. на родственниковъ своей матери, Салтыковыхъ, и на самое царицу Марѳу. Первые представляли изъ себя пособниковъ очень сомнительнаго качества.

Способные только на интриги, заботясь лишь о захватѣ мѣстъ и богатства, они чуть не съ первыхъ шаговъ вносили въ дѣло смуту и опасность. Мать уже по одному тому, что была матерью, оказалась болѣе полезной.

Она положительно вырвала своего ребенка у авантюристовъ-избирателей, желавшихъ „упокоить его на ложѣ трехъ недавно убитыхъ царей"; съ такою же энергіей она потомъ защищала его противъ принятія на себя риска управленія. Судя по дошедшему до насъ портрету, ея суровыя очи подъ густыми бровями, большой властный орлиный носъ и тонкія губы указывали на наличность своевольнаго характера. Изгнаніе, монастырская жизнь, долгія лишенія, безпрестанныя заботы и жестокія обиды еще болѣе закалили и ожесточили ея темпераментъ. Она начала съ того, что смѣло положила свою руку на сокровищницу прежнихъ царицъ. Она воспользовалась этой добычей, чтобы окружить себя людьми, послушными ея словамъ, всегда бодрствующими шпіонами и преданными воинами. Такъ во всеоружіи пошла она навстрѣчу событіямъ.

Все это еще не было правительствомъ, какъ и установленіе новой династіи. Соборъ, т.-е. учредительный и изби-

---

[1]) Смутное время.

рательный сеймъ, соединилъ на время въ своихъ рукахъ всю власть за отсутствіемъ другого органа. Ее и не отнимали у него. Въ 1615 году по неизвѣстнымъ намъ причинамъ лишь измѣнили составъ Собора посредствомъ новыхъ выборовъ. Потомъ былъ распущенъ въ свою очередь и этотъ второй соборъ, были созваны другіе въ промежутки, до сихъ поръ еще точно не опредѣленные, но повидимому почти не нарушавшіе въ первые годы новаго царствованія фактической безпрерывности Собора [1]).

Практика парламентскаго режима не выработала здѣсь никакого точно опредѣленнаго принципа и, хотя условія, принятыя Михаиломъ и расширяли въ нѣкоторой степени компетенцію „избранниковъ народа", однако, по своей неопредѣленности допускали всякіе компромиссы.

Возстановленный совѣтъ бояръ, Дума, функціонировала на ряду съ соборомъ, играя въ эту минуту слишкомъ неблагодарную роль, чтобы стать предметомъ вожделѣній.

Естественный порядокъ дѣятельности здѣсь часто нарушался. Такъ, въ 1614 году, Дума, органъ скорѣй административный, передала выполненіе выработанныхъ въ отношеніи къ казакамъ мѣръ, Собору, органу уже законодательному, который не участвовалъ въ выработкѣ рѣшенія! Немного позже, англичане, обратившись къ Думѣ за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ коммерческихъ привиллегій, получили, однако, отвѣтъ, что такіе вопросы не могутъ быть впредь разрѣшены „безъ представителей всего Государства".

Намъ неизвѣстны точно условія конституціоннаго договора съ Михаиломъ. Однако болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы этотъ документъ содержалъ въ себѣ оговорки подобнаго рода.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

---

[1]) Сергіевичъ въ „Собраніи политическихъ наукъ" Безобразова, т. II, стр. 23—24, прим.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Слѣдуя привычкѣ, преемникъ Михаила, Алексѣй еще продолжалъ созывать Соборы и даже поручать имъ выполненіе текущихъ дѣлъ, но уже при Михаилѣ, въ 1642 году, когда собраніе высказалось въ громадномъ большинствѣ за окончательное присоединеніе Азова, захваченнаго казаками у татаръ, царь принялъ въ концѣ концовъ противоположное рѣшеніе [1]).

Здѣсь были необходимы выдающіеся государственные люди для того, чтобы разобраться въ сложныхъ фактахъ, явившихся послѣдствіемъ крайне сложнаго кризиса. А приближенные Михаила были напротивъ люди грубые, невѣжественные, въ корень деморализованные, необузданные и спорщики. Между ними постоянно разгорались споры и раздоры, даже въ присутствіи государя, и послѣ взаимныхъ оскорбленій они обыкновенно переходили къ дракѣ. Государь не принималъ однако никакихъ мѣръ для смягченія этихъ варварскихъ нравовъ. Въ присутствіи всего двора изъ-за какого-то ложнаго обвиненія противъ князя Гагарина, по приказанію царя простой секретарь (дьякъ) Думы далъ пощечину дворянину Леонтьеву. За проступокъ подобнаго-же рода другой дворянинъ, Чихачевъ, получилъ рядъ палочныхъ ударовъ.

Такіе люди не были созданы для того, чтобы направить свое отечество по новому пути. Удивительно, что Марѳа, ея сынъ и тѣ, что служили при нихъ правительствомъ, могли при подобной обстановкѣ справиться съ трудностями момента.

Онѣ были ужасны.

II.

Наслѣдство „Смутнаго времени“.

Устраненный наполовину, долгій кризисъ повергъ страну въ состояніе анархіи и ужасающей нищеты. Разграбленныя деревни, разрушенные города, соціальные классы въ пол-

[1]) Сергіевичъ. „Соборы“, указ. мѣсто, т. II, стр. 41; Чичеринъ. „Народное представительство“, стр. 557.

номъ разложеніи: всюду хаосъ и запустѣніе. Втеченіе десяти лѣтъ крестьяне и горожане не переставали убѣгать изъ своихъ разрушенныхъ жилищъ, оставляя поля необработанными, и великое переселеніе все еще продолжалось. Хотя непріятельскія войска и были отброшены, но вся страна подвергалась еще нападеніямъ отдѣльныхъ шаекъ, польскихъ партизановъ, казаковъ и мародеровъ.

Марина и Заруцкій еще держались, и я уже указывалъ на то, какъ они продолжали еще преслѣдовать свои несбыточныя мечты и свою безумную авантюру до іюня 1614 года [1]).

Даже послѣ захвата этой парочки и послѣ смерти сына Марины нельзя еще было сказать, что смута была подавлена и что ослушники всякаго рода, возставшіе противъ всякаго проявленія политическаго или соціальнаго порядка, были уничтожены. Они продолжали бороться подъ предводительствомъ другихъ популярныхъ и смѣлыхъ начальниковъ: Захарія Заруцкаго, Янко Баловня и др. Изгнанные изъ центральной области, они хозяйничали въ сѣверныхъ областяхъ, отъ Холмогоръ до Архангельска, отъ Ваги до Каргополя, совершая тамъ самые ужасные грабежи, увеличивая число самыхъ гнусныхъ эксцессовъ. Такъ они набивали порохомъ ротъ и уши своихъ жертвъ и подкладывали туда огонь. И истощивъ всѣ усилія, Соборъ въ сентябрѣ 1614 года не придумалъ другого средства, какъ послать для увѣщанія этихъ разбойниковъ нѣсколькихъ священниковъ! Баловень исполнился новой смѣлости, отступилъ къ югу и угрожалъ нѣкоторое время Москвѣ.

Не было войска; то, которое изгнало поляковъ, представляло изъ себя лишь милицію, всегда готовую разсѣяться назавтра послѣ побѣды. Изъ нея уже не оставалось ни одного человѣка. Не было денегъ для улучшенія военной организаціи, уже слишкомъ архаической, находившійся въ полномъ разложеніи. Любопытно слѣдующее, и въ этомъ обнаруживается, насколько сильны извѣстныя традиціи даже тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего можно было ожидать: чтобы пополнить недостачу въ государственномъ казначействѣ, Соборъ и Дума не нашли ничего лучшаго, какъ испросить прибавленія въ

---

[1]) Смутное время.

области доходовъ потребленія спиртныхъ напитковъ. Было увеличено число кабаковъ, и государственный фискъ ревниво оберегалъ тамъ право своей монополіи.

Но для того, чтобы пить водку, расточаемую даже офиціальными Ганимедами, необходимо было имѣть чѣмъ за нее платить. И когда выяснилось, что этотъ родъ промышленности не дастъ достаточно много прибыли, въ 1615 и 1616 годахъ Соборъ учредилъ чрезвычайную подать, носящую названіе „пятины". Это былъ налогъ на доходъ въ размѣрѣ 20%. Еще добавили подать въ 120 рублей за соху, представляющую собою земледѣльческую и податную единицу, размѣръ которой очень трудно учесть. Мы къ ней еще вернемся. Одна фамилія, Строгановы, крупные торговцы и не менѣе крупные собственники, должна была уплатить 56,000 рублей, громадную сумму по тому времени. Впрочемъ они были единственными богачами въ цѣломъ государствѣ.

Не одни только Заруцкій и Баловень угрожали Москвѣ. Поляки были правда выгнаны изъ Московскаго государства, но Владиславъ оставался еще избраннымъ царемъ Москвы и не отказывался отъ своихъ правъ. Съ другой стороны шведы основались уже въ Новгородѣ, и братъ Густава-Адольфа, принцъ Филиппъ, заставилъ себя признать тамъ государемъ, высказывая при этомъ явное намѣреніе присоединить все остальное къ этой части разложившагося государства. Наконецъ, отецъ Михаила оставался еще въ плѣну.

Первою заботою новыхъ правителей явилось заключеніе мира съ Польшею и освобожденіе Филарета. Однако достигнуть этого было далеко не легко. Денисъ Аладьинъ, посланный съ этою двойною цѣлью 10 марта 1613 года въ Варшаву, очутился въ затруднительномъ положеніи, не зная, съ кѣмъ и отъ имени кого ему дѣйствовать. Король Польскій признавалъ царемъ лишь своего собственнаго сына. Самъ Михаилъ даже присягалъ этому государю! Для того, чтобы освободить Филарета, Аладьинъ предложилъ обмѣнъ плѣнными, но въ московскихъ тюрьмахъ не оказалось ни одного поляка, такъ какъ почти всѣ были задушены!

Сигизмундъ не удостоилъ даже отвѣчать на эти предложенія. Польскій сенатъ оказался болѣе сговорчивымъ. Ему также было надъ чѣмъ призадуматься въ финансовомъ вопросѣ: польскимъ войскамъ очень мало или почти ничего не

платили, и они потому занимались добываніемъ себѣ жалованья на коронныхъ земляхъ, съ помощью грабежа и хищенія.

Но у короля оставались еще личныя средства, на которыя возможно было нанять наемниковъ и благодаря этому враждебныя дѣйствія приняли, когда возобновились, благопріятный оборотъ для московскаго государства. Здѣсь особенно сильно чувствовалось полное истощеніе, а плохое состояніе военнаго дѣла усугублялось еще плохимъ подборомъ командовавшихъ лицъ.

Главную оборону страны составляли укрѣпленные города, но они оставались почти безъ всякой защиты. Лѣтописи Углича, напримѣръ, говорятъ о сломанныхъ мостахъ, пробитыхъ башняхъ, засыпанныхъ рвахъ; изъ числа гарнизона шесть артиллеристовъ умерло отъ голода; ни пороха, ни хлѣба, и почти полное отсутствіе жителей.

Командованіе передавалось, кому попало: два князя, Андрей Хованскій и Иванъ Хворостининъ спорили о мѣстничествѣ при распредѣленіи обязанностей, и изъ-за споровъ забыли о непріятелѣ.

Въ іюлѣ 1613 года непріятель подошелъ къ Можайску и Калугѣ, гдѣ герой войны за независимость, знаменитый князь Димитрій Пожарскій, заболѣлъ отъ истощенія, помѣрявшись силами съ знаменитымъ Лисовскимъ. Переходя съ мѣста на мѣсто съ фантастическою быстротою, дѣлая до 150 верстъ въ день, проходя, какъ тѣнь, между Можайскомъ и Вязьмою, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, и тотчасъ же между Тулою и Серпуховомъ, неуловимый со своею горстью неутомимыхъ центавровъ, этотъ партизанъ передалъ потомъ свое имя бандѣ, прославившейся на германскихъ поляхъ во время тридцатилѣтней войны.

Враждебныя дѣйствія и съ той и съ другой стороны не привели ни къ какому рѣшительному результату,—тогда перешли къ переговорамъ. Въ Варшавѣ появились новые московскіе посланники съ довѣрительными грамотами отъ Собора, при чемъ въ нихъ подпись Михаила красовалась на четырнадцатомъ мѣстѣ на ряду съ именами бояръ. Дошли даже до этого! Если бы посланные рискнули произнести имя царствующаго государя, противъ этого протестовалъ бы самъ Филаретъ: не онъ ли былъ самъ уполномоченъ Соборомъ для того, чтобы добиться согласія Сигизмунда на царствованіе

его сына? Посланные апеллировали къ волѣ Бога, рѣшившаго дѣло иначе.

— Ну, вотъ еще! — возразили имъ поляки, — это Донскіе казаки задумали создать себѣ государя изъ вашего поповича!

— А что за царь былъ бы вашъ Владиславъ? — замѣтили Москвичи. — Онъ думалъ управлять нами посредствомъ кожевника, Ѳедьки Андронова.

— А вы рѣшили его замѣнить мясникомъ Мининымъ.

Напрасно посланникъ императора, Эразмъ Ганделіусъ, старался взять на себя посредничество. Императоръ самъ не рѣшался признать соперника Владислава и, когда другіе московскіе посланники заявились въ Вѣнѣ, ихъ отослали обратно съ письмомъ, обращеннымъ къ однимъ только боярамъ. Въ немъ имя Михаила даже не упоминалось.

Эти посланники во время ихъ миссіи наводили ужасъ и были предметомъ насмѣшекъ всей Германіи: въ Гамбургѣ они покушались на невинность одной англичанки изъ хорошаго общества; въ Гаагѣ, въ гостяхъ у казначея, они пытались растлить его дочь. Въ Вѣнѣ императоръ, оскорбленный другими выходками подобнаго же рода, приказалъ отобрать отъ нихъ дарованныя имъ золотыя ожерелья, украшенныя его портретомъ [1]). Въ іюнѣ 1616 г. послѣ новыхъ многочисленныхъ попытокъ, предпринятыхъ во всѣхъ европейскихъ дворахъ, щедрая раздача соболей, частью которыхъ милостиво согласились воспользоваться совѣтники Матѳея, доставила даже самому ловкому изъ московскихъ дипломатовъ, Лукьяну Мясному, лишь словесныя обѣщанія: Императоръ не будетъ помогать Польшѣ и предложитъ ей даже заключить миръ.

Голландія, только что окончившая войну, оказала надоѣдливымъ ходатаямъ лишь одно гостепріимство, за которое тѣ отплатили, какъ мы видѣли, лишь одними гнусными поступками. Англія обѣщала свою поддержку противъ Швеціи, но ставила взамѣнъ этого довольно неопредѣленныя условія: свободное плаваніе по Волгѣ для торговли съ Персіей, по Оби для поисковъ пути въ Индію и Китай, право свободной эксплоатаціи Новой Земли и позволеніе заниматься горнымъ промысломъ въ бассейнѣ Сухоны... Не захотѣла и

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 72.

Турція напустить татаръ противъ поляковъ, такъ какъ она была занята походомъ на Персію, а татары ей жаловались, что Донскіе казаки получаютъ изъ Москвы подмогу провіантомъ и деньгами для постоянныхъ набѣговъ на Азовъ. Только одна Персія, желая добиться прощенія за ея недавнія связи съ Мариной и Заруцкимъ, вняла призыву и торжественно раскрыла свою сокровищницу въ распоряженіе „Бѣлаго Царя". Но изъ ея серебряныхъ слитковъ удалось лишь получить 7,000 рублей.

Этого было недостаточно для продолженія войны на два фронта. Здравый инстинктъ совѣтниковъ Михаила побудилъ ихъ сначала покончить съ самымъ страшнымъ изъ обоихъ противниковъ, съ которымъ приходилось сражаться.

III.

Миръ со Швеціей.

Густавъ Адольфъ, подходя къ положенію съ той же вѣрностью взгляда, не колебался по поводу той пользы, какую онъ могъ извлечь изъ положенія. До избранія Михаила онъ дѣлалъ видъ, что поддерживаетъ притязанія брата. Послѣ этого событія, продолжая военныя дѣйствія, даже лично предводительствуя при взятіи Гдова (въ сентябрѣ 1614 г.) и подготовляя осаду Пскова, онъ тѣмъ не менѣе далъ своимъ уполномоченнымъ приказаніе заключить договоръ съ новымъ царемъ: онъ рѣшилъ удовольствоваться одною Балтійскою имперіей. Въ іюлѣ 1615 года, лишившись подъ стѣнами Пскова лучшаго изъ своихъ генераловъ, Еверта Горна, онъ ускорилъ переговоры, окончательно состоявшіеся въ Дедеринѣ подъ Хвостовымъ, причемъ посредниками явились англійскій агентъ Джонъ Мерикъ съ голландскими послами.

Одинъ изъ послѣднихъ, Антоній Гетеерисъ, оставилъ намъ мрачное описаніе состоянія страны: въ пустынной равнинѣ кучи пепла указывали мѣста сожженныхъ деревень, кое-гдѣ лишь попадались полуразрушенный монастырь или изба, входъ въ которую былъ закрытъ цѣлою кучею мертвыхъ тѣлъ...

Какъ и всегда, при встрѣчахъ подобнаго рода, между

Московитами и западными людьми соглашенію предшествовалъ рядъ праздныхъ разговоровъ и оскорбительныхъ рѣчей. Опираясь на трактатъ, передававшій Швеціи Карелію въ обмѣнъ на отрядъ вспомогательнаго войска, отданный царю Шуйскому, шведы требовали возвращенія этой области.

— Но ваши солдаты измѣнили намъ!

— Вы имъ не платили!

— Молчи, Яковъ Делагарди, ты получилъ деньги, но ты положилъ ихъ въ карманъ.

Эти и безъ того затруднительные переговоры, прерванные послѣ подписанія простого перемирія, затѣмъ продолжавшіеся при помощи переписки и вновь возобновленные въ Столбовѣ, осложнились еще притязаніями Москвы на военную помощь со стороны Швеціи противъ Польши. Наконецъ, 27 февреля 1617 г. былъ подписанъ вѣчный миръ. Вмѣсто желаннаго союза добившись возстановленія Новгорода и отказа Филиппа отъ наслѣдія Рюрика, Московиты дешево отдѣлались отъ большой непріятности. Они уступили только свои весьма сомнительныя права на Ливонію и Ингрію и нѣсколько мѣстностей: Ивангородъ, Ямбургъ, Орѣшекъ, Нотебургъ, Кексгольмъ (Шлиссельбургъ). Но за то, какъ это указалъ Густавъ Адольфъ въ своемъ торжествующемъ письмѣ къ матери, эти мѣста представляли собою ключи къ Балтійскому морю, тѣ самые пункты, для захвата которыхъ, однимъ вѣкомъ позже, долженъ былъ напречь свои усилія Петръ Великій [1])

Основываясь на правѣ взаимной торговли, Шведы кромѣ того снова открыли свои старыя конторы въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ, уступивъ въ свою очередь тѣ же привилегіи Московитамъ въ Ревелѣ, и распространивъ ихъ на Выборгъ и Стокгольмъ.

Въ этотъ союзъ вошелъ такимъ образомъ Новгородъ, отказавшись, безъ большого труда, отъ своей мечты объ автономіи, въ которую — сумѣли внести нѣкоторое разочарованіе Шведы. Всеобщая амнистія, дарованная городу, и торжественное перенесеніе въ его стѣны чудотворной иконы Божіей Матери, взятой изъ сосѣдняго монастыря въ Тихвинѣ, освятили возстановленіе прежняго порядка.

---

[1]) Geijer. Svenska Folkets historia, т. II, стр. 96—97. Сравн. Forsten. La Question de la Baltique, т. II, стр. 418 и сл., 134 и сл.

Англія совершила неудачный торгъ въ такомъ договорѣ. Когда Джонъ Мерикъ потребовалъ уплаты за свои добрыя услуги, ему указали, что дорога въ Персію по Волгѣ нѣсколько ненадежна, благодаря разбойникамъ, что путь въ Индію и Китай по Оби недоступенъ, благодаря льдамъ, загораживающимъ почти постоянно эту рѣку, и что кромѣ того Китай небольшая и небогатая страна [1]).

И этотъ честный посредникъ долженъ былъ удовольствоваться золотымъ ожерельемъ, изъ котораго не былъ вынутъ царскій портретъ, и мѣхами, среди которыхъ, на ряду съ очень рѣдкими соболями, было обидное количество сибирскихъ бѣлокъ.

Но еще меньше могъ поздравить себя съ такимъ событіемъ другой противникъ Москвы.

IV.

Перемиріе съ Польшею.

Польша между тѣмъ упустила драгоцѣнное время. Въ ноябрѣ 1616 года одному изъ ея лучшихъ полководцевъ, Александру Госѣвскому, удалось снять блокаду со Смоленска, заставивъ при этомъ быстро отступить московскихъ воеводъ Михаила Бутурлина и Исаака Погожева, но вотированная сеймомъ отправка большой арміи въ походъ оставалась въ проектѣ въ виду отсутствія достаточныхъ средствъ. Въ апрѣлѣ 1617 года Владиславъ, рискнувъ выступить по дорогѣ въ Москву съ какимъ-нибудь десяткомъ тысячъ войска, долженъ былъ вернуться въ Варшаву для полученія подкрѣпленія и только въ сентябрѣ появился снова подъ стѣнами Дорогобужа. Среди его приближенныхъ находилось нѣсколько выдающихся Московитянъ, — Михаилъ Шеинъ, князь Георгій Трубецкой, — и присутствіе ихъ, безъ сомнѣнія, побудило мѣстнаго воеводу, Ивана Ададурова, сдать городъ и присоединиться къ польскому царю со всею мѣстною знатью.

Въ свою очередь и Вязьма открыла ему ворота, и Вла-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. т. IX, стр. 118. О трактатѣ см. въ полномъ Сводѣ Законовъ, т. I, стр. № 19, Собр. Государств. документовъ, т. III, ст. 34, 35. Истор. акты, т. III, стр. 284. Прил. къ истор, актамъ, т. I. стр. 160, 162, 164, 166, т, III, стр, 3, 4, 11, 12, 14, 20, 21, 32, 42, 44. Ср. The present state of Russia. т. II, стр. 266—9. Соловьевъ, прив. мѣсто т. IX, стр. 114 и сл.

дславъ тотчасъ же послалъ въ Москву манифестъ о своемъ скоромъ прибытіи, вмѣстѣ съ патріархомъ Игнатіемъ— поставленнымъ первымъ Лжедимитріемъ (плохая рекомендація!), который долженъ былъ благословить его на коронованіе.

Посылая такого рода заявленіе, Владиславъ не принялъ во вниманіе двухъ препятствій, которыя могли встать на его пути: зимы, которая вскорѣ должна была прекратить военныя дѣйствія, и недостатка денегъ, не позволявшаго возобновить ихъ ранѣе іюня слѣдующаго года. Можайскъ и Борисовъ были эвакуированы къ тому времени приказомъ изъ Москвы. Тамъ царила страшная паника, и доступъ въ столицу, казалось, былъ открытъ. Но у Владислава было слишкомъ мало людей съ собою; онъ хотѣлъ подождать прибытія 20 тысячъ казаковъ, которыхъ велъ къ нему малорусскій гетманъ Конашевичъ, испытанный вояка. Взявъ приступомъ переходъ черезъ Оку и разстроивъ попытку московскаго гарнизона помѣшать его соединенію съ поляками, храбрый солдатъ совершилъ все, что могъ, но въ это время первые холода суровой зимы дали снова себя почувствовать.

Владиславъ не потерялся, и Москва уже думала, что возобновляются страшные дни Тушина. Польскій король расположился лагеремъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ разбилъ свою палатку второй Лжедимитрій. Но положеніе не было такимъ же. Поляки могли тогда войти въ Кремль безъ выстрѣла, они казались все же лучше Тушинскаго Вора. Владиславъ видѣлъ необходимость осады, и полная неспособность находящихся подъ его командою воиновъ къ этому виду операцій обнаружилась. Неудачныя наступленія, суровое время года и неповиновеніе войскъ быстро пробили дорогу къ новымъ переговорамъ.

Когда поляки, желая всячески отклонить затрудненіе, вызываемое титулами, стали называть Михаила „кого вы называете теперь вашимъ царемъ“, соглашеніе быстро состоялось. Москвѣ былъ большой разсчетъ пойти на соглашеніе.

Столица твердо держалась, но сеймики въ Польшѣ были расположены къ голосованію большихъ субсидій. Конашевичъ и его запорожскіе казаки протестовали противъ мира, донскіе высказывали желаніе ихъ поддержать, наконецъ,

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

повѣшенный вмѣстѣ со своею матерью сынъ Марины, какъ разсказывали, вышелъ изъ могилы, послѣ чудеснаго спасенія, и получилъ пріютъ у Кіевскихъ монаховъ.

Правда, 15 февраля 1619 года въ деревнѣ Деулинѣ, по сосѣдству съ Троицей, не могло состояться соглашеніе по поводу условій прочнаго мира,—было лишь заключено перемиріе на четырнадцать съ половиною лѣтъ. Могло показаться, что Москва заплатила за него очень дорого; со Смоленскомъ, Бѣлымъ, Дорогобужемъ и доброй дюжиной другихъ мѣстечекъ она отдавала всю линію своей защиты на западной границѣ. И такою цѣною она даже не добыла отреченія Владислава отъ титула, оспариваемаго имъ у Михаила. Но на дѣлѣ Польша потеряла значительно больше: для нея была потеряна послѣдняя возможность использовать споръ, тянувшійся съ шестнадцатаго вѣка съ ея сосѣдкою за гегемонію въ славяскомъ мірѣ.

Теперь уже становилось яснымъ, что разъ Владиславъ отступилъ изъ Москвы, не добившись наслѣдія Рюрика, Варшава станетъ однажды добычею другихъ претендентовъ, которыхъ онъ оказался не въ силахъ отразить.

Это отдаленное послѣдствіе ускользало отъ предвидѣнія дѣятелей этой эпохи, потому что они не замѣчали настоящей причины странныхъ поворотовъ счастья, постоянно мѣшавшихъ въ этомъ трагическомъ поединкѣ одной изъ соперничавшихъ державъ собрать плоды самыхъ рѣшительныхъ удачъ, а съ другой стороны дававшихъ возможность ея конкурренту оправиться послѣ самыхъ тяжкихъ пораженій.

Они никакъ не могли учесть значенія силъ, пущенныхъ въ данномъ случаѣ въ ходъ: съ одной стороны молодой народъ, плохо еще установившійся, но въ полномъ ростѣ, въ полномъ соку, и, какъ по темпераменту, такъ и по привычкамъ, прошедшій самую суровую дисциплину и принесшій самыя тяжелыя жертвы; съ другой стороны нація преждевременно состарившаяся и какъ бы зачахшая въ удушливой атмосферѣ политической борьбы, гдѣ вся ея энергія и всѣ способности совершенно односторонне гипертрофировались, и вмѣстѣ съ мужественной рѣшимостью исчезло и сознаіе д лга

1 іюля на маленькой рѣчкѣ Поляновкѣ закончился обмѣнъ плѣнными, воротившій Польшѣ лишь нѣсколько ка-

лѣкъ и отдавшій Москвѣ отца ея государя. 14 того же мѣсяца, идя пѣшкомъ впереди праздничнаго экипажа,—саней несмотря на время года (таково требованіе этикета), на которыхъ возсѣдалъ Филаретъ, — Михаилъ вернулъ торжественно въ столицу освобожденнаго „заложника“.

Что дѣлать съ этимъ священнослужителемъ? Исторія не даетъ прецедента такого отца, въ клобукѣ, и коронованнаго сына. Къ счастью послѣ смерти Гермогена, котораго Поляки будто-бы уморили голодомъ, патріаршій престолъ оставался свободнымъ. Игнатій не принимался въ разсчетъ. И Филаретъ сдѣлался патріархомъ. Онъ не получилъ никакого религіознаго воспитанія, и вкусы его были довольно свѣтскими. Но даже на Западѣ въ эту эпоху не считались въ подобныхъ случаяхъ съ такими препятствіями, и Филаретъ могъ идти по стопамъ Ришелье, хотя и не обладая тѣмъ-же геніемъ, но вдохновляемый тѣмъ-же честолюбіемъ. Церковь и государство одинаково нуждались въ главѣ, и послѣднее не менѣе первой выиграло отъ этого событія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Реставрація.

1. Двуглавое правительство. — 2. Бракъ Михаила. — 3. Дипломатическая кампанія. — 4. Опытъ военной реформы. — 5. Смоленская катастрофа.— 6. Появленіе новыхъ претендентовъ.—7. Реставрація.—8. Реорганизація администраціи. — 9. Соціальная и экономическая эволюція. — 10. Прогрессъ.

Двуглавое правительство.

Двуглавый орелъ, принятый Московскими царями послѣ брака Ивана III съ послѣднею изъ Палеологовъ, получилъ въ этотъ моментъ совершенно другое, непредвидѣнное, символическое значеніе. Имѣя одного лишь царя, государство тѣмъ не менѣе управлялось двумя государями, и отношенія установившіяся съ перваго же часа между отцомъ и сыномъ, поддерживались очень мирно къ общему ихъ благополучію.

Семейный принципъ, такъ сильно развитый въ этой средѣ и представлявшій несмотря на нѣкоторыя эксцессы особенно цѣнную моральную связь, устранялъ всякій конфликтъ. У Филарета было то, чего недоставало Михаилу для того, чтобы фигурировать съ нѣкоторымъ достоинствомъ въ роли управителя, или даже пытаться фигурировать въ качествѣ таковаго: честолюбіе, любовь къ власти, жизненная опытность, извѣстное умѣнье схватывать вещи благодаря той-же опытности и чувство авторитета. Бразды правленія совершенно естественно перешли въ тѣ руки, которыя были всего болѣе способны ихъ держать.

Необходимо рѣшительно отбросить возникшую по этому поводу гипотезу о государственномъ переворотѣ [1]). Свидѣ-

---

1) Fockerodt, Russland unter Peter dem grossen, стр. 23.

тельства эпохи положительно противорѣчатъ этому [1]). Тутъ даже не существовало никакой возможности узурпаціи власти. Начиная со смерти „Грознаго“ благодаря неизбѣжнымъ ограниченіямъ, которыя самый способъ восшествія на престолъ доставилъ его преемникамъ, прогрессивное ослабленіе самодержавія клонилось чуть не къ полному отъ него отреченію. Этой фикціи абсолютнаго самодержавія совершенно парадоксально противуполагалась такая же фикція свободныхъ учрежденій, возникшихъ въ эпоху смуты.

И послѣдняя фикція создала между ними пропасть, которую не были въ состояніи восполнить ни Соборъ, ни Дума. Въ самомъ дѣлѣ необходимо было вновь создать правительство, и такъ какъ Михаилъ и не думалъ взять на себя подобную задачу, за нее взялся Филаретъ, подготовивъ почву для своего внука.

Отношенія сына къ отцу, отличавшіяся большою нѣжностью и принявшія характеръ почтительнаго уваженія, были особенно кстати въ данномъ случаѣ [2]). Они позволяли имъ даже офиціально сообща управлять. Отецъ участвовалъ въ большинствѣ рѣшеній. Если какое-либо изъ нихъ не встрѣчало его предварительнаго согласія, оно или отмѣнялось или исправлялось [3]). Когда Филаретъ отсутствовалъ, Михаилъ сначала всегда спрашивалъ его мнѣнія, постоянно сообщая ему о всѣхъ текущихъ дѣлахъ. „Какъ ты объ этомъ думаешь?“ писалъ тогда патріархъ, „по моему“... И данное имъ указаніе исполнялось.

Даже въ офиціальномъ протоколѣ удваивалась верховная власть и титулъ „великаго государя“—соотвѣтствующій „Его Величеству“—одинаково прилагался и къ отцу и къ сыну. Иностранные посланники представляли имъ обоимъ свои ввѣрительныя грамоты и свои подарки на основаніи церемоніала, установленнаго еще Борисомъ Годуновымъ въ эпоху его власти. А между тѣмъ Ришелье никогда не могъ добиться этого отъ своего равнодушнаго государя. Не смотря на изоляцію, въ которой обрѣталась въ эту эпоху Москва,

---

[1]) Письма русскихъ государей, изд. Комиссіи Государственнаго Архива, т. 1, п 14, 17, 21, 36, 37, 40, 55, 185, 267, 369, 378.

[2]) Поповъ, Собраніе, стр. 306 (лѣтопись архіепископа Пахомія), Ср. Ключевскаго. Боярская дума стр. 547.

[3]) Собраніе государственныхъ документовъ, т. I, п. 25, 231, т, III, и 52, 55, 58, 64.

нѣтъ никакого сомнѣнія, что примѣръ всемогущаго кардинала отчасти способствовалъ установленію этихъ отношеній. Моральная непроницаемость народовъ, даже наименѣе поддающихся внѣшнимъ вліяніямъ, никогда не бываетъ безусловной.

А вдовствующая царица! Послѣ новаго появленія на сцену ея мужа, котораго она уже потеряла и не была въ состояніи снова залучить, роль ея оказалась сыгранной. Если бы они не были по жестокой игрѣ судьбы, перевернувшей все ихъ существованіе, монахомъ и монахиней, Филаретъ отправилъ бы ее въ теремъ. Ставъ теперь патріархомъ, онъ послалъ ее въ монастырь. А вмѣстѣ съ ней пали и ея докучливые родственники, которыхъ она выдвинула впередъ, хотя они и болѣе старались защищать завоеванныя мѣста свои. Немилость, постигшая Салтыковыхъ, была ускорена скандальною интригою, которой они лишили Михаила невѣсты, выбранной имъ. Оказывается, сынъ даже не могъ жениться безъ вмѣшательства отца.

II.

Бракъ Михаила.

Этотъ эпизодъ рисуетъ собою интересную картину нравовъ этой эпохи. Въ 1616 году молодой царь остановилъ свой выборъ на Марьи Ивановнѣ Хлоповой. Семья этой избранницы принадлежала къ ряду приверженцевъ Романовыхъ. Уже было отпраздновано обрученіе и по господствующему тогда обычаю будущая царица перемѣнила свое имя на имя Анастасіи, напоминавшее жителямъ московскаго государства дорогую имъ память о первой женѣ Грознаго, какъ вдругъ указомъ объ изгнаніи несчастную молодую отправили въ Тобольскъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми ея родственниками.

Въ чемъ была ея вина? Она вдругъ заболѣла, сдѣлалась, по свидѣтельству придворныхъ врачей, неспособной „служить радостямъ государя“, т. е. виновной, разъ Провидѣніе считало ее достойной подобной немилости. По тогдашнимъ воззрѣніямъ болѣзнь считалась Божіимъ наказаніемъ.

Таково было положеніе вещей, когда Филарету, вернув-

шемуся въ Москву, вздумалось самому взять на себя разборъ дѣла. Подвергли допросу духовника невѣсты и онъ засвидѣтельствовалъ ея полную невинность; другія же указанія дали поводъ патріарху заподозрѣть правильность діагноза, по которому осудили царицу. Впрочемъ онъ удовлетворился лишь полуреабилитаціей. Хлопову перевели изъ Сибири, гдѣ ей пришлось подвергнуться самымъ суровымъ лишеніямъ, въ Верхотурье, гдѣ она получала на прокормленіе по десяти копѣекъ въ день, а потомъ отправили въ Нижній-Новгородъ.

У отца были другіе виды на женитьбу сына. Начиная съ 1621 по 1623 годъ онъ возобновилъ въ Копенгагенѣ и въ Стокгольмѣ попытки, въ которыхъ въ прошломъ не было ровно ничего утѣшительнаго, и только рядъ неудачъ въ этомъ направленіи заставилъ его вновь заняться этимъ бракомъ, заключеннымъ и расторгнутымъ въ его отсутствіе. Розыскъ показалъ, что Салтыковы воспользовались простымъ разстройствомъ желудка, причиненнымъ невѣстѣ царя обильно принятой пищей. Одинъ изъ нихъ, Михаилъ Михайловичъ, только что поссорился съ однимъ изъ дядей молодой дѣвушки. Какъ онъ, такъ и его братья, подверглись въ свою очередь конфискаціи имуществъ и ссылкѣ. Но и Хлопова не осталась въ Нижнемъ-Новгородѣ благодаря настоянію царицы Марѳы, употребившей всю свою энергію и вліяніе для защиты своихъ родственниковъ противъ худшаго наказанія, которымъ для нихъ было бы торжество ихъ жертвы. Такимъ образомъ семейная идея властно восторжествовала надъ всѣми прочими расчетами.

Въ сентябрѣ 1624 г. Михаилъ женился на княжнѣ Маріи Долгорукой, потерялъ и эту подругу спустя нѣсколько мѣсяцевъ и повелъ на слѣдующій годъ къ алтарю дочь одного дворянина темнаго происхожденія, Евдокію Стрѣшневу [1]). Она вскорѣ подарила ему сына Алексѣя. Такимъ образомъ право наслѣдства было упрочено за новою династіей. Но само наслѣдіе все еще являлось ненадежнымъ. Правда, отъ поляковъ временно избавились, но за то передали имъ ключи отъ дома и у этихъ сосѣдей, ставшихъ еще болѣе грозными, уже намѣчалась очень опасная для Москвы перемѣна цар-

[1]) См. по поводу этой государыни очеркъ Милорадовича въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 г., т. III и 1901 г., т. I.

ствованія. Обуреваемый религіозными сомнѣніями и чувствомъ ревности, Сигизмундъ очень слабо поддерживалъ предпріятія своего сына. Онъ постарѣлъ и его здоровье быстро клонилось къ упадку. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что, наслѣдуя своему отцу, Владиславъ, какъ человѣкъ воинственный и честолюбивый, страстно любящій ремесло солдата, которому онъ предавался еще съ ранней поры, и очень мало религіозный, не преминетъ отплатить за свои прошлыя неудачи. Стараясь женить Михаила въ Швеціи или въ Даніи, Филаретъ, управлявшій непрочной еще судьбой молодой династіи, мечталъ не только повысить ея престижъ, но и заручиться опорой противъ новаго врага. Онъ совершенно справедливо полагалъ, что московское государство, оставшись одинокимъ, не можетъ противупоставить ему достаточныхъ силъ. Потерпѣвъ неудачу въ области подобныхъ брачныхъ комбинацій, онъ все же не оставлялъ надежды хоть на политическій союзъ, и онъ вполнѣ основательно могъ льстить себя надеждой, что встрѣтитъ въ этомъ отношеніи меньше препятствій. И въ этомъ спорѣ, ополчавшемъ другъ на друга, обѣ половины славянскаго міра, сама судьба наталкивала противниковъ на призывъ иностранца и этотъ иностранецъ, черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ, въ самую рѣшительную минуту въ самомъ дѣлѣ вмѣшался въ ихъ споръ, чтобы неправильно его рѣшить.

III.

Дипломатическая кампанія.

И чужеземецъ былъ далеко не прочь вмѣшаться въ такое дѣло. Борясь въ Польшѣ и Германіи противъ католической коалиціи, Густавъ Адольфъ дважды, въ 1626 и 1629 г., не брезговалъ явиться въ Москвѣ умиротворителемъ. Если онъ и не думалъ о русской арміи, то все же хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, присоединить къ своимъ знаменамъ нѣсколько казаковъ для борьбы съ бандою Лисовскаго, оказывавшаго большія услуги имперцамъ. Посланники шведскаго короля сильно торопились заключеніемъ союза. Но Москва, отказавшись принять участіе въ борьбѣ, раздиравшей всю Европу, сама отказалась отъ счастья. Какъ только она отказалась нарушить перемиріе съ Польшею и открыто вмѣшаться

въ военныя дѣйствія, Ришелье сейчасъ же создалъ образецъ „скрытой войны“, вмѣщавшей въ себѣ массу удобствъ и выгодъ.

У московскаго Ришелье, пытавшагося идти подобнымъ же путемъ, не хватало для этого смѣлости и рѣшительности. Увильнувъ сначала отъ этихъ предложеній, онъ, въ 1631 году, былъ склоненъ принять ихъ, однако, Густавъ Адольфъ тогда уже заключилъ договоръ съ Польшею. Тѣмъ не менѣе переговоры продолжались. Швеція уполномочивала для нихъ поочередно случайнаго дипломата, московита Александра Рубеца или Рубцова, попавшаго къ ней на службу послѣ одиннадцатилѣтняго плѣна въ Польшѣ; потомъ одного нѣмца Іоганна Мюллера, который былъ первымъ ея постояннымъ резидентомъ въ Кремлѣ. Отказываясь до сихъ поръ отъ предлагаемаго союза, здѣсь однако не теряли времени: дѣятельно готовились къ войнѣ и уже говорили о томъ, что ее необходимо объявить Польшѣ немедленно. Мюллеръ отвѣтилъ на это предложеніемъ двухъ шведскихъ полковъ и просилъ изволенія набрать нѣсколько другихъ среди Днѣпровскихъ казаковъ. Въ свою очередь Густавъ Адольфъ радъ былъ воевать подъ сурдинку. Однако было уже слишкомъ такъ распоряжаться чужимъ добромъ. Днѣпровскіе казаки зависѣли отъ Польши, которая едва могла держать въ рукахъ это буйное братство, все же удерживая его отъ покушеній на измѣну. Шведскіе и московскіе вербовщики были выпровожены, рискуя своею жизнью въ подобныхъ попыткахъ, а немного спустя смерть побѣдителя при Люценѣ положила конецъ всему предпріятію [1]).

Но и стучась одновременно въ другія двери, московская дипломатія не была счастливѣе. Еще до Деулинскаго перемирія она вытянула изъ Англіи займъ въ 100.000 рублей, доведенный до 20.000 благодаря мошенничествамъ посредниковъ. А въ 1623 году она хвастливо заявляла, что вовлечетъ своихъ кредиторовъ въ обширную антипольскую коалицію, въ которой должны были участвовать вмѣстѣ со Швеціей и Даніей также Нидерланды, но добилась въ результатѣ лишь града унизительныхъ насмѣшекъ.

Эта дипломатія шла еще ощупью и легко сбиваясь съ

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россія, т. IV, стр. 179—184.

плохо проторенныхъ путей. Такъ, въ 1615 году, посылая во Францію Ивана Кондырева, она думала снискать помощь правительства Кончини противъ Польши и Швеціи. Но ни маршалъ Анкрскій, ни его преемники даже не подумали отвѣчать на подобное предложеніе; самъ Ришелье нисколько не торопился и только въ 1623 году первый французъ, предназначенный для врученія словъ Всехристіаннѣйшаго короля отдаленному сѣверному двору, получилъ ввѣрительныя грамоты. То былъ баронъ Людовикъ Де-Курмененъ изъ Гаги, сынъ губернатора Монтаржи. Будучи сначала пажемъ, потомъ метръ д'отелемъ Людовика XIII, начиная съ 1621 года посылаемый для различныхъ порученій въ Данію, Германію, Пруссію, этотъ молодой дипломатъ—ему было въ это время всего тридцать семь лѣтъ—кончилъ плачевно. Страстно честолюбивый онъ мечталъ о мѣстѣ шведскаго посланника, котораго не получилъ, ударился въ интриги, близкія къ государственной измѣнѣ, и кончилъ на эшафотѣ. Въ Москвѣ онъ сыгралъ довольно жалкую роль. Ришелье былъ не прочь соединить противъ Польши, союзницы Императора, съ враждебнымъ имъ лагеремъ и московское государство. Но французскій посланникъ неловко ввязался въ дѣтскій споръ объ этикетѣ и сдѣлалъ еще болѣе неудачный шагъ, показавъ, что ему диктовало предложенія духовное лицо. Казалось, онъ исключительно имѣлъ въ виду организовать исповѣданіе католическаго культа въ столицѣ православія. У него было на умѣ нѣчто совершенно другое, но, оскорбляя съ одной стороны весьма законную обидчивость, онъ съ другой стороны натолкнулся на стѣну предразсудковъ, рутины и частныхъ интересовъ, осудившихъ его миссію на неизбѣжное крушеніе.

Ришелье шелъ всячески навстрѣчу союзникамъ, которыхъ надѣялся заполучить къ себѣ противъ австрійскаго дома. Взамѣнъ оборонительнаго и наступательнаго союза, онъ требовалъ лишь экономическихъ сдѣлокъ, одинаково выгодныхъ обѣимъ сторонамъ. Съ одной стороны Франціи улыбалась дорога въ Персію, за то московское государство получитъ возможность непосредственно пользоваться французскими товарами, въ которыхъ оно начало понимать толкъ, тогда какъ посредники англійскіе, голландскіе или брабантскіе наживали на ихъ цѣнѣ значительные куртажи.

Къ несчастію московскіе купцы все держались за свою персидскую монополію, отъ которой впрочемъ не имѣли большой выгоды, а съ другой стороны коммерческіе соперники Франціи, вступивъ въ отчаянную борьбу, всѣ соединились противъ общаго врага для защиты пріобрѣтеннаго ими положенія. Нидерланды предупредительно согласились бойкотировать польскій портъ Данцигъ, они готовы торговать преимущественно съ Архангельскомъ и польскій король потеряетъ въ годъ до 100,000 экю. Противъ этой комбинаціи поднялась англійская монополія, но Курменена тѣмъ не менѣе не выпроводили.

Одно время за неимѣніемъ лучшаго былъ уже на дорогѣ къ осуществленію союзъ съ Даніей и оба правительства уже готовы были обмѣняться грамотами, какъ въ дѣло опять вмѣшался этикетъ. Ссылаясь на привилегію, пріобрѣтенную его шведскимъ сосѣдомъ остріемъ меча, датскій король требовалъ, чтобы и его имя было написано въ трактатѣ прежде имени царя. Это затрудненіе окончательно сгубило союзъ, уже наполовину заключенный, и царь, гордясь своимъ величіемъ и не желая уступить такому ничтожному государю, остался лицомъ къ лицу съ „венгерскимъ королемъ", т.-е. сдѣлался жертвою простой мистификаціи. Этимъ „венгерскимъ королемъ" былъ Бетленъ Габоръ. Въ Москвѣ не имѣли точныхъ свѣдѣній о путанныхъ спорахъ этого претендента съ австрійскимъ домомъ, какъ и о томъ, выйдетъ ли онъ побѣдителемъ изъ борьбы, и потому оказали пышный пріемъ обоимъ его посланникамъ, бывшимъ случайно французами: Шарлу де-Талейрану, маркизу Асседевильскому и Жаку Русселлю. Но постоянно ссорясь другъ съ другомъ и обвиняя одинъ другого, они сами дискредитировали свое дѣло. Маркиза водворили въ Костромѣ, гдѣ Габоръ не могъ уже оказать ему никакой помощи, такъ какъ скоро умеръ. Ришелье, казалось, остался равнодушенъ къ авантюрѣ, которой онъ, быть можетъ, и былъ чуждъ, графъ Суассонскій, желая выручить плѣнника изъ этого сквернаго положенія, не былъ въ состояніи въ 1632 году придумать другого средства, какъ просить вмѣшательства Карла I и Генриха Нассаусскаго, но и старанія послѣднихъ при посредствѣ другого француза, Гастона Шаронскаго, тоже остались безъ всякаго результата. Только въ 1635 году добилось лучшаго успѣха посольство Людовика XII.

Но Москва все еще не имѣла чоюзника въ борьбѣ, которую она должна была считать близкой и неминуемой. Даже отъ Турціи она не могла ничего ожидать. Османъ II предложилъ ей въ 1621 г. дѣйствовать сообща противъ Польши, но Филаретъ не считалъ себя достаточно подготовленнымъ. Страна послѣ перенесенныхъ страшныхъ испытаній была еще настолько слабой, что даже крымскіе татары разоряли безнаказанно мелкими отрядами юговосточныя области. Тогда Османъ самъ предпринялъ уже одинъ несчастную кампанію. На возвратномъ пути онъ былъ убитъ своими же янычарами, и Порта, погрузившись въ омутъ внутреннихъ безпорядковъ, нѣкоторое время оставалось безсильной.

Изъ Европы московское государство такимъ образомъ еще разъ было отброшено въ Азію. Но и въ Персіи Аббасу приходилось по временамъ жаловаться на обращеніе съ его послами. Хотя въ Кремлѣ и считали нужнымъ терпѣть нѣкоторыхъ иностранцевъ, ихъ всегда считали или шпіонами или заложниками. На этотъ счетъ ни принимались никакія обоюдныя отношенія. Въ 1620 году совершенно случайно, посланникъ царя въ Тегеранѣ, Тюхинъ, услышалъ въ своемъ присутствіи оскорбительные отзывы о своемъ государѣ. И ему по возвращеніи дали за это семьдесятъ ударовъ кнутомъ, жгли его тѣло раскаленными щипцами, и онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ уже тѣмъ, что на всю жизнь былъ брошенъ въ сибирскую тюрьму [1]).

Тѣмъ не менѣе царь и шахъ оставались добрыми друзьями и въ 1625 году посланникъ Аббаса, Руссанъ-бекъ, вызвалъ въ Москвѣ цѣлую бурю радости, привезя съ собою если не средства побѣдить Польшу, то по крайней мѣрѣ залогъ такой побѣды: хитонъ Господень, найденный въ Грузіи! Такъ какъ подлинность реликвіи была доказана происшедшими вокругъ нея чудесами, то въ Москвѣ надѣялись получить отъ щедраго дарителя болѣе существенную помощь. Но увы! вмѣсто нея князь Григорій Тюфякинъ привезъ съ собою лишь—прекрасную персіянку, спрятавъ ее въ чемоданѣ.

Тогда въ Москвѣ окончательно убѣдились, что въ предстоящей борьбѣ придется разсчитывать лишь на свои

---

[1]) Соловьевъ, прив. мѣсто, т. IX, стр. 204.

собственныя силы и потому тамъ ясно сознали полную необходимость основательной реорганизаціи всего военнаго дѣла.

IV.

Опытъ военной реформы.

Архаическая какъ по способу наборки рекрутовъ, такъ и по своему снаряженію масса польской арміи, состоявшая исключительно изъ конницы „посполитнаго рушенія“, все же заимствовала болѣе выработанные способы боя, взятые изъ иностранныхъ образцовъ, или выработанные на мѣстѣ.

Еще начиная съ Баторія, придумавшаго тактику, доказавшую свое превосходство даже въ борьбѣ со Шведами, эту кавалерію сверхъ того подкрѣпляла пѣхота, набранная по большей части въ Германіи или Венгріи, обученная и вооруженная по европейски и все болѣе и болѣе многочисленная. Къ чести царствованія перваго Романова нужно отнести и то, что онъ вдохновился этимъ примѣромъ и взялъ на себя иниціативу въ созданіи новой русской арміи съ 1626 по 1632 г.

Въ то самое время, какъ имъ были посланы вербовщики на западъ для найма 5000 человѣкъ пѣхоты, для приглашенія на царскую службу литейщиковъ пушекъ и для закупки оружія, московскіе солдаты методически обучались иностранными инструкторами. Въ этомъ новоиспеченномъ войскѣ уже фигурировали въ первый разъ мѣстные всадники, вооруженные по германскому образцу, и мѣстные стрѣлки, обученные по способу, практикуемому въ полкахъ наемной шотландской пѣхоты [1]).

Извѣстно, что во Франціи первый опытъ организаціи постоянной арміи относится къ эпохѣ Карла VII и уже въ XII в. замѣчается тенденція на западѣ не брать къ себѣ иностранныхъ наемниковъ. Вступивъ на путь прогресса, Москва все же, какъ видно, отстала и, какъ и во Франціи, ея попытка натолкнулась на большія денежныя затрудненія. Такъ въ одинъ годъ отъ сентября 1632 года до сентября 1633 г. иностранные наемники поглотили 430606 рублей,

[1]) Brix. Geschichte des alten russischen Heeres Einrichtungen, стр. 284, 287, 291.

тогда какъ для контингента почти въ двадцать разъ большаго изъ туземной милиціи издержки равнялись лишь пятой части этой суммы [1]).

Усилія дѣлались чрезвычайныя, хотя они и не были немедленно же вознаграждены. Народъ, отъ котораго ихъ требовали, казалось былъ созданъ для безплодныхъ жертвъ и долготерпѣнія. Въ томъ то и состоитъ заслуга Михаила и его преемниковъ, что они не отошли отъ разъ принятаго пути, несмотря на самыя расхолаживающія неудачи. Настойчивость среди превратностей судьбы составляла половину генія Петра Великаго: его дѣдъ, хотя и болѣе скромный, тоже не поддался неудачамъ, способнымъ обезкуражить самыхъ сильныхъ людей.

Впрочемъ ни онъ, ни Филаретъ, не были въ состояніи учесть истинную цѣну произведеннаго имъ новаго военнаго улучшенія. Новизна его заставила ихъ ошибиться на счетъ его значенія.

Сначала боясь помѣриться съ Польшею, они теперь стали страстно желать войны съ нею и, несмотря на цѣлый рядъ одновременныхъ дипломатическихъ неудачъ, шесть лѣтъ отъ 1626 до 1632 для нихъ были наполнены какимъ то лихорадочнымъ ожиданіемъ стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ для объявленія задуманной войны.

По какому то странному настроенію, обличающему какъ слабость мысли обоихъ правителей, такъ и силу ихъ иллюзій, событіе, доставившее имъ этотъ благопріятный случай, именно первоначально и наполнило ихъ душу страхомъ. Въ апрѣлѣ 1632 года умеръ Сигизмундъ и хотя Владиславъ и имѣлъ полную возможность неоспоримо наслѣдовать ему, но призракъ выборовъ, предписанныхъ конституціоннымъ уложеніемъ страны, неизбѣжное установленіе междуцарствія, ростъ сопровождающей его обыкновенно анархіи—все, казалось, обезпечивало успѣхъ неожиданному нападенію. Быстро былъ созванъ соборъ. Онъ тоже былъ убѣжденъ въ необходимости войны и новую армію призвали немедленно доказать свою пригодность.

Но и въ самомъ Московскомъ государствѣ было не мало непорядковъ. Призванные исполнять главное началь-

---

[1]) Милюковъ. „Государств. хозяйство", стр. 50 л., 64—65.

ство надъ арміей, князья Димитрій Черкасскій и Борисъ Лыковъ поступили такъ же, какъ это сдѣлали восемнадцать лѣтъ тому назадъ Хованскій и Хворостининъ. Въ Москвѣ потеряли ровно два мѣсяца, чтобы уладить ихъ ссору, но не достигнувъ ничего, стали искать имъ преемниковъ и остановили свой выборъ только въ августѣ на Михаилѣ Шеинѣ и на Артеміи Измайловѣ. Шеинъ уже прославился защитою Смоленска противъ поляковъ [1]) и былъ поэтому назначенъ занять снова это мѣсто. Въ войскѣ, находившемся подъ его начальствомъ, было 32970 человѣкъ и сто пятьдесятъ восемь пушекъ, 3667 человѣкъ германской или шотландской пѣхоты и 3330 человѣкъ московской пѣхоты, снаряженной по германскому образцу [2]). Къ нему должно было подойти значительное подкрѣпленіе изъ милиціи, сконцентрированной въ Можайскѣ и въ другихъ мѣстахъ.

V.

Смоленская катастрофа.

Кампанія началась блестяще. Захвативъ послѣдовательно Сѣрпейскъ, Дорогобужъ, Стародубъ и другія мѣста, Шеинъ и Измайловъ осадили въ декабрѣ Смоленскъ.

Однако польскій комендантъ не уступалъ по мужеству и по упорству своему московскому предшественнику и такъ долго выдерживалъ осаду, что Владиславъ успѣлъ за это время добиться избранія, употребить на быстрое вооруженіе сбереженія, оставленныя его отцомъ, вообще отличавшимся бережливостью, и явиться съ 23000 арміей на помощь осажденнымъ, продержавшимся уже восемь мѣсяцевъ.

Шеинъ былъ храбрымъ солдатомъ, но весьма посредственнымъ генераломъ. Когда польская армія стала маневрировать съ цѣлью выбить его изъ занятой имъ удобной позиціи, онъ не былъ въ состояніи противупоставить ей никакой оборонительной тактики. Въ первые дни сентября онъ допустилъ ее захватить высоты и господствовать надъ нимъ, а въ концѣ мѣсяца она взяла въ тылу московскаго войска Дорогобужъ, гдѣ у Шеина былъ обозъ. Черезъ еще нѣсколько дней Шеинъ былъ уже окруженъ и остался безъ

---

[1]) Смутное время, стр. 393 и сл.
[2]) I гіх, прив. мѣсто, стр. 584.

провіанта и фуража въ то время, какъ польская артиллерія обстрѣливала его лагерь мѣткимъ навѣснымъ огнемъ. Это былъ настоящій прообразъ будущихъ событій при Ульмѣ и Седанѣ.

Развязка впрочемъ наступила не быстро: восточная медлительность затягивала дѣло и съ той и съ другой стороны. Но въ то время какъ поляки, подражая эпическимъ военнымъ хитростямъ Иліады, употребляли переряженныхъ посланцевъ для сообщенія съ осажденными, Москвитянамъ стала давать себя знать плохая дисциплина ихъ чужеземныхъ наемниковъ. Шотландецъ Лесли убилъ передъ всемъ совѣтомъ офицеровъ изъ пистолета другого полковника, англичанина Сандерсона. Новая военная организація на опытѣ обнаруживала серьезные недостатки.

Въ половинѣ января 1634 г. Шеинъ вступилъ въ переговоры съ поляками и капитулировалъ 19 февраля на условіяхъ, предложенныхъ ему его противниками. Они были суровы и унизительны, но совершенно соотвѣтствовали обычаямъ эпохи, не представляя ровно ничего безчестнаго для страны, гдѣ существуетъ пословица: „стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ“ и гдѣ власти, подчиняя своихъ подданныхъ унизительному обращенію, совсѣмъ не развивали у нихъ особенной чуткости въ этомъ отношеніи. Побѣжденные оставили врагу весь свой боевой матеріалъ вмѣстѣ со знаменами и торжественно повергли его къ стопамъ побѣдителей.

Филаретъ уже не былъ свидѣтелемъ пораженія, хотя болѣзнь, обуревавшая его еще до смерти, случившейся 1 октября 1633 года, несомнѣнно находилась въ связи съ разочарованіемъ, въ которое его повергло крушеніе его смѣлыхъ плановъ. Напрасно Шеинъ ждалъ обѣщаннаго ему подкрѣпленія изъ Москвы, а Михаилъ выказалъ непомѣрную строгость къ старому генералу. Не считаясь съ его старыми заслугами, онъ приказалъ его схватить и осудить на смерть вмѣстѣ съ Измайловымъ, а его подчиненныхъ щедро угостить ударами кнута и подвергнуть изгнанію.

Эти репрессіи были совсѣмъ не справедливы уже потому, что какъ ни плачевна была катастрофа, она не имѣла тѣхъ послѣдствій, которыхъ боялись. Еще одинъ разъ Польша выказала то радикальное безсиліе, въ которое ее

повергло разложеніе ея политическаго организма, безсиліе, мѣшавшее ей собирать плоды побѣдъ, доставляемыхъ ей пережитками ея военныхъ доблестей. Побѣдители утомились раньше побѣжденныхъ и Владиславъ вмѣсто того, чтобы итти на Москву, принялся за переговоры.

Договоръ былъ заключенъ въ Поляновкѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ раньше былъ освобожденъ Филаретъ; 17 Мая 1634 года согласились на этотъ разъ на условіяхъ вѣчнаго мира и въ вознагражденіе за одну изъ самыхъ рѣшительныхъ удачъ, извѣстныхъ въ военныхъ аналахъ исторіи, Владиславъ удовольствовался лишь третьестепеннымъ мѣстечкомъ Трубчевскомъ, которое было прибавлено къ его прежнимъ пріобрѣтеніямъ.

Такъ какъ Турція обнаруживала въ это время агрессивныя стремленія, онъ почиталъ уже за счастье, что ему такимъ образомъ удастся направить на нее всѣ свои силы, а такъ какъ финансы его истощились, то ему было въ высшей степени пріятно получить 20,000 рублей изъ московской казны. Эта сумма не была упомянута въ трактатѣ и король, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, могъ употребить ихъ на свои личныя издержки. Эти условія содержали вмѣстѣ съ тѣмъ его отказъ отъ притязаній на московскій тронъ, послѣ цѣлаго ряда тщетныхъ просьбъ о томъ, чтобы Михаилъ самъ пересталъ приписывать себѣ титулъ „государя всея Россіи“. Пусть онъ ставитъ, „своей Россіи“, говорили совершенно справедливо Поляки, такъ какъ, присоединивъ къ Бѣлоруссіи также Красноруссію, и Малороссію, они наслѣдовали почти цѣликомъ вотчину Ярослава и Владиміра. Не добившись этого, они довольно безчестно отказались отъ вовращенія оригинала другого трактата, по которому въ 1610 году Жолкевскій добылъ Владиславу корону, носимую теперь Михаиломъ. Бумага эта пропала, увѣряли они. Такимъ образомъ ядро новыхъ близкихъ конфликтовъ продолжало быть на лицо.

Въ данную минуту въ Москвѣ склонялись однако къ тому, чтобы избѣгать всякихъ конфликтовъ въ области внѣшней политики, гдѣ она пользовалась такою ничтожною удачею. Въ этой странѣ уже хорошо освоились съ политикой сосредоточиванія своихъ силъ. Обострялись отношенія съ

Турціей, благодаря казакамъ и татарамъ, сторожевымъ псамъ, которыхъ трудно было держать на привязи.

Съ той и другой стороны сваливали отвѣтственность другъ на друга и одинаково плохо вѣрили одинъ другому. Къ этимъ иррегулярнымъ войскамъ относились какъ къ разбойникамъ, засыпая ихъ однако субсидіями и поощреніями. Донскіе „бандиты“ очень плохо понимали подобную дипломатію и въ іюнѣ 1637 года, когда для улаженія дѣла условились пригласить представителей обѣихъ странъ, они быстро положили конецъ переговорамъ, умертвивъ турецкаго посланника, Ѳому Кантакузена, и захвативъ Азовъ послѣ отчаянной рукопашной битвы.

Занятый въ это время войною въ Персіи, султанъ Мурадъ принялся тѣмъ не менѣе мстить за это оскорбленіе, науськавъ, въ свою очередь, крымскихъ „бандитовъ“, которые, начиная съ сентября этого года, предавали огню и мечу всю московскую Украйну. Въ маѣ 1641 года преемникъ султана, Ибрагимъ, явился подъ Азовомъ съ огромною арміей, но позорно отступилъ послѣ двадцати четырехъ штурмовъ, отбитыхъ горстью казаковъ, которымъ помогали ихъ жены. Тогда опять произошла таже комедія; геройскіе защитники получили изъ Москвы поздравленія и подарки, но какъ было упомянуто выше, несмотря на единогласное рѣшеніе Собора было постановлено въ Кремлѣ эвакуировать это мѣсто. Это и было исполнено.

На это рѣшеніе повліяли извѣстія изъ Польши. Онѣ заставляли опасаться, что, хотя діадема Рюрика и защищалась, не смотря на катастрофу въ Смоленскѣ, съ успѣхомъ противъ Владислава, все-же она сидитъ не особенно крѣпко на головѣ Романовыхъ.

VI.

Появленіе новыхъ претендентовъ.

Уже въ 1619 году Поляки упоминали съ задней мыслью о сынѣ Марины, спасенномъ отъ смерти. Посланный въ Варшаву въ 1643 году, подъ предлогомъ урегулированія границъ, князь Алексѣй Львовъ получилъ порученіе собрать объ этомъ свѣдѣнія и разоблачить субъекта, который, пробывъ долго у Днѣпровскихъ казаковъ подъ именемъ Димит-

рія, пробрался потомъ въ Польшу, выдавая себя за сына царя Василія Шуйскаго. Въ Москвѣ ходили слухи, что другая такая-же загадочная личность уже пятнадцать лѣтъ держится въ запасѣ Поляками въ качествѣ предполагаемаго претендента и живетъ въ іезуитскомъ монастырѣ въ Брестѣ.

Объясненія, данныя на этотъ счетъ Львову, были мало успокоительны. Предполагаемый сынъ Василія, говорили ему, втерся въ домъ государственнаго казначея, Яна Даниловича, велѣвшаго его послѣ опроса избить кнутомъ и выгнать, причемъ было неизвѣстно, что сталось съ этимъ авантюристомъ. Ученикъ-же брестскихъ іезуитовъ былъ простымъ крестьяниномъ, котораго ради простой шутки прозвали царевичемъ и онъ совсѣмъ и не думалъ воспользоваться этимъ титуломъ. Продолжая настаивать, посланецъ получилъ свѣдѣнія, что этого крестьянина нѣкоторое время величали сыномъ Марины. Затѣмъ онъ узналъ еще болѣе, обратившись къ первому воспитателю мнимаго царевича, игумену монастыря въ Пинскѣ, Афанасію Филипповичу, будущему ревнителю православія, пріявшему потомъ за него вѣнецъ мученичества. Воспитанника, отнятяго у него іезуитами, по его словамъ, звали Яномъ Лубою. Его отецъ, подляхскій дворянинъ, умеръ въ Москвѣ, во время польской оккупаціи и, приведенный въ Польшу, былъ принятъ литовскимъ канцлеромъ, Львомъ Сапѣгою. Мальчикъ былъ очень красивъ и въ самомъ дѣлѣ предназначенъ играть роль претендента.

Дѣло становилось серьезнымъ и Львовъ сталъ энергически настаивать, чтобы мнимый царевичъ или былъ выданъ ему или немедленно казненъ въ Польшѣ. Послѣ цѣлаго года утомительныхъ переговоровъ онъ долженъ былъ удовлетвориться выходомъ, призваннымъ дать поводъ къ новымъ осложненіямъ: Лубу прикомандировали къ польскому посольству, которое должно было ѣхать въ Москву, и Львовъ былъ убѣжденъ, что самозванцу уже оттуда не удастся вырваться.

Онъ не принялъ въ расчетъ энергіи посланника Гавріила Стемпковскаго, который, ссылаясь на очевидную невинность своего протеже, человѣка ограниченнаго и совсѣмъ несклоннаго къ приключеніямъ, былъ готовъ защищать его въ случаѣ необходимости, даже съ оружіемъ въ рукахъ. Михаилъ и его совѣтники совсѣмъ не думали доводить дѣло до подобной крайности, такъ какъ ихъ втянули въ новую и

очень непріятную распрю, а вмѣшательство Польши только увеличило-бы смуту. Они снова необдуманно увлеклись химерой семейныхъ связей на западѣ, которая, начиная съ Бориса Годунова [1]) являлась источникомъ столькихъ непріятностей. Даже память о нихъ вызывала непріятныя чувства. Принужденный самъ удовольствоваться для себя болѣе скромными связями, сынъ Филарета задумалъ найти болѣе блестящую партію для своей старшей дочери, Ирины, и снова обратилъ свое вниманіе на Данію.

VII.

Обрученіе царевны.

Въ 1641 году Михаилъ принималъ датское посольство, во главѣ котораго стоялъ сынъ короля Христіана IV. То былъ принцъ лишь полуцарственнаго происхожденія, происшедшій отъ морганатическаго брака этого государя съ графинею Монкъ. Тѣмъ не менѣе къ нему въ Москвѣ отнеслись, какъ къ сыну королевской крови, рѣшивъ, что онъ подходящая партія для Ирины. Принцъ Вальдемаръ даже и не мечталъ жениться въ московскомъ государствѣ. Онъ преслѣдовалъ лишь интересы коммерческаго характера, но его исканія въ этомъ отношеніи были отклонены въ виду неудачи, испытанной недавно при аналогичной сдѣлкѣ. Настоятельная нужда въ финансахъ заставила Михаила заключить договоръ съ одной гольштинской компаніей, которая, за ежегодный взносъ 600,000 экю, получила ту привилегію торговли съ Персіей, которой такъ тщетно добивалось столько другихъ соискателей. Но она обанкрутилась и прекратила платежи. Вальдемаръ воротился домой ни съ чѣмъ, но слѣдомъ за нимъ были посланы самые искусные дипломаты, которыхъ только можно было найти въ Кремлѣ, чтобы добиться согласія Христіана на бракъ принца съ царевной.

Въ виду рисовавшейся блестящей перспективы, король могъ считать себя только польщеннымъ подобнымъ ходатайствомъ, но условія предлагаемаго брачнаго союза показались ему непріемлемыми. Вальдемару предлагали перемѣнить вѣру и

---

[1]) См. Смутное время.

по тому пріему, который имъ былъ сдѣланъ, посланники могли понять, какъ глубоко они оскорбили чувства этого принца, преданнаго протестантизму. У пословъ былъ приказъ отказать ему показать „личность“, т. е. портретъ Ирины. Извѣстно, что въ московскомъ государствѣ этой эпохи, какъ и теперь еще водится на востокѣ, супругъ можетъ видѣть супругу въ первый разъ, только переступивъ порогъ брачной спальни. Московиты этой эпохи вообще не соглашались позволять рисовать или раскрашивать свои изображенія изъ опасенія колдовства. Однако въ данномъ случаѣ никто и не поинтересовался „личностью“ царевны.

Михаилъ заупрямился и при посредствѣ маклера, жившаго нѣсколько лѣтъ въ московскомъ государствѣ въ качествѣ коммерческаго агента Даніи, Петра Марселиса, пошелъ на уступки: Вальдемару обѣщали въ приданое Суздальское и Ярославское княжества и свободу въ дѣлѣ религіи. Христіянъ, желая устроить сына, польстился на приманку, но на этотъ разъ заупрямился уже самъ молодой принцъ. Все, видѣнное имъ въ Москвѣ, совсѣмъ не прельщало его вернуться туда, а тѣмъ болѣе устроить себѣ въ этой странѣ постоянное мѣстопребываніе. Марселисъ убѣждалъ его изо всѣхъ силъ, говоря, что все обойдется благополучно. Онъ, молъ, отвѣчаетъ своею головою.

— На что мнѣ твоя голова? — возразилъ ему Вальдемаръ.

Однако онъ долженъ былъ уступить отцовской волѣ и, получивъ самыя формальныя увѣренія въ уваженіи къ его вѣрѣ, также, какъ и обѣщаніе соорудить храмъ, въ которомъ онъ могъ бы свободно исполнять предписанія протестантизма, онъ въ декабрѣ 1643 года явился на границѣ своего новаго отечества со свитою въ триста человѣкъ. Онъ могъ лишь похвалиться оказаннымъ ему пріемомъ: только на одной станціи любители экзотической роскоши похитили украшенія съ его кареты. Не успѣлъ онъ водвориться въ Кремлѣ, какъ патріархъ Іосифъ (преемникъ Филарета послѣ Іоасафа) поднесъ ему еще болѣе непріятный сюрпризъ, просто-на-просто пригласивъ его приготовиться войти въ лоно „истинной церкви“. Вальдемаръ указалъ на условія, заключенныя въ Копенгагенѣ. Пришлось вмѣшаться Михаилу. Правда, уговоръ гласилъ, что принцъ сохранитъ на этотъ

счетъ полную свободу дѣйствій, но отецъ послѣдняго уже успѣлъ написать, чтобы сынъ его подчинился волѣ будущаго тестя. А воля послѣдняго и заключалась въ томъ, чтобы женихъ Ирины перешелъ въ православіе.

Вальдемаръ тѣмъ менѣе былъ склоненъ послѣдовать такому аргументу, что ему былъ на руку всякій предлогъ порвать ненавистный для него союзъ. Тщетно ему расхваливали прелести царевны. Онъ могъ убѣдиться въ этомъ только, ставъ ея мужемъ, и долженъ былъ вѣрить на слово, что невѣста отмѣнно прекрасна и по своему образованію совсѣмъ не походитъ на другихъ русскихъ дѣвушекъ. Никогда она не упивается до пьяна. Скромная и разумная во всемъ, всю жизнь она ни разу не была пьяна!

Несмотря на всѣ эти лестныя перспективы, мятежный женихъ боролся пять мѣсяцевъ, желая добиться отставки. Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, онъ въ маѣ пытался бѣжать, пробивая себѣ дорогу со шпагой въ рукѣ, но былъ только избитъ, убивъ одного стрѣльца. Христіанъ IV снарядилъ послѣ этого два послѣдовательныхъ посольства, чтобы или добиться совершенія брака соотвѣтственно уговору или возвращенія принца, но и они не имѣли лучшаго успѣха. Въ дѣло вмѣшалась и Польша, боясь распри съ Даніей, сблизившей бы Москву со Швеціей, тщетно также и Вальдемаръ пошелъ на уступки. Онъ согласился на то, чтобы его дѣти сдѣлались православными и обѣщалъ соблюдать православные посты настолько, „насколько ему позволитъ его здоровье“. Михаилъ не хотѣлъ ничего слушать и до самой смерти такъ и не уладилъ этого дѣла.

12 іюля 1645 года Михаилъ скончался отъ разрыва сердца. Единственному, оставленному имъ сыну, Алексѣю, было шестнадцать лѣтъ.

Царствованіе перваго Романова нельзя причислить къ блестящимъ эпохамъ исторіи русской націи, и его личность не фигурируетъ въ ней съ особеннымъ блескомъ. Тѣмъ не менѣе это царствованіе, благодаря главнымъ образомъ Филарету, оберегавшему страну отъ непоправимыхъ катастрофъ и ведшему ее по пути лучшаго будущаго, знаменуетъ собою періодъ возрожденія, значеніе котораго не оцѣнено достаточно и до сихъ поръ. Оно было во всѣхъ отношеніяхъ эпохою реставраціи.

VII.

Реставрація.

Такое опредѣленіе не преувеличено. Правленіе Михаила или скорѣе Филарета, такъ какъ и послѣ смерти отца сынъ лишь шелъ по его стопамъ, обозначаетъ прежде всего рѣшительный возвратъ къ традиціи въ вопросѣ о верховной власти. Впрочемъ, аристократія уже была не въ состояніи раздѣлять съ царемъ власть по старой офиціальной формулѣ, уже достаточно поколебленной Грознымъ. Послѣ опричнины [1]), смутное время довело боярство до полнаго упадка. Среди фамилій, которыя могли еще предъявлять свои права на соучастіе въ правленіи, Романовы не имѣли соперниковъ, Годуновы находились въ ссылкѣ, Шуйскіе и Мстиславскіе исчезли путемъ истребленія, самые энергичные среди Голицыныхъ только что погибли. Кромѣ того событія конца шестнадцатаго и начала семнадцатаго вѣка только ускорили эволюцію, которую можно было предвидѣть въ этой сферѣ съ самыхъ древнихъ временъ. А въ серединѣ пятнадцатаго вѣка она уже ясно вырисовывалась въ нѣдрахъ образующагося московскаго государства. Рядомъ съ первыми „собирателями земли русской“, ихъ нѣкогда свободные сотоварищи, князья и бояре, не имѣли уже средствъ для возстановленія правъ, постепенно утраченныхъ вмѣстѣ съ ихъ самостоятельностью и состояніемъ. Послѣднее уменьшалось благодаря раздробленію наслѣдій, а первую они не могли стойко защитить. Ихъ вотчины, постоянно становились все меньше, вассальные кліенты, когда-то составлявшіе ихъ силу, оставляли обѣднѣвшихъ сеньоровъ. За отсутствіемъ майоратовъ великій князь московскій сталъ скоро одинъ владѣть значительнымъ количествомъ земель и, распредѣляя ихъ между своими слугами (служилыми) въ видѣ пожизненныхъ владѣній, чего-то вродѣ удѣловъ (помѣстій), одинъ онъ располагалъ средствами заставить признать свой авторитетъ, стараясь естественно, чтобы у него не было никакого соперника.

Для этихъ служилыхъ людей вопросъ о помѣстьи, забота добыть и сохранить за собою благоволеніе ихъ распре-

---

[1]) См. Валишевскій: Иванъ Грозный.

дѣлителя, царили надо всякимъ другимъ интересомъ. Въ самый разгаръ недавняго кризиса, обѣднѣвшіе князья и бояре старались поправить свое положеніе, навязавъ хартію Шуйскому. Но, запершись въ Москвѣ благодаря возстанію низа, лишенные власти поляками и, наконецъ, окончательно побитые казаками, они уже были не въ состояніи бороться. Честь изгнанія поляковъ и подавленія народнаго бунта выпала на долю хозяевъ помѣстій и жителей городовъ.

Выдвинутые такимъ образомъ впередъ, оба эти класса могли бы въ свою очередь противупоставить всемогуществу государя страшный противовѣсъ. Но не говоря уже о томъ, что кризисъ, разоряя ихъ, обезсилилъ ихъ временно, они были разъединены, даже враждовали другъ съ другомъ. Городскому населенію приходилось всегда жаловаться на воеводъ и старостъ, тѣснившихъ ихъ и ужасно эксплоатировавшихъ. Они могли находить защиту отъ нихъ лишь у царя, а эти угнетатели выходили какъ разъ изъ служилыхъ людей.

Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, молодая династія Романовыхъ несмотря на свое происхожденіе и шаткое видимое положеніе, могла не только поддержать, возстановивъ вполнѣ, незыблемость самодержавнаго принципа, но еще и усилить его. Не будучи въ состояніи противостоять противъ растущаго превосходства Романовыхъ, старая аристократія могла лишь утѣшаться ревнивымъ и угрюмымъ обереганіемъ единственной оставшейся ей привилегіи, брошенной ей какъ кость голодной собакѣ—а именно, считаться другъ съ другомъ изъ-за старшинства и первенства. Поэтому, какъ разъ наканунѣ своей отмѣны, мѣстничество [1]) достигло необыкновеннаго развитія.

Мы уже видѣли, какъ во время конфликта съ Польшею, претензіи на право главноначальствующаго въ двухъ случаяхъ повредили военнымъ дѣйствіямъ. Въ присутствіи государя, вышедшаго изъ второстепенной фамиліи, они были причиною постоянно дерзкихъ, но и постоянно безплодныхъ споровъ. И такой характеръ и остался за ними.

Такъ однажды на придворномъ обѣдѣ одинъ изъ Романовыхъ, дядя правящаго царя, уступилъ первое мѣсто Мстиславскому, а второе мѣсто у него уже оспаривалъ Лыковъ.

---

[1]) Валишевскій: Иванъ Грозный.

На другое утро, когда государь принималъ одного иностраннаго посланника, рынды, обязанные стоять съ топорами у трона, отсутствовали изъ-за подобнаго же спора, и метръ д'отель скорѣе бы согласился дать отрубить себѣ руку, чѣмъ фигурировать въ процессіи вмѣстѣ съ камеръ-лакеемъ, котораго онъ считалъ недостойнымъ подобнаго ранга [1]).

Чтобы прекратить такія выходки, даже кроткій Михаилъ не колебался самъ прибѣгать къ кнуту, но, соблюдая фамильные интересы, бояре охотно предпочитали смерть оскорбленію подобнаго рада, въ силу царящихъ принциповъ распространявшагося на все ихъ родство.

Привыкшіе къ ударамъ кнута, они боялись гораздо болѣе другого наказанія, считавшагося самымъ строгимъ изъ числа употребляемыхъ обыкновенно государемъ. Виноватый въ нарушеніи правила мѣстничества выдавался сопернику „съ головою". Та была совершенно дѣтская церемонія: обидчикъ долженъ былъ въ сопровожденіи провожатаго отправиться къ обиженному. Приведенный къ нему, онъ отвѣшивалъ глубокій поклонъ, и уѣзжалъ не имѣя права сойти съ коня или сѣсть въ колымагу во дворѣ посѣщаемаго имъ дома, при чемъ вся эта процедура сопровождалась самою грубою бранью.

На дѣлѣ государи поощряли эти наглыя выходки. Въ нихъ ихъ естественные противники употребляли въ дѣло все то, что имъ оставалось отъ прежней силы и престижа. Тяжелое положеніе Михаила заключалось въ другомъ. Аристократія разлагалась, да и въ цѣлой странѣ было положительно нечѣмъ жить. Споря о мѣстахъ, князья и бояре дѣлали упущенія въ командованіи арміями и въ начальствѣ надъ крѣпостями, порученными имъ, а случалось и такъ, что не надъ кѣмъ имъ было командовать. Въ области Новгорода въ 1626 году было еще 2,752 человѣка способныхъ носить оружіе, но въ Ладогѣ ихъ оставалось едва 289, въ Порховѣ всего только 75 и 70 въ Старой Русѣ.

Не было ни солдатъ, ни денегъ. Для производства набора и сбора податей наложенныхъ Соборомъ, были посланы во всѣ стороны бояре съ писцами и контролерами или дозорщиками. Они были уполномочены переписать под-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. IX, стр. 363, 364, 371. Зарнинъ въ „Архивѣ историческихъ и юридическихъ наукъ", т. III, 1 часть, стр. 21.

данныхъ годныхъ для службы и разслѣдовать положеніе плательщиковъ податей, упорядочивая распредѣленіе помѣстій и установляя правильную раскладку налоговъ. Увы! всеобщій безпорядокъ, подкупность, приставленныхъ къ этому дѣлу чиновниковъ и истощеніе страны обратили въ ничто эти попытки, сдѣлали недѣйствительными разсчеты и самыя суровыя репрессивныя мѣры. Такъ одинъ сборщикъ, посланный въ Бѣлозерскую область, оправдывался слѣдующимъ образомъ: побивая кнутомъ чуть не до смерти упорныхъ должниковъ, онъ нѣкоторое время держалъ ихъ на чеку, но уже ничего не могъ подѣлать, когда появились поляки, даже кнутъ не давалъ уже ровно никакихъ результатовъ [1]).

Почти въ такомъ же положеніи находилась Франція послѣ религіозныхъ войнъ.

До пріѣзда Филарета правительство Михаила было безсильно бороться съ такими трудностями. Но въ этотъ моментъ, къ счастью, почувствовался импульсъ, болѣе энергичный и болѣе искусный, въ области внутренней политики.

VIII.

Административная реорганизація.

Уже въ іюнѣ 1619 года Соборъ долженъ былъ принять рядъ важныхъ рѣшеній: установленіе новаго инвентаря земель, обремененныхъ налогами, чтобы собрать болѣе или менѣе оправдываемые опустошеніями войны недоимки; мѣры для возвращенія бѣжавшихъ плательщиковъ (тяглыхъ), преслѣдованіе за злоупотребленія властью, совершенныя „служилыми людьми“ въ качествѣ чиновниковъ всякаго рода. Созданіе спеціальнаго департамента прошеній (букв. жалобъ противъ сильныхъ людей, „приказа, что на сильныхъ людей челомъ бьютъ“)—кажется явилось результатомъ этой иниціативы.

Въ то же самое время сознали необходимость установить правильную государственную роспись доходовъ и расходовъ, и Москва такимъ образомъ получила свой первый бюджетъ.

По поводу-же злоупотребленій чиновниковъ было прика-

---

[1]) Соловьевъ, прив. мѣсто, т. IX, стр. 391.

зано сдѣлать розыскъ въ связи съ одновременно выплывшей задачей фундаментальной реорганизаціи всей провинціальной администраціи. Слабость контроля свыше и отсутствіе внизу сильныхъ мѣстныхъ коллективовъ отдавали беззащитныхъ, ими управляемыхъ, людей полному произволу представителей центральной власти, изощрявшихся въ невѣроятныхъ выходкахъ насилія. Какъ впрочемъ и во Франціи, да и въ другихъ странахъ Европы, несмотря на уже ярко выраженную централизацію, административная организація не отвѣчала никакому однообразному типу. Чтобы уменьшить злоупотребленія, Иванъ IV далъ полномочіе инымъ обществамъ самимъ избирать себѣ правителей [1]).

Но этотъ зародышъ самоуправленія не имѣлъ общаго примѣненія. Въ силу ли своей безпечности, или по недовѣрію, общины мѣстами сами уклонялись отъ этой своей пользы и, отдавъ среди кризиса главенство военной диктатурѣ воеводъ, избранныя власти почти отсутствовали, особенно пострадала ихъ уголовная юрисдикція, выполняемая губными старостами.

Отсюда усилились безпорядки и лихоимство, особенно въ отдаленныхъ мѣстахъ. Такъ, въ Мангазеи въ Сибири, двое воеводъ, Андрей Палицынъ и Григорій Кокоревъ, запятнали себя цѣлымъ рядомъ гнусностей, при чемъ одинъ изъ нихъ отличался тѣмъ, что прикарманивалъ подати, собираемыя подъ аккомпаниментъ палочныхъ ударовъ, а другой заставлялъ своихъ подчиненныхъ пьянствовать ежедневно въ его собственномъ кабакѣ. Въ 1621 году былъ посланъ общинамъ циркуляръ, запрещавшій вымогать могарычи и неправильную барщину, но результатъ можно было заранѣе предвидѣть, и въ 1627 году поворотъ въ сторону политики „Грознаго“ усилилъ власть губныхъ старостъ, такъ что въ ихъ рукахъ теперь сосредоточилось постепенно все мѣстное управленіе.

Къ несчастію помощь со стороны заинтересованнаго населенія отсутствовала еще. Нѣкоторые области и города, какъ и раньше, мѣшкали приступить къ подобной организаціи, другіе гнушались ея, утверждая, какъ это было съ Дмитровомъ и Кашиномъ въ 1644 году, что администрація

---

[1]) См. „Иванъ Грозный“.

воеводъ лучше. На дѣлѣ, собственно говоря, свободный выборъ властей былъ почти фиктивнымъ въ большинствѣ случаевъ, отчасти потому, что центральная власть вмѣшивалась и нарушала принципъ этого института, отчасти потому, что сами избиратели были неспособны имъ воспользоваться. Такое явленіе имѣло мѣсто и въ болѣе близкую отъ насъ эпоху и въ концѣ-концовъ воеводы одержали побѣду. Во всѣхъ странахъ, гдѣ пустилъ корни деспотизмъ, онъ достигаетъ наибольшей силы и прочности существованія, отнимая у подчиненныхъ вкусъ къ свободнымъ нравамъ, какъ и необходимое умѣніе воспользоваться послѣдними.

Центральная администрація не могла похвастаться послѣдовательностью въ этомъ отношеніи. Ей самой было необходимо реорганизоваться и хотя Михаилъ и Филаретъ, во многихъ отношеніяхъ, столкнулись съ совершенно новымъ положеніемъ дѣлъ, они тѣмъ не менѣе не замышляли сыграть въ этой сферѣ роль новаторовъ. Обычною ихъ заботою являлось привести все въ порядокъ, и имъ казалось наиболѣе отвѣчающимъ этой цѣли приложеніе старыхъ формулъ даже тамъ, гдѣ они видѣли развитіе въ политической, экономической и соціальной жизни страны. Они совсѣмъ не коснулись Приказовъ, удовольствовавшись лишь умноженіемъ числа этихъ учрежденій путемъ ихъ расчлененія и спеціализаціи ихъ въ каждомъ отдѣльномъ департаментѣ той или другой группы дѣлъ. Эта мѣра увеличила кадръ чиновниковъ, уже установленный ранѣе.

Такимъ образомъ, впрочемъ, и въ наши дни еще, въ другихъ странахъ, зарождаются новыя министерства.

Но какова бы ни была административная организація Московскаго государства, мѣстная или центральная, она, сохраняя какъ организація фискальная классовый характеръ, породила и другія затрудненія. Классы чувствовали на себѣ общее разстройство. Съ этой стороны задача разрѣшенія кризиса сводилась къ двумъ различнымъ цѣлямъ; къ правильному распредѣленію территоріальныхъ назначеній между „служилыми людьми“ и къ установленію правильныхъ отношеній между этими владѣльцами земли и работниками на этой землѣ—крестьянами. Большое число служилыхъ не имѣло съ момента кризиса никакого надѣла; большое число надѣльныхъ земель было обращено въ пустыню, что для

ихъ владѣльцевъ было равносильно ихъ отсутствію; наконецъ большое число казенныхъ земель и другихъ, подчиненныхъ цензу, „черныхъ земель“, произвольно были обращены въ свободное владѣніе.

Вотъ на этотъ то послѣдній пунктъ, особенно, конечно, чувствительный съ точки зрѣнія интересовъ государства, и были главнымъ образомъ обращены усилія Филарета. Извѣстно, какъ въ Швеціи, почти въ ту же эпоху и при почти тождественныхъ обстоятельствахъ, „редукція“, внезапно произведенная Карломъ XI, привела въ борьбѣ, разгорѣвшейся по этому поводу между государемъ и дворянствомъ, къ временно полному тріумфу абсолютизма. Не принявъ такой насильственной формы, труды московской ревизіи, произведенной отъ 1629 по 1636 г. и кончившейся изданіемъ постепенно принятыхъ мѣръ (Помѣстное Уложеніе), однако имѣли аналогичную цѣль.

IX.

Соціальная и экономическая эволюція.

Результаты получились не совсѣмъ удовлетворительные. Еще въ 1633 году дворяне московской области заявили, что не въ состояніи „служить“ противъ поляковъ,—одни, потому что не имѣли земель, другіе, хотя и владѣли землями, но не находили въ достаточномъ количествѣ крестьянъ для ихъ обработки. Но каково должно было быть ихъ достаточное количество? На этотъ счетъ получалась огромная разница благодаря противорѣчивымъ оцѣнкамъ. Пятнадцать на долю средняго размѣра, объявлялъ Соборъ въ 1633 году; пятьдесятъ! возражали имъ заинтересованныя лица на собраніи въ 1664 г. Въ ожиданіи, когда споръ будетъ оконченъ, былъ изданъ законъ 1642 года, по которому возобновился кодексъ 1550 года, направленный противъ служилыхъ людей, которые, желая освободиться отъ своихъ обязательствъ, добровольно обращали себя въ крѣпостныхъ!

Обусловливая существеннѣйшимъ образомъ его экономическое положеніе, вопросъ о рабочихъ рукахъ имѣлъ для этого класса огромную важность, но въ этомъ было заинтересовано не менѣе того и государство, такъ какъ оно не могло быть обслужено, если его слугамъ нечего было ѣсть.

Безжалостный законъ о рабствѣ, крѣпостное право, былъ результатомъ этой дилеммы [1])

Нѣкоторые крестьяне, кажется, съ этой поры потеряли право добровольно покидать земли, на которыхъ они были водворены, сдѣлавшись такимъ образомъ glebae adscripti, рабами на дѣлѣ, если не по названію. Другіе продолжали продавать свой трудъ собственникамъ по собственному выбору, хотя невозможно опредѣлить съ юридической стороны, основанія этого различія. Какъ и въ предыдущемъ вѣкѣ [2]), этотъ фактъ создался цѣлымъ рядомъ сложныхъ причинъ, среди которыхъ — главное мѣсто занимали денежныя отношенія дѣйствующихъ сторонъ. До Бориса Годунова крестьянинъ, оставившій землю, обработанную имъ для другого, уже могъ быть приведенъ къ нему силою, если до того, какъ уѣхать, онъ не позаботился уплатить авансы или другіе долги собственнику. Во время же смуты, благодаря нищетѣ, произведенной ею, эти случаи стали умножаться и въ то же время участились захваты крестьянъ одного собственника другимъ. Часто, желая укрыться отъ отвѣтственности, земледѣльцы, побуждаемые жаждой перемѣны мѣстъ, давали себя похищать. Совершенно естественно, что обиженные собственники имѣли право требовать назадъ то, что они считали своимъ имуществомъ, и вначалѣ неограниченное, потомъ урѣзанное въ 1597 г., снова расширенное въ 1615 г. и въ 1637 г. къ выгодѣ извѣстныхъ категорій заинтересованныхъ лицъ, это право, такимъ образомъ признанное закономъ, было обобщено въ 1641 г., но ограничено періодомъ въ пятнадцать лѣтъ.

Было-ли это то крѣпостное право, какое мы знаемъ? Безусловно нѣтъ, какъ и то, что Борисъ не закрѣпилъ его путемъ изданнаго имъ указа 1597 г., который, хотя и служилъ объектомъ особенной ненависти, но преслѣдовалъ совершенно иныя цѣли. Остались крестьяне, свободно располагавшіе своимъ трудомъ по истеченіи срока временно ими заключеннаго контракта или за отсутствіемъ контракта, вписаннаго въ Писцовыя Книги. Но постепенно собственники

---

1) Платоновъ. Лекціи, стр. 276, Лаппо-Данилевскій, Организація прямыхъ налоговъ, стр. 135 и слѣд.

2) См. Валишевскій: „Смутное время“.

взяли себѣ привычку отказываться подписывать контракты, если они не были заключены на вѣчныя времена, и въ виду общей нужды эта привычка обратилась въ правило.

Оброчные крестьяне „черныхъ земель“ временно избавились отъ этой западни, но вскорѣ громадное количество всевозможныхъ податей разрѣдило этотъ элементъ, и круговая отвѣтственность общинъ, та круговая порука, которая еще въ наше время возбуждаетъ столь справедливыя нареканія, привело къ тому, что вызвала среди нихъ общее движеніе подъ знакомъ „спасайся, кто можетъ“. Но куда можно было спастись? Удавалось лишь убѣжать къ сосѣднему собственнику, всегда готовому поймать перебѣжчиковъ въ петлю рабства по контракту.

Въ то же время увеличивались случаи уступки и продажи безземельныхъ крестьянъ. Законъ не легализировалъ эти акты, но онъ разрѣшалъ собственнику земли, на которой крестьянинъ былъ убитъ другимъ владѣльцемъ, требовать возмѣщенія натурою, голову за голову, и можно себѣ представить какимъ произвольнымъ толкованіямъ подвергался этотъ узаконенный компромиссъ, сначала въ обычаяхъ, потомъ въ законодательствѣ страны, гдѣ, смѣшиваясь съ интересами государства, выгода охотниковъ за рабочими руками требовала большихъ уступокъ.

Эти факты, вмѣстѣ съ ихъ послѣдствіями, не свойственны исключительно московскому государству, исторія этой страны отъ шестнадцатаго до семнадцатаго столѣтія воспроизводитъ по большей части тѣ экономическія и соціальныя явленія, которыя дали на западѣ, послѣ вторженія варваровъ, аналогичныя послѣдствія. Въ этомъ отношеніи средніе вѣка просто лишь чрезвычайно долго продолжались въ имперіи царей. И эта особенность представляетъ изъ себя не единственное явленіе, возбуждающее удивленіе историка.

Наряду съ такимъ положеніемъ крестьянъ, толкавшимъ послѣднихъ къ тяжелому будущему, въ силу государственной необходимости, въ нашемъ современномъ мірѣ замѣняющей древній фатумъ,—выросла также потребность обратить вниманіе реставрирующаго правительства на условія жизни городского населенія. Юридически, въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, сельчане и посадскіе кажутся смѣшанными до такой степени, что ихъ было почти невозможно отличить

однихъ отъ другихъ: движеніе и тѣхъ и другихъ изъ города въ деревню и обратно, отъ торговли и промышленности къ полевымъ работамъ или въ другомъ направленіи, было свободно,—и одно только распредѣленіе налоговъ устанавливало между ними чувствительное различіе. Крестьянинъ платилъ за обрабатываемую имъ землю, а горожанинъ—за домъ или за занимаемый имъ дворъ. Но во многихъ городахъ въ эту эпоху не было посадскихъ. Въ Алексинѣ, напр., въ 1650 г. воевода могъ указать лишь одного жителя такого рода, да и тотъ уже умеръ.

Еще ужаснѣе, чѣмъ деревни, города ощутили на себѣ вліяніе смутнаго времени и, прибавляя къ создавшемуся положенію нищеты и ужаса свое разрушающее дѣйствіе, послѣднія усилія умирающей фискальной системы, умножающіяся злоупотребленія жадной и продажной администраціи, умноженіе монополій и привилегій, довели городское населеніе, даже въ самой Москвѣ, до 33%.

Продолжая еще нѣсколько колебаться и испытывая нѣкоторое раскаяніе, Михаилъ и Филаретъ должны были все же остаться вѣрными политикѣ палліативовъ, которые въ обмѣнъ на очень проблематичныя, какъ это указываетъ контрактъ, заключенный съ Гольштинской компаніей, выгоды,—отдавали страну на эксплоатацію иностранцамъ и тѣмъ ставили препятствіе ея свободному развитію. Въ принципѣ обращеніе къ этимъ экзотическимъ пособникамъ имѣло свое оправданіе: они единственные въ то время были способны оцѣнить или даже открыть источники, которые были недоступны туземцамъ или даже не подозрѣвались ими. Но въ самомъ управленіи протежируемыхъ такимъ образомъ предпріятій господствовали ничѣмъ неоправдываемые порядки. Одна оружейная фабрика, существовавшая въ Тулѣ съ шестнадцатаго вѣка, уполномочила въ 1632 г. голландца Винніуса, ставшаго позже компаньономъ Марселиса, устроить тамъ отливку пушекъ и ядеръ. Оба эти иностранца тотчасъ же выписали изъ-за границы огромное количество литейщиковъ. Въ 1630 г. другой иностранецъ, Фирмбрандъ, фабрикантъ бархата, былъ уполномоченъ набрать на западѣ годныхъ для этого рабочихъ. Въ 1631 году дали субсидію англичанину Франку Гловеру на устройство фабрики бриллiантовыхъ и золотыхъ вещей, гдѣ участвовалъ, случайно, одинъ только русскій, Иванъ Мартыновъ.

Такимъ образомъ покровительствомъ пользовались военныя мастерскія и мастерскія по приготовленію предметовъ роскоши, а послѣ смерти Филарета, соблюдавшаго на этотъ счетъ нѣкоторую предусмотрительность, широко и нерасчетливо открылись двери вторженію западничества, больше эксплоататорскаго, чѣмъ на самомъ дѣлѣ продуктивнаго или полезнаго. Михаилъ окружаетъ себя врачами, аптекарями, окулистами, алхимиками, фабрикантами музыкальныхъ инструментовъ чуть не всѣхъ странъ. Одному голландскому мастеру, Мельхарту, онъ заплатилъ 2.676 рублей за музыкальный инструментъ, „заставляющій пѣть птицъ". И, хотя шведъ Кристлеръ принялся строить каменный мостъ черезъ Москву рѣку, а его соотечественникъ Коэтъ заслужилъ одобреніе устройствомъ стекляннаго завода, какъ и Фирмбрандъ, устроившій дубильню шкуръ, хотя даже русскій Христофоръ Головьевъ занимался съ нѣкоторымъ успѣхомъ работами по гидравликѣ— все же оффиціальное предпочтеніе отдавалось рабочимъ по металлу и искателямъ драгоцѣнныхъ минераловъ. Тщетно англичанинъ Картрайтъ дѣлалъ изысканія въ окрестностяхъ Москвы; въ 1642 году германскіе изыскатели также потерпѣли фіаско въ окрестностяхъ Твери, и хотя участіе въ этомъ принялъ русскій, Борисъ Рѣпинъ, но ничего не было сдѣлано для того, чтобы эти экзотическія предпріятія имѣли значеніе.

Города оставались почти чужды развивавшемуся такимъ образомъ промышленному или торговому движенію, и правительство, не пытаясь ихъ пріобщить къ нему, совсѣмъ не заботилось о томъ, чтобы дать прочное существованіе неустановившимся элементамъ, составлявшимъ ихъ населеніе. Когда въ Москвѣ основалась довольно многочисленная иностранная колонія и стала процвѣтать, ея промышленная и коммерческая монополія подвергалась лишь самой слабой конкурренціи со стороны свободныхъ деревень (слободъ), очень увеличившихся въ числѣ, благодаря ничѣмъ неоправдываемымъ привилегіямъ, на землѣ монастырей.

Эти послѣдніе были вторымъ убѣжищемъ, которымъ отдавали даже предпочтеніе ушедшіе изъ податныхъ обществъ; часто и сами склонныя къ подобнымъ занятіямъ, послѣднія очень страдали отъ этихъ побѣговъ. Произошло то, что деревни, свободныя отъ податей, „бѣлыя", какъ

ихъ тогда называли, прямо способствовали уничтоженію податныхъ или „черныхъ“ деревень и городовъ, подпавшихъ подъ цензъ. Купивъ себѣ дворъ „черной“ деревни и, поселившись тамъ, обитатель „бѣлой“ деревни вносилъ въ это новое мѣстопребываніе свой личный статутъ и „обѣлялъ“ пріобрѣтенное имъ жилище. Съ него тогда снималась та часть налога, которой онъ подлежалъ, и переносилась на основаніи круговой поруки на другіе дворы общества.

А вотъ еще черта, ярко рисующая печальное положеніе общества, вынужденнаго прибѣгать къ такимъ мѣрамъ.

Читатели, слѣдившіе за авторомъ изслѣдованія, уже знакомы съ тѣлеснымъ наказаніемъ, носившимъ названіе правежа и практиковавшимся въ этой странѣ по отношенію къ должникамъ: такъ назывались удары палками по голенямъ, производимые по нѣскольку часовъ въ день и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль передъ зданіемъ суда. И вотъ неоднократно бывали случаи, когда даже состоятельные должники предпочитали скорѣе подчиниться подобному наказанію, чѣмъ исполнить свои обязательства. Въ 1628 году въ дѣло вмѣшался законъ, ограничивавшій однимъ мѣсяцемъ употребленіе правежа, при чемъ вознагражденіе кредитора уже производилось теперь изъ имущества задолжавшихъ ему лицъ.

Правительству Михаила и Филарета пришлось заняться мелочами хозяйственной жизни страны, вплоть до провѣрки, въ 1626 г., вѣса и качества калачей, назначенныхъ къ потребленію. Но, съ этой эпохи, московская политика стала слишкомъ экстенсивной для того, чтобы удовлетворять даже элементарнымъ потребностямъ интенсивной культуры въ постоянно расширяемыхъ границахъ слишкомъ обширной территоріи. Въ то самое время, когда она уступала Польшѣ нѣкоторыя изъ своихъ наиболѣе населенныхъ областей, которыми она владѣла, имперія царей взамѣнъ этого аннексировала въ Азіи 140,000 квадратныхъ лье пустырей, при чемъ казаки заходили все дальше, достигая границъ Китая въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ. Отброшенная съ запада сопротивленіемъ болѣе высокой цивилизаціи, Москва распространила на востокъ свою колонизаторскую силу, но, какъ и должно было ожидать, элементы культуры, заносимой ею въ сибирскія тундры, были очень сомнительнаго качества, и колоніи, созданныя на окраинахъ имперіи, сдѣлались заодно,

какъ аренами смѣлыхъ предпріятій, такъ и школою самыхъ прискорбныхъ пороковъ.

Грубые и полудикіе колонизаторы этой эпохи, въ суровой борьбѣ, въ которой они ежедневно ставили на карту свое существованіе, находясь въ постоянномъ опьяненіи неограниченной властию, проводили въ жизнь нѣкоторые обычаи, которые до сихъ поръ еще тяготѣютъ надъ судьбами ихъ страны.

Путешествуя два раза по московскому государству, въ 1634 и въ 1636 гг., Адамъ Ельшлегеръ (Олеарій) вынесъ впечатлѣніе, что побывалъ въ совершенно дикой странѣ. Онъ былъ пораженъ дешевизною продуктовъ: курица въ Россіи стоила двѣ копейки, десятокъ яицъ копейку. Пріѣхавъ въ столицу на Пасхѣ, онъ былъ свидѣтелемъ благочестивыхъ и милостивыхъ дѣяній государя, который до заутрени посѣтилъ тюрьмы и раздавалъ заключеннымъ крашеныя яица и бараньи тулупы. Но въ то же время онъ видѣлъ кабаки, переполненные пьяными посѣтителями, мужчинами и женщинами, свѣтскими и духовными, предававшимися разгулу и разврату. На улицахъ валялись пьяные и каждое утро на нихъ подбирали множество труповъ. Пожары происходили чуть не каждую минуту и ихъ даже не тушили, разбивая лишь топорами сосѣдніе дома, чтобы огонь не могъ дальше распространиться. Такимъ образомъ разрушались цѣлые кварталы. Было, правда, не трудно отстроить ихъ вновь, такъ какъ на особомъ рынкѣ продавали уже готовые дома, которые можно было поставить на мѣсто въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Эти дома представляли изъ себя просто лачуги, и въ окружавшихъ ихъ старыхъ садахъ Олеарій не видѣлъ слѣда заботливой культуры, ни цвѣтовъ, ни овощей. У одного только царя было нѣсколько футовъ земли съ посаженными на нихъ розами, привезенными изъ Готторпа, и Голландцы только что успѣли ввести въ употребленіе салатъ и спаржу. Жители московскаго государства ѣли все, что попало, не заботясь о комфортѣ или объ изяществѣ. Грубость нравовъ, какъ и распущенность и противоестественные пороки, считались среди нихъ зауряднымъ явленіемъ.

Не оставляетъ ли эта мрачная картина нѣкоторыхъ просвѣтовъ? Ученый нѣмецкій наблюдатель, какъ кажется, не

открылъ ни одного. А между тѣмъ, уже одно его присутствіе въ Москвѣ, куда онъ былъ приглашенъ въ качествѣ посланника европейской культуры, должно было служить ему доказательствомъ и убѣдить его въ томъ, что варварство, печальныя стороны котораго онъ отмѣчалъ не безъ нѣкотораго преувеличенія, являлось лишь пережиткомъ отдаленнаго прошлаго.

X.

Прогрессъ.

Почти вслѣдъ за Ельшлегеромъ занимался въ Москвѣ, въ 1637 году, переводомъ одной большой латинской космографіи, другой иностранецъ, Іоганнъ Дорнъ при помощи одного туземца, Богдана Лыкова.

Самъ Филаретъ присутствовалъ въ Чудовомъ монастырѣ при открытіи греко-латинской школы, порученной извѣстному исправителю священныхъ книгъ, Арсенію Глухому. И въ то время уже, подъ вліяніемъ свойственнаго этому народу постояннаго перехода къ крайностямъ, первые проблески культуры создали у тѣхъ, кто пользовался ея плодами, необдуманное и ничѣмъ неоправданное презрѣніе ко всему, что составляло національное наслѣдіе страны. Таковъ былъ извѣстный Иванъ Хворостининъ, неясный силуэтъ котораго я имѣлъ уже случай нарисовать [1]). Если можно было извинить этого либерала семнадцатаго вѣка за то, что онъ смѣшалъ добраго и кроткаго Михаила съ деспотомъ,—разъ Филаретъ держалъ бразды правленія, такая ошибка была возможна, — но слишкомъ сильное презрѣніе этого человѣка къ людямъ и порядкамъ его страны дѣлаетъ его гораздо менѣе симпатичнымъ.

Призванный ко двору послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія въ монастырѣ св. Кирилла, онъ могъ увидѣть по своему собственному примѣру, что времена, когда Грозный совершалъ свои лютыя кары, отошли въ далекое прошлое.

Прошлое безусловно еще упорно держалось, вызывая реакцію совершенно противоположнаго характера. Въ 1627 г. скромный піонеръ цивилизаціи, Лаврентій Тустановскій, по

1) Смутное время.

прозвищу Зизаній, вызвалъ противъ себя нападки за то, что толковалъ въ своихъ книгахъ такія явленія, какъ затменіе солнца, землетрясенія и кометы, стараясь дать имъ естественное объясненіе. За элементарныя объясненія законовъ движенія созвѣздій, почерпнутыя имъ изъ книгъ, онъ былъ обвиненъ въ ереси, такъ какъ всякій добрый христіанинъ долженъ былъ знать, что ангелы управляютъ движеніемъ созвѣздій. Національная литература не обогатилась еще, однако, другими произведеніями, чѣмъ эти наивные и грубые опыты политической полемики и религіозной догматики, въ которыхъ черпали свое вдохновеніе князь Курбскій и его современники.

У большинства ихъ послѣдователей, въ изучаемую нами эпоху, грубость стиля соотвѣтствовала бѣдности мысли. Самый плодовитый изъ нихъ, князь Семенъ Шаховской, являлся какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ лишь невозможно напыщеннымъ декламаторомъ. Стремясь исключительно подыскивать звучныя фразы, совершенно лишенныя смысла, онъ въ то же время обнаруживаетъ свою неспособность привести какой-либо цѣнный доводъ въ своемъ письмѣ къ шаху Аббасу, чтобы побудить его принять крещеніе, или дать полезныя свѣдѣнія въ оставленныхъ имъ мемуарахъ. Ничего болѣе цѣннаго въ литературномъ и историческомъ отношеніяхъ не представляетъ изъ себя и офиціальная хроника „Смутнаго Времени“, начатая въ царствованіе Михаила и извѣстная подъ именемъ „Рукописи патріарха Филарета“. Болѣе интересны описанія путешествій въ Палестину и Персію московскихъ купцовъ Гогары и Котова. Гогара былъ мало образованъ и очень наивенъ; поднеся свою бороду къ восковой свѣчѣ, зажженной отъ чудеснаго огня Іерусалимскаго храма, онъ трижды убѣдился въ томъ, что не испытываетъ отъ того никакого ущерба. Изъ Іерусалима этотъ наивный паломникъ пробрался въ Египетъ, гдѣ былъ сильно пораженъ видомъ пирамидъ. Восторженное отношеніе къ его разсказамъ доказываетъ уже само по себѣ то любопытство, которое родилось въ средѣ его окружавшей, и котораго не были уже въ состояніи сдержать умственныя рамки стараго московскаго государства.

На нѣкоторое время еще страна эта должна была остаться заключенною морально въ узкую сферу религіозныхъ идей и интересовъ. Самыми крупными учеными этой эпохи являлись

исправители священныхъ книгъ. Но изъ усилія, направленнаго въ эту сторону, среди другого грознаго кризиса, долженъ былъ пробудиться національный духъ, благодаря эмансипаторской мощи, которая безсознательно была внесена этой работой, пробудивъ въ средѣ преданій и рутины сознаніе необходимости и значенія критики, этого великаго орудія всѣхъ побѣдъ современнаго міра.

Первыя проявленія этой эволюціи были несчастливы. Задача исправленія священныхъ книгъ находилась здѣсь въ связи съ темнымъ началомъ въ Москвѣ книгопечатанія. Единственная московская типографія, разрушенная во время польской оккупаціи и возстановленная Михаиломъ, совершенно естественно была использована вначалѣ для печатанія трудовъ по литургіи и обученію вѣрѣ. Во время этой работы приходилось исправлять многочисленныя ошибки, внесенныя въ тексты невѣжественными или небрежными переписчиками. Чтобы направлять работы этой ревизіи, Михаилъ назначилъ въ 1616 году знаменитаго архимандрита Сергія-Троицы, Діонисія, еще недавно сыгравшаго роль героя и снискавшаго благодаря этому престижъ и безграничный авторитетъ [1]). Но народное непостоянство, являясь безпощаднымъ разрушителемъ самыхъ великолѣпныхъ апоѳеозовъ, коснулось и знаменитаго монастыря и его благородныхъ героевъ. Очень святой человѣкъ, Діонисій былъ повидимому очень посредственнымъ администраторомъ и на другой день послѣ великихъ испытаній, гдѣ восторжествовала его доблесть, ежедневные запросы жизни обнаружили его слабость. Онъ не умѣлъ заставить себѣ повиноваться. Привыкнувъ не считаться съ его приказаніями, подъ предлогомъ того, что онъ сопровождалъ ихъ неизмѣнно словомъ „пожалуйста“, его подчиненные дошли до того, что стали публично оскорблять его и, не зная удержу, использовали пріобрѣтенную имъ популярность для самыхъ гнусныхъ издѣвательствъ. Монахи этого монастыря занимались захватомъ чужого имущества, лихоимствомъ и всякаго рода насиліями. Служители святого мѣста занимались вооруженнымъ грабежомъ.

Отъ этого должна была пострадать репутація архимандрита, обвиненнаго вскорѣ въ ереси при выполненіи своихъ

---

[1]) Смутное время.

новыхъ функцій, и, осужденный къ уплатѣ 500 рублей, которыхъ онъ не былъ въ состояніи заплатить, выставленный на правежъ, брошенный въ темницу съ цѣпью на шеѣ, онъ испыталъ всѣ горести незаслуженной немилости. Особенно его обвиняли въ томъ, что въ стихѣ „Гряди Господи и благослови воду Духомъ Святымъ и огнемъ„—въ молитвѣ о благословеніи воды — онъ уничтожилъ два послѣднихъ слова. Ремесленники, употреблявшіе огонь въ своемъ ремеслѣ, упрекали его, что онъ хочетъ отнять у нихъ кусокъ хлѣба и въ то время какъ во дворѣ патріаршаго дворца временный управитель престола, Іона, Крутицкій митрополитъ, бражничалъ со священниками, несчастнаго архимандрита били кнутомъ, а взбунтовавшіеся кузнецы швыряли въ него камнями.

Все это происходило до возвращенія Филарета. Такъ какъ съ появленіемъ будущаго патріарха совпало присутствіе въ Москвѣ іерусалимскаго патріарха, Ѳеофана, въ этомъ дѣлѣ наступилъ поворотъ. Узнавъ объ этомъ инцидентѣ, восточный первосвященникъ подтвердилъ, что спорныя слова не находятся въ греческихъ текстахъ. Положеніе тотчасъ же мѣняется, слѣдуетъ созваніе Собора и полная реабилитація Діонисія [1]). Но исправленіе священныхъ книгъ должно было вызвать позже еще большую бурю; поднявшіеся такимъ образомъ споры не исчерпаны и до сихъ поръ; здѣсь отдаленное начало того религіознаго конфликта, который занималъ и еще до сихъ поръ занимаетъ такое значительное мѣсто въ исторіи Россіи.

---

[1]) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, томъ IX, стр. 434 и слѣд.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отецъ Петра Великаго.

1. Восшествіе на престолъ Алексѣя.—2. Московская Фронда.—3. Церковный реформаторъ Никонъ.—4. Новый сводъ законовъ. — 5. Бунтъ въ Псковѣ и въ Новгородѣ.—6. Апофеозъ московскаго патріархата.—7. Монетный кризисъ.

I.

Восшествіе на престолъ Алексѣя.

По числу и по обширности трудовъ, реализованныхъ или близкихъ къ реализаціи, по проблемамъ, если не разрѣшеннымъ, то поставленнымъ по крайней мѣрѣ на очередь, по созданнымъ или ускореннымъ движеніямъ въ сферѣ политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ отношеній, — это царствованіе является однимъ изъ самыхъ памятныхъ въ исторіи Россіи. Оно стушевывалось въ глазахъ непосредственнаго потомства предъ яркимъ блескомъ того, что слѣдовало за нимъ, но въ наши дни болѣе внимательное разсмотрѣніе фактовъ дало возможность установить болѣе правильный историческій взглядъ на нихъ, и признать, что по отношенію къ массѣ элементовъ, приготовленныхъ заранѣе къ плодотворной жизни, дѣло Петра Великаго, чрезмѣрно ускоряя роды, явилось во многихъ отношеніяхъ лишь болѣзненнымъ и вреднымъ абортомъ, послѣдствія котораго чувствуетъ современная Россія и до сихъ поръ.

Съ середины семнадцатаго столѣтія необходимость обновляющихъ мѣръ, проявляясь въ все болѣе и болѣе многочисленныхъ и настойчивыхъ требованіяхъ, и все усиливающихся бунтахъ, вызвала здѣсь значительную законодательную дѣятельность. Наряду съ проблемами экономическаго и юри-

дическаго характера были поставлены и другія, нравственнаго или религіознаго характера, давшія сильный толчокъ предпринятому исправленію святыхъ книгъ и реформѣ ритуала. Связанный съ вопросомъ о національномъ единствѣ, какъ и съ не менѣе щекотливымъ вопросомъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, расколъ ввелъ въ эту сферу совершенно новый порядокъ. И въ то же самое время возстаніе польскихъ казаковъ увеличило всеобщее тяготѣніе украинскаго населенія къ московской орбитѣ и прельстило Москву мыслью возстановить древнее русское наслѣдіе.

Лицо, игравшее главную роль въ этихъ событіяхъ, и эпоха, въ которую они происходили, заслуживаютъ несомнѣнно вниманія.

По своей добротѣ, кротости, способности сильно привязываться къ своимъ приближеннымъ, Алексѣй походилъ на своего отца. Но у него былъ болѣе живой характеръ, болѣе крѣпкій темпераментъ и онъ получилъ воспитаніе болѣе соотвѣтствующее его положенію. Воспитаніемъ его руководилъ съ тринадцати лѣтъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

Потерявъ свою мать вскорѣ послѣ смерти отца, молодой царь оказывалъ полное довѣріе своему воспитателю и ему онъ былъ обязанъ во многихъ отношеніяхъ. Морозовъ былъ человѣкъ интеллигентный, ловкій, достаточно образованный для того времени, но не умѣвшій, къ сожалѣнію, ни подняться надъ ролью фаворита, ни сдержаться, чтобы не злоупотреблять своимъ положеніемъ. Послѣ Морозова самымъ вліятельнымъ лицомъ изъ приближенныхъ новаго государя былъ думскій дьякъ, Назаръ Чистый, бывшій до того ярославскимъ торговцемъ, оба они подчинялись вліянію голландскаго купца, Винніуса. То былъ первый иностранецъ, вліявшій на дѣла страны.

Находясь въ такой компаніи, Алексѣй не рисковалъ сойти съ пути, по которому Михаилъ, увлекаемый неудержимыми теченіями, уже сдѣлалъ нѣсколько робкихъ шаговъ.

По свидѣтельству одного современника[1]), восшествію на престолъ Алексѣя предшествовалъ созывъ избирательнаго Собора. Это указаніе трудно согласовать съ извѣстнымъ фак-

[1]) Котошихинъ. О Россіи, стр. 4. Ср. Загоскина. Политическая исторія московскаго государства, т. I, стр. 281, Латкинъ. Соборы, стр. 206—207.

томъ принесенія присяги подданными новаго царя тотчасъ послѣ смерти его предшественника [1]). Можетъ быть рѣчь идетъ о фактивномъ избраніи, для котораго недавнія событія послужили необходимостью, доставивъ даже его формулу.

Алексѣй, или скорѣе его воспитатель, началъ свое управленіе прекращеніемъ дѣла принца Вальдемара и несчастнаго Лубы. Первый получилъ возможность уже въ 1645 году отправиться въ Копенгагенъ, а польскіе послы получили разрѣшеніе увезти съ собою другого, обѣщавъ только заключить его на всю жизнь въ крѣпость.

Этимъ однако не было еще покончено ни съ претендентами, ни съ поляками. Посланный въ Москву Владиславомъ, въ 1646 году, краснорѣчивый и уступчивый кіевскій каштелянъ, Адамъ Кисель, напрасно сравнивалъ Москву и Польшу съ двумя ливанскими кедрами, вышедшими изъ одного и того же ствола. Замаскировывая болѣе глубокій антагонизмъ, въ которомъ было поставлено позже на карту будущее обѣихъ странъ, спорный вопросъ о титулахъ поддерживалъ между ними глубокую вражду. И въ то же время еще болѣе страшная для Польши, чѣмъ для Москвы, опасность конфликта съ Портою препятствовала единственному пункту соглашенія, который могъ бы ихъ соединить противъ общаго врага: противъ татаръ.

Вскорѣ, между тѣмъ, Москва была снова поглощена внутренними неурядицами. Русскіе купцы все болѣе и болѣе протестовали противъ иностранныхъ конкурентовъ, которые, пользуясь общимъ разложеніемъ, подкупили вліятельнаго дьяка, Петра Третьякова, переманили на свою сторону даже Морозова, и захватили въ свои руки всю оптовую и розничную торговлю страны. Менторъ Алексѣя показалъ видъ, что признаетъ законными эти требованія и обложилъ двойною пошлиною захватчиковъ, но этимъ добился лишь соотвѣтствующаго повышенія цѣнъ предметовъ потребленія. Пытаясь, съ другой стороны, уврачевать бѣдствіе сельскихъ или городскихъ обществъ, онъ возбудилъ новое недовольство. Чтобы облегчить тяготѣвшіе надъ ними налоги, онъ не нашелъ другого средства, какъ установить новый налогъ на табакъ и увеличить налогъ на соль, послѣ чего, по его словамъ, въ

---

1) Акты Археологической Комиссіи, т. IV, № 1.

ближайшемъ будущемъ послѣдуетъ уменьшеніе другихъ податей.

Курители и нюхатели табаку, которымъ еще недавно отрубали носы, могли теперь свободно позволять себѣ это удовольствіе, заплативъ за него очень дорого, но налогъ на соль вызвалъ тотчасъ же большое недовольство. Соленая рыба была главною пищею какъ у низшихъ, такъ и у высшихъ классовъ мѣстнаго населенія. И въ 1648 году пришлось отмѣнить эту мѣру.

Въ началѣ 1647 года Алексѣй рѣшилъ жениться и по этому случаю Морозовъ снова вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе. Сначала какъ будто произошло повтореніе дѣла Хлоповой. Двѣсти молодыхъ красавицъ были по обычаю собраны изъ всѣхъ мѣстъ имперіи и представлены на выборъ государя. Онъ остановился на дочери бѣднаго дворянина, Евфиміи Всеволожской. Къ несчастью испытанная ею радость вызвала у нея обморокъ. У нея заподозрили падучую болѣзнь и сослали въ Сибирь со всѣми родными. Говорили, что Борисъ Ивановичъ былъ не чуждъ этому событію. Будучи вдовымъ и проектируя для себя второй бракъ съ дочерью Ильи Милославскаго, онъ мечталъ стать затемъ своего государя, назначивъ ему въ жены вторую дочь этой темной и малоизвѣстной личности. Онъ довелъ интригу до благополучнаго конца, но вызвалъ всеобщее неодобреніе.

Происходя изъ фамиліи литовскихъ перебѣжчиковъ, Илья Даниловичъ былъ выдвинутъ дьякомъ департамента иностранныхъ дѣлъ, Иваномъ Грамотинымъ, у котораго онъ былъ слугою; его дочери, если вѣрить Коллинсу, продавали на базарѣ грибы, собранные въ лѣсу. Будучи бѣднякомъ, Милославскій думалъ лишь воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ для быстраго обогащенія, раздѣляя доходы со своими самыми близкими родственниками, — судьею Областнаго департамента (Земскаго приказа), Леонтіемъ Плещеевымъ, и управителемъ артиллерійскаго департамента, Петромъ Траханіотовымъ. Это послужило толчкомъ для народнаго волненія, нѣсколько напоминавшаго собою начало мятежей, въ которые была вовлечена Франція около того же времени.

II.

Московская фронда.

Буря разыгралась совершенно не кстати. Польша испытала въ это время страшныя пораженія въ своихъ стычкахъ съ казаками и вмѣшательство Москвы сдѣлалось необходимымъ. Но оно было замедлено внутреннимъ кризисомъ, при чемъ совпаденіе это можетъ быть не было случайнымъ [1]).

Такъ какъ многочисленныя жалобы противъ Плещеева оставались безрезультатными, то 29 іюня 1648 года недовольные воспользовались процессіей, въ которой царь сопровождалъ патріарха, чтобы непосредственно обратиться къ нему съ своей жалобой. Прогнанные, они бросились въ Кремль, куда быстро вошелъ Алексѣй, который вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ толпою. Среди черни, купцовъ, ремесленниковъ въ этой толпѣ были и „служилые люди". Августѣйшіе тѣлохранители, состоявшіе изъ стрѣльцовъ, полусолдатъ, полумѣщанъ, почти не получавшихъ жалованья, не выказали большей стойкости передъ этимъ наступленіемъ, чѣмъ на другомъ концѣ континента гражданская гвардія передъ баррикадами, которыми почти въ то же время покрылся Парижъ [2]).

Какъ и въ Парижѣ, и въ Москвѣ бунтовщики не нападали еще на государя; но, бросившись къ дворцу Морозова, они его разграбили или скорѣе совсѣмъ разрушили. Бросаясь на драгоцѣнныя вещи, они ихъ не брали себѣ, но ломали на куски, топтали ногами или бросали въ окна съ криками:—вотъ наша кровь! Когда, окончивъ эту первую процедуру, они бросились разрушать самый домъ, Алексѣй велѣлъ объявить имъ, что зданіе принадлежитъ ему. Тогда они удалились, умертвивъ трехъ слугъ всемогущаго фаворита, скрывшагося въ покояхъ своего зятя.

Менѣе счастливый, Чистый не ускользнулъ отъ ихъ возраставшаго гнѣва: „Вотъ тебѣ за соль!"—кричали они, награждая его ударами, потомъ, бросивъ на кучу навоза, покончили съ нимъ. Плещееву и Траханіотову удалось найти

---

[1]) Кубала. Историческіе этюды, I серія, 4 изд., стр. 199—201. Ср. Библіотеку Оссолинскаго, рук. № 189, стр. 132 и 199.

[2]) Lavisse. Histoire de France, т. VII, часть I, стр. 38.

себѣ убѣжище, но опьяненная толпа, разграбивъ ихъ жилища, явилась на слѣдующій день передъ царскимъ дворцомъ, требуя выдачи какъ ихъ, такъ и Морозова.

Бунтъ, видимо, разростался, столица горѣла со всѣхъ четырехъ сторонъ и эти пожары грозили ей полнымъ уничтоженіемъ.

Оставшись безъ защиты, Алексѣй долженъ былъ войти въ переговоры со своими взбунтовавшимися подданными. Онъ обѣщалъ сослать своего зятя, выдалъ толпѣ сначала Плещеева, тотчасъ же разорваннаго на куски, потомъ Траханіотова, которому отрубили голову. Наконецъ и самъ царь сталъ просить со слезами пощады, обязуясь клятвою уничтожить монополіи, улучшить финансовое управленіе и дать странѣ „справедливое правительство". Раздача денегъ и милостей стрѣльцамъ, какъ кажется, болѣе существенно помогла возстановленію порядка, но эти бунты, переносясь въ провинцію, поддерживали еще нѣкоторое время тревожное настроеніе [1]).

Положеніе второго представителя династіи Романовыхъ среди всѣхъ этихъ испытаній вызвалъ споръ, который еще и теперь далеко не исчерпанъ. Платоновъ думалъ, что ему удалось разрѣшить его посредствомъ документа, найденнаго въ рукописяхъ С.-Петербургской Публичной библіотеки, но это лишь свидѣтельство современника, можетъ быть хорошо освѣдомленнаго о событіи, но замѣтно причастнаго къ дѣлу бунтовщиковъ [2]). По этой версіи Алексѣй просилъ у „міра" помилованія Морозова. Міръ или русская коммуна, имѣющая очень смутныя границы и очень измѣнчивый видъ, очень

---

[1]) Главные источники: Оффиціальный отчетъ въ Регистрахъ двора (Дворцоваго Разряда), изд. Миллера, т. III, кол. 93—94. Olearius, Лейден. изданіе 1719 г., стр. 294 и слѣд., короткая замѣтка въ Хроникѣ мятежей (Лѣтопись о мятежахъ), 2 изд. Москва, 1788 г., стр. 357; болѣе важныя подробности въ другомъ изданіи той же хроники, т. е. Новый Лѣтописецъ, Москва, 1853 г. Прил. т. I, стр. 5—6; нѣсколько указаній въ Хронографѣ, собраніе Попова, стр. 247—248; нѣсколько другихъ у Азарина. Памятники др. лит. т. LXX, стр. 123—125: разсказъ очевидца, вѣроятно, члена голландскаго посольства, напечатанный въ Лейденѣ въ 1648 г. (русскій переводъ въ Истор. Вѣстникѣ, январь, 1860, стр. 68 и слѣд.); разные документы, изданные Якубовымъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей, 1898 г. т. I; Акты Археогр. Комиссіи, т. IV, н. 29; Приложеніе къ историческимъ актамъ, т. III, н. 45. Mémoires de Godefroy Bibliothéque nationale, manuscripts, fonds français, volume 20161, folio 323, нѣсколько новыхъ документовъ у Зерцалова, Бунты стр. 4 и слѣд.

[2]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, іюнь, 1888 года стр. 288 и слѣд.

легко подвергается произвольнымъ толкованіямъ относительно своихъ историческихъ функцій. Но во всякомъ случаѣ его очень трудно отождествить съ толпою поджигателей и убійцъ. Молодой царь капитулировалъ передъ бунтующей толпою и, конечно, сильно уронилъ этимъ свой авторитетъ, но все-таки спасъ самое существенное, хотя и цѣною плачевныхъ уступокъ. Это кажется внѣ сомнѣнія. Что же касается деталей, то благодаря скудости и путаницѣ въ источникахъ, даже самая дата событій еще не установлена, но наиболѣе вѣроятнымъ началомъ мятежей является 2-е іюня [1]).

Слѣдуетъ также упомянуть объясненіе Олеарія, говорившаго, что жители московскаго государства, привыкшіе къ тиранніи, могутъ многое вытерпѣть; но, если насиліе превосходитъ всякую мѣру, они возмущаются и дѣлаются тогда страшными, пренебрегая всякою опасностью и становясь способными къ самымъ гнуснымъ насиліямъ и къ самой ужасной жестокости.

Это замѣчаніе еще и теперь не потеряло своего значенія.

Сосланный въ монастырь св. Кирилла, Морозовъ даже въ этомъ отдаленномъ изгнаніи, все еще нѣкоторое время пользовался довольно значительнымъ вліяніемъ, но вскорѣ долженъ былъ отойти на задній планъ благодаря появленію на сценѣ другого фаворита, призваннаго сыграть въ жизни Алексѣя и въ исторіи его царствованія гораздо болѣе значительную роль. Начиная съ 1646 г. молодой царь подпалъ подъ вліяніе одного стараго монаха, которому онъ въ это время поручилъ митрополію въ Новгородѣ. Наступилъ канунъ великой церковной реформы и великаго религіознаго кризиса семнадцатаго столѣтія.

III.

Церковный реформаторъ,— Никонъ.

Родившись въ „страшный годъ“, 1605-ый видѣвшій тріумфальный въѣздъ въ Москву Лжедимитрія со своею польскою свитою, будущій патріархъ происходилъ отъ бѣдныхъ финскихъ крестьянъ деревни Вельдеманово Нижне-Новгород-

[1]) См. еще Платонова, Лекцій, стр. 289; ср. Соловьева, Исторія Россіи, т. X, стр. 154 и слѣд.

ской области. Въ сосѣдней деревушкѣ, Григоровѣ, вскорѣ родился и самый страшный противникъ, вставшій позже на пути Никона: то былъ попъ Аввакумъ, представляющій изъ себя самую оригинальную и самую мощную фигуру этой эпохи.

При крещеніи Никонъ получилъ имя Никиты. Его отца звали Миною. У него рано оказалась мачеха, Ксенія, кажется, самая злая изъ всѣхъ мачехъ. Одно время даже сама жизнь несчастнаго ребенка висѣла на волоскѣ [1]). Однако, онъ научился, неизвѣстно какимъ образомъ, читать и писать, и это преимущество дало ему убѣжище въ монастырѣ св. Макарія на Желтыхъ Водахъ. Но когда ему минуло двадцать лѣтъ, его родители заставили его жениться и доставили ему приходъ, откуда быстро распространился слухъ объ его знаніяхъ и энергіи, и онъ былъ переведенъ въ Москву. Тоскуя по монастырю или обуреваемый честолюбіемъ и неспособный примириться съ узостью горизонта, онъ рѣшается бросить карьеру, закрывавшую, какъ извѣстно, для бѣлаго духовенства православной церкви доступъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ. Будучи уже отцомъ троихъ дѣтей, онъ соглашается съ своею женою разстаться дружелюбно, и въ то время, какъ она приняла схиму въ монастырѣ св. Алексѣя въ самой Москвѣ, онъ надѣлъ рясу и принялъ имя Никона, ища себѣ мѣсто аскетическаго убѣжища на берегахъ Бѣлаго моря.

Въ 1643 году мы его находимъ уже игуменомъ Кожезерскаго монастыря (Новгородской эпархіи, Каргопольскаго уѣзда), а въ 1646 году, отправившись въ Москву по дѣламъ своей общины, онъ обратилъ на себя вниманіе Алексѣя. Оставленный царемъ, онъ становится архимандритомъ монастыря св. Спасителя, гдѣ находились могилы фамиліи Романовыхъ и каждую пятницу имѣлъ счастье служить заутреню въ часовнѣ государя, съ которымъ долго потомъ разговаривалъ.

Такимъ образомъ между этими двумя людьми завязались отношенія, изъ которыхъ позже должна была создаться единственная по своей оригинальности глава національной исторіи. И Алексѣй сначала поручилъ тому, кого онъ уже на-

---

[1]) Шушеринъ. Біографическія замѣтки, стр. 1 и слѣд.

чалъ называть „своимъ особеннымъ другомъ“, должность, позволившую въ предшествовавшемъ вѣкѣ сдѣлать карьеру фавориту Ивана IV, Адашеву: пріемъ прошеній. Потомъ, когда и Новгородъ сталъ въ свою очередь волноваться народнымъ движеніемъ, царь послалъ Никона въ этотъ городъ.

Будучи митрополитомъ и облеченный къ тому же очень обширною властью, Никонъ оправдалъ довѣріе государя. Онъ развилъ замѣчательную дѣятельность. Когда наступилъ голодъ, онъ сталъ раздавать въ архіепископскомъ дворцѣ пищу и деньги; создалъ богадѣльни, улучшилъ режимъ въ тюрьмахъ. Не упуская изъ-за этого управленія своей эпархіей, онъ принялся за ритуальную реформу: ввелъ въ соборѣ св. Софіи греческое пѣніе, набравъ для него пѣвчихъ въ Кіевѣ. Нововведеніе снискало себѣ такую славу, что самъ царь захотѣлъ послушать это пѣніе и, восхищенный имъ, по совѣту своего духовника, Бонифатьева, приказалъ столичному клиру послѣдовать этому примѣру.

Патріархъ Іосифъ сильно сопротивлялся новшеству и все осталось на время въ прежнемъ положеніи, но то была лишь отсрочка. Административная и юридическая реформа, обѣщанныя бунтовщикамъ 1648 года, приняла болѣе благопріятный оборотъ.

IV.

Новое уложеніе.

По соглашенію съ клиромъ, боярами и членами Думы почти на другой день послѣ событій, обагрившихъ кровью столицу, Алексѣй приказалъ пересмотрѣть и сызнова исправить существующіе законы.

То была почти повсюду главная задача вѣка. Москва опередила въ этомъ отношеніи Францію Людовика XIV и Кольбера, гдѣ лишь въ 1663 году приступили къ „составленію французскаго права“.

Программа проектируемой работы была слѣдующая: выбрать изъ апостольскихъ правилъ и отцовъ церкви, какъ и изъ законовъ, обнародованныхъ греческими императорами, т. е. Номоканона, статьи „пригодныя для царского правосудія“, свѣрить указы прежнихъ государей и рѣшенія бояръ съ постановленіями древнихъ уложеній; составить для не-

предвидѣнныхъ всѣми этими текстами случаевъ новыя постановленія, примѣнимыя ко всѣмъ подданнымъ имперіи безъ различія положенія.

Выполненіе этой задачи было поручено комиссіи изъ пяти членовъ. Работа ея должна была быть поданной на одобреніе Собора. Разумное и въ то же время либеральное это дѣло могло бы служить примѣромъ въ Россіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, для законодателей болѣе близкихъ къ намъ. Это была во всякомъ случаѣ почти та же программа, которая была принята позже Людовикомъ XIV, противъ воли Кольбера, желавшаго умалить значеніе парламента [1]).

Комиссія подъ предсѣдательствомъ князя Никиты Одоевскаго принялась за работу 10 іюля 1648 года, а 1 сентября слѣдующаго года въ свою очередь собрался Соборъ и засѣдалъ безъ перерыва семь мѣсяцевъ. Этотъ Соборъ, кажется, былъ раздѣленъ на двѣ палаты: верхнюю, въ которой участвовали подъ предсѣдательствомъ государя патріархъ, духовный соборъ и Дума, и нижнюю, гдѣ засѣдали уполномоченные низшаго класса „служилыхъ людей", а также низшаго клира и московской буржуазіи. Точное число депутатовъ остается неизвѣстнымъ, но, составляя представительство по крайней мѣрѣ ста двадцати городовъ съ ихъ уѣздами, оно, кажется, превышало цыфру триста тридцати шести, подписавшихъ принятый проектъ. Не умѣвшихъ при этомъ писать было больше половины: послѣднихъ замѣняли при этой формальности ихъ коллеги [2]).

Въ противоположность тому, что наблюдалось въ большей части собраній того времени, „служилые люди" не занимали въ немъ господствующаго положенія, а третье сословіе составило до восьмидесятидевяти выборщиковъ, хотя нѣкоторые важные города, какъ напр., Кострома, Серпуховъ, Нижній-Новгородъ и Рязань, даже не доставили полнаго представительства на Соборъ [3]).

Участіе Собора въ выполненіи этой работы дало поводъ къ спору; нѣкоторые историки даже доходятъ до полнаго отрицанія его [4]). Вотъ какъ повидимому происходило дѣло

[1]) Lavisse. Histoire de France, т. VII, I часть, стр. 290—291.
[2]) Въ этомъ смыслѣ Строевъ. Историческое изслѣдованіе объ уложеніи 1648 г., стр. 14—15 и Чичеринъ. О народномъ представительствѣ, стр. 558.
[3]) Платоновъ. Лекціи, стр. 290. Латкинъ. Соборы, стр. 162.
[4]) Сергіевичъ въ собраніи Безобразова, т. II, стр. 20.

въ дѣйствительности: такъ какъ редакціонная работа оставалась въ рукахъ однихъ только членовъ комиссіи, то представители вмѣшивались въ нее, сначала обсуждая статьи, представленныя на ихъ разсмотрѣніе, потомъ представляя по поводу ихъ записки, съ которыми комиссія не могла не считаться. Дѣйствительно, изъ сорока статей XIX главы новаго уложенія семнадцать представляютъ изъ себя слово въ слово почти текстъ этихъ замѣчаній. Нѣкоторыя изъ нихъ, а именно сорокъ вторая XVII главы даже указываютъ на этотъ источникъ. Наконецъ нѣсколько членовъ Собора были приняты въ составъ комиссіи и приняли такимъ образомъ прямое участіе въ ея работѣ [1]).

Это сотрудничество продолжалось до апрѣля 1649 года. Обнародованное въ маѣ того же года Уложеніе было переведено на различные языки, въ томъ числѣ на французскій въ 1688 г. Текстъ былъ найденъ въ 1767 году во время созванія знаменитой „Законодательной Комиссіи“ Екатерины. Онъ хранится въ московской Оружейной Палатѣ. Наружный видъ этой рукописи чрезвычайно оригиналенъ: она представляетъ изъ себя свитокъ толщиною отъ 22 до 26 сантиметровъ и, развернутая представляетъ изъ себя ленту въ 30 метровъ длиною, состоящую изъ 959 листовъ пергамента, приклеенныхъ одинъ къ другому.

По своей основѣ эта работа не имѣетъ ничего общаго съ судебниками (сводами судебнаго производства пятнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ), ни даже съ гражданскими и уголовными „Ordonnances“, въ которыхъ исчерпывалось творчество французскихъ законодателей этой эпохи и которое представляетъ изъ себя опять таки только кодексы судебнаго производства. Заключая въ себѣ почти тысячу статей, Уложеніе 1648—1649 годовъ содержитъ въ себѣ полное изложеніе законодательства того времени въ области политическаго, гражданскаго и уголовнаго права. Оно пользуется прежде всего и очень широко древними русскими законами, юриспруденціей, установленной рѣшеніями бояръ въ приказахъ (указныя статьи) и обычнымъ правомъ. Уложеніе дополняетъ эти данныя многочисленными заимствованіями изъ

---

[1]) Сергіевичъ, прив. мѣсто. Лекціи по исторіи русскаго права, стр. 738. Латкинъ, Лекціи, стр. 104. Загоскинъ, Уложеніе 1648 года (Рѣчь въ университетѣ). Ср. Мейчика, въ Сборникѣ Археологическаго Института, кн. III и IV.

византійскаго права и литовскаго статута 1588 года. Оно подвергаетъ наконецъ все это органической переработкѣ путемъ введенія значительнаго числа новыхъ законовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ характеръ огромныхъ соціальныхъ реформъ.

Византійское и литовское право особенно отразилось на уголовной части кодекса, сообщивъ ему большую суровость. Смертная казнь въ Уложеніи предусмотрѣна не менѣе шестидесяти разъ, и эта тенденція, развиваясь въ теченіе этого вѣка, должна была вызвать такое положеніе, когда каждое государственное преступленіе должно было наказываться такимъ именно образомъ. Въ дальнѣйшемъ мѣра эта примѣнялась въ случаѣ запозданія въ исполненіи полученнаго приказанія, за взятку и наконецъ за ошибки аптекарей въ отпускѣ дозъ медикаментовъ!

Вмѣшательство Собора и особенно „служилыхъ людей“ закрѣпляется двѣнадцатью статьями XI главы, по которой отмѣненъ пятнадцатилѣтній срокъ (урочныя лѣта) для розыска бѣглыхъ крестьянъ, т. е. всякое ограниченіе дѣйствующаго на этотъ счетъ законодательства.

Работа эта имѣетъ еще до сихъ поръ цѣнность не только историческую, такъ какъ и до сихъ поръ еще дѣйствуютъ нѣкоторыя изъ этихъ положеній, войдя въ сводъ законовъ 1833 года. Тѣмъ не менѣе это далеко не кодексъ въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ теперь. Какъ въ основѣ, такъ и по формѣ она грѣшитъ недостаточной систематизаціей. Съ другой стороны, не смотря на свои реформаторскія тенденціи, она не создала ни новыхъ принциповъ, ни даже новыхъ юридическихъ отношеній. Уложеніе это имѣло главнымъ образомъ своею цѣлью консолидацію и координацію; но принятыя имъ классификаціи страдаютъ часто отсутствіемъ точности, и съ этой точки зрѣнія современный ему французскій кодексъ стоитъ неизмѣримо выше, подтверждая мнѣніе Лависса о „способности французскаго ума создавать законы“.

Кладя въ основу своего труда окончательное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ слѣдствіе вышеприведенной мѣры; запрещеніе клиру пріобрѣтать вотчины, какъ прибавленіе къ цѣлому ряду запрещеній, издававшихся начиная съ 1580 года; установленіе „монастырскаго приказа“,

т.-е. уничтоженіе юридической автономіи, пріобрѣтенной раньше церковью, и цѣлый рядъ мѣръ, предназначенныхъ обособить и фиксировать городское населеніе, какъ классъ строго опредѣленный,—русскіе законодатели 1648—1649 г. слѣдовали современному движенію умовъ, не безъ нѣкотораго пристрастія къ наиболѣе протежируемому въ это время классу, какимъ было меньшинство въ Соборѣ. Служа главной пружиной политической системы того времени, „служилые люди“ сумѣли использовать свое положеніе.

Какъ и во всемъ образованіи московскаго законодательства, обычай играетъ въ этомъ Уложеніи главную роль. Большое число съ виду новыхъ распоряженій представляло собою лишь освященіе принциповъ, уже давно проводимыхъ на практикѣ, какъ это имѣло напр. мѣсто съ жестокимъ наказаніемъ фальшивыхъ монетчиковъ. Въ теченіе ста лѣтъ преступниковъ этого рода наказывали, вливая имъ въ глотку расплавленный свинецъ. Обычай даже бралъ верхъ надъ писаннымъ закономъ. Такъ, запрещеніе, спеціально направленное противъ обычая подачи жалобъ дѣтьми на родителей, даже послѣ 1649 года оставалось мертвою буквою. И значительно позже, мы все еще встрѣчаемъ контракты, заключенные между собственниками и свободными крестьянами.

И однако эта страна, столь богатая парадоксальными странностями, не обнаруживаетъ и слѣда уваженія, царящаго въ другихъ странахъ, къ обычному праву. Анкеты per turbas по поводу мѣстныхъ обычаевъ, столь часто встрѣчающіяся въ древней Франціи, здѣсь совершенно неизвѣстны. Правительство здѣсь терпитъ и покровительствуетъ обычаю постольку, поскольку онъ соотвѣтствуетъ его интересамъ; въ противномъ случаѣ оно не колеблется противопоставить ему мѣры по своему выбору. Тѣмъ не менѣе оно старается прислушиваться въ законодательной эволюціи къ голосу своихъ подданныхъ, выраженному путемъ прошеній, и равновѣсіе такимъ образомъ возстановляется, такъ какъ окончательно принятыя рѣшенія стоятъ по большей части на границѣ между обычнымъ правомъ и правомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Не со вчерашняго только дня было испробовано въ Россіи примиреніе абсолютной власти съ участіемъ народа въ дѣлѣ законодательства.

Еще съ другой точки зрѣнія Уложеніе 1648—1649 гг. показываетъ общую тенденцію семнадцатаго вѣка регулировать во всемъ національную жизнь, подчинить всѣ ея функціи опредѣленному регламенту, чину, по мѣстному выраженію. Одна изъ самыхъ существенныхъ реформъ новаго кодекса явилась результатомъ этой задачи, соединившись при этомъ съ соображеніями фискальнаго характера. Это отмѣна закладничества (глава XIX, статья 13). Такъ назывался способъ, посредствомъ котораго, отдавая себя въ залогъ (въ закладъ) члену неподатного сословія, отдавая предварительно свою свободу въ его пользу, люди, подлежавшіе цензу, ускользали въ большомъ количествѣ отъ своихъ обязанностей по отношенію къ фиску. Собственники, крестьяне, купцы, ремесленники замѣняли одно обложеніе другимъ, губя въ то же самое время другихъ незаконной конкурренціей. Запрещеніе этого было отвѣтомъ на давно уже выраженныя жалобы; но оно же вызвало волненія, съ которыми пришлось столкнуться Алексѣю, и которые увеличиваютъ число странныхъ аномалій, которыя приходится отмѣтить въ прошломъ этой страны. Въ другихъ мѣстахъ бунты производились обычно подъ знаменемъ свободы. А тутъ участники боролись за право сдѣлаться снова рабами. Такой парадоксъ объясняется однако тѣмъ, что приходилось выбирать между двумя видами рабства, изъ которыхъ выбирался наименѣе тяжкій.

Вдобавокъ, таже тенденція выразилась въ законодательствѣ путемъ обнародованія уголовнаго и коммерческаго уставовъ, въ центральной администраціи посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія дѣлъ между различными приказами, въ провинціальной администраціи посредствомъ урегулированія отношеній между воеводами и автономными должностными лицами; въ финансовой области установленіемъ списковъ (писцовыхъ и переписныхъ книгъ); въ церковной жизни посредствомъ исправленія книгъ, подчиненія монастырей эпархіальному начальству и разграниченія эпархій. Но уже Уложеніе 1648—1649 г.г. старается установить точную классификацію соціальныхъ элементовъ посредствомъ опредѣленія штрафовъ за оскорбленіе чести, колеблющихся, смотря по классамъ, отъ 1 до 50 рублей. Это былъ странный тарифъ, гдѣ крупные собственники,

крупные промышленники, а особенно поставщики серебра для имперіи, Строгановы, составляли особенную, протежируемую группу; за ихъ оскорбленіе приходилось платить 100 рублей.

Соотвѣтствовалъ ли новый кодексъ, такимъ образомъ составленный, той задачѣ, которая офиціально была ему поставлена? Увы, подчиненный, какъ и всѣ другіе труды этого царствованія, принципу, которымъ вдохновлялась вся его политика, государственной необходимости и объединяющимъ и централизирующимъ тенденціямъ, этотъ идеалъ болѣе высокой справедливости привелъ во многихъ отношеніяхъ къ совершенно противоположному результату: уложеніе окончательно разрушило всѣ прежніе опыты административной или юридической автономіи, и какъ въ гражданской, такъ и въ церковной области, создало благопріятную почву для московской „волокиты“.

Это было, правда, въ то время, когда и во Франціи Кольберъ высчиталъ, что волокита кормитъ семьдесятъ тысячъ офицеровъ!

Страна несомнѣнно прогрессировала, но въ смыслѣ того особеннаго прогресса, по которому она пошла въ вѣкъ Петра Великаго и Екатерины Великой, и въ которомъ руководящимъ началомъ служило всепоглощающее могущество государства и его деспотическая власть.

Народныя массы повидимому вполнѣ сознавали подобный фактъ, такъ какъ новое законодательство встрѣчено было безъ всякаго энтузіазма. Въ теченіе тѣхъ же 1648—1649 гг. не исчезли симптомы народнаго недовольства. Закладчики вызывали своимъ сопротивленіемъ карательныя мѣры, и бунты участились въ разныхъ пунктахъ русской территоріи. Въ Сольвычегодскѣ едва не убили сборщика податей, въ Устюгѣ бросили въ рѣку воеводу, Михаила Милославскаго, родственника самого царя. Всюду грабежи и убійства, слѣдствіе и висѣлицы.

Въ самой Москвѣ Морозовъ, возвращенный изъ изгнанія, вызвалъ новыя обвиненія. Царь, утверждали, лишь наружно замѣнилъ его Ильей Милославскимъ, да и тотъ не лучше. Были жалобы и на новаго камергера при личности государя, Ѳеодора Ртищева. Его упрекали въ исключительномъ пристрастіи къ чужеземной наукѣ и въ основаніи школы,

гдѣ кіевскіе монахи, своимъ преподаваніемъ насаждали одну лишь ересь.

Нужно было какъ нибудь умудриться, чтобы успокоить бурю и удовлетворить столичныхъ купцовъ, такъ какъ они особенно сильно волновались. Кстати послѣдовавшая въ январѣ 1649 года смерть Карла I дала поводъ къ мѣрѣ, разрѣшавшей торговлю англичанъ лишь въ одномъ Архангельскомъ порту за то, что они дерзнули на жизнь своего государя. Привилегія англійской компаніи приходила къ концу. Сильныя репрессіи успокоили Москву. За то на шведской границѣ бунтъ обратился въ настоящее возстаніе.

V.

Бунты въ Псковѣ и Новгородѣ.

Столбовскій трактатъ налагалъ на заключившихъ его взаимное обязательство выдавать перебѣжчиковъ той и другой стороны, если они находились за вновь установленными границами. Московитяне, жившіе въ областяхъ, уступленныхъ Швеціи, должны были тотчасъ-же оставить ихъ массами. Статья о выдачѣ нашла тутъ самое безчеловѣчное приложеніе, и Алексѣй согласился въ 1650 г. освободиться отъ нея за 20.000 рублей и за 14,000 четвертей ржи, которыя должны были быть взяты изъ казенныхъ магазиновъ во Псковѣ. Къ несчастію, магазины оказались пустыми, и коммерческій агентъ, Ѳеодоръ Емельяновъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ быстрымъ закупкамъ, которыя, внезапно поднявъ цѣну на хлѣбъ, заставили кричать о перекупной системѣ. Этого было достаточно для того, чтобы взбунтовать населеніе, еще совершенно не привыкшее къ московской дисциплинѣ и все еще сохранявшее воспоминаніе о старыхъ свободахъ. И вотъ, когда въ февралѣ 1650 года явился шведскій агентъ, Нумменсъ, для полученія денегъ и обѣщаннаго хлѣба, на него напали, ограбили его, грозили, что бросятъ въ рѣку, въ прорубь, потомъ посадили въ тюрьму и окружили стражею, готовою ежеминутно пустить въ дѣло кнутъ. Въ то же время была послана депутація въ Москву, такъ какъ всюду царило убѣжденіе, что царь не былъ причастенъ къ дѣйствіямъ Емельянова. Онъ, говорили, дѣйствуетъ лишь по приказу

Милославскаго, замышлявшаго отдать страну во власть нѣмцевъ. Вмѣстѣ съ этой ненавистной семьею сдѣлалась также предметомъ самыхъ оскорбительныхъ обвиненій царица Марія Ильинишна.

Подъ вліяніемъ крайняго возбужденія, которое передавалось по сосѣдству, Новгородъ пошатнулся въ свою очередь. За отсутствіемъ представителя отъ Швеціи, взбунтовавшіеся жители принялись за датскаго посланника Краббе. Съ нимъ тоже обошлись не мягко, обвиняя его какъ вымогателя тѣхъ же 20.000 рублей, назначенныхъ для подкупа иностранцевъ. Когда осмотръ его имущества не далъ ожидаемаго результата, защитники угрожаемаго отечества стали вознаграждать себя, вымещая свою досаду на нѣкоторыхъ изъ наиболѣе богатыхъ своихъ согражданъ, устроивъ имъ форменный грабежъ. На другое утро въ земской избѣ создалось революціонное правительство, и воеводѣ, князю Ѳеодору Хилкову, послѣ нѣкоторой попытки сопротивленія, пришлось искать убѣжища во дворцѣ митрополита, въ Софійскомъ дворѣ, который былъ взятъ.

Наши свѣдѣнія по поводу этого эпизода темны и противорѣчивы. Митрополитомъ тогда былъ Никонъ. Онъ оставилъ намъ разсказъ объ этой драмѣ въ письмѣ къ Алексѣю; но данныя въ немъ свѣдѣнія подозрительнаго свойства, такъ какъ, очевидно, авторъ желалъ въ немъ выставить лишь на видъ свою личность и свою роль. Документъ тѣмъ не менѣе довольно любопытенъ; онъ указываетъ на то, что будущій патріархъ страдалъ галлюцинаціями, быть можетъ въ дѣйствительности, но умѣлъ онъ ихъ использовать очень ловко; онъ разсказывалъ, что въ соборѣ Св. Софіи ему являлись видѣнія, предсказавшія ему сбывшіяся позже событія. Изображеніе Христа, вдругъ оживившись, ниспустило на его голову корону мученика. Вторженіе толпы въ жилище патріарха было повидимому вызвано худо разсчитанною суровостью энергичнаго митрополита. Вступившись за пристава новаго правительства, который былъ арестованъ и побитъ кнутомъ, толпа кинулась во внутренность дворца, и Никонъ, избитый въ свою очередь, закиданный каменьями, долженъ былъ слечь въ постель, харкая кровью, если вѣрить его словамъ, и ожидая смерти. Очень сильный, онъ недолго чувствовалъ послѣдствія такого обращенія, а съ другой сто-

роны бунтовщики, по соглашенію съ Псковомъ, поспѣшили послать въ свою очередь въ Москву пословъ для оправданія своего поведенія.

Алексѣй примѣнилъ въ этомъ случаѣ политику, воспоминанія о которой должны бы были сохранить самые его отдаленные преемники: онъ воздержался отъ крутыхъ мѣръ и проявленія непримиримости. Лично принявъ посланцевъ взбунтовавшагося города, онъ удостоилъ ихъ длиннымъ отвѣтомъ, въ которомъ, какъ казалось лишь защищался. Въ то же время онъ направилъ въ Новгородъ не отрядъ войска для подавленія возстанія, а простого парламентера съ небольшой охраной. Онъ вошелъ даже въ переговоры съ однимъ изъ вожаковъ бунта, Ѳедькою Негодяевымъ, и по его настоянію послалъ Никону строгое посланіе, въ которомъ упрекалъ послѣдняго въ нововведеніяхъ по литургіи, которыя вызвали озлобленіе населенія.

Такой ходъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Ѳедькѣ удалось ввести въ городъ небольшой отрядъ князя Ивана Хованскаго, и тотчасъ-же царь перемѣнилъ тонъ, приказавъ наказать различными карами нѣкоторыхъ изъ бунтовщиковъ. Онѣ были примѣнены такъ быстро, что нѣкій Ѳома Меркурьевъ былъ осужденъ за участіе въ возстаніи какъ разъ въ то время, когда выслушивалъ съ другой стороны благодарность за защиту воеводы и митрополита.

Оставалось еще покончить и съ Псковомъ, архіепископъ котораго раздѣлилъ участь Никона, въ то время, какъ несчастнаго Нумменса подвергли пыткѣ, а въ представителей царя, Хованскаго, а вслѣдъ за нимъ и въ Волконскаго, стрѣляли изъ пушекъ. Тутъ положеніе оказалось сложнѣе. Жители города вскружили себѣ головы разными фантастическими выдумками; одинъ изъ нихъ, побывавъ на шведской территоріи въ Нейгаузенѣ, говорилъ, что видѣлъ надъ входными воротами въ городѣ изображеніе царя на колѣняхъ передъ королевою Христиною; другой привезъ изъ Польши новость, будто-бы Алексѣй убѣжалъ въ сопровожденіи лишь трехъ преданныхъ ему лицъ, спасаясь отъ бояръ, возставшихъ противъ его власти, но онъ собирается вернуться съ цѣлою арміей казаковъ, чтобы обратить въ бѣгство Хованскаго.

Въ этомъ городѣ, нѣкогда республиканскомъ, и еще

сохранившемъ симпатіи къ идеалу, взлелѣянному на лонѣ сосѣдней великой республики,—эти басни такъ соотвѣтствовали направленію умовъ, что однажды инсургенты чуть не написали Владиславу IV, прося его вмѣшательства. Одумавшись, они все же упорно держались противъ Хованскаго до самаго іюля, когда, послѣ угрозы двинуть большое войско, Москва направила во Псковъ новое посольство изъ священниковъ и монаховъ подъ начальствомъ коломенскаго епископа Рафаила. Открывъ ворота Хованскому и выдавъ зачинщиковъ, мятежники получатъ полное прощеніе, такъ обѣщали имъ.

Они еще не дѣлали попытки въ этомъ направленіи, а Соборъ, собравшійся въ столицѣ, уже высказался за смягченіе мѣръ: достаточно будетъ, если городъ заявитъ о своемъ повиновеніи, тогда Хованскій съ солдатами удалится немедленно. Въ августѣ заключили договоръ въ этомъ смыслѣ и епископъ Коломны, объявивъ всеобщую амнистію, предоставилъ крупнымъ горожанамъ города, болѣе всего пострадавшимъ при бунтѣ, отомстить за себя собственными средствами. Позже только Алексѣй просилъ королеву Христину прислать своихъ делегатовъ присутствовать при казни нѣсколькихъ лицъ, на которыхъ особенно жаловался Нумменсъ. И такимъ образомъ во Псковѣ воцарился порядокъ.

Одно время поколебленный, во время кризиса, авторитетъ новгородскаго митрополита вышелъ побѣдителемъ, и подготовилъ для церкви одинъ изъ наиболѣе прекрасныхъ тріумфовъ, одержанныхъ ею въ ея вѣковой борьбѣ со свѣтскою властью.

VI.

Апофеозъ московскаго патріархата.

Алексѣй сталъ себя упрекать за то, что не подчинился авторитету и осуждалъ поведеніе человѣка, которому само небо ниспослало благость пророческихъ видѣній. Онъ призвалъ его въ 1651 году въ Москву и всецѣло покорился ему. Царь имѣлъ страсть къ религіознымъ церемоніямъ, гдѣ находили себѣ полное удовлетвореніе его мистическія наклонности и его любовь къ искусству,

которыя Никонъ сумѣлъ удивительно использовать. Онъ привелъ государя въ восторгъ двумя религіозными торжествами, по случаю перенесенія въ Успенскій соборъ останковъ патріарха Гермогена и патріарха Іова, двухъ мучениковъ эпохи Смутнаго Времени, погребенныхъ—одинъ въ Чудовомъ монастырѣ, а другой въ Старицѣ. Затѣмъ пришла очередь мощамъ св. Филиппа. Манифестація еще болѣе важная! Этотъ святой погибъ въ неравной борьбѣ съ Грознымъ. То было публичное покаяніе свѣтской власти передъ противникомъ: въ Россіи послѣдовали примѣру императора Ѳеодосія, собравшаго съ благоговеніемъ останки Іоанна Златоуста. Удивительная прелюдія къ послѣдовавшему затѣмъ извиненію.

Алексѣй покорно подчинился этому плану: Ѳеодосій написалъ извинительное письмо святому, оскорбленному его матерью; царь сдѣлалъ то же самое, замаливая подобнымъ же образомъ преступленіе своего прадѣда по матери. Его переписка съ новгородскимъ митрополитомъ даетъ намъ любопытное свидѣтельство того состоянія подчиненія и нравственной слабости, которыя можетъ вызвать путемъ религіознаго вліянія властный темпераментъ даже у личностей сильныхъ и такъ высоко поставленныхъ. Въ этотъ моментъ, казалось, молодой государь совершенно отказался отъ всякой воли и отъ всякой гордости. Онъ явился самымъ послушнымъ ученикомъ передъ этимъ властнымъ учителемъ и самымъ смиреннымъ изъ кающихся передъ этимъ священнослужителемъ. Онъ склоняется передъ нимъ и простирается ницъ до полнаго униженія. Онъ доходитъ до того, что объявляетъ вдругъ, будто его грѣхи дѣлаютъ его недостойнымъ числиться даже на ряду съ собаками!

Впрочемъ его юность и крайняя впечатлительность объясняютъ это явленіе. Случившаяся въ то же время смерть патріарха Іосифа произвела на него сильное впечатлѣніе.

Царю приписывали намѣреніе смѣстить этого первосвященника, бывшаго довольно жалкой личностью: жадный, скупой, онъ мало заботился о своихъ обязанностяхъ. Алексѣй, быть можетъ, думалъ объ этомъ дѣйствительно и потому испытывалъ угрызенія совѣсти. Войдя въ мертвецкую и найдя его тѣло покинутымъ даже тѣми, кто былъ назначенъ

бодрствовать надъ нимъ, онъ былъ пораженъ такимъ ужасомъ, что чуть не упалъ въ обморокъ. Онъ самъ описалъ эту сцену: сдержавъ свое волненіе, онъ принялся молиться у изголовья усопшаго, какъ вдругъ процессъ разложенія произвелъ совершенно естественный шумъ внутри трупа. Царь испугался, онъ хотѣлъ бѣжать. Но онъ все-же сдержалъ себя и его практическій умъ внушилъ ему необходимость выполнить другую обязанность; у патріарха, вѣроятно, остались значительныя богатства и, если царь не останется при нихъ, отъ нихъ не останется и половины. И вотъ государь собственною рукою принялся составлять подробную опись всему. Онъ нашелъ баснословное количество драгоцѣнной посуды, тщательно завернутой по московскому обычаю въ три или четыре бумаги. Собственноручно онъ сталъ ихъ разворачивать. Нѣкоторые предметы, признается онъ, соблазняли его: краснорѣчивое указаніе на тогдашніе нравы! Онъ устоялъ однако противъ искушенія присвоить ихъ себѣ. И, трудясь въ этомъ направленіи, онъ все оплакивалъ усопшаго и дошелъ до того, что забылъ всѣ его недостатки. Въ то же время со всею силою своей умиленной души, онъ бросился съ еще большею стремительностью въ объятія другого священнослужителя, поразившаго его своей интеллигентностью и превосходствомъ натуры и онъ намѣтилъ его преемникомъ умершаго.

Никонъ находился въ Соловкахъ, откуда долженъ былъ привезти тѣло Св. Филиппа, и на своей весьма многочисленной свитѣ онъ показалъ уже свою сильную руку деспота, котораго нашли въ немъ позже церковь и государство. Бояре и высшіе чины, сопровождавшіе его въ этомъ паломничествѣ, всѣ единогласно жаловались не только на то, что были подчинены исключительнымъ религіознымъ обрядамъ и постамъ, но еще кромѣ того подвергались самому грубому обращенію. Не смотря на то, что это доставило ему нѣкоторое огорченіе, Алексѣй не осмѣлился однако упрекнуть за это избранника своего сердца. Онъ только ограничился робкимъ совѣтомъ, принять нѣкоторыя мѣры предусмотрительности и не рисковать передъ особенно раздраженными лицами, среди которыхъ игралъ первую роль очень популярный, гордившійся своими недавними, хотя и сомнительными успѣхами, и считавшійся чуть не великимъ полководцемъ, Иванъ Хованскій.

Возвратясь вскорѣ послѣ этого въ Москву, Никонъ былъ избранъ патріархомъ, т.-е. предложенъ для выбора Собору. Слѣдуя обычаю, онъ отказался, заставилъ себя просить, даже заставилъ царя пасть передъ нимъ ницъ въ Успенскомъ соборѣ и присоединить и свои мольбы къ мольбамъ присутствующихъ. Но и этого было еще недостаточно. Охотникъ до всякихъ театральныхъ манифестацій, Никонъ предложилъ слѣдующія условія боярамъ и народу: „Согласны они признать въ немъ пастыря и отца, которому должны повиноваться всѣ? Уполномочатъ-ли они его принять мѣры для возстановленія порядка въ церкви?“ Утвердительный отвѣтъ не заставилъ себя ждать, и Никонъ одѣлъ себѣ на голову бѣлую митру патріарховъ.

То было 22 іюля 1652 года. Въ то же самое время, польско-московское соперничество, приведшее къ рѣзкому повороту благодаря возстанію польской украйны, вошло совершенно въ новую фазу. Я оставляю для другой части этого разсказа сообщеніе о событіяхъ, которыя, цѣною кровавой тринадцатилѣтней войны, закрѣпили, начиная съ этой эпохи, окончательный тріумфъ наиболѣе сильнаго изъ двухъ противниковъ. Являясь сначала побѣдоносной для оружія Алексѣя, потомъ показавъ со всей жестокостью свою обратную сторону, борьба эта должна была потребовать исключительныхъ жертвъ отъ слишкомъ сильно истощенной страны и въ 1662 году, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, она вызвала новые внутренніе безпорядки, которые становились серьезными и грозили уничтожить уже добытые успѣхи.

VII.

Монетный кризисъ.

Уже давно московская казна вынуждена была прибѣгать къ самымъ неудобнымъ средствамъ. За отсутствіемъ драгоцѣннаго матеріала, который не удалось открыть иностраннымъ изыскателямъ, прибѣгли, какъ это было и во Франціи, да и въ другихъ странахъ, къ переливкѣ монеты по большей части иностраннаго происхожденія. Изъ одного голландскаго экю, стоящаго отъ 40 до 50 коп., чеканили 60 и болѣе. Или рѣшали, что эти экю сойдутъ по курсу за рубль. Въ концѣ концовъ прибѣгли къ насильственному введенію мѣдной монеты.

Въ 1647 году одинъ иностранный путешественникъ напечаталъ слѣдующую характерную замѣтку:

„Торговля шла плохо въ Москвѣ въ прошломъ году, благодаря послѣдней войнѣ, истощившей жителей двухъ пятинъ, и новымъ налогамъ, потому что имъ пришлось отдавать насильно свои товары за мѣдныя деньги, что заставило понизить ихъ цѣну со ста на одинъ... Это раззорило многихъ частныхъ собственниковъ и повергло ихъ въ такое отчаянье, что одни изъ нихъ повѣсились, а другіе пропивали остатокъ своего имущества и умирали въ пьянствѣ".

Изъ этого видно, что извѣстныя черты экономическаго и соціальнаго кризиса, при которомъ мы теперь присутствуемъ, имѣли свои прецеденты въ прошломъ.

То были лишь опыты, въ которыхъ однако зародилась уже идея, на которую должны были натолкнуть московскихъ финансистовъ гибельные результаты польской войны. Въ 1656 году, если не раньше, по совѣту, какъ полагаютъ, Ѳедора Ртищева, въ Москвѣ вздумали чеканить рубли изъ мѣди и придать имъ офиціально цѣнность серебрянаго рубля. Такъ какъ отношеніе цѣнъ обоихъ металловъ равнялось тогда 62,5 : 1, то ясно, какую громадную выгоду думала извлечь изъ этого предпріятія казна. Какъ ни груба была эта иллюзія, она тождественна съ той, которая привела въ различныя времена и въ различныхъ странахъ къ выпуску бумажныхъ денегъ. Мѣдные рубли являлись въ общемъ лишь ассигнаціями, и предубѣжденіе противъ тѣхъ, которые имѣли съ ними дѣло, можно оправдать особенными условіями. Съ одной стороны на самомъ дѣлѣ казна заявила, что только эта монета имѣетъ законный курсъ и можетъ отнынѣ служить для обмѣна, а съ другой стороны, примѣняя насильственный обмѣнъ ея на золотую и серебряную монету, она какъ-бы представляло въ видѣ гарантіи все богатство государя, которое казалось тогда огромнымъ, неисчерпаемымъ и значитъ представляла эквивалентъ металлическому обмѣну при вѣпускѣ денежныхъ знаковъ нашими современными банками.

Между заинтересованными лицами многія были склонны этимъ удовлетвориться. Когда украинскіе казаки хотѣли сдѣлать по этому поводу нѣкоторыя возраженія одинъ изъ ихъ полковниковъ вскричалъ: „Въ чемъ дѣло? Если царю угодно

платить жалованье бумажными лоскутьями, на которыхъ будетъ красоваться его священное изображеніе, мы должны будемъ и это принимать съ радостью". Въ лицѣ этого человѣка Джонъ-Лоу нашелъ-бы себѣ адепта.

Система, такимъ образомъ введенная, должна была не разъ повторяться въ финансовой исторіи Россіи. Круглые или четыреугольные, съ виду похожіе на серебряныя монеты или большія бляхи, мѣдные рубли появлялись здѣсь нѣсколько разъ: въ 1725 году въ царствованіе Екатерины I и въ 1771 г. въ царствованіе Екатерины II. Значительно позже въ 1843 г. еще болѣе смѣлая аппеляція къ общественному довѣрію побудила толпившихся у кассъ владѣльцевъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ обмѣнять ихъ на тѣ зеленые билеты, которые, какъ и прежніе мѣдные рубли, должны были одни быть въ будущемъ въ обращеніи.

Въ царствованіе Алексѣя московскіе купцы не видѣли вначалѣ никакой трудности въ переходѣ къ предложенному имъ монетному обращенію. Довѣріе было слишкомъ прочное и, съ равною ему смѣлостью, употребляя исключительно лишь новую мѣдную монету, для всѣхъ платежей, казна отказалась принимать болѣе трети при своихъ собственныхъ сборахъ. Тѣмъ не менѣе наивность плательщиковъ этимъ не была поколеблена и для того, чтобы имъ открыть глаза, необходимо было, чтобы къ этому прибавилось еще тяжелое злоупотребленіе. Въ теченіе пяти лѣтъ, по свидѣтельству Майерберга, выпуски мѣди достигли пяти милліоновъ рублей, т. е. въ пять разъ болѣе годового бюджета. Въ то же время появился цѣлый легіонъ фальшиво-монетчиковъ. Примѣръ имъ подалъ самъ Илья Милославскій вмѣстѣ съ офиціальными монетчиками. И началась бѣда. Благодаря цѣлому ряду грубыхъ или наивныхъ уловокъ цѣну рубля серебромъ съ 108 копѣекъ въ 1659 году удалось поднять до 15 рублей, какъ это было констатировано въ 1663 году. Это было полное разореніе.

Правительство капитулировало въ іюнѣ того же года передъ ужасною нуждою обездоленнаго населнеія, лишеннаго возможности пріобрѣтать даже предметы первой необходимости; указъ прекратилъ чеканку мѣдной монеты и всѣ соединенныя съ ней операціи. Вся мѣдная монета была тогда изъята изъ обращенія, при чемъ новый законъ запрещалъ част-

нымъ лицамъ сохранять хотя-бы малѣйшій запасъ ея, а казна принимала теперь при первой явкѣ лишенныя цѣнности монеты, но только и тутъ приходится удивляться геніальности московскаго фиска, какъ и терпѣнію его подданныхъ, такъ какъ обмѣнъ дѣлался по одному на сто!

Но это была уступка общественному мнѣнію, которое начинало принимать крайне грозный характеръ.

Уже весною 1662 года Москва волновалась мрачными слухами. Умирая съ голоду, населеніе, чернь столицы, собиралось, говоря о необходимости показать Ильѣ Мстиславскому, Ртищеву и нѣкоторымъ изъ ихъ клевретовъ, гдраки зимуютъ. Кромѣ монетнаго кризиса, умы были возбуждены недавнимъ введеніемъ 20-процентнаго подоходнаго налога, который явился послѣдствіемъ недавно свирѣпствовавшей чумы и продолженія войны, принявшей въ эту пору дурной оборотъ.

Въ іюнѣ, въ то время, какъ царь находился въ своемъ любимомъ селѣ Коломенскомъ (въ 7 верстахъ отъ Москвы) на одной изъ площадей столицы, на Лубянкѣ,—былъ прибитъ плакатъ, объявлявшей этихъ-же людеи отданными во власть народной мести. Когда Алексѣй приказалъ снять афишу, возмутившаяся толпа бросилась по дорогѣ въ Коломенское. Въ это время царь, празднуя день рожденія одной изъ своихъ сестеръ, слушалъ обѣдню въ дворцовой церкви. Узнавъ обо всемъ, онъ приказалъ Мстиславскому и Ртищеву спрятаться въ покояхъ царицы, и спокойно продолжалъ молиться.

Православная служба продолжается очень долго, и бунтовщики успѣли захватить входы во дворецъ, прежде чѣмъ пропѣли послѣднія молитвы. Алексѣй былъ вынужденъ оставить службу и появиться на крыльцѣ, откуда онъ обратился съ рѣчью къ своимъ нежданнымъ гостямъ. Какъ только окончится служба, онъ обѣщалъ отправиться въ Москву и приняться тамъ за розыскъ. Но нѣсколько смѣлыхъ людей успѣли уже добраться до царя и, хватая его за полы и за пуговицы, требовали гарантіи.

Застигнутый врасплохъ, не подумавъ даже позвать своихъ тѣлохранителей, которые забыли охранить доступъ во дворецъ, Алексѣй сталъ божиться, что произведетъ скорую и справедливую расправу, онъ протянулъ даже

руку одному изъ возставшихъ въ знакъ гарантіи своихъ обѣщаній, какъ это сдѣлалъ въ 1635 году въ Парижѣ маршалъ дела Форсъ, набирая солдатъ среди столичныхъ воровъ, и гилевщики, какъ ихъ здѣсь называли, отправились домой.

Между тѣмъ въ церкви все продолжалась служба. Вернувшись туда, государь послалъ въ Москву князя Хованскаго, ставшаго еще больше популярнымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, хотя и безуспѣшно, сражался съ поляками, и обѣщалъ, что скоро послѣдуетъ за нимъ. Но, тѣмъ временемъ другая группа мятежниковъ разграбила домъ богатаго московскаго купца Василія Шорина, заподозрѣннаго въ сношеніяхъ съ фальшивомонетчиками и съ Польшею, и эта группа въ свою очередь направилась по дорогѣ въ Коломенское. На полпути обѣ партіи встрѣтились, соединились вмѣстѣ и сообща рѣшили новое наступленіе.

Къ бунту примкнуло и нѣсколько солдатъ, одни изъ которыхъ дезертировали изъ войска, а другіе дѣйствовали по приказу офицеровъ, изъ которыхъ одинъ, капитанъ князь Крапоткинъ, предокъ знаменитаго революціонера, пытался увлечь съ собою весь отрядъ. Развращенные прокламаціями, распространяемыми массою въ военныхъ слободахъ, они составляли ядро этой маленькой арміи, гдѣ было только нѣсколько сотенъ настоящихъ бунтовщиковъ, при чемъ толпа состояла главнымъ образомъ изъ зѣвакъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. И дѣйствительно, какъ это и показали результаты предпринятаго потомъ розыска, военный элементъ управлялъ всѣмъ движеніемъ. Въ этомъ-то и заключалась серьезность положенія, особенно въ этотъ моментъ, когда отъ полной концентраціи всѣхъ наличныхъ силъ страны зависѣлъ исходъ грозной войны.

Алексѣй сѣлъ на коня, чтобы выполнить обѣщаніе, когда мятежники явились передъ нимъ такимъ образомъ подкрѣпленные. Онъ уже не былъ теперь безъ защиты. Были собраны два полка стрѣльцовъ; наемные полки, стоявшіе въ столицѣ, прибыли имъ на подмогу. Нисколько не испугавшись такой силы, которую они могли считать неопасной послѣ побѣдоносныхъ мятежей 1648 года, гилевщики говорили, какъ господа положенія:

— Не проливай напрасно христіанской крови, православный царь! Мы рѣшили наложить руку на измѣнниковъ

и если ты ихъ не хочешь выдать, мы, какъ когда-то, возьмемъ ихъ у тебя!

И, сопровождая эти слова угрожающими жестами, они подняли кверху дубины и сабли. Вотъ въ какомъ положеніи очутился второй представитель династіи Романовыхъ!

Но онъ видалъ виды, онъ могъ легко оцѣнить силу противниковъ, съ которыми теперь встрѣтился. Царь подалъ знакъ, и въ нѣсколько минутъ выходы ко двору были очищены. Сотня бѣглецовъ потонула въ сосѣдней рѣкѣ; еще больше было убито стрѣльцами и тысячи были арестованы.

По времени и по мѣсту послѣдовавшія репрессіи кажутся еще довольно мягкими. Капитанъ князь Крапоткинъ, присужденный къ кнуту и къ ссылкѣ, могъ считать, что хорошо отдѣлался. Среди двѣнадцати приговоровъ къ разнымъ наказаніямъ и ста четырехъ приказовъ о ссылкѣ, постигшихъ по большей части военныхъ, документы не указываютъ ни одной смертной казни.

Алексѣй испыталъ однако сильное потрясеніе, и царица болѣе года чувствовала послѣдствія этого событія. Ихъ ожидало еще болѣе тяжкое испытаніе.

Съ согласія государя, Никонъ принялся выполнять программу своей патріаршей дѣятельности въ томъ видѣ, какъ онъ ее опредѣлилъ, согласившись принять наслѣдіе Іосифа. Съ большимъ самообладаніемъ онъ принялся выполнять обширный рядъ реформъ, вызывая при этомъ сильное сопротивленіе и даже возбуждая, или вѣрнѣе ускоряя (такъ какъ причины его коренились въ прошломъ), — одно изъ самыхъ страшныхъ вѣроисповѣдныхъ возстаній, которое когда-либо происходило на памяти исторіи, — это былъ расколъ. Исторія его происхожденія и развитія требуетъ особеннаго вниманія. Уже много лѣтъ, опираясь на своего августѣйшаго друга, Никонъ высоко держалъ голову передъ своими противниками, энергія которыхъ равнялась его собственной. И это обоюдное согласіе духовнаго и политическаго вождя имперіи, гарантированное взаимною привязанностью, закрѣпленное самыми торжественными обѣщаніями, казалось, обѣщало имъ вѣрную побѣду, какъ вдругъ оно оборвалось при обстоятельствахъ, придавшихъ этому конфликту особую важность въ виду дальнѣйшихъ отношеній двухъ властей, здѣсь встрѣтившихся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царь и патріархъ.

1. Никонъ. 2. Разрывъ. 3. Борьба. 4. Процессъ патріарха. 5. Изгнаніе.

I.

Никонъ.

Помимо той реформаторской работы, съ которой связано имя этого послѣдняго изъ великихъ вождей московской школы, фигура его настолько интересна, драма, которой послѣ долгихъ лѣтъ напряженія закончилась его блестящая карьера, его процессъ и въ результатѣ изгнаніе, составляютъ такую любопытную страницу въ исторіи нации, что мы должны остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Аввакумъ любилъ указывать на то, что отецъ Никона былъ черемисъ, а мать татарка.

Составляя въ свое время предметъ спора между противниками и защитниками реформатора, его финское происхожденіе не оставляетъ уже въ настоящее время никакого сомнѣнія. Но ни физически, ни нравственно эта личность не обнаруживаетъ никакихъ чертъ, свойственныхъ этой слабосильной и холодной расѣ. Никонъ представляетъ изъ себя гиганта. Увидя его въ первый разъ въ 1663 году, грекъ Паисій Лигаридъ былъ пораженъ его животнымъ видомъ, огромнымъ ростомъ, громадною величиною головы, черными, несмотря на его шестьдесятъ лѣтъ, волосами, низкимъ, нахмуреннымъ лбомъ, густыми бровями фавна, длинными ушами сатира и грубымъ голосомъ многорѣчиваго спорщика.

Увлеченный пристрастіемъ, этотъ свидѣтель могъ, безъ сомнѣнія, перенести свою недоброжелательность на обрисовку портрета, но общее сходство его съ оргиналомъ во всякомъ случаѣ подтверждается также другими источниками. Другой

грекъ, котораго можно менѣе подозрѣвать во враждебномъ чувствѣ, Павелъ Алепскій, рисуетъ патріарха остающимся за столомъ отъ полудня до полуночи и служащимъ заутреню прямо послѣ попойки, не обнаруживая при этомъ и тѣни усталости.

У Никона было больше темперамента, чѣмъ интеллигентности или знанія и, едва отесанный довольно поверхностнымъ религіознымъ воспитаніемъ, очень мало просвѣщенный поспѣшнымъ чтеніемъ, умъ его оставался невѣжественнымъ. Его властный и смѣлый характеръ, сильная любовь къ дѣятельности и къ борьбѣ, соединенные съ извѣстною ловкостью и съ большимъ талантомъ рисовки,—вотъ что обезпечило ему пріемъ въ качествѣ драгоцѣннаго соратника въ среду образованныхъ и предпріимчивыхъ людей, гдѣ нашла себѣ очагъ среди приближенныхъ Алексѣя идея о религіозной реформѣ, которую онъ потомъ призванъ былъ осуществить. Разсматривая выполненную такимъ образомъ работу, мы увидимъ, что иниціаторы ея ошиблись въ выборѣ главнаго работника, такъ какъ это орудіе гораздо менѣе послушное, чѣмъ они воображали, не замедлило ускользнуть изъ ихъ рукъ, и реформа, законченная безъ нихъ и помимо ихъ, должна была повлечь за собою ихъ гибель.

Руководя проведеніемъ этой реформы на практикѣ, Никонъ овладѣлъ ею, сдѣлалъ ее своею, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, если не создалъ, то во всякомъ случаѣ выполнилъ ее, она несомнѣнно носитъ на себѣ отпечатокъ его личности. Въ общемъ реформа заслуживаетъ, однако, одобренія. Даже кромѣ исправленія книгъ или литургіи, къ моменту своего паденія, наслѣдникъ Іосифа завелъ по крайней мѣрѣ частично, согласно заявленнымъ имъ намѣреніямъ, въ церкви тотъ порядокъ и дисциплину, которые въ ней совершенно отсутствовали; онъ возстановилъ проповѣдь, отъ которой отвыкъ уже клиръ этой страны, занялся созданіемъ школъ и введеніемъ въ нихъ классическаго образованія, всячески поощряя переводы съ греческаго на славянскій; собравъ въ основанномъ имъ Воскресенскомъ монастырѣ элементы богатой библіотеки, онъ такимъ образомъ сдѣлалъ попытку создать для блага своихъ соотечественниковъ тотъ интеллектуальный очагъ, котораго ему недоставало въ юности.

Никонъ оставилъ въ качествѣ проповѣдника воспоминаніе о замѣчательномъ импровизаторѣ, обладавшемъ къ тому же могучимъ и мелодичнымъ голосомъ. Часто ему случалось вдохновиться какимъ-либо случаемъ, происшедшимъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ находился на каѳедрѣ и развивать на эту тему урокъ по религіозному воспитанію. Но ни одна изъ этихъ рѣчей не дошла до насъ, а нѣкоторые изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи письменныхъ его приказовъ, даже его рѣчи на Соборахъ 1654 и 1655 годовъ, грѣшатъ напротивъ, растянутостью, частыми повтореніями и грубостью стиля, которыя дѣлаютъ ихъ иногда плохо понятными.

Никонъ умѣлъ наконецъ остановить расколъ, и допустимъ, если не подтвержденъ тотъ фактъ, что, если бы не произошло его паденіе, раздѣленіе церквей могло бы быть задержано въ самомъ началѣ.

Эти дѣйствительно реальныя достоинства и заслуги помогли Никону добиться такого личнаго положенія, при которомъ онъ сталъ выше всѣхъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ. А между тѣмъ Алексѣй очень преклонялся передъ Іосифомъ и, узнавъ во время службы о смерти этого патріарха, онъ, какъ и всѣ присутствующіе, были,— какъ это утверждаетъ онъ самъ, — поражены такимъ „ужасомъ“, что едва были въ состояніи продолжать пѣніе. А между тѣмъ это былъ лишь Іосифъ или Іоасафъ, совсѣмъ не владѣвшій исключительными титулами Филарета и бывшій, какъ и всѣ представители московской церкви, лишь поставленнымъ во главѣ іерархіи чиновникомъ государства, подчиненнымъ во всѣхъ отношеніяхъ свѣтской власти. Его инвеститура, какъ и назначеніе митрополитовъ, епископовъ и даже главныхъ архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, зависѣла исключительно отъ доброй воли государя.

Да иначе и быть не могло, такъ такъ въ древней Россіи епископы были не только пастырями душъ, но также и агентами правительства съ очень обширными полномочіями административнаго характера. Владѣя огромными помѣстьями, они выполняли тамъ всѣ функціи власти и начальствовали иногда надъ войсками, представлявшими изъ себя автономныя военныя единицы, но при этомъ они являлись всегда лишь делегатами своего государя, единственнаго источника

всякой власти. Переводъ московской митрополіи въ патріархатъ, исключительно дѣло свѣтской власти, ничего не измѣнилъ въ этомъ режимѣ. Первые представители этой должности: Іовъ, Игнатій, Гермогенъ явились пассивными жертвами смутнаго времени, подвергаясь оскорбленіямъ толпы, низложенію со стороны эфемерныхъ правительствъ, а клиръ не вмѣшивался, чтобы защитить ихъ; послѣ исключительной исторіи, въ которой фигурировалъ Филаретъ, его преемники, Іоасафъ и Іосифъ, вступили на эту должность безъ всякихъ затрудненій.

Былъ ли патріархатъ въ Москвѣ, какъ это допускаютъ нѣкоторые историки, институтомъ, противуположнымъ демократическому духу религіозной коммуны? Разсужденіе объ этомъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ такое явленіе не могло продолжаться долго. Общая тенденція верховнаго клира была направлена безъ всякаго сомнѣнія къ освобожденію отъ этой дѣйствительно унизительной зависимости; но его представители имѣли очень большую наклонность къ чисто свѣтскимъ выгодамъ, далеко не апостольскую, и ихъ вѣчные раздоры привели къ тому, что государь сдѣлался истиннымъ главою церкви.

Идеи и чувства Алексѣя дѣлали его особенно способнымъ для выполненія подобной функціи. Онъ самъ являлся настолько проникнутымъ церковнымъ духомъ, что вдохновлялся имъ даже при распоряженіяхъ военнаго характера. Однажды онъ упрекалъ одного изъ своихъ генераловъ, разбитаго поляками, за то, что онъ забылъ не правила стратегіи, но предписанія Св. Писанія, и рекомендовалъ другому въ качествѣ средства для вящаго успѣха, пѣніе въ унисонъ во время похода.

Его видѣли занятымъ регламентаціей постовъ, и онъ диктовалъ приказы по этому поводу; будучи иниціаторомъ самыхъ важныхъ соборовъ семнадцатаго вѣка, среди религіознаго кризиса, который эти собранія пытались уничтожить, помимо ихъ и даже вопреки ихъ волѣ и волѣ патріарха, царь вмѣшивается въ качествѣ посредника въ споры по обсуждаемымъ вопросамъ и дѣлаетъ господствующимъ въ нихъ свои мнѣнія.

При такомъ положеніи вещей патріархатъ Никона не внесъ ничего новаго въ принципѣ. По свидѣтельству нѣко-

торыхъ очевидцевъ, преемникъ Іосифа добылъ себѣ хартію о невмѣшательствѣ государя въ церковныя дѣла и обращеніи рѣшеній патріарха въ обязательныя, безъ всякаго обсужденія и аппеляціи. Но подобное толкованіе условій, которыя Никонъ поставилъ своимъ избирателямъ въ театральной сценѣ въ Успенскомъ Соборѣ, кажется неправильнымъ. Подписавъ въ качествѣ простого архимандрита Уложеніе 1648—49 годовъ, Никонъ, даже сдѣлавшись патріархомъ, не поднялъ ни разу протеста противъ статей этого кодекса, представлявшихъ изъ себя самое сильное покушеніе на независимость церкви.

Онъ принялъ установленный порядокъ, предоставивъ себѣ лишь право использовать путемъ личнаго вліянія естественныя послѣдствія режима. Не желая пробивать бреши или критиковать свѣтскую власть, онъ предпочиталъ использовать ее, чтобы закрѣпить свою личную власть.

Освободить епископовъ отъ свѣтскихъ насильственныхъ мѣръ съ тѣмъ, чтобъ усилить тѣ, которымъ онъ подчинялъ ихъ самъ, избавить новгородскую митрополію, пока онъ былъ ея отвѣтственнымъ лицомъ, а потомъ патріаршую епархію, когда онъ сталъ завѣдывать ею, отъ юрисдикціи монастырскаго приказа, присоединить къ той или другой основанные имъ монастыри, хотя и расположенные внѣ ихъ вѣдомства,—вотъ къ чему сводилась его система.

По праву эта юридическая автономія, которую онъ присвоилъ себѣ, не исключала аппеляціи къ государю; но когда одинъ дьяконъ попытался въ 1655 году воспользоваться ею, Алексѣй его выпроводилъ со слѣдующими словами:

— Другъ мой, если бы я вздумалъ измѣнять рѣшенія патріарха, онъ бы тотчасъ отдалъ мнѣ свой посохъ со словами: управляй моими монахами и священниками вмѣсто меня.

Съ теченіемъ времени Никонъ стремился связать такимъ образомъ полученныя личныя привилегіи съ общимъ принципомъ: онъ сталъ утверждать, что подписалъ Уложеніе лишь насильно; онъ приказалъ перепечатать въ 1653 году Номоканонъ съ тенденціозными прибавками въ этомъ смыслѣ, введя туда знаменитое Donatio, происходившее отъ временъ императора Константина. Быть можетъ, онъ не зналъ,

что это апокрифъ, но онъ думалъ, по примѣру римскихъ папъ, найти въ немъ опору своимъ притязаніямъ. Ему даже приписываютъ намѣреніе присвоить себѣ титулъ папы, которымъ будто бы владѣли нѣкогда восточные патріархи.

Между тѣмъ Никонъ всегда былъ обязанъ главнымъ образомъ своимъ авторитетомъ чрезвычайному вліянію, которымъ онъ пользовался, на государя, и кромѣ того своей твердости и настойчивости, которыя, даже по крайне благопріятному для него свидѣтельству Павла Алепскаго, обращали его въ настоящаго тирана. За мельчайшую провинность архимандритовъ и протопоповъ заключали въ оковы и заставляли работать день и ночь въ просвирнѣ патріаршаго дворца, или осуждали ихъ на голодную смерть въ подземныхъ тюрьмахъ. Проѣзжая по деревнямъ, стрѣльцы патріарха чинили въ нихъ строгія полицейскія расправы и примѣняли жестокія репрессіи.

За время своего пребыванія въ московскомъ государствѣ греческій монахъ констатировалъ въ немъ фактическое раздѣленіе верховной власти между тремя главами: царемъ, патріархомъ и келаремъ Сергія Троицы, настолько могущественнымъ и блестящимъ, что при его разъѣздахъ свита его была еще болѣе многочисленна, чѣмъ свита его соперниковъ по власти. Тѣмъ не менѣе онъ былъ вскорѣ смѣщенъ Никономъ и осужденъ на должность мельника въ монастырѣ, гдѣ и окончилъ свои дни! Но этотъ очевидецъ могъ, конечно, увлекаться своимъ восточнымъ воображеніемъ и легковѣріемъ: онъ былъ, напримѣръ, убѣжденъ, что большой крестъ на Благовѣщенскомъ соборѣ вылитъ изъ массивнаго золота и стоитъ 100 милліоновъ.

Могущество патріарха опиралось также на его громадное богатство. Никонъ былъ большой кулакъ. Къ тѣмъ большимъ помѣстьямъ, которыя составляли наслѣдіе его предшественниковъ, вопреки Уложенію, онъ не переставалъ прибавлять новыя, такъ что число его крестьянъ съ 10,000 дошло до 25,000. Почти отъ каждой земли, возвращаемой казнѣ, патріархъ урывалъ для себя какую-либо частицу.

Въ 1656 г. Никонъ произвольно уничтожилъ коломенскую епархію, присоединивъ ее къ своей вмѣстѣ со всѣми получаемыми отъ нея доходами. Въ то же время онъ поднялъ инвеституру, платимую ежегодно патріарху за назна-

ченія на церковныя должности, заставляя простыхъ поповъ лично являться для этой цѣли въ Москву, гдѣ ихъ задерживали отъ трехъ до шести мѣсяцевъ и заставляли, несмотря на большіе холода, останавливаться во дворѣ дворца патріарха. Отъ однѣхъ церквей въ столицѣ онъ получалъ ежегодно до 14,000 рублей и присвоилъ себѣ даже часть доходовъ Сергія Троицы, такъ что его собственные доходы доходили, если вѣрить Павлу Алепскому, до двадцати тысячъ рублей въ годъ.

Въ 1655 году Никонъ велѣлъ себѣ выстроить новый дворецъ, стоившій 50,000 рублей, хотя всѣ матеріалы для него были доставлены царемъ, а рабочія руки составили крѣпостные патріаршихъ помѣстій. Въ его домѣ царила пышность, жили на широкую ногу и много пили. Павелъ Алепскій упоминаетъ, что передъ ѣдой патріархъ и его гости выпивали по три рюмки водки и послѣ каждаго блюда предлагались различные напитки. А блюдъ въ эту эпоху подавалось часто съ десятокъ. Въ будній день столъ одного изъ преемниковъ Никона имѣлъ ихъ 29, не считая закусокъ.

Никонъ любилъ роскошь и пышность во всемъ. Нѣкоторыми чертами онъ предвосхищаетъ выходки въ этомъ родѣ наиболѣе великолѣпнаго изъ любимцевъ Екатерины Великой: принимая Алексѣя въ какомъ-нибудь монастырѣ, онъ съ большими затратами собиралъ туда всѣхъ монаховъ изъ всѣхъ сосѣднихъ монастырей. Патріархъ, какъ петиметръ, занимался своимъ туалетомъ, снабдивъ свои патріаршія украшенія такимъ количествомъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, что, несмотря на свои широкія плечи, не могъ вынести ихъ тяжести и долженъ былъ смѣнить одежду во время самой службы. Ряса и риза, которыми онъ былъ украшенъ, отливали всѣми цвѣтами радуги. Ему приписывали даже привычку смотрѣться въ зеркало во время службы. Но въ чемъ его только не обвиняли!

Никонъ, дѣйствительно, создалъ себѣ много враговъ, которымъ было не трудно его оклеветать и обвинить. Патріархъ былъ во многомъ виноватъ, но трудно возстановить истину во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ. Для раскольниковъ, откуда совершенно понятно вышли его самые сильные и самые активные противники, главнымъ его преступленіемъ было

ношеніе имъ въ подражаніе римскимъ первосвященникамъ изображенія Христа или Святой Дѣвы на своихъ туфляхъ. Но расходная книга патріарха показываетъ также ежедневную раздачу щедрой милостыни, и Павелъ Алепскій, можетъ быть, былъ не очень далекъ отъ истины, когда увѣрялъ, что несмотря на свою суровость Никонъ былъ такъ же дорогъ большинству русскихъ, какъ папа католикамъ.

И дѣйствительно его популярность ярко выразилась въ моментъ его паденія, и Стенька Разинъ попытался еще впослѣдствіи воспользоваться ею. Для того, чтобъ ее пріобрѣсти и сохранить за собою, Никонъ могъ прибѣгать къ средствамъ довольно сомнительнаго достоинства: Павелъ Алепскій говоритъ, что къ его пышному столу приглашался одинъ изъ юродивыхъ, къ которымъ относились въ Москвѣ съ благоговѣніемъ; патріархъ давалъ ему пить и проглатывалъ капли, оставшіяся въ его чашѣ. Результаты такого поведенія однако сказывались, способствуя во всей мѣрѣ закрѣпленію главенства патріарха.

Ограниченная во всякомъ случаѣ предѣлами церкви, власть патріарха должна была рано или поздно испытать рядъ многочисленныхъ столкновеній съ авторитетомъ такого государя, какъ Алексѣй, который стремился осуществить его и въ этой области. Запутанность взаимныхъ отношеній провоцировала ихъ. Уже давно патріархъ взялъ себѣ привычку отдавать приказанія, издавать, даже для своихъ частныхъ дѣлъ указы агентамъ свѣтской власти. Такъ какъ Филаретъ совсѣмъ недавно подалъ примѣръ подобной узурпаціи власти, Алексѣя вначалѣ это совсѣмъ не трогало. Случилось даже, что, согласно прецеденту, созданному въ совершенно другихъ условіяхъ, преемникъ Филарета унаслѣдовалъ и титулъ Великаго Государя, раздѣленный отцомъ перваго Романова со своимъ сыномъ. Никонъ заявлялъ позже, что эта милость дана была ему во вниманіе къ его заслугамъ, оказаннымъ во время первой польской войны. Въ документахъ, которые имѣются у насъ на рукахъ, ничего объ этомъ не упоминается; но начиная съ 1655 года, этотъ титулъ неизмѣнно появляется въ перепискѣ Алексѣя со своею семьею, государь никогда не упускаетъ случая сдѣлать комплиментъ по адресу великаго государя, московскаго патріарха.

Въ маѣ 1654 года царь отсутствовалъ, былъ долго задержанъ на польской границѣ. Стало необходимо учредить регентство и безъ всякихъ особыхъ распоряженій на этотъ счетъ, просто благодаря установившимся отношеніямъ между государемъ и его „особымъ другомъ“, оно досталось Никону. Онъ сталъ, слѣдовательно, управлять церковью и государствомъ, какъ это дѣлалъ Филаретъ; какъ и тотъ, онъ замѣнялъ собою отсутствующаго царя при ратификаціи рѣшеній бояръ; какъ и тотъ, онъ отъ имени царя, царевича или царицы, но иногда также и отъ своего собственнаго имени, составлялъ рѣшенія, издавалъ циркуляры, предпринималъ по личной иниціативѣ важныя мѣры, какъ, напримѣръ, упорядоченія интендантской части или борьбы съ чумою.

Въ слѣдующемъ году, отправляясь въ новый походъ, Алексѣй утвердилъ самъ такое положеніе вещей. Разставаясь съ антіохійскимъ патріархомъ, который жилъ тогда въ Москвѣ, онъ ему сказалъ, указывая на Никона: „Вотъ, мой замѣститель, я васъ довѣряю ему“. Во время обѣдни по поводу дарованія Богомъ побѣды московскому оружію, патріархъ началъ говорить и, указывая на побѣду Моисея надъ Фараономъ и Константина надъ Максентіемъ, почти часъ держалъ царя передъ собою на ногахъ, со сложенными руками. Этотъ фактъ ошеломляюще подѣйствовалъ на Павла Алепскаго: одинъ какъ будто былъ рабомъ, а другой его господиномъ.

И когда Алексѣй уѣхалъ, Никонъ не преминулъ напустить на себя видъ всемогущаго государя, играя въ царя до мельчайшихъ подробностей этикета и обнаруживая большую требовательность, чѣмъ это было при томъ, котораго онъ замѣнялъ,—принималъ высшіе чины, не предлагая имъ даже сѣсть, поворачивая къ нимъ спину и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ихъ даже.

Въ сущности, почести вскружили ему голову. Онъ отказался называть братьями даже иностранныхъ епископовъ и митрополитовъ, совершенно вопреки обычаю, и пригласивъ на обѣдъ антіохійскаго патріарха, ѣлъ одинъ, за отдѣльнымъ столомъ. Алексѣй, даже въ своемъ присутствіи, поощрялъ эти тщеславныя выходки, постоянно показывая видъ, что уступаетъ честь верховному патріарху, обѣдая съ нимъ и даже у него, онъ требовалъ, чтобы за здоровье

патріарха пили въ первую очередь. Помимо власти, въ которой держала его мощная фигура Никона или помимо энтузіазма и аффекта, которые долго внушалъ ему этотъ краснорѣчивый священнослужитель, молодой царь вѣроятно руководился и другими соображеніями, поступая такъ. Въ началѣ царствованія, подвергшагося такимъ сильнымъ потрясеніямъ, состоя главою еще шаткой династіи, государь безъ всякаго сомнѣнія былъ радъ соединиться этою цѣною съ властнымъ и уважаемымъ союзникомъ, укрѣплявшимъ его собственный авторитетъ. Предоставленный самому себѣ, онъ, можетъ быть, и продолжалъ бы еще нѣсколько лѣтъ подобное раздѣленіе власти. Но приближенные къ царю бояре относились къ этому менѣе благосклонно.

Политика, которую они преслѣдовали, клонилась къ діаметрально противоположному, а именно все къ болѣе и болѣе полному подчиненію церкви государству. Главный редакторъ Уложенія, князь Одоевскій, хвалился, что совершилъ крупный шагъ по пути осуществленія этой программы установленіемъ „монастырскаго приказа“, а этотъ финскій крестьянинъ испортилъ все дѣло!

Но то было еще не все. Всемогущій патріахъ употребилъ всю свою власть для распространенія идей, совершенно противоположныхъ чувствамъ и наклонностямъ другой группы придворныхъ, вліянію которыхъ все больше подчинялся Алексѣй. Никонъ совсѣмъ не былъ врагомъ науки и прогресса, но онъ понималъ ихъ по своему, какъ ожесточенный православный и непримиримый націоналистъ. Москвитяне же школы Морозова имѣли вѣру, менѣе затемненную, и менѣе узкіе интеллектуальные предразсудки. Они были убѣжденными западниками. Никонъ обнаруживалъ недоброжелательство по отношенію къ иностранцамъ: онъ наблюдалъ затѣмъ, чтобы, если не въ предмѣстьяхъ, то по крайней мѣрѣ въ центрѣ столицы не было ихъ учрежденій, и увеличилъ касавшіяся ихъ ограниченія. Однажды онъ, говорятъ, даже принудилъ ихъ носить ихъ національные костюмы, къ великому горю щеголихъ нѣмецкой слободы, вынужденныхъ нарядиться въ потертое и старомодное платье до прибытія заказовъ, сдѣланныхъ на скорую руку въ Парижѣ и Лондонѣ. Въ другой разъ онъ приказалъ отобрать у появившихся тогда любителей западнаго искусства картины

и скульптуру болѣе или менѣе далекія отъ византійскаго стиля, приказавъ ихъ за это уничтожить. Или же, онъ вздумалъ запретить боярамъ часто ходить въ баню, видя въ этомъ подражаніе турецкимъ обычаямъ.

Исходя отъ противниковъ патріарха, эти обвиненія подозрительны, но между тѣмъ приходится принять какъ нѣчто правдоподобное, если не вѣрное, соединенное вліяніе двухъ партій, вооружившихся противъ патріарха и это вліяніе привело къ измѣненію настроенія государя, который сталъ удаляться въ 1657 году отъ своего alter ego. Вскорѣ оба „государя“ ополчились другъ противъ друга.

II.

Ссора.

Въ октябрѣ 1657 года Алексѣй былъ еще въ гостяхъ у Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ. На Истрѣ, въ 47 верстахъ отъ столицы, въ этой чудной мѣстности, патріархъ выстроилъ себѣ монастырь по модели Іерусалимскаго храма на гробѣ Господнемъ. Царь показалъ видъ, что очень пріятно пораженъ, а основатель его тотчасъ задумалъ дать ему нѣсколько смѣлое названіе „Новаго Іерусалима“. Позже Никонъ подвергался за это сильнымъ упрекамъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, ожидая посѣщенія государя въ другомъ, основанномъ имъ монастырѣ, Никонъ испыталъ первую непріятность: царь не сдержалъ своего слова. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1658 года царь прибавилъ еще нѣсколько земель къ владѣніямъ патріарха, но встрѣчи друзей становились все рѣже и рѣже. Очевидно, государь ихъ избѣгалъ. Повидимому у него еще не было мысли о разрывѣ, и откровенное объясненіе могло бы, быть можетъ, предотвратить еще на нѣкоторое время катастрофу, но темпераментъ обоихъ этихъ людей заставлялъ ихъ избѣгать его, — одному мѣшала робость, другому гордость, и враги Никона ликовали.

Павелъ Алепскій упоминаетъ о размолвкѣ, происшедшей между царемъ и патріархомъ весною 1657 года, по случаю одной церемоніи, которую Никонъ устроилъ противъ указаній его антіохійскаго коллеги, только что покинувшаго Москву. Алексѣй вспылилъ и, по словамъ греческаго хро-

ниста, угостилъ своего, „особаго друга“, руганью: „мужикъ, ... животное!“

Никонъ указалъ на свое званіе духовнаго отца, но царь возразилъ ему:

„Я тебя не признаю за таковаго! Таковымъ я считаю антіохійскаго патріарха, и я его прикажу вернуть немедленно“.

Если эта сцена и не выдумана во всѣхъ подробностяхъ, то во всякомъ случаѣ воспроизведена съ большими преувеличеніями. Макарій былъ дѣйствительно призванъ въ Москву, но, какъ утверждаетъ и самъ Павелъ Алепскій, совсѣмъ по другимъ причинамъ, и въ это время положеніе Никона еще далеко не пошатнулось. Полемисты раскола упоминаютъ съ другой стороны одну смѣлую выходку Никона, когда, въ виду нежеланія помиловать одного убійцу, Алексѣй былъ отлученъ отъ церкви своимъ исповѣдникомъ, вмѣшавшимся вмѣстѣ съ патріархомъ въ пользу виновнаго.

Разныя тренія и споры въ такомъ родѣ могли возникнуть между вчерашними друзьями, которымъ суждено было сдѣлаться завтра врагами, но ничто еще пока не оказало рѣшительнаго вліянія на готовившійся кризисъ. Я уже указывалъ на вѣроятныя причины ссоры. Боярамъ не нравилось, что ими управлялъ священнослужитель, клиръ жаловался будто бы онъ нашелъ въ немъ слишкомъ требовательнаго господина, наконецъ царь, достигнувъ болѣе зрѣлаго возраста, чувствуя себя прочнѣе на тронѣ, благодаря успѣхамъ противъ Польши, испытывалъ естественное желаніе самому расправить свои крылья, такимъ образомъ получилось, что одинъ изъ „Государей“ оказался теперь лишнимъ въ Московскомъ государствѣ.

Никонъ не хотѣлъ понять этого; опьяненный своимъ всемогуществомъ, онъ дошелъ до того, что придалъ своей власти теоретическую концепцію, которую онъ вскорѣ долженъ былъ поддерживать съ большею энергіей, но которая отнюдь не соотвѣтствовала дѣйствительности. Онъ былъ убѣжденъ, что въ „третьемъ Римѣ“ патріархъ играетъ роль папы, который можетъ принять противъ другого Генриха IV позицію второго Григорія VII. И онъ долженъ былъ скоро убѣдиться въ своей ошибкѣ.

6 іюля 1658 года, когда былъ данъ большой пиръ въ

честь грузинскаго царевича, царь не пригласилъ на него второго „великаго государя“. То былъ уже явный знакъ возраставшей немилости. Одинъ изъ интендантовъ патріарха, князь Дмитрій Мещерскій, толкавшійся въ толпѣ, стоявшей у входа во дворецъ, былъ избитъ чиновникомъ двора, Богданомъ Хитрово. Въ отвѣтъ на жалобу Никона, Алексѣй обѣщалъ произвести дознаніе по этому дѣлу и объясниться по этому поводу лично съ патріархомъ, но свиданіе такъ и не состоялось. Въ этомъ мѣсяцѣ религіозныя церемоніи требовали присутствія царя въ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ служилъ Никонъ, но государь сообщилъ, что онъ туда не явится. Когда Никонъ выразилъ по этому поводу свое удивленіе, то было поручено князю Георгію Ромодановскому указать ему, что государь считаетъ оскорбительнымъ для себя титулъ „великаго государя“, который тотъ „узурпировалъ“.

Но три года тому назадъ эта узурпація, если она и имѣла мѣсто, была, какъ мы видѣли, санкціонирована самимъ Алексѣемъ manu propria. Но обычно въ такихъ случаяхъ память бываетъ короткой.

Въ этотъ день, 10 іюля Никонъ служилъ по обыкновенію, но послѣ причащенія приказалъ запереть двери церкви, объявляя, что хочетъ говорить. Онъ говорилъ въ довольно странныхъ выраженіяхъ, спутанныхъ и противорѣчивыхъ, горячо протестуя противъ несправедливыхъ и клеветническихъ обвиненій, предметомъ которыхъ онъ явился, но признавая себя, тѣмъ не менѣе, виновнымъ въ нерадѣніи при исполненіи своихъ обязанностей и кончилъ рѣчь, увѣряя, что не можетъ продолжать возложенныя на него функціи.

„Я вамъ принесъ,—говорилъ онъ,—драгоцѣнное знаніе, опиравшееся на авторитетъ всѣхъ отцовъ церкви, а вы съ вашими окаменѣлыми сердцами хотѣли побить меня камнями. Такъ не лучше-ли будетъ, если я перестану быть вашимъ пастыремъ?“

И онъ сдѣлалъ видъ, будто бы снимаетъ знаки своего сана. По свидѣтельству нѣкоторыхъ очевидцевъ, онъ даже объявилъ, будто бы готовъ подвергнуться анафемѣ, если возьметъ назадъ свое рѣшеніе. Но этотъ пунктъ остается сомнительнымъ, и дознаніе, предпринятое потомъ по поводу этого инцидента, не устанавливаетъ даже навѣрняка, что Никонъ изъявилъ дѣйствительно о своемъ намѣреніи оставить

патріархатъ. Присутствующіе во всякомъ случаѣ такимъ образомъ истолковали его слова и въ то время, какъ онъ снималъ съ себя пышныя украшенія, крики и рыданія наполняли церковь.

Притворяясь, что не обращаетъ на это вниманія, Никонъ велѣлъ принести мѣшокъ, въ которомъ онъ приготовилъ простое монашеское платье, но въ дѣло вмѣшались митрополитъ сербскій и крутицкій и велѣли унести все это, а Никонъ вернулся въ ризницу, надѣлъ простую епископскую рясу, замѣнилъ свою бѣлую митру чернымъ клобукомъ и написалъ по адресу царя письмо, въ которомъ была такая фраза: „я ухожу, повинуясь слову Писанія: дайте мѣсто гнѣву". Послѣ этого поставивъ демонстративно посохъ Митрополита Петра, перваго главы московской церкви, онъ сдѣлалъ видъ, будто бы оставляетъ храмъ. Но толпа его удержала.

Онъ вѣрно разсчиталъ. Вся эта сцена была необходима для того, чтобы заставить Алексѣя раскаяться. Когда послѣднему сообщатъ о происшедшемъ, онъ поспѣшитъ самъ явиться, и съ помощью взволнованной толпы Никону уже будетъ нетрудно добиться отъ царя лучшихъ чувствъ. При первомъ извѣстіи объ инцидентѣ царь дѣйствительно былъ сильно взволнованъ, но его приближенные были насторожѣ, и Никонъ увидѣлъ вмѣсто того, кого ожидалъ, князя Алексѣя Трубецкого, одного изъ своихъ самыхъ лютыхъ враговъ. Тотъ однако весьма почтительно просилъ у него объясненія по поводу произведенной имъ демонстраціи, и о рѣшеніи, которое она возвѣщала.

Никонъ сослался на письмо, отправленное имъ только что царю, съ которымъ онъ желалъ объясниться непосредственно, прибавивъ при этомъ, что проситъ для себя лишь кельи, въ которой онъ могъ бы окончить свои дни. Когда Трубецкой ушелъ съ этимъ отвѣтомъ, бывшій патріархъ не могъ уже сдержать своего крайняго возбужденія. Спускаясь по ступенямъ патріаршаго трона, гдѣ онъ просидѣлъ нѣкоторое время, и направившись къ дверямъ собора, гдѣ толпа продолжала еще загораживать ему проходъ, онъ все еще ожидалъ появленія государя. Увы! Трубецкой вернулся одинъ, сталъ спорить, вернулся снова, чтобъ получить приказанія отъ государя, и объявилъ окончательно отъ имени царя, что Никонъ, желая закончить

свои дни въ какой-либо кельѣ, свободенъ выбрать себѣ ту, какая ему больше нравится, въ одномъ изъ основанныхъ имъ монастырей.

Такая развязка, вѣроятно, менѣе всего соотвѣтствовала планамъ смѣлаго священнослужителя. Никонъ не спѣшилъ еще принять рѣшеніе. Медленно онъ прошелъ пѣшкомъ Красную площадь и сосѣднія улицы, высматривая, не создастся-ли какое-нибудь движеніе народное, которое энергичнѣе высказалось-бы въ его пользу. До слѣдующаго дня онъ прожилъ еще въ своей столичной резиденціи въ Воскресенскомъ монастырѣ, и, только истощивъ всѣ средства и испытавъ повсюду разочарованіе, бывшій патріархъ печально направился обратно въ Новый Іерусалимъ.

Черезъ три дня къ нему явился туда Трубецкой, но не съ тѣмъ, чтобы предложить бывшему патріарху взять обратно свое рѣшеніе, а съ упрекомъ, что онъ принялъ его, не извѣстивъ предварительно государя, просившаго у него тѣмъ не менѣе благословенія для себя, царицы, своихъ дѣтей и крутицкаго митрополита, назначеннаго временно управлять оставленнымъ престоломъ.

Видя, что рѣшительныя мѣры ему не удались, Никонъ попытался испробовать противуположныя средства, притворившись очень ничтожнымъ и очень смиреннымъ; соглашаясь на все, онъ объяснилъ быстроту своего отъѣзда тѣмъ, что боялся, ввиду своей болѣзни, быть застигнутымъ врасплохъ смертью на посту, который онъ не хотѣлъ сохранить за собою. Въ письмѣ, за подписью „бывшаго патріарха Никона“, онъ просилъ прощенія у царя за свои „безчисленныя“ ошибки и увѣрялъ, что имѣетъ лишь одно желаніе, чтобы государь его забылъ.

Вскорѣ ему показалось, что это новое поведеніе произвело какъ разъ ожидаемый эффектъ: Алексѣй не торопился назначить ему преемника и въ то же время посылалъ въ „Новый Іерусалимъ“ письма, въ которыхъ онъ, говоря о врагахъ Никона, съ которыми ему приходилось бороться, выдавалъ свое смущеніе. Тогда бывшій патріархъ перемѣнилъ тонъ; извѣщенный къ тому же, что уже созвана комиссія для просмотра его бумагъ, онъ составилъ горячій протестъ и предупредилъ царя, что кромѣ государственныхъ тайнъ, которыхъ онъ не долженъ обнаруживать передъ нескром-

нымъ взоромъ, въ этихъ бумагахъ заключалось и нѣчто такое, что не долженъ знать и самъ царь.

„Я удивляюсь, писалъ онъ ему, откуда могла явиться у тебя подобная смѣлость! Раньше ты боялся составить свое сужденіе о простомъ церковно-служителѣ, а теперь ты вздумалъ судить того, кто былъ пастыремъ цѣлаго міра?“

Онъ подозрѣвалъ, что заднею мыслью этого сыска является захватъ бумагъ, въ которыхъ самъ Алексѣй давалъ ему титулъ „великаго государя“, и выражался по этому поводу совершенно правильно:

„Я не знаю, какимъ образомъ со мною все это произошло, но думаю, что это отъ тебя самого. Всегда ты меня величалъ такъ, когда писалъ мнѣ письма, и не можешь счесть мои слова ложью“.

Но тутъ онъ узналъ, что розыскъ касался и богатствъ, собранныхъ имъ, и тотчасъ-же напомнилъ, что самъ царь использовалъ ихъ неоднократно. Онъ жаловался также, что ему отказывали въ должномъ ему уваженіи. Оставляя постъ главы московской церкви, онъ тѣмъ не менѣе сохранилъ свой титулъ и благодать Св. Духа его еще не оставила.

Онъ только что исцѣлилъ своими молитвами двухъ лицъ, одержимыхъ падучей! Впрочемъ и функціонировавшіе епископы были по большей части назначены имъ и они должны оказывать ему уваженіе и повиновеніе. Даже и будущій патріархъ не можетъ получить свою инвеституру иначе, какъ отъ него. Онъ готовъ передать ему божественную милость, но „въ качествѣ восковой свѣчи, сообщающей свое пламя другому, ничего не теряя отъ этого ни въ теплѣ, ни въ блескѣ“. А пока онъ не допускаетъ, чтобы кто-либо захватилъ его мѣсто. Онъ не хочетъ воротиться туда, „какъ собака возвращается къ собственному изверженію“, но въ то же время онъ запрещаетъ крутицкому митрополиту замѣнить себя въ процессіи въ день вербной субботы. Словомъ Никонъ не былъ больше патріархомъ, но претендовалъ, чтобы съ нимъ обращались, какъ еслибы онъ имъ оставался, и вмѣстѣ съ почестями за нимъ сохранилась власть, связанная съ этой функціей.

Такимъ образомъ создавшееся положеніе являлось очень затруднительнымъ, такъ какъ оно, къ несчастію, совпало съ

событіями, подорвавшими кредитъ, который нуженъ былъ Алексѣю, чтобы выйти съ выгодой для себя изъ этой травли На другой-же день послѣ отъѣзда Никона, измѣна Выговскаго, гетмана украинскихъ казаковъ, примкнувшихъ къ Москвѣ, сильно скомпрометировала дѣло этихъ новыхъ заправилъ власти, и бывшему патріарху было какъ разъ на руку дать понять, что онъ одинъ могъ-бы предотвратить катастрофу. Въ іюлѣ 1659 года казаки, поляки и татары, соединившись вмѣстѣ, нанесли самой лучшей части царской арміи страшное пораженіе. Ждали, что они скоро появятся подъ стѣнами столицы. Никонъ воспользовался этимъ, какъ текстомъ для новыхъ комментаріевъ, и на этотъ разъ ему удалось получить съ своимъ прежнимъ другомъ свиданіе, не приведшее впрочемъ къ ожидаемымъ результатамъ.

Въ промежуткѣ бывшій патріархъ слишкомъ много писалъ и неловко надоѣдалъ своему августѣйшему корреспонденту. То взывая къ воспоминаніямъ прошлаго, онъ пытался его растрогать: „я дѣлилъ съ тобою трапезу, а теперь живу одинъ, какъ собака... Я не жалѣю о потерянномъ хлѣбѣ, но не могу жить безъ твоей милости и твоего расположенія“, говорилъ онъ. Но тотчасъ-же у него бралъ верхъ его раздражительный темпераментъ и онъ припоминалъ всѣ непріятныя событія момента, чтобы поразить своего друга въ самое чувствительное мѣсто: „ты рекомендуешь постъ, но кто въ настоящее время не постится? Во многихъ мѣстахъ за недостаткомъ хлѣба постятся до самой смерти. И съ самаго начала твоего царствованія не было жалости ни къ кому. Всюду плачъ и рыданія, жалобы и вздохи, и нѣтъ существа, которое радовалось-бы въ эти дни печали“.

Послѣ этого соглашеніе уже было трудно. Никонъ, кажется ,попытался использовать свое пребываніе въ столицѣ, чтобы поднять чернь. Онъ организовалъ народные обѣды, на которыхъ мылъ ноги своимъ гостямъ, произнося соблазнительныя рѣчи. Тогда Алексѣй вышелъ изъ себя; онъ приказалъ смѣлому смутьяну оставить городъ, и въ началѣ 1660 года созвалъ соборъ, который долженъ былъ положить конецъ такому тягостному положенію вещей.

Это было объявленіе войны съ обѣихъ сторонъ. Она должна была продлиться семь лѣтъ.

III.

Борьба.

Никонъ едва ли могъ разсчитывать на поддержку клира. Онъ могъ сколько угодно отожествлять свое дѣло съ дѣломъ церкви и изливаться въ негодующихъ выраженіяхъ противъ огромныхъ обязанностей, возложенныхъ на нее благодаря войнѣ, которой, казалось, не будетъ конца. Но клиръ не могъ забыть той доли отвѣтственности, которая лежала на бывшемъ патріархѣ, въ осуждаемой имъ теперь политикѣ. Его высокомѣрные призывы къ главенству церковной власти, правда, пробудили отголосокъ симпатіи между епископами и, когда Никонъ, стараясь опредѣлить ихъ взаимное положеніе, сравнивалъ, какъ это могъ бы сдѣлать Григорій VII,— церковь съ солнцемъ, а государство съ луною,—многіе изъ клира готовы были тайкомъ ему апплодировать. Это „блѣдное изображеніе, опрокинутое, какъ въ зеркалѣ“, по выраженію одного современнаго русскаго писателя [1]), было тѣмъ не менѣе отраженіемъ великой борьбы, горѣвшей шесть вѣковъ тому назадъ между папствомъ и имперіей. Но если клиру и было по душѣ самое дѣло, то они относились совершенно иначе къ его борцу. Благодаря своимъ деспотическимъ выходкамъ и надменному обращенію, Никонъ сталъ ненавистенъ большинству своихъ прежнихъ подчиненныхъ. Съ другой стороны и его управленіе не было безупречнымъ. Незадолго до начала конфликта, низшій клиръ обращался на него съ жалобою къ царю. Наконецъ среди другого спора, поднятаго по поводу церковной реформы, аппелируя отъ патріарха къ царю, представители зарождавшагося раскола стояли еще за главенство свѣтской власти, съ тѣмъ, чтобы потомъ измѣнить тактику, если государство обманетъ ихъ надежды.

На дѣлѣ Никонъ среди высшаго клира имѣлъ лишь защитникомъ черниговскаго епископа, Лазаря Барановича, преслѣдовавшаго въ качествѣ малоросса совершенно особую политику, и коломенскаго, Мисаила, желавшаго, чтобы дана была хотя нѣкоторая пощада бывшему первосвященнику.

---

[1]) Мережковскаго.

Самъ Никонъ не задавался иллюзіями по поводу вердикта церковнаго собора, который долженъ былъ заняться этимъ дѣломъ, и позаботился заранѣе ослабить свой авторитетъ. Онъ охотно соглашался на судей, но образованныхъ и честныхъ, эти же не умѣли читать, и ихъ неподкупность была чрезвычайно сомнительной. Когда астраханскій архіепископъ, Іосифъ, явился къ нему для предварительнаго допроса, Никонъ принялъ его со слѣдующими словами:

— А тебѣ, по крайней мѣрѣ, хорошо заплатили, нищій?

Приговоръ собора былъ именно таковъ, какимъ онъ его и ожидалъ, т.-е. Никона лишили званія епископа, священническаго сана и даже почестей. Царь утвердилъ рѣшеніе собора послѣ нѣкотораго колебанія и дѣло уже казалось исчерпаннымъ, какъ вдругъ запоздавшее раскаяніе одного изъ голосовавшихъ вновь поставило надъ всѣмъ знакъ вопроса. Одинъ изъ монаховъ, призванныхъ изъ Кіева Ртищевымъ, Епифаній Славеницкій, вдругъ замѣтилъ, что онъ и его коллеги имѣли дѣло съ текстами, которые нужно считать апокрифическими.

Это была временная побѣда Никона. Ученый богословъ, не имѣвшій себѣ въ Москвѣ соперника, Епифаній не могъ быть отклоненъ въ качествѣ судьи. Его слово считалось авторитетнымъ и все веденіе дѣла оказалось безосновательнымъ.

Бывшій патріархъ трубилъ о своей побѣдѣ. Все еще заявляя, что онъ не хочетъ быть верховнымъ первосвященникомъ, но запрещая, чтобы ему назначали преемника безъ его вѣдома, выставляя себя мученикомъ, сравнивая себя со Св. Іоанномъ Златоустомъ и Св. Аѳанасіемъ, Василіемъ Великимъ и Св. Филиппомъ, онъ во многихъ отношеніяхъ сталъ невыносимъ. То, подозрѣвая повсюду заговоръ, подвергавшій его жизнь опасности, онъ требовалъ розыска и строгихъ репрессій, а то, по поводу земли, сосѣдней съ его монастыремъ, онъ заводилъ съ высокимъ чиномъ при дворѣ, окольничьимъ Романомъ Боборыкинымъ, ничѣмъ неоправдываемый процессъ, а, когда вмѣшался царь, то остановилъ его съ неслыханною наглостью, призывая на него судьбу жителей Содома и „царя Навуходоносора“!

Несчастный Алексѣй не зналъ совсѣмъ, на что ему рѣшиться. Но случайно самъ Никонъ направилъ его на дорогу, наименѣе выгодную для патріарха. Увлекаясь греческой

наукой, несмотря на то, что не зналъ ея элементарныхъ основъ, бывшій патріархъ старался выписать съ Востока духовное лицо, пользовавшееся громкой репутаціею. Это былъ Паисій Лигаридъ, называвшій себя газскимъ митрополитомъ. Какъ многіе ему подобные въ эту эпоху, этотъ докторъ богословія былъ просто низкимъ авантюристомъ, нѣкогда ученикомъ, а потомъ профессоромъ въ Collegio Greco, устроенномъ въ Римѣ іезуитами; онъ сталъ ярымъ ортодоксомъ спустя годъ послѣ этого и газскимъ митрополитомъ по милости іерусалимскаго патріарха; наконецъ онъ былъ смѣщенъ за частое лихоимство, но сохранилъ за собою пенсіонъ изъ Ватикана.

Прибытіе этого лица, долго задержаннаго перипетіями столь измѣнчивой карьеры, наполнило сначала душу Никона радостью. Бывшій патріархъ наивно вѣрилъ, что найдетъ въ Лигаридѣ защитника. Пенсіонеръ Ватикана быстро разубѣдилъ его: разсмотрѣвъ опытнымъ взглядомъ, на чью сторону ему выгоднѣе будетъ стать, онъ 15 августа 1662 г. составилъ записку, въ которой выставилъ виновнымъ во всѣхъ отношеніяхъ Никона и побуждалъ Алексѣя обратиться за помощью противъ мятежника къ восточнымъ патріархамъ.

Такъ какъ въ Москвѣ совсѣмъ не знали біографіи вновь прибывшаго, то это предложеніе произвело сенсацію. Между тѣмъ 1662 годъ прошелъ, но царь не рѣшился использовать его. Никонъ продолжалъ возмущаться въ своемъ „новоіерусалимскомъ“ изгнаніи. Столица была взволнована слухомъ, будто бы бывшій патріархъ проклялъ государя съ семьею. Розыскъ показалъ, что онъ просто обрушился на несчастнаго Боборыкина, но слѣдователи, среди которыхъ былъ и Паисій, были имъ очень грубо встрѣчены. Разговоръ между бывшимъ патріархомъ и газскимъ митрополитомъ, въ частности, принялъ скандальную форму: спорщики обмѣнялись въ весьма прозрачной формѣ взаимными обвиненіями по поводу одного постыднаго порока, при чемъ Никонъ закончилъ разговоръ цѣлымъ потокомъ грубой ругани.

— Мужикъ, разбойникъ, язычникъ, песъ смердящій!

По возвращеніи изъ Москвы, Паисій объявилъ, что онъ имѣлъ дѣло съ „разъяреннымъ волкомъ“, и для изображенія этого чудовища онъ вызвалъ въ памяти образъ Тер-

сита у Гомера и Юліана Богоотступника у Григорія Нисскаго. Но, несмотря на то, что Алексѣй все больше и больше понималъ необходимость избавиться отъ этого бѣсноватаго, онъ тѣмъ не менѣе колебался, не зная, къ какимъ прибѣгнуть средствамъ.

Нужно было, чтобы Никонъ, такъ долго господствовавшій надъ робкой волей царя—и на этотъ разъ также направилъ ее, апелировавъ первый ко „Вселенскому Собору", созывъ котораго былъ намѣченъ уже Лигаридомъ. Все болѣе и болѣе отклоняясь отъ предмета, буйный священнослужитель вздумалъ въ то же время потребовать вмѣшательства въ это дѣло юрисдикціи папы! Онъ основывался при этомъ на одномъ рѣшеніи сардійскаго собора, касавшагося впрочемъ лишь епархій восточной Имперіи, всегда подчиненныхъ Риму.

Съ другой стороны Никонъ постоянно кричалъ о своей бѣдности, жаловался, что умираетъ съ голода, хотя очень часто у него было до двухсотъ собутыльниковъ за столомъ, и онъ раздавалъ щедрые подарки тѣмъ рѣдкимъ духовнымъ лицамъ, которыя еще осмѣливались его посѣщать.

Тогда Алексѣй, выведенный изъ себя, доведенный до крайности, рѣшился дѣйствовать, но все-же благодаря остаткамъ своей нерѣшительности или какой-то стыдливой сдержанности, онъ удовольствовался лишь, почти въ концѣ 1663 года, тѣмъ, что отправилъ запросъ къ восточнымъ патріархамъ съ изложеніемъ дѣла, не называя по имени Никона. Отвѣтъ, привезенный однимъ греческимъ дьякономъ отъ имени Мелетія, былъ прямо ошеломляющимъ для анонимнаго обвиняемаго, объявляя его виновнымъ по всѣмъ пунктамъ, достойнымъ растриженія и суда собора московскихъ епископовъ, даже если они были рукоположены имъ лично.

Но и этотъ отвѣтъ долженъ былъ остаться безъ результата. Алексѣй сомнѣвался въ его подлинности! Третируемый Никономъ какъ плутъ, Мелетій, кажется, оправдывалъ это названіе, а одно изъ лицъ, подписавшихъ документъ, іерусалимскій патріархъ, Нектарій, письмо котораго немного позже пришло къ царю, совѣтовалъ послѣднему опять возвести бывшаго патріарха на тронъ, или по крайней мѣрѣ покончить дѣло мирнымъ путемъ.

Такимъ образомъ хоть отчасти оправдалась надежда Никона на восточную церковь. На послѣднюю повліяла нѣсколько краснорѣчивая защита, въ пользу Никона, посланная изъ самой Москвы нѣкоторыми соотечественниками Паисія. Увлекаясь конфликтомъ со страстью, свойственной ихъ южному темпераменту, и желая утвердить торжество человѣка, который всегда покровительствовалъ имъ, они объявляли Никона просто жертвой бояръ, сговорившихся его погубить противъ воли государя, все еще лично привязаннаго къ избраннику своего сердца, тайно сносившагося съ нимъ и жалѣвшаго его. Въ Константинополѣ, въ Іерусалимѣ, въ Антіохіи всячески старались не вмѣшиваться въ этотъ споръ, такъ какъ исходъ его казался сомнительнымъ, и въ теченіе этого года явился слѣдомъ за Мелетіемъ въ Москву племянникъ константинопольскаго патріарха, Аѳанасій, митрополитъ никейскій, утверждая, что онъ посланъ своимъ дядею и соборомъ всѣхъ восточныхъ епископовъ, для примиренія Никона съ царемъ.

Миссія его вызвала сомнѣнія, за которыми послѣдовало его собственное отреченіе, и тогда Алексѣй вынужденъ былъ остановиться на рѣшеніи, къ которому онъ долженъ былъ бы уже давно прибѣгнуть: „Вселенскій Соборъ“ былъ приглашенъ собраться въ „третьемъ Римѣ“.

Никонъ вначалѣ совсѣмъ не былъ этимъ смущенъ. Только двое изъ восточныхъ первосвященниковъ, Макарій Антіохійскій и Паисій Александрійскій, отвѣтили на приглашеніе. Ихъ авторитетъ не былъ изъ наиболѣе вѣскихъ и „Вселенскій Соборъ“ оказался куцымъ. Никонъ не старался опровергнуть его авторитетъ. Онъ оспариваетъ, говорилъ онъ, лишь соборъ рукоположенныхъ имъ же епископовъ, „такъ какъ даже іудеи не осмѣливались подвергнуть Христа подобному судилищу“. Онъ будетъ теперь судиться равными, но Алексѣй ожидалъ, что Никонъ явится передъ ними не столько въ качествѣ обвиняемаго, сколько обвинителемъ. Во время даже самаго сильнаго расположенія Никонъ уже сообщалъ царю о своемъ желаніи оставить патріархатъ, и государь не могъ забыть, въ какихъ выраженіяхъ онъ ему отвѣчалъ на это. Объ этомъ было написано письмо, сохранявшееся въ надежномъ мѣстѣ. Къ этой угрозѣ, искусно лавируя среди своихъ безумныхъ выходокъ, бывшій патріархъ присоединялъ

болѣе умиротворяющіе мотивы, выражая сожалѣніе по поводу того, что лишенъ дружбы, которая была ему такъ дорога, какъ и возможности смутить гнусныхъ обвинителей прямымъ обращеніемъ къ государю. И благодаря слабости и чувствительности Алексѣя, эта уловка, казалось, произвела на него извѣстное впечатлѣніе.

Принимая въ монастырѣ Св. Саввы одного изъ посланцевъ бывшаго патріарха, царь долго говорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ; онъ увѣрялъ его, что не питаетъ никакого дурного чувства къ своему старому другу и не чувствуетъ къ нему ровно никакой злобы. Никонъ, быстро умѣвшій использовать малѣйшее благопріятное для него указаніе, долженъ былъ сдѣлать смѣлые выводы изъ этой бесѣды. Онъ продолжалъ сноситься съ однимъ изъ приближенныхъ государю бояръ, съ Никитою Зюзинымъ, который прежде былъ однимъ изъ его приближенныхъ и обладалъ съ своей стороны вліятельными знакомствами. Среди его интимныхъ друзей числились двое изъ самыхъ вліятельныхъ личностей при дворѣ, Артамонъ Матвѣевъ и Аѳанасій Ордынъ-Нащокинъ. Оба, большіе сторонники церковной реформы, выполненной Никономъ, были за него, хотя и не осмѣливались выступать открыто. Но въ теченіе декабря 1664 года бывшій патріархъ получилъ отъ этого Зюзина три письма, въ которыхъ его съ каждымъ разомъ все настойчивѣе просили отправиться въ Москву, такъ какъ Алексѣй выразилъ желаніе его видѣть.

Авторъ этого знаменательнаго сообщенія внесъ въ него такую точность, какую только можно было желать: въ разговорѣ съ Матвѣевымъ и Нащокинымъ Алексѣй объявилъ, будто желаетъ положить конецъ ссорѣ, продолжавшейся слишкомъ долго; онъ сожалѣетъ о разлукѣ, становившейся для него все болѣе и болѣе тягостной, сдѣлавъ указаніе на обоюдныя клятвы, которыми когда-то обмѣнялись онъ и его „особый другъ“ никогда не оставлять другъ друга; онъ говорилъ, что по крайней мѣрѣ самъ онъ хочетъ оставаться ей вѣрнымъ. Никонъ долженъ былъ ночью пріѣхать въ Москву и отправиться прямо въ Успенскій Соборъ, гдѣ царь, казалось, былъ расположенъ свидѣться съ нимъ. Зюзинъ назначалъ день, часъ и другія подробности этого таинственнаго свиданія.

Такая таинственность заставила насторожиться бывшаго патріарха. Два года тому назадъ, обманутый почти аналогичными свѣдѣніями, полученными отъ одного монаха, по имени Ааронъ, онъ уже разъ появился внезапно у Успенія, но получилъ немедленно категорическій приказъ отъ царя вернуться въ монастырь, тѣмъ не менѣе двусмысленное поведеніе Алексѣя, постоянныя отсрочки и полное несоотвѣтствіе въ идеяхъ и чувствахъ царя съ нѣкоторыми людьми изъ окружающею его среды придавали нѣкоторую вѣроятность этой интригѣ. Дѣйствовать окольными путями было особенно въ обычаѣ у этого государя. Не желалъ-ли онъ этимъ способомъ заставитъ противниковъ Никона считаться съ совершившимся фактомъ? Но настойчивость Зюзина, повторявшаго, что намѣренія царя были формальныя, и что бывшій патріархъ иначе потеряетъ единственный случай снова вернуть себѣ милость, въ концѣ концовъ совершенно разоружила недовѣрчиваго изгнанника.

Ночью съ 17 на 18 декабря 1664 года, въ то время какъ ростовскій митрополитъ Іона служилъ раннюю обѣдню въ качествѣ недавно назначеннаго на патріаршій престолъ, совершенно неожиданно появился Никонъ съ многочисленною свитою въ указанной церкви и занялъ патріаршій тронъ. „Онъ вскочилъ на тронъ, какъ собака“, говоритъ одна изъ его біографій, составленная раскольникомъ. Властный голосъ, котораго давно уже не было слышно, прервалъ чтеніе псалтиря, требуя замѣнить его молитвою „Тебѣ Бога хвалимъ“ и другими подобающими пѣснопѣніями. Взявъ крестъ Петра Цѣлителя, Никонъ обошелъ храмъ, совершая обычное поклоненіе иконамъ и мощамъ, и потомъ согласно ритуалу предложилъ присутствующимъ принять его благословеніе. Никто не протестовалъ и самъ Іона склонился подъ протянутою рукою великаго воскресшаго.

Но Алексѣй не являлся. Не теряя еще своего обладанія, Никонъ приказалъ предупредить государя. Послѣдній слушалъ заутреню въ церкви Св. Евдокіи и, по сообщенію разныхъ очевидцевъ, въ Кремлѣ, гдѣ помѣщается эта церковь, какъ и Успенскій соборъ, волненіе было такъ сильно, что можно было подумать о нашествіи татаръ на Москву.

Что же произошло на самомъ дѣлѣ? Не боролся ли царь,

какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, между тайными симпатіями и противоположными навѣтами бояръ? Кремль не выдалъ этой тайны. Трудно между тѣмъ допустить, чтобы Зюзинъ явился орудіемъ простой мистификаціи, въ которой, не имѣя видовъ на удачу, онъ рисковалъ бы своею головою. Мы знаемъ точно, что даже былъ созванъ поспѣшно совѣтъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ и что на немъ восторжествовало мнѣніе Паисія Лигарида, смыслъ котораго для насъ совершенно ясенъ. Возможно также предположить, что оно даже было противуположно августѣшей воли, которая и на этотъ разъ не могла настоять на своемъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ и прежде, вмѣсто столь ожидаемаго „особаго друга“ появился опять къ Никону его непримиримый врагъ, князь Никита Одоевскій, съ новымъ приказомъ о немедленномъ отъѣздѣ.

Бывшій патріархъ боролся отчаянно противъ этого крушенія своихъ надеждъ. Онъ началъ возражать, говоря, что вернулся, желая положить конецъ разрушительной войнѣ, въ которую былъ вовлеченъ царь, лишенный его совѣтовъ; потомъ прибѣгнувъ довольно глупо къ той же уловкѣ, которая удалась ему въ Новгородѣ, онъ заявилъ, будто-бы его поведеніе было вызвано чудеснымъ видѣніемъ. Онъ хотѣлъ сообщить о немъ государю и требовалъ отвѣта на посланное имъ письмо. Это посланіе отправили по назначенію, но отвѣтъ на него былъ таковъ, какъ онъ и могъ предвидѣть, т. е. простымъ повтореніемъ прежде отданнаго приказа. Бывшій патріархъ долженъ былъ повиноваться.

Съ посохомъ Петра Цѣлителя въ рукахъ Никонъ направился къ дверямъ церкви. Бояре его остановили.

— Оставь посохъ!

— Возьмите его у меня силою, если посмѣете.

И онъ вышелъ. Солнце еще не всходило. Комета, о которой упоминаетъ Гевеліусъ въ своемъ Prodromus 1690 г., блистала на небѣ. Садясь въ сани, бывшій патріархъ сдѣлалъ жестъ, будто отряхаетъ прахъ отъ своихъ ногъ.

— Мы выметемъ эту пыль, сказалъ стрѣлецкій полковникъ отряда, назначеннаго сопровождать бывшаго паріарха.

— Богъ скорѣе вымететъ васъ этой метлою, сказалъ Никонъ, указывая на комету.

На дорогѣ къ нему подъѣхало два посланца отъ госу-

даря, князь Долгорукій и самъ Артамонъ Матвѣевъ, выполняя на этотъ разъ порученіе, поразившее его недоумѣніемъ: Алексѣй просилъ благословенія у того, съ кѣмъ поступилъ такъ грубо, просилъ у него прощенія. Зюзинъ могъ нѣсколько усилить смыслъ тайныхъ бесѣдъ, и вѣроятно разсчитывалъ внезапнымъ ударомъ побѣдить нерѣшительность царя.

Но, безъ сомнѣнія, онъ не выдумалъ всего.

Другіе знатные бояре послѣдовали однако за первыми по дорогѣ къ „Новому Іерусалиму“ и, проговоривъ съ ними съ пяти часовъ утра до одиннадцати вечера, Никонъ пытался довольно жалкимъ путемъ спасти хоть что либо отъ гибели: онъ соглашался условно на благословеніе, отдалъ требуемый посохъ и выдалъ даже несчастнаго Зюзина, предъявивъ его корреспонденцію. Взамѣнъ, теперь лучше освѣдомленный о томъ, чего ему можно было ожидать отъ „Вселенскаго Собора“, Никонъ просилъ, чтобъ его не созывали. Соглашаясь на окончательное назначеніе ему преемника, онъ просилъ, чтобы обращались съ нимъ, какъ съ равнымъ, а не какъ съ подчиненнымъ, требовалъ назначенія ему соотвѣтствующей пенсіи и свободы наѣздовъ въ Москву для паломничества и свиданій съ царемъ.

Онъ ничего не добился, отдалъ Зюзина на долгую пытку, послѣ которой послѣдовало осужденіе на смерть. По милости Алексѣя послѣднее было замѣнено ссылкою и бояре, одержавъ побѣду по всѣмъ пунктамъ, поторопились созвать судъ, рѣшенія котораго бывшій патріархъ сталъ не безъ основанія бояться.

IV.

Процессъ патріарха.

Исторія, думается намъ, не даетъ второго примѣра двухъ людей въ аналогичномъ положеніи, появляющихся передъ судомъ, противуполагающихъ другъ другу въ лицѣ своемъ два разныхъ міра идей, чувствъ и интересовъ и самостоятельно себя защищающихъ, ибо Алексѣй готовъ былъ отвѣчать самъ за себя. Предоставляя охотно рѣшеніе другимъ, онъ любилъ самостоятельно наносить рѣшающій ударъ и, разъ уже нужно

было вести дѣло, онъ отказался отъ всякаго другого адвоката. Никону удалось при этомъ задѣть его за живое: были перехвачены его посланія, въ которыхъ онъ пытался расположить въ свою пользу будущихъ судей, а царь былъ надѣленъ крайне оскорбительными замѣчаніями. Алексѣй заполнилъ поля документа гнѣвными примѣчаніями и приготовился къ возраженію.

Осенью 1666 года прибыли два восточныхъ патріарха. Одинъ изъ нихъ только что былъ смѣщенъ въ Александріи и Никонъ не преминулъ тотчасъ-же этимъ воспользоваться, чтобы отвергнуть его компетенцію. „Вселенскій соборъ" обращался такимъ образомъ въ единоличный, такъ какъ бывшій патріархъ продолжалъ отвергать простыхъ епископовъ „своихъ подчиненныхъ", какъ онъ всегда говорилъ, и нѣкоторыхъ еретиковъ, такъ напримѣръ, Лазаря Барановича, который однако защищалъ его, но онъ вступилъ съ нимъ въ полемику догматическаго характера.

Опираясь на такіе доводы, онъ не отвѣтилъ на первый вызовъ, но не осмѣлился не повиноваться второму, составленному въ болѣе угрожающихъ выраженіяхъ. Но зато, несмотря на запрещеніе, онъ собралъ вокругъ себя многочисленную свиту: ему предшествовалъ дьяконъ съ огромнымъ крестомъ по обычаю верховныхъ первосвященниковъ во время ихъ переѣздовъ. Съ такимъ конвоемъ и съ соотвѣтствующимъ церемоніаломъ, онъ явился 1 декабря на засѣданіе суда, принудивъ такимъ образомъ всѣхъ присутствовавшихъ и даже самого царя встать. Послѣ чего, опредѣливъ такимъ образомъ позицію, которую думалъ занять, онъ склонился три раза передъ государемъ, дважды передъ восточными патріархами и выпрямился съ вызывающимъ видомъ. Когда Алексѣй пригласилъ его сѣсть, указывая ему мѣсто на скамьѣ епископовъ, онъ гордо покачалъ головою.

— Я не вижу здѣсь подходящаго для меня сидѣнья, и такъ какъ я не принесъ его съ собою, то останусь стоять, пока мнѣ не скажутъ, почему меня призвали.

Алексѣй не далъ возможности никому поднять перчатку. Разъ рѣшившись и не безъ труда на такое испытаніе, онъ поспѣшилъ этимъ воспользоваться и излить наконецъ свое сердце, весь гнѣвъ и отвращеніе, которые накопились въ немъ за семь лѣтъ невозможныхъ и возмутительныхъ дрязгъ. Оста-

вивъ тотчасъ же свой тронъ и вставъ передъ патріархами какъ обыкновенный истецъ, онъ говорилъ долго и съ большимъ воодушевленіемъ. Никонъ возражалъ съ такимъ же жаромъ и такъ же подробно. Такимъ образомъ создались жаркія пренія, раскрывавшія всю исторію конфликта съ самаго его начала и касавшіяся самыхъ его незначительныхъ подробностей.

Это первое изліяніе краснорѣчія не послужило на пользу бывшаго патріарха. Желая документально оправдать фактъ уничтоженія Коломенской епархіи, въ которомъ онъ далъ ясное доказательство произвола, и ссылаясь по этому поводу на документъ, касающійся этого дѣла, Никонъ нарвался на замѣчаніе, что документъ этотъ не существовалъ, такъ какъ эта мѣра была принята помимо всякой каноническо́й процедуры.

На другой день во второмъ засѣданіи споры приняли другой оборотъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ—оффиціальные протоколы процесса ничего не говорятъ объ этомъ,—пренія были перенесены на почву, на которую Никонъ тщетно до сихъ поръ хотѣлъ стать. Мы не слишкомъ ошибемся, если предположимъ, что присутствіе восточныхъ прелатовъ и ихъ очевидная враждебность къ обвиняемому повліяли на эту перемѣну. Неожиданно личность Никона какъ-то стушевалась и остался только священнослужитель, боровшійся со свѣтской властью, причемъ послѣдняя аппелировала къ иностранцамъ,—къ этимъ грекамъ, обыкновенно посѣщавшимъ Москву въ качествѣ просителей, а теперь явившимся оказать поддержку боярамъ съ цѣлью задушить главу національной церкви!

Испорченная мусульманскимъ господствомъ, восточная церковь склонялась къ рабству и къ унизительнымъ услугамъ. По просьбѣ Алексѣя ему было передано изъ этого источника, при посредствѣ двухсмысленнаго Мелетія, мнѣніе, документально опиравшееся на шестой параграфъ великаго Номоканона и рѣшавшее споръ въ пользу главенства государства. Но „третій Римъ“ еще не дошелъ до этого и національная гордость, смѣшанная съ столь могучимъ въ этой странѣ религіознымъ чувствомъ, вызвала во всемъ собраніи чувство возмущенія и растерянности. Сбитые съ толку бояре молчали. Даже самые активные изъ тѣхъ, ко-

торые до того работали въ цѣляхъ навлечь немилость на бывшаго патріарха и которые подобно Семену Сгрешневу совсѣмъ непочтительно учили своихъ собакъ подражать жестамъ патріарха,—ни одинъ изъ нихъ не пытался уже теперь дать показаніе противъ него. Всѣ до того старались стушеваться, что вызвали даже со стороны Алексѣя крикъ отчаянія:

— Вы хотите значитъ предать меня этому человѣку? Развѣ я вамъ надоѣлъ?

Епископы волновались, не рѣшаясь еще заявить свое мнѣніе, но не умѣя скрыть своего смущенія. Наконецъ вынужденный объясниться вызванный судьями Лазарь Барановичъ обронилъ слѣдующую фразу:

— Какъ бы я могъ говорить противъ правды?

Тогда языки развязались. Крутицкій митрополитъ Павелъ первый осмѣлился поставить прямо вопросъ о соперничествѣ двухъ властей и, поддержанный Рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ, Вологодскимъ епископомъ Симеономъ, и еще другими, въ первый и въ послѣдній въ Россіи разъ до нашихъ дней попытался дать этому спору полноту, которая требовалась интересами дѣла. Былъ даже моментъ, когда онъ могъ себя льстить надеждой, что далъ восторжествовать, по образному выраженію Никона, тезису Церкви-солнца и Государства — его спутника, простаго отраженія его небесныхъ лучей. Протоколы молчатъ по этому поводу, но ревностный защитникъ противуположнаго тезиса, Паисій Лигаридъ, далъ намъ по этому поводу краснорѣчивыя объясненія. Благодаря его старанію и особенно вліянію восточныхъ патріарховъ, Павелъ и его сторонники были окончательно побиты, подверглись даже исключенію изъ собранія и временному отлученію. Но бой былъ жаркій и свѣтской власти удалось одержать побѣду лишь на половину путемъ принятія компромиссного рѣшенія, провозглашавшаго равную независимость обѣихъ властей въ соотвѣтствующихъ имъ сферахъ, но она заплатила дорого за это преимущество; самый вѣрный залогъ, которымъ владѣла эта власть для укрѣпленія своего главенства, фактически ускользнулъ отъ нея: „монастырскій приказъ“ было рѣшено уничтожить, и московскій клиръ торжественно доказалъ этимъ свою независимость, съ каковой не могла сравниться независимость французскихъ авторовъ деклараціи 1682 года.

То была на дѣлѣ эфемерная побѣда, ибо стоило вскорѣ появиться Петру Великому, и онъ быстро уничтожилъ установленное такимъ образомъ равновѣсіе, бросивъ на чашку вѣсовъ всю тяжесть своего верховнаго абсолютизма. Требованіямъ, храбро поддержаннымъ Никономъ и его временными союзниками, не было однако суждено исчезнуть безъ слѣда и, они воскресли въ болѣе скромномъ видѣ въ слѣдующемъ вѣкѣ въ доктринахъ или въ попыткахъ Новгородскаго архіепископа, Ѳеодосія, Арсенія Маціевскаго или архимандрита Фотія.

Довольно еще слабое въ 1666 году положеніе свѣтской власти, представленное вторымъ Романовымъ, давало возможность тѣмъ болѣе усилиться противной сторонѣ, но Никонъ безнадежно скомпрометировалъ благопріятный для него исходъ спора всѣмъ тѣмъ, что онъ вкладывалъ личнаго въ свои несправедливыя нападки и отталкивающія мелочи. Онъ не могъ побѣдить, но для того, чтобы сокрушить своего страшнаго противника Алексѣй долженъ былъ развить значительную силу и пережить жестокія волненія. По свидѣтельству одного очевидца, измученный все болѣе и болѣе бурными спорами, раздраженный диспутомъ, въ которомъ Никонъ удвоилъ свою наглость, государь однажды чуть не лишился чувствъ. До бравшись быстро до трона, онъ закрылъ лицо руками. Но, тотчасъ-же оправившись, онъ привелъ очень важное свидѣтельство: три письма, въ которыхъ Никонъ самъ себя называлъ бывшимъ патріархомъ.

5 декабря былъ произнесенъ приговоръ, осуждавшій обвиненнаго къ лишенію сана и къ пожизненному заключенію въ монастырѣ. Спустя недѣлю два восточныхъ первосвященника привели его въ исполненіе въ церкви Чудова монастыря, дѣйствуя помимо Собора, который они старались избавить отъ подобнаго зрѣлища. Исполненіе приговора состоялось почти тайно. Въ виду того, что Никонъ отказался исполнить это, Александрійскій патріархъ снялъ съ него клобукъ, унизанный очень дорогимъ жемчугомъ и его не менѣе дорогую панагію.

— Берите,—закричалъ осужденный,—дѣлите между собою мои пожитки, вы, турецкіе рабы, принужденные всю жизнь мыкаться по свѣту нищими, въ этотъ часъ вдалекѣ отъ Думы, народа и государя, вы грабите меня, какъ воры!

На Никона надѣли рясу, взятую у одного монаха, но, изъ страха передъ народомъ, по мнѣнію однихъ, по требованію царя, какъ свидѣтельствуютъ другіе, оставили ему епископскую мантію и посохъ. Мѣстомъ его ссылки былъ избранъ Ферапонтовскій монастырь на Бѣломъ озерѣ, по сосѣдству съ Бѣлымъ моремъ.

V.

Ссылка.

„Все это не случилось-бы, если-бы я задавалъ роскошные обѣды и отказался бы защищать истину!“

Такъ ораторствовалъ громко Никонъ, проѣзжая подъ сильнымъ конвоемъ московскія улицы и пытаясь возбудить толпу, которая дѣйствительно казалась очень расположенной принять его сторону. Бывшаго патріарха принудили молчать, но чернь протестовала. Произвели множество арестовъ; въ концѣ концовъ пришлось еще спрятать осужденнаго, и для того, чтобы отправить его въ путь, выслѣдить его многочисленныхъ сторонниковъ. Онъ отказалъ въ благословеніи, которое и на этотъ разъ царь просилъ у него, не принялъ даже денежнаго подарка и шубы, пожалованной ему государемъ на дорогу, и 21 декабря былъ уже въ Ферапонтовѣ.

Тамъ онъ отдалъ безъ сопротивленія епископскій посохъ и мантію, которые у него потребовали, но съ трудомъ согласился на строгія епитеміи, которыя намѣревались на него наложить. Отданъ былъ приказъ кормить его прилично и охранять отъ всякаго оскорбленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и запретить ему всякую переписку и „обезпечить ему покой“ въ кельѣ, которая должна была отнынѣ, по неосторожно высказанному кѣмъ-то желанію, служить ему тюрьмою.

Однако было не легко примѣнить такой режимъ къ заключенному съ такимъ темпераментомъ и при томъ престижѣ, который онъ сохранилъ во многихъ мѣстахъ. Для нѣкоторыхъ, даже изъ тѣхъ, кто кричалъ противъ него въ дни его всемогущества, теперь—лишенный сана и изгнанный бывшій патріархъ былъ мученикомъ.

Все болѣе и болѣе многочисленные паломники, мужчины

и женщины, стали стекаться толпами въ Ферапонтово, расточая передъ „святымъ“ знаки сочувствія и благоговѣнія и относясь къ нему такъ, какъ еслибъ онъ былъ еще увѣнчанъ бѣлою митрою. Но уже со слѣдующаго года новый смотритель, назначенный для наблюденія за патріархомъ, Наумовъ, былъ уполномоченъ усилить по своему усмотрѣнію мѣры строгости и сталъ дѣйствовать не безъ нѣкотораго излишняго усердія.

Съ другой стороны, Алексѣй, остывъ послѣ лихорадочной борьбы, вскорѣ былъ охваченъ чувствомъ страха, смѣшаннаго съ раскаяніемъ. Онъ не торопился заполнить вакансію патріаршаго престола и, наконецъ рѣшившись, остановилъ свой выборъ на дряхломъ и незначительномъ старикѣ Іоасафѣ II. Безъ сомнѣнія имъ руководилъ политическій мотивъ, знаменательная прелюдія къ будущему уничтоженію института, создававшаго свѣтскому самодержавію слишкомъ опасную конкурренцію. Рожденный мановеніемъ этой власти, патріархатъ былъ предназначенъ встать къ ней въ противорѣчіе и пасть въ борьбѣ, не имѣя времени пустить корни въ жизни народа, слиться съ нею органическою связью.

Воспитанный средой, которая только что начинала секуляризироваться, Алексѣй не отличался свободой мысли, облегчившій его сыну средство, на которомъ и остановился Петръ.

Поразивъ мятежника, царь теперь былъ охваченъ ужасомъ и страхомъ передъ „помазанникомъ Божіимъ“, передъ священнослужителемъ, которому когда-то онъ открывалъ свою душу.

Можетъ быть также „личный другъ“ владѣлъ еще его сердцемъ. И вотъ почему снабжая толстыми желѣзными прутьями окна своего плѣнника, Наумовъ долженъ былъ въ то же время передать ему письмо государя; Алексѣй еще разъ просилъ благословить его и простить. Отвѣтъ ясенъ.

„Какъ бы я могъ тебя благословить?“ писалъ Никонъ. „Осужденный вопреки всякой справедливости, я трижды проклялъ тебя, больше, чѣмъ Содомъ и Гоморру. Какъ бы я могъ тебя простить? Изгнанный и заключенный въ заточеніе, я обращаю на твою голову мою кровь и преступленіе всѣхъ твоихъ сообщниковъ! Освободи меня, вороти меня изъ изгнанія и ты получишь то, чего просишь“.

Въ то же самое время, пользуясь этою корреспонденціей противъ своихъ стражей, обманывая игумена Ферапонтова, какъ и самого Наумова, и заставляя ихъ называть себя патріархомъ и обращаться съ нимъ, какъ подобаетъ его сану, онъ забралъ въ свои руки управленіе тѣмъ монастыремъ, гдѣ хотѣли содержать его втайнѣ. Онъ даже наложилъ свою руку на управленіе его помѣстьями. Къ добытымъ такимъ образомъ доходамъ онъ прибавилъ вскорѣ доходъ съ своихъ прежнихъ монастырей, откуда монахи и крестьяне приходили выслушивать его приказанія и приносили ему провіантъ и деньги.

Іоасафъ только что былъ назначенъ, новый глава Ферапонтова не волновался этимъ назначеніемъ, считая новаго главу церкви лишь ложнымъ патріархомъ, какъ и Александрійскаго съ Антіохійскимъ, сыгравшихъ съ нимъ комедію суда, и которыхъ онъ могъ бы купить за три тысячи рублей! Царь созналъ свою ошибку и все должно было скоро устроиться.

Между тѣмъ проходили дни и мѣсяцы и ничто не возвѣщало о подобномъ событіи. Наумовъ началъ безпокоиться. Очевидно государь имѣлъ самое большое желаніе исправить сдѣланное имъ зло, но пріемъ, встрѣтившій его попытки къ сближенію, не былъ изъ ободряющихъ. Лучше было бы выказать побольше мягкости. Никонъ послѣдовалъ этому совѣту, и въ сентябрѣ отправилъ Алексѣю новое посланіе. Подписавшись на этотъ разъ „смиренный инокъ Никонъ“, онъ посылалъ свое благословеніе и прощеніе, прибавивъ однако, что онъ дѣлаетъ это только въ надеждѣ предстать скоро передъ „ясныя очи царя“, послѣ чего онъ въ состояніи будетъ дать ему настоящее отпущеніе съ помощью наложенія рукъ, какъ того требуютъ Евангеліе и апостолы.

Результатъ все же былъ не тотъ, какого онъ ожидалъ: послѣдовало приказаніе вынуть желѣзные прутья изъ оконъ бывшаго патріарха, послать ему разныя яства, вкусныхъ рыбъ и хорошія вина, пожаловать 1000 рублей, но ничего болѣе. Никакихъ признаковъ, указывавшихъ на то, что Алексѣй по пути улучшенія взаимныхъ отношеній намѣревался пойти дальше этихъ любезностей. Получивъ благословеніе и прощеніе, онъ платилъ за нихъ по установленному тарифу и успокоенный, хотѣлъ удовлетвориться этимъ.

Никонъ со своимъ обычнымъ упрямствомъ и совершеннымъ отсутствіемъ прозорливости придя въ раздраженіе, написалъ еще разъ, безъ всякаго стыда крича о своей бѣдности. Какъ когда-то въ „Новомъ Іерусалимѣ“ онъ жаловался, что былъ доведенъ до такой нищеты, что самъ долженъ былъ собирать валежникъ для печей и наконецъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ выдумать новый заговоръ, который на этотъ разъ уже угрожалъ жизни царя и въ которомъ, приписывая себѣ заслуги этого открытія, Никонъ старался обвинить самыхъ лютыхъ своихъ враговъ.

Это значило играть въ крайне опасную игру, такъ какъ доносъ влекъ за собою неизбѣжный сыскъ, послѣдствія котораго могли оказаться во всякомъ случаѣ только крайне гибельными для самого доносчика. Онъ доказалъ прежде всего со всей очевидностью, что Никонъ совсѣмъ не рисковалъ умереть отъ голоду въ Ферапонтовѣ, такъ какъ садки, служившіе для его кухни, изобиловали огромными стерлядями, и онъ могъ пользоваться избранными блюдами въ серебряной посудѣ съ вензелемъ „патріарха милостью Божіей“, каковымъ не былъ Іоасафъ. Такая надпись повторялась на множествѣ крестовъ, поставленныхъ имъ въ окрестностяхъ монастыря.

Болѣе того, слѣдователи открыли слѣдъ крайне подозрительныхъ сношеній, недавно завязанныхъ между изгнанникомъ и донскими казаками, поднявшимися въ это время подъ начальствомъ Стеньки Разина. На Никона собирался даже донести по этому поводу одинъ монахъ, который однако въ моментъ отъѣзда своего въ Москву, выпивъ лишнее, бросился въ чанъ съ кипящею водою.

Бывшій патріархъ еще боролся, осужденный, въ результатѣ такихъ разоблаченій, на болѣе строгое заключеніе: онъ постепенно переходилъ отъ гордаго высокомѣрія къ униженнымъ просьбамъ и только въ 1671 году, попытавшись въ послѣдній разъ запугать Алексѣя разсказомъ о чудесныхъ видѣніяхъ, которыхъ онъ милостиво удостоился, Никонъ отправилъ въ Москву актъ о своей покорности и окончательномъ отступленіи отъ всего. Тѣмъ не менѣе онъ не сумѣлъ обойтись безъ того, чтобы не примѣшать къ этому нѣкоторую экстравагантность и массу лжи. Желая оправдать во чтобы то ни стало свое поведеніе, онъ утверждалъ, что

желалъ сначала ожесточить сердце Алексѣя, чтобы принудить его снять съ него слишкомъ большую тяжесть потомъ, чтобы посодѣйствовать ему забыть своего стараго друга. Желая разжалобить царя, онъ сказался больнымъ, почти умирающимъ и все еще настолько бѣднымъ, что не въ состояніи былъ оставить свою келью, не имѣя чѣмъ прикрыть свою наготу.

Но въ концѣ концовъ онъ сознавался въ своихъ ошибкахъ и въ свою очередь просилъ прощенія. И Алексѣй былъ тронутъ. Онъ не говорилъ о возвращеніи изгнанника; обходя молчаніемъ его очевидно нелѣпыя объясненія, онъ запрашивалъ его по поводу проектировавшейся встрѣчи со Стенькой Разинымъ, но эти слова уже были обращены къ „святому и великому отцу", получавшему въ то же время великолѣпные подарки, при чемъ царь сопровождалъ всѣ эти милости личными оправданіями: онъ не принималъ участія въ осужденіи Никона; за него отвѣтственны одни лишь восточные патріархи и Соборъ.

Благодаря этому „святой и великій отецъ" надѣялся по крайней мѣрѣ добиться перевода въ Воскресенскій монастырь. Онъ и тутъ жестоко ошибся, но за то положеніе Никона въ Ферапонтовѣ значительно улучшилось. Болѣе, чѣмъ когда либо, онъ сталъ тамъ разыгрывать роль хозяина, при чемъ вскорѣ сталъ простирать свои притязанія и на сосѣдній монастырь св. Кирилла и принялся тамъ за такое безсовѣстное вымогательство, что мѣстные монахи писали Ферапонтовскимъ: „Вашъ батько насъ прямо съѣдаетъ"! Онъ не боялся даже надоѣдать государю своими постоянными требованіями и жалобами, отмѣчая, напримѣръ, что при посылкѣ явствъ, предназначенныхъ для него, онъ не находилъ винограду или вишенъ въ достаточномъ количествѣ.

Пользуясь значительными и частыми получками отъ царя по случаю столь многочисленныхъ въ православномъ календарѣ праздниковъ, располагая шестью монастырскими владѣніями, назначенными для его поддержки, добывая изъ нихъ ежегодно тридцать пять ведеръ лучшаго вина, восемдесятъ ведеръ меда, тридцать ведеръ уксуса, пятьдесятъ семгъ, двадцать бѣлугъ, семьдесятъ стерлядей, сто пятьдесятъ свѣжихъ щукъ, двѣ тысячи двѣсти пятьдесятъ штукъ другой рыбы, четыреста штукъ копченой, тридцать пудовъ икры,

пятьдесятъ пудовъ свѣжаго масла, пятьдесятъ ведеръ сливокъ, десять тысячъ яицъ, пряностей, лимоновъ, муки въ значительномъ количествѣ, владѣя одиннадцатью лошадьми на конюшнѣ, тридцатью шестью коровами въ стойлѣ и двадцатью двумя слугами, Никонъ все-же не переставалъ плакаться.

Утомленный этими жалобами, Алексѣй рѣшилъ обратить „поставку натурою“ бывшему патріарху въ деньги и дополнить эту сумму до полнаго удовлетворенія всѣхъ его потребностей. Но „святой и великій“ человѣкъ остался въ Ферапонтовѣ. Царь былъ озабоченъ въ то время задачами болѣе насущными.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бунтъ Стеньки Разина.

1. Казаки. — 2. Донское войско. — 3. Стенька Разинъ. — 4. Персидская эпопея.— 5. Диктатура Стеньки.— 6. Возстаніе.— 7. Казацкое правительство.— 8. Пораженіе.— 9. Конецъ „счастливыхъ временъ".— 10. Легенда о Стенькѣ.—11. Астраханское безумство.

I.

Казаки.

Въ исторіи Россіи, какъ и въ исторіи Польши, происхожденіе казаковъ представляетъ одну изъ самыхъ темныхъ проблемъ. Эти банды, какъ на Дону, такъ и на Днѣпрѣ, рѣшительно не признававшія политическую, соціальную и экономическую дисциплину сосѣднихъ государствъ, отъ которыхъ онѣ номинально зависѣли, подчиняясь довольно сильной автономной организаціи, нѣкоторое время считались остатками болѣе или менѣе автономныхъ общинъ древней Россіи. И вотъ какимъ образомъ.

Отъ девятаго и до начала четырнадцатаго вѣка, въ такъ называемый удѣльно-вѣчевой періодъ, славянскія групповыя единицы, представлявшія политическое единство подъ властью княжеской фамиліи, состояли изъ трехъ элементовъ: коммуны (общины), спутниковъ князя (дружины) и верховной власти. Коммуна представляла собою мѣстный, славянскій элементъ, характеристическими чертами котораго являлось равноправіе всѣхъ ея членовъ, общее рѣшеніе всѣхъ вопросовъ внѣшняго или внутренняго порядка и административная и юридическая автономія. Дружинники являлись иностраннымъ, пришлымъ элементомъ, основывавшимъ свои права на силѣ и пытавшимся установить противуположный порядокъ вещей. Отсюда постоянная борьба, въ которую

вмѣшивался третій элементъ, желая эксплоатировать раздоры двухъ другихъ въ своихъ интересахъ.

Распаденіе государства, основаннаго въ Кіевѣ, присоединеніе въ четырнадцатомъ вѣкѣ юго-западной Руси къ Литвѣ и полное сліяніе ея въ пятнадцатомъ вѣкѣ съ Польшей должны были по этой гипотезѣ перевернуть до основанія всѣ установленныя отношенія. Древніе дружинники князя постепенно слились вначалѣ съ русскою аристократіей (боярами), потомъ съ польскимъ дворянствомъ (шляхтою), въ то время какъ доведенныя до уровня плебса (посполь́ство) общины не сохранили ничего изъ своихъ привилегій. Мѣстами, однако, тамъ, гдѣ русская или польская знать медлила укрѣпиться и захватить въ свои руки землю, такъ, чтобы господствовать надъ ними, древнія общины могли сохраниться, принявъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій военный характеръ.

Въ концѣ пятнадцатаго или въ началѣ шестнадцатаго вѣка, представители новой аристократіи русской или польской, находясь въ конфликтѣ съ этимъ постоянно живучимъ элементомъ, заключили съ нимъ договоры и стремились соединиться связями, подобными тѣмъ, которыя объединяли древнихъ дружинниковъ съ древними русскими князьями. Вотъ почему на Днѣпрѣ первые извѣстные казацкіе гетманы были всѣ вельможи: Лянскоронскіе, Вишневецкіе, Ружинскіе, затѣмъ только уступившіе свое мѣсто начальникамъ болѣе скромнаго происхожденія. Но на почвѣ новыхъ политическихъ и соціальныхъ отношеній, имѣя своимъ центромъ Москву или Краковъ, эти пережитки стараго представляли собою аномалію. Они были обречены на гибель, но стремились еще нѣкоторое время сохранить свое существованіе и свою оригинальность среди трагической и кровавой борьбы.

Очень авторитетное въ свое время положеніе это теперь уже не имѣетъ защитниковъ. Слово „казакъ“ несомнѣнно иностраннаго происхожденія, хотя попытки этимологистовъ объяснить его корнями татарскими, турецкими или персидскими грѣшатъ нѣкоторой фантастичностью. „Cosacorum nomen a Persis seu Turcis oriundum est“ говорилъ уже Гейденштейнъ. Въ діалектахъ сѣверной Турціи „казакъ“, кажется, всегда означалъ собою бродягу и слѣдовательно раз-

бойника. Начиная съ пятнадцатаго вѣка это названіе давалось кочевымъ татарамъ, бродившимъ по степи, занимавшимся охотою и рыбною ловлею, нападавшимъ на караваны или дѣлавшимъ набѣги на сосѣднія земли Польши и московскаго государства, съ цѣлью добыть плѣнниковъ для рынка въ Константинополѣ. Самъ Кольберъ бралъ оттуда людей для королевскихъ галеръ. Такой же типъ разбойника встрѣчается и теперь въ Манджуріи и на берегахъ Амура между хунхузами. Въ Индіи разбойники на коняхъ также называются обычно „казаками".

Но это еще не все: на Дону, какъ и на Днѣпрѣ первые казаки были, повидимому, иностранцы. Нигдѣ нельзя было найти ни малѣйшаго слѣда древнихъ сельскихъ учрежденій, которыя бы служили основаніемъ для этихъ воинственныхъ общинъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ. Какъ и въ вопросѣ о самомъ „мірѣ" прямое происхожденіе отъ древняго вѣча является для этихъ позднѣйшихъ формацій миѳомъ, несогласнымъ съ дѣйствительностью. Коммунистическій духъ древней Россіи могъ воскреснуть въ этихъ группировкахъ, но происхожденіе ихъ было иное.

Въ Великоруссіи, какъ и въ Малороссіи казакъ являлся сначала на положеніи эмигранта, авантюриста, стремящагося добыть себѣ средства къ жизни внѣ условій нормальнаго существованія. Онъ охотникъ, рыболовъ, но чаще всего бандитъ и солдатъ по необходимости. Но онъ, прежде всего, и по существу своему бродяга. Только съ теченіемъ времени казакъ становится осѣдлымъ и колонизируетъ степь, все продолжая сохранять свою первобытную организацію въ видѣ какой-то военной артели. И только тогда зарождается земледѣліе вокругъ деревень и домовъ (слободы, хутора), которые онъ начинаетъ увеличивать. Но и тогда еще этотъ полуобращенный бродяга еще довольно плохой поселенецъ и болѣе чѣмъ посредственный земледѣлецъ. Среди населенія различнаго происхожденія, которое кончаетъ тѣмъ, что оспариваетъ у него владѣніе занятою имъ такимъ образомъ землею, онъ отличается, по словамъ одной старой думы, грубостью и дикостью своихъ нравовъ. „Домъ его можно отличить среди сотенъ другихъ. Онъ не покрытъ соломою, не вымазанъ чисто известью и не снабженъ для удобства сараемъ. Жена его не похожа на другихъ женщинъ своей

мѣстности: она ходитъ босая даже зимою, носитъ воду въ поломанномъ кувшинѣ и поитъ своихъ дѣтей изъ деревяннаго ковша".

Въ Россіи, какъ и въ Польшѣ, казачество, являлось, повидимому, въ аналогичныхъ, хотя абсолютно не тождественныхъ условіяхъ, продуктомъ вѣковой борьбы двухъ противоположныхъ принциповъ: духа политическаго единства и индивидуальной или коллективной независимости. Прямымъ его источникомъ явилась слишкомъ большая угнетаемость, политическая или экономическая, подданныхъ обѣихъ соперничающихъ имперій. Послѣ того, какъ гибкій и слабый режимъ удѣловъ уступилъ въ Россіи мѣсто самодержавной системѣ, а въ Польшѣ олигархическому управленію шляхты, отщепенцы какъ одной, такъ и другой дисциплины стали искать себѣ убѣжище въ юго-западныхъ степяхъ и, встрѣтивъ тамъ другихъ эмигрантовъ татарскаго или турецкаго происхожденія, восприняли ихъ нравы и заимствовали отъ нихъ ихъ военное названіе.

Группируясь, эти, находившіеся внѣ закона, пришельцы, естественно, воспроизвели въ своей организаціи нѣкоторыя черты древнихъ мѣстныхъ коммунъ, отвѣчавшихъ ихъ вкусамъ: сборища и круги для обсужденія общихъ дѣлъ, равенство, выборное управленіе. Но то были заимствованія, болѣе механическія, чѣмъ сознательныя, въ которыхъ не было намека на какое-либо сознательное самоуправленіе, никакихъ намековъ на возможность развитія этого принципа въ будущемъ. Образъ жизни, заимствованный этими имитаторами, и неизбѣжное соприкосновеніе ихъ съ элементами, по существу своему антисоціальными, представляли уже сами по себѣ непреоборимое препятствіе для такой эволюціи.

Освобожденный отъ стѣсненій, которыя были для него невыносимы, побережный казакъ съ Дона, нижней Волги или Днѣпра, мечталъ только о томъ, чтобы возможно шире использовать добытую имъ свободу. У него не являлось мысли завести хозяйство на занятыхъ мѣстахъ для нуждъ и удобствъ культурной жизни. И обращенныя въ лагери учрежденія эти остались звѣриными логовищами.

Если какой-либо традиціонный идеалъ и утверждался тамъ, то скорѣе это уже былъ идеалъ другихъ пришельцевъ—варяговъ, которые посѣяли первые въ мирной Сла-

вянской землѣ ядъ разбойничества, геройскаго, но дикаго. Съ этой точки зрѣнія казачество можетъ быть разсматриваемо, какъ одно изъ воплощеній нормандской побѣды, и дѣйствительно, только тамъ на славянской землѣ, гдѣ она имѣла мѣсто, находимъ мы это единственное во всей исторіи міра явленіе.

Первыми казаками въ Россіи были Рюрикъ, Диръ и Олегъ, указавшіе дорогу въ Константинополь будущимъ стяжателямъ богатой добычи.

Въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ явленіе это принимало различныя формы. Экспентрическій потокъ, разливавшій по отдаленной степи ежегодный контингентъ всевозможныхъ недовольныхъ лицъ, не былъ собственно единственной причиной этого явленія. Въ тѣхъ государствахъ, для которыхъ онъ служилъ своего рода фонтанелью, возникло другое движеніе, придавшее казачеству совершенно другой видъ. Въ Литвѣ татары-кипчаки Золотой Орды ввели казаковъ въ качествѣ свободныхъ сотоварищей, слѣдовавшихъ за крупными вельможами сверхъ ихъ обыкновенной кліентуры, образовавшейся изъ бояръ низшаго ранга. Они позже согласились нести службу по „казацкому образцу“ и такимъ образомъ образовался мѣстный типъ туземныхъ казаковъ, который уже въ шестнадцатомъ вѣкѣ путемъ процесса, развитія котораго мы не могли бы прослѣдить, образовалъ въ литовскомъ организмѣ національный литовско-русскій элементъ.

Возможно, что первая казачья стоянка у Черкассъ, на нижнемъ Днѣпрѣ, и была подобнаго происхожденія. Ставъ твердою ногою въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ этой мѣстности, литовецъ Витовтъ и его наслѣдники должны были дѣйствительно поселить въ этихъ условіяхъ своихъ татарскихъ слугъ. Но въ этой средѣ, столь различной въ этническомъ и соціальномъ отношеніи, географически болѣе близкой татарскимъ стоянкамъ въ Крыму, этотъ типъ не приминулъ измѣниться, возвратившись къ своему первоначальному виду. Тѣмъ болѣе, что въ этой мѣстности были уже другіе казаки, совсѣмъ не прирученные.

Въ польской Украйнѣ, казакъ, въ качествѣ соціальной группы, является позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, только къ концу пятнадцатаго вѣка; но въ качествѣ этническаго эле-

мента и по образу жизни казачество должно было существовать въ этихъ степяхъ вѣками. Эпоха Рюрика завѣщала его литовской эрѣ, сохранивъ за нимъ видъ кочевого населенія, живущаго охотою, рыбною ловлею и разбоемъ.

На дѣлѣ украинскіе казаки конца пятнадцатаго вѣка были только развившимся потомствомъ очень древнихъ этническихъ элементовъ, вѣроятно туранскаго происхожденія. Принимаемые на службу цѣлыми бандами въ крѣпкихъ замкахъ нѣкоторыхъ вельможъ, они стараются афектировать, характеръ своихъ литовскихъ сородичей, но стремятся освободиться отъ этой зависимости. Съ начала шестнадцатаго вѣка они все болѣе и болѣе освобождаются отъ всякой юридической зависимости и предаются все болѣе и болѣе грабежамъ. Это превращеніе между тѣмъ не является однообразнымъ на всемъ пространствѣ обширной территоріи, гдѣ оно происходило. На сѣверѣ, съ прогрессомъ колонизаціи, образовавшійся такимъ образомъ типъ имѣетъ тенденцію исчезнуть, уничтожаемый, или всасываемый постепенно, какъ элементъ антисоціальный. Далѣе на югъ, эти организаціи сохраняются, ихъ терпятъ, даже благоволятъ къ нимъ на всякій случай, какъ къ элементу колонизаторскому. Они укрѣпляются въ этой области и создаютъ тамъ обширныя колоніи на основаніи военнаго права.

Еще дальше на югъ, у нижняго теченія Днѣпра, они быстро обращаются въ страшную воинственную силу. Польскія власти поощряютъ ихъ развитіе въ промежуточной области, думая этимъ заставить ихъ себѣ повиноваться; но эти попытки подчиненія вызываютъ новый отливъ эмиграціи къ югу, гдѣ „казачье войско Нижа“ такимъ образомъ усиливается.

Подобная же эволюція замѣчается и въ Московской Украйнѣ.

II.

„Донское войско“.

Восходя къ концу пятнадцатаго вѣка, свободныя общины казаковъ въ организованномъ видѣ покрываютъ, начиная со второй половины семнадцатаго вѣка, всю огромную юго-во-

сточную область имперіи между Бѣлгородомъ, Саратовомъ, Царицыномъ и Астраханью, по берегамъ Волги, Дона, Донца, Хопра и Медвѣдицы. Ядро этихъ единицъ составляли, конечно, великорусскіе эмигранты; между тѣмъ туда прибавилась также довольно сильная помѣсь экзотическихъ элементовъ всякаго происхожденія, а возстаніе польскихъ казаковъ подъ начальствомъ Хмѣльницкаго принесло туда въ то самое время довольно значительный контингентъ малороссовъ, бѣжавшихъ отъ притѣсненій ихъ господъ, предвѣщавшихъ наплывъ въ недалекомъ будущемъ отбросовъ раскола.

Центръ этихъ стоянокъ былъ сосредоточенъ по Дону и его притокамъ, гдѣ находилось наибольшее количество казачьихъ городовъ и деревень (городки и станицы) и главный пунктъ Черкасскъ, (его не слѣдуетъ смѣшивать съ Черкассами, который расположенъ на берегу Днѣпра).

Населеніе этой области не было исключительно казачьимъ. Вначалѣ, подъ вліяніемъ непонятнаго намъ подбора, извѣстная часть жителей, воспользовалась тамъ монополіей имени, насадивъ при этомъ тотъ образъ жизни, который послѣднимъ опредѣляется, и стремясь свести на положеніе рабочихъ, угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ, тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые оказались менѣе счастливыми. Получивъ названіе бурлаковъ, эти илоты принимали между тѣмъ участіе въ военныхъ набѣгахъ и составляли самый буйный элементъ среди постоянно волновавшихся и постоянно бродившихъ группъ.

Но среди казаковъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, тѣ, которые владѣлали домомъ (куренемъ), какимъ-нибудь скотомъ, коровами, быками и лошадьми, просто самые богатые изъ нихъ, пріобрѣли значеніе аристократіи, относившейся сурово и презрительно къ голытьбѣ (голымъ), къ людямъ голутвеннымъ, толпѣ босяковъ безъ гроша и полушки, жившихъ исключительно грабежомъ.

Было также нѣсколько купцовъ въ Черкасскѣ, и такъ какъ казаки со своей стороны охотно отдавались торговлѣ, послѣдняя замѣтно стала развиваться, особенно по сосѣдству съ городами московской Украйны, съ Воронежемъ, Ельцомъ, Коротойакомъ, откуда русскіе купцы доставляли на Донъ водку, медъ и хлѣбъ, принимая въ обмѣнъ соленую

рыбу, продуктъ казацкихъ рыболовныхъ артелей, или драгоцѣнныя матеріи, добытыя удачными набѣгами на турецкую землю.

Никогда нельзя было опредѣлить точно среднюю цифру этого населенія и даже послѣ того, какъ Москва подчинила его приблизительной періодической регистраціи для лучшаго распредѣленія жалованья между зарегистрованными казаками. Атаманъ Алексѣй Еремѣевъ, посланный для этой цѣли въ 1673 году въ Москву, указывалъ на цифру 10.000 руб., но, за пять лѣтъ до этого, получивъ сумму въ 3000 рублей, его товарищи жаловались, что имъ досталось лишь по 90 копѣекъ на голову, что доказываетъ значительно низшую цифру.

Власть, которой они подчинялись, была представлена военной главой, атаманомъ (гетманъ на польской Украйнѣ), уполномоченнымъ казацкаго круга и исполнителемъ его рѣшеній. Кругъ собирался въ Черкасскѣ и всѣ его товарищи имѣли принципіальное право присутствовать на немъ; однако на практикѣ обитатели болѣе отдаленныхъ городовъ оповѣщались лишь при обсужденіи особо важныхъ дѣлъ. Кромѣ этого собранія функціонировалъ еще совѣтъ стариковъ (старшина), уважаемый всѣми хранитель и истолкователь обычаевъ и преданій, замѣнявшій собою отсутствующее законодательство. Онъ состоялъ изъ высшихъ офицеровъ, намѣстниковъ мѣстечекъ, судей, секретарей и вообще старыхъ казаковъ, среди которыхъ набирался впрочемъ генеральный штабъ „арміи“.

До конца шестнадцатаго вѣка эта обширная организація сохранила за собой почти полную независимость. Только въ 1570 году, отправляя посланника въ Крымъ, Іоаннъ Грозный вздумалъ снабдить его письмомъ къ казакамъ, приглашая ихъ „служить царю“. Это было началомъ довольно странныхъ отношеній и, принявъ на себя обязанность наблюдать за татарами при переходѣ ихъ черезъ Донъ, казаки получили взамѣнъ этого изъ Москвы нѣкоторое количество военной аммуниціи, порохъ и селитру. Но, не переставая сражаться по собственной фантазіи въ Крыму или въ Турціи и компрометируя такимъ образомъ своихъ новыхъ покровителей, они принуждали ихъ постоянно отрекаться отъ нихъ.

Борисъ Годуновъ, думая подчинить окраины имперіи болѣе дѣйствительной власти, вызвалъ этимъ недовольство, выразившееся въ участіи казаковъ въ начинаніяхъ Лжедимитрія и его польскихъ союзниковъ и въ ожесточенномъ революціонномъ взрывѣ. На слѣдующій день послѣ этого кризиса, когда снова возобновились старыя отношенія, повторились и старыя затрудненія: пограничная стража, такимъ образомъ составившаяся, правду говоря, мало стоила, но доставляла массу хлопотъ, и все увеличивая къ ней свое вниманіе и щедрость, правительство московское по примѣру польскаго, не колебалось выбрасывать при случаѣ этихъ безпокойныхъ людей за бортъ, сообщая въ своихъ письмахъ крымскому хану, что онъ можетъ ихъ истреблять, нисколько не оскорбляя этимъ Кремля.

Фактическая зависимость, въ которой очутились вольные сыны степей, при такомъ непринужденномъ обращеніи, все болѣе окутываемые сѣтью московской политики, обнаружилась ясно въ эвакуаціи Азова, о которой мы говорили выше; но ея неустойчивость дала себя почувствовать послѣ ряда тягостныхъ войнъ, въ которыхъ Алексѣй ставилъ на карту судьбу своей страны. Въ то же время, когда вмѣстѣ съ увеличивающимся экономическимъ кризисомъ усиливался на Дону и наплывъ искателей приключеній, боязнь посадить себѣ на шею очень много враговъ заставляла московское правительство подтягивать нѣсколько авантюристовъ. Пришлось такимъ образомъ открыть свободный проходъ на сѣверъ и закрыть его на югъ. Необходимость кормить большее количество ртовъ въ казацкихъ городкахъ и станицахъ съ меньшими рессурсами ввиду запрета грабежа на татарской или турецкой территоріи, отчаяніе голытьбы, усиленной новымъ притокомъ иммигрантовъ—таково было положеніе вещей, созданное въ этихъ мѣстахъ отраженіемъ польско-московскаго соперничества.

Казацкая аристократія, начиная уже добывать себѣ средства для существованія земледѣліемъ или торговлей и склоняясь къ болѣе мирному настроенію и къ болѣе осѣдлой жизни, покорилась этому режиму и, найдя почти единственная выгоду отъ договора съ Москвою, оставалась ей вѣрной. Демократическій элементъ, напротивъ, возбужденный отчаяніемъ, ожидалъ только сигнала и вожака, чтобы возстать

не только противъ московскаго протектората, но и противъ самаго автономнаго правительства круга и совѣта старшинъ. А ожидаемый предводитель могъ только явиться въ средѣ такихъ же босяковъ, какъ и вербуемые имъ подъ свое знамя. Въ противоположность тому, что было въ польской Украйнѣ, въ этихъ мѣстахъ не было почти дворянъ, еще меньше вельможъ, которые раздѣляли бы съ ними почести и опасности свободнаго сотоварищества. Спасаясь отъ ссылки или немилости, московскіе бояре предпочитали искать себѣ убѣжища при дворѣ польскихъ королей. На Днѣпрѣ приверженцы Хмѣльницкаго любили приписывать гетману знатное происхожденіе; на Дону Стенька Разинъ долженъ былъ сойти за того, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: за простого крестьянина.

III.

Стенька Разинъ.

Вокругъ этой фигуры,—несомнѣнно выдающейся, обаятельной и украшенный ореоломъ, создалась красивая и яркая легенда, ставшая любимымъ сюжетомъ для поэтовъ и романистовъ. Еще въ наше время она затемняетъ въ глазахъ большинства настоящій характеръ драмы, въ которой этой герой рисковалъ своею жизнью, постоянно отличаясь безусловно большой храбростью. Въ сущности эпопея его жизни была ничѣмъ инымъ, какъ обычной исторіей изъ жизни разбойниковъ.

Начиная съ 1659 года, когда былъ запертъ доступъ къ морю казакамъ съ Азова, нѣкоторые изъ нихъ искали выхода черезъ Астрахань. Отсутствіе прямого сообщенія водою между Волгою и Дономъ не представляло неодолимаго препятствія для легкихъ челноковъ этихъ пиратовъ. Казаки просто перетаскивали ихъ съ одной рѣки до другой. Но, желая остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ шахомъ, какъ и съ султаномъ и съ ханомъ, Москва стала сторожить входъ и въ Каспійское море. Бродяги тогда поднялись по Волгѣ, набрали себѣ сторонниковъ въ низшихъ слояхъ побережнаго населенія, вознаградили себя, разграбивъ купеческія суда и имъ пришлось выдержать правильную осаду

въ маленькомъ фортѣ, выстроенномъ на притокѣ рѣки Иловлѣ, и носившей названіе „Новой Риги“.

Восемь лѣтъ спустя предпріятіе, съ которымъ связалъ свое имя Стенька Разинъ, явилось лишь болѣе полнымъ повтореніемъ этого довольно вульгарнаго набѣга.

Въ 1666 году шайка въ 500 человѣкъ подъ командою атамана Васьки Уса, опустошила области Воронежа и Тулы, подымая крестьянъ и слугъ, избивая помѣщиковъ. Донской старшина на жалобу изъ Москвы отвѣтилъ, что онъ произвелъ судъ скорый и справедливый надъ виновными. Все еще продолжавшій свои подвиги, Усъ, однако, стушевался передъ вождемъ гораздо большаго размаха.

Средняго роста, хорошо сложенный, сильный и смѣлый, жестокій и хитрый, Степанъ Тимофеевичъ Разинъ, прозванный Стенькой, уже давно пользовался извѣстною репутаціей среди своихъ сотоварищей. Ему, вѣроятно, было въ это время около сорока лѣтъ. Посланный въ 1661 году къ калмыкамъ съ порученіемъ побудить ихъ соединиться съ казаками противъ татаръ, онъ съ успѣхомъ выполнилъ эту миссію. Осенью того же года онъ явился въ Москвѣ и отправился на поклоненіе въ Соловецкій монастырь.

Эти благочестивыя занятія были обычнымъ дѣломъ среди казаковъ, вопреки ихъ образу жизни и ихъ разгульнымъ нравамъ. Въ Чернеевѣ (теперешней Тамбовской губерніи, Шатскаго уѣзда), эти невѣрующіе люди построили даже монастырь и поддерживали его, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ принимали тамъ схиму, когда лѣта, болѣзнь или какая-либо рана дѣлали ихъ неспособными къ боевой жизни.

По свѣдѣніямъ иностранныхъ хронистовъ, служившихъ нѣсколько позднѣе въ войскѣ князя Юрія Долгорукаго, одинъ братъ Степана Тимофеевича былъ повѣшенъ за дезертирство, явившееся результатомъ отказа въ отставкѣ. И тогда Степанъ и другой его братъ Фролъ поклялись отомстить за это боярамъ и воеводамъ. Однако ни находящіеся въ нашемъ распоряженіи документы, ни самая мѣстная легенда не подтверждаютъ этого указанія. Достаточно подготовленное указанными выше обстоятельствами, предпріятіе Стеньки, вѣроятно, имѣло настоящею своею причиною лишь его темпераментъ, его способность воспользоваться этими обстоятельствами.

Захвативъ команду надъ сбродомъ голодныхъ и разбойниковъ, соединившихся вокругъ ядра, организованнаго Усомъ, Разинъ попытался выйти въ море Дономъ. Отброшенный самими казаками, онъ поднялся по рѣкѣ до того мѣста, гдѣ ея теченіе ближе всего подходитъ къ Волгѣ, получилъ отъ жителей Воронежа запасъ пороху и свинца и основалъ между Иловлей и Тичинею другую, еще болѣе важную Ригу. Вскорѣ затѣмъ, начальствуя уже надъ тысячью человѣкъ, онъ напалъ на караванъ, шедшій внизъ по Волгѣ съ запасомъ хлѣба для Астрахани и конвоировавшій ссыльныхъ. Суда были разграблены, провожатые ихъ замучены и повѣшены. Одно изъ судовъ принадлежало патріарху Іоасафу, недавно назначенному на мѣсто Никона, и возможно, что эта частность и внушила Стенькѣ мысль завязать сношенія съ изгнанникомъ въ Ферапонтовѣ и стать его мстителемъ. Такимъ способомъ атаманъ думалъ примирить свой походъ съ благочестивыми воспоминаніями о паломничествѣ въ Соловки. Позднѣе, кажется, въ участіе Никона въ шайкѣ смѣлаго атамана широко вѣрили. Одинъ изъ лѣтописцевъ говоритъ даже, что тамъ представлялъ его личность особый манекенъ.

При караванѣ былъ конвой изъ стрѣльцовъ, которые не тронулись съ мѣста и эта частность сильно поразила народное воображеніе. Атамана стали считать колдуномъ. Однимъ словомъ своимъ онъ останавливалъ суда, однимъ взглядомъ онъ обращалъ въ камень солдатъ, назначенныхъ для ихъ защиты; его тѣло было заговорено отъ пуль.

Ослѣпленный такимъ легкимъ успѣхомъ, Стенька расположился лагеремъ нѣкоторое время въ окрестностяхъ Камышина, на высотахъ, еще до сихъ поръ носящихъ его имя; потомъ, спустившись по Волгѣ, онъ прошелъ подъ Царицынымъ и легенда разсказываетъ, будто бы пушки этого города не могли стрѣлять, и воевода долженъ былъ выполнять покорно приказанія атамана. Между тѣмъ городъ не былъ взятъ, но, пройдя дальше съ отрядомъ уже въ 1500 человѣкъ на 35 челнокахъ, Разинъ перешелъ, обыкновенно хорошо оберегаемый, Черный Яръ и достигъ моря.

Невозможно угадать, какой планъ былъ имъ начертанъ въ это время. По всей вѣроятности атаманъ никакого плана и не имѣлъ. Какъ авантюристъ, онъ искалъ приключеній. Онъ проѣхалъ вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря до

устья Яика, теперешняго Урала, и напалъ на маленькій городокъ того же имени, не оказавшій ему ровно никакого сопротивленія. Начальникъ находившагося тамъ маленькаго московскаго гарнизона, Сергѣй Яицынъ, позднѣе утверждалъ, будто бы онъ попалъ въ ловушку, которую самъ вначалѣ приготовилъ врагамъ. Открывъ имъ двери одной церкви, гдѣ они хотѣли помолиться, онъ будто бы полагалъ, что захватитъ враговъ въ плѣнъ. Фактъ тотъ, что послѣ нѣкоторыхъ колебаній относительно того, куда имъ примкнуть, одни стрѣльцы согласились соединиться съ казаками, другіе просили отпустить ихъ въ Астрахань, и весь гарнизонъ былъ истребленъ.

Маленькій городъ служилъ нѣкоторое время побѣдителю пунктомъ, откуда отправлялись экспедиціи на сушѣ и по морю противъ татаръ у устья Волги и противъ мусульманскихъ галеръ вдоль Дагестана. Между тѣмъ, не придавъ вначалѣ большого значенія этому движенію, въ Москвѣ начали теперь волноваться; волновались даже на Дону, гдѣ все большее и большее количество казаковъ стремилось пойти сражаться вмѣстѣ съ знаменитымъ атаманомъ. Офиціальный военный глава, Кириллъ Яковлевъ, видѣлъ, что его авторитетъ колеблется. Стали даже угрожать его жизни и мудрецовъ старшины не хотѣли больше слушать.

Съ одной и съ другой стороны завязались переговоры съ новыми хозяевами Яика. Но, такъ какъ послы, отправленные къ нимъ царемъ, не добились ровно никакого результата, къ концу 1667 года астраханскій воевода, князь Иванъ Прозоровскій, получилъ приказъ отправиться въ походъ. Разинъ послалъ противъ него лишь горсть своихъ людей, переманилъ часть враждебнаго отряда на свою сторону, а остальныхъ убилъ. Весною слѣдующаго года, получивъ подкрѣпленіе въ лицѣ 700 донскихъ казаковъ, онъ вышелъ въ море и предпринялъ самый славный въ исторіи его атаманства походъ.

IV.

Персидская эпопея.

Опустошивъ персидскій берегъ отъ Дербента до Баку, Разинъ добрался до Решта. Вступивъ съ нимъ въ перего-

воры и обмѣнявшись заложниками, намѣстникъ города, Бударъ-ханъ, открылъ рейдъ для казацкой флотиліи и въ то время, какъ слухи объ этомъ событіи подняли всю Донскую область, Стенька сталъ мечтать о стоянкѣ на персидской территоріи и предложилъ свои услуги шаху.

Въ такомъ видѣ это предпріятіе открывало перспективы, которыя могли стать соблазнительными даже для Москвы. Ермакъ со своими товарищами началъ совершенно такимъ же образомъ покореніе Сибири, съ той только разницей, что тѣ не встрѣтили тамъ правильно организованной власти, съ которой правительство ихъ страны находилось бы въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Шахъ и предложенія, которыя ему дѣлалъ Разинъ, только портили дѣло. Между тѣмъ въ Кремлѣ не отчаявались уладить дѣло, если бы только Стенька съ товарищами не поставили себя въ такое положеніе, при которомъ какой бы то ни было компромиссъ съ ними и съ ихъ дѣйствіями и поступками былъ совершенно не возможенъ. Въ Рештѣ они повели себя такимъ образомъ, что возстаніе жителей принудило ихъ быстро покинуть городъ, оставивъ на мѣстѣ 400 человѣкъ.

Они устроили ужасную месть въ Ферабадѣ. Явившись туда сначала подъ видомъ людей съ самыми мирными намѣреніями и съ цѣлью будто бы завязать коммерческія сношенія на мѣстномъ рынкѣ, они потомъ неожиданно набросились на довѣрчивое населеніе. Весною 1669 года они продолжали свою месть, вернувшись на восточный берегъ Каспія съ цѣлью грабежа туркменскихъ улусовъ. Набросившись затѣмъ на персидскій флотъ, они нанесли ему полное пораженіе. Персидскій адмиралъ, Менеди-Ханъ, едва убѣжалъ съ тремя галерами, оставивъ въ рукахъ побѣдителей сына и дочь, которую Стенька сдѣлалъ своею любовницею.

Воспоминаніе объ этомъ походѣ сохранилось въ одной казацкой думѣ, гдѣ Разинъ имѣетъ сотоварищемъ по оружію Илью Муромца, эпическаго героя національнаго миѳа, современника Владиміра!

Но уже настоящая эпопея казацкаго атамана приняла опасный оборотъ. Переговоры съ шахомъ не привели ни къ чему и побѣдоносные, но истощившіе всѣ свои усилія и неспособные дольше продержаться на морѣ и прокормиться на немъ, Стенька съ товарищами не знали, ни что имъ

дѣлать, ни какъ поступить съ награбленною ими богатою добычею. Въ глубинѣ души, слѣдуя своимъ наклонностямъ, они охотно закончили бы эту авантюру обычной и тривіальной развязкой казачьихъ набѣговъ по Черному морю: возвращеніемъ въ донскія станицы съ пожитками убитыхъ и ограбленныхъ „нехристей". Но они имѣли неосторожность бравировать передъ московскимъ правительствомъ и путь къ отступленію былъ имъ отрѣзанъ. Рѣшившись въ свою очередь отомстить и приготовившись на этотъ разъ получше, астраханскій воевода поджидалъ ихъ на дорогѣ съ 36 галерами и 4000 стрѣльцовъ.

Плохо освѣдомленный и всегда неосторожный Стенька натолкнулся на эту огромную силу, долженъ былъ отступить и, преслѣдуемый, заключилъ капитуляцію. Прозоровскій, соблюдая данныя ему инструкціи, показалъ себя склоннымъ къ примиренію. Казаки соглашались отдать все то, что они нѣкогда забрали какъ на мусульманской территоріи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, а разграбленіе береговъ Каспійскаго моря могло сойти за законную репрессію за набѣги на прибережныя московскія владѣнія, которымъ они подвергались періодически со стороны подданныхъ или данниковъ Персіи. Былъ заключенъ на этомъ основаніи трактатъ. 25 августа 1663 года Стенька со своими товарищами торжественно подписали актъ подчиненія въ городской думѣ Астрахани. Атаманъ сдалъ свою булаву, подтвердилъ клятвою выполненіе принятыхъ на себя обязательствъ и послалъ въ Москву депутацію, которая получила лишь снисходительный выговоръ.

Затѣмъ онъ сталъ пировать съ воеводами, одарилъ ихъ богатыми персидскими матеріями, билъ челомъ царю отъ покоренныхъ городовъ во владѣніяхъ шаха и добился того, чего хотѣлъ: позволенія вернуться на Донъ съ остатками добычи. Обѣщавъ выдать свою артиллерію, онъ сохранилъ для себя двадцать пушекъ, въ которыхъ, какъ онъ утверждалъ, онъ настоятельно нуждался, чтобы переходить съ ними степь и держать въ страхѣ крымскихъ или азовскихъ татаръ и турокъ.

Воеводы, получившіе позже выговоръ за то, что они не удержали казаковъ и не смѣшали ихъ съ стрѣлецкими полками, на дѣлѣ не могли тогда и думать о подобной попыткѣ.

Стенька съ товарищами импонировалъ имъ: всѣ въ шелку, съ руками, полными золота, они вызывали у нихъ воспоминанія объ Олегѣ и его дружинѣ, наводнившими Кіевъ богатствами, добытыми на греческой землѣ. Такъ же какъ и ладьи этого легендарнаго героя, лодки Стеньки были разукрашены шелковыми веревками и парусами. Сами еще наполовину казаки и живя въ городѣ, гдѣ все дышало еще духомъ дикой независимости, стрѣльцы, единственная сила, которой располагалъ Прозоровскій со своимъ помощникомъ, не были безусловно испытанными людьми. Искушеніе было слишкомъ велико для нихъ, чтобы не слиться съ этими удивительными гостями, которые бѣгали по кабакамъ въ бархатныхъ кафтанахъ и, чтобы заплатить, небрежно срывали съ своихъ шапокъ цѣнный алмазъ.

И при этомъ держа въ своихъ сильныхъ рукахъ этихъ дикихъ пѣнителей рѣкъ и морей, Стенька казался такимъ добрымъ, великодушнымъ и щедрымъ! Какъ онъ былъ не похожъ на требовательныхъ и жестокихъ къ бѣднотѣ воеводъ. Хотя онъ и требовалъ, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ государемъ, заставляя, при встрѣчахъ съ нимъ, становиться на колѣни, бить челомъ, но при этомъ онъ все разрѣшалъ и никогда не отказывалъ ни въ чемъ.

Прибывъ въ то время въ Астрахань съ знаменитымъ Орломъ, этимъ первымъ образцомъ зарождающагося русскаго флота, голландецъ Стрюйсъ видѣлъ атамана и описалъ его въ слѣдующихъ краскахъ:

„Онъ имѣлъ важный видъ, благородную осанку и гордое выраженіе лица. Былъ хорошо сложенъ и лицо немного попорчено оспой. У него была способность возбуждать къ себѣ страхъ и заставлять любить себя... Мы нашли его въ его шатрѣ съ довѣреннымъ лицомъ по имени „Чертовы усы“ и нѣсколькими другими офицерами... Нашъ капитанъ подарилъ ему двѣ бутылки водки и онъ принялъ ихъ съ радостью, такъ какъ уже давно не пилъ ея... Онъ далъ намъ знакъ сѣсть и выпилъ за наше здоровье... но почти ничего не сказалъ и не обнаружилъ никакого желанія узнать, что насъ собственно привело въ эту сторону... Мы вернулись, чтобы повидать его еще разъ и нашли его на рѣкѣ въ разрисованной и позолоченной лодкѣ, бражничавшимъ и веселившимся съ нѣсколькими своими офицерами. Съ нимъ была персидская княжна“.

Своей красотой, обаяніемъ своего знатнаго происхожденія эта любовница еще болѣе поднимала престижъ Стеньки, возбуждая однако частенько нѣкоторую ревность у его товарищей. Этимъ и можно объяснить тотъ неожиданный поступокъ, которымъ, судя по легендѣ, и окончился въ одинъ прекрасный день этотъ романъ. Пируя съ своей компаніей, въ роскошной лодкѣ, среди сцены пьяной влюбленности, атаманъ вдругъ нагнулся надъ рѣкою и произнесъ проникнутую мрачнымъ лиризмомъ слѣдующую тираду:

— Матушка, дорогая Волга, два года осыпала ты меня своей щедростью, давала мнѣ золото пригоршнями и всякія богатства. Въ свою очередь я обязанъ тебѣ принести достойную тебя жертву. Возьми же изъ всего, что я имѣю, самое дорогое мнѣ и самое драгоцѣнное, лучшую часть моей добычи, мою неоцѣненную кралю...

И, схвативъ прекрасную персіянку, онъ бросилъ ее въ волны.

Сообщая этотъ фактъ, Стрюйсъ не говоритъ, что былъ его очевидцемъ, и реальность этого событія кажется намъ тѣмъ болѣе сомнительной, что съ нимъ мы встрѣчаемся снова въ сказочномъ эпосѣ о Садкѣ. Стенька, очевидно, презиралъ все, включая сюда и человѣческую жизнь, презрѣніе, общее большинству авантюристовъ, ему подобныхъ, и вся его жизнь представляла изъ себя только кровавую оргію. Можно, слѣдовательно, предположить, что онъ убилъ дочь Менеди-хана, но, конечно, при менѣе мелодраматическихъ обстоятельствахъ. Исполняя обязанность высокаго судьи, онъ однажды приказалъ повѣсить за ноги женщину, виновную въ прелюбодѣяніи, и утопить ея сообщника.

Подобнаго рода поступки, слишкомъ часто повторявшіеся, возбудили у астраханскихъ воеводъ желаніе освободиться возможно скорѣе отъ такого безпокойнаго собутыльника и 4-го сентября они увидѣли съ радостью, что онъ куда-то отправляется. Поднявшись по Волгѣ, атаманъ далъ о себѣ знать еще нѣсколькими эксцессами: вопреки формальному запрещенію, онъ велѣлъ для себя открыть ворота Царицына, напоилъ своихъ людей водкой за счетъ жителей, велѣлъ отодрать мѣстнаго воеводу, Григорія Унковскаго, выдернувъ ему къ тому же бороду, и кончилъ тѣмъ, что отправился къ Дону, куда явились уже ему навстрѣчу его

посланцы, отправленные имъ въ Москву. Получивъ выговоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прощеніе, они должны были вернуться въ Астрахань и реабилитировать себя усердной службой. Но они предпочли по дорогѣ передушить своихъ конвойныхъ и соединиться съ своимъ начальникомъ. Имѣя такихъ товарищей, Стенька не могъ и думать о соблюденіи недавно принятыхъ имъ обязательствъ и войти въ обычную колею.

Пребываніе въ Астрахани вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило въ немъ сознаніе своего величія и могущества, совсѣмъ несовмѣстимыхъ съ такимъ положеніемъ. И не думая вовсе возвращать по обѣщанію бывшихъ у него двадцать орудій, Стенька укрѣпился между Кагальникомъ и Ведерниковымъ, приказалъ привести въ свою новую резиденцію свою жену и брата Фрола и устроилъ нѣчто вродѣ дѣлежа казацкой земли: въ Черкасскѣ старой казацкой арміей продолжалъ командовать Корнилъ Яковлевъ, но „побѣдители Персіи", находясь подъ командою Стеньки, покрытые славою и располагая значительными рессурсами, вытѣснили своихъ сосѣдей. Обходя станицы и, по казацкому обычаю, приглашая сотоварищей подѣлить пріобрѣтенную добычу, ихъ эмиссары возбуждали непреодолимый соблазнъ. Народная молва преувеличила еще богатство этихъ сокровищъ, и съ ноября 1669 года соперникъ Яковлева уже располагалъ хорошо вооруженными 2,700 человѣкъ. Нѣкоторые приходили съ отдаленныхъ береговъ Днѣпра. Всѣмъ онъ посовѣтовалъ быть готовыми къ новому походу, сущность котораго онъ однако скрывалъ. Вѣроятно, онъ и самъ ея не зналъ.

Въ ожиданіи, желая снискать себѣ симпатіи мѣстнаго населенія, онъ воздерживался отъ всякаго грабежа, не противился даже развивавшимся коммерческимъ сношеніямъ между областью Донскою и Москвою. Онъ предлагалъ только московскимъ купцамъ замѣнить Черкасскъ Кагальникомъ, на что тѣ охотно согласились, находя въ этомъ для себя выгоду. Но черкасскіе казаки не знали уже, на что рѣшиться при видѣ этой конкуррирующей стоянки. Они колебались признать главенство, которое росло и между тѣмъ угрожало имъ раззореніемъ.

Весною 1670 года Стенька вывелъ ихъ изъ затрудненія. Онъ явился въ Черкасскъ съ избранною шайкою, своею ва-

тагою, въ ту самую минуту, когда Яковлевъ съ товарищами думалъ проводить очень торжественно царскаго посланца, явившагося къ нимъ съ милостивымъ посланіемъ. Стенька грубо разспросилъ посла, объявилъ его шпіономъ, посланнымъ не царемъ, а боярами, и велѣлъ бросить его въ воду вмѣстѣ съ нѣсколькими протестовавшими казаками.

V.

Диктатура Стеньки.

Вмѣшавшись въ свою очередь въ дѣло, Яковлевъ не оказался достаточно сильнымъ, чтобы помѣриться силами съ такимъ противникомъ, и скоро очутился въ безпомощномъ положеніи. Замѣнивъ его собою и руководя старшиною, Стенька создалъ нѣчто вродѣ диктатуры и занялся учрежденіемъ въ этихъ мѣстахъ совершенно новыхъ порядковъ. Особенно нападая на поповъ, въ которыхъ онъ не безъ нѣкотораго основанія видѣлъ агентовъ московскаго правительства, онъ намѣтилъ очень любопытную попытку секуляризаціи.

Только что было сожжено много церквей въ Черкасскѣ. Нѣкоторые казаки просили у него денегъ, чтобы ихъ построить заново, но новый глава воспользовался, чтобы отклонить ихъ просьбу, замѣчаніемъ одного изъ самыхъ древнихъ героевъ народной поэзіи, Дуная Ивановича.

— На что вамъ церкви? Для чего вамъ попы? Чтобы жениться? Поставьте мужчину и женщину подъ какое-нибудь дерево, танцуйте вокругъ нихъ хороводъ и у васъ получится самая разлюбезная парочка.

Онъ справилъ по этому обряду свадьбы, употребилъ нѣсколько недѣль на организацію своихъ силъ и въ маѣ поднялся по Дону до маленькаго городка Панщинъ, гдѣ свидѣлся съ Ваською Усомъ, который между тѣмъ не оставался безъ дѣлъ, грабя помѣщичьи имѣнія въ областяхъ Воронежа и Тулы, гдѣ онъ продолжалъ свои дѣйствія. Съ этимъ подкрѣпленіемъ Стенька оказался во главѣ приблизительно 7000 человѣкъ и тогда узнали, что его намѣреніемъ было идти сушею и водою къ Царицыну.

Таковъ былъ результатъ его долгихъ размышленій. Раздумывая, онъ безъ сомнѣнія пришелъ къ убѣжденію, что

ему не удастся возобновить грабежи по Каспію. Прозоровскій былъ настолько силенъ, что могъ остановить его по дорогѣ. Но если для внѣшней войны силы Стеньки были слишкомъ незначительны, то онъ льстилъ себя съ другой стороны надеждой, что можетъ ихъ увеличить до безконечности для войны внутренней, обратившись съ призывомъ къ народнымъ массамъ.

Онъ пошелъ къ Царицыну и безъ труда овладѣлъ городомъ; жители открыли ему ворота. Пропаганда, которая велась съ прошлаго года въ этой мѣстности, населенной мятежнымъ элементомъ, сдѣлала свое дѣло, и теперь уже принимали не простого казака, а предводителя возстанія. Башня, въ которой заперся съ нѣсколькими людьми комендантъ города, Тимофей Тургеньевъ, была взята приступомъ, несчастный воевода нашелъ тамъ ужасную смерть; его потащили съ веревкой на шеѣ къ Волгѣ и тамъ утопили, а Стенька вошелъ вполнѣ въ свою новую роль.

Подняться вверхъ по рѣкѣ, захватить города по ея теченію, продѣлать тамъ съ воеводами то, что онъ продѣлалъ съ Тургеньевымъ, поднять сосѣднее населеніе и идти на Москву, чтобы положить тамъ конецъ управленію бояръ, враговъ народа и царя—таковъ былъ грандіозный планъ, который онъ открылъ своимъ товарищамъ. Впрочемъ, онъ только воспроизвелъ обычный кличъ большинства народныхъ бунтовъ, происходившихъ здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ. „Долой налогъ на соль, да здравствуетъ король!“ или „Долой дворянъ, да здравствуетъ король!“ кричали въ ту же приблизительно эпоху другіе бунтовщики въ прекрасной Франціи.

VI.

Возстаніе.

Но Стенька слишкомъ заблуждался въ своихъ способностяхъ, чтобы сумѣть сыграть ту роль, которую ему хотѣлось играть. У него не было для того никакихъ подходящихъ качествъ, ни выдающагося ума, ни настоящаго военнаго таланта, и никакого даже сознанія принятой на себя задачи. Воспитанный и выросшій среди разбойниковъ, онъ оставался разбойникомъ. Пустивъ въ ходъ, для поднятія имъ вы-

званнаго движенія, всѣ данныя, которымъ онъ былъ обязанъ своими предшествовавшими успѣхами—храбрость, смѣлость, быстроту дѣйствія и вѣрный глазомѣръ,—онъ далъ ему сначала могучій толчекъ, но не умѣлъ ни направить его, ни обезпечить ему дальнѣйшее развитіе.

Получивъ извѣстіе, что Прозоровскій отправилъ отрядъ войска изъ Чернаго Яра къ верховьямъ Волги, и что въ то же время 5.000 московскихъ стрѣльцовъ спускаются по рѣкѣ къ Царицыну, чтобы поставить атамана между двухъ огней, Стенька сразу доказалъ свою рѣшительность и искусно пустилъ въ ходъ быстроту движенія, лежащую въ основѣ казацкой тактики. Явившись, не теряя ни минуты, передъ своими противниками, шедшими съ сѣвера, онъ ихъ захватилъ на островѣ Денежномъ, въ семи верстахъ вверхъ отъ Царицына, отбросилъ ихъ къ городу, и тамъ ихъ встрѣтили выстрѣлами изъ пушекъ. Затѣмъ онъ уничтожилъ ихъ или позабиралъ въ плѣнъ. Московскій главнокомандующій, Иванъ Лопатинъ, и его помощники раздѣлили участь Тургеньева и, обращенные въ гребцовъ на челнокахъ побѣдителя, стрѣльцы узнали съ удивленіемъ, что они ошиблись, думая, что сражаются за царя. Стенька объявилъ себя сторонникомъ государя противъ ненавистной камарильи и утверждалъ, что взялъ на себя задачу освободить ихъ отъ нея.

Астраханскіе стрѣльцы въ свою очередь подверглись нападенію и сдались безъ сопротивленія. Казацкіе эмиссары уже успѣли взбунтовать городъ. Но эта вторая побѣда имѣла главнымъ своимъ результатомъ то, что она дала возможность побѣдителю обратить вниманіе на тотъ путь, на которомъ должны были развиться рано или поздно его инстинкты. Первый порывъ могъ завести его далеко. Не сумѣвшая предвидѣть такой подъемъ, слишкомъ стѣсненная въ настоящее время, чтобы дать должный отпоръ, такъ какъ отъ нея требовала не меньшихъ жертвъ польская война, Москва рисковала вновь увидѣть подъ своими стѣнами второго Заруцкаго. Но Стенька былъ только разбойникомъ и послѣ сдачи Астрахани въ его распоряженіе, возможность наложить свою руку на такую прекрасную добычу, завлекла этого импровизированнаго иниціатора большой революціонной вспышки въ грубую ловушку, въ которую онъ и попался. Рѣшивъ не подниматься дальше по Волгѣ, согласно перво-

начальному плану, онъ спустился по рѣкѣ и повернулся спиною къ своему счастью. Впрочемъ ему предстояло еще развить въ болѣе широкихъ рамкахъ ту пародію правительства, которую онъ пытался создать въ Черкасскѣ. Этотъ случай доставила ему торговая столица юга.

VII.

Казацкое правительство.

Князь Семенъ Львовъ, замѣститель Прозоровскаго, командовавшій отрядомъ, незадолго до того перешедшаго на сторону атамана, и избѣжавшій гибели, принесъ ему эту вѣсть. Предупрежденный такимъ образомъ, первый воевода принялся дѣятельно укрѣплять довѣренный ему городъ и достигъ въ этомъ дѣлѣ важныхъ результатовъ, воспользовавшись помощью англичанина Бутлера, капитана знаменитаго Орла, все еще стоявшаго на рейдѣ. Но населеніе города находилось въ тревожномъ состояніи, на половину поднятое отраженіемъ событій, разгорѣвшихся по сосѣдству, возбужденное также какими-то явленіями, странными слухами, распространяемыми по церквамъ, настоящими или воображаемыми землетрясеніями. Сохраняя еще на своемъ тѣлѣ слѣды насилій, произведенныхъ надъ нимъ казаками Заруцкаго, архіепископъ Іосифъ растерялся. Стрѣльцы, съ своей стороны, обнаруживали безпокойство. 15-го іюня они стали требовать въ угрожающемъ тонѣ выдачи имъ задержаннаго жалованья. Прозоровскій смогъ съ помощью клира удовлетворить ихъ; но въ слѣдующіе дни возобновились приводившія въ ужасъ явленія природы. Несмотря на время года было холодно, градъ смѣнялся дождемъ. А 22-го числа Стенька былъ уже въ виду города. Черезъ два дня, послѣ попытки вступить въ переговоры и поколебать вѣрность Бутлера, онъ напалъ на городъ.

Астрахань была обведена стѣною, высотою въ четыре сажени, толщиною въ полторы сажени, съ башнями, на которыхъ колокола были приведены въ движеніе, съ цѣлью поднять мужество въ сражавшихся, и имѣла четыреста шестьдесятъ пушекъ. Съ трехъ сторонъ ее окружали рвы съ водою. Совершенно правильно Стенька повелъ аттаку съ южной

стороны, доступной, благодаря легкому скату, покрытому виноградниками. Подставивъ лѣстницы, казаки взобрались на укрѣпленія, не сдѣлавъ выстрѣла. Пушки бездѣйствовали, назначенный къ ихъ командованію, лейтенантъ Бутлера, Томасъ Бойль, былъ убитъ своими стрѣльцами, среди которыхъ возстаніе приняло немедленно общій характеръ.

Вскорѣ соборъ наполнился толпою офицеровъ и московскихъ чиновниковъ, убѣгавшихъ отъ начинавшагося избіенія, туда же принесли самого Прозоровскаго, который былъ тяжело раненъ ударомъ пики. Прибѣжавшій архіепископъ успѣлъ лишь сдѣлать послѣднее церковное напутствіе храброму солдату, который былъ его другомъ. Тяжелыя двери храма, окованныя желѣзомъ, были заперты, но въ окна влетали уже пули, которыя, среди другихъ жертвъ, убили на рукахъ матери грудного младенца и пробили икону Казанской Божіей Матери, передъ которой бѣглецы оспаривали мѣсто другъ у друга. Потомъ двери поддались и казаки, перейдя черезъ трупъ стрѣлецкаго сотника, Фрола Дуры, героически загородившаго собою проходъ, ворвались во внутрь. Еще живой Прозоровскій и всѣ присутствовавшіе московиты были перевязаны, до суда, который долженъ былъ произвести надъ ними атаманъ.

Расправа была короткой: Стенька прошепталъ на ухо Прозоровскому нѣсколько словъ, съ предложеніемъ, по всей вѣроятности, милости на извѣстныхъ условіяхъ; воевода покачалъ головою, и казаки, по знаку своего начальника, подняли умирающаго на колокольню и бросили внизъ. Послѣ притворнаго допроса и совѣщанія, другіе плѣнники были убиты, по большей части, на паперти церкви. Въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ ихъ должны были похоронить, одинъ монахъ насчиталъ четыреста сорокъ одинъ трупъ.

За избіеніемъ послѣдовалъ общій грабежъ, во время котораго не пощадили также на-ряду съ правительственными канцеляріями и домами богатыхъ москвитянъ индійскія и бухарскія лавки.

Стенька устроилъ изъ Астрахани казачій городъ, раздѣливъ его жителей на тысячи, сотни и десятки подъ начальствомъ выборныхъ эсауловъ, сотниковъ и десятниковъ, составивъ изъ нихъ „кругъ“, дѣлая видъ, что хочетъ реставрировать древнее вѣче. Но геній атамана

дальше этого не пошелъ и это было еще самое лучшее. Однажды утромъ все населеніе должно было выйти за городъ, на большую площадь, чтобы принести присягу въ вѣрности царю, атаману и казацкой арміи, съ обѣщаніемъ выдать „измѣнниковъ". Двое изъ священниковъ отказались отъ присяги, и Стенька приказалъ одного изъ нихъ утопить, а у другого отрѣзать руку и ногу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пожелалъ, чтобы всѣ бумаги архивовъ и канцелярій были сожжены, и объявилъ, что онъ сдѣлаетъ то же самое въ Москвѣ и даже во дворцѣ государя. Казаки вѣдь не умѣли читать, и эти бумаги были для нихъ безполезны.

Ни атаманъ, ни его товарищи не забывали ради всего этого своихъ удовольствій, пьяные по большей части съ утра до вечера и неистощимые во всякихъ скандалахъ. Казацкое правительство сорганизовалось спеціально для постоянной оргіи и утопало въ водкѣ и крови. Проѣзжая по городу верхомъ на конѣ или сидя по-турецки передъ дворцомъ архіепископа, Стенька не переставалъ устраивать новыя казни. Возлѣ него находился еще братъ его прежней любовницы и, можетъ быть, мечты о водвореніи на персидской территоріи еще носились въ его отуманенномъ мозгу. Онъ оказывалъ почести посланнику шаха, находившемуся въ Астрахани, и завелъ переговоры съ Менеди-ханомъ. Но, когда тотъ отвергъ его предложенія, Стенька поступилъ съ его сыномъ по мусульманскому обычаю, повѣсивъ его за ребро на желѣзномъ крюку.

Образовавъ „круги", даже дѣти подражали атаману и играли въ судей. Они били нагайками воображаемыхъ преступниковъ или вѣшали ихъ за ноги. Одну изъ жертвъ не успѣли отвязать во время и она погибла.

Убитые москвитяне оставляли своихъ женъ и дочерей въ самой ужасной нуждѣ; Стенька хотѣлъ дать доказательство своего великодушія, выдавъ ихъ за казаковъ. Онъ соблаговолилъ для этого даже прибѣгнуть къ нѣсколькимъ оставшимся еще въ живыхъ священникамъ, но запретилъ имъ получать приказанія отъ архіепископа.

Архіепископъ относился инертно ко всему и въ день именинъ царевича Ѳеодора Алексѣевича имѣлъ даже слабость пригласить къ своему столу зловѣщаго разбойника съ сотнею его товарищей. Онъ при этомъ оговаривался тѣмъ,

что его домъ служитъ убѣжищемъ. Вдова Прозоровскаго, Прасковья Ѳеодоровна, скрывалась у него со своими двумя сыновьями, шестнадцати и восьми лѣтъ. Стенька, въ концѣ концовъ, нашелъ несчастныхъ мальчиковъ и, такъ какъ они не дали ему требуемыхъ указаній о фондахъ, которыми располагалъ ихъ отецъ, старшій изъ нихъ былъ убитъ послѣ жестокой пытки, а младшій отданъ матери въ самомъ плачевномъ состояніи.

Среди всѣхъ этихъ развлеченій атаманъ терялъ драгоцѣнное время и губилъ себя. Когда въ концѣ іюля онъ почувствовалъ, что этотъ астраханскій праздникъ былъ лишь безуміемъ одного дня безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, когда онъ понялъ, что, живя такъ, онъ лишь даетъ время Москвѣ подготовиться для нанесенія удара и когда, очнувшись, онъ рѣшилъ снова приняться за столь неразумно прерванное дѣло, было слишкомъ поздно.

Оставивъ въ городѣ Ваську Уса въ качествѣ замѣстителя, атаманъ поднялся по Волгѣ на 200 челнокахъ, причемъ 2000 казаковъ слѣдовали за нимъ верхами по берегу. Изъ Царицына онъ послалъ на Донъ астраханскую добычу. Стенька поднялъ потомъ Саратовъ и Самару, оставаясь повсюду вѣрнымъ своимъ дикимъ и жестокимъ привычкамъ человѣка безъ вѣры и закона. Потомъ, въ началѣ сентября, онъ достигъ Симбирска, послѣдняго пункта его тріумфальнаго шествія.

VIII.

Пораженіе.

И здѣсь перевѣсъ былъ сначала на его сторонѣ. Мѣстный воевода, Иванъ Милославскій, только что получилъ подкрѣпленіе, явившееся изъ Казани во главѣ съ княземъ Георгіемъ Барятинскимъ; но у обоихъ генераловъ былъ лишь призракъ арміи. Имъ посылали достаточно денегъ, чтобы улучшать положеніе войскъ, но они согласились между собою положить ихъ въ карманъ, создавая фиктивные реестры, вписывая въ списки никогда не существовавшихъ или умершихъ людей.

Выказывая болѣе храбрости, чѣмъ честности, Барятинскій далъ сраженіе атаману и, владѣя въ пять или шесть

разъ меньшимъ количествомъ людей, продержался весь день, но ночью повторилась исторія съ Астраханью и Царицынымъ; жители Симбирска передали въ руки казаковъ главное укрѣпленіе города, и Барятинскому пришлось отступить подъ огнемъ собственныхъ пушекъ. Милославскій держался съ горстью солдатъ въ другомъ укрѣпленіи и Стенька, выказывая въ данномъ отношеніи явную неспособность, тщетно пытался выбить его оттуда въ теченіе мѣсяца. Къ концу мѣсяца Барятинскій вновь появился со свѣжими войсками и атаманъ, растерявшись, не сумѣлъ извлечь ту громадную выгоду, которой онъ располагалъ, благодаря большому перевѣсу количественныхъ силъ. Совершенно неспособный командовать въ правильномъ бою и безсильный бороться противъ противниковъ, уже на этотъ разъ не обезоруженныхъ измѣною, онъ, какъ всегда, смѣло поставилъ на карту свою жизнь, но потерялъ голову. Дважды раненый въ схваткѣ, не будучи въ состояніи управлять дѣйствіями своихъ людей, онъ кончилъ самымъ постыднымъ бѣгствомъ. Подъ покровомъ темной ночи, атаманъ оставилъ ядро своей арміи, просто сбродъ плохо вооруженныхъ и едва умѣющихъ сражаться крестьянъ, и съ одними донскими казаками спустился по Волгѣ.

На слѣдующій день Барятинскому и Милославскому не стоило уже труда покончить съ тѣмъ, что оставалось передъ ними, бросивъ нѣсколько сотъ „бродягъ“ въ рѣку и разрубая на куски остальныхъ или сохраняя ихъ для висѣлицъ, вскорѣ покрывшихъ собою всѣ сосѣднія улицы. Это было концомъ также и для Стеньки.

До этого пораженія былъ моментъ, когда его дѣло приняло ужасающіе размѣры. Это было послѣ отступленія Барятинскаго, которое произвело сенсацію. Казаки старались еще больше увеличить эффектъ всякими выдумками, которыя распространялись ими по всему теченію верхней Волги. Они говорили, что кромѣ патріарха Никона въ ихъ рядахъ находится также царевичъ Алексѣй, подобно ему, жертва обманывавшихъ государя бояръ. Царевичъ Алексѣй, наслѣдникъ престола, тогда только что умеръ (въ январѣ 1670 г.), а Никонъ жилъ въ Ферапонтовѣ, но Стенька, будучи скорѣй геніальнымъ мистификаторомъ, чѣмъ искуснымъ полководцемъ, окружилъ тайною двѣ барки своей флотиліи, тща-

тельно ихъ оберегалъ, заявляя, что подъ занавѣсками изъ краснаго и чернаго бархата онъ везъ якобы съ собою двухъ своихъ августѣйшихъ протежэ.

Въ своихъ манифестахъ, тщательно разбрасываемыхъ, атаманъ, призывая къ безпощадной войнѣ противъ всѣхъ чиновниковъ, объявлялъ конецъ всякой бюрократіи и всякой власти. Хотя онъ и отрицалъ свой призывъ къ возстанію противъ государя, но тѣмъ не менѣе онъ повсюду давалъ понять, что авторитетъ послѣдняго является уже пережиткомъ. И онъ вовсе не хочетъ замѣнить его власть своей. Какъ казакъ, онъ останется среди казаковъ, своихъ братьевъ, которые и въ новой организаціи, устроенной по образцу ихъ учрежденій, дадутъ перевѣсъ принципу абсолютнаго равенства.

Эти нелѣпости имѣли большой успѣхъ, и бунтъ охватилъ все громадное пространство между Волгою и Окою, къ югу до степей Саратова, и къ востоку до Рязани и Воронежа; крестьяне убивали помѣщиковъ или ихъ управляющихъ и объявляли себя цѣлыми массами казаками, т.-е. разбойниками. Всюду организовывались шайки, и при ихъ приближеніи города вслѣдъ за деревнями охватывались тою же заразою: возмутившаяся чернь бросалась на воеводъ и на ихъ подчиненныхъ, замѣняла ихъ атаманами и эсаулами и установляла новый режимъ, истребляя при этомъ по большей части представителей стараго.

То же самое происходило и въ восточной Украйнѣ, во время революціоннаго кризиса въ началѣ вѣка, потомъ въ западной, польской Украйнѣ въ моментъ возстанія Хмѣльницкаго. Какъ и въ эпоху Лжедимитріевъ, въ то же самое время возмутились также мѣстные инородцы: мордва, чуваши и черемисы. Изъ Симбирска движеніе это, до возвращенія Барятинскаго, разросталось съ особенною силою въ двухъ направленіяхъ, на западъ — черезъ теперешнія губерніи Симбирскую, Пензенскую и Тамбовскую, и на сѣверо-западъ—къ Нижнему Новгороду. Одна шайка, отдѣлившись отъ войска Стеньки, который безумно разбивалъ свои силы, двинулась по дорогѣ къ Тамбову, возмутивъ по дорогѣ Зарайскъ и Пензу; другая, которую считали находящеюся подъ командою самого царевича Алексѣя, двинулась

къ Алатиру и Курмишу, потомъ въ Ядринъ. Власти свѣтская и гражданская принимали ее очень торжественно съ хоругвями и иконами. Въ Козьмодемьянскѣ и Мурашкинѣ, которые проявили меньше усердія въ воздаяніи почестей мнимому царевичу, воеводы были передушены жителями. Чтобы взять монастырь святого Макара на Желтыхъ водахъ, Лже-Алексѣй, простой казакъ, по имени Максимъ Осиповъ, началъ атаку. Онъ произвелъ страшное избіеніе монаховъ и, ограбивъ это святое мѣсто, подумывалъ уже дойти до Нижняго Новгорода, когда пришла вѣсть о пораженіи Стеньки.

Начался общій разгромъ. Нельзя было медлить. Въ Арзамасѣ князь Юрій Долгорукій, извѣстный солдатъ, тотъ самый, о которомъ говорили, что онъ повѣсилъ брата Стеньки, былъ почти окруженъ со всѣхъ сторонъ, имѣя въ своемъ распоряженіи очень небольшой отрядъ, такъ какъ отдѣльныя части его никакъ не могли пробить себѣ дорогу, чтобы соединиться съ нимъ. Принявъ теперь наступательную тактику, онъ немедленно оправился и очистилъ всю область на сѣверѣ до Нижняго Новгорода и на югѣ до Темникова, гдѣ въ декабрѣ 1670 года неожиданно столкнулся съ казачьимъ предводителемъ совершенно особаго рода. То была монахиня, начальствовавшая сформированною ею шайкою и совершавшая грозные набѣги. Ея отцомъ былъ крестьянинъ изъ окрестностей Арзамаса и звали ее Еленою.

Долгорукій велѣлъ сжечь колдунью и повѣсить сопровождавшаго ее попа. Послѣ этого, занявъ Краснослободскъ, онъ проникъ въ сѣверо-западную часть теперешней Пензенской губерніи, главный центръ мятежа, и провозглашенный въ это время главнокомандующимъ всѣми войсками, дѣйствовавшими противъ бунтовщиковъ, къ январю 1671 года окончательно успокоилъ мѣстность.

Бунтомъ былъ самъ Стенька Разинъ, — престижъ, связанный съ его именемъ, слава его побѣдъ, соблазняющіе слухи объ его богатствахъ, притягательная сила добычи, которую онъ дѣлилъ со своими товарищами, надежда на постоянные кутежи въ его компаніи. Весь этотъ прекрасный сонъ исчезъ вмѣстѣ со зловѣщимъ слухомъ о симбирскомъ пораженіи.

IX.

Конецъ „счастливыхъ временъ“.

Изъ Симбирска атаманъ добрался до Самары, объясняя свое бѣгство тѣмъ, что его пушки, какъ нѣкогда направленныя противъ него въ Царицынѣ, отказались служить. Неразумная выдумка, губившая легенду, которую создали его побѣды. Онъ значитъ не былъ больше колдуномъ! Онъ потерялъ свою сверхъестественную власть! Разочарованные жители Самары заперли передъ нимъ ворота, и въ Саратовѣ подражали ихъ примѣру. Въ Черкасскѣ его партія держалась еще до сихъ поръ побѣдоносно. Но напрасно Стенька еще разъ появился тамъ съ остатками своей арміи и снова пустилъ въ ходъ жестокости, на которыхъ былъ построенъ его авторитетъ. Корнилъ Яковлевъ, сговорившись съ Москвою, одержалъ верхъ. У него былъ въ распоряженіи отрядъ изъ 1.000 рейтаровъ и драгунъ, обученныхъ по-европейски, которыхъ направило къ нему со всей поспѣшностью московское правительство подъ командою Григорія Кассогова, предводителя, знакомаго съ казацкою тактикою. Вѣсть объ этомъ подкрѣпленіи и ужасъ передъ жестокой расправой и репрессіями Долгорукаго обезкураживали „товарищей“. Еще раньше, чѣмъ все окончилось, участь Стеньки была рѣшена.

Офиціальные источники сами себѣ противорѣчатъ въ сообщеніи обстоятельствъ, опредѣлившихъ эту развязку, и полны неясностей. Осажденные ли или взятые въ плѣнъ въ маленькомъ укрѣпленіи Каганликѣ, выданные ли раскаявшимися ихъ братьями по оружію или загнанные въ засаду старымъ Яковлевымъ, какимъ именно образомъ Стенька и Фролъ потеряли свою свободу,—это остается для насъ неизвѣстнымъ. Привезенные въ Москву они не выказали одинаковаго мужества; въ то время, какъ атаманъ хранилъ безразличіе, достойное его имени, его братъ напротивъ разсыпался въ жалобахъ и упрекахъ.

— На что ты жалуешься?—спросилъ его наконецъ, Стенька, потерявъ терпѣніе.—Мы получимъ великолѣпный пріемъ, самые крупные вельможи столицы встрѣтятъ насъ!

4 іюля 1671 года вся Москва дѣйствительно высыпала

на улицу, желая присутствовать при въѣздѣ легендарнаго героя, но атаманъ, къ его большому сожалѣнію, не могъ сохранить той богатой одежды, въ которой хотѣлъ явиться передъ своими зрителями. Одѣтый въ грязныя лохмотья и привязанный къ простой телѣгѣ съ висѣлицею, онъ разочаровалъ совершенно любопытныхъ москвитянокъ.

Судя по легендѣ, самыя ужасныя пытки не вызвали у него ни одного признанія, ни одной жалобы. Но этотъ фактъ сомнителенъ. Алексѣй въ своей перепискѣ съ Никономъ какъ разъ пользуется указаніями, сдѣланными Стенькой во время допроса, по поводу сношеній атамана съ бывшимъ патріархомъ. Легенда разсказываетъ, что свирѣпый разбойникъ продолжалъ высмѣивать малодушіе своего брата, который въ рукахъ палачей проявилъ меньше постоянства.

— Какая ты баба! Мы хорошо пожили: теперь можно и немного пострадать...

Эти слова совершенно во вкусѣ такой личности. Хорошо пожить было ея главнымъ стремленіемъ.

Онъ даже не дрогнулъ, говорятъ, передъ самой ужасной изъ пытокъ, имѣвшихся въ то время въ распоряженіи мучителей: она состояла въ томъ, что капли холодной воды пускались на бритый черепъ пытаемаго. Когда ему обрили макушку, онъ началъ даже шутить:

— Ну вотъ, я былъ бѣднымъ невѣжественнымъ крестьяниномъ, а теперь обритъ, какъ самый ученый изъ монаховъ!

6 іюня его привели на Лобное мѣсто, гдѣ въ Москвѣ происходили казни. Онъ выслушалъ, не моргнувъ, приговоръ, осуждавшій его на четвертованіе, набожно повернулся къ сосѣдней церкви, четыре раза поклонился толпѣ, прося у нея прощенія и, совершенно спокойный, отдался въ руки палачей. Положивъ его между двухъ досокъ, ему сначала отрубили правую руку выше кисти, потомъ лѣвую ногу ниже колѣна, но онъ по прежнему не испустилъ ни одного крика. Думали, что онъ умеръ. При видѣ ожидавшей его казни, Фролъ вдругъ обомлѣлъ и пробормоталъ формулу „слово и дѣло“—это значило, что осужденные имѣютъ сдѣлать важныя разоблаченія, ради которыхъ они получали отсрочку, за которую имъ потомъ дорого приходилось рас-

плачиваться въ допросной камерѣ. Вдругъ среди окровавленныхъ досокъ, гдѣ лежало неподвижно изуродованное тѣло Стеньки, раздались слова:

— Молчи, собака!

То были послѣднія слова, произнесенныя атаманомъ. Они не принадлежатъ исторіи, основанной на документахъ, но тогдашнія казни знаютъ часто и въ подобномъ же видѣ аналогичныя подробности. Ни смерть, ни самыя жестокія муки не могли поколебать физической и моральной стойкости большого числа обреченныхъ на казнь—то были люди, либо огрубѣвшіе отъ безпокойной жизни, либо охваченные могучимъ религіознымъ чувствомъ. А что касается Фрола, то ему, кажется, была дѣйствительно отсрочена казнь. Онъ, будто-бы указалъ складъ важныхъ бумагъ или тайный кладъ и, хотя розыски по его указаніямъ остались безплодными, но (мы не знаемъ, правда, какъ и почему), казнь была ему замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ.

По преданію, готовый принять смерть, Стенька составилъ поэму, сохранившуюся въ устахъ народныхъ пѣвцовъ, гдѣ герой проситъ похоронить его на распутьи трехъ дорогъ, ведущихъ къ тремъ очагамъ земли русской: къ Москвѣ, Астрахани и Кіеву. Сказочный атаманъ могъ, конечно, быть по своему поэтомъ, разъ онъ вдохновилъ столько другихъ поэтовъ. Во всей мѣстности, служившей театромъ его дѣйствій, воспоминаніе о немъ живетъ еще до сихъ поръ.

X.

Легенда о Стенькѣ.

Берега Волги усѣяны урочищами, съ которыми до сихъ поръ связано имя атамана. Такъ, одинъ холмъ названъ „столомъ Стеньки“, такъ какъ на немъ онъ пировалъ со своими товарищами; другой носитъ названіе „шапки Разина“, такъ какъ по легендѣ онъ тамъ оставилъ свою шапку. Одну пещеру считаютъ мѣстомъ тюрьмы для плѣненныхъ имъ вельможъ. На сѣверъ и на югъ отъ Царицына, на высокомъ берегу рѣки, рядъ другихъ холмовъ представляетъ изъ себя ту особенность, что онъ отдѣленъ оврагами отъ твердой земли: весною они бываютъ наполнены водою. Возможно,

что, слѣдуя традиціи, атаманъ избралъ нѣкоторыя изъ этихъ высотъ для своихъ лагерей, но, если вѣрить мѣстнымъ жителямъ, тамъ еще недавно можно было видѣть слѣды укрѣпленій и рвовъ, вырытыхъ въ скалѣ, и желѣзныя ворота при входѣ. Тамъ должны быть скрыты огромныя сокровища, но, заколдованныя, они никому не даются.

Эпопея Стеньки оставила также глубокій слѣдъ между Дономъ и Волгою—борозду, по которой онъ волокомъ перетаскивалъ челноки, чтобы перебраться отъ одной рѣки до другой. Въ своихъ скитаніяхъ, какъ и въ успѣшныхъ набѣгахъ, герой совсѣмъ не боялся царя, такъ какъ онъ не оскорбилъ его ничѣмъ, и удовлетворившись установленіемъ пошлины съ судовъ, спускавшихся или поднимавшихся по Волгѣ, онъ избавилъ отъ нея лишь царскія суда, послѣ того, какъ получилъ царскую жалобу на это. Къ несчастью, астраханскіе и московскіе купцы, хитрые и безчестные, стали провозить свой собственный грузъ подъ этимъ флагомъ и атаманъ долженъ былъ отказаться дѣлать различіе между одними и другими. Но царь, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, не высказалъ ровно никакого неудовольствія и въ теченіе многихъ лѣтъ Стенька безпрепятственно пользовался своею привилегіей.

Онъ воевалъ потомъ въ Персіи и покрылъ себя славою. Бояре, завидуя его успѣхамъ, напали на него по его возвращеніи, но ихъ пули и ядра не могли его уязвить. Одна скверная дѣвка, Маша, завлекла его въ западню, но онъ убѣжалъ, отмстивъ въ свою очередь нападеніемъ на бояръ, которые внушили ей это, и осадивъ Астрахань, городъ, населенный невѣрными и нѣсколькими лишь христіанами, которые поспѣшили открыть ворота герою. Къ несчастью, тамъ находился еще архіепископъ, который некстати хотѣлъ исповѣдать атамана и заставить его покаяться въ его небольшихъ грѣхахъ. И Стенька виноватъ только въ томъ, что поддался гнѣву. Показывая видъ, что слушаетъ священника, онъ пригласилъ его съ собою на колокольню, откуда обѣщалъ исповѣдаться передъ собравшимся народомъ. Послѣ чего онъ сбросилъ сверху несчастнаго исповѣдника со словами:

— Вотъ какъ я раскаиваюсь!

За этотъ поступокъ онъ былъ осужденъ семью соборами, и его товарищи, охваченные религіознымъ ужасомъ, схва-

тили его и отправили въ Москву. Но въ тюрьмѣ стоило Стенькѣ лишь коснуться рукой своихъ цѣпей, какъ они распались. Кускомъ угля онъ нарисовалъ на стѣнѣ своей камеры барку, весла, воду и очутился на Волгѣ. Но проклятіе тяготѣло на немъ; онъ не могъ болѣе продолжать своихъ подвиговъ, онъ не могъ даже умереть. Его не хотѣли принять ни вода, ни земля. Онъ живетъ вѣчно. Нѣкоторые думаютъ, что онъ все еще блуждаетъ въ населенныхъ предмѣстьяхъ или дремучихъ лѣсахъ, помогая бѣглымъ арестантамъ или бродягамъ безъ паспорта. По другой версіи онъ заключенъ въ пещеру и тамъ искупаетъ свою вину. Черезъ сто лѣтъ послѣ его предполагаемой смерти, онъ былъ узнанъ русскими матросами, которымъ удалось бѣжать изъ плѣна у туркменовъ, на берегу Каспія. Онъ говорилъ съ ними и объявилъ, что вернется въ Россію еще черезъ сто лѣтъ и вновь начнетъ свои подвиги. Онъ сдержалъ свое слово и назвался Емельяномъ Пугачевымъ.

XI.

Астраханское безумство.

Прежде чѣмъ оставить городъ, атаману пришлось пустить въ ходъ въ угоду возбужденному населенію уловку, являющуюся обычнымъ пріемомъ для революціонеровъ подобнаго рода. Остатокъ разума или стыда, усталость отъ грабежей или какая-либо выгода были тому причиною, но атаманъ оставилъ въ покоѣ нѣсколько жертвъ, предназначенныхъ имъ для избіенія: священниковъ, офицеровъ, московскихъ чиновниковъ. И такъ какъ чернь настаивала, чтобы ее освободили отъ этихъ „тирановъ“, атаманъ прибѣгнулъ къ обычному для подобныхъ людей компромиссу:

— Когда я уйду, вы сдѣлайте съ ними, что захотите.

Такимъ образомъ онъ лишь отсрочилъ убійство, которое и совершилось послѣ его отъѣзда. Двое изъ царскихъ слугъ сначала были задушены и ихъ палачи потребовали третьяго у архіепископа. Онъ отказался ихъ выдать и думалъ, что его убьютъ самого. Новость о пораженіи Стеньки не утишила этой жажды крови—Симбирскъ былъ далекъ—и Іосифъ оказался во власти лицъ, гнѣвъ которыхъ все увеличивался.

Въ ноябрѣ, получивъ отъ государя посланіе, въ которомъ астраханскіе жители приглашались покориться, торопясь распространить повсюду эти царскія грамоты, онъ постоянно ссорился съ казаками. Опьяненные въ свою очередь властью, которою они пользовались отъ имени своего атамана, тѣ не хотѣли оставить дѣло. Даже плѣнъ и казнь ихъ главы не сбили ихъ съ толку. Они думали въ то время, что всѣ они Стеньки и способны идти по его слѣдамъ. Проникнувшись героическимъ чувствомъ, они рѣшили послать отрядъ въ Симбирскъ отомстить за героя.

Долго Москва не могла рѣшиться распространить на эти мѣста свои репрессіи, такъ какъ не имѣла достаточно силъ. Въ апрѣлѣ 1671 года правительство Алексѣя отправило новое посланіе, которое должны были доставить по назначенію татары. Архіепископъ сталъ его читать въ соборѣ, но народъ объявилъ, что этотъ документъ подложный. На немъ не было красной печати офиціальныхъ сообщеній, и въ немъ давался приказъ жителямъ Астрахани захватывать воровъ, прибывавшихъ съ Дона или съ другихъ мѣстъ и грабившихъ городъ. Царь долженъ былъ знать, что донскіе казаки выдавали теперь своихъ братьевъ. Такой фактъ показался лишь выдумкою архіепископа.

— Мы всѣ воры! — объявили его слушатели.

И они не замедлили подтвердить это краснорѣчивое признаніе. Іосифъ былъ-бы разорванъ тутъ-же на куски, еслибы не появился на каѳедрѣ въ святую Пятницу. Уваженіе къ этимъ торжественнымъ днямъ и къ благочестивымъ обрядамъ, которые день этотъ предписывалъ, заставили пойти на перемиріе. Но вслѣдъ за этимъ избіеніе было организовано въ широкихъ размѣрахъ. Архіепископъ избѣгъ его еще вначалѣ, благодаря престижу своихъ священныхъ функцій. Обвиняя его попрежнему въ авторствѣ этихъ призывовъ къ порядку, порочившихъ доброе имя астраханцевъ и нарушавшихъ ихъ удовольствія, убійцы удовлетворились расправой съ домашними злого пастыря. Но безпокойныя вѣсти все продолжали приходить извнѣ и кровавая оргія казалась благодаря этому неудобною. Нужно было покончить съ этимъ безпокойнымъ, нарушающимъ ихъ праздникъ, человѣкомъ. Онъ единственный, повидимому, мѣшалъ городу, обязанному Стенькѣ такою превосходною организаціей, вкусить совершенное счастье.

Новости, полученныя отъ Ѳедьки Шелудяка, начальника отряда, посланнаго подъ Симбирскъ, положили конецъ послѣднимъ колебаніямъ. Сообразивъ по дорогѣ, что онъ будетъ имѣть дѣло съ большой силой и стараясь сохранить сообщеніе съ оставшимися позади его, атаманъ узналъ, что князь Семенъ Львовъ, еще живущій и находящійся въ Астрахани, по соглашенію съ архіепископомъ, собралъ черкасскихъ казаковъ, желая отрѣзать ему отступленіе. Надо было дѣйствовать безъ промедленія.

21 мая 1671 года Іосифъ во время службы въ соборѣ былъ извѣщенъ, что казаки составили кругъ и приглашаютъ его къ себѣ. Онъ велѣлъ звонить въ колокола, чтобы явиться съ остальнымъ клиромъ и, одѣтый въ свои первосвященническія регаліи, онъ пришелъ на зовъ. Человѣкъ простого ума, совсѣмъ не дипломатъ, онъ обратился къ казакамъ съ гнѣвными жестами и словами, обзывая ихъ разбойниками и клятвопреступниками. Это возбудило ихъ еще больше къ исполненію ихъ зловѣщаго намѣренія. Священныя регаліи жертвы смущали еще однако ихъ ярость. Поднялись голоса о томъ, что нужно начать съ разоблаченія измѣнника. Но кто взялся-бы за это? Разбойники простодушно потребовали, чтобы это сдѣлали священники, бывшіе съ архіепископомъ. Развѣ онъ-то самъ не помогалъ разоблачать Никона?

Охваченный сознаніемъ отнынѣ неизбѣжной жертвы, Іосифъ, казалось, самъ желалъ ея. Онъ по духу своему былъ мученикомъ. Положивъ свои митру и мантію, онъ сказалъ протодіакону:—„Почему ты мнѣ не помогаешь? Мой часъ насталъ“. Тотъ въ ужасѣ повиновался, снявъ съ него омофоръ и ризу. Тогда казаки погнали его и его спутниковъ ударами нагаекъ и повели „измѣнника“ къ пороховому погребу, желая сдѣлать ему тамъ допросъ. Спрошенный по поводу своихъ предполагаемыхъ преступленій и особенно о скрытыхъ имъ будто-бы сокровищахъ, подвергшись пыткѣ на медленномъ огнѣ, Іосифъ не далъ никакого отвѣта, удовольствовавшись только между двухъ молитвъ призывомъ на своихъ палачей Божьяго суда.

Его повели потомъ къ откосу напротивъ собора, и онъ оказался еще въ силахъ благословить по пути трупъ одного казака. Одинъ среди своихъ, этотъ человѣкъ, какъ кажется, возымѣлъ мужество поднять голосъ въ защиту первосвящен-

ника и потому долженъ былъ быть зарубленъ саблями. Но когда осужденнаго приготовились сбросить съ откоса, въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія, онъ долго отбивался и чуть не увлекъ за собою одного изъ палачей.

Между послѣдними было мало казаковъ, да и тѣ были самыми негодными изъ шайки. Между тѣмъ въ моментъ паденія тѣла и они были охвачены ужасомъ, имъ казалось, что они слышатъ ужасный шумъ и они оставались нѣкоторое время, молча понуривъ головы. Они опять пришли въ себя, при пыткахъ и казни князя Львова, потомъ заставили оставшихся въ живыхъ священниковъ присоединиться къ нимъ противъ бояръ и „измѣнниковъ“ всякаго рода.

Но въ это время Ѳедька Шелудякъ былъ разбитъ подъ Симбирскомъ княземъ Петромъ Шереметьевымъ. Отброшенный къ Самарѣ, онъ завелъ переговоры со своимъ побѣдителемъ, потомъ, прибывъ въ Астрахань, сталъ начальствовать тамъ, замѣнивъ собою только что умершаго Ваську Уса. Иванъ Милославскій слѣдовалъ за нимъ съ флотиліей и отрядомъ войскъ, одушевленныхъ побѣдою. Онъ долженъ былъ однако отказаться взять городъ приступомъ. Укрѣпившись въ сильной позиціи при устьѣ Болды, онъ потребовалъ себѣ подкрѣпленія, которое заставило себя ждать. Казацкая республика смогла поэтому просуществовать еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Необходимо было много лѣтъ, чтобы потомъ залечить раны, нанесенныя ею.

Подкрѣпленіе прибыло лишь въ ноябрѣ и то не изъ Москвы. Переговоры Милославскаго съ грузинскимъ княземъ Казбулатъ-Мурзою доставили первому нѣсколько тысячъ горцевъ, которые взяли городъ приступомъ, распространивъ въ немъ панику и вызвавъ между осажденными споры не менѣе гибельные для ихъ дѣла. Менѣе рѣшительные люди не замедлили перейти въ лагерь Милославскаго, который постарался оказать хорошій пріемъ дезертирамъ. Онъ осыпалъ ихъ ласками, напаивалъ водкою и тѣмъ увеличивалъ число перебѣжчиковъ. Казбулатъ со своей стороны заманилъ въ свой лагерь Ѳедьку Шелудяка и задержалъ его тамъ.

26 ноября 1671 года городъ сдался, и послѣ торжественнаго вступленія Милославскій совершенно благоразумно

обнаружилъ большую умѣренность. Онъ объявилъ всеобщую амнистію, оставилъ на свободѣ самого Шелудяка, какъ и нѣкоторыхъ изъ его офицеровъ и не тронулъ даже главнаго зачинщика убійства архіепископа, Алешку Грузинкина.

Какъ мы это видѣли уже въ Псковѣ и въ Новгородѣ, московская политика прибѣгала къ кротости, всегда лишь какъ къ временной мѣрѣ, за которой слѣдовали постоянно болѣе или менѣе сильныя репрессіи. На слѣдующій годъ, явившійся преемникомъ Милославскому, князь Яковъ Одоевскій принялся методически выполнять эту программу и тогда послѣдніе слѣды казацкаго режима исчезли въ свою очередь въ крови большинства его мрачныхъ основателей.

Такъ закончилась эта глава исторіи царствованія Алексѣя, при чемъ общій ходъ событій, внутри и внѣ страны, долженъ былъ испытать въ значительной степени на себѣ вліяніе этихъ прерывавшихъ его одинъ за другимъ бурныхъ потрясеній.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Внутренняя политика Алексѣя.

1. Побѣда самодержавнаго принципа.— 2. „Приказъ тайныхъ дѣлъ".—3. Русскій парламентаризмъ.— 4. Законодательство.— 5. Административная организація.—6. Фискальный режимъ. 7. Экономическая и соціальная эволюція.—8. Военная реформа.—9. Созданіе флота.

Побѣда самодержавнаго принципа.

Во внутренней, какъ и во внѣшней политикѣ второй Романовъ преслѣдовалъ среди всѣхъ этихъ испытаній двойную цѣль, возложенную на него какъ традиціями, съ которыми былъ связанъ его авторитетъ, такъ и тѣми новыми проблемами, съ которыми онъ столкнулся. Представитель династіи, созданной народнымъ голосованіемъ, онъ унаслѣдовалъ совершенно противоположныя этому принципу учрежденья, идеи и обычаи. И отцу Петра Великаго суждено было осуществить окончательную побѣду во внутреннемъ управленіи страны того принципа личной и абсолютной власти, которой сынъ его далъ наиболѣе яркое выраженіе.

Титулъ самодержца, представляющій изъ себя переводъ греческаго „автократа", который присвоивали себѣ еще въ предыдущемъ вѣкѣ московскіе великіе князья, не имѣлъ въ то время смысла, который придавали ему потомъ.

Вначалѣ онъ служилъ лишь выраженіемъ внѣшней независимости отъ древнихъ владѣтелей московской Руси— татаръ. Съ теченьемъ времени, если бы внутреннее развитіе страны пошло въ другомъ направленіи, этотъ титулъ раздѣлилъ бы безъ сомнѣнія общую участь символовъ подобнаго рода, утратившихъ свое первоначальное значеніе подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, но сохраняющихся въ памяти исторіи. Цари продолжали бы величать себя самодержцами, какъ въ настоящее время они продолжаютъ

еще считать себя наслѣдниками норвежскаго трона, не предъявляя къ этой протокольной формулѣ никакихъ особыхъ претензій, которыя могли бы обезпокоить короля Гакона. Но слова всегда существуютъ для того, чтобы приспособляться послѣдовательно или даже одновременно къ обозначенію совершенно различныхъ вещей. Долженъ былъ настать въ Россіи такой день, когда самодержавіе данниковъ, освободившихся отъ Золотой Орды, отойдетъ въ прошлое и это звучное, оставшееся безъ употребленія, слово наполнится другимъ содержаніемъ. И эта замѣна совершалась постепенно, незамѣтно, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ: обычай далъ этому слову, заимствованному у Платона или Поливія, совершенно новое толкованіе, которое оно сохраняетъ и теперь въ Готскомъ альманахѣ, несмотря на то, что греки, давшіе начало этому слову, не думали о такомъ его толкованіи.

Правда, слово это иностранное, но то, что оно обозначало собою, было настолько русское, что ему нельзя найти ничего равнозначущаго ни въ какой другой странѣ. Къ этому надо однако прибавить, что, въ первое время по крайней мѣрѣ, самодержавіе московскихъ государей соотвѣтствовало чистому и простому деспотизму, который намъ извѣстенъ въ другихъ мѣстахъ, но онъ отличался отъ послѣдняго существенно: то была власть личная, хотя и раздѣльная, абсолютная, но подчиненная нѣкоторой законности, парадоксальная смѣсь противуположныхъ принциповъ и благодаря этому осужденная безусловно перейти въ простое самовластіе.

Самодержецъ Алексѣй управлялъ наполовину съ помощью совѣта бояръ, рѣшенія которыхъ были тоже суверенны и онъ узаконилъ періодическій созывъ народнаго собранія, допуская вмѣшательство послѣдняго даже въ чисто административныя дѣла. Его темпераментъ кромѣ того наложилъ особый отпечатокъ на такой режимъ. Царь былъ наилучшимъ примѣромъ патріархальнаго государя. Въ 1654 году, принимая въ аудіенціи воеводъ, посылаемыхъ на польскую границу и давая имъ цѣловать свою руку, онъ дѣлаетъ исключеніе для князя А. Трубецкого „ради его сѣдыхъ волосъ“, по словамъ офиціальнаго документа; онъ не хочетъ, чтобы старый вояка оказалъ ему подобное свидѣтельство своего уваженія и притянувъ къ себѣ, горячо прижалъ его къ своей

груди. Но, исправляя собственноручно протоколъ церемоній, Алексѣй при этомъ замѣчаетъ, что отличенный такимъ образомъ старикъ тотчасъ же понялъ, какъ велика была милость, ему оказанная и „тридцать разъ поклонился ему до земли“.

Царю было въ то время двадцать пять лѣтъ. Глубоко религіозный, онъ понимаетъ личность государя неразрывною съ государствомъ и отдаетъ себя вмѣстѣ съ послѣднимъ во власть божественнаго промысла. Могущество имперіи, по его мнѣнію, и ея благосостояніе зависятъ не отъ силы или искусства людей, но отъ божественной воли. Царь является лишь ею назначеннымъ выразителемъ ея воли. Поэтому его подданные и особенно бояре, его главные слуги, должны быть привязаны къ нему всѣмъ сердцемъ и всего ожидать отъ его милости. Насколько Алексѣй умѣетъ оцѣнивать вѣрность, настолько же онъ презираетъ ложь, двуличіе и гордость и, отсылая виновныхъ на судъ верховнаго судьи и отсрочивая тѣмъ самымъ наказанье, онъ иногда налагаетъ на нихъ ловкою и твердою рукою довольно серьезную кару какъ бы въ родѣ задатка.

Въ сущности Алексѣй только идеализируетъ по-своему, отказываясь однако подъ ней подписаться, формулу интегральнаго абсолютизма по доктринѣ божественнаго права, развитой Боссюэ. И Людовикъ XIV не очень далеко ушелъ отъ этой концепціи, когда писалъ слѣдующее: „Правосудіе есть тотъ драгоцѣнный даръ, который Богомъ переданъ въ руки царей, какъ часть его мудрости и могущества“. Но образъ мыслей Алексѣя совершенно другой: натура мечтательная и склонная къ мистицизму, онъ былъ искрененъ въ своемъ идеализмѣ и не хотѣлъ бы одинъ нести всю огромную тяжесть божественной ѵпостаси своей вѣры. Но какъ поступить? Лукавые, испорченные, привыкшіе ко всѣмъ злоупотребленіямъ властью, которую они должны были раздѣлять съ нимъ, его бояре оказываются недостойны своего назначенья, противъ воли онъ вынужденъ былъ поступать иногда, не считаясь съ ихъ темными навѣтами, часто уклоняться отъ ихъ вредной дѣятельности и быть единственнымъ главою за отсутствіемъ хорошихъ исполнителей.

И вотъ онъ борется съ этой, безпокоющей его совѣсть, дилеммой. Онъ недоволенъ тѣмъ, что Ордынъ-Нащокинъ

открылъ ему въ выраженіяхъ слишкомъ сильныхъ непрекращающіяся злоупотребленія чиновниковъ всѣхъ ранговъ, неспособность или лихоимство которыхъ заставляетъ его вмѣшиваться лично во всѣ дѣла и дѣйствовать всегда своимъ собственнымъ авторитетомъ. Онъ долженъ подчиняться очевидному и защищая себя принять на себя всю отвѣтственность.

Пришлось остановиться на этомъ, разъ онъ не могъ придумать другого средства уменьшить зло. Реформа этого порочнаго состава, или самой административной службы, неопредѣленность которой облегчаетъ и даже поощряетъ преступленія по службѣ, предполагала бы наличность совсѣмъ другого склада ума. Алексѣй раздражается, обзываетъ преступниковъ бранными словами; онъ даетъ имъ пощечины, приказываетъ ихъ „драть нещадно“, наконецъ, выведенный изъ себя тщетными попытками привести ихъ къ лучшему сознанію своихъ обязанностей, онъ прибѣгаетъ къ палліативамъ или къ средствамъ, которыя ведутъ лишь къ осуществленію личной и абсолютной власти.

Однимъ изъ такихъ средствъ, первымъ по времени, является прогрессивное ограниченіе Боярской Думы, этого совѣта, связаннаго конституціей страны съ верховнымъ авторитетомъ. Алексѣй стремится замѣнить ее сотрудничествомъ болѣе тѣсной группы лицъ, привязанныхъ къ нему лично и эта „ближняя дума“ или „комнатные бояре“ незамѣтно вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей, не встрѣтивъ ни малѣйшаго волненія или борьбы. Часто путешествуя, царь беретъ съ собою лишь нѣсколькихъ изъ этихъ совѣтниковъ, которые, самою силою вещей, вынуждены заниматься большинствомъ дѣлъ и кончаютъ тѣмъ, что удерживаютъ ихъ въ своей власти навсегда, принявъ, такимъ образомъ, видъ опредѣленнаго института. Въ то же время между малымъ и большимъ совѣтомъ появляется посредническій органъ, служащій вначалѣ агентомъ передачи, потомъ сорганизовывающійся и обращающійся въ свою очередь въ юридическую секцію Думы.

Вторая рѣшительная мѣра, къ которой прибѣгнулъ молодой царь, имѣла еще большее значеніе, болѣе непосредственно храня отпечатокъ его личности, достоинствъ и недостатковъ его ума и характера.

II.

Приказъ тайныхъ дѣлъ.

Подобно сыну своему Алексѣй касался всего. Всегда живое любопытство и неутомимая активность заставляли его освѣдомляться о всѣхъ дѣлахъ какъ большихъ, такъ и малыхъ, не интересуясь степенью ихъ важности, и требовать своего участія во всѣхъ отправленіяхъ государственной жизни. Но, въ противоположность Петру Великому, отличаясь большею чувствительностью и по природѣ робкій, онъ боялся дѣйствовать прямо такъ, какъ тотъ. Ему стоило большихъ усилій переносить тренія, отвратить какое-либо затрудненіе при исполненіи власти. Мы видѣли его уже такимъ въ исторіи съ Никономъ. Ему было необходимо, какимъ-либо образомъ, замаскировать и скрыть въ себѣ то сіяніе всего его существа, которое боялось всякаго хвастливаго обнаруженія. Послѣ долгихъ поисковъ онъ нашелъ то (точную дату опредѣлить трудно), чего искалъ: это было нѣчто въ родѣ тайной канцеляріи Людовика XV, отъ которой отличалась лишь тѣмъ, что сфера дѣятельности ея не была ограничена одною областью внѣшнихъ сношеній.

Въ качествѣ своихъ совѣтниковъ государь возилъ съ собою во время своихъ путешествій и походовъ цѣлый штатъ секретарей и писцовъ, дьяковъ и поддьяковъ.

Мало-по-малу это передвижное бюро приняло въ свою очередь характеръ постоянной организаціи, управляемой царемъ, на этотъ разъ безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Въ то же время компетенція новаго „приказа“ постепенно расширялась, прилагаясь все къ большему количеству объектовъ, благодаря скорѣе обстоятельствамъ, чѣмъ волѣ государя. То было какое-то странное и протеобразное созданіе, на которое Татищевъ смотрѣлъ какъ на инквизиціонный столъ, а Леклеркъ, а за нимъ Левекъ, Коно и Шеннешо какъ на „кровавый трибуналъ“. Современные же историки открыли въ немъ, подобно Костомарову, зародышъ будущей тайной полиціи или, подобно Медовикову и др., орудіе централизаціи.

Но „приказъ тайныхъ дѣлъ“ не былъ всѣмъ этимъ. Началомъ его происхожденія можно считать приблизительно

1646 годъ. Онъ, конечно, существовалъ до 1658 года. Однако не видно и намека на его дѣятельность въ полицейскихъ и репрессивныхъ мѣрахъ во время мятежей 1662 года или бунта Разина. Эти ошибки въ опредѣленіи его задачъ объясняются какъ крайне широкими, подвижными и неопредѣленными границами, въ которыхъ онъ функціонировалъ, такъ и окружавшею его всегда тайною. Алексѣй заключилъ въ немъ свой „царскій секретъ". Онъ составилъ даже собственною рукою условный алфавитъ для надобностей приказа, но, кажется, самъ имѣлъ вначалѣ не очень точное понятіе о сущности этого учрежденія и не зналъ, какой смыслъ ему однажды придется въ него вложить.

Мало-по-малу царь передалъ туда много дѣлъ, но къ этому его привела скорѣе сложная цѣпь рѣшающихъ моментовъ, чѣмъ сознанное стремленіе, а среди нихъ рядомъ съ его темпераментомъ и его фантазіей, на первомъ планѣ стояла общая тенденція всѣхъ московитянъ обращаться предпочтительно „къ доброму Богу, чѣмъ къ его святымъ" и скорѣе къ государю, чѣмъ къ его представителямъ, какъ бы они ни были авторитетны.

Вотъ почему пресловутый „кровавый трибуналъ" занимался въ разное время и выпискою изъ заграницы плодовыхъ деревьевъ, и возраженіями въ газетахъ по поводу ихъ описаній польскихъ побѣдъ, и увѣщаніемъ подданныхъ царя, въ томъ, что совращеніе въ расколъ является великимъ преступленіемъ, и организаціей сигнальщиковъ на случай пожаровъ, и удовлетвореніемъ любознательности государя по части исторіи, и покупкою попугаевъ и чижей для царскихъ птичниковъ, и подробностями управленія его любимымъ монастыремъ.

Въ то же время приказъ вмѣшивался также во внутреннюю и внѣшнюю политику, при чемъ царь подписывалъ ему собственноручно самыя широкія дипломатическія порученія; но тѣми же чернилами онъ пользовался, чтобы составить подробный регламентъ соколиной охоты.

Разнообразясь такимъ образомъ, компетенція приказа являлась двойною: съ одной стороны онъ дѣйствовалъ въ качествѣ независимаго органа для дѣлъ, извѣстныхъ ему одному, съ другой стороны онъ вмѣшивался въ качествѣ руководящаго органа въ функціонированіе всѣхъ канцелярій.

Прежде всего онъ велъ личную корреспонденцію царя. Это была довольно значительная обязанность. У Алексѣя была до такой степени развита страсть къ писательству, что онъ не пропускалъ ни одной бумаги безъ того, чтобы не сдѣлать на ней массу помѣтокъ и исправленій. И ему случалось переписывать аккуратно работу своихъ секретарей! Страсть государя къ промышленнымъ и земледѣльческимъ предпріятіямъ, его любовь къ постройкамъ и его личныя удобства доставили Приказу массу дѣлъ, взятыхъ у „департамента двора“ или у другихъ канцелярій: управленіе помѣстіями, фармацевтическую канцелярію (отъ нея зависѣла дававшая большіе доходы фабрика ликеровъ), управленіе развлеченіями (съ двумя секціями: псовой и соколиной охоты), коммерческое агентство для личныхъ дѣлъ царя и т. д.

Въ одинъ прекрасный день эта груда дѣлъ еще увеличилась управленіемъ артиллеріей, какъ и спеціальною обязанностью раздавать исправленныя церковныя книги и отдѣломъ благотворительности, гдѣ Алексѣй лично занимался отчетомъ по милостыни, распредѣляемой по его приказанію. Но это было еще не все. Приказъ завѣдывалъ личною шкатулкою государя, занимался массою подробностей, относящихся къ личнымъ нуждамъ царя или жизни двора: распредѣленіемъ стражи, путешествіями, религіозными службами. Онъ управлялъ и Записнымъ Приказомъ, генеалогическимъ и историческимъ бюро, созданнымъ Алексѣемъ для составленія хроники и подготовленія исторіи его династіи. Онъ исполнялъ также должность интендантства для извѣстнаго числа полковъ, входилъ въ область дипломатическую, военную, полицейскую, финансовую и отправлялъ множество еще другихъ функцій, не поддающихся никакой классификаціи. Наконецъ, внѣ „бюро петицій“, игравшаго такую значительную роль въ функціонированіи самодержавнаго режима, служившаго для него коррективомъ и элементомъ самаго строгаго контроля, онъ поглощалъ большую часть соотвѣтствующихъ текущихъ дѣлъ. Передать жалобу въ личныя руки царя не являлось теперь, какъ когда-то, лучшимъ шансомъ для ея удовлетворенія. Сдѣлать это было относительно легко, но ненадежная бумага изъ августѣйшихъ рукъ государя рисковала попасть подъ сукно въ „бюро прошеній“, учрежденіе, пользовавшееся довольно дурною славою.

Передать его въ таинственный „приказъ тайныхъ дѣлъ“ было мечтою наибольшаго числа заинтересованныхъ лицъ, убѣжденныхъ, что тамъ уже ничто не ускользнетъ отъ государя и что тамъ его справедливость сіяетъ такимъ блескомъ, что ничто не можетъ ни омрачить ее, ни уничтожить.

Такимъ образомъ устроенный приказъ тайныхъ дѣлъ не могъ, очевидно, упустить изъ своей компетенціи, почти полновластной, вѣдѣніе государственныхъ преступленій и кару за нихъ; но это не было ни его спеціальнымъ предметомъ, ни даже главнымъ пунктомъ его дѣятельности.

Образъ мысли и манера дѣйствовать, свойственные Алексѣю, однако повліяли до такой степени на созданіе этого органа и на его развитіе, что это учрежденіе не должно было пережить государя. Но расширеніе личной и абсолютной власти сказалось болѣе прочно въ судьбѣ народныхъ соборовъ.

III.

Русскій парламентаризмъ.

Для того, чтобы перестать созывать соборы, которые на самомъ дѣлѣ явились колыбелью новой династіи, отецъ Петра Великаго не былъ въ состояніи вдохновиться ни однимъ изъ доводовъ, побудившихъ въ эту же эпоху французскихъ королей прекратить собранія Генеральныхъ Штатовъ. По отношенію къ государю и его правительству московскіе парламентаріи XVII в. подавали всегда примѣръ полной лояльности. Съ другой стороны, благодаря тому, что примиреніе противорѣчій скрывалось въ самой основѣ режима, частью котораго являлись эти собранія, принципъ божественной власти, воплощенной въ личности царя, самъ по себѣ не представлялъ никакого рѣшительнаго препятствія такому вмѣшательству. Одною логикою вещей было сдѣлано это дѣло. Соборы пережили царствованіе Алексѣя, но отъ перваго, въ 1548 году, до послѣдняго, въ 1693 году, число ихъ созывовъ является неопредѣленнымъ, и одно это доказываетъ, какое небольшое мѣсто они занимали въ политической жизни страны. Документы какъ будто указываютъ на два собора во время Іоанна Грознаго, одинъ во время Василія Шуйскаго, десять во время Михаила и четыре во

все долгое царствованіе его сына. Но эти цифры оспариваются.

Начиная съ 1653 года, Алексѣй сталъ всячески воздерживаться отъ этого совѣщанія съ общественнымъ мнѣніемъ, просто потому, что не чувствовалъ въ немъ надобности. И отодвинутое такимъ образомъ на задній планъ, національное представительство стушевалось безъ сопротивленія или видимаго сожалѣнія, такъ какъ оно съ своей стороны не чувствовало ровно никакого желанія вернуть права, которыми всегда затруднялось воспользоваться, такъ какъ ихъ природа, какъ и ихъ примѣненіе, были лишены точнаго опредѣленія и даже юридическаго основанія.

Обращаясь къ народу при тяжелыхъ обстоятельствахъ, московскіе цари признавали за нимъ безусловно частичную суверенность, но они боялись ее опредѣлить, и туманность идей, презрѣніе къ юридическимъ формамъ, являющаяся одною изъ характерныхъ чертъ русскаго ума, позволяли имъ ограничиться на этотъ счетъ областью видимости, демонстрацій и фикцій, изъ которыхъ не могло произойти никакое органическое и жизнеспособное учрежденіе.

Обычная въ соборахъ процедура сама по себѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Мы не видимъ тамъ и слѣда раздѣленія голосовъ, опредѣляющихъ принятыя рѣшенія. Они всегда считались единодушными, и это допускаетъ возможность фиктивнаго вотированія. Согласіе собранія считалось необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ; какъ на западѣ, такъ и здѣсь въ то время еще не существовало представленія о „совѣщательномъ голосѣ". На дѣлѣ отъ государя вполнѣ зависѣло получить это согласіе, когда и какъ ему захочется. А такъ какъ совѣщаніе теряло такимъ образомъ всякій интересъ, представители такой призрачной власти, конечно, не интересовались ею.

Созывы обыкновенно производились въ случаѣ войны, когда нужны были люди и субсидіи. Постепенно, то уменьшая, то уничтожая совершенно необходимость обращенія къ этой инстанціи,—постоянная армія и установленіе правильнаго фиска повели къ тому, что помощь ея оказалась совершенно безполезной. А что касается массы народной, то она довольно легко утѣшилась въ этой утратѣ своего представительства въ совѣтахъ государя, такъ какъ этотъ принципъ,

какъ это ни покажется страннымъ, не былъ здѣсь никогда популярнымъ.

Одна изъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Рыбниковымъ, указываетъ на это. Поляки просятъ у царя отдать имъ Смоленскъ и обѣщаютъ дать въ обмѣнъ Китай. Алексѣй совѣтуется съ соборомъ. Говоря отъ имени бояръ, „Астраханскій царь“ одобряетъ этотъ обмѣнъ, такъ какъ, по его словамъ, Смоленскъ польскій городъ. „Эмиръ Бухарскій“— говоритъ отъ имени купцовъ то же самое. Одни солдаты, въ лицѣ Даніила Милославскаго, протестуютъ. Въ отвѣтъ на это царь велитъ повѣсить одного изъ подавшихъ особое мнѣніе и обезглавить другого, послѣ чего отдаетъ храброму воину главное командованіе надъ своимъ войскомъ.

Такова была идея, которую вкладывали избиратели этой страны въ обязанность ими избранныхъ представителей и въ ихъ способность принимать на себя бремя общихъ дѣлъ. Но можно ли вообще говорить здѣсь о какомъ либо избирательномъ режимѣ? Въ 1651 году осудили одного воеводу за посылку на Соборъ двухъ представителей одного уѣзда, избранныхъ имъ же самимъ. Но всегда ли такъ соблюдалось уваженіе къ избирательнымъ правамъ? На дѣлѣ не существовало никакого закона о созывѣ и способѣ выборовъ, о функціяхъ этихъ собраній и ихъ компетенціи. Правительство ихъ созывало, когда это ему казалось нужнымъ, и составляло ихъ такъ, какъ ему нравилось. На Соборѣ 1648 года фигурировали представители знати и буржуазіи, набранные въ ста семнадцати уѣздахъ, но на Соборѣ 1642 года мы находимъ избранниковъ лишь одной знати и при томъ только отъ сорока двухъ уѣздовъ. Иногда также представители того или другого класса, присутствовавшіе въ Москвѣ въ моментъ созыва, занимали исключительно мѣсто въ собраніи.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ Соборахъ засѣдали только избранные или представители слугъ государственныхъ. Въ 1613 году, подъ давленіемъ момента, въ соборѣ, призывавшемъ къ власти новую династію и старавшемся сдѣлаться съ самаго начала постояннымъ, были представлены всѣ классы. Но вскорѣ потомъ, устранивъ отъ общественной жизни отъ 85 до 90% сельскаго населенія, закрѣпощеніе крестьянъ подорвало эту народную базу нарождающагося пар-

ламентаризма. Раздавленные въ свою очередь все увеличивающимся деспотизмомъ государства, высшіе классы не пытались ни развить въ этой сферѣ какой либо политическій духъ, ни добиться въ ней какого либо авторитета. Они были въ состояніи лишь швырять шапками въ отвѣтъ на предложенія правительства, критикуя однако при этомъ часто и въ довольно живой формѣ его мѣропріятія. Роль ихъ представителей никогда не была, впрочемъ, точно обозначена, ни подчинена постоянной регламентаціи, переходя отъ голоса рѣшающаго къ голосу чисто совѣщательному, смотря по тому дѣйствовалъ ли Соборъ вмѣстѣ съ Думой или отдѣльно, а это зависѣло отъ обстоятельствъ, и еще чаще отъ доброй воли государя. Наконецъ даже монополизированный этими классами въ ихъ интересахъ избирательный принципъ все же противорѣчилъ и безпокоилъ ихъ инстинктъ іерархическаго подчиненія и этотъ институтъ не нашелъ такимъ образомъ нигдѣ твердой точки опоры. Основанный на пескѣ, онъ былъ осужденъ на исчезновеніе.

Въ самое же послѣднее время это учрежденіе получило болѣе благопріятную оцѣнку. Послѣ новаго изученія этой проблемы я склоненъ остаться при мнѣніи, первоначально мною высказанномъ, признавая однако извѣстное участіе одного по крайней мѣрѣ изъ созванныхъ Алексѣемъ соборовъ въ законодательной работѣ страны.

IV.

Законодательство.

Кодексъ 1648 года носитъ несомнѣнные слѣды довольно значительной парламентской работы. Но, какъ я уже указывалъ, Уложеніе далеко не исчерпало въ эту эпоху законодательной дѣятельности, которая въ интенсивномъ и непрерывномъ развитіи своемъ, предвосхищая и подготовляя реформаторскую работу Петра Великаго, заимствовала много изъ другихъ органовъ. Въ еще неполной компиляціи Corpus juris russici, опубликованной въ 1833 году, Сперанскій собралъ за 1649 — 1675 г. шестьсотъ дополнительныхъ законовъ (указныя статьи), триста другихъ за царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и еще 625 за 1682—1690 гг. до того момента, когда Петръ положилъ конецъ регентству Софьи.

Всѣ эти постановленія носятъ по большей части спеціальный характеръ. Они являются лишь случайно возникшими законами. Нѣкоторые однако составляютъ исключеніе: таковъ указъ 1653 года, установляющій единство торговыхъ налоговъ (Полный Сводъ Законовъ, т. I, № 107); Ново-торговый Уставъ, опубликованный 7 мая 1667 г. (Тамъ же, томъ I, № 408, ср. Собраніе Государ. документовъ т. IV, № 55); дополненіе 1669 г. къ Уголовному Законодательству, измѣняющее совершенно XXI и XXII главы Уложенія (Полный Сводъ Законовъ, т. I, № 431).

Редакція Ново-торговаго Устава была вызвана просьбою промышленнаго и купеческаго класса Москвы, жаловавшагося на конкуренцію иностранныхъ купцовъ и на чрезмѣрную высоту налоговъ, но ни эта соціальная группа, и никакая другая на этотъ разъ не участвовали въ выполненіи этой задачи. Главнымъ его творцомъ былъ Ордынъ-Нащокинъ. Онъ постарался вложить туда принципы, которые онъ проводилъ уже во Псковѣ въ качествѣ перваго воеводы: мелкая торговля была оставлена за мѣстными жителями, крупная запрещена иностранцамъ между собою,— отсюда принудительное обязательство прибѣгать въ обоихъ случаяхъ къ русскимъ купцамъ.

Конецъ семнадцатаго вѣка былъ эпохой ярой борьбы европейскихъ державъ, оспаривавшихъ другъ у друга монополію торговли на сѣверо-востокѣ и наслѣдіе умирающей Ганзы. За отсутствіемъ портовъ, гдѣ было бы возможно поддерживать борьбу, Москва участвовала въ ней запретительными мѣрами, предназначенными главнымъ образомъ для прекращенія развитія шведской торговли и для перенесенія европейскаго торга съ балтійскихъ портовъ въ Архангельскъ. Петру Великому предстояло бросить на вѣсы всю тяжесть арміи и побѣдоноснаго флота.

Въ ожиданіи этого, законодатель 1667 года не ограничился лишь однимъ снисхожденіемъ къ торгово-промышленнымъ интересамъ мѣстныхъ жителей въ этой спеціальной области. Законодательство обнимало собою всю массу соотвѣтствующихъ интересовъ и посредствомъ учрежденія особаго приказа обезпечило имъ самую существенную помощь.

Реформа уголовнаго законодательства была вызвана двумя годами позже гуманитарными соображеніями. Главнымъ ея

предметомъ являлось смягченіе наказаній. Между тѣмъ сообразно съ общимъ его духомъ и съ закономъ его развитія самодержавный режимъ далъ тамъ и возможность превалировать противуположной тенденціи, посредствомъ ощутительнаго умаленія юридической власти избранныхъ магистратуръ, совершенно уничтоженныхъ въ 1702 году.

Слѣдуетъ отмѣтить также очень многочисленныя въ ту эпоху изданія, — Кормчей Книги или Номоканона, собранія памятниковъ греческаго церковнаго права, важная роль котораго въ образованіи русскаго законодательства уже указана выше. Первое изданіе 1650 года нашло уже въ 1653 году себѣ прилежнаго исправителя въ лицѣ Никона, которому однако не удалось добиться желаемаго. Оказывая полное уваженіе этому почтенному источнику обычнаго права, Алексѣй со своей стороны не поколебался освятить своимъ авторитетомъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, секуляризацію церковныхъ имуществъ. Постепенно высшему клиру и монастырямъ было воспрещено покупать, брать въ аренду или принимать въ даръ вотчинныя помѣстья, какъ и заводить промышленныя учрежденія; крестьяне на монастырскихъ помѣстьяхъ были обложены налогомъ; члены клира, занимающіеся торговлею, были принуждены платить общую подать; наконецъ, въ 1672 году полное уничтоженіе всѣхъ привилегій (тархановъ), ограничило очень существенно увеличеніе ихъ состоянія, которое до того непрерывно и несоразмѣрно увеличивалось.

Эти мѣры входили въ ту органическую работу, въ которой хранились зародыши большой административной реформы, завѣщанной близкому будущему.

V.

Административная организація.

Алексѣю не удалось въ этомъ дѣлѣ достигнуть какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ: оно продолжало пребывать въ зачаточномъ состояніи. Въ центрѣ удивительно сложнаго аппарата, въ которомъ онъ не пытался даже измѣнить архаическую форму, приспособляемую имъ хорошо или

худо, скорѣе худо, къ постоянно измѣнявшимся и наростав-шимъ нуждамъ, находился „приказъ двора“, плеторическій органъ, состоящій изъ шести опредѣленныхъ управленій или „дворовъ“. Самое важное изъ нихъ, казначейство или Казенный дворъ, соединяло въ себѣ крайне разнообразныя и странныя обязанности, какъ напр. обязанность одѣвать массу лицъ, которымъ государь оказывалъ подобную милость, и его самого. Но эта обязанность исполнялась имъ не цѣликомъ, такъ какъ напр. доставка чулокъ и перчатокъ для государя и его семьи было дѣломъ приказа иностранныхъ дѣлъ! Между тѣмъ, казна выдавала отрѣзки сукна и шелка не только боярамъ при дворѣ, дворцовымъ слугамъ и стрѣльцамъ, но еще донскимъ казакамъ и болѣе чѣмъ восемнадцати тысячамъ членовъ клира!

Отъ „двора припасовъ“ (Кормчаго двора) столъ государя требовалъ три тысячи блюдъ въ день и сто ведеръ водки отъ „двора напитковъ“ (Сытейнаго двора). Деньги для нихъ доставлялись „Приказомъ большого двора“, однимъ изъ многочисленныхъ административныхъ бюро. Сорокъ городовъ, восемь слободъ въ Москвѣ, заключавшихъ въ себѣ промышленное населеніе столицы, таможни, имѣнія, арендныя монополіи питали эту кассу, давая ей около 120,000 рублей въ годъ. Отъ помѣстьевъ двора столъ государя получалъ кромѣ того провизію натурой и болѣе чѣмъ на 100,000 рублей напитковъ въ годъ. Для молока у него было стойло въ сосѣдней деревнѣ съ 200 коровами, стоившими отъ 2 до 6 рублей штука. Фрукты дворъ получалъ изъ огромныхъ садовъ, а виноградъ или вино изъ виноградниковъ, устроенныхъ въ окрестностяхъ Астрахани однимъ французомъ изъ Пуату.

Администрація страны была распредѣлена между другими *приказами*, число которыхъ все увеличивалось отъ одного конца царства до другого. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ очень долго пользовался лишь весьма умѣреннымъ значеніемъ, былъ отдѣленіемъ Думы, для которой служилъ канцеляріей. Только съ 1669 года послѣ Андруссовскаго мира, подписаннаго съ Польшею, Ордынъ-Нащокинъ, ставъ во главѣ этого приказа, игралъ тамъ роль автономнаго министра, явившись съ этихъ поръ настоящимъ первымъ русскимъ канцлеромъ. Но, увлеченный общимъ хаосомъ, этотъ приказъ также вышелъ изъ рамокъ назначенной ему сферы

дѣятельности и присоединилъ къ себѣ сначала администрацію „области Новгородской“ (Новгородской четверти), т.-е. обширныхъ областей Новгорода, Пскова, Нижняго Новгорода, Архангельска, Вологды, потомъ Малоруссіи, и въ концѣ концовъ, областей Владиміра и Галича.

Въ этой огромной области управленія онъ отнялъ, такимъ образомъ, безъ вѣскаго къ тому повода, компетенцію у тѣхъ учрежденій, которыя должны были бы тамъ правильно функціонировать, и въ частности: у Приказа помѣстнаго, вѣдавшаго помѣстіями; у разряднаго, управлявшаго военнымъ и гражданскимъ составомъ; у бюро или департамента главной казны (Приказъ большой казны),— рода временнаго министерства торговли; у большого бюро (Большой приказъ),— фискальнаго агентства для взиманія извѣстныхъ налоговъ; у *счетнаго приказа*,—рода казенной палаты; у *разбойнаго приказа*, — общаго департамента уголовнаго судопроизводства и у цѣлой массы другихъ.

Увеличеніе количества этихъ бюро, среди которыхъ фигурировало еще одно, спеціально приспособленное для торжественныхъ похоронъ (Панафидный), поддерживалось и облегчалось общимъ правиломъ, регулировавшимъ ихъ функціи, и состоявшимъ въ томъ, что администраторы, кто бы они ни были, ничего не стоили государству, получая средства существованія изъ тѣхъ учрежденій, которыми они управляли. Внѣ двора государство несло только одинъ большой расходъ на армію, а она, все болѣе и болѣе европеизируясь, становилась все болѣе и болѣе дорогой.

Налагая во время войны чрезвычайные налоги,— до десятой части всего дохода, — эта ненасытная гидра требовала еще и разныхъ другихъ доставокъ натурою: хлѣба, сухарей, конопли и т. п. Въ мирное время тяглые люди должны были еще содержать стрѣльцовъ, воеводъ, военноначальниковъ, съ ихъ главными штабами, писарей, сторожей, тюремщиковъ, палачей, строить дома для того же персонала, судебныя избы, (такъ какъ воеводы исполняли и обязанности судей), тюрьмы и т. д. Они вносили также различныя суммы для нуждъ бюро. Они платили за все и даже за право брать зимою воду изъ прорубей въ рѣкахъ или прудахъ.

Они были угнетены налогами и, сверхъ этого тяжелаго

бремени, отрывались еще отъ ихъ профессіональныхъ занятій для обязанностей, которыя, поглощая все ихъ время, требовали также большой отвѣтственности: для контроля продажи крѣпкихъ напитковъ, монополизированной и реформированной въ 1652 году послѣ уничтоженія кабаковъ, по принципамъ, подобнымъ теперешнимъ, примѣняемымъ въ этой же странѣ, для полицейской службы и т. д.

И однако въ бюджетѣ былъ постоянный дефицитъ. Во многихъ городахъ, напр. Новгородѣ, содержаніе стрѣльцовъ и казаковъ поглощало собою всѣ доходы. Административный безпорядокъ отражался на финансовомъ, и наоборотъ. Чтобы порѣшить съ тѣмъ и съ другимъ, Алексѣй прибѣгъ къ мѣрѣ, достойной похвалы; онъ взялъ на себя задачу установить на прочномъ основаніи организацію всеобщей повинности, которую Петръ Великій довелъ до возможнаго ея совершенства. Одинъ изъ указовъ царя отъ 1652 года, (Полный Сводъ Законовъ, т. I, № 86) имѣлъ своимъ предметомъ подчинить подданныхъ, т.-е. за исключеніемъ крестьянъ, купцовъ и духовенства,—всѣхъ, правильному набору, откуда должны были выдти чиновники и солдаты, при чемъ подданные должны были исполнять безразлично ту или другую роль.

Это былъ неизбѣжный конецъ конституціоннаго милитаризма, царившаго при образованіи московскаго государства и, даже въ области фиска, опредѣлявшаго всю политику Алексѣя.

VI.

Фискальный режимъ.

Не смотря на рядъ болѣе или менѣе остроумныхъ комбинацій, вопреки искреннему желанію достигнуть болѣе справедливаго и правильнаго порядка распредѣленія обязанностей, обременяющихъ плательщиковъ всякаго рода, самою существенною задачею этой политики являлось накормить ненасытное чудовище войны и такъ или иначе увеличить доходы, получаемые отъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Такова впрочемъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ исторія большей части финансовыхъ реформъ.

Съ 1646 года въ мирное время приступили къ этой задачѣ.

Была сдѣлана перепись обложенныхъ домовъ, ревизія обложеній. Въ результатѣ явилось общее поднятіе намѣченныхъ расцѣнокъ, сопровождавшееся въ томъ же году недавно установленнымъ налогомъ на соль. Это была предупредительная мѣра въ виду ожидаемаго конфликта съ Польшею. Страна находилась наканунѣ военныхъ дѣйствій. Черезъ шесть лѣтъ послѣ того, когда разгорѣлся конфликтъ, началась цѣлая серія чрезвычайныхъ обложеній, идущая отъ 1654 г. до 1680 г., два раза въ видѣ двадцатой части дохода (пятая деньга), пять разъ въ видѣ десятой, одинъ разъ въ видѣ пятнадцатой и одинъ разъ еще для купцовъ, въ видѣ рубля съ дома.

Въ то же время предпринятая, ради упрощенія, замѣна большого числа налоговъ единоличнымъ налогомъ въ 10% за продажу товаровъ всякаго рода привела къ чувствительному увеличенію оброка. Въ 1679 году эта система была распространена и на прямые налоги. Получился аналогичный процессъ и съ тѣмъ же самымъ результатомъ. Обобщенъ былъ и налогъ на жилище, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ временнаго обращенъ въ постоянный, причемъ съ каждаго дома или двора приходилось платить 1 руб. 30 коп.

Замѣна дворомъ сохи, въ видѣ базиса обложенія, представляла изъ себя разумную реформу. Имѣя первоначально реальное содержаніе, обозначая хозяйство одного крестьянина съ тремя рабочими и тремя лошадьми, соха въ концѣ концовъ получила значеніе абсолютно фиктивной фискальной единицы. Это былъ терминъ, соотвѣтствовавшій крайне разнообразному количеству земли смотря по качеству почвы, причемъ еще другія обложенія тяготили собственника и т. д.

Въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ онъ мѣнялся отъ 12 до 1,200 четвертей (отъ 6 до 600 десятинъ), а одно изъ обложеній, налогъ на почту, между 1616 и 1640 г.г. утроился.

Эта система имѣла свои хорошія стороны: стремясь уничтожить неправильныя привилегіи, замѣнить случайныя обложенія болѣе или менѣе правильнымъ обложеніемъ продуктовъ національнаго труда, она представляла собою несомнѣнный

прогрессъ. Но помимо того, что она, благодаря единству и простотѣ, непомѣрно отягощала на дѣлѣ и такъ уже невыносимыя тягости обложенныхъ ею лицъ, въ результатѣ ей не удалось устранить всѣ огромныя неудобства реформированнаго режима: безпорядокъ царилъ тамъ по прежнему и увеличенію налоговъ не отвѣчало соотвѣтствующее увеличеніе доходовъ. Фискальному единству противостоялъ административный разбродъ, поддерживаемый и даже усиленный въ автономныхъ организаціяхъ извѣстныхъ областей или группъ областей, которыя не имѣли при томъ того преимущества, что отвѣчали идеѣ децентрализаціи, такъ какъ управленіе ими было централизовано въ Москвѣ. Ростъ народнаго богатства встрѣтилъ другое, еще болѣе трудно устранимое препятствіе въ экономическомъ и соціальномъ состояніи страны, въ этомъ продуктѣ цѣлаго ряда политическихъ, географическихъ и климатологическихъ условій, которыя и теперь еще тормозятъ ея развитіе, а тогда особенно угнетали въ виду послѣдствій смутнаго времени. Въ 1680 году нормальный итогъ налоговъ и доходовъ всякаго рода не превышалъ полутора милліона рублей, около половины которыхъ было обращено на военныя нужды.

VII.

Экономическая и соціальная эволюція.

До 1616 года шайки казаковъ и поляковъ не переставали грабить даже въ центрѣ страны. Ихъ можно было встрѣтить въ окрестностяхъ Вологды и Суздаля, Ярославля и Кашина.

Въ эту эпоху паровыя поля значительно превосходили количество обработанной земли. За Москвою, въ двадцати уѣздахъ, на 196,000 десятинъ, составлявшихъ помѣстье Троице-Сергія, весь процентъ обработанной земли упалъ между 1614 и 1616 г.г. съ 37,3% до 1,8%, а между 1624 и 1640 г.г. увеличился лишь до 22,7%. Движеніе земледѣльческаго населенія представлено въ тѣ же промежутки слѣдующими цифрами, указывающими жилые дома: 3,988—623—1,535. Куда же дѣвались земледѣльцы, не отвѣтившіе на призывъ? Они исчезли, убитые или въ плѣну

у поляковъ, но особенно много бѣжало, ища себѣ вѣрнаго убѣжища въ южныхъ степяхъ. И можно себѣ представить положеніе собственниковъ большихъ помѣстій, обращенныхъ такимъ образомъ въ пустыри. Въ 1643 году владѣлецъ помѣстія, около Суздаля, подаетъ жалобу царю, говоря, что, за недостаткомъ другихъ средствъ къ пропитанію онъ просилъ дозволенія поступить на службу въ одинъ изъ монастырей Сергія Троицы, но келарь хотѣлъ его взять къ себѣ только въ качествѣ крѣпостного и послѣ отказа посадилъ его въ тюрьму.

Эта мелочь указана, чтобы дать представленіе о вопіющей нуждѣ того времени.

Разрушеніе свѣтской собственности благопріятствовало до извѣстной степени процвѣтанію церковной, наоборотъ, установленному съ такимъ трудомъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ режиму вотчинъ и помѣстій, подчиненныхъ закону о службѣ, угрожала полная дезорганизація. Подъ вліяніемъ конфискацій и произвольныхъ назначеній различныя правительства, слѣдовавшія въ Москвѣ одно за другимъ, ввели хаосъ въ эту даже область, и кромѣ того сама система потеряла свое равновѣсіе благодаря тому же явленію, которое и въ наши дни подрываетъ всѣ труды реформаторовъ 1861 года и подтачиваетъ крестьянство, т. е. съ увеличеніемъ семей участки, которыми надѣлялись служилые люди, становились недостаточными.

Въ этой области оба первыхъ Романова стояли передъ задачею, которая превосходила мѣру всякой человѣческой силы.

Возвращеніе населенія къ оставленнымъ землямъ было относительно довольно быстрое и сопровождалось даже очень дѣятельнымъ движеніемъ колонизаціи на еще необработанныя земли. Стали производиться распашки, основываться новыя деревни, само правительство подавало этому примѣръ громаднымъ предпріятіемъ подобнаго рода, обнимавшимъ уѣзды Углича, Ярославля, Бѣжецка и Новоторжка; оно искало земледѣльцевъ даже въ шведской Кареліи. Въ Переяславскомъ уѣздѣ инвентари указываютъ въ 20 лѣтъ, (отъ 1626 до 1646) появленіе двадцати новыхъ свѣтскихъ помѣстій или вотчинъ, тридцати девяти монастырскихъ владѣній, ста тридцати трехъ дворовъ помѣстныхъ крестьянъ и трехсотъ

домовъ бобылей, крестьянъ безъ земли или съ очень маленькимъ надѣломъ. Немного позднѣе, между 1684 и 1686 годами, въ шуйскомъ уѣздѣ исчезли совершенно необработанныя земли, а въ сосѣднихъ уѣздахъ ихъ количество уменьшилось до 6 и 7%. Напротивъ въ ростовскомъ уѣздѣ оно еще составляло 63%.

Въ то же время, мѣры, принятыя для закрѣпленія перелетнаго населенія деревень, клонили къ полному исчезновенію бобылей, увеличившихся числомъ во время смуты и даже превосходившихъ, мѣстами вдвое, число другихъ крестьянъ.

Всеобщее увеличеніе податного населенія, съ 1620 г. до переписи 1678 года, можетъ считаться даже чрезвычайно быстрымъ, если принять во вниманіе обстоятельства того времени. Такъ, въ Московской области, для которой была произведена весьма точная статистическая работа, можно принять увеличеніе населенія въ пять или шесть разъ. Прогрессъ этотъ представляетъ собою тѣмъ болѣе значительное явленіе, что притокъ эмиграціи къ юго-востоку, ускоренный смутою, не только не остановился, но получилъ новый импульсъ со стороны политики, принятой обоими первыми Романовыми по отношенію къ окраинамъ имперіи.

Въ 1646 году была начата систематическая постройка укрѣпленныхъ городовъ въ областяхъ Бѣлгорода и Симбирска. По ту сторону линіи Казань-Путивль, представлявшей въ концѣ вѣка крайній предѣлъ ея границъ, Москва конца слѣдующаго вѣка, раздвигая свои границы, охватила на югѣ теперешнія губерніи: Симбирскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Курскую, Харьковскую, простираясь на востокъ за Каму. И населеніе присоединенныхъ областей не отставало, какъ это показываетъ таблица, относящаяся къ Бѣлгородскому уѣзду.

	Владѣній.	Владѣльцевъ.
1626	23	?
1646	35	279
1678	63	1312

Въ четырнадцати городахъ уѣзда число домовъ съ 7,970 въ 1677 г. дошло до 14,386 въ 1686 г.

Правительственная колонизація, наряду со свободной въ видѣ авангарда, не менѣе сильно подвинулась на всемъ про-

тяженіи Волги. И, хотя и менѣе быстро, она развивается также въ Сибири, вбирая и тамъ и здѣсь значительный контингентъ иностранныхъ элементовъ, военноплѣнныхъ или добровольныхъ иммигрантовъ. Въ ихъ числѣ указываютъ двухъ нѣмцевъ и одного француза.

Увеличиваясь численно, населеніе, предназначенное для заселенія этой громадной территоріи, подвергалось съ соціальной точки зрѣнія глубокимъ измѣненіямъ. Захваченный болѣе всѣхъ другихъ классовъ общимъ разложеніемъ, классъ „служилыхъ людей“ расшатывался, пропуская въ свои разрозненные ряды приливъ новыхъ и совершенно чуждыхъ ему элементовъ. Въ одномъ уѣздѣ (Сурожскій станъ) московской области изъ тридцати семей вотчинныхъ собственниковъ, упомянутыхъ въ инвентаряхъ 1624 и 1625 г.г. перепись 1684 и 1685 г.г. нашла лишь не болѣе шести. Другіе вотчинники люди пришлые, нѣкоторые изъ нихъ иностранцы, набранные среди наемниковъ новыхъ военныхъ единицъ. Общее количество также возросло. Можно даже утверждать, что оно утроилось въ теченіе семнадцатаго вѣка, такъ какъ въ 1681 году число способныхъ носить оружіе доходило до 260,000 вмѣсто 80,000, указанныхъ Флетчеромъ въ царствованіе Бориса. Необходимо было однако сдѣлать эту наличность дѣйствующей. Качество ея не соотвѣтствовало количеству, и въ разныхъ уѣздахъ въ тотъ-же годъ, изъ 555 призванныхъ болѣе половины, 231 ч. не появились. Находятся и такіе, даже среди родственниковъ царя, которые, желая избѣгнуть государственной службы, продаютъ себя или обращаются въ крѣпостныхъ.

Но и классъ оброчныхъ страдалъ одинаково, и красною нитью въ его исторіи семнадцатаго вѣка проходитъ постоянное распаденіе его членовъ, переходящихъ изъ разряда крестьянъ въ разрядъ крѣпостныхъ. Если на западѣ въ ту же самую эпоху, прогрессивное исчезновеніе рабства допускало еще существованіе нѣсколькихъ лицъ, подчиненныхъ этому режиму; здѣсь, гдѣ происходилъ противоположный процессъ, въ видѣ исключенія, уцѣлѣли крестьяне, сохранившіе свою свободу. Крестьяне не всѣ сдѣлались холопами. Но случаи продажи крестьянъ безъ земли все увеличиваются; не одни дворяне владѣютъ крѣпостными; нѣсколько купцовъ пользуются тою же привилегіей, и наблюдались случаи,

когда одни крѣпостные принадлежатъ другимъ крѣпостнымъ, пользующимся лучшимъ положеніемъ. Изъ 888,000 оброчныхъ дворовъ, списокъ 1678 года насчитываетъ:

Дворовъ, принадлежащихъ крестьянамъ или свободнымъ мѣщанамъ	92.000	10,4%
Церкви	118.000	13,3%
Двору	83.000	9,3%
Боярамъ	88.000	10, %
Дворянамъ	507.000	57, %
	888.000	100, %

Постоянно уменьшаясь въ теченіе всего предыдущаго вѣка, въ отношеніи какъ общаго размѣра пространства обработанныхъ земель, такъ и размѣра отдѣльныхъ участковъ, —косвенная эксплуатація земель посредствомъ крестьянъ отличается вначалѣ, послѣ восшествія на престолъ Романовыхъ, тенденціей обратной въ обоихъ этихъ направленіяхъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка число приведенныхъ въ порядокъ участковъ увеличивается и съ 6 до 6,1 десятины въ среднемъ они доходятъ до 7 и 9,3 на дворъ. Позже, благодаря повидимому безпечности земледѣльцевъ и недостатку среди нихъ общаго образованія, движеніе останавливается. Подъ двойною формою оброка и барщины, не являющейся еще крѣпостничествомъ, эта система становится негодною. Она не удовлетворяетъ больше ни одну изъ заинтересованныхъ сторонъ: собственники не считаютъ удовлетворительными полученные такимъ образомъ результаты, а земледѣльцы жалуются, — какъ и надѣльные крестьяне, при существующемъ строѣ—и на качество, и на размѣръ владѣемыхъ ими участковъ.

Аграрная проблема въ Россіи, правда въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ та, которую она приняла теперь, существовала въ Россіи въ самыя отдаленныя времена.

Какъ и въ настоящее время, трудность, чтобы не сказать, невозможность, найти ей удовлетворительное рѣшеніе, вытекала по большей части изъ самого состоянія сельской промышленности. Какъ и теперь, основной ея задачей было взращеніе злаковъ. Разведеніе домашняго скота тогда еще не существовало, а о лѣсоводствѣ не могло быть и рѣчи. Какъ и теперь, всюду царила трехпольная система, при

очень незначительномъ и мало возросшемъ съ тѣхъ поръ унавоживаніи. По поводу огородничества въ то время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но знаемъ между тѣмъ, что происхожденіе тѣхъ фруктовыхъ садовъ во Владимірѣ, которые и теперь еще составляютъ гордость губерніи, относится къ тому времени, но право эксплоатаціи принадлежало исключительно коронѣ.

Въ такомъ же положеніи находился и сельско-хозяйственный инвентарь. Нигдѣ не было быковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ большихъ помѣстій. Лошади были плохія, маленькія, худыя и слабосильныя. Едва существовало нѣсколько конскихъ заводовъ, изъ которыхъ въ главномъ, въ Александровской Слободѣ, насчитывалось лишь 217 жеребцовъ или кобылокъ, двухлѣтокъ и трехлѣтокъ. Прогрессъ техники былъ въ общемъ ничтоженъ, несмотря на то, что не превосходя $16\frac{1}{2}\%$ въ нѣкоторыхъ областяхъ, прямая эксплоатація полей собственниками доходила въ другихъ мѣстахъ до 90%, особенно во владѣніяхъ церкви.

Вообще съ землею обходились неумѣло. А между тѣмъ, какъ и въ предшествующемъ вѣкѣ, она являлась почти единственнымъ источникомъ дохода въ странѣ, ея единственнымъ продуктивнымъ капиталомъ. Она должна была удовлетворять всему. Государство удерживало большую часть земли, подъ видомъ запасного фонда, въ родѣ того, созданія котораго нынѣ требуютъ нѣкоторые аграрные реформаторы. Этотъ недвижимый фондъ менѣе пострадалъ отъ кризиса начала вѣка, чѣмъ монетный запасъ царя; но вскорѣ послѣ этого въ немъ была пробита огромная брешь, благодаря ленамъ, число которыхъ все увеличивается соотвѣтственно количеству одаряемыхъ ими „служилыхъ людей“. А государству болѣе чѣмъ когда бы то ни было нужны были слуги, кромѣ того вошло въ привычку прибавлять еще наградныя къ жалованью, которое получалъ его личный персоналъ. Къ концу вѣка, благодаря придворнымъ интригамъ, цѣлая стая родственниковъ и любимцевъ набрасывается на добычу, и хищеніе приняло фантастическіе размѣры.

Вопреки принципу секуляризаціи, поддерживаемому и развитому благочестивымъ Алексѣемъ, монастыри также приняли участіе въ дѣлежѣ и благодаря щедрости частныхъ лицъ и несмотря на всяческія запрещенія церковныя иму-

щества не подверглись на дѣлѣ никакимъ урѣзкамъ, а мѣстами даже увеличивались. Особенно въ первой половинѣ вѣка имъ благопріятствовала общая склонность умовъ видѣть Божью кару въ испытаніяхъ страны и даже послѣ 1648 года сила привычки восторжествовала надъ запрещеніями со стороны закона. Дарители изобрѣтаютъ всякія уловки и, подъ видомъ обмѣна, иногда благочестивая княгиня получала „десять четвертей“ хорошей земли взамѣнъ 200 или 250, уступленныхъ ею.

Само государство возмѣщало свои чрезмѣрные расходы отчасти результатами конфискацій, впрочемъ довольно рѣдкихъ въ эту эпоху, и гораздо болѣе частыми возвратами земли, благодаря вымиранію большого числа фамилій, имѣвшихъ большія помѣстья и вотчины: Шуйскихъ, Мстиславскихъ, Воротынскихъ, Поярскихъ, Морозовыхъ. При вступленіи на престолъ Петра Великаго, за вычетомъ отъ полутора до двухъ милліоновъ десятинъ, выданныхъ во время двухъ особенно расточительныхъ періодовъ отъ 1612 г. до 1625 г. и отъ 1680 г. до 1700 г., наслѣдство дома Рюрика было доведено до жалкихъ остатковъ.

Уменьшившись съ другой стороны само собою въ теченіе шестнадцатаго вѣка, благодаря послѣдовательнымъ переходамъ во владѣніе двора или въ фонды помѣстныхъ и вотчинныхъ жалованныхъ земель, собственность оброчная или „черная“ такъ уменьшалась благодаря этому движенію, что почти совсѣмъ исчезла въ области по ту сторону Москвы.

Помѣстная и вотчинная собственность такимъ образомъ увеличилась, но измѣнила свой характеръ. Политика послѣднихъ представителей дома Рюрика стремилась въ теченіе предшествующаго вѣка постепенно уменьшить въ этой области число бѣлыхъ помѣстій и уравнять остальныхъ вотчинниковъ въ количествѣ и въ природѣ налоговъ. Въ слѣдующій вѣкъ господствуетъ уже противоположная тенденція. Въ силу того, что вотчины увеличивались въ числѣ, помѣстья получали все болѣе существенныя черты вотчинной собственности, и такой фактъ объясняется финансовыми затрудненіями раззореннаго правительства. Побуждаемое постоянною и настоятельною нуждою въ деньгахъ, государство продаетъ угодья, но оно находитъ покупателей только для тѣхъ, которыя оно соглашается обратить въ вотчины.

Въ то же время, въ силу того же положенія, устанавливается обычай давать помѣстья сыновьямъ титулованныхъ лицъ, у которыхъ казна брала въ такомъ случаѣ какое-либо денежное пособіе и тогда надѣленіе землей дѣлается наслѣдственнымъ, по принципу, принятому въ 1550 году для избраннаго числа 1000 *помѣщиковъ*, назначенныхъ еще Грознымъ. Потомъ стали разрѣшать помѣщикамъ мѣняться между собою помѣстьями. Отсюда уже было недалеко до уступки ихъ другъ другу или съ обязательствами или даромъ. Стоило только сдѣлать первый шагъ въ этомъ направленіи и, сначала только терпимый, принципъ этотъ впослѣдствіи получаетъ значеніе права.

Политическія и соціальныя условія класса „служилыхъ людей", казалось, должны были тогда улучшиться. Но, однако, на дѣлѣ не получилось ничего подобнаго, такъ какъ ему мѣшала „служба", унижавшая представителей старой и свободной аристократіи до состоянія чиновниковъ, находящихся на жалованьи. И самая игра помѣстьями, сдѣлавшихся предметомъ свободнаго обмѣна, отняла у остатковъ этого класса когда-то могущественнаго, то, что составляло его силу: земельное положеніе, изъ котораго онъ черпалъ свои матеріальныя и нравственныя силы. Большія помѣстья, сохранившіяся еще въ старыхъ княжескихъ фамиліяхъ, дѣлаются рѣдкостью. Лишенные владѣній, благодаря конфискаціямъ, или только обѣднѣвшіе, благодаря войнѣ и смутѣ, не будучи въ состояніи встать на ноги, благодаря обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ государствомъ, крупные вассалы дома Рюрика уступаютъ мѣсто соперникамъ меньшаго размаха: потомкамъ стараго нетитулованнаго московскаго боярства, побочнымъ отпрыскамъ прежде царствовавшихъ домовъ, представителямъ фамилій, родственныхъ новой династіи, или выскочкамъ, достигшимъ положенія благодаря милости государя. Но среди этихъ тріумфаторовъ сегодняшняго дня, одни, какъ Долгорукіе, Рѣпнины, Одоевскіе, Голицины, Куракины, Трубецкіе, возводившіе свое происхожденіе къ Рюрику или Гедимину, сами пользовались небольшимъ состояніемъ и по тѣмъ же причинамъ все бѣднѣли изъ поколѣнія въ поколѣніе; другіе, какъ Романовы младшей вѣтви, исчезли благодаря вымиранію, а Стрѣшневы, Милославскіе, Матвѣевы являлись лишь метеорами.

Всѣ переходили изъ одной области въ другую, мѣняя владѣнія, какъ гарнизоны. Единственное богатство страны—территоріальная собственность—получаетъ характеръ движимой собственности: она безпрестанно переходитъ въ другія руки.

Ея продуктивность благодаря этому, очевидно, не увеличилась. А съ другой стороны эксплоатація почвы, которую вели очень неумѣло и разорительно, ограничивалась лишь ея поверхностью. Но уже проявлялись попытки проникнуть въ ея внутренніе слои. Начатые еще при Михаилѣ розыски руды и постройка заводовъ продолжались и при Алексѣѣ при содѣйствіи нѣсколькихъ иностранцевъ. Начинаютъ эксплуатировать Уральскія сокровища и между 1666 и 1670 годами были основаны знаменитые Невенскіе заводы. Получаютъ нѣкоторое распространеніе и стеклянныя, суконныя, шелковыя фабрики, полученныя вторымъ Романовымъ въ наслѣдство. Ихъ производство шло лишь на нужды двора и національная промышленность не имѣла къ нему никакого отношенія. Я вернусь еще къ этому вопросу въ дальнѣйшемъ.

Не лучше было положеніе и торговли. Одинъ выдающійся экономистъ этой эпохи, Кильбургеръ, развиваетъ въ предисловіи къ очень любопытному этюду, посвященному этому вопросу, ту мысль, что, вѣроятно, самъ Богъ отнялъ у жителей московскаго государства разумъ, такъ какъ они совсѣмъ не пользуются огромными, находящимися въ ихъ рукахъ, богатствами, и это тѣмъ болѣе странно, что они обнаруживаютъ до такой степени любовь къ занятіямъ торговлею, что, по его словамъ, въ Москвѣ гораздо больше лавокъ, чѣмъ въ Амстердамѣ. Нѣмецкій ученый очень мѣтко сравниваетъ торговлю съ птицею, которую держатъ въ рукѣ, причемъ нельзя ни крѣпко ее сдавить, чтобы не задушить, ни дать ей слишкомъ много свободы, чтобы она не улетѣла. Что же касается правительства московскаго, то оно слишкомъ сдавило эту птицу.

Въ большей части областей государства какъ внѣшняя, такъ и внутренняя торговля, подобно промышленности, вначалѣ была предметомъ монополіи. Правительство признавало законность жалобъ на привилегіи, очень выгодныя для иностранныхъ купцовъ. Но подъ властью неотложныхъ нуждъ

фискальнаго характера, ему приходилось уничтожать одною рукою то, что оно создавало другою. Торговымъ уставомъ 1667 года правительство Москвы не успѣло еще удовлетворить интересы національной торговли, какъ оно уже заключаетъ договоръ съ одной армянской компаніей, отдавая въ ея руки торговлю шелкомъ; а потомъ съ однимъ голландцемъ изъ Гамбурга, Верпоортеномъ, даровавъ ему исключительное право сконцентрировать въ Архангельскѣ и отправить въ Ливорно все производство икры. Изъ сорока судовъ, посѣщавшихъ ежегодно въ то время сѣверный портъ, десять принадлежали одному судохозяину, за которымъ было упрочено также и право ловить рыбу на Колѣ. Одинъ синдикатъ, образовавшійся въ Амстердамѣ, получилъ въ то же время концессію на эксплуатацію лѣсовъ въ той же области. Даже рѣчное судоходство между Архангельскомъ и Москвою находилось въ рукахъ иностранцевъ. Когда одинъ московскій купецъ, Лаптевъ, дерзнулъ устроить имъ конкуренцію, довезя до Амстердама небольшой грузъ, то это вызвало страшную ярость иностранныхъ конкурентовъ, кричавшихъ о злоупотребленіяхъ и они выиграли тяжбу.

Почти то же самое мы видимъ и теперь въ той странѣ. Относительно довольно цвѣтущія въ шестнадцатомъ вѣкѣ и подававшія большія надежды въ будущемъ промышленность и торговля нѣкоторыхъ сельскихъ центровъ страдали, съ другой стороны, невыносимо отъ фискальныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью монополизировать эту дѣятельность въ интересахъ городскихъ тяглыхъ людей. Одинъ указъ отъ 8 мая 1650 года требовалъ отъ крестьянъ исключительнаго занятія сохою, и теперь мы видимъ послѣдствія этого удивительнаго заблужденія, которое, при наличности въ странѣ скудной по большей части почвы и крайне богатой подпочвы въ различныхъ областяхъ, направило главныя усилія народа исключительно на земледѣліе.

Мѣстами совершенно особыя обстоятельства, слишкомъ неблагодарное качество земли и исключительно благопріятное расположеніе торговыхъ путей взяли верхъ надъ такой неумѣлой политикой. Такъ промышленный центръ села Богородскаго по сосѣдству съ Москвою уже въ семнадцатомъ столѣтіи получилъ извѣстное значеніе, несмотря на свой

деревенскій характеръ. Мучная торговля на берегахъ Клязьмы, добываніе дровъ, угля и каретный промыселъ въ лѣсистыхъ частяхъ суздальскаго уѣзда,—все это находилось еще въ рукахъ крестьянъ. Иконописцы въ деревняхъ той же области пользовались для того времени очень крупною репутаціей. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ деревень были богатые крестьяне и ихъ крайняя зажиточность явилась, повидимому, благодаря тѣмъ же источникамъ промышленности или торговли.

Въ общемъ оба эти вида производства страдали не менѣе жестоко отъ режима, столь противоположнаго природѣ вещей. Эти села, по природѣ своей промышленныя и торговыя, могли такъ легко обратиться въ богатые города.

Превосходя всѣ окружавшіе ихъ города и мѣстечки величиной своей и количествомъ населенія, они представляли изъ себя аггломераты скорѣй городского типа. Но увы! безжалостный и нелѣпый законъ отказывалъ имъ въ правѣ жить и развиваться въ этомъ направленіи; онъ ограничивалъ развитіе промышленности и торговли извѣстными соображеніями почти исключительно стратегическаго характера и оно не находило пищи. Военный аппаратъ не служилъ здѣсь, какъ на западѣ, для защиты мирныхъ дѣлъ; онъ служилъ для того, чтобы создавать условія для ихъ возникновенія и развитія! И за укрѣпленными стѣнами, которыя могли только ихъ удушить, но не развить, ремесла прекратились, а обмѣнъ долженъ былъ свестись къ элементарной формѣ періодическихъ ярмарокъ и рынковъ. А кромѣ того устройство ярмарки или новаго рынка требовало еще разрѣшенія центральной власти!

Такимъ образомъ ограниченные одною обработкою земли, часто совершенно неплодородною, масса сельскихъ жителей оказалась задавленною какъ налогами, постоянно увеличивавшимися несмотря на ихъ бѣдность, такъ и крѣпостничествомъ, постоянно разраставшимся въ ширь и въ глубь. Сами разоренные, собственники помѣстій или вотчинъ не нашли другого исхода, какъ перенести на крестьянъ, съ согласія государства, всю обременявшую ихъ тяжесть. И въ итогѣ, одновременно съ развитіемъ крѣпостничества, установленная такимъ образомъ административная, экономическая и финансовая организація повела къ созданію той бюрократіи со-

ціально-дворянскаго типа, которая получила свое полное развитіе въ восемнадцатомъ и въ девятнадцатомъ вѣкахъ.

На западѣ, двумя вѣками раньше, борьба производительныхъ классовъ съ классомъ военнымъ окончилась въ пользу первыхъ путемъ освобожденія городскихъ коммунъ, подготовившаго собою эмансипацію сельскихъ работниковъ. Города побѣдили, потому что могли воевать.

Но бѣдные, неспособные извлечь никакой выгоды изъ привилегіи, случайно выпавшей на ихъ долю, города русскіе не были въ состояніи ни сыграть той же роли, ни содержать армію и администрацію. Земля сдѣлалась главнымъ факторомъ политической и экономической организаціи и положеніе такимъ образомъ оказалось обратнымъ. Но, съ другой стороны, земля, распредѣляемая между слугами государства въ видѣ вознагражденія имъ, являлась орудіемъ политическаго порабщенія, трудъ отданный этимъ наемникамъ для того, чтобы они могли выполнять свою службу, — орудіемъ соціальнаго рабства. А лишенные воздуха и хлѣба, подъ призрачной охраною укрѣпленій, налагавшихъ на нихъ лишь тягостное иго, обитатели городскихъ центровъ завидовали участи деревенскихъ собратій, такъ какъ крѣпостная зависимость не давала имъ по крайней мѣрѣ возможности умереть съ голоду.

Съ этой двойной точки зрѣнія великій созидатель, который долженъ былъ явиться въ ближайшемъ будущемъ, долженъ былъ найти уже собранные, приготовленные для дѣла, но очень шаткіе матеріалы для политическаго и соціальнаго творчества. Въ концѣ семнадцатаго вѣка благосостояніе податныхъ классовъ оказалось скорѣе въ упадкѣ, чѣмъ прогрессировавшимъ. Развитію внутренней колонизаціи не соотвѣтствовала интенсивность культурнаго развитія. Прилежный экономистъ въ сферѣ своихъ частныхъ интересовъ, занявшись интенсивной и разнообразной обработкой своихъ обширныхъ владѣній, земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбной ловлей, устройствомъ солеваренъ, каменоломенъ и желѣзныхъ фабрикъ, Алексѣй мало заботился въ то же время о развитіи духа предпріимчивости у своихъ подданныхъ. Ихъ инициатива, естественно слишкомъ слабая при ихъ ничтожномъ умственномъ развитіи, еще парализовывалась самой системой дифференціаціи, примѣненной къ податнымъ клас-

самъ. Они были раздѣлены на два разряда, и ни промышленность, ни земледѣліе нисколько не выигрывали отъ подобнаго раздѣленія, причемъ ихъ общимъ усиліямъ мѣшалъ цѣлый рядъ препятствій: беззащитность городовъ и деревень, отсутствіе административной полиціи, невозможные пути сообщенія.

Секретарь посольства, отправленнаго въ 1676 году императоромъ въ Москву, и авторъ довольно любопытнаго рапорта по поводу вызвавшихъ его отправку переговоровъ, Лысекъ указываетъ, за время своего девятинедѣльнаго пребыванія въ московской столицѣ, на шесть большихъ пожаровъ, уничтожившихъ болѣе тысячи домовъ. Въ то же самое время Алексѣй, въ письмѣ своемъ изъ Коломенскаго къ стольнику Матюшкину, говоритъ, что, путешествуя по московскимъ дорогамъ, онъ чуть не сломалъ себѣ шеи. И ничего не было сдѣлано для улучшенія подобнаго положенія вещей. Не существовало ровно никакой администраціи дорогъ въ то время, какъ Кольберъ во Франціи тратилъ милліоны на постройку путей сообщенія. Въ Москвѣ былъ учрежденъ съ 1615 году Ямской приказъ, но онъ только доставлялъ лошадей для поѣздокъ чиновниковъ. Для офиціальной и частной корреспонденціи продолжали пользоваться курьерами. Только въ 1665 году была устроена почта для писемъ, но въ двухъ только направленіяхъ, изъ Польши и изъ Курляндіи, и только для чисто военныхъ цѣлей. Да и организовалъ ее иностранецъ Іоганнъ ванъ Сведенъ.

Послѣ мира, заключеннаго въ Андрусовѣ, обмѣнъ корреспонденціями между обѣими странами сдѣлался предметомъ опредѣленныхъ переговоровъ и привелъ къ первой почтовой конвенціи, подписанной Россіей.

Проявленная неоднократно въ борьбѣ за независимость энергія дала возможность, въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка, встрѣтиться лицомъ къ лицу съ непосредственными результатами Смутнаго времени. Длительныя послѣдствія политическаго режима, въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ плохо уравновѣшеннаго; громадная трата силъ на внѣшнія предпріятія; вызванныя ими военныя и финансовыя нужды,—все это быстро уничтожило всѣ порывы и создало ту атонію жизненныхъ функцій, которая и теперь еще является характернымъ признакомъ этой страны.

Законамъ, управлявшимъ ея образованіемъ, суждено было, чтобы царствованіе одного изъ самыхъ мирныхъ по своей естественной склонности государей прошло въ постоянныхъ войнахъ, сохраняя и даже увеличивая въ извѣстныхъ отношеніяхъ военный характеръ государства. Алексѣй не оставилъ въ наслѣдство своей странѣ ни одного института, упрочивающаго ея экономическое благосостояніе и ея соціальное благополучіе. Зато однимъ изъ его главныхъ дѣлъ было созданіе арміи и флота.

VIII.

Военная реформа.

Послѣ Смоленской катастрофы было распущено пять иностранныхъ полковъ, набранныхъ для польской войны. Между тѣмъ совсѣмъ не думали исключить совершенно этотъ экзотическій элементъ изъ военной организаціи, такъ какъ онъ единственный казался способнымъ ввести въ нее принципы современной техники. Было лишь предположено пользоваться имъ нѣсколько иначе. Не доказавъ своей большой цѣнности подъ командою несчастнаго Шеина, московскіе контигенты войскъ, обученные по-европейски и находившіеся подъ управленіемъ иностранныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ,—шесть полковъ пѣхоты, полкъ рейтаровъ, полкъ драгуновъ—никогда по крайней мѣрѣ не бунтовали. Тогда было рѣшено развить эти смѣшанныя группы. Конецъ тридцатилѣтней войны выбросилъ за бортъ многочисленные ряды опытныхъ соллатъ въ Польшѣ, Германіи и Англіи. Во всѣхъ европейскихъ центрахъ рекрутскаго набора офицеры всѣхъ чиновъ бѣдствовали сотнями, выпрашивая, какъ милостыни, какого-либо занятія. Однимъ движеніемъ руки можно было заставить ихъ немедленно явиться на зовъ со всѣми ихъ преимуществами въ области знаній и пріобрѣтеннаго опыта, съ ихъ вкусомъ къ боевой жизни и къ приключеніямъ.

Такимъ-то путемъ Москва пріобрѣла для себя нѣкоторыхъ изъ будущихъ полководцевъ и фаворитовъ Петра Великаго: Гордоновъ, Брюсовъ, Лефортовъ, съ значительнымъ числомъ ихъ подчиненныхъ, капраловъ-инструкторовъ, артиллеристовъ, военныхъ врачей; ихъ насчитывалось одно

время до 8000 чел. Но среди нихъ не было ни одной особенно выдающейся личности. Въ 1659 году лордъ Чарльсъ Эргартъ, губернаторъ Оксфорда и начальникъ всей англійской кавалеріи, предлагалъ свои услуги... Но онъ былъ слишкомъ требователенъ, просилъ для себя званія по крайней мѣрѣ генералиссимуса, права назначенія всѣхъ чиновъ, и юридической власти слишкомъ обширной. Алексѣй не могъ однако удержаться, чтобы не завести сношеній съ этимъ гордымъ англичаниномъ, но изъ этого ничего не вышло.

Среди набранныхъ такимъ образомъ офицеровъ, среди этого разсадника лицъ экзотическаго происхожденія, занимающихъ еще и теперь довольно значительное мѣсто въ административной и военной іерархіи страны, многіе прибывали на мѣсто со своими женами и дѣтьми. Другіе женились въ московскомъ государствѣ, давая начало цѣлому ряду фамилій уже руссифицированныхъ въ слѣдующемъ вѣкѣ. Нѣкоторые изъ вновь прибывшихъ принимали даже православіе, какъ, напримѣръ, полковникъ Александръ Лесли и генералъ Корнеліусъ ванъ Букговенъ, тесть Гордона.

За этою реорганизаціей слѣдовало и военное законодательство. При Василіи Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ уже опубликованъ первый сводъ изъ 663 статей, заимствованныхъ изъ лучшихъ иностранныхъ кодексовъ. Алексѣй обнародовалъ въ придачу къ нему въ 1647 году другой, элементы котораго были приготовлены еще въ царствованіе его отца и представляли изъ себя лишь заимствованіе изъ труда Леонарда Фронсберга подъ названіемъ „Регламентъ Карла Пятаго“. Это произведеніе было снабжено картами (чертежами), продававшимися отдѣльно, „чтобы каждый солдатъ могъ ихъ купить и носить съ собою въ походѣ“. Это пожеланіе хотя и немного наивное, какъ извѣстно, долго не осуществлялось.

Затѣмъ послѣдовала цѣлая масса дополнительныхъ распоряженій, обнимавшихъ собою военные обзоры, дисциплину, новыя формаціи и пр. Алексѣй, хотя и былъ плохимъ солдатомъ, но охотно присутствовалъ на ученіяхъ своихъ войскъ и его часто можно было видѣть на Дѣвичьемъ полѣ, этомъ московскомъ Марсовомъ полѣ.

Между тѣмъ эти образованія, какъ древнія, такъ и новыя, сближенныя съ европейскимъ типомъ, не имѣли еще

характера постоянной арміи. Пѣхота и кавалерія регулярнаго состава созывалась въ мирное время лишь осенью, или только въ началѣ зимы, послѣ окончанія полевыхъ работъ. Ихъ вооруженіе, частью доставляемое самими солдатами, было неудовлетворительно и не отличалось однообразіемъ. Полки, набранные и обученными европейцами, составляли лишь мелкое ядро въ массѣ архаическихъ составовъ: стрѣльцовъ, казаковъ, „служилыхъ людей", всякаго сброда, который увеличивался еще во время войны отрядами татаръ, мордвы, черемисовъ, башкировъ, калмыковъ и другихъ инородцевъ. Обычный безпорядокъ въ этихъ шайкахъ вліялъ на составъ регулярныхъ войскъ, умаляя ихъ цѣнность.

Съ другой стороны, въ отношеніи техники, несмотря на заимствованія, сдѣланныя непосредственно или изъ военной литературы Запада и несмотря на то, что въ царствованіе сына Алексѣя переводили и распространяли книгу Плювинеля, старое московское государство отставало отъ другихъ постоянно на нѣсколько вѣковъ. Восходя къ эпохѣ Карла Пятаго, эти опыты европеизаціи совершенно не считались съ прогрессомъ, введеннымъ въ военное искусство Густавомъ Адольфомъ. Вотъ какимъ образомъ вмѣстѣ съ орудіемъ, которое должно было дать ему побѣду, Петръ Великій получилъ въ наслѣдство отъ отца также и причину своихъ первыхъ пораженій; и тотъ изъ соратниковъ Алексѣя, Ордынъ-Нащокинъ, который всюду вмѣшивался, подобно своему государю, и имѣлъ обо всемъ наиболѣе правильное представленіе, предвидѣлъ этотъ результатъ. Не отъ него зависѣло, что Россія не получила къ этому времени арміи и даже флота, которые болѣе соотвѣтствовали-бы ея положенію въ мірѣ.

IX.

Созданіе флота.

Петръ Великій считается обыкновенно создателемъ русскаго флота. Какъ въ большинствѣ случаевъ, гдѣ его генію суждено было напечатлѣть такіе глубокіе слѣды, онъ между тѣмъ только слѣдовалъ въ этомъ смыслѣ по пути, уже начертанному его предшественниками, и развивалъ лишь,

часто неожиданно и неумѣренно, ту программу, которая до него была намѣчена и даже частью приведена въ исполненіе. Ему суждено было стать великимъ выполнителемъ, а его темпераментъ вносилъ въ эту задачу больше излишняго увлеченія, чѣмъ мудрой предусмотрительности.

Въ царствованіе Алексѣя Москва, отодвинутая отъ Балтійскаго моря Столбовскимъ миромъ (1617 годъ) и оставшаяся лишь при обледенѣвшемъ берегѣ сѣверныхъ морей, казалось, должна была отказаться отъ всякаго честолюбія въ этой области. Но, въ силу парадоксальнаго характера ея исторической эволюціи, она совершенно неожиданнымъ образомъ избѣжала такого исхода и уничтожила всю прозорливость Густава Адольфа. У швейцарскаго адмирала были предки въ этой странѣ.

Въ эпоху новыхъ конфликтовъ со Швеціей, когда армія Алексѣя заняла большую часть Ливоніи, Ордынъ-Нащокинъ, управлявшій покоренными областями, задумалъ построить на Двинѣ цѣлую флотилію плоскодонныхъ судовъ для подвоза подкрѣпленій и провіанта. Это нововведеніе оказало большія услуги въ этомъ отношеніи и послѣ задуманнаго плана взятія Риги оно должно было дать основаніе флоту на Балтійскомъ морѣ. Но Рига не была взята и послѣ того какъ Швеціи былъ отданъ, вопреки желанію Нащокина, весь сосѣдній берегъ, Кардисскій миръ (въ 1661 г.) разсѣялъ этотъ прекрасный сонъ.

Алексѣй однако не пришелъ отъ этого въ замѣшательство. Въ общихъ взглядахъ, если не въ мелочахъ, онъ владѣлъ въ высокой степени тою чертою нравственнаго характера, которую мы встрѣчали уже среди качествъ его расы,—огромною добродѣтелью, или страшнымъ недостаткомъ смотря по обстоятельствамъ: онъ былъ упрямъ. Разъ задуманная идея развернуть русскій флагъ гдѣ-нибудь на соленыхъ водахъ не уходила уже изъ его ума. За недостаткомъ собственнаго порта, онъ задумалъ воспользоваться иностраннымъ, заведя по этому поводу переговоры съ герцогомъ Курляндіи. Потерпѣвъ неудачу, онъ кинулся къ Каспійскому морю, задумавъ обратить во флотъ суда, которыя охраняли бы торговлю его подданныхъ съ Персіей, и открыли бы имъ рынки Малой Азіи и Индіи, предметъ отъявленнаго соперничества между англичанами и голландцами.

Эта мысль явилась у него не впервые. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1635 году, одинъ гольштинскій мастеръ, употребивъ въ дѣло московскихъ плотниковъ, построилъ уже въ Нижнемъ-Новгородѣ цѣлое судно — Фридрихъ,—которое по Волгѣ добралось до южнаго моря, но тотчасъ же затонуло у береговъ Дагестана. Этотъ опытъ не обезкуражилъ царя; неудачное судно должно было лишь послужить моделью для предположенныхъ теперь построекъ. Ордыну Нащокину было поручено общее руководство предпріятіемъ, съ Полуектовымъ въ качествѣ главнаго техника. Такъ какъ гольштинецъ оказался на на высотѣ положенія, обратились къ Голландіи, откуда въ 1667 году Ванъ-Сведенъ привезъ съ собою цѣлую партію судовыхъ рабочихъ съ мастеромъ Ванъ-Гольдтомъ во главѣ.

Село Дѣдиново на Окѣ по сосѣдству съ Коломною, славившееся своими отличными плотниками, было намѣчено на этотъ разъ для устройства тамъ верфи. Въ ея распоряженіи были отданы лѣса въ вяземскомъ и коломенскомъ уѣздахъ и тульскія литейни, и уже въ сентябрѣ 1668 года была готова къ отправленію первая эскадра, состоявшая изъ одного корабля—Орла, о которомъ мы уже говорили,—изъ яхты, двухъ шлюпокъ и одного челнока. Орелъ имѣлъ въ длину 80 ф., а въ ширину 21 ф.; дно его было глубиною въ 5 ф. На немъ было 22 пушки. Прибывъ изъ Амстердама съ 14 человѣками экипажа, капитанъ Давидъ Бутлеръ, принялъ главное начальство надъ новою эскадрою.

Между прочимъ отправка ея въ путь задержалась, благодаря непогодамъ и въ концѣ только 1669 года, цѣною также огромныхъ усилій, „царскій флотъ“ былъ доставленъ къ якорной стоянкѣ на Астраханскомъ рейдѣ. Онъ стоилъ 9021 рубль. Это было очень дешево, но, увы, имѣя цѣлью уничтожить пиратовъ, эта попытка какъ разъ совпала съ выступленіемъ на сцену Стеньки Разина и въ слѣдующемъ году „Орелъ“ и его эскадра были сожжены по приказу атамана. Алексѣй въ этомъ отношеніи смогъ завѣщать своему сыну лишь память и примѣръ такого предпріятія. Мы знаемъ, что это оказалось достаточнымъ, и самая попытка, хотя и несчастливо окончившаяся при самомъ ея началѣ, покрыла бы славою второго Романова, если бы по своему авантюристскому и химерическому характеру она не

создала въ итогѣ обманчивую иллюзію, въ силу которой русскій флотъ и былъ основанъ отчасти нѣсколько лѣтъ спустя и которой онъ не перестаетъ жить съ тѣхъ поръ.

Алексѣй однако оставилъ въ наслѣдство и другіе залоги будущаго, менѣе случайные, о которыхъ частью уже упоминалось въ этомъ томѣ и на которые будетъ еще обращено въ дальнѣйшемъ вниманіе читателя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Внѣшняя политика.

1. Московская дипломатія.—2. „Первый русскій канцлеръ".—3. Англоголландское соперничество.—4. Первыя посольства во Франціи.—5. Отношенія съ Италіей.—6. Шаги на Востокѣ.—7. Завоеваніе Сибири.—8. Первыя сношенія съ Китаемъ.—9. Политика расширенію.

I.

Московская дипломатія.

Внѣшняя политика первыхъ Романовыхъ была еще главнымъ образомъ направлена на востокъ, на поле дѣйствія, гдѣ она пріобрѣтаетъ совершенно особенный характеръ. Вѣковыя распри съ ея непосредственными сосѣдями европейскаго запада, съ Польшей и Швеціей, составляютъ исключеніе. Онѣ пріобрѣтаютъ въ эту эпоху такое важное значеніе, что намъ показалось необходимымъ посвятить имъ нѣсколько отдѣльныхъ главъ во второй части этой книги. Представляя изъ себя лишь рекогносцировку неизвѣстныхъ земель, смѣлыя попытки или робкія нащупыванія почвы, другія сношенія Москвы семнадцатаго вѣка съ западомъ требуютъ только общаго обозрѣнія, для котораго совершенно достаточно этой главы.

Съ половины предшествующаго вѣка московскіе дипломаты объѣхали всѣ столицы западнаго континента и англоманія стала въ Москвѣ играть значительную роль, вторгаясь даже въ частную жизнь Грознаго. Но изъ этого не создалось однако никакой близости. Этому мѣшали различныя препятствія, среди которыхъ слѣдуетъ поставить въ первую голову обоюдное незнаніе взаимнаго положенія. Свѣдѣнія, собранныя въ Москвѣ по поводу иноземныхъ странъ и совершавшихся въ нихъ событій, печатались въ газетѣ, носи-

вшей названіе Куранты,—отъ латинскаго слова currens,—общее и для многихъ газетъ, издававшихся въ Германіи, Голландіи и Польшѣ. Но, издаваясь въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ (Посольскомъ приказѣ или въ канцеляріи посланниковъ) въ количествѣ двадцати номеровъ въ годъ, бюллетень этотъ оставлялъ желать много какъ по точности, такъ и по быстротѣ сообщеній.

Посланный въ 1656 году въ Италію стольникъ Чемодановъ узналъ, прибывъ по назначенію, что „герцогъ Францискъ", къ которому были адресованы его ввѣрительныя грамоты, уже имѣлъ третьяго преемника! Черезъ десять лѣтъ Потемкинъ, отправляясь въ Испанію, узналъ, что собирался также обратиться къ королю Филиппу IV, который умеръ два года тому назадъ!

Эти посланцы были впрочемъ по большей части новички, совсѣмъ не знавшіе ни обычаевъ, ни приличій тѣхъ странъ, которыя они посѣщали, но очень старавшіеся ввести тамъ чисто кремлевскій ритуалъ. Очень пунктуальные въ области этикета, они расточаютъ излишнія проявленія почтенія, требуя при этомъ выполненія таковыхъ и съ другой стороны, что имъ удается съ трудомъ. Во Флоренціи Чемодановъ и его помощникъ, дьякъ Постниковъ, падаютъ ницъ передъ государемъ и цѣлуютъ ему ноги, послѣ чего они считаютъ себя обиженными когда, при произнесеніи имени царя, герцогъ не отвѣчаетъ никакимъ жестомъ, который имѣлъ бы такое же значеніе.

Беря съ собою чрезмѣрно большую свиту, всѣ они попадаютъ въ затруднительное положеніе, не зная, чѣмъ имъ ее содержать. Такъ какъ въ Москвѣ былъ обычай содержать иностранныя посольства, они требовали того же отъ иностранцевъ. Если же имъ это удавалось, они никогда не оставались довольны. Въ Кенигсбергѣ въ 1656 году Нестеровъ былъ близокъ къ тому, чтобы швырнуть подъ столъ стоявшій на немъ сервизъ, такъ какъ онъ не казался ему достаточно объемистымъ. Эти путешественники не берутъ даже съ собою никакого запаса карманныхъ денегъ, ничего кромѣ товаровъ. Они должны были продавать ихъ для царя, беря себѣ жалованье изъ барышей. Въ Ливорно Чемодановъ выкрутился, продавъ выгодно шестьдесятъ окороковъ! Но потомъ покупатели заупрямились, такъ какъ флорентин-

цамъ пришлися не по вкусу произведенія „veramente bruttissime“ иноземнаго колбасника, въ виду чего Чемоданову пришлось выпрашивать у герцога милостыню въ 100 дукатовъ, которые были ему даны съ обязательствомъ воздержаться отъ новаго выпрашиванія на итальянской территоріи.

Никто изъ этихъ посланцевъ не зналъ языка, на которомъ говорили въ странахъ ими посѣщаемыхъ, но при посѣщеніяхъ этихъ господъ такая неловкость являлась еще наименьшимъ зломъ. Великолѣпно одѣтые, покрытые золотой парчей, они въ то же время были отвратительно грязны. Въ наши дни русскіе мужики ходятъ въ баню всякую субботу, но мѣняютъ рубаху лишь разъ въ годъ. Посланцы Алексѣя слѣдовали тому же правилу, прибавляя къ тому другія привычки, еще болѣе отталкивающія для утонченнаго уже вкуса тогдашнихъ итальянцевъ. Въ Ливорно послѣ отъѣзда Чемоданова и его спутниковъ пришлось дезинфецировать комнаты, которыя они занимали въ домѣ губернатора, и все же въ нихъ долго оставался отвратительный запахъ гостей, несмотря на всю кратковременность ихъ пребыванія. Губернаторъ счелъ поэтому своей обязанностью попросить своихъ гостей явиться во Флоренціи con manco cattivo odore che sia possibile.

Этимъ посѣтителямъ приходилось оставлять послѣ себя еще болѣе непріятныя воспоминанія. Въ Кенигсбергѣ Нестеровъ не останавливался передъ тѣмъ, чтобы насильно хватать дочекъ рыбаковъ для танцевъ и для другихъ гораздо менѣе невинныхъ удовольствій. Нѣсколькимъ евреямъ было поручено доставить ему „прачекъ“, которыхъ онъ не употреблялъ конечно для заполненія отсутствующей прачешной. Очень привязанный къ пріютившей его странѣ, склонный къ снисходительности, кроатъ Крыжаничъ удостовѣряетъ, какое плачевное впечатлѣніе производили за-границей эти горе-дипломаты.

Только въ 1672 году въ Берлинѣ и Дрезденѣ, въ Вѣнѣ и въ Римѣ московская дипломатія приняла другой обликъ, благодаря появленію на сценѣ перваго представителя блестящей плеяды, среди которой должны были позже прославиться Нессельроде и Капо Д'Истрія. Для того, чтобы поднять эту службу до европейскаго уровня, великая сѣверная имперія должна была прибѣгнуть къ тому же способу, какимъ рекрутирова-

лось ея войско. Человѣкъ высокой культуры и изящныхъ манеръ, говорящій бѣгло по-латыни и по-французски, одѣтый по послѣдней модѣ, т. е. по-французски, шотландецъ Павелъ Менціесъ де-Питфодельсъ придалъ наконецъ порученіямъ, которыя были ему довѣрены, достойный тонъ и корректный стиль.

Между тѣмъ, по крайнемъ мѣрѣ, для сношеній съ Польшей и Швеціей, Алексѣю удалось найти среди окружавшихъ его соотечественниковъ человѣка, способнаго помѣряться и не безъ успѣха съ противниками, придать больше гибкости и размаха самому органу, такъ плохо до сихъ поръ обслуживавшему внѣшніе интересы своей страны. Этотъ органъ было необходимо пересоздать во всѣхъ отношеніяхъ. Аѳанасію Леонтьевичу Ордынъ-Нащокину принадлежитъ честь указанія по крайней мѣрѣ плана этой реорганизаціи и доставленія ему первыхъ ея элементовъ.

II.

„Первый русскій канцлеръ".

Какъ и всѣ приказы, посольскій представлялъ изъ себя также безформенный механизмъ, въ которомъ отсутствовали совершенно единство и связь. Функціи выполнялись безпорядочно по многочисленнымъ бюро, наполненнымъ безчисленнымъ количествомъ чиновниковъ, работой которыхъ никто не руководилъ. До Ордына-Нащокина не существовалъ постъ главнаго директора. Онъ первый сталъ выполнять эту роль и только къ концу своей службы, принявъ также титулъ „хранителя большой печати", чѣмъ становился—и притомъ онъ первымъ—на практикѣ канцлеромъ. До тѣхъ поръ эта обширная служба, казалось, носила коллегіальный характеръ, къ которому чувствовалъ потомъ пристрастіе даже самъ Петръ Великій. Но созданію этого поста предшествовало такое положеніе вещей, когда благодаря лишь одной интеллигентности и огромной энергіи Аѳанасій Леонтьевичъ сумѣлъ взять въ свои руки или по крайней мѣрѣ подчинить своему контролю большую часть дѣлъ, доказавъ этимъ полезность и возможность централизующаго и координирующаго аппарата, въ то время еще отсутствовавшаго.

Этотъ энергичный человѣкъ не былъ знатнаго происхожденія. Его семью считали позже выходцами изъ Италіи, и нѣкоторые люди объясняли этимъ его дипломатическую ловкость, доходившую до виртуозности, что не разъ доказывалъ на дѣлѣ этотъ творецъ Андрусовскаго перемирія. Но эта генеалогія не достовѣрна. Многимъ русскимъ въ эту эпоху нравилось искать заграницей своихъ проблематическихъ предковъ и заходить даже въ сѣдую древность самыхъ отдаленныхъ странъ. Фамилія Аѳанасія Леонтьевича во всякомъ случаѣ занимала очень скромное положеніе. Имя состояло изъ двухъ частей, съ честью, но скорѣе довольно темнымъ образомъ пріобрѣтенныхъ на поляхъ битвъ, гдѣ одинъ изъ предковъ псевдо-канцлера начальствовалъ вспомогательнымъ отрядомъ татаръ (ордой), а другой получилъ шрамъ на щекѣ (нащока).

Простой псковскій дворянинъ, будущій начальникъ департамента внѣшнихъ дѣлъ принималъ въ 1650 году участіе въ событіяхъ, волновавшихъ этотъ городъ, причемъ ему удалось выдвинуться въ нихъ съ выгодной стороны. Уполномоченный княземъ Хованскимъ для переговоровъ съ возмутившимися крестьянами, потомъ назначенный въ 1676 г. воеводой Кокенгаузена, въ сосѣдней Ливоніи, все время борясь съ отчаяннымъ мужествомъ на этомъ боевомъ посту противъ бѣды, онъ побѣдилъ ее, утвердилъ управленіе этой спорной области и въ то же время начерталъ для своей страны планъ реформъ, который долженъ былъ позже осуществить Петръ Великій: полную реорганизацію арміи и замѣну милиціи правильными отрядами пѣхоты и кавалеріи, для полученія необходимыхъ средствъ на этотъ предметъ, развитіе продуктивныхъ силъ страны, земледѣлія, торговли, промышленности, а какъ условіе ихъ прогресса—самую широкую автономію для производителей...

То была прекрасная мечта и Ордынъ-Нащокинъ могъ только отчасти, въ качествѣ псковскаго воеводы, осуществить ее на дѣлѣ. Главнымъ полемъ его дѣйствія была дипломатія. Достигнувъ званія боярина и прикомандированный къ князю Ивану Прозоровскому для переговоровъ со шведами, онъ овладѣваетъ всѣмъ дѣломъ, сносится непосредственно съ царемъ и получаетъ отъ него тайныя инструкціи, которыя выполняетъ единолично. Онъ одновременно даетъ от-

поръ своимъ противникамъ и своимъ начальникамъ. Послѣдніе обращаются съ нимъ свысока и оспариваютъ всѣ его дѣйствія. Не желая уступить, онъ проситъ и получаетъ отставку, но его карьера уже сдѣлана. Онъ не могъ помѣшать гибельному исходу дипломатической кампаніи, въ которой, изъ-за ненависти къ нему, Прозоровскій завелъ игру со шведами, занявшими къ тому же болѣе сильную военную позицію, но за то пріобрѣлъ себѣ довѣріе государя и сумѣлъ сохранить его надолго.

Уполномоченный выполнять другія порученія и находясь очень часто далеко отъ Москвы, гдѣ его многочисленные враги пользовались его отсутствіемъ, чтобы поколебать его положеніе, онъ однако мало-по-малу сумѣлъ пріобрѣсти такое довѣріе, что оказался внѣ соперничества, а затѣмъ подчинилъ себѣ свое номинальное начальство. Это былъ горячо преданный и убѣжденный человѣкъ, что является хорошимъ средствомъ и непремѣннымъ условіемъ для достиженія авторитета. Онъ былъ также человѣкъ авторитарный. Въ своей перепискѣ съ Алексѣемъ, онъ преувеличивалъ унизительность выраженій, называлъ себя уменьшительнымъ народнымъ именемъ „Аѳанаськи“, подчеркивая по примѣру большого числа соотечественниковъ, занимавшихъ даже болѣе высокое положеніе, низость своего происхожденія, онъ показываетъ видъ, будто можетъ дѣйствовать, даже думать только по указанію государя; говоритъ, что онъ является лишь послушнымъ выразителемъ его высокой воли, или вѣрнымъ истолкователемъ его неизрѣченной мудрости, но подъ покровомъ этой притворной лести онъ неуклонно и упорно преслѣдовалъ торжество своихъ идей и осуществленіе чисто личныхъ плановъ.

Выставляя себя твердымъ и горячимъ защитникомъ самодержавнаго принципа, Нащокинъ старается,—и ему часто удается это,—поставить самодержца въ зависимое положеніе. Онъ замѣняетъ его собою, стараясь при этомъ показать видъ, что желаетъ стушеваться. При чемъ каждый разъ даетъ жестоко почувствовать своимъ противникамъ то безспорное вліяніе, которымъ онъ обязанъ подобному маневру. Въ борьбѣ съ ними онъ пользуется всякимъ орудіемъ и умѣетъ при этомъ даже использовать неизвѣстность своего происхожденія. Сдѣлавъ изъ него то, чѣмъ онъ сталъ, государь не могъ вѣдь не защищать дѣло своихъ рукъ.

Ему везло такимъ образомъ до Андрусовскаго договора (1667 г.), покрывшаго его славою, но поведшаго однако къ паденію его карьеры. Когда положеніе стало труднымъ благодаря новой удачѣ польской арміи ему удалось добиться того, что въ ключѣ къ спорнымъ пунктамъ Украины, въ Кіевѣ, хотя и уступленномъ полякамъ, оставался въ теченіе двухъ лѣтъ московскій гарнизонъ. Нащокинъ предвидѣлъ, что по истеченіи этого срока обстоятельства позволятъ не считаться съ подписаннымъ договоромъ. Этотъ планъ былъ выполненъ; но такъ какъ отсюда вытекали нѣкоторыя затрудненія съ Польшею, противники Нащокина удвоили интриги. Чувствуя, что изъ его рукъ ускользаетъ нить переговоровъ, онъ проситъ въ 1671 году отставки и годомъ позже мы видимъ его замѣщеннымъ въ департаментѣ внѣшнихъ дѣлъ новымъ любимцемъ царя, Артамономъ Матвѣевымъ.

И это больше, чѣмъ немилость. Аѳанасій Леонтьевичъ не изъ тѣхъ тѣхъ людей, которые мирятся съ паденіемъ своего положенія. Свергнутый съ высоты, которой онъ достигъ, онъ старается стушеваться. Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мы его видимъ снова въ Псковѣ въ черной одеждѣ монаха. Конецъ довольно неожиданный для дипломата семнадцатаго вѣка, даже въ Москвѣ. Но передовой въ политическомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ своихъ замыслахъ и желаніяхъ,—въ нравственномъ отношеніи этотъ предшественникъ Петра Великаго принадлежалъ прошедшему. Онъ сохранилъ еще его живую вѣру и его обычаи.

Внѣшнія вліянія также были, кажется, не чужды этому преждевременному концу. Ордынъ-Нащокинъ былъ приверженцемъ англичанъ противъ голландцевъ, которыхъ преданный другъ Матвѣева, Богданъ Хитрово, поддерживалъ своимъ довольно прочнымъ положеніемъ въ интимномъ кругу друзей Алексѣя. Это соперничество, правда, скорѣе торговое, чѣмъ политическое, тѣмъ не менѣе играло не малую роль въ исторіи изучаемой нами эпохи.

III.

Англо-голландское соперничество.

Революція 1648 года и особенно смерть Карла I не могли не внести нѣкоторое охлажденіе въ отношенія Москвы

съ Англіей. Этимъ охлажденіемъ сумѣла очень искусно воспользоваться Голландія. Посланный въ 1745 году въ Лондонъ съ вѣстью о вступленіи на престолъ новаго царя, курьеръ Герасимъ Дохтуровъ былъ немало удивленъ, узнавъ, что короля нѣтъ въ столицѣ и что „не извѣстно, гдѣ онъ". По его возвращеніи было рѣшено отнять у этихъ мало освѣдомленныхъ островитянъ свободу торговли, которой они пользовались, и благодаря этому произошелъ форменный перерывъ сношеній на нѣсколько лѣтъ. Москва вступала въ сношенія лишь съ Карломъ II и даже оказала ему нѣкоторую денежную помощь.

Прибывъ въ 1654 году, чтобы объявить отъ имени Кромвелля о захватѣ имъ власти и просить о возобновленіи прежнихъ привилегій, дарованныхъ его соотечественникамъ, Вильямъ Придо встрѣтилъ самый нелюбезный пріемъ, при чемъ ему заявили, что польская война не даетъ возможности царю заниматься коммерческими дѣлами. Посланецъ между тѣмъ узналъ, что голландцы въ это время отъ нея вовсе не страдали, а тѣмъ болѣе Хитрово, прекрасно умѣвшій цѣнить голландскія экю.

Начиная съ 1660 года Москва имѣла въ Нидерландахъ даже постояннаго посла, при чемъ первымъ на этомъ посту былъ англичанинъ Джонъ Гебдонъ, ревностный сторонникъ Карла II. Обычай постояннаго представительства сталъ общимъ въ это время въ сношеніяхъ московскаго правительства со странами запада. Обмѣнъ агентами подобнаго рода съ Польшею состоялся лишь въ 1673 году, но уже съ 1655 года Павелъ Алепскій указываетъ на присутствіе въ Москвѣ консуловъ Англіи, Нидерландовъ и Швеціи.

Посредничество Монка, какъ это показалось вначалѣ, должно было распространить до отдаленнаго сѣвера новое вліяніе въ пользу англійскихъ интересовъ. Москва поспѣшно послала поздравленіе новому королю, при чемъ ея представитель, князь Петръ Прозоровскій, былъ принятъ въ Лондонѣ съ большими почестями и вернулъ даже безъ труда всѣ авансы, выданные Карлу II въ періодъ революціоннаго кризиса. Но онъ потребовалъ большаго, не менѣе „десяти тысячъ пудовъ экю", причемъ обязался возвратить ихъ московскими товарами. Карлъ извинился временной скудостью своей казны, обѣщалъ позже раздѣлить съ царемъ все, „что

онъ будетъ имѣть“ и взамѣнъ потребовалъ съ своей стороны того, чего не могъ добиться Придо.

Сдѣлка не состоялась, а попытка Прозоровскаго начать переговоры съ англійскими купцами о крупномъ займѣ не имѣла большего успѣха. Поэтому въ 1664 году, графъ Карлейль былъ уполномоченъ завязать съ Москвою прерванное „полюбовное соглашеніе“. Онъ сильно потратился, взявъ съ собою жену и дѣтей съ цѣлью произвести лучшее впечатлѣніе на жителей московскаго государства и сдѣлалъ это довольно героически въ виду трудностей, даже опасностей, встрѣчаемыхъ еще западными путешественниками на пути изъ Архангельска въ столицу царей.

Но голландцы, поддержанные Хитрово, были насторожѣ. Продавая тѣ-же товары дешевле англичанъ, уплачивая въ кассу государя пошлину въ 15 % со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, особенно же щедро вознаграждая вліятельныхъ лицъ при дворѣ, съ тѣмъ, чтобы они работали имъ на руку, они сумѣли отлично устроиться. Карлейлю поставили на видъ, что Англійская компанія, пользовавшаяся привилегіями, замѣшана была въ революціи, жертвою которой былъ Карлъ I; что черезъ нѣкоего Луку Найтингэля король самъ выразилъ желаніе, чтобы ее лишили ея привилегій и что отказать людямъ въ томъ, чего они просятъ, не есть лучшее средство заставить ихъ сочувствовать себѣ.

Найтингэль былъ, повидимому, авантюристомъ и обманщикомъ и Карлейлю не трудно было убѣдиться, что въ немъ сомнѣвались даже въ Кремлѣ. „Десять тысячъ пудовъ экю“ была такая сумма, которую нельзя было и думать получить отъ какого-либо изъ европейскихъ дворовъ и благородный лордъ легко убѣдился, что эти шаткіе аргументы служатъ лишь для замаскированія настоящихъ мотивовъ встрѣтившихся ему затрудненій. Препятствія были не таковы, чтобы онъ не могъ ихъ побѣдить, но, какъ большинство его соотечественниковъ, этотъ мужественный человѣкъ не отличался никакой гибкостью; онъ далъ это замѣтить, отвѣтивъ на нѣкоторые нелюбезные поступки еще менѣе любезными и уѣхалъ, не скрывая своего раздраженія.

За нимъ послали стольника Дашкова съ объясненіями, но ими не удовлетворились. Въ 1666 году Англія вела войну съ Нидерландами. Въ это время было сообщено въ

Лондонъ, что голландцамъ запрещается вывозить изъ Архангельска военный провіантъ. Начиная тогда въ Москвѣ свою блестящую карьеру, шотландецъ Гордонъ оказался очень пригоднымъ для этого порученія и, снова вступивъ на государственную службу, Джонъ Гебдонъ, въ 1667 году принялся сглаживать дурное впечатлѣніе, оставленное Карлайлемъ. Наконецъ оффиціальное назначеніе Нащокина на постъ управляющаго Посольскимъ Приказомъ положило конецъ голландской гегемоніи и вліянію Хитрово.

Но Аѳанасій Леонтьевичъ относился враждебно даже къ самому принципу всякой коммерческой монополіи для иностранцевъ, кто бы они ни были. Какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, онъ мечталъ для своей страны объ общей системѣ дипломатическихъ комбинацій, которая позволила бы ей войти на равныхъ правахъ въ концертъ европейскихъ державъ.

Подъ предлогомъ мирнаго трактата, подписаннаго съ Польшею, и ряда извѣщеній по поводу его болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ окончаніи конфликта дворовъ, онъ мечталъ вырваться изъ этого заколдованнаго круга англо-голландскихъ отношеній, и 25 августа 1647 года стольникъ Петръ Потемкинъ вмѣстѣ съ дьякомъ Румянцевымъ отплыли изъ Архангельска. На зафрахтованномъ по этому случаю суднѣ былъ грузъ икры для портовъ Италіи, но посольство должно было посѣтить Испанію и Францію и заключить съ этими странами коммерческіе договоры.

IV.

Первыя посольства во Франціи.

Эта миссія достигла Кадикса только въ первыхъ числахъ декабря и испытала рядъ разочарованій. Въ Мадридѣ Потемкину удалось лишь добиться обѣщанія обмѣна послами, которымъ не суждено было никогда получить назначеніе. Прибывъ въ 1668 г. въ іюнѣ на французскую границу, Московскіе посланники взволновали населеніе и привели въ смущеніе мѣстныя власти; ими не было получено ровно никакихъ инструкцій по поводу этихъ посѣтителей, которые претендовали на полное содержаніе. Въ Байоннѣ, заказавъ

обѣдъ въ девять блюдъ, согласно приведеннымъ нами выше обычаямъ во вкусѣ Пантагрюеля, Потемкинъ пришелъ въ негодованіе, когда ему подали счетъ въ 50 экю.

Его удивленіе и гнѣвъ еще болѣе увеличились, когда ему сообщили, что онъ обязанъ заплатить за право провоза находившихся въ его багажѣ товаровъ. Тогда еще не былъ изобрѣтенъ дипломатическій сакъ-вояжъ, и—заявили ему—также обходятся съ самимъ королемъ, когда онъ проѣзжаетъ Байонну.

Посланникъ позже получилъ обратно всѣ деньги, которыя ему пришлось уплатить. Но находя жизнь въ гостинницѣ очень дорогою, онъ рѣшилъ жить на открытомъ полѣ, и его палатка изъ затканнаго шелка, по персидской модѣ, возбуждала всеобщее любопытство. Потомъ были получены инструкціи отъ французскаго правительства, и въ Бордо, Пуатье, Блуа и Орлеанѣ его приняли уже съ почестями, соотвѣтствовавшими его рангу. Но переводчики, сопровождавшіе его, не знали ни слова по-французски, и пришлось прибѣгнуть къ помощи одного поляка, Урбановскаго, встрѣтившагося съ ними очень кстати въ Парижѣ и имѣвшаго раньше случай познакомиться съ Потемкинымъ въ Польшѣ.

Въ Парижѣ посольство было помѣщено въ домѣ, предназначенномъ для чрезвычайныхъ миссій и 25 августа 1668 г. оно получило торжественную аудіенцію у короля въ Сенъ-Жерменѣ.

Пріемъ со стороны Его Величества превзошелъ всякія ожиданія московитянъ и королева, присутствуя инкогнито при пріемѣ съ большой свитой дамъ, возбудила ихъ удивленіе тѣмъ, что показывалась иностранцамъ и совсѣмъ не пряталась отъ ихъ взглядовъ. Поднеся Людовику XIV дорогую саблю и грузъ соболей и горностаевъ, все время пользуясь услугами неизбѣжнаго Урбановскаго, Потемкинъ видѣлся съ Вильруа, Ліонномъ и Кольберомъ, но не имѣлъ достаточно полномочій отвѣчать на всѣ сдѣланныя ему предложенія.

Франція была склонна заключить договоръ на основаніи полной взаимной свободы торговли съ оплатой обычныхъ сборовъ; но, позволяя москвитянамъ свободно исповѣдывать свою вѣру и даже уступая имъ привилегію автономной

юрисдикціи, она требовала доступа на персидскіе рынки чрезъ московскую территорію и половиннаго обложенія пошлинами, какъ это было раньше съ англичанами. Такъ какъ инструкціи, данныя Нащокинымъ посланцамъ царя, не предвидѣли ничего подобнаго, то, какъ и изъ Испаніи, посольство должно было отправиться обратно въ Москву, куда не спѣшили пріѣхать и послы французскаго короля.

Совершивъ, по примѣру своихъ товарищей, нѣсколько неприличныхъ выходокъ, Потемкинъ самъ способствовалъ вѣроятно этой задержкѣ. Къ его личности былъ прикомандированъ одинъ дворянинъ, по имени Кате, который краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ въ дополненіи къ дневнику посольства. Мы читаемъ у него слѣдующее: „Вечеромъ того же дня ужинали лишь наполовину, такъ какъ посланникъ разгнѣвался на одного изъ своихъ дворянъ, ужинавшихъ съ нимъ и, чувствуя необходимость расправиться съ нимъ на свободѣ ударами палки, поднялся со стола, пригласилъ всѣхъ выйти изъ комнаты и удовлетворилъ свое желаніе“.

Потемкину пришлось однако вернуться во Францію. Въ 1681 году онъ опять увидѣлъ блескъ двора великаго короля, безъ сомнѣнія показавшійся ему чрезвычайнымъ, такъ какъ на этотъ разъ до отправленія въ Сенъ-Жерменъ, въ сопровожденіи маршала Д'Эстрэ, онъ позвалъ своего духовника и сталъ молиться. У порога дворца онъ почувствовалъ опять необходимость призвать къ себѣ на помощь небесныя силы, повторяя громкимъ голосомъ „Отче нашъ“ и читая псалмы. Людовикъ XIV выказалъ во всемъ блескѣ свою вѣжливость, но Его Величество рѣшило ограничить для нѣсколькихъ лицъ честь поцѣловать ему руку, а посланникъ требовалъ это преимущество для всѣхъ москвитянъ, находившихся въ его многочисленной свитѣ. Дорогіе соболи фигурировали, какъ и раньше, въ обязательномъ обмѣнѣ подарками, а щедрость Людовика XIV высказалась въ поднесеніи своего портрета, уложеннаго въ ящикъ, украшеннаго алмазами, вмѣстѣ съ двумя кусками златотканной матеріи и тремя коврами. Но отправленіе посольства въ Москву все еще было отсрочено и инструкція, данная Кольберомъ де-Круаси одному подчиненному агенту, долженствовавшему замѣнить его, передавала довольно точно, хотя и плохимъ языкомъ,

тайную мысль его правительства, которое не было склонно установить дружественныя сношенія между двумя странами.

„Нравы и традиціи французовъ, говорилось въ ней, настолько отличны отъ нравовъ и обычаевъ этой націи, что невозможно разсчитывать на продолжительность сношеній между этими двумя народами и потому означенный торговый договоръ неизбѣжно исчезъ бы самъ собою“.

Съ этой стороны соотечественники Потемкина были осуждены, на довольно долгое время, на неблагодарную роль тѣхъ, кто стучится и кому не открывается дверь. Въ другихъ мѣстахъ впрочемъ они встрѣтили въ это время гораздо менѣе нелюбезный пріемъ. Предпріимчивый и авантюристскій духъ великихъ итальянцевъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ, унаслѣдованный и потомками, доставилъ подданнымъ Алексѣя на берегахъ Средиземнаго и Адріатическаго морей болѣе благопріятный пріемъ, и въ частности Венеція въ своей борьбѣ съ турками должна была искать на отдаленномъ сѣверо-востокѣ большаго, чѣмъ простой возможности прибыльной торговли.

V.

Сношенія съ Италіей.

Къ несчастію, принципіально соглашаясь на коммерческій и политическій союзъ, обѣ стороны не могли столковаться на счетъ условій. Въ 1656 году Венеція думала получить противъ своихъ страшныхъ противниковъ помощь донскихъ казаковъ. Въ отвѣтъ на эти просьбы стольнику Чемоданову и дьяку Постникову было поручено просить у дожа ту финансовую помощь, которую государь тщетно искалъ въ Англіи. Они чуть не утонули, переплывая океанъ, въ Средиземномъ морѣ были захвачены турецкими корсарами и вернулись съ пустыми руками. Да и война достаточно опустошила сундуки синьоріи.

Попытка, возобновленная въ 1659 году въ Феррарѣ, не имѣла большого успѣха. Посланникъ Лихачевъ хвалился, будто онъ слыхалъ, какъ герцогъ Фердинандъ Медичи называлъ себя „рабомъ царя“, но не привезъ никакихъ звонкихъ доказательствъ такого лестнаго для царя настроенія.

Алексѣй однако не отчаивался. Побѣдивъ и расчленивъ Польшу, онъ хотѣлъ играть роль ея протектора, но отказался поддерживать ее собственнымъ войскомъ противъ мусульманскаго вторженія, угрожавшаго ей. Онъ рѣшилъ только доставить ей помощь другихъ христіанскихъ державъ и обратился къ Риму. Ватиканъ удостоился такимъ образомъ увидѣть у себя яраго католика Павла Менціеса, явившагося туда въ качествѣ представителя государя-схизматика! Въ сущности говоря, царь, поступая такимъ образомъ, просто лелѣялъ мысль добиться признанія своего титула, воображая не безъ нѣкоторой наивности, что одного его рвенія къ общимъ интересамъ христіанства достаточно для доставленія ему подобной чести.

Ловкость Менціеса потерпѣла двойное крушеніе. Западные христіане имѣли другія заботы, кромѣ защиты Польши противъ Турціи, а что касается вопроса о титулѣ, то Св. Престолъ лелѣялъ не менѣе химерическую надежду сдѣлать его предметомъ церковно-религіознаго договора. Вопросы этикета постоянно еще увеличивали недоразумѣнія. Будучи рьянымъ католикомъ, посолъ Алексѣя все-же долженъ былъ подчиняться его инструкціямъ, запрещавшимъ ему не только цѣловать ногу, но и руку папы и терпѣть, чтобы тотъ оставался сидѣть во время чтенія письма царя. Принятое послѣ острыхъ преній combinazione: колѣнопреклоненіе было замѣнено на практикѣ взаимнымъ рукопожатіемъ. Менціесъ горько жаловался на это кардиналу Альтіери и отказался принять письмо Климента X, который совершенно вопреки меморьялу, изданному по приказанію Его Святѣйшества и приписываемому аббату Скарлатти, не соглашался дать „герцогу Московіи“ просимаго титула.

Словомъ, и въ этомъ направленіи московская дипломатія ровно ничего не добилась. Послѣ цѣлаго ряда драматическихъ удачъ и неудачъ ей больше повезло на ея восточномъ полѣ дѣйствія.

VI.

Успѣхи на востокѣ.

Съ начала вѣка, подвергаясь набѣгамъ со стороны Персіи, страдая также отъ внутреннихъ междоусобій, парализо-

вавшихъ ея силы, раздѣленная на цѣлый рядъ княжествъ, готовыхъ вызвать одно противъ другого внѣшнее вмѣшательство, Грузія казалась Москвѣ соблазнительной добычею. Уже въ царствованіе Михаила передался Россіи кахетинскій царь Теймуразъ, а въ 1647 году онъ задумалъ отдаться со всею своею страною. Взамѣнъ онъ просилъ вспомогательнаго войска противъ персіянъ, большую сумму денегъ и руку царевны для своего внука. Великій царь былъ тогда очень занятъ внутренними дѣлами своей имперіи: онъ заставилъ его ждать до 1650 г. и разбилъ его мечты, пожаловавъ ему лишь нѣсколько соболей и прося для начала послать своего внука въ Москву.

— Чтобы женить его на царевнѣ?

— Я ничего не знаю объ этомъ,—отвѣчалъ ему представитель Алексѣя, Никифоръ Толочановъ.

Въ свою очередь и Теймуразъ не спѣшилъ, но въ 1653 году, когда его зять, имеретинскій царь Александръ, сдѣлалъ видъ, будто хочетъ опередить его въ этомъ отношеніи, Теймуразъ рѣшился и, четыре года спустя, изгнанный персіянами изъ своего царства, послѣдовалъ за своимъ внукомъ, все еще ожидавшимъ желанной супруги.

Алексѣй устроилъ несчастному царю пышный пріемъ и, когда тотъ склонился поцѣловать его руку, не допустилъ его до этого.

— Такъ какъ ты такой же христіанинъ, какъ я, ты долженъ цѣловать меня въ уста,—сказалъ онъ.

— Я только вашъ смиренный рабъ!

— Ты мнѣ подчинился по волѣ Бога, но такъ какъ ты государь и христіанинъ, то я обязанъ обращаться съ тобой, какъ съ братомъ.

И Теймуразъ повиновался этому „съ большимъ страхомъ“, по выраженію сообщающаго о свиданіи офиціальнаго документа.

Какъ самый характеръ Алексѣя, такъ и весь духъ политики, призванной стяжать однажды въ этой сферѣ отношеній самый блестящій успѣхъ, просвѣчиваютъ въ этой сценѣ.

Иванъ Хилковъ, которому было дано порученіе сговориться съ вѣнценоснымъ изгнанникомъ, выслушалъ трогательный разсказъ объ его несчастіяхъ. Взявъ въ плѣнъ мать

Теймураза, шахъ Аббасъ хотѣлъ ее принудить перейти въ мусульманство и послѣ отказа замучилъ ее ужасными пытками, приказавъ отрубить у нея обѣ груди. Тѣло несчастной было принесено сыну однимъ французскимъ торговцемъ. Плѣненные шахомъ, оба сына Теймураза были обращены въ евнуховъ. Отецъ просилъ 30.000 человѣкъ, чтобы отомстить за такое жестокое поруганіе и снова завладѣть своимъ наслѣдіемъ. Хилковъ вмѣсто всего великодушно предложилъ ему 6.000 рублей. Грузинъ былъ пораженъ.

— Что же я буду дѣлать съ этими деньгами? Я лучше употреблю ихъ тутъ на обѣдни!

Хилковъ стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что царь напишетъ шаху, чтобы тотъ пересталъ безпокоить своего сосѣда. Теймуразъ печально покачалъ головою.

— Царь уже писалъ!

Онъ отправился, однако, чтобы предпринять безнадежную борьбу и былъ въ свою очередь взятъ въ плѣнъ Аббасомъ.

Весьма желательное для Москвы вмѣшательство въ дѣла Закавказья затруднялось дружественными отношеніями, поддерживаемыми съ Персіей, которыя она желала сохранить. Изъ этой страны Москва получала различные продукты, особенно селитру, потребляемую въ Москвѣ все въ большемъ количествѣ. Конкуренція между англійской и армянской компаніями, оспаривавшими персидскіе рынки, также давала казнѣ царя значительные доходы. Такимъ образомъ разрѣшеніе грузинской проблемы было отложено на далекое будущее.

Дальше на сѣверъ, въ обширныхъ степяхъ, населенныхъ калмыками и башкирами, успѣхи московскаго вліянія и колонизаціи встрѣчали гораздо менѣе препятствій. Въ началѣ условія соглашенія, и съ той и съ другой стороны, давали мѣсто нѣкоторымъ спорамъ. „Покровительства“!—требовали начальники дикихъ племенъ, понимая подъ этимъ, чтобы „бѣлый царь“ взялъ подъ свою защиту обычаи кочевой жизни и грабежи, отъ которыхъ они не хотѣли отказаться. „Подчиненія“!—отвѣчали имъ на ихъ просьбу посланцы государя. Ихъ встрѣчали плохо и съ трудомъ имъ удавалось спасать свою жизнь. Отправляясь вдоль Яика (Урала) и его притоковъ, расходясь въ уѣздахъ Уфимской области, доходя до

Казани и Самары, эти просители представляли опасность для крайнихъ областей имперіи, уже пріобщенныхъ культурѣ.

Въ 1657 году, однако, четыре калмыцкихъ тайши предложили свои услуги противъ крымскихъ татаръ и ихъ союзниковъ, башкиръ. Съ ними заключили договоръ послѣ цѣлаго ряда затрудненій, вызванныхъ вопросомъ о жалованьи, и такимъ образомъ Москва, поставивъ ихъ въ качествѣ сторожей по берегу Чернаго моря противъ турецко-татарскихъ племенъ и номадовъ монгольской расы, добилась временнаго спокойствія на своихъ границахъ.

Ея новыя завоеванія въ Сибири также находились въ опасности. Отступая передъ монголами и киргизъ-кайсаками, давившими ихъ съ двухъ сторонъ, калмыки и башкиры искали убѣжища на верхнемъ теченіи Иртыша, Ишима и Тобола, гдѣ стала твердою ногою въ это время Москва. Покоренное, но переносившее очень нетерпимо иго своихъ новыхъ господъ, мѣстное населеніе принимало этихъ иммигрантовъ въ качествѣ освободителей и съ 1634 по 1664 годъ, среди постоянныхъ возстаній, былъ осажденъ Тюмень, Тобольску угрожала осада, въ Пустозерскѣ и Мангазеѣ гарнизоны и сборщики ясака (податей) пали жертвами массовыхъ избіеній. Гарнизоны были слабы, а въ рукахъ осаждающихъ уже появилось огнестрѣльное оружіе, купленное въ Томскѣ.

Между тѣмъ къ концу этого періода башкиры и калмыки продолжали истреблять другъ друга, и Москва, искусно пользуясь этими внутренними раздорами, достигла извѣстнаго прогресса въ распространеніи цивилизаціи. Но въ то же время покорители Сибири не переставали расширять захваченныя ими границы.

VII.

Покореніе Сибири.

При наличности все тѣхъ же незначительныхъ силъ, горсточками казаковъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ, движеніе впередъ не прерывалось здѣсь, однако, въ двухъ направленіяхъ—на востокъ и на сѣверъ. Оно представляетъ собою одно изъ чудесъ исторіи и обнаруживаетъ въ народѣ, показавшемъ себя способнымъ къ нему,

наличность совершенно своеобразныхъ способностей и удивительной доблести. Начиная съ конца царствованія Михаила, атаманъ Колесниковъ отправился изъ Енисейска для рекогносцировки озера Байкала; онъ выстроилъ фортъ на Ангарѣ, наложилъ ясакъ на бурятовъ и прибрежныхъ тунгузовъ и узналъ отъ нихъ, что серебряные и золотые рудники, которые онъ надѣялся открыть въ этихъ областяхъ, находятся... въ Китаѣ.

Енисейскъ былъ основанъ лишь въ 1619 году. Въ 1661 году послѣ Якутска (1632 г.) былъ основанъ Иркутскъ и тотчасъ же отряды русскихъ, идя по берегу Байкала, по теченію Витима, Шилки, Селенги и другихъ рѣкъ, добрались до Ледовитаго Океана на сѣверъ, до Амура на югъ и до Охотска на востокъ. Собственно основаніе Охотска относится къ 1638 году, а оттуда московиты достигли уже Колыма. Въ 1648 году нѣкій Семенъ Дежневъ, выйдя въ море черезъ устье этой рѣки, былъ унесенъ бурею и очутился въ Анадырскомъ заливѣ, т.-е. онъ переплылъ до Беринга тотъ проливъ, который носитъ имя этого изслѣдователя.

Открытію Анадыра предшествовало открытіе Амура. Въ 1643 году, получивъ извѣстіе, что серебряные рудники находятся въ бассейнѣ Шилки, при устьѣ Уры, воевода Якутска, Петръ Головинъ, направилъ туда отрядъ въ сто тридцать три человѣка подъ начальствомъ Василія Пояркова. Это было славное имя среди другихъ именъ. Маленькій отрядъ спустился по Ленѣ, поднялся по Алдану, достигъ Зеи по сушѣ, прошелъ черезъ горы, носящія теперь названіе Станового Хребта (съ тѣхъ поръ уже никто не совершалъ подобнаго перехода) и достигъ моря, спустившись по рѣкѣ, думая, что это Шилка, хотя на дѣлѣ то былъ Амуръ.

Поярковъ провелъ зиму около устья Амура. Лѣтомъ этотъ неустрашимый путешественникъ дошелъ по морю до устья Улы, потомъ по сушѣ до Майи, притока Алдана, и только въ 1646 году, послѣ трехъ лѣтъ отсутствія, явился въ Якутскъ, принеся съ собою большую добычу изъ соболей, но потерявъ восемьдесятъ человѣкъ, изъ которыхъ двадцать пять было убито въ сраженіяхъ съ прибрежными жителями Амура, а остальные—умерли съ голоду. Его спутники впрочемъ жаловались на своего начальника, разсказывая почти невѣроятныя вещи о его жестокости и жадности. По ихъ

словамъ, онъ даже уничтожилъ часть провіанта съ тѣмъ, чтобы продавать подороже остатокъ своему отряду, и постоянно самымъ варварскимъ образомъ обращался съ туземцами, хотя они и оказывали ему самый радушный пріемъ.

Это былъ, вѣроятно, грубый и жестокій человѣкъ, какимъ и слѣдуетъ быть для предпріятія подобнаго рода и, считаясь съ трудностями, съ которыми имъ приходилось бороться, московское правительство тоже не выказывало себя слишкомъ разборчивымъ въ выборѣ средствъ для подобныхъ начальниковъ экспедицій. Въ инструкціяхъ, данныхъ сибирскимъ воеводамъ, часто рекомендуется привлекать дарами и милостями самыхъ вліятельныхъ туземцевъ, а потомъ ихъ уничтожать. И документы эти даже не были секретными.

Поярковъ между тѣмъ не былъ совсѣмъ дикаремъ. Грамотный, онъ оставилъ послѣ себя описаніе своего путешествія, написанное на корѣ или на деревянныхъ дощечкахъ. Сохраняясь до недавняго времени въ Якутскѣ, они погибли во время пожара. Его попытка возобновлена въ 1648—1650 годахъ другимъ смѣлымъ путешественникомъ, Ерофеемъ (Ярко) Хабаровымъ, шедшимъ болѣе короткимъ путемъ. Съ нѣсколькими казаками, ста шестьдесятью волонтерами и тремя пушками онъ занялъ Абазинъ, на Амурѣ, выдержавъ при этомъ противъ дауровъ, старыхъ аборигеновъ этой мѣстности, кровавую битву, стоившую ему двадцати человѣкъ. Онъ думалъ основаться въ этой мѣстности, когда въ 1652 году увидѣлъ отрядъ, вооруженный также ружьями и пушками. То были манджурскіе солдаты, посланные однимъ китайскимъ губернаторомъ! Москва столкнулась съ огромною азіатскою имперіей, сдѣлавшись ея сосѣдкою.

VIII.

Первыя сношенія съ Китаемъ.

Эта встрѣча сначала сопровождалась удачею европейцевъ: ихъ артиллерія многимъ превосходила азіатскую. Вскорѣ послѣ этого однако, когда этимъ неожиданнымъ противникомъ были предприняты наступательныя дѣйствія, Хабаровъ счелъ за лучшее отступить. По дорогѣ часть его

казаковъ возмутилась и оставила его. Совершенно неизвѣстно, что сталось съ этими дезертирами. Съ остальнымъ своимъ отрядомъ Хабаровъ поднялся по Амуру до устья Камары и построилъ тамъ фортъ, который долженъ былъ носить его имя и сдѣлаться впослѣдствіи главною стоянкою русскихъ на большой рѣкѣ. Разрушенный вскорѣ китайцами и вновь построенный Онуфріемъ Степановымъ, онъ представлялъ сначала для московской колонизаціи довольно непрочный опорный пунктъ: въ 1658 году Степановъ былъ тамъ убитъ съ двумястами семьюдесятью человѣками гарнизона, а двумстамъ двадцати семи удалось спастись на одной лодкѣ. Къ тому времени изъ Москвы отдано было приказаніе укрѣпиться по возможности на Шилкѣ и по верхнему теченію Амура, гдѣ енисейскій воевода, Афанасій Пашковъ, дѣйствительно занялся возстановленіемъ цѣлаго ряда мѣстъ, оставленныхъ туземцами: Нерчинска, при соединеніи Нерги и Шилки, Албазина и другихъ. Въ 1685 году Албазинъ раздѣлилъ участь Хабаровска, и русскій флагъ исчезъ на этотъ разъ на нѣкоторое время изъ всей области. Но къ этому времени московское правительство уже стало стремиться завязать переговоры съ Китаемъ.

Первая попытка, предпринятая въ этомъ направленіи въ 1656 году, натолкнулась въ Пекинѣ, какъ и въ Римѣ, на конфликтъ по поводу этикета: посланецъ царя, Ѳеодоръ Байковъ, долженъ былъ взять обратно свои ввѣрительныя грамоты, такъ какъ онъ отказался передать ихъ кому бы то ни было, кромѣ самого богдыхана. Его преемники воспользовались въ третьей четверти семнадцатаго вѣка затрудненіями, въ которыхъ находилась юная манджурская династія, представленная знаменитымъ Канъ-Хи (1662—1722 гг.), а въ 1675 году грекъ Николай Спафари сумѣлъ заинтересовать въ успѣхахъ своей миссіи іезуитовъ, находившихся въ то время въ Пекинѣ. Богдыханъ удостоилъ его двухъ аудіенцій, разспрашивая съ любопытствомъ о лѣтахъ Алексѣя, его внѣшнемъ видѣ, продолжительности его царствованія, потомъ перешелъ къ личнымъ вопросамъ.

— Изучалъ ты философію, математику и тригонометрію?

Канъ-Хи хвалился, что его научили этимъ наукамъ отцы, присутствовавшіе при аудіенціи колѣнопреклонные. Они не безъ труда склонили посланника послѣдовать ихъ примѣру.

Удовлетворившись полученными отвѣтами, Сынъ неба пригласилъ Спафари откушать и великолѣпно его угостилъ не только чаемъ, приготовленнымъ по-татарски съ молокомъ и масломъ, но и всяческими явствами, приправленными виномъ: фабрикуемое также іезуитами, оно, кажется, соперничало съ лучшими рейнскими винами.

Результаты посольства однако не соотвѣтствовали явившимся благодаря этимъ любезностямъ ожиданіямъ. Спафари вынужденъ былъ даже отказаться принять отвѣтъ Канъ-Хи на письмо Алексѣя: подарки царя были отожествлены въ немъ съ данью и „Богдыханъ“ считалъ свои собственные чѣмъ-то вродѣ жалованья! Описаніе этого путешествія, составленное самимъ посланникомъ и снабженное очень любопытными рисунками и планами, должно быть разсматриваемо, какъ единственный и самый ясный результатъ этого посольства.

Такимъ образомъ были однако поставлены уже вѣхи на пути, по которому, какъ по кровавой бороздѣ, проложенной Поярковымъ и Хабаровымъ черезъ сибирскія равнины и горы, Россія приготовляла себѣ лучшее и грандіозное будущее. Реклю показалъ въ краснорѣчивыхъ цифрахъ ея успѣхи, начавшіеся довольно скромно и закончившіеся чрезвычайнымъ расширеніемъ границъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ до конца царствованія Алексѣя.

	Поверхность.
Конецъ царствованія Ивана III (1505 г.).	40,000 кв. лье.
„ „ Ивана IV (1584 г.).	75,000 „ „
1613 г.	156,000 „ „
Конецъ царствованія Михаила. . .	225,000 „ „
„ „ Алексѣя. . .	264,000 „ „

Въ настоящее время 400,000 кв. лье (22,000,000 километровъ).

Пріобрѣтенія во время царствованія Алексѣя занимаютъ на первый взглядъ довольно мало мѣста въ этомъ спискѣ, но значеніе этихъ пріобрѣтеній огромно по ихъ качеству; и въ общемъ энергія, развитая въ этомъ направленіи, является настоящимъ чудомъ, настолько она не соотвѣтствуетъ тѣмъ средствамъ, которыя могли быть пущены въ ходъ.

IX.

Политика расширенія.

Въ царствованіе Алексѣя, какъ и при его непосредственныхъ предшественникахъ, Москва, продолжая чрезвычайно быстро и во всѣхъ направленіяхъ расширяться, была далека отъ закрѣпленія даже въ Европѣ неприкосновенности своихъ до того пріобрѣтенныхъ границъ. Ей не удавалось даже укрѣпить ихъ прилично, потому-что расширяя ихъ постоянно, смотря по обстоятельствамъ, то быстро, то медленно, она не могла даже думать объ этомъ. На югѣ такъ называемая бѣлгородская линія, имѣя опорнымъ пунктомъ городъ того же названія по верхнему теченію Донца, постоянно расширяла свои границы въ сосѣднюю степь, разбрасывая по ней цѣлый рядъ другихъ маленькихъ авангардныхъ постовъ: на западѣ—Олешну, Вольный Хотмійскъ, Болховъ; на востокѣ—Корочу, Яблоновъ, Новый Осколъ, Усердъ, Острогайскъ, Коротоякъ, Воронежъ, Орловъ, Козловъ.

На юго-западѣ эта линія тянулась до Украйны, такъ называемой Украйны слободъ, или автономныхъ мѣстечекъ. Это былъ центръ сбора малорусскихъ эмигрантовъ, переходившихъ изъ польскаго подданства въ русское. На другой день послѣ пораженія Хмѣльницкаго подъ Берестечкомъ (1651 г.), это переселенчество вызвало возникновеніе важныхъ поселеній. Въ эту эпоху былъ основанъ Харьковъ среди цѣлой группы быстро заселявшихся маленькихъ городковъ: Сумъ, Ахтырки, Лебедина, Изюма.

Прерванное нѣсколько позже присоединеніемъ украинской Малороссіи къ Москвѣ, это эмиграціонное движеніе снова началось съ той же интенсивностью, благодаря побѣдамъ намъ поляками и происшедшему раздѣленію Украйны, такъ что часть этой области, оставшаяся за Польшею, оказалась обращенною въ пустыню.

Въ восточной области, за Волгою и Камою, линія укрѣпленныхъ мѣстъ, создавшаяся въ предшествующія царствованія и предназначенная для сдерживанія или подчиненія себѣ башкиръ и другихъ инородцевъ, сосѣднихъ съ Ураломъ, подвинулась также впередъ въ царствованье Алексѣя: послѣ

Уфы, она выдвинула Сергіевскъ и Кунгуръ. Но повсюду прогрессъ культуры отставалъ отъ этого процесса расширенія, парализованный постоянными набѣгами разбойничьихъ шаекъ, которымъ не могла противостоять слишкомъ слабая защита гарнизоновъ. Не будучи въ состояніи предпринять рѣшительный походъ противъ татаръ, правительство Алексѣя не смогло даже, несмотря на нѣкоторыя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, противопоставить имъ то орудіе подвижной защиты, которое въ наше время примѣняется съ такимъ успѣхомъ Франціей на алжирской границѣ и которое въ то время само собой рекомендовалось вниманію московскихъ завоевателей. Отряды легкой кавалеріи были уже готовы къ выполненію этой задачи, но тутъ потребовались всѣ наличныя силы для войны противъ Польши, имѣвшей цѣлью возвращеніе Украйны и литовскихъ областей, и она разстроила организацію этихъ формацій. А съ другой стороны требовала своей доли вниманія и Азія.

Въ такихъ условіяхъ, оставаясь вѣрной унаслѣдованной ею программѣ, политика расширенія, проводимая Алексѣемъ, приняла характеръ настоящаго парадокса. То обстоятельство, что его страна могла побѣдоносно выдержать это второе испытаніе, свидѣтельствуетъ безусловно о чрезвычайно крѣпкой и прочной силѣ. Ей не удалось заняться въ одно и то же время, какъ это слѣдовало бы, двумя возложенными на нее задачами, изъ которыхъ одна господствовала надъ другою: дѣломъ расширенія и цивилизаціи. Она придала зданію своего могущества очень непрочное основаніе со всѣми элементами слабости и безпорядка, до сихъ поръ еще тормозящими ея развитіе. Тѣмъ не менѣе страна эта проявила гигантскую энергію. Сравнивать ее, какъ это дѣлаетъ Ключевскій съ птицею, увлеченной ураганомъ, которому не могутъ противустоять ея слабыя крылья, значитъ пожертвовать красивому образу исторической правдой. Сравненіе это предполагаетъ вмѣшательство какого-либо внѣшняго фактора, котораго въ данномъ случаѣ нельзя ни открыть, ни представить себѣ. Какъ и политика предшественниковъ, политика Алексѣя была и въ этомъ отношеніи лишь выразительницей національной тенденціи. Первыми шагами своими покореніе Сибири было обязано частной иниціативѣ. Это самъ народъ при послѣднихъ Рюриковичахъ и первыхъ

Романовыхъ, соизмѣряя „не предпріятія съ силами, а силы съ предпріятіями“ по смѣлому совѣту, данному Мицкевичемъ своимъ соотечественникамъ, задумалъ, захотѣлъ, дерзнулъ и совершилъ все это.

Цѣною какихъ жертвъ, благодаря какимъ разрушительнымъ силамъ, разоружившимъ въ ея пользу ея опасную соперницу на славянскомъ западѣ, объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Возстановленіе націи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Польско-русская Украйна.

1. Украйна.—2. Смѣшеніе расъ.—3. Украинскіе казаки.—4. Запорожскіе рыцари.—5. Польская культура.—6. Украинская проблема.—7. Національный и религіозный вопросы.

I.

Украйна.

Украйна или Окраина означаетъ собою пограничную страну. Еще теперь русскіе называютъ такимъ же образомъ различныя окраинныя части своей имперіи: польскія губерніи, Закавказье, Средне-азіатскія владѣнія. Въ старину такое названіе служило въ частности для обозначенія обширнаго пространства съ неопредѣленными границами, которое, развернувъ свой равнины по нижнему теченію Дуная до Днѣпра и Дона, касаясь съ одной стороны Карпатъ, а съ другой простираясь вдоль Чернаго моря, представляло въ одно и то же время нѣчто вродѣ нейтральной почвы между сосѣдними странами и связущій пунктъ между Европой и равнинами Средней Азіи.

По этому пути нѣкогда азіатская жизнь проникала въ европейскій міръ и здѣсь-то именно два теченія, цивилизація и варварство, явившись съ того и съ другого континента, встрѣчались и сталкивались съ ужасною силою. Этимъ путемъ съ востока проникали на западъ перелетныя птицы, саранча, кочевыя племена, монгольскія арміи и чума. Съ запада съ цѣлью остановить варваровъ передъ угрожаемыми очагами культуры, защитники цивилизаціи выходили

на это поле битвы, гдѣ непрерывно встрѣчались арміи древности и современныхъ эпохъ, начиная съ Дарія и Кира и до польскихъ легіоновъ. По словамъ одного поэта, „на этой нивѣ, вспаханной лошадиными копытами, унавоженной человѣческими трупами, усѣянной бѣлыми костями, орошенной горячимъ дождемъ крови, выросла жатва печали“ [1]).

Будучи пограничной страною, Украйна часто мѣняла какъ свои границы, такъ и своихъ господъ. Не имѣя исторически извѣстныхъ владѣтелей до водворенія варяжскихъ князей въ Кіевѣ, включенная позже, до Карпатовъ и Дона, въ составъ русскаго государства Владиміромъ (980—1054 гг.) въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка (1319—1333 гг.) она вышла изъ этой аггрегаціи и досталась Литвѣ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ новый поворотъ судьбы снова перемѣнилъ ея участь, и до взятія Константинополя турками она, открывая имъ доступъ въ Молдавію, Валахію и даже на берега Днѣстра, на всю огромную территорію между этою рѣкою, Днѣпромъ и Чернымъ моремъ, увеличила собою владѣнія Польши въ литовско-польской федераціи, которую создало вступленіе Ягелло во владѣніе наслѣдіемъ Пястовъ. Во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка, сѣверо-восточная граница обѣихъ странъ находилась въ 150 километрахъ отъ Москвы! На юго-востокѣ прибрежные города Бѣлгородъ, Очаковъ, Кочубей являлись польскими портами. Отправляя отсюда огромные транспорты хлѣба въ Грецію, они создали состояніе большаго количества польскихъ фамилій: Бучацкихъ, Ясловецкихъ, Сенявскихъ, владѣвшихъ обширными сосѣдними областями.

Между тѣмъ, со второй половины того же вѣка, побѣдоносное и разрушительное вторженіе оттоманской державы положило конецъ этому многообѣщавшему возрожденію. Заставляя постоянно отступать польскую оккупацію, оно ограничило ее на югѣ окрестностями Кіева, Брацлава и Бара. За ними и до моря оно оставило внѣ власти султана лишь обширныя степи, отнынѣ совершенно некультивированныя, такъ называемыя „дикія поля“ (dzikie pola), гдѣ только кое-гдѣ сохранились еще слѣды древнихъ человѣческихъ селеній.

---

[1]) Мицкевичъ.

Еще позже во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка, подъемъ польскаго господства и польской культуры обнаружился снова въ тѣхъ же мѣстахъ, никогда уже не достигая, однако, прежнихъ размѣровъ и въ это время названіе „Украйна“ прилагалось вообще поляками къ этой части ихъ владѣній, но всегда въ довольно общей формѣ. Оффиціально это названіе появляется впервые въ „конституціи“ 1530 года (Volumina legum, II, 1320); но позже имъ еще пользовались довольно неопредѣленно, когда говорили о „безконечномъ пространствѣ“, по ту сторону Случи и Мурахвы, въ бассейнѣ Днѣпра и Буга, до раздѣленія водныхъ путей съ Донцомъ и „Очаковскими степями“. Въ однихъ палатинатахъ Кіева и Брацлава насчитывалось 2,183 квадратныхъ лье, но вмѣстѣ съ черниговскимъ княжествомъ въ эту цифру включались часто и другія области.

Происхожденіе и этническій характеръ населенія этой страны не легко поддается опредѣленію. Легенда открываетъ тамъ великановъ, viéletni, viélinianié (великановъ по-русски, wielki—по-польски) и обровъ (olbrzym—великанъ по-польски и по-чешски). Шафарикъ находитъ тотъ же корень въ названіи Анты, которое дано было въ Германіи тому же населенію.

Въ сѣверной части страны, какъ менѣе дикой, это населеніе, повидимому, рано обнаруживало наклонность къ промышленности, но въ то же время черты изнѣженности и сибаритизма выступали въ немъ очень замѣтно. Кіевскія женщины слыли кокетками и щеголихами и Болеславъ Польскій, явившись въ этотъ городъ въ 1706 году на помощь русскому князю Изяславу, нашелъ тамъ настоящую Капую. Въ царствованіе первыхъ князей изъ дома Рюрика жизнь въ этой странѣ производитъ впечатлѣніе постояннаго праздника. Въ эпическихъ пѣсняхъ, относящихся къ этой эпохѣ, воспѣваются лишь пиры, за которыми возсѣдалъ Владиміръ „Ясное Солнышко“ и герои и героини этого эпоса отличаются не только храбростью, но и распутствомъ; таковъ былъ Чурило Пленковичъ, настоящій типъ воинственнаго Донъ-Жуана, такова также жена Дуная, обнаруживающая удивительную ловкость въ стрѣльбѣ изъ лука, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣющая унизить мужа и другимъ способомъ. Глубоко демократическій духъ, кажется, былъ свойственъ этому

нарождающемуся обществу. Противупоставленные герцогамъ и королямъ любимцы легенды всегда темнаго происхожденія, сыновья мужиковъ и бѣдняки. Единственнымъ культомъ, царившимъ среди нихъ до самаго введенія христіанства, является культъ силы. Позже, столкнувшись другъ съ другомъ, эти два принципа создаютъ какую-то смѣшанную культуру и Кіевъ, эта эфемерная столица имперіи, основанной на насиліи, и очагъ интенсивной религіозной жизни, любимое мѣсто для оргій, гдѣ побѣдоносные казаки семнадцатаго вѣка будутъ соперничать съ варяжскими побѣдителями десятаго вѣка, и центръ паломничества, отразилъ въ себѣ всѣ эти различныя настроенія. Но вмѣстѣ съ нормандскою побѣдою, предшествующею польскому завоеванію, въ эту среду проникли и другіе элементы: греки, шведы, датчане, поляки, нѣмцы, евреи, болгары, и ихъ наплывъ, шедшій неудержимымъ потокомъ, никогда не прекращался.

Каково же было мѣстное коренное населеніе, если таковое существовало, и какія отношенія установились между нимъ и этими иммигрантами?

II.

Смѣшеніе расъ.

Русскіе историки, весьма склонные признавать этническое единство этихъ областей съ ихъ отечествомъ, сами по большей части признаютъ существованіе тамъ въ прошломъ древняго народа, который долженъ былъ предшествовать нормандскому завоеванію и который еще теперь ярко выдѣляется въ имъ же созданной общинѣ. Этотъ народъ по прежнему занимаетъ большую часть древней „Украйны“, половину Галиціи и Буковины, Люблинскую губернію въ царствѣ Польскомъ, Волынскую, Подольскую и Кіевскую губерніи, часть губерній Ковенской и Минской, цѣлыя губерніи: Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую и область Войска Донского. Онъ населяетъ также въ значительной степени Воронежскую, Курскую и Херсонскую губерніи. Институты этого народа встрѣчаются, наконецъ, въ губерніяхъ Саратовской, Астрахан-

ской, Самарской и Оренбургской. Называясь теперь малороссами, украинцами, русинами, черкасами, русинскими хохлами или просто русскими, представители этой расы могли быть связаны своимъ происхожденіемъ съ легендарными племенами девятаго вѣка, Vielinianié или съ Обрами, о которыхъ уже было упомянуто выше; они извѣстны еще подъ именемъ дулебовъ въ западной Волыни, бужанъ на берегахъ Буга, тиверцевъ на Днѣстрѣ или улечей, угличей при впаденіи этой рѣки въ море, хорватовъ по сосѣдству съ Галиціей, древлянъ въ теперешнемъ Полѣсьѣ, полянъ на Днѣпрѣ и т. д. И такимъ образомъ Россія раздѣлена на двѣ части.

По мнѣнію историковъ школы Погодина, одно изъ этихъ племенъ, отброшенное съ юга на отдаленный сѣверъ, къ озеру Ильменю, по всей вѣроятности восточнаго происхожденія, основало Новгородъ, тогда какъ поляне выстроили Кіевъ. Съ теченіемъ времени всѣ племена того же происхожденія раздѣлились на три разныя группы, хотя этнически и тождественныя: русскихъ юга, бѣлоруссовъ и великоруссовъ. Національное единство должно было такимъ образомъ взять верхъ надъ видимой разноплеменностью. Но такой генезисъ является совершенно невѣроятнымъ.

Названіе „руссъ“ происходитъ несомнѣнно отъ нормандскаго корня. Посланцы Олега въ Константинополѣ—Имегальдъ, Руальдъ, Фарловъ, Карнъ, Фрелавъ—не были, конечно, славянами. Норманы, побѣдители Новгорода и Кіева, назвались здѣсь русскими такъ же, какъ они назвались шведами, англичанами или готами, и только ихъ побѣда на сѣверѣ, какъ и на югѣ, соединила на время, путемъ насилія, распылившіеся подчиненные народы, какъ позже, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, разложеніе имперіи Мономаха вернуло ихъ къ ихъ первоначальной гетероморфіи.

Были ли эти народы, которымъ норманскій цементъ придалъ эфемерную прочность, общаго происхожденія и была ли ихъ общность славянскою? И это не менѣе проблематично. Въ эпоху, предшествующую норманской побѣдѣ, Несторъ не знаетъ славянъ въ окрестностяхъ Кіева. Онъ указываетъ, что они почти всецѣло сосредоточились въ области Двины и верхняго Днѣпра, Ильменя и Днѣстра, и послѣдній историкъ, занявшійся этимъ вопросомъ, несмотря на крайне

тщательное его изученіе, Грушевскій, не пришелъ ни къ какому рѣшительному выводу. Украйна была заселена еще до того, какъ въ нее проникли норманы, а это коренное населеніе принадлежало къ индоевропейской расѣ,—вотъ все, что онъ осмѣливается утверждать, принимая только, какъ нѣчто вѣроятное, развѣтвленіе этихъ народовъ отъ славянскаго элемента.

Не менѣе вѣроятно и то, что съ самаго начала та историческая индивидуальность, которая потомъ стала Россіей Петра, нашла въ этой области свой первый центръ; она тутъ сформировалась, какъ нація, и тутъ же оставила славныя воспоминанія и глубокій слѣдъ особеннаго генія. Цѣнность этихъ фактовъ не можетъ быть оспариваема. Позднѣйшее литовское завоеваніе, сопровождавшееся расцвѣтомъ польской культуры, создало и другіе, которыхъ нельзя игнорировать, но для развитія ихъ не было достаточно времени. Кіевъ не можетъ отречься отъ своего русскаго прошлаго, гдѣ блистали имена Владиміра, Игоря и Ольги, являлось ли оно историческимъ или легендарнымъ. Польская оккупація не дала ничего подобнаго этой чудесной эпопеѣ и, если принять во вниманіе славныя предшествовавшія событія десятаго вѣка, побѣдоносное возвращеніе русской власти въ этотъ древній очагъ должно было принять въ семнадцатомъ вѣкѣ характеръ реванша и законнаго возвращенія своей собственности. Поляки могли бы согласиться съ этимъ, нисколько не оскорбляя своего чувства гордости. Они въ этой области сдѣлали много, да и могутъ выставлять болѣе основательныя претензіи въ другихъ мѣстахъ. Что же касается вопроса, къ какой семьѣ принадлежали мѣстные аборигены, дѣятельныя или пассивныя жертвы той долгой борьбы расъ, которая продолжается еще и на нашихъ глазахъ,—то это является проблемою, которая, вѣроятно, не будетъ разрѣшена никогда; ея важность, впрочемъ, очень преувеличена. Развѣ одинъ польскій ученый, профессоръ краковскаго университета, не выставилъ гипотезу, что общею колыбелью всѣхъ славянскихъ расъ былъ центръ современной Россіи? И развѣ его соотечественники побили его за это камнями? По этой гипотезѣ даже поляки береговъ Вислы или Варты происходятъ оттуда же. На берегахъ Днѣпра русскіе и малороссы боролись вѣками

противъ ненавистныхъ имъ Ляховъ (поляковъ), видя въ нихъ ярыхъ враговъ своей національности. А по словамъ Ростафинскаго, первые Ляхи, извѣстные намъ, были русскіе.

Въ началѣ семнадцатаго вѣка, въ ту эпоху, къ которой слѣдуетъ обратиться, чтобы собрать объ этой спорной странѣ менѣе проблематичныя данныя, Польша уже начала распространять въ ней свое господство, при чемъ юго-восточныя границы ея владѣній обозначались рядомъ укрѣпленныхъ городовъ: Остромъ, Кіевомъ, Каневомъ, Черкассами, Бѣлой-Церковью, Брацлавомъ и Винницею, также какъ и военными пунктами въ Васильковѣ, Корсуни, Переяславлѣ на мѣстѣ прежнихъ разрушенныхъ крѣпостей. Дальше, въ томъ-же направленіи, Баръ и Хмѣльникъ представляли изъ себя аванпосты въ области вновь предпринятой колонизаціи. Еще дальше и до самаго Чернаго моря, черезъ теперешнія губерніи Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую и южную часть губерній Черниговской, Кіевской и Подольской,—простирались „дикія поля", область почти пустынная зимою или населенная одними медвѣдями (ursi campestres), выдрами, зубрами, лосями, оленями, антилопами, кабанами, дикими лошадьми и волками. Послѣдніе во время большихъ холодовъ, часто являвшихся гибельными для ихъ товарищей, становились царями этой заповѣдной области.

Въ это время года нигдѣ не видно было слѣда дыма, который указывалъ-бы на какое-либо человѣческое жилище, за исключеніемъ древняго Переяславскаго округа и нѣсколькихъ полянъ и островов, затерянныхъ среди болотъ по берегамъ Сулы и Псела, гдѣ существовали и прятались остатки одного изъ древнихъ туземныхъ племенъ, Севрюки.

Съ возвращеніемъ весны картина мѣнялась. Въ степи снова появлялась жизнь и она покрывалась роскошною растительностью, которую такъ поэтически описалъ Гоголь, и въ то же время начинали показываться люди. Какіе люди? Сначала татары, великіе скотоводы, которые покидали въ апрѣлѣ свои крымскіе улусы и приводили сюда огромныя стада. За ними слѣдовали турецкіе, татарскіе и особенно армянскіе купцы, путешествовавшіе караванами съ произведеніями Востока для рынковъ Польши, Литвы и Москвы, и встрѣчавшіеся въ пути съ сольниками или торговцами

солью, направлявшимися въ обратную сторону въ Крымъ за товаромъ. Эти партіи слѣдовали проторенными съ незапамятныхъ временъ путями, татары называли ихъ „шляхами“. За ними наконецъ появлялись казаки.

II.

Украинскіе казаки.

Являясь общимъ, какъ мы это видѣли (см. выше главу V) всѣмъ частямъ древней Польши и древней Россіи, этотъ элементъ принималъ здѣсь различныя названія, заимствованныя ими обычно отъ мѣстъ ихъ пребыванія или отъ ихъ стоянокъ: днѣпровскихъ казаковъ, запорожскихъ, т.-е. прибрежныхъ жителей по ту сторону знаменитыхъ пороговъ, еще и теперь загораживающихъ теченіе рѣки; низовскихъ, или обитателей низовъ, около Чернаго моря, или просто казаковъ кіевскихъ, каневскихъ. черкасскихъ.

Составъ этихъ группъ былъ самый разнородный. Регистръ пятисотъ казаковъ, составленный въ 1581 году въ Черкассахъ, содержитъ въ ихъ числѣ: 20 москвичей, 4 молдаванъ, 1 серба, 1 нѣмца и много поляковъ, изъ которыхъ нѣкоторые дворяне. Польскія хроники той эпохи видятъ съ другой стороны въ этомъ космополитическомъ сбродѣ преступниковъ, вынужденныхъ благодаря превратностямъ своей бурной жизни оставить свое отечество и спасаться въ степь, чтобы жить тамъ разбоемъ. Всякій, представлявшій для нихъ хорошую добычу, являлся ихъ врагомъ, но такъ какъ между ними большинство были христіане, они нападали преимущественно на турокъ и татаръ.

Польскіе короли получаютъ отъ нихъ нѣкоторыя услуги, заставляя ихъ оберегать окраинныя мѣста ихъ владѣній и препятствовать вторженію „язычниковъ“.

Но въ болѣе древнее время литовско-русскіе казаки, появившіеся въ этихъ областяхъ, часто объединялись съ татарами для общихъ предпріятій; между христіанами и „язычниками“ продолжалось смѣшеніе, создавалась близость, которая должна была сыграть большую роль въ будущемъ дѣлѣ Хмѣльницкаго и, благодаря этому, польза, которую могла извлечь Польша изъ этихъ помощниковъ, являлась крайне

сомнительною. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ дѣйствительно татарскій элементъ сильно уменьшился въ большинствѣ шаекъ, благодаря чему укрѣпился тамъ польскій элементъ, но послѣдній внушалъ къ себѣ мало довѣрія. Надѣлавъ рядъ глупостей или потерявъ свое состояніе, молодые люди изъ хорошихъ фамилій все чаще и чаще отправлялись искать приключеній въ украинской степи, если не предпочитали играть въ казаковъ, т.-е. исполнять ремесло бандита на своей собственной землѣ. У одного современнаго польскаго писателя мы находимъ такое выраженіе: „наши чаще ходили „казачить" въ татарскую землю, чѣмъ татары къ намъ". И слѣдуютъ имена, принадлежавшія къ высшей аристократіи.

И тѣмъ не менѣе, разбойничество, особенно вначалѣ, совсѣмъ не составляло единственнаго или даже главнаго источника существованія этой части украинскаго населенія. Казаки занимались имъ, одновременно прилагая свои силы и къ болѣе честному труду: къ рыбной ловлѣ, къ охотѣ, къ земледѣлію. Между пятнадцатымъ и шестнадцатымъ вѣками произошло глубокое измѣненіе въ политическомъ, соціальномъ и экономическомъ положеніи древняго кіевскаго княжества: феодальная система замѣнила древній коммунальный режимъ во владѣніи землею. Поэтому присоединеніе этой страны къ Литвѣ, а потомъ къ Польшѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ эмиграцію въ сосѣднюю степь не только негодныхъ элементовъ, но и землепашцевъ, искавшихъ болѣе подходящаго образа жизни для ихъ нарушенныхъ привычекъ. Названіе атамана, даваемое казаками ихъ начальникамъ, служило въ древности для обозначенія хозяина-рыбака. Кромѣ того зима вынуждала и самихъ разбойниковъ покидать степи, гдѣ нечѣмъ было-бы питаться и загоняла ихъ въ ближайшіе города или мѣстечки. Многіе изъ нихъ имѣли тамъ семьи.

Набѣги крымскихъ татаръ, увеличиваясь, не давали возможности подвергнуть какой бы то ни было мирной эксплоатаціи степь и они-то привели позже къ типу военной организаціи. Полуартельщики, полупромышленники, наполовину грабительскія шайки, эти группы развивались, такимъ образомъ приближаясь къ типу своеобразнаго братства солдатъ-разбойниковъ. Ихъ центромъ былъ одинъ изъ островковъ Днѣпра ниже пороговъ.

Очень возможно, что, напоминая собою во многихъ чертахъ своихъ западное рыцарство, эта бытовая форма имѣла своими основателями польскихъ дворянъ, вродѣ знаменитаго Альберта Ласскаго, этого высокопоставленнаго лица, который употребилъ на подкладку своего плаща двѣсти семьдесятъ три декрета объ изгнаніи, которому онъ подвергся. Желая послѣ того спастись отъ преслѣдованія, онъ принялся воевать въ Молдавіи, собравъ вокругъ себя случайныхъ товарищей. Время возникновенія этой бытовой формы неизвѣстно, такъ какъ на Днѣпрѣ, какъ и на Дону, казаки не любили грамоты. Польскіе чиновники, старосты и воеводы сосѣднихъ городовъ, безъ всякаго сомнѣнія, поощряли ихъ, надѣясь найти у нихъ помощь противъ татаръ, и не обошлось, конечно, безъ участія и такихъ искателей приключеній среди польско-русскихъ вельможъ, какъ напр. князь Димитрій Вишневецкій (или Висневецкій по польской орѳографіи), князь Богданъ Рожинскій, или ряда претендентовъ на тронъ Молдавіи, постоянно появлявшихся въ этихъ мѣстахъ.

Впослѣдствіи они снискали себѣ покровительство польскихъ властей, выражавшееся, какъ и въ отношеніяхъ Москвы съ донскими казаками, въ посылкѣ лошадей, боевыхъ припасовъ и провіанта. Старосты и воеводы даже болѣе или менѣе открыто поддерживали походы казаковъ въ мусульманскія страны, и въ случаѣ нужды давали имъ подкрѣпленія, получая въ обмѣнъ часть награбленной добычи, или отряды для отправленія всякаго рода службы: стражи, конвои, вспомогательныя войска для кампаній, въ которыхъ участвовала польская армія. Казаки стали представлять изъ себя такимъ образомъ постоянные личные отряды нѣкоторыхъ изъ польскихъ царьковъ. Но у казаковъ того братства, которое основалось по нижнему теченію Днѣпра, появились вскорѣ другіе честолюбивые замыслы.

IV.

Запорожскіе рыцари.

Подъ именемъ Запорожья или Нижа въ семнадцатомъ вѣкѣ разумѣли самую дикую часть, dzikie pola, по обоимъ

берегамъ Днѣпра, ниже устьевъ Орелы и Тясмины и по ту сторону пороговъ. Громадные лѣса росли тамъ по берегамъ рѣки, доставляя дерево для постройки флотилій казакамъ, а французскому инженеру Боплану, принятому на службу Польшею, кромѣ того матерьялъ для плотничьихъ работъ въ фортѣ, предназначенномъ для наблюденія надъ смѣлыми плавателями и для удержанія ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Станъ, возникшій въ этомъ мѣстѣ, далеко не включалъ въ себѣ всѣхъ украинскихъ казаковъ. Оставивъ въ сторонѣ многочисленныя группы, которыя постепенно дошли до болѣе или менѣе полнаго подчиненія польской дисциплинѣ и культурѣ, онъ отдѣлился въ особую дикую организацію, независимое военное братство подъ начальствомъ и управленіемъ выборныхъ начальниковъ. Столица или главный его пунктъ называлась Сѣчью или Кошью—этимологія этого названія остается неизвѣстной—на одномъ изъ островов Днѣпра—той самой Хортицѣ, гдѣ въ 1557 году Дмитрій Висневецкій предложилъ свои услуги Грозному, думая поразить этимъ турокъ и мечтая въ то-же время о захватѣ Молдавіи. Эта главная резиденція не была однако постоянной. Казаки любили перекочевывать съ одного мѣста на другое и послѣ долгихъ споровъ между ними создались другія Сѣчи, но ни одна изъ нихъ не пользовалась такимъ значеніемъ, какъ первая.

Въ самую блестящую эпоху своего существованія между 1600 и 1770 г.г., братство или Кравчина, какъ оно само себя называло, заняло болѣе или менѣе прочно пространство между Бугомъ и Днѣстромъ. Эта территорія была раздѣлена на паланки, вначалѣ на пять, а потомъ на восемь, отвѣчая больше назначенію стратегическихъ пунктовъ, чѣмъ центровъ почти отсутствующей организаціи. Столица имѣла видъ небольшого городка, укрѣпленнаго земляными насыпями и палисадами. Большія деревянныя казармы безъ трубъ, называвшіяся куренями, служили казакамъ обиталищемъ. Въ каждомъ изъ нихъ могло помѣститься до ста человѣкъ въ одномъ залѣ, меблированномъ только столами вдоль стѣнъ. Посрединѣ спали казаки прямо на голой землѣ, при чемъ каждому изъ нихъ отдавалось пространство около трехъ аршинъ. Водворяя его здѣсь, казаку говорили:—это тебѣ при жизни, а послѣ смерти тебѣ будетъ мѣсто покороче.

Всѣ функціи, и военныя и гражданскія, распредѣлялись путемъ выборовъ, 1 января каждаго года, въ общемъ собраніи, гдѣ разсматривались также самые важные вопросы. Для текущихъ дѣлъ собирались болѣе мелкія собранія (сходки), составленныя изъ однихъ важныхъ чиновъ (старшиновъ) и стариковъ. Внутренняя полиція куреней и администрація паланокъ, если таковая имѣлась, состояла изъ совѣтовъ, правильно собиравшихся на мѣстахъ, а во время походовъ военный совѣтъ соединялъ въ себѣ всѣ власти.

Избираясь, какъ всѣ другіе чины, только на одинъ годъ, имѣя при этомъ право избираться каждый годъ, хотя и рѣдко получая мандатъ нѣсколько лѣтъ подрядъ, кошевой атаманъ представлялъ изъ себя гражданскаго, военнаго и даже духовнаго главу коммуны. Онъ одинъ управлялъ внѣшними сношеніями дипломатическаго характера, утверждалъ выборы на всѣ степени, руководилъ раздѣленіемъ между куренями земли, рыбной ловли, жалованья, провіанта, доходовъ всякаго рода и военной добычи.

Въ старшинѣ находилось лишь четыре чиновника: атаманъ, судья, писарь и эсаулъ. Главный начальникъ юстиціи, гражданской и уголовной, судья замѣнялъ атамана въ случаѣ его отсутствія и въ то же время занималъ должность казначея. Эсаулъ исполнялъ обязанности главнаго адъютанта атамана и министра полиціи. Посланный въ 1594 г. императоромъ для союза съ Сѣчью противъ турокъ, Эрикъ Лассота сообщаетъ въ своемъ дневникѣ, что его предложеніе обсуждалось послѣдовательно въ двухъ засѣданіяхъ старшины и на общемъ собраніи всѣхъ казаковъ, и рѣшеніе, какъ ему показалось, всецѣло зависѣло отъ послѣдняго собранія. Рѣшившись принять предлагаемыя условія, члены собранія подбросили шапки въ воздухъ, что служило у нихъ знакомъ согласія, какъ у грековъ Гомера повязка, которою Калхасъ въ такихъ случаяхъ обвязывалъ свой шлемъ.

За исключеніемъ лошади, оружія и военной добычи все въ Сѣчи принадлежало коммунѣ. Обѣды были общіе. Сотрапезники опускали деревянныя ложки въ большія чаши, наполненныя кашею; они наполняли свои ковши, тоже деревянные, изъ огромныхъ жбановъ, гдѣ водка чередовалась съ медомъ и брагою. Благодаря скудости доходовъ бѣдность

являлась здѣсь закономъ, изгнавъ въ принципѣ всякую роскошь въ пищѣ или въ одеждѣ. Случалось, что послѣ какого-либо удачнаго набѣга какой-нибудь рыцарь Сѣчи, подобно Разину съ его товарищами, появлялся въ богатомъ турецкомъ или польскомъ костюмѣ; но по обычаю, прежде чѣмъ явиться въ куренѣ, онъ долженъ былъ погрузиться въ бочку дегтя, для того, чтобы платье, одѣваемое поверхъ грубой и грязной рубахи, потеряло всякое изящество.

Въ этой организаціи, созданной на демократическихъ началахъ, корпоративной и коллективной,—нѣкоторые историки думали найти черты древнихъ русскихъ группировокъ эпохи Вѣча, заключая отсюда къ этническому родству обѣихъ группъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что подобныя частности обнаруживаются также въ структурѣ большинства западныхъ братствъ, и польское вліяніе чувствуется тамъ съ гораздо большимъ вѣроятіемъ.

Восхваляемая всячески и рекомендуемая, какъ модель, нѣкоторыми спеціалистами, военная организація Кравчины, кажется, не оправдала такого къ ней отношенія. Презрѣніе къ смерти, смѣлость, соединенная съ хитростью, неутомимость и крайняя подвижность,—таковы были главныя качества, обезпечившія успѣхи „запорожскаго войска“. Заимствовавъ у поляковъ разные виды вооруженія, казаки ихъ постепенно оставляли, не зная, какъ съ ними обращаться, удовольствовавшись саблею и мушкетомъ: несмотря на пресловутую извѣстность ихъ артиллерія не сыграла ни разу рѣшительной роли на полѣ битвы. До Хмѣльницкаго они сражались по большей части ночью, особенно предпочитая неожиданныя нападенія, а днемъ шли форсированнымъ маршемъ, при чемъ появлялись внезапно тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидали. Захваченные въ дорогѣ въ свою очередь, они прятались за импровизированными укрѣпленіями, устроенными главнымъ образомъ изъ находившихся у нихъ многочисленныхъ повозокъ. Но они еще болѣе предпочитали плавать въ морѣ, „чтобы сшить огненную рубашку Стамбулу (Константинополю)“, по гиперболическому выраженію одной изъ ихъ боевыхъ пѣсенъ, а болѣе прозаически „чтобы достать себѣ зипуны, разграбивъ базары на турецкой сторонѣ“.

Для этихъ экспедицій они садились въ легкіе челноки, такъ называемые чайки, гдѣ могло помѣститься отъ 40 до

60 человѣкъ и которые очень похожи на неаполитанскія фелюги и на длинныя испанскія барки. Шесть недѣль было для нихъ достаточно, чтобы экипировать такой челнокъ, на постройку его шло крѣпкое дерево, одѣтое липовою корою и вымазанное дегтемъ. Два руля, впереди и сзади судна, и отъ десяти до шестнадцати паръ веселъ, придавали ему быстроту движенія, съ которой не могли сравниться турецкія галеры.

Эти экспедиціи устраивались обычно ко дню Св. Іоанна. На восьмидесяти или на сотнѣ чаекъ, вооруженныхъ нѣсколькими пушками, казаки выбирали темную ночь, чтобы обмануть турецкій караулъ у устья Днѣпра. Они выплывали безшумно изъ густой и высокой чащи тростника, теперь еще покрывающаго эту область; они достигали моря, скоростью превосходя преслѣдующія ихъ тяжелыя суда, и въ шестьдесятъ или даже въ сорокъ часовъ достигали Анатоліи. Оставивъ по два человѣка въ каждой чайкѣ, они проникали въ какой-нибудь побережный городъ, зажигали его, собирали все, что имъ попадало подъ руку, и садились опять въ лодки. Если при возвращеніи они находили отступленіе отрѣзаннымъ, они маневрировали въ морѣ до приближенія ночи, имѣя заходящее солнце позади себя: благодаря этому имъ удавалось сбить съ толку своихъ ослѣпленныхъ противниковъ, взять на абордажъ какое-либо ихъ судно и обратить въ бѣгство остальныя.

Ихъ подвиги въ этомъ родѣ впрочемъ сильно преувеличены и хотя они и вызывали восторженное отношеніе къ своему геройству со стороны нѣсколькихъ историковъ, все же легенда о султанѣ, смотрящемъ изъ окна своего дворца на преданныя запорожцами огню и мечу предмѣстья Константинополя, не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ. На дѣлѣ казаки проникли въ Босфоръ только одинъ единственный разъ, въ 1627 году, и зажгли тогда деревню Усни-Кіой, которая совсѣмъ не видна изъ Константинополя. Въ 1614 г. они подступили къ Синопу, но потерпѣли полное пораженіе.

Подвиги ихъ на сушѣ подверглись подобнымъ же преувеличеніямъ. Въ качествѣ развѣдчиковъ или помощниковъ въ партизанской войнѣ, они пріобрѣли въ семнадцатомъ вѣкѣ европейскую извѣстность, состоя на службѣ у императора Фердинанда II и способствуя пораженію чеховъ, ихъ

братьевъ по расѣ, подъ Бѣлой горой. Но въ качествѣ военной силы они сдѣлались страшными лишь благодаря народнымъ бунтамъ, которые они поддерживали довольно существенно, въ качествѣ относительно дисциплинированнаго и обученнаго ядра. Имъ недоставало обученія для достиженія настоящаго мастерства въ военномъ искусствѣ. Они создали для себя принципъ жизни и долгъ чести изъ того состоянія невѣжества и варварства, на которое ихъ обрекало происхожденіе и образъ ихъ жизни. Честолюбіе ихъ было огромно, но оно руководилось крайне узкими и тривіальными понятіями. Одна изъ ихъ думъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: казакъ, служившій при дворѣ Владислава IV, обратилъ на себя вниманіе польскаго государя своимъ воинственнымъ видомъ. Тотъ предложилъ осыпать его почестями и даже обѣщалъ ему руку своей дочери, но не зная, что со всѣмъ этимъ дѣлать, казакъ проситъ только разрѣшенія воевать съ турками, чтобы привезти кучу піастровъ въ Сѣчь и имѣть тамъ возможность досыта напиться.

Этотъ идеалъ, чуждый всякой интеллектуальной утонченности, какъ и всякой моральной деликатности, плохо вліялъ даже на развитіе извѣстныхъ военныхъ доблестей. Онъ слишкомъ благопріятствовалъ инстинктамъ грубаго разгула. Подъ вліяніемъ идей монастырскаго „порядка“, который глухо проникалъ въ конституціи братства, казаки обрекали себя на безбрачіе и должны были сохранить цѣломудріе. Другая дума рисуетъ ихъ неспособными даже различать полъ или не знающими, какъ создана женщина. Увидѣвъ аиста, атаманъ наивно принимаетъ его за молодую дѣвушку. У казака нѣтъ другой подруги жизни, кромѣ трубки или войны и смерти. Исторія набѣговъ, въ которыхъ принимали участіе эти суровые „рыцари“, постоянно даетъ картины дикой оргіи. Несмотря на повышенный тонъ и нѣкоторыя черты, обнаруживающія болѣе благородныя чувства, — честь, вѣру, рыцарскій героизмъ — поэтическія произведенія украинскихъ кобзарей были посвящены, какъ и сельскихъ бардовъ съ Дона, главнымъ образомъ прославленію самыхъ гнусныхъ эксцессовъ.

Индифферентность по отношенію къ полу означала устраненіе всякаго семейнаго чувства изъ этой среды. Сѣрко, Ахиллъ Запорожья, былъ женатъ и имѣлъ двухъ дѣтей, но, такъ

какъ женщинъ не принимали въ Сѣчь, онъ видѣлся съ своей женой лишь изрѣдка. Казакъ по призванію долженъ былъ быть лишенъ очага и постояннаго мѣстожительства. „Онъ идетъ, куда хочетъ и никто не плачетъ по немъ“, говоритъ одинъ поэтъ ихъ вольницы. Коммунистъ, коллективистъ и особенно нигилистъ, онъ въ сущности антисоціаленъ. Довольно долго, хотя это и оспаривалось, онъ оставался безусловно чуждымъ также всякой идеи морали и религіи. Если найдутся нѣкоторыя исключенія въ этомъ отношеніи, то они относятся не къ индивидуумамъ, принадлежавшимъ къ братству, а къ лицамъ отъ него оторвавшимся. Въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Сѣчи не было церкви и тамъ не терпѣли ни одного священника. Встрѣча съ попомъ даже за казацкимъ станомъ считалась скверным предзнаменованіемъ, одна дума въ очень непочтительныхъ выраженіяхъ говоритъ о запорожцахъ, какъ о людяхъ, которые такъ же неспособны отличить священника отъ козла, какъ церковь отъ скирды. Среди бури угрожающей гибелью экипажу чайки, герой одной баллады такъ совѣтуетъ своимъ людямъ: „Исповѣдайтесь милосердному Богу, морю и вашему атаману“.

Церковная служба появилась среди братства только въ позднѣйшую эпоху и подъ вліяніемъ больше политическихъ, чѣмъ моральныхъ соображеній. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, ярый защитникъ православія, кіевскій митрополитъ Петръ Могила, всенародно обзывалъ запорожцевъ невѣрующими, а самый краснорѣчивый ихъ защитникъ въ польскомъ лагерѣ, Адамъ Кисель, признавался, что на нихъ нужно смотрѣть, какъ на religionis nullius. Даже въ Москвѣ во время переговоровъ съ Эрикомъ Лассотою, дьяки Приказа внѣшнихъ дѣлъ говорили: у этихъ людей совсѣмъ нѣтъ страха Божьяго. Фактомъ наконецъ является и то, что въ своихъ разбояхъ казаки также обходились съ православными церквами, какъ и съ католическими, а съ другой стороны принявъ на себя миссію проповѣдника и смѣшивая при этомъ дѣло православной вѣры съ казацкою независимостью, Іовъ Борецкій не могъ добиться отъ рыцарей „Запорожья“ матеріала для постройки колокольни въ монастырѣ св. Михаила, гдѣ онъ жилъ.

Такимъ образомъ организованная Кравчина, въ отно-

шеніи цивилизаціи и колонизаціи, преслѣдуемой Польшею въ этой части ея обширныхъ владѣній, представляла изъ себя факторъ, съ которымъ нельзя было не считаться и который между тѣмъ представлялъ изъ себя несомнѣнно тормазъ въ этомъ отношеніи.

V.

Польская культура.

Послѣдняя задача осложнялась цѣлымъ рядомъ различныхъ трудностей, вытекавшихъ какъ изъ этническаго состава мѣстнаго населенія, такъ и изъ различія историческихъ пережитковъ и національныхъ или религіозныхъ его чертъ. Колонизація главнымъ образомъ поддерживалась концессіями земель, которыя отдавались польскимъ правительствомъ десятками квадратныхъ лье его слугамъ или любимцамъ, съ обязательствомъ заселять ихъ и сдѣлать цѣнными. Наборъ колонистовъ былъ еще обезпеченъ благодаря цѣлой системѣ привилегій: полному освобожденію отъ податей въ теченіе двадцати до тридцати даже лѣтъ; очень умѣренному дальнѣйшему оброку; полному иммунитету отъ юридической отвѣтственности за преступленія, совершенныя въ родной странѣ и т. п. Въ Польшѣ въ то время отсрочка податей допускалась, даже по отношенію къ подлежащей распашкѣ землѣ, только на половинный предыдущему срокъ; барщина почти повсюду замѣняла собою подати натурою или деньгами, а почва не была особенно плодородна. Наплывъ эмигрантовъ былъ поэтому огромный. Бопланъ несомнѣнно страдаетъ какой-то галлюцинаціей, когда говоритъ, по этому поводу, о волшебномъ наростаніи деревень и городовъ среди этой пустыни. Онъ констатировалъ результаты послѣдовавшей вѣковой работы. Польскіе писатели семнадцатаго вѣка пережили ту же иллюзію, говоря о сказочныхъ богатствахъ, создавшихся въ этихъ мѣстахъ: чуть не въ каждомъ помѣстьѣ, по ихъ словамъ, было до десяти тысячъ головъ скота, а медвѣди прямо объѣдались, разоряя многочисленные ульи. Отсюда получались также огромныя состоянія. Въ 1620 году послѣ смерти князя Януса Острожскаго оставленное имъ наслѣдство насчитывало 600,000 дукатовъ, 400,000 экю, 29,000,000

флориновъ наличными деньгами и двадцать бочекъ серебра въ слиткахъ. Таковы были сбереженія украинскаго майората, состоявшаго изъ 80 городовъ и 2660 деревень.

Но, подобно этому богатому магнату, большинство крупныхъ концессіонеровъ въ этомъ мѣстѣ были или русскаго или русско-литовскаго происхожденія и, смѣшиваясь съ остатками туземнаго населенія, привлеченные ими колонисты, даже если они прибывали изъ Польши, не принадлежали по большей части къ польской національности. Это были обыкновенно русины, т. е. другіе представители той же этнической формаціи, съ которой они снова смѣшивались послѣ долгихъ мытарствъ.

Они принадлежали къ древнему украинскому населенію, руссифицированному нормандскимъ завоеваніемъ и разсѣянному потомъ, благодаря татарскому, а потомъ турецкому нашествіямъ съ давнихъ временъ по всей славянской землѣ на сѣверъ и на западъ. Теперь благодаря превратностямъ ихъ исторической судьбы они снова водворились на мѣсто первоначальнаго жительства.

По берегамъ Вислы и Нѣмана эти оторванные отъ своего корня люди сохранили еще черты своего происхожденія. Въ 1491 году въ Краковѣ еще печатались книги на славяно-русскомъ языкѣ; въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ сохраняется экземпляръ рукописи евангелія отъ четырнадцатаго вѣка за подписью одного горожанина чисто польскаго города Казимирца, по имени Ивана Шапника Леонтіевича русскаго по происхожденія, пожертвовавшаго эту книгу мѣстной православной церкви.

До назначенія впрочемъ Мячеславомъ I въ 968 году латинскаго епископа, христіанская Польша была подчинена моравскому архіепископству Меѳодія, а слѣдовательно греческому ритуалу. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, кромѣ Украйны, она соединяла подъ своею властью другія части древней монархіи Владиміра, съ населеніемъ того-же происхожденія; на лѣвомъ берегу Днѣпра ея колонизаторскія предпріятія привлекли даже извѣстное число московскихъ подданныхъ, жившихъ по бассейну Ворсклы, Сулы и Удая въ согласіи съ дикими севрюками, о которыхъ упоминалось выше, и не имѣвшихъ въ себѣ ничего польскаго. Въ эту помѣсь вмѣшался также и туранскій элементъ и, хотя и представлен-

ный довольно слабо въ эту эпоху, онъ прежде игралъ довольно большую роль, судя по татарскимъ именамъ большей части мѣстности: Балаклея, Баладина, Берчады и т. д. Наконецъ нѣсколько валаховъ и значительное число евреевъ и армянъ дополняли фондъ, которымъ располагали для культурной работы носители польской цивилизаціи.

Безъ всякаго преувеличенія, результаты, полученные ими до половины семнадцатаго вѣка, свидѣтельствуютъ объ усиліяхъ, достойныхъ большого вниманія и являются прямо замѣчательными, особенно въ западной части Волыни, гдѣ какъ разъ сосредоточивались владѣнія князя Острожскаго. Далѣе на востокъ жизнь прогрессировала значительно медленнѣе и въ 1625 году на 2,812 квадратныхъ лье, въ палатинатахъ Кіева и Брацлава, инвентари указываютъ лишь 1400 деревень съ 545,280 жителями. Эта разница объясняется не только большей отдаленностью отъ очага культуры, но еще и особенно присутствіемъ въ этой части земли, предназначенной для культивированіи, того непокорнаго элемента, который изъ глубины Сѣчи простиралъ на всю сосѣднюю область тѣнь самой безпробудной дикости. Стоя между основателями деревень и городовъ и организаторами вооруженныхъ бандъ, сконцентрированныхъ въ степи, Польша должна была такимъ образомъ съ тройной точки зрѣнія—политической, соціальной и экономической—встрѣтиться съ проблемой, разрѣшеніе которой оказалось ей не по силамъ.

VI.

Украинская проблема.

Совершенно такъ же, какъ и московское правительство, въ его сношеніяхъ съ донскими казаками, такъ и польское правительство усмотрѣло сначала въ Запорожьѣ и въ другихъ казачьихъ группахъ Украйны драгоцѣнный матеріалъ, который могъ быть пущенъ въ ходъ противъ турокъ и татаръ, какъ подходящій источникъ военныхъ силъ, но потомъ нашло въ нихъ источникъ тяжелыхъ заботъ.

Въ 1578 году, желая стать въ хорошія отношенія съ Портою, цѣною похода въ Москву, Баторій думалъ уничто-

жить эти „вертепы разбойниковъ“. Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать, и въ концѣ концовъ королю пришлось ограничиться палліативомъ, въ которомъ хотѣли обнаружить грандіозный планъ организаціи, настоящая цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы смирить украинскую милицію, обративъ ее въ регулярное войско на службѣ у республики. Но такая мѣра была лишь временной. Нуждаясь въ поддержкѣ противъ Грознаго и имѣя кампанію лишь въ перспективѣ, Баторій хотѣлъ прибавить къ своимъ наличнымъ силамъ 500 казаковъ и далъ имъ въ видѣ обѣщанной платы свою украинскую вотчину въ Трахтемировѣ, гдѣ должны были устроить для нихъ казарму и гдѣ хотѣли найти начало новой казацкой столицы.

Но вотъ и все; сама по себѣ идея не была новой; крестьяне королевскихъ вотчинъ въ Украйнѣ, уже съ начала вѣка, принимали участіе во многихъ предпріятіяхъ и этотъ новый опытъ не былъ изъ наиболѣе счастливыхъ. Судя по дневнику одного секретаря Баторія, казаки, приведенные королемъ въ Московію, прославились лишь однимъ: покушеніемъ на изнасилованіе, смутившимъ сонъ государя. Эта горсть регулярныхъ солдатъ совершенно не знала дисциплины, представляя изъ себя простой сбродъ разбойниковъ и, хотя король старался придать этой организаціи постоянный характеръ и самое широкое распространеніе, все же украинская прболема не была этимъ серьезно разрѣшена. Впослѣдствіи, когда въ дѣло вмѣшался знаменитый польскій изгнанникъ, Самуилъ Зборовскій, татары и турки направили въ Варшаву столько жалобъ и угрозъ репрессій, что пришлось самимъ прибѣгнуть къ репрессіи, и въ 1584 году, когда Зборовскій былъ обезглавленъ въ Краковѣ, кровь болѣе тридцати казаковъ, казненныхъ въ Лембергѣ въ присутствіи чауша, должна была послужить средствомъ успокоенія Порты.

Но и этого было мало. Чтобы сдѣлать что-нибудь побольше этого, упорядочить степь со всѣмъ тѣмъ, что было въ ней противнаго порядку и миру, нужно было покрыть ее сѣтью крѣпостей, снабженныхъ сильными гарнизонами. Необходимо было также уничтожить въ сосѣднемъ Крыму этотъ очагъ организованнаго разбоя, куда часто казаки переносили борьбу, но гдѣ еще чаще они изощрялись въ самыхъ гнусныхъ

своихъ продѣлкахъ. Польша не была въ состояніи вырваться изъ этого заколдованнаго круга, такъ какъ была ослаблена внутренними безпорядками. Но слѣдуетъ замѣтить, что самъ Петръ Великій не рѣшался взяться за такое дѣло и завѣщалъ его такимъ образомъ Екатеринѣ Великой. Республика употребляла лишь одни палліативы и при этомъ обнаруживала печальную непослѣдовательность. „Регистрованнымъ" казакамъ (такъ назывались казаки на службѣ у Республики) она не всегда платила обѣщанное жалованье и, запрещая имъ набѣги въ сосѣднія страны и грабежъ, она ихъ только толкала на нихъ, не умѣя заставить себѣ повиноваться. Одинаково недовольные и никому не покорные, и тѣ и другіе вліяли самымъ гибельнымъ образомъ на мирную часть населенія, которую они посягали съ раннихъ поръ подчинить своей власти, игнорируя польскіе магистраты и оспаривая у концессіонеровъ правительства владѣніе нѣкоторыми землями.

Республика рѣшила тогда отдѣлить доброе сѣмя, посѣянное ею въ степи, отъ плевеловъ, выросшихъ одновременно съ нимъ, и задалась цѣлью ограничить ростъ послѣднихъ. Начиная съ конца шестнадцатаго вѣка былъ изданъ рядъ циркуляровъ, имѣвшихъ цѣлью воспретить казакамъ доступъ въ города и деревни, даже для покупки тамъ съѣстныхъ припасовъ: и наоборотъ, обитатели городовъ и деревень должны были оставаться въ зонѣ ихъ становищъ. Но это оказалось положительно невозможнымъ и внесло въ эту среду, уже и такъ достаточно возбужденную, новую причину недовольства. Даже трудящаяся часть населенія этой мѣстности была готова къ возстанію.

Въ принципѣ и въ самомъ началѣ участь поселянъ въ этой мѣстности была достаточно удовлетворительной. Въ глазахъ барщинныхъ крестьянъ Польши въ эту эпоху Украйна считалась Эльдорадо и не безъ причины. Обширныя вольности и другія льготы, дарованныя контрактами колонизаціи, давали колонистамъ большую свободу и широкую возможность наживы. Всѣ обязанности, наложенныя на нихъ, сводились лишь къ нѣкоторой подати, натурою или деньгами, и къ нѣкоторымъ обязанностямъ военнаго характера. Барщины тамъ не существовало, или она была крайне ограничена; въ одномъ такомъ хозяйствѣ крестьяне обязаны были отработать три дня въ году, а въ другомъ восемнадцать

деревушекъ показаны „не платящими ничего и свободными отъ всякихъ повинностей“.

Общее для шестнадцатаго вѣка такое положеніе вещей, кажется, замѣтно не измѣнилось въ слѣдующемъ вѣкѣ въ коронныхъ помѣстьяхъ, въ старостіяхъ. Что касается частной собственности, то она держалась только въ южной области, болѣе недоступной для земледѣлія. На сѣверо-западѣ, напротивъ, послѣ наплыва колонистовъ, сдѣлавшаго менѣе необходимыми мѣры предусмотрительности, начиная съ 1620 года, мы видимъ въ волынскихъ имѣніяхъ князя Острожскаго, что крестьяне обязаны были тремя или даже пятью днями работы въ недѣлю, сверхъ разныхъ натуральныхъ повинностей. И, быстро развиваясь, эта система здѣсь, какъ и въ Польшѣ, довела до чудовищныхъ размѣровъ количество оброковъ и уплату податей натурою со стороны совершенно подавленныхъ земледѣльцевъ: мѣры хлѣба (osyp) и пары каплуновъ трижды въ годъ; подати на ульи (oczkowe), на рогатый скотъ (rogate), на рыбную ловлю (stawszczyna), на пастбища (spasne) на сборъ желудей (zolendne), на охоту (dziesiecina), на помолъ зеренъ (suhomielszczyna), и сверхъ того онъ долженъ былъ работать на собственника, такъ что крестьянину оставалось лишь урывками — не отдыхать, — но работать на собственномъ полѣ.

Съ другой стороны, свободная земля уменьшилась вмѣстѣ съ прогрессомъ колонизаціи, новыя концессіи захватили земли, уже отданныя для свободной обработки, и распространили и на нихъ режимъ барщины. Когда первые концессіонеры заявляютъ о своемъ jus primi possidentis, имъ противупоставляютъ отсутствіе документовъ, доказывающихъ ихъ права. Напрасно они ссылаются на „конституцію“, которая въ 1659 году освободила владѣтелей отъ такихъ оправдательныхъ бумагъ: съ того же года фаворитъ двора, палатинъ Брацлава, Янъ Потоцкій, добылъ себѣ привилегію требовать обратно kaduki, т.-е. всѣ вымороченныя имѣнія, за недостаткомъ документовъ. И онъ пользуется этимъ правомъ.

Съ одной саблею въ рукѣ и съ другими за спиной, казаки сопротивляются по большей части этому отобранію земель и новыя затрудненія прибавились теперь къ прежнимъ. Остается еще указать на большую язву—last but not

least—въ польской колонизаціи, это эксплоатація очень большого числа помѣстій посредниками, по большей части евреями. Въ силу своей беззаботности или неспособности управлять непосредственно своими огромными latifundia, крупные украинскіе собственники прибѣгли къ системѣ общихъ или частичныхъ арендъ и можно себѣ представить, чѣмъ сдѣлались въ такой средѣ арендаторы израильскаго происхожденія.

Нельзя даже приблизительно подсчитать число евреевъ, поселившихся въ эту эпоху на обоихъ берегахъ Днѣпра. Намъ приходится прибѣгнуть къ указаніямъ, которыя, однако, свидѣтельствуютъ о крайне быстромъ ростѣ этого контингента: въ Винницѣ, напримѣръ, въ Подоліи, инвентари указываютъ пятнадцать подданныхъ этой категоріи въ 1569 г. и семьдесятъ семей въ 1604 г. Къ половинѣ семнадцатаго вѣка евреи, эти первыя жертвы казацкихъ набѣговъ, какъ кажется, кишѣли повсюду.

Повсюду они возбуждаютъ къ себѣ ненависть. Являясь кабатчиками, ростовщиками, купцами, евреи безжалостно эксплоатируютъ мѣстное населеніе. Но особенно они стали ненавистными въ качествѣ арендаторовъ. Въ качествѣ таковаго еврей замѣняетъ собою собственника во всѣхъ его правахъ. Въ одномъ контрактѣ указано на то, что „свѣтлѣйшій синьоръ Авраамъ Шмойловичъ (sic) и его жена Рыкла, дочь Іуды“, имѣютъ право дѣйствовать при всѣхъ обстоятельствахъ loco domini. Такимъ образомъ добытыя ими права представляютъ изъ себя на самомъ дѣлѣ юрисдикцію безъ права аппеляціи, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Происходя отъ литовскаго статута, jus vitae и necis, правда, въ Польшѣ никогда не признавалось юридически, но оно было освящено обычаемъ. Законъ 1768 года служитъ тому доказательствомъ, ставя какъ разъ своей цѣлью положить конецъ этому злоупотребленію.

По благоразумію или просто благодаря инстинктивному отвращенію „синьоръ Авраамъ Шмойловичъ“ и его сородичи, кажется, не часто прибѣгали къ мечу. Но они широко пользовались всѣми остальными правами, доходя до эксцессовъ, которые должны были бы показаться невѣроятными, если бы они не были удостовѣрены многочисленными документальными данными. Говоря „о церквахъ, арендованныхъ по всей Украйнѣ евреями“, одна дума лишь воспроизводитъ то,

что совершалось на практикѣ. Факты показываютъ, что евреи облагали податью браки и крестины своихъ подчиненныхъ и для того, чтобы укрѣпить за собою это право, носившее названіе dudek или posemszczyzna, они хранили у себя ключи отъ церквей!

Ужасъ передъ режимомъ, который евреи возлагали на подчиненныхъ имъ въ хозяйственномъ и юридическомъ отношеніи людей, выражается даже въ источникахъ польскаго происхожденія и, конечно, не въ Украйнѣ, гдѣ совсѣмъ не умѣли говорить по-латыни, были составлены въ эту эпоху слѣдующіе стихи:

Clarum regnum Polonorum
Est coelum Nobiliorum
Paradisum Iudeorum,
Et infernum Rusticorum [1]).

Тяжелая отвѣтственность падаетъ въ этомъ отношеніи на польскую колонизацію. Тѣмъ не менѣе она нашла себѣ защитниковъ, даже въ Малороссіи. Указывали на то, что самъ Петръ Великій не могъ добиться порядка и благосостоянія въ этой странѣ, какъ только путемъ возстановленія въ ней власти польскихъ сеньоровъ. Жестокость, отличавшая этихъ господъ, являлась для украинскаго народа лишь отраженіемъ его собственнаго варварства, какъ и его попытки къ возстанію являлись лишь слѣдствіемъ анархистскаго духа, вызывавшаго и оправдывавшаго неизбѣжныя жестокости. Польша, по мнѣнію этихъ апологистовъ, явилась напротивъ жертвою излишней мягкости и терпимости, доходившей почти до наивности.

Эти указанія содержатъ долю истины. Положеніе украинскихъ крестьянъ, какъ оно ни было плачевно, являлось въ XVII в. въ общемъ болѣе сноснымъ, чѣмъ положеніе ихъ товарищей по несчастію въ другихъ странахъ, въ то время, когда тамъ царило рабство. Казаки, съ своей стороны, пользовались здѣсь совершенно исключительнымъ положеніемъ: какъ жалобы, такъ и мятежное движеніе всегда рождались въ ихъ средѣ. Наконецъ, какъ въ области общественной, такъ и въ частной, если не считать ряда случайныхъ зло-

---

[1]) Славное царство Поляковъ—небо для знати, рай для іудеевъ и адъ для крестьянъ.

употребленій и личныхъ уклоненій, польскій темпераментъ никогда не обнаруживалъ ни большой строгости, ни умѣнья систематическаго примѣненія какого либо режима.

Несомнѣнно, что политическій и соціальный кризисъ, въ которомъ находилась Украйна съ начала семнадцатаго вѣка и въ которомъ потонуло польское владычество, имѣлъ своей причиной броженіе казаковъ. Но во всѣхъ областяхъ и при каждомъ режимѣ этотъ элементъ положительно не подчинялся никакой дисциплинѣ. Никогда его нельзя было пріучить къ полицейской организаціи. Повсюду, чтобы установить порядокъ и миръ, приходилось его ограничивать или укрощать насильственными мѣрами и въ общемъ самый сильный упрекъ Польшѣ въ этой части ея исторической жизни состоитъ въ томъ, что она не сумѣла опередить свою сѣверную соперницу въ употребленіи необходимыхъ мѣръ расправы.

Примѣненіе къ этой странѣ общихъ правилъ является безсмысленнымъ. По своему географическому положенію и по своей исторической формаціи, она стояла внѣ всякаго шаблона, и благодаря этому получились совершенно особыя черты характера и нравовъ изъ этой смѣшанной амальгамы этническихъ индивидуальностей, сброшенныхъ туда въ одну кучу, какъ камни, приготовленные для постройки. Къ глубокой меланхоліи, выраженной такъ ярко въ его поэзіи, и общей тенденціи къ безразсуднымъ и отчаяннымъ предпріятіямъ присоединялись взрывы безумной веселости, въ которой этотъ народъ, находившійся въ состояніи образованія и обреченный на постоянно тревожную жизнь, искалъ забвенія отъ пережитыхъ лишеній и ожидавшихъ его впереди опасностей. На темномъ фонѣ этой печальной судьбы, постоянно угрожаемой новыми бѣдствіями, казацкая фантазія рисовала пестрые узоры. Между двумя нашествіями, турецкимъ и татарскимъ, сопровождавшимися ежедневными битвами и непрестанной тревогой, крики печали и горя смѣнялись взрывами радостнаго и удалого веселья. Обычная бѣдная жизнь деревень и мѣстечекъ уступала мѣсто внезапнымъ взрывамъ дикихъ оргій, въ результатѣ какой-нибудь очень богатой жатвы или исключительно прибыльнаго набѣга. Подъ руки съ рыцарями, вчера одѣтыми въ лохмотья, а теперь въ шелкъ, появлялись на улицахъ ихъ жены или любов-

ницы, еще босикомъ, но съ золотыми серьгами въ ушахъ, отнятыми въ какомъ-нибудь турецкомъ гаремѣ.

Все это создавало среду безпорядочно разнузданную, фантастическую, экстравагантную, въ которой введеніе какого-либо порядка вещей, хотя бы только нормальнаго, являлось чистымъ парадоксомъ и, представляя изъ себя полную противоположность инстинктамъ, вкусамъ, привычкамъ и страстямъ населенія, должно было натолкнуться на отчаянное сопротивленіе. Нѣтъ никакой необходимости объяснять это, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, воображаемымъ антагонизмомъ учрежденій, противуполагая польскій индивидуализмъ туземному коммунизму. Принципъ коллективизма очень слабо примѣнялся всегда въ Украйнѣ, въ Сѣчи, гдѣ, какъ это мы показали выше, она была вызвана иностраннымъ вліяніемъ. Что же касается республиканскаго радикализма народныхъ массъ по берегамъ Днѣпра, то онъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно полетамъ фантазіи историковъ, которые его открыли. Конфликтъ былъ неизбѣженъ между этимъ хаотическимъ міромъ и всякимъ правительствомъ, которое стремилось бы подчинить его закону, каковъ бы онъ ни былъ, но ни національный вопросъ, ни вопросъ религіозный долго не играли никакой роли въ этой борьбѣ, и когда эти вопросы оказались въ ней замѣшанными, то лишь маскировали присутствіе другихъ интересовъ: честолюбивыхъ замысловъ и страстей, дѣйствовавшихъ съ гораздо болѣе реальной силой. Эти вопросы только осложнили эту проблему и вотъ почему необходимо указать ясно то мѣсто, которое они въ немъ занимали.

VII.

Національный и религіозный вопросы.

Остапъ Дашковичъ, каневскій и черкасскій староста въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка и одинъ изъ самыхъ храбрыхъ поборниковъ польской колонизаціи на восточныхъ ея границахъ, происходившій изъ Овруча на Волыни, былъ православный и переписывался по-русски съ королемъ Сигизмундомъ I. Польское правительство и польское общество того времени мирились безропотно съ этими отноше-

ніями. Прибывъ на Украйну, польскіе шляхтичи охотно допускали, чтобы ихъ польскій языкъ растворялся въ обиходной рѣчи мѣстнаго населенія. Съ другой стороны даже для самыхъ рѣшительныхъ защитниковъ мѣстной независимости или соединенія съ Великоруссіей, польскій языкъ долго сохранялъ за собою исключительную привилегію литературнаго языка. Они употребляли его предпочтительно даже для составленія памфлетовъ, направленныхъ противъ польскаго же владычества. Приблизительно до половины семнадцатаго вѣка, возможность возникновенія національнаго антагонизма между русскими и поляками, казалось, была исключена самимъ фактомъ состава польской имперіи, гдѣ оба элемента слились въ силу добровольнаго соглашенія. Врагомъ для этого конгломерата съ федеративною основою было московское государство, безпокойный претендентъ на русскую часть составленной такимъ образомъ коммуны, но соперникъ во всякомъ случаѣ незначительный, какъ думали, въ силу его историческаго развитія, внѣ славянскаго міра. Тѣмъ не менѣе между Варшавою даже и Москвою одна только вѣра могла служить препятствіемъ къ сближенію, изъ котораго могла бы получиться новая федеративная связь, и мои читатели уже видѣли,[1]) что цѣною одной только православной обѣдни, польскій король, менѣе щепетильный, чѣмъ Сигизмундъ III, могъ бы безъ всякаго труда устроиться въ Кремлѣ.

Въ Украйнѣ большая часть колонистовъ принадлежала къ греческому вѣроисповѣданію; но, распространяясь на массу населенія, индифферентность къ религіознымъ дѣламъ или скорѣй вражда къ нимъ казаковъ дѣлала этотъ камень преткновенія почти неимѣющимъ значенія или совершенно его уничтожала. Заговоривъ позже объ этомъ, самъ Хмѣльницкій выдалъ однажды тайную свою мысль въ угарѣ винныхъ паровъ, объявивъ, что для него попъ и католическій священникъ одно и то же, такъ какъ оба они не стоятъ веревки, на которой ихъ слѣдовало бы повѣсить. Не жизненная для того времени даже въ самомъ московскомъ очагѣ своемъ, православная церковь неизбѣжно страдала въ Польшѣ отъ сосѣдства съ другой религіей, господствовавшей и получившей благодаря этому большія права

---

[1]) Смутное время.

для себя. Приблизительно до шестнадцатаго вѣка однако она пользовалась тамъ самою широкою терпимостью. Въ 1584 г. Баторій разрѣшилъ своимъ православнымъ подданнымъ слѣдовать старому календарю; въ 1589 году Сигизмундъ III самъ предложилъ константинопольскому патріарху Іереміи распространить на нихъ права своей юрисдикціи. Находящееся въ рукахъ короля право назначенія епископовъ распространялось и на православный клиръ и на религіозную общину, создавая имъ этимъ самую унизительную зависимость, но ни тотъ, ни другая не были этимъ задѣты за живое. Необразованный и грубый, пьяный и грязный, по свидѣтельству даже самыхъ выдающихся членовъ его, этотъ клиръ отказался въ нравственномъ отношеніи отъ всякихъ предубѣжденій, а его прихожане подражали его распущенности и индифферентности. Религіозная жизнь сохранилась лишь среди извѣстнаго количества братствъ, происхожденіе которыхъ въ Лембергѣ относится къ тринадцатому вѣку, но развитіе ихъ на корпоративныхъ началахъ было также дѣломъ польской культуры, обязаннымъ въ большей части своей вліянію магдебургскаго права, введеннаго Польшей въ режимъ муниципалитетовъ. Родство ихъ съ коммунальными формаціями древней Россіи не менѣе проблематично, чѣмъ таковое военнымъ коммунъ Запорожья. Долго польское правительство охраняло эти институты, которые между тѣмъ, присвоивъ себѣ самую широкую юридическую и административную автономію, стремились утвердить свой авторитетъ даже въ противовѣсъ авторитету епископовъ имъ же назначенныхъ. И оно не безпокоилось объ этомъ, справедливо полагая, что время и обстоятельства дѣйствуютъ реальнѣе въ его пользу.

Очень вѣроятно, что низшіе слои населенія послѣдовали бы рано или поздно за движеніемъ, привлекавшимъ высшіе классы къ польской культурѣ и, какъ къ естественному слѣдствію, къ католической религіи. Но то былъ очень медленный процессъ и къ несчастью съ конца шестнадцатаго вѣка слишкомъ ярые католики хотѣли его ускорить. Благодаря либеральному духу, а также, говоря правду, безпечности, свойственной національному темпераменту, даже протестантство не придало въ Польшѣ особой суровости конфликту исповѣданій, и эти ярые сторонники католицизма должны были перенести борьбу на совершенно другую почву.

Не трудно догадаться, что то были іезуиты. Начиная съ 1570 года, взявъ базисомъ свой дѣятельности дома крупныхъ украинскихъ, польскихъ или полонизированныхъ вельможъ, являясь къ нимъ въ видѣ учителей, секретарей, управляющихъ, милиція Лойолы выходитъ на поединокъ и положеніе тотчасъ же мѣняется. Въ 1582 году католическій клиръ и населеніе Лемберга возмутились противъ православнаго духовенства по поводу введенія греческаго календаря. Въ 1588 году былъ полученъ циркуляръ поставить въ Кіевѣ православнаго архіепископа по выбору ордена, Михаила Рагозу, его ученика, протеже и послушное въ его рукахъ орудіе. И тогда была намѣчена къ выполненію новая программа; та самая, на которую указываетъ въ 1577 году отецъ Скарга, этотъ польскій Боссюэ, опубликовавшій свою знаменитую книгу объ единствѣ церкви и превозносившій въ ней открыто употребленіе въ дѣло принудительныхъ средствъ, энергическаго примѣненія compelle intrare.

Нападеніе было произведено по всей линіи и, возбудивъ прекратившуюся уже дѣятельность православныхъ братствъ, вызвало съ ихъ стороны неожиданное сопротивленіе. Въ Кіевѣ, въ Вильнѣ и въ другихъ городахъ родились ассоціаціи того же типа. Лембергское братство, реорганизованное въ 1586 году, получило отъ константинопольскаго патріарха Іереміи новыя неограниченныя права, включая сюда право контроля надъ всѣми епархіями, вплоть до обвиненія или отлученія всѣхъ членовъ клира, священниковъ или епископовъ. Отказавшись признать подобную юрисдикцію, православный епископъ Лемберга, Гедеонъ Балабанъ, вступаетъ въ споръ со своимъ коллегою изъ Луцка, Кирилломъ Терлецкимъ, который обвинялся тогда народною молвою во всевозможныхъ преступленіяхъ, грабежахъ, насиліяхъ и даже въ фабрикаціи фальшивой монеты.

То была ожесточенная, страстная, слѣпая борьба и изъ ея нѣдръ вскорѣ вылились двѣ идеи, которыя явились господствующими въ поднятомъ спорѣ и повлекли его къ роковой развязкѣ. И клиръ, и населеніе, всѣ вѣрные православной церкви должны были искать точки опоры, надѣяться въ дальнѣйшемъ на помощь тамъ, гдѣ они естественно думали ее найти,—внѣ польскаго владычества, отданнаго

теперь въ феодъ іезуитамъ. Они направили свои взоры на Москву. Въ то же время, заподозрѣнные какъ креатуры польскаго правительства, преслѣдуемые поэтому воинствующими братствами, отданные на ихъ судъ восточнымъ патріархатомъ, нѣкоторые православные епископы не видѣли уже никакой возможности поддерживать свой авторитетъ и защищать свои привилегіи на лонѣ греческой церкви, и слѣдовательно должны были обратиться къ Риму.

Рѣшенная въ 1591 году подъ вліяніемъ іезуитовъ Унія съ Римомъ была осуществлена въ 1595 году. Такъ какъ архіепископъ Рагоза держался въ сторонѣ, какъ болѣе всѣхъ подозрѣваемый, а епископъ Пшемысля, Михаилъ Копыстинскій, и даже лембергскій епископъ Балабанъ, несмотря на свои размолвки съ братствами, выразили протестъ, хотя раньше и дали свое согласіе на присоединеніе, то двое другихъ, Кириллъ Терлецкій луцкій и новый епископъ Владиміра, Игнатій Поцей, уже прежде обратившійся въ католицизмъ, поѣхали въ Римъ, привезя съ собой согласіе нѣкоторыхъ своихъ коллегъ, и заявили о своемъ подчиненіи.

То была крупная ошибка какъ со стороны польскаго правительства, благопріятствовавшаго этому движенію, такъ и со стороны самихъ іезуитовъ, его главныхъ иниціаторовъ. Ихъ намѣренія были несомнѣнно чистыя, и одно уже присутствіе Скарги среди первыхъ піонеровъ этого дѣла было достаточно, чтобы убѣдиться въ благородствѣ руководившихъ ими чувствъ. Но результаты были пагубны. По проекту, выработанному Скаргою, здѣсь не было рѣчи о полномъ сліяніи двухъ церквей. Но на дѣлѣ ужъ одно уваженіе къ органической и ритуальной автономіи присоединенной общины создавало какое-то ублюдочное тѣло, лишенное способности жизни и развитія. Вставъ преждевременно между обоими элементами, уже и такъ склонными къ сближенію, этотъ новоорганизмъ послужилъ лишь препятствіемъ къ мирному ихъ поглощенію другъ другомъ, вводя въ то же время въ среду, уже и такъ насыщенную въ этомъ отношеніи, антагонизмъ противуположныхъ идей и интересовъ.

Подъ вліяніемъ предубѣжденій, по большей части личнаго свойства, мѣстные вельможи русскаго происхожденія и православной вѣры, но связанные съ Польшею,—Висневецкіе,

Сангушко, Сапѣга, Огинскіе, Ходкевичи, Пасы, Хребтовичи, Воловичи, Корсаки во главѣ съ главнымъ воротилой этой мѣстной аристократіи, съ Константиномъ Острожскимъ, и сами оказывали противодѣйствіе. Унія отнимала у нихъ право, которымъ они владѣли скорѣй благодаря обычаю, чѣмъ по закону, вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Почти девяностолѣтній старикъ „герцогъ Острожскій“ являлся типичнымъ представителемъ этой группы. Въ настоящемъ ея видѣ украинская „казачина“ выросла съ нимъ вмѣстѣ и онъ оставался казакомъ, съ ногъ до головы. Въ молодые свои годы онъ однажды ворвался силою въ Острожскій замокъ, гдѣ жила вдова его брата Ильи, похитилъ ея дочь и отдалъ ее своему другу, Димитрію Сангушко. Когда княгиня стала протестовать, онъ бросилъ ее на землю, заставилъ священника тотчасъ-же совершить брачный обрядъ, произнесъ за свою племянницу слово согласія и принудилъ ее присутствовать на пиру, послѣ котораго былъ завершенъ бракъ съ грубой помощью слугъ Сангушко, которые превозмогли сопротивленіе невѣсты.

Въ 1569 году этотъ жестокій человѣкъ не оказалъ ровно никакого сопротивленія союзу, соединявшему русскія провинціи древняго литовскаго государства съ Польшею; онъ даже по своему показалъ себя вѣрноподданнымъ республики, но при этомъ не платилъ налоговъ ея казнѣ. Какъ большинство дворянъ, но болѣе явно, онъ презиралъ ея законы, говорилъ грубости суверену и съ милліоннымъ доходомъ оставилъ совершенно разрушеннымъ унаслѣдованный имъ Острожскій замокъ, совершенно не заботился оказать помощь кіевскимъ церквамъ поддержкою или реставраціей.

Православная религія не могла ожидать большой помощи отъ подобнаго защитника. Но она нашла себѣ другихъ. Съ Аѳонской горы раздался голосъ галиційскаго монаха, Ивана Вишни, вызвавшій въ Вильнѣ отзвукъ въ словахъ и сочиненіяхъ Стефана Зизанія, поднявшаго жаркія полемики и возбудившаго въ народныхъ массахъ новыя чувства. Даже среди казаковъ уже указанная нами индифферентность смѣнилась другимъ настроеніемъ, въ которомъ дѣло религіи слилось неожиданно съ національнымъ дѣломъ, до тѣхъ поръ совсѣмъ не существовавшимъ. Угрожаемая въ Польшѣ, греческая вѣра должна была вызвать въ умахъ идеалъ

другой Россіи, гдѣ бы она не переживала подобныхъ немилостей.

Уже въ 1622 году мы узнаемъ о путешествіяхъ въ Москву, предпринятыхъ православными прелатами Польши для того, чтобы оффиціально просить вспомоществованія, но на дѣлѣ, чтобъ добиться покровительства царя противъ „общаго врага“.

Итакъ, несмотря на усиліе іезуитовъ и польскаго правительства, которое само помогало имъ, прогрессъ Уніи былъ очень медленный, а съ другой стороны деклараціи о религіозной терпимости, много разъ высказывавшейся польскими сеймами, не соотвѣтствовали истинѣ. Гарантируя свободное исповѣданіе греческой религіи, онѣ не исполнялись католическимъ клиромъ и распростирались только на знать. Такимъ образомъ православные дворяне могли выполнять на дѣлѣ греческій ритуалъ, но это не мѣшало благороднымъ католикамъ насиловать въ этомъ волю своихъ православныхъ крестьянъ.

На дѣлѣ это былъ произвольный режимъ, въ которомъ одержало верхъ все же насильственное вынужденіе, хотя извѣстная школа историковъ впала въ этомъ отношеніи въ странныя преувеличенія. Польша отдавала чистой химерѣ то драгоцѣнное, что добыла благодаря самой мудрой политикѣ. Чрезвычайно трудная задача усложнялась особенно опаснымъ факторомъ, а вмѣшательство Рима открывало дорогу другому внѣшнему вмѣшательству, сдѣлавшемуся гораздо болѣе дѣйствительнымъ, и въ концѣ-концовъ приведшему, благодаря обстоятельствамъ, къ рѣшительному концу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Конфликтъ.

1. Побѣда плуга и реваншъ сабли. — 2. Двѣ церкви и двѣ культуры.—3. Призывъ къ Москвѣ.—4. Хмѣльницкій.—5. „Великій проектъ“ Владислава IV.—6. Катастрофа.

I.

Побѣда плуга и реваншъ сабли.

Такимъ образомъ накопились причины ужаснаго кризиса, который долженъ былъ дать тѣло и душу этому украинскому союзу разсѣянныхъ и непостоянныхъ элементовъ и въ тяжелыхъ мукахъ произвести на свѣтъ сначала эфемерное государство, а потомъ, понемногу развиваясь, ту историческую индивидуальность, конечная участь которой еще теперь составляетъ тревожную загадку: „Малороссія“. Отдѣленная отъ Польши, захваченная послѣ недолгаго опыта самостоятельной жизни другимъ политическимъ агломератомъ, она тѣмъ не менѣ сохранила въ себѣ черты оригинальности и порой часто очень честолюбивые замыслы будущаго. Первоначально, названіе „Малороссія“ прилагалось къ Волыни и къ галицкой землѣ, а въ наши дни существуютъ малороссы, составляющіе карты, гдѣ географическія границы государства, болѣе или менѣе автономнаго,—предметъ ихъ, быть можетъ, химерической мечты, а кто знаетъ, быть можетъ и реальной!—простираются отъ Дона до Вислы.

Такое видоизмѣненіе украинской проблемы явилось въ семнадцатомъ вѣкѣ слѣдствіемъ казацкихъ возстаній. Вначалѣ возстанія эти не отвѣчали никакому требованію національнаго или религіознаго характера. Первое изъ возстаній, въ 1591 году, подъ начальствомъ Христофора Козинскаго,

польскаго дворянина, какъ кажется, родомъ изъ Подляхіи, являлось лишь простымъ разбойничьимъ набѣгомъ на помѣстья князя Острожскаго, — произведеннымъ слѣдовательно во вредъ человѣку, который лучше чѣмъ кто-либо другой въ этотъ моментъ отожествлялъ въ своей личности національные и религіозные интересы, оспариваемые въ странѣ. Вынужденный сдаться послѣ неудачной битвы, во время которой тяжелые польскіе эскадроны прошли, какъ ураганъ, надъ его болѣе легкой кавалеріей, при чемъ ея лошади буквально утопали въ снѣгу, убитый вскорѣ послѣ этого во время драки въ кабакѣ, печальный герой этого предпріятія уступилъ свое мѣсто болѣе блестящему, если не болѣе достойному борцу, „Алкивіаду казацкой республики", какъ его называетъ одинъ историкъ, Северину Наливайко.

Послѣдній былъ человѣкомъ болѣе скромнаго происхожденія, сыномъ скорняка въ Гусятинѣ, маленькомъ украинскомъ мѣстечкѣ, и началъ свою дѣятельность въ милиціи князя Острожскаго. Мы не знаемъ его настоящаго имени, такъ какъ Наливайко было лишь его насмѣшливымъ прозвищемъ (отъ слова „наливать"). Большая часть казаковъ имѣла прозвища. Явившись въ Сѣчь послѣ спора изъ-за земли, какъ это потомъ случилось съ Хмѣльницкимъ, „Алкивіадъ" нашелъ тамъ своего Перикла въ лицѣ атамана Григорія Лободы.

Онъ, кажется, выступилъ въ первый разъ подъ начальствомъ этого воина, безжалостно грабя Венгрію, которую „рыцари Запорожья" по приглашенію императора Рудольфа II должны были защищать противъ турокъ. Онъ посѣтилъ потомъ Молдавію, все въ качествѣ бандита, но отказался немного позже слѣдовать за польскою арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ и татаръ. Нашелся одинъ историкъ, который похвалилъ его за это доказательство его „практическаго ума". Кажется однако, такое достоинство болѣе относится къ „Периклу", только что встрѣтившему свою Аспазію въ лицѣ молодой дѣвушки изъ благородной польской семьи, г-жи Оборской, захваченной въ окрестностяхъ Бара и выданной насильно замужъ. Это приключеніе поссорило атамана съ Польшею.

Но „Алкивіадъ" вскорѣ взлетѣлъ на своихъ собственныхъ крыльяхъ. Напавъ неожиданно на города Луцкъ и

Пинскъ и разграбивъ совершенно въ одномъ изъ нихъ домъ епископа Терлецкаго, находившагося въ то время въ Римѣ по дѣлу Уніи (въ январѣ 1596 г.), онъ сразу явился защитникомъ православной вѣры. Республикѣ пришлось послать самаго лучшаго изъ своихъ полководцевъ, Жолкевскаго, противъ этого импровизированнаго апостола и, окруженная на берегахъ Сулы въ іюнѣ 1596 года, шайка Наливайко сдалась въ свою очередь, но при этомъ совершенно оправдала украинскую пословицу, по которой нужно убить казака три раза, чтобы его душа вышла изъ тѣла. Выданный своими товарищами, Наливайко былъ привезенъ въ Варшаву, гдѣ, говорили, его сожгли на медленномъ огнѣ въ мѣдномъ быкѣ Фалариса. Мы знаемъ совершенно точно, что его просто обезглавили, но Украйна была по преимуществу страною легендъ, и въ ней разсказывали также о „каменномъ мѣшкѣ", полой колоннѣ, гдѣ будто бы Козинскій искупилъ свои подвиги.

Репрессія принесла свои плоды. Успокоенные и ободренные поляки стали энергично развивать колонизацію, создавъ въ нѣсколько лѣтъ большія помѣстья: Романово, Хвостово, Гайссыно, Гумано, Гостомлы, Сквиры, Таборовку, Лысянку, прибавивъ одиннадцать деревень къ владѣніямъ Василькова, тридцать пять къ старостіи Бѣлой Церкви. Но по тѣмъ же самымъ учрежденіямъ, укрѣпившись на религіозной почвѣ, и смутно обрисовываясь на національной, пробѣгала часто струя сопротивленія. Обративъ Аѳонскую гору въ Синай, Иванъ Вишня не переставалъ громить угнетателей истинной вѣры, и его страстныя слова электризировали все болѣе и болѣе многочисленныя группы поповъ, монаховъ, городскихъ жителей, объединившихся въ одномъ чувствѣ негодованія и глухой злобы. За вспышкой вооруженныхъ шаекъ послѣдовала другая борьба, хотя и менѣе кровавая, но такая-же страстная.

Потомъ еще разъ, въ первые годы семнадцатаго вѣка, взяло верхъ оружіе. Открывъ казакамъ поле новой дѣятельности, смутное время, созданное въ большой сосѣдней имперіи прекращеніемъ династіи Рюриковичей, должно было дать большое развитіе военнымъ братствамъ Украйны. Слѣдуя за звѣздою Лжедимитріевъ, или поступая на службу въ польскія войска, отправлявшіяся на завоеваніе вакант-

наго наслѣдства, привыкшіе къ войнѣ, экзальтированные побѣдою, обогащенные грабежомъ московскихъ областей, „запорожскіе рыцари“ показали такой пылъ, такую стойкость и смѣлость, которыхъ отъ нихъ не ожидали. Черное море влечетъ ихъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, а Днѣпръ, который они олицетворяютъ, какъ нѣкогда Баянъ въ пѣснѣ объ Игорѣ олицетворялъ Донецъ въ видѣ довѣреннаго лица своего героя, а до него Гомеръ изображалъ Скамандръ страшнымъ и милосерднымъ богомъ, Днѣпръ—Славута, какъ они называли эту рѣку, становилась способной въ ихъ воображеніи повести ихъ къ покоренію міра. Они, правда, не достигли этого, но въ 1614 году они угрожаютъ Синопу, а въ 1616 г. сжигаютъ Каффу. Война съ Персіей, въ которую она ввязались, обезоружила на время Порту, а съ другой стороны Польша также временно снискала себѣ уваженіе на Украйнѣ. Благодаря неутомимой энергіи и ловкости Жолкевскаго, ей удалось въ 1617 году даже заключить съ казаками договоръ, подписанный остріемъ сабли, на Росѣ въ окрестностяхъ Ольшанки, номинально эта конвенція довела ихъ до тысячи человѣкъ, состоящихъ на службѣ у республики.

Но это былъ лишь временный перерывъ, обязанный по большей части авторитету единственнаго дѣйствительно цѣннаго вождя, который находился тогда въ распоряженіи Запорожья. Это былъ атаманъ Петръ Конашевичъ, по прозвищу Сагайдачный. Родившись въ окрестностяхъ Самбора, въ Краснорусcіи или Галицкой Руси (восточной части современной Галиціи), произведшей въ то же время Ивана Вишню и Іова Борецкаго, дворянинъ, если судить по его оружію, на которомъ былъ вычеканенъ знакъ креста, чѣмъ онъ вызвалъ панегирикъ Саковича, этотъ человѣкъ являлся однимъ изъ послѣднихъ украинцевъ, искренно преданныхъ Польшѣ и той программѣ, которая проводилась ею въ этихъ областяхъ. И въ то же время это былъ очень ярый приверженецъ православія, горячій сторонникъ частичной мѣстной автономіи и по своему казакъ въ душѣ.

Его стремленія были, безъ сомнѣнія, самыя лучшія, но идеалъ, которымъ они соотвѣтствовали, былъ неосуществимъ. Желая подвергнуть болѣе строгой дисциплинѣ подчиненныя ему войска, Конашевичъ понималъ необходимость связать

ихъ прочнѣе съ военной организаціей республики и изгнать изъ нихъ мятежные и непокорные элементы. Но періодически испытывая полный упадокъ и отсутствіе средствъ, правительство республики разрушало одною рукою то, что оно создавало другою. Черезъ два года послѣ Ольшанскаго договора, желая помочь королевскому принцу въ виду опасности, которой онъ подвергался въ самомъ сердцѣ Московіи, оно само призвало Украйну ко всеобщему возстанію.

Храбрый и искусный солдатъ, но очень простого ума человѣкъ, Конашевичъ съ другой стороны ничего не понималъ въ выгодныхъ и заманчивыхъ сторонахъ польской культуры, которая къ тому времени прониклась всѣми утонченностями итальянскаго возрожденія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ на сторонѣ того неисправимаго блока, который противупоставляла казацкая дикость цивилизаторскому вліянію Польши. Нѣкій Замойскій только что основалъ на русской землѣ, въ Заможѣ, академію и прекрасную библіотеку. Назначенный кіевскимъ палатиномъ, его сынъ напрасно обращалъ въ галантный дворъ мѣстный замокъ, великолѣпно реставрированный, и въ немъ обращался humanissime съ „рыцарями Запорожья“: его гости предпочитали всему этому грубыя радости куреней и кабаковъ.

Проблема становилась все менѣе разрѣшимой. Польша не могла ужиться съ казаками, а между тѣмъ она не была въ состояніи обойтись безъ нихъ. Въ 1620 году послѣ удачной попытки снова разсѣять мятежныя шайки Конашевича, Жолкевскій отказался призвать ихъ къ оружію для безнадежной кампаніи, предпринятой имъ въ Молдавіи съ горстью людей. Окруженный у Цекори большой турецкой арміей, онъ погибъ, и казаки были склонны видѣть въ этомъ событіи Божіе наказаніе. Нѣкоторые изъ нихъ, изъ состава, находившагося на службѣ у республики, участвовали въ этой битвѣ, и въ числѣ ихъ чигиринскій сотникъ, Михаилъ Хмѣльницкій, который былъ убитъ. Его сынъ, Зиновій Богданъ, былъ вмѣстѣ съ нимъ, но спасся.

То былъ будущій вождь Украйны.

Послѣ этого пораженія, которое обезоружило Польшу, Украйна была на нѣкоторое время предоставлена самой себѣ. И въ это самое время на ряду съ конфликтами соціальнаго и экономическаго характера, поддерживавшими въ странѣ

постоянное тревожное настроеніе, разгорѣлась религіозная война. Борясь съ уніей, православіе попыталось перенести борьбу на почву, гдѣ она до сихъ поръ не проявляла никакой жизни. Цивилизаторскія стремленія поляковъ вызвали противъ нихъ другую культуру.

II.

Двѣ церкви и двѣ культуры.

Католическая пропаганда извѣстнымъ образомъ и въ одномъ по крайней мѣрѣ направленіи достигла нѣкоторыхъ успѣховъ въ этой средѣ. Вельможи одинъ за другимъ оставляли православіе или оставались съ нимъ внѣшнимъ образомъ связанными, чтобы сохранить за собою право на распредѣленіе церковныхъ бенефицій. Но добровольное обращеніе господъ влекло за собою обычно вынужденное совращеніе ихъ подданныхъ. Католическіе священники могли такимъ образомъ свободно захватить православныя церкви и имущество, назначенное для поддержки послѣднихъ, при чемъ пускали въ ходъ самое гнусное насиліе.

Такое посягательство вызвало впрочемъ живой протестъ. Стипендіаты православныхъ школъ (бурсаки) и служители монастырей выдержали для защиты угрожаемыхъ храмовъ не одну кровавую битву. На огромныхъ церковныхъ помѣстьяхъ, откуда очень часто нашествіе татаръ или турокъ изгоняло изъ управителей, авторитетъ хозяевъ чувствовался съ трудомъ. Украйна была велика и преданные преслѣдуемой религіи всегда могли найти тамъ для нея надежные пріюты. Казаки сами предлагали ихъ, когда нѣкоторые изъ нихъ успѣли сами сдѣлаться крупными собственниками. Завѣщаніе Тышко Волевача „гражданина и казака Чигирина“, составленное въ 1600 году, указываетъ на земельное имущество, занимавшее добрую половину теперешняго Александрійскаго уѣзда въ Херсонской губерніи, раскинувшееся на пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ лье. И захваченныя въ силу военнаго права или обращенныя въ дворянскія угодія, помѣстья этого рода не были подчинены юрисдикціи польскихъ старостъ; они были подчинены лишь казацкому самоуправленію, которое несмотря на всѣ усилія польскаго

правительства продолжало развиваться. Несмотря на всю свою вѣрность республикѣ, самъ Конашевичъ благосклонно относился съ этой стороны къ автономнымъ тенденціямъ своихъ сотоварищей по оружію, подобно тому какъ онъ старался не нарушать также незыблемость кадровъ ихъ военной организаціи.

Православіе находило для себя тамъ все болѣе прочную опору, а казаки все болѣе стремились отожествить дѣло православной вѣры съ ихъ казацкимъ дѣломъ. Уже въ 1618 году они убили главнаго викарія кіевской митрополіи, Антонія Грековича, за актъ совращенія въ унію. Черезъ два года, когда Іерусалимскій патріархъ Феофанъ прибылъ въ Кіевъ, они защищали оружіемъ собраніе, гдѣ было рѣшено нѣчто въ родѣ государственнаго переворота: возстановленіе православной іерархіи, нарушенной уніей. Тогда патріархъ, игнорируя польскіе законы, рукоположилъ въ большой церкви монастыря Кіево-Печерской лавры одного митрополита и шесть епископовъ.

Проектъ состоялъ въ томъ, чтобы поднять населеніе, прогнать уніатскихъ епископовъ, вернуть отнятыя церкви и заставить потомъ польское правительство признать совершившееся фактомъ. Передача кіевской митрополіи въ руки архимандрита Кіево-Печерской лавры, Іова Борецкаго, доказавшаго уже свою крайнюю ревность на почвѣ защиты „истинной вѣры“, и вступленіе Конашевича съ товарищами въ мѣстное братство, придали событію грозный характеръ. Мистически настроенный монахъ-аскетъ съ одной стороны, и суровый солдатъ съ другой, объединились здѣсь въ одномъ чисто-религіозномъ чувствѣ, хотя ихъ политическіе идеалы и были различны. Борецкій на дѣлѣ былъ рѣшительнымъ противникомъ Польши и уже всецѣло былъ охваченъ мыслью войти въ соглашеніе съ ея сѣверною соперницею.

Эта разноголосица съ одной стороны и слабость польскаго правительства съ другой способствовали тому, что такимъ образомъ вызванный конфликтъ потерялъ тотъ острый характеръ, который онъ сталъ, повидимому, принимать. Вначалѣ польскій сеймъ объявилъ всѣ инвеституры, произвольно розданныя православнымъ прелатамъ, недѣйствительными, но онъ не былъ въ силахъ дать практиче-

скую санкцію своему рѣшенію, и въ 1621 году Конашевичъ добился обѣщанія пересмотра декрета. За это онъ выступилъ съ 30,000 человѣкъ въ новый походъ противъ турокъ, окончившійся отступленіемъ оттоманской арміи. Но такъ-какъ дѣла оставались все въ томъ же положеніи, православная церковь раздѣлилась на двѣ отдѣльныя іерархіи, одну офиціальную и подчиненную, другую революціонную и военную. Но кризисъ былъ отсроченъ въ виду вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшей смерти Конашевича; за отсутствіемъ вождя, который могъ бы его замѣнить, казаки вернулись къ своей обычной анархіи, и частностью къ своей индиферентности въ вопросахъ вѣры.

Въ Кіевѣ между тѣмъ создался очагъ анти-уніонистской и анти-польской агитаціи, которому не суждено было угаснуть. Мѣстное братство, школа при немъ, Борецкій и нѣсколько монаховъ, которымъ онъ передалъ свой жаръ, старались не сдаваться, даже въ области литературы и науки, своимъ католическимъ противникамъ, іезуитамъ и доминиканцамъ. Задача была трудна. Среди учителей, которыми они располагали, члены образованные и пишущіе встрѣчались рѣдко, „рѣже золота и алмаза“, утверждалъ меланхолически самъ Борецкій. Эта контръ-пропаганда насчитывала много приверженцевъ. Внѣ сферы аристократической польская культура и латинская церковь одинаково не пользовались моральнымъ вліяніемъ на массу населенія, на крестьянъ и мѣщанъ, у которыхъ унія напротивъ вызывала вспышки реакціоннаго фанатизма. Но то былъ элементъ, которымъ нельзя было почти пользоваться, какъ средствомъ для интеллектуальной борьбы.

Сама унія съ своей стороны—учрежденіе разнородное и приниженное, покинутое высшими классами, склонявшимися къ католицизму, была не въ лучшемъ положеніи. И такимъ образомъ силою вещей борющіеся перенеслись на узкую почву грубой полемики и чисто матеріальнаго насилія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ апостолатъ знаменитаго уніатскаго архіепископа Полоцкаго, Іосафата Кунцевича, болѣе энергическаго, чѣмъ мудраго борца, котораго обстоятельства обратили въ мученика и котораго въ Римѣ причислили къ лику святыхъ. Но нельзя утверждать, что покушеніе на него, стоившее ему жизни, не было вызвано

его поведеніемъ и не явилось результатомъ другихъ крайне преступныхъ экцессовъ.

То былъ человѣкъ, одаренный героизмомъ, но совершенно лишенный всякой мягкости. Монахомъ онъ изгонялъ ударами палки искушенія, которыя находили на него въ его кельѣ, епископомъ, чтобы очистить церкви, взятыя у схизматиковъ, онъ доходилъ до оскверненія православныхъ могилъ, фактъ, который не опровергаютъ его защитники, и не совсѣмъ искусно оправдываютъ дѣтскою легендою о явленіяхъ, которыя сдѣлали необходимыми подобныя мѣры. 12 ноября 1623 г. виновникъ этихъ мѣръ былъ убитъ во время бунта и это убійство, тоже ничѣмъ не оправдываемое, имѣло огромное и роковое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Въ такой кровавой расправѣ съ обѣихъ сторонъ какъ бы санкціонировалась побѣда насильственныхъ мѣръ.

Желая побѣдить Кунцевича совершенно другимъ оружіемъ, Борецкій послалъ въ Витебскъ, въ качествѣ митрополита, лучшаго изъ своихъ помощниковъ, Мелетія Смотрицкаго, воспитанника іезуитовъ и иностранныхъ университетовъ, перваго русскаго доктора медицины и автора очень цѣнимой въ то время славянской грамматики.

Образованный и интеллигентный, дѣятельный и ловкій, этотъ борецъ продѣлывалъ чудеса, когда внезапно событіе 12 ноября остановило и разрушило все его дѣло. Неизбѣжныя репрессіи прервали сначала созданное имъ движеніе и вскорѣ, послѣ таинственнаго пребыванія своего на востокѣ, онъ самъ присоединился къ уніи, при чемъ свое сенсаціонное обращеніе онъ оправдывалъ интеллектуальнымъ и моральнымъ убожествомъ оставленной имъ церкви. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и компромиссовъ, вознагражденный прибыльной синекурой и титуломъ архіепископа in partibus Гіераполиса, до своей смерти въ 1633 г. онъ оставался вѣренъ на этотъ разъ принятому на себя дѣлу и заслужилъ, защищая его, имени „польскаго Цицерона“.

Это была для его старыхъ соратниковъ невознаградимая потеря. Но они нашли въ это время другого защитника, не менѣе стойкаго и еще болѣе достойнаго, но вдохновленнаго совершенно другими идеями и тенденціями. Сначала въ монастырѣ Кіево-Печерской лавры, а потомъ въ 1632 году

и въ Кіевской митрополіи, Борецкій уступилъ свое мѣсто Петру Могилѣ. Сынъ Симеона, палатина Молдавіи, онъ имѣлъ первыми своими учителями монаховъ лембергскаго братства, а потомъ докторовъ парижскаго университета. Отправленный въ изгнаніе, благодаря спорамъ между членами его семьи, нашедшій себѣ послѣ пріютъ въ домѣ Жолкевскаго, котораго сопровождалъ въ нѣкоторыхъ походахъ, онъ неизвѣстно по какимъ мотивамъ очутился въ Украйнѣ и постригся тамъ въ 1628 году, имѣя двадцать восемь лѣтъ отъ роду.

Это былъ очень любопытный типъ монаха и въ то же время честолюбца, непримиримаго сторонника православія и убѣжденнаго западника, относившагося съ одинаковою страстью къ совершенно противуположнымъ тенденціямъ. Ярый украинецъ, онъ между тѣмъ ненавидилъ казаковъ и, будучи рѣшительнымъ врагомъ Рима, въ то же время не любилъ и Москвы. Въ глубинѣ души своей интеллектуально онъ пріемный сынъ Польши, и дѣятельность, которую онъ развиваетъ на своей пріемной родинѣ, кажется плодомъ зрѣлости польской культуры, приложенной къ этой странѣ. Въ бытность свою архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, Могила совершенно въ польскомъ духѣ начинаетъ съ посылки за границу для окончанія образованія нѣсколькихъ учениковъ своей школы, между ними Иннокентія Гизеля, получившаго позже большую извѣстность; потомъ, вопреки желанію Борецкаго, онъ создаетъ коллегію, обратившуюся позже въ академію, въ которой методы обученія были скопированы съ польскихъ моделей. Латинскій языкъ тамъ пользовался особеннымъ фаворомъ, изученіе изящной литературы чередовалось тамъ съ богословіемъ, основаннымъ больше на св: Ѳомѣ, чѣмъ на греческихъ отцахъ.

Этому учрежденію суждено было сыграть значительную роль въ общемъ развитіи православной мысли, въ самомъ лонѣ сѣверной Славоніи. Всѣ позже установленные институты научнаго или религіознаго воспитанія вдохновлялись имъ и подчинялися дѣйствію польской культуры вплоть до нѣкотораго уничтоженія оригинальныхъ мѣстныхъ элементовъ, ею заглушенныхъ. Польша здѣсь использовала великолѣпно послѣдніе дни своего заката. Но политическая и соціальная эволюція Украйны не претворилась въ ней. Она неизмѣнно держалась другого направленія. Верхніе и средніе слои на-

селенія были охвачены польскимъ движеніемъ, но масса, крестьяне и казаки, были ему враждебны, какъ и раньше, и печальная серія возстаній, возобновлявшихся періодически, но всегда съ новой силой, такъ и не прерывалась.

Когда въ 1625 году казаки предложили поддержать князя Александра Ахджія, предполагаемаго сына Магомета III и претендента на турецкій тронъ, польскому правительству, угрожаемому оттоманскимъ нашествіемъ, пришлось сдѣлать попытку новыхъ репрессій. Строгіе приказы, опиравшіеся на внушительную военную силу, предписывали неуклонное выполненіе прежде изданныхъ, но не исполнявшихся установленій. „Зарегистрированные“ казаки, теперь въ числѣ уже шести тысячъ, были приглашены исключить изъ своей среды всѣхъ незаписанныхъ и подчиниться безпрекословно гражданскимъ и военнымъ властямъ республики. Принимая во вниманіе обстоятельства, не трудно было предвидѣть отвѣтъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ: въ нихъ еще жива была душа Іова Борецкаго.

III.

Обращеніе къ Москвѣ.

Уже въ 1622 году, послѣ смерти Конашевича, бывшій тогда у власти архимандритъ Кіево-Печерской лавры, Исайя Копинскій, послалъ въ Путивль, пограничный московскій городъ, попа съ порученіемъ переговорить съ мѣстными воеводами. Посланецъ долженъ былъ просить помощи у царя противъ поляковъ, преслѣдователей „истинной вѣры“, и просить также убѣжища для ста пятидесяти украинскихъ монаховъ, которыхъ должно было сопровождать большое число казаковъ. Эта попытка осталась безъ отвѣта и ея иниціаторы думали нѣкоторое время обратиться къ Турціи, начавъ такимъ образомъ политику, въ которую такъ виртуозно сыгралъ позже Хмѣльницкій. Потомъ въ 1625 году самъ кіевскій митрополитъ, Іовъ Борецкій, занялся организаціей трехъ посольствъ, получившихъ мандаты отъ „казацкой арміи“, православныхъ епископовъ Украйны и князя Александра, возобновить въ Москвѣ прерванные переговоры. У насъ существуютъ по поводу этой миссіи довольно смут-

ныя свѣдѣнія, но, какъ кажется, она преслѣдовала двойную цѣль: побудить царя взять Украйну подъ свое покровительство и помочь возвращенію Константинополя въ лоно христіанства черезъ посредство претендента, уже обращеннаго въ православную вѣру. Въ одной своей части планъ этотъ явился изъ ряда вонъ выходящимъ, съ другой стороны, онъ былъ преждевременнымъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ наградилъ посланцевъ хорошими словами и нѣсколькими соболями, принцъ Александръ былъ признанъ вскорѣ обманщикомъ, а казацкая армія, разбитая въ Медвѣжьей Лозѣ подъ Кременчугомъ, вынуждена была подчиниться. Но уже были поставлены вѣхи на этомъ пути, и движеніе не могло миновать его.

Эта армія не долго оставалась подчиненною. Тайна начатыхъ переговоровъ съ Москвою была обнаружена, и „военная комиссія“ уже занялась въ Украйнѣ розыскомъ отвѣтчиковъ и заговорщиковъ, и въ то же время Польшѣ пришлось встрѣтиться съ новымъ бунтомъ, управлявшимся главою незарегистрированныхъ казаковъ или исключенныхъ изъ списка выписчиковъ, какъ ихъ называли. Извѣстный подъ именемъ Тараса, этотъ атаманъ явился лишь орудіемъ въ рукахъ еще жившаго въ то время Борецкаго. Въ его шайкѣ фигурировалъ одинъ изъ сыновей архимандрита, Стефанъ.

Возстаніе было подавлено, какъ и всѣ предшествующія. Москва тоже не думала болѣе вмѣшиваться, но казаки остались вѣрны надеждѣ на помощь извнѣ, и по поводу ея уже создалась цѣлая легенда заманчивыхъ обѣщаній. И въ этихъ надеждахъ они черпали новую смѣлость. Въ 1632 году, отправивъ депутатовъ въ Варшаву, гдѣ только что умеръ Сигизмундъ III, они заговорили тономъ, какимъ до сихъ поръ не привыкли говорить. Они требовали для себя участія въ выборахъ новаго короля, дѣлали попытку войти въ непосредственные переговоры съ королевскимъ принцемъ, назначеннымъ кандидатомъ, и подкрѣпляли свои требованія высокомѣрными угрозами. Развѣ они не составляютъ такую же часть республики, какъ и шляхта? Представители шляхты были этимъ глубоко оскорблены. „Эти люди составляютъ одну изъ частей республики,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—это вѣрно, но какъ волосы и ногти, которые необхо-

димо стричь". Но республиканскія ножницы уже слишкомъ притупились, а съ другой стороны, королевскій принцъ, призванный наслѣдовать своему отцу, былъ польщенъ довѣріемъ, оказаннымъ ему „рыцарями Запорожья". Онъ далъ имъ это понять и тѣмъ усилилъ еще ихъ смѣлость.

Такимъ образомъ подготовлялось выступленіе на сцену человѣка, предназначеннаго къ тому судьбою и, какъ прямой продуктъ вулканическихъ силъ, дѣйствовавшихъ на его родинѣ, онъ выступилъ въ часъ, обозначенный прогрессомъ ихъ работы, не для того, чтобы дать имъ направленіе, что превосходило всякую мѣру человѣческаго ума, но чтобы просто въ силу исключительной своей личности и благодаря дѣйствительному таланту организатора овладѣть неизбѣжнымъ и страшнымъ взрывомъ.

IV.

Хмѣльницкій.

Этотъ сынъ сотника, убитаго въ Цекорѣ, еще ни чѣмъ въ то время не обнаруживалъ признаковъ личности, призванной сыграть большую историческую роль. Онъ былъ просто такой же „зарегистрированный" казакъ, какъ и его отецъ, и, какъ послѣдній, онъ занималъ въ военной іерархіи низшій рангъ. Происхожденіе этой фамиліи неизвѣстно, и генеалогія, приписывающая „герцогу Украйны" болѣе или менѣе знаменитыхъ предковъ, должна быть отнесена къ области фантазіи. То же слѣдуетъ сказать и о басняхъ, собранныхъ нѣкоторыми историками по поводу также плохо извѣстнаго начала этой чрезвычайной карьеры. Два Хмѣльницкихъ или Chmielnicki, по польской орѳографіи, одинъ низкаго званія, другой благороднаго, но оба бѣдные „безмѣстные" извѣстны въ 1637 году въ палатинатѣ Волыни, но, какъ кажется, они явились туда только недавно, быть можетъ, изъ Мазовіи, гдѣ, кажется, существовали мелкіе дворяне того же имени. Корень этого имени, хмѣль по-русски, chmiel по-польски, не даетъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, имѣя одинаковое значеніе на обоихъ языкахъ: „хмѣль" и въ переносномъ смыслѣ „пьянство" по-русски.

Богданъ Хмѣльницкій или Chmielnicki неоднократно самъ

указывалъ на низкое свое происхожденіе. Онъ этимъ даже хвасталъ. Съ находившимся у него на службѣ затемъ будущаго герцога Адамъ Кисель обходился, какъ съ „простымъ крестьяниномъ". Позже вождь Украйны приписывалъ себѣ послѣдовательно всѣ гербы различныхъ польскихъ фамилій. Доказательствомъ того, что онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ нихъ, служитъ тотъ фактъ, что въ 1661 году одинъ изъ его потомковъ просилъ у польскаго правительства дворянской грамоты. Женатый на дочери молдавскаго господаря, собственный сынъ Богдана, Георгій, приписывалъ себѣ родство съ Везыкъ-Хмѣльницкимъ, но и самое существованіе такой фамиліи польскихъ дворянъ остается въ области гипотезъ. По поводу этого брака была даже подана господаремъ за своего зятя просьба правительству республики о польскомъ подданствѣ. Фактъ этотъ исключаетъ всякую мысль о принадлежности Хмѣльницкаго къ польской аристократіи. Если, наконецъ, въ эпоху своихъ побѣдъ Богданъ имѣлъ бы благородныхъ родичей въ Польшѣ, какъ понять, что ни одинъ не постарался использовать такую связь? Мелкій чиновникъ канцеляріи, Бюренъ, ставшій всемогущимъ любимцемъ императрицы Анны, вѣдь нашелъ себѣ кузена даже среди Бироновъ Франціи!

Совсѣмъ другое указаніе по этому поводу даетъ намъ очень извѣстный въ свое время украинскій писатель, Ѳома Падурра. На основаніи одной замѣтки, сохранившейся въ архивахъ фамиліи Шереметьевыхъ, и подвержденной другими документами, онъ доказываетъ, что отцомъ „герцога Украйны" былъ еврей, мясникъ изъ города Хмѣльника въ Подоліи, по имени Берко, крещеный Михаиломъ. Поселившись въ деревнѣ Субботово и содержа тамъ кабакъ, этотъ ренегатъ сталъ такъ ненавистенъ мѣстнымъ жителямъ, что тѣ наняли татаръ, которые увезли его вмѣстѣ съ его сыномъ. Отсюда его пребываніе въ Крыму, указанное въ біографіи Хмѣльницкаго, и близкое его знакомство съ мусульманскимъ міромъ, сыгравшее такую большую роль въ его карьерѣ. Однако эта версія имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку она указываетъ на разность предположеній по поводу происхожденія этой личности. Ни по своей физической структурѣ, какъ это свидѣтельствуютъ, хотя и не совсѣмъ достовѣрные источники, ни по своему темпераменту

Хмѣльницкій, казалось, не имѣлъ ничего общаго съ семитизмомъ.

Болѣе важными для разрѣшенія этой загадки являются тѣ обстоятельства, которыя въ первый разъ выдвинули на арену исторіи будущаго героя. Въ Субботовѣ, въ деревнѣ, расположенной по лѣвому берегу Тасмины, находилась его слобода, маленькое помѣстье, принадлежавшее къ чигиринской старостіи. Основываясь на законѣ, запрещавшемъ казакамъ плебейскаго происхожденія создавать подобныя угодья, управитель старостіи, Чаплинскій, стремился изгнать его оттуда. Отсюда возникъ процессъ, въ которомъ съ успѣхомъ было пущено въ ходъ неблагородное происхожденіе владѣльца слободы.

До этого случая все составляетъ загадку въ жизни Богдана. Одно лишь его присутствіе при Цекорѣ и плѣнъ у татаръ являются почти вѣроятными данными. Кажется также, что онъ служилъ потомъ въ Бродахъ у Потоцкаго. Подобно многимъ другимъ, онъ, безъ сомнѣнія, оставилъ домъ польскаго магната, чтобы на нѣкоторое время предаться грабежамъ съ казаками Запорожья, составить себѣ состояніе и зажить въ окрестностяхъ Чигирина. Онъ получилъ нѣкоторое образованіе, благодаря своему пребыванію въ школѣ лембергскихъ іезуитовъ но, кажется, онъ учился только въ первыхъ классахъ, и, если у Коховскаго онъ говоритъ полатыни,—Костомаровъ и вслѣдъ за нимъ другіе историки не считаются совершенно съ этимъ,—то лишь потому, что тотъ самъ писалъ на этомъ языкѣ. Среди своихъ неграмотныхъ сотоварищей ученикъ іезуитовъ могъ безусловно сойти за ученаго, и они посылали его нѣсколько разъ съ депутаціями въ Варшаву, по поводу возникшихъ въ 1635 году споровъ о построеніи уже упомянутой Кодакской крѣпости. На почвѣ этого факта возникли два другихъ возстанія, въ теченіе которыхъ крѣпость была взята и гарнизонъ подъ командою француза Маріона былъ вырѣзанъ. Главари возстанія, Сулима и Павлюкъ, въ свою очередь подверглись участи Наливайко, въ 1637 году, подъ Кумейки, и новый трактатъ о подчиненіи временно обезоружилъ казаковъ. Хмѣльницкій при этомъ фигурировалъ въ качествѣ писаря запорожскаго войска.

Онъ не долго выполнялъ эту функцію. Едва подсохли

чернила на трактатѣ, какъ лица, подписавшія его, возобновили борьбу подъ начальствомъ Остранина или Остраницы, казака родомъ, вѣроятно, изъ города Остра на московской границѣ, и на этотъ разъ борьба окончилась тѣмъ, что „рыцари Запорожья“ потеряли право назначать своихъ атамановъ и другихъ начальниковъ или чиновниковъ, выборъ которыхъ, сохраненный теперь за правительствомъ республики, долженъ былъ отнынѣ падать лишь на подданныхъ, принадлежавшихъ къ знати. Хмѣльницкій, будучи исключенъ по этому поводу или по какому-нибудь другому, теперь упоминается уже, какъ простой чигиринскій сотникъ.

Созданный такимъ образомъ новый порядокъ былъ очень тягостенъ для побѣжденныхъ, подчинивъ ихъ безповоротно авторитету польскаго „коммисара“ и сопровождаясь репрессіями, по всей вѣроятности преувеличенными мѣстными лѣтописями, но крайняя жестокость которыхъ подтверждается даже польскими историками. Теперь уже королемъ былъ Владиславъ IV, и польское правительство должно было съ сожалѣніемъ прибѣгнуть къ нимъ, за недостаткомъ другихъ средствъ прекратить эти возстанія, такъ какъ они, учащаясь и усиливаясь, грозили страшнымъ кризисомъ. Лично король склонялся къ умѣренности и даже къ нѣкоторой снисходительности по отношенію къ казакамъ, которую многіе изъ его подданныхъ считали неумѣстной. Однимъ изъ его первыхъ начинаній явилось обнародованіе эдикта о религіозной терпимости, доходящей до признанія православной іерархіи, установленной патріархомъ Ѳеофаномъ. Послѣднее вызвало въ свое время протестъ Святого Престола и съ тѣхъ поръ не переставало наводить католическихъ писателей на самыя горькія размышленія. Взявъ примѣръ съ государя, польскія власти Украйны также съ своей стороны отказались отъ злоупотребленій неизбѣжныхъ въ извѣстныхъ намъ условіяхъ. Въ 1647 году, несмотря на постигшую его немилость, Хмѣльницкій самъ призналъ это, отправивъ жалобу къ главному королевскому генералу, Николаю Потоцкому, по поводу несправедливости, жертвою которой онъ считалъ себя, и присоединивъ къ своей просьбѣ рядъ указаній на другіе случаи, когда тотъ, къ кому онъ обращался, неоднократно считалъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ пользу попранной справедливости. При этомъ бывшій писарь уже

льстилъ себя надеждою, что лучше успѣетъ, если обратится съ аппеляціей къ самому королю.

То начиналось дѣло Субботовской слободы.

Еврейскій хронистъ эпохи, Натанъ Ганноверъ самъ оговорился, что предалъ Хмѣльницкаго жадности чигиринскаго старосты, Конецпольскаго, утверждая, что прежній казацкій писарь былъ очень богатъ. И эта подробность подтверждается также варіантомъ изъ другого источника. По другой версіи, тяжба Хмѣльницкаго съ управляющимъ старосты Чаплинскимъ имѣла поводомъ соперничество на почвѣ любви. Вѣрно лишь то, что владѣлецъ слободы былъ раззоренъ, сынъ его подвергся тяжелымъ репрессіямъ, но, кажется, отецъ его уже слишкомъ преувеличивалъ послѣднія.

Споры подобнаго рода происходили ежедневно въ этой странѣ. До тѣхъ поръ, пока Хмѣльницкій поселился на этой землѣ, спорный участокъ, по всей вѣроятности, не принадлежалъ никому. Но, очевидно, онъ принадлежалъ къ тѣмъ землямъ, которыя были предоставлены колонистамъ благороднаго происхожденія, которые одни имѣли jus primi occupantis. Хмѣльницкій представилъ со своей стороны актъ концессіи, но, не будучи зарегистрированнымъ, этотъ документъ уже не имѣлъ никакой юридической цѣнности. Получивъ отказъ въ судахъ, лишенный имѣнія, онъ отправился въ Варшаву и получилъ тамъ отъ короля хартію, дѣлавшую его наслѣдственнымъ владѣльцемъ этого помѣстья. Государь принялъ сторону казака противъ польскаго вельможи и противъ закона.

Хмѣльницкій съ тріумфомъ возвратился на родину, какъ вдругъ узналъ, что въ его отсутствіе Чаплинскій не только захватилъ спорное владѣніе, но даже увезъ другой предметъ ихъ спора, женщину, которую любили они оба и на которой управитель хотѣлъ жениться законнымъ образомъ и по католическому обряду. Вдвойнѣ уязвленный, сотникъ пустился въ путь, чтобы попытать счастья у сейма, но тамъ испыталъ новую неудачу. Можно себѣ представить, какую широкую извѣстность получилъ этотъ странный процессъ, явившійся въ результатѣ конфликта между казакомъ и полякомъ, и въ то же время между двумя частями республиканскаго правительства: между собраніемъ дворянъ и королемъ.

Поведеніе Владислава IV въ этомъ дѣлѣ объяснялось впрочемъ личными видами и частными планами, послужившими въ то же время сюжетомъ для легенды, полной необычайныхъ выдумокъ чисто авантюристскаго характера.

V.

Великій проектъ Владислава IV.

Храбрый солдатъ и принцъ, стремившійся къ славѣ, сынъ Сигизмунда не мирился съ неудачными попытками захватить московскій тронъ. Уже давно неустанный воинскій пылъ и честолюбивое желаніе реванша тянули его на юго-западъ, гдѣ кровь Жолкевскаго еще вопила о мести. На славной могилѣ побѣжденнаго при Цекорѣ онъ велѣлъ написать слѣдующую эпитафію:

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor [1]).

И еще разъ химера крестоваго похода вырисовывалась въ умѣ этого наслѣдника героическихъ преданій. Въ 1645 году прибытіе въ Варшаву посланника Венеціи, Тьеполо, дало обликъ его мечтѣ. Этотъ посланникъ прибылъ въ Польшу не только для того, чтобы заключить союзъ противъ турокъ. На завтра послѣ появленія оттомановъ подъ стѣнами Кандіи, синьорія жаждала только мира, который не былъ бы слишкомъ позорнымъ. Она имѣла основаніе думать, что, раздѣливъ силы своего противника, она сдѣлаетъ его болѣе покладистымъ и только ради этой единственной диверсіи она была готова, несмотря на истощеніе своихъ финансовъ, пожертвовать нѣкоторой денежной суммой.

Владиславъ совершенно не проникалъ въ эти тайныя намѣренія, или не старался раскрыть блестящую фразеологію, въ которую ихъ облекали. Преслѣдуя свою собственную цѣль, онъ видѣлъ въ сдѣланныхъ ему предложеніяхъ только средство овладѣть тѣмъ, чего ему недоставало для осуществленія своего плана: нервомъ войны. И съ той и съ другой стороны, не очень настаивая, хлопотали о составленіи антиоттоманской лиги; болѣе серьезно спорили о цифрѣ суб-

---

[1]) Родится мститель изъ нашихъ костей.

сидіи, которая можетъ понадобиться для этого, и кончили соглашеніемъ, но отнюдь не абсолютный государь Владиславъ не былъ въ силахъ вовлечь въ предпріятіе республиканское государство, участькотораго была въ его рукахъ, или могъ прибѣгнуть лишь къ обходнымъ средствамъ. Для этого ему была необходима помощь казаковъ. Напустивъ на турокъ или даже только на татаръ эту свору, всегда готовую укусить, онъ имѣлъ всевозможные шансы довести дѣло до конца.

Такимъ образомъ подъ давленіемъ Тьеполо король не только долженъ былъ обласкать своихъ необходимыхъ помощниковъ, но и возстановить ихъ военное могущество, которое правительство Республики такъ долго стремилось разбить. Въ январѣ 1646 года было даже рѣшено, что запорожцы двинутся въ море съ сорока чайками. За это обѣщаніе венеціанскій посланецъ обязывался доставить въ два года сумму въ 600,000 экю.

И это было все; но на этой канвѣ народное воображеніе нарисовало самыя фантастическіе узоры. Въ Украйнѣ говорили о хартіи, которую будто бы король далъ казакамъ и по которой они могли пользоваться старыми привилегіями. Иванъ Барабашъ, простой полковникъ, обратившійся силою вещей въ гетмана, считался укрывателемъ этого документа. Имъ позже воспользовался и Хмѣльницкій, хотя никогда его и не показывалъ. По всей вѣроятности эта басня была вызвана письмомъ короля, разрѣшавшимъ казакамъ строить чайки.

Такимъ-же образомъ въ Европѣ стали поговаривать объ образованіи арміи изъ всѣхъ христіанскихъ державъ, которыя должны были войти въ коалицію и предпринять походъ противъ турокъ, при чемъ ея начальникомъ указывали уже маркиза Людовика де Северака, будущаго герцога Арпажонскаго, а тогда французскаго посла въ Польшѣ. Позже говорили даже, что Хмѣльницкій ѣздилъ во Францію для предварительныхъ переговоровъ и этимъ объяснялось присутствіе двухъ тысячъ казаковъ подъ стѣнами Дюнкиркена, отнятаго въ 1646 году герцогомъ Енгіенскимъ у испанцевъ. Никогда ни одинъ казакъ не вступалъ на почву Франціи и эта другая выдумка имѣетъ своимъ несомнѣннымъ источникомъ переговоры, которые были начаты раньше въ Варшавѣ марки-

зомъ де Бреги, предшественникомъ Северака, для рекрутскаго набора въ Польшѣ, хотя эти переговоры ничѣмъ не увѣнчались.

Не заботясь совершенно о тревогѣ, которая была имъ поднята въ Украйнѣ или въ другихъ мѣстахъ, Владиславъ не терялъ ни минуты для того, чтобы привести въ исполненіе свой великій проектъ. Довѣривъ эту тайну нѣсколькимъ вліятельнымъ лицамъ и заручившись поддержкою великаго короннаго генерала Конецпольскаго, отца чигиринскаго старосты, онъ произвелъ большой наборъ и собралъ необходимый провіантъ. Онъ думалъ, что цѣль близка, но увы! въ мартѣ 1646 года смерть Конецпольскаго, женившагося шестидесяти лѣтъ отъ роду на молодой красавицѣ, перевернула вверхъ дномъ всѣ эти планы. Въ это время, поднимая огромную шумиху на всемъ европейскомъ континентѣ, эти приготовленія вызвали уже въ Польшѣ довольно сильный протестъ. Крупные чиновники, не посвященные въ тайну, возбуждали шляхту. А когда авторитетъ великаго генерала пересталъ прикрывать дѣйствія короля, эти признаки недовольства обратились въ цѣлую бурю. Вооруженія, производимыя тайно и поддержка казаковъ приняли въ возбужденныхъ умахъ характеръ не нападенія на турокъ, а заговора для уничтоженія республиканскихъ свободъ и установленія абсолютной власти.

Собравшись въ ноябрѣ 1646 года, Сеймъ разразился градомъ обвиненій и потребовалъ отъ короля роспуска собранныхъ войскъ, сохраненія мира съ Турціей и возобновленія прежнихъ приказовъ, воспрещавшихъ казакамъ походы на море. Это было крушеніе всего дѣла, и Владиславу пришлось отъ него отказаться. Но онъ былъ обязанъ своему шведскому происхожденію тѣмъ упорствомъ, которое, соединясь со славянскою фантазіей, мѣшало ему считаться, какъ слѣдуетъ, съ препятствіями. Онъ не зналъ, кромѣ того, какъ освободиться отъ обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ казакамъ и чувствовалъ, что, вернувшись снова къ тому, что уже было сдѣлано, онъ рисковалъ вызвать новое возстаніе, для котораго онъ самъ же далъ казакамъ оружіе въ руки. И онъ упрямился, придавая этому неудавшемуся предпріятію все болѣе и болѣе химерическій и опасный характеръ. Распредѣляя мѣста, ввиду смерти Ко-

нецпольскаго, онъ всячески старался найти себѣ поддержку среди нѣкоторыхъ могущественныхъ фамилій и это заставило его отдать два главныхъ мѣста въ начальствованіи надъ арміей двумъ явно ничтожнымъ личностямъ. Въ то-же время онъ привлекъ въ Варшаву нѣсколько извѣстныхъ казаковъ, прославившихся во время процесса Хмѣльницкаго и ночью сносился съ ними, подавъ этимъ поводъ къ созданію новыхъ легендъ. Распространился слухъ о второй хартіи, доводящей число зарегистрированныхъ до 20,000 человѣкъ, и запрещавшей польскимъ войскамъ переходить линію Бѣлой Церкви. Разсказывали также, что, когда Хмѣльницкій запрашивалъ его по поводу его слободы, король далъ ему свою собственную саблю и поручилъ ему употреблять ее въ защиту отъ всѣхъ непріятелей, которые встрѣтятся казакамъ въ Украйнѣ.

„Запорожскіе рыцари“ знали, что власть государя не въ силахъ поколебать рѣшеній законодательнаго органа республики, и документъ, въ которомъ онъ такъ необычайно перешелъ границы своей власти, никогда не былъ воспроизведенъ. Что же касается до исторіи съ саблею, то бывшій тогда въ Варшавѣ московскій агентъ Кунаковъ упоминаетъ объ этомъ въ своемъ рапортѣ, хотя эта исторія, при ея различныхъ толкованіяхъ, ни въ какой версіи не является пріемлемой. Въ этомъ рапортѣ Владиславъ представленъ рисующимъ саблю и передающимъ Хмѣльницкому это изображеніе въ знакъ признательности, но тутъ мы имѣемъ дѣло просто съ отраженіемъ какого-либо незначительнаго обстоятельства.

Болѣе серьезно, хотя и очень безразсудно, король вторично вмѣшался въ это страшное приключеніе. Въ мартѣ 1646 году московское посольство сдѣлало ему предложеніе, несомнѣнно согласовавшееся съ его проектомъ: соединеніе днѣпровскихъ казаковъ съ донскими для нападенія на Крымъ и общія дѣйствія соединенными арміями обѣихъ странъ въ случаѣ возникновенія изъ-за этого войны. Хотя переговоры не были еще закончены, но Владиславъ думалъ обойтись безъ этой помощи. Теперь, въ іюнѣ 1647 года, онъ поручилъ собственному посланнику въ Москвѣ, Адаму Киселю, подписать формальный союзъ съ царемъ. Оставивъ для себя войну съ Турціей, онъ надѣялся, что московитяне не дадутъ хода крымскимъ татарамъ. Инервированный затрудненіями,

которыя ему встрѣчались на пути, снѣдаемый болѣзнью, которая вскорѣ свела его въ могилу, онъ отдался во власть форменныхъ галлюцинацій, мечтая о вмѣшательствѣ папы, императора, итальянскихъ и германскихъ принцевъ, Франціи, Испаніи и Швеціи. Довѣрясь звѣздамъ, обѣщавшимъ ему черезъ его астролога полную побѣду, и благопріятной судьбѣ своей жены, Маріи Гонзаго, которой кудесники предсказали наслѣдство Палеологовъ, онъ продолжалъ витать въ своихъ грезахъ.

На дѣлѣ всѣ эти событія произвели страшный ударъ по всей Украйнѣ, гдѣ, переходя отъ надеждъ, возбужденныхъ въ нихъ государемъ, къ суровому третированію со стороны сейма казаки доходили до пароксизма крайняго возбужденія и гнѣва. Прибывъ въ страну въ августѣ 1647 г., великій канцлеръ Польши, Георгій Оссолинскій, пытался успокоить умы. Но тотчасъ-же распространился слухъ, будто-бы онъ явился, чтобы призвать „Запорожскихъ рыцарей“ для нападенія на турокъ во главѣ большой арміи, которой будетъ командовать Хмѣльницкій!

Настоящая цѣль этого путешествія канцлера и та роль, которую онъ въ немъ игралъ, остаются довольно загадочными.

По всей вѣроятности, преданный Владиславу, Оссолинскій просто ограничился увѣреніемъ казаковъ въ томъ, что король не оставилъ своего проекта, и это было вѣрно. Смерть единственнаго сына, послѣдовавшая въ это время, только увеличила воинственный пылъ несчастнаго монарха. „Если-бы Богъ взялъ его у меня раньше, говорилъ онъ, я бы не уступилъ сейму!“ Не будучи въ состояніи болѣе собрать войска, онъ пытался получить хотя какіе-либо отряды изъ Франціи или Швеціи и отказался ради этого отъ вмѣшательства въ Вестфальскій миръ. Онъ завелъ переговоры съ эмиссарами Греціи и Болгаріи, даже съ марокскимъ посланникомъ! Но обо всемъ этомъ ничего не знали на Украйнѣ и тамъ напротивъ были увѣрены, будто-бы, вступивъ въ открытый конфликтъ съ польскою знатью, король думаетъ призвать подъ свои знамена до ста тысячъ казаковъ — дошли уже до этой цифры! — въ то время, какъ шляхта только и думала о томъ, чтобы обратить ихъ всѣхъ въ крестьянъ, со всею тяжестью барщины. И слѣдовательно намѣреніе государя состояло въ томъ, чтобы

его вѣрноподданные въ Украйнѣ выступили противъ польскихъ мятежниковъ, которые шли наперекоръ его великодушнымъ намѣреніямъ и великимъ проектамъ. Оттого онъ и выбралъ Хмѣльницкаго, который, побывавъ жертвою еще болѣе жестокой несправедливости, сумѣетъ, мстя за нее, защитить общее дѣло.

Вмѣстѣ со своими товарищами и чигиринскій сотникъ, безъ сомнѣнія, пережилъ также моментъ опьяненія этими заманчивыми представленіями, совершенно аналогичными тѣмъ, которыя и въ Москвѣ послужили исходною точкою для нѣкоторыхъ народныхъ движеній, и онъ оказался назначеннымъ принять на себя начальство не надъ громадной арміей, которая не существовала, но надъ шайкою бунтовщиковъ, которыхъ легко было соединить на берегахъ Днѣпра. Не совсѣмъ удачный исходъ послѣднихъ возстаній можетъ быть еще пока и удержалъ бы его отъ выступленія, если бы одна мѣра репрессіи, вызванная тѣми же ложными слухами, не заставила его выбирать между несомнѣнною гибелью и смѣлою попыткою, на которую онъ бросился со всѣми своими приверженцами.

По доносу, полученному новымъ короннымъ генераломъ, полковникъ Переяславля, Янъ Кречковскій получилъ приказаніе арестовать потерпѣвшаго владѣльца слободы въ Субботовѣ и разстрѣлять его. Случайно или измѣняя приказанію, казацкій офицеръ упустилъ своего плѣнника, и Хмѣльницкій очутился въ Сѣчи. Взрывъ наступалъ.

VI.

Катастрофа.

Бѣглецъ, несмотря на уже пріобрѣтенную имъ популярность, встрѣтилъ сначала въ братствѣ довольно холодный пріемъ.

Близость его съ Барабашемъ, извѣстнымъ своими польскими наклонностями, дѣлала изъ Хмѣльницкаго лицо подозрительное. Загладивъ это первое впечатлѣніе, онъ кажется не пришелъ тотчасъ же къ рѣшенію, которое должно было привести его такъ далеко. Несмотря на цѣлый рядъ поддѣлокъ его корреспонденція съ разными высокими лицами

республики показываетъ, что онъ вначалѣ былъ озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ милостивое отношеніе. Онъ защищается противъ обвиненій въ дурныхъ намѣреніяхъ, прося для себя и для своихъ товарищей лишь использованія „королевской хартіи", которая была передана Барабашу. Эта пресловутая хартія представляла изъ себя, надо полагать, письмо Владислава съ разрѣшеніемъ казакамъ строить чайки. Она находилась у Хмѣльницкаго послѣ кражи, о которой имѣются разныя версіи. Имѣя на нижнемъ Днѣпрѣ дѣло съ людьми, не умѣвшими читать, онъ могъ объяснять, какъ хотѣлъ, текстъ этого документа и придать ему такую важность, что бѣглеца стали вскорѣ считать владѣльцемъ необыкновеннаго сокровища. Престижъ, полученный имъ благодаря этому, и искусство, съ которымъ онъ умѣлъ имъ пользоваться, въ концѣ концовъ доставили ему титулъ гетмана всего запорожскаго войска.

Но пока онъ все еще не думалъ поднять знамя возстанія. Помимо того, что время было для того неподходящее, новый вождь дѣлалъ оцѣнку тѣмъ средствамъ, которыя онъ могъ найти на мѣстѣ для подобнаго предпріятія. Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ въ теченіе двадцати лѣтъ, казаки достаточно ясно показали свою безпомощность. Ничто не подтверждаетъ широко распространеннаго тогда мнѣнія, будто-бы Хмѣльницкій ѣздилъ за это время въ Крымъ. Но онъ употребилъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ на трудные переговоры, предметомъ которыхъ являлась поддержка татаръ. Такъ какъ Порта въ это время жила въ мирѣ съ Польшею, ханъ долженъ былъ отказаться, не безъ сожалѣнія отъ выступленія въ походъ своей арміи; но въ это время нѣсколько польскихъ украинскихъ вельможъ устроили набѣгъ на его владѣнія и угнали у него много скота, и въ видѣ репрессіи ханъ нашелъ возможнымъ тогда дать казакамъ нѣсколько тысячъ своихъ всадниковъ подъ начальствомъ перекопскаго мурзы, Тухайбея. Этого только и нужно было Хмѣльницкому. Онъ разсчитывалъ въ данномъ случаѣ не столько на количество этихъ помощниковъ, сколько на моральный эффектъ, который долженъ былъ произвести самый фактъ присутствія крымцевъ какъ среди его товарищей, такъ и въ рядахъ его противниковъ. Онъ не ошибся въ разсчетѣ, и уже одно

это доказываетъ въ немъ наличность необходимыхъ для войны данныхъ, хотя онъ и не обладалъ большой опытностью и знаніями.

Оно указываетъ также на отсутствіе разборчивости въ средствахъ, и эта черта въ дальнѣйшемъ только подтверждается начатой такимъ образомъ карьерою украинскаго героя. Но въ этомъ отношеніи Хмѣльницкій могъ привести примѣръ не одного христіанскаго принца, и на дѣлѣ этотъ компрометирующій союзъ одинъ лишь отличалъ его предпріятіе отъ предпріятій, въ которыхъ пали Наливайко и Павлюкъ, и онъ обезпечивалъ ему совершенно другой успѣхъ. Онъ, конечно, безпокоилъ совѣсть тѣхъ, которые имъ пользовались. Одна украинская легенда говоритъ о татаринѣ, ударившемъ въ оскверненной церкви саблей образъ Богоматери, откуда тотчасъ потекла ручьями кровь. Но какъ первые удачные шаги возстанія, такъ и всѣ его дальнѣйшія перипетіи — находились въ зависимости отъ этой помощи. Вначалѣ кромѣ того успѣхъ возстанія былъ обусловленъ также невѣроятной неспособностью главнаго начальства польской арміи, представленнаго въ этотъ критическій моментъ двумя новыми генералами: Николаемъ Потоцкимъ и Мартиномъ Калиновскимъ.

Находясь на мѣстѣ, Потоцкій былъ, конечно, хорошо освѣдомленъ о подготовлявшемся событіи. Въ противоположность Хмѣльницкому онъ имѣлъ за собою долгое военное прошлое. Въ шестнадцать лѣтъ онъ уже командовалъ въ 1611 году эскадрономъ подъ стѣнами Смоленска и съ тѣхъ поръ не переставалъ принимать участіе противъ москвитянъ и шведовъ, турокъ и казаковъ во всѣхъ походахъ, въ которыхъ участвовала польская армія. Но человѣкъ ограниченнаго ума, распутникъ и пьяница, онъ вынесъ изъ этой школы одно только крайнее высокомѣріе. Повинуясь настоятельнымъ совѣтамъ короля, начавшаго со своей стороны тревожиться, онъ долженъ былъ разрѣшить казакамъ, выйти въ море, толкнуть ихъ на это дѣло въ случаѣ необходимости. Многіе соблазнились бы такой экспедиціей, и татары тогда, по мнѣнію короля, не осмѣлились бы соединиться съ другими. Генералъ хорошо сдѣлалъ, что отказался отъ подобнаго предпріятія. Онъ былъ противъ войны съ Турціей, не видя тѣхъ средствъ, которыми можно было бы ее

вести, но съ имѣющимися у него въ наличности 15,000 человѣкъ онъ считалъ себя въ силахъ подавить всякую попытку возстанія, быстро двинувшись къ устью Днѣпра.

Это было, конечно, самое разумное. Возмутившіеся казаки только тогда становились опасными, когда врывались въ сердце Украйны, гдѣ къ нимъ присоединялись народныя массы. Но выполненіе задуманнаго Потоцкимъ плана явилось шедевромъ неспособности практическаго его примѣненія. Вмѣсто того, чтобы сконцентрировать свои силы, Потоцкій ихъ разбилъ на мелкіе отряды. Пустивъ впередъ, не сохраняя при этомъ съ нимъ никакой связи, авангардъ въ 6,000 человѣкъ, который онъ поручилъ своему сыну Стефану, совсѣмъ еще молодому человѣку, онъ хотѣлъ еще, чтобы и тотъ шелъ двумя отдѣльными колоннами, одною — по рѣкѣ, другою — по сушѣ. Но еще большимъ безумствомъ было составить этотъ отрядъ болѣе чѣмъ на двѣ трети изъ зарегистрированныхъ казаковъ, или изъ драгунъ малорусскаго происхожденія подъ командою того самаго Кречковскаго, который далъ убѣжать Хмѣльницкому!

Въ польскихъ арміяхъ, сражавшихся въ Украйнѣ, эти разнородныя формаціи были обычнымъ явленіемъ; но всегда заботились о томъ, чтобы размѣщать особымъ образомъ подозрительныхъ лицъ. Отсутствіе подобной элементарной предосторожности повело на этотъ разъ къ послѣдствіямъ, которыя было необходимо предвидѣть: при первой же встрѣчѣ съ бандами Хмѣльницкаго зарегистрованные казаки и драгуны той же національности перешли на сторону непріятеля. Оставшись съ нѣсколькими эскадронами, среди которыхъ дикіе крики татаръ: Алла! Алла! возбуждали настоящую панику, молодой Потоцкій былъ окруженъ 5 мая 1648 года у притока Днѣпра, на Желтыхъ Водахъ, и погибъ, найдя свою смерть въ битвѣ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ пораженіи, расположившись лагеремъ у Черкассъ съ остатками войскъ, польскіе генералы стали спорить между собою. Искусно направляемое Хмѣльницкимъ, татарское пугало дало восторжествовать мысли о быстромъ отступленіи къ Корсуни. Между тѣмъ со своимъ огромнымъ лагеремъ, нагроможденнымъ повозками, въ которыхъ начальники эскадроновъ таскали за собой свое имущество, состоявшее изъ золотой и серебряной посуды

и богатой мебели, Потоцкій попалъ въ настоящій капканъ съ оврагомъ позади и съ горою впереди себя. При появленіи казаковъ три тысячи драгунъ послѣдовали примѣру ихъ братьевъ по оружію, и 16 мая на мѣстѣ, до сихъ поръ еще пользующемся печальною извѣстностью въ польскихъ анналахъ подъ названіемъ Крутая Балка, оба генерала, даже безъ сраженія, очутились плѣнниками вмѣстѣ со своими войсками.

Никогда еще страна ихъ не подвергалась подобному униженію и не получала такого жестокаго удара. Въ Цекорѣ Жолкевскій погибъ, сражаясь одинъ противъ десяти, а его побѣдители наводили теперь ужасъ на всю Европу. Ничто въ прошломъ гордой и славной въ то время еще націи не могло сравниться съ этимъ отступленіемъ, перешедшимъ въ настоящее бѣгство передъ отрядомъ казаковъ и татаръ, и при томъ сдача, передавшая въ руки побѣдителей весь генеральный штабъ республики, состоялась безъ боя. Вмѣстѣ съ нимъ палъ и престижъ страны къ ногамъ шайки проходимцевъ и разбойниковъ!

Но это было еще далеко не все! Республика смогла бы найти другія войска и для нея не представляло особаго труда замѣнить взятыхъ въ плѣнъ генераловъ лучшими. Но страшная и непоправимая катастрофа придала совершенно новое значеніе, благодаря событіямъ 4 и 16 мая, только начинавшейся борьбѣ и человѣку, начавшему свою карьеру такою безпримѣрною побѣдою. До того Хмѣльницкій являлся лишь вторымъ Наливайко, вторымъ Павлюкомъ, т. е. просто являлся въ потенціи будущей добычей для варшавскихъ палачей. Онъ выросъ, внезапно сдѣлавшись существомъ сверхъестественнымъ, отмѣченнымъ судьбою, призваннымъ побѣдою сыграть исключительную роль. А за нимъ, уже давно рвущаяся, но сдерживаемая цѣною неустанныхъ усилій, развѣ не должна была вся Украйна проявить себя неизбѣжно въ обновленномъ видѣ, возбужденною до послѣдней степени, толкаемая всѣми всѣми своими революціонными элементами, которыхъ уже не въ силахъ была сдержать никакая человѣческая сила?

И это было еще не все. Какъ бы въ довершеніе несчастія, нужно было еще кромѣ того, чтобы въ этотъ моментъ несчастная Польша, очутившись передъ этимъ

страшнымъ испытаніемъ, оказалась безъ главы. Уже больной, глубоко опечаленный пораженіемъ при Желтыхъ Водахъ, Владиславъ умеръ 20 мая. Наступило междуцарствіе со всѣмъ тѣмъ безпорядкомъ и сумбуромъ, какіе эти кризисы вносили въ хаотическое управленіе страною.

Если бы король пережилъ катастрофу, ему быть можетъ удалось бы спасти страну отъ ея послѣдствій. Онъ былъ король, а этотъ титулъ внушалъ еще нѣкоторое уваженіе даже въ Украйнѣ. Хмѣльницкому съ другой стороны было нѣсколько трудно удержаться на уровнѣ своей удивительной побѣды. Онъ, казалось, былъ подавленъ ею. Отправившись въ Бѣлую Церковь, онъ опубликовалъ тамъ манифестъ, подлинникъ его не былъ найденъ, но смыслъ его, поскольку онъ выясняется изъ болѣе или менѣе неточной передачи его, сбилъ съ толку самыхъ его рѣшительныхъ защитниковъ. Авторъ манифеста, призывая весь украинскій народъ присоединиться къ его войску, вопреки всякой очевидности упрекаетъ поляковъ въ обращеніи въ пустыню страны, которую они на дѣлѣ колонизировали, и съ большимъ успѣхомъ какъ извѣстно; желая показать свою эрудицію, атаманъ объявляетъ поляковъ происшедшими отъ русскихъ, но отдѣлившимися отъ нихъ по злобѣ; онъ говоритъ о русскихъ, поселившихся на островѣ Рюгенѣ и побѣдившихъ Римъ подъ начальствомъ не менѣе выдуманнаго вождя, по имени Одонацеръ: прецедентъ, который долженъ побудить казаковъ захватить хотя бы Варшаву!

Побѣдитель при Желтыхъ Водахъ и Крутой Балкѣ, безъ сомнѣнія, не самолично выдумалъ этотъ плодъ кропотливыхъ трудовъ. Въ немъ угадываешь работу какого-нибудь невѣжественнаго и глупаго писаря изъ его свиты. Выдавъ его за свой собственный, Хмѣльницкій въ немъ, какъ и въ дальнѣйшихъ своихъ начинаніяхъ, проявляетъ крайнюю спутанность мыслей: всѣ дальнѣйшія дѣйствія его носятъ характеръ непослѣдовательности и крайней скудости ума. Въ своемъ письмѣ отъ 13 и 14 мая къ палатину Брацлава, Киселю, и къ князю Доминику Заславскому, одному изъ мѣстныхъ крупныхъ вельможъ, онъ пишетъ, что самъ удрученъ всѣмъ происшедшимъ, заявляетъ, что невиненъ въ пролитой крови и сваливаетъ всю отвѣтственность на великаго генерала Польши, напавшаго на казаковъ. Но вскорѣ

послѣ этого онъ вступаетъ также въ переписку съ нѣмецкимъ начальникомъ польскаго гарнизона Замостья Вайгеромъ, убѣждая его сдать довѣренную ему крѣпость, а 4 іюня Хмѣльницкій пишетъ уже Алексѣю, сообщая ему о своихъ побѣдахъ, и намекая на то, что казаки желаютъ быть управляемыми такимъ государемъ, какъ онъ, и приглашая его также напасть на Польшу.

Такимъ ему пришлось остаться навсегда, нерѣшительнымъ въ выборѣ дороги, по которой онъ долженъ былъ слѣдовать, неспособнымъ выполнить точно опредѣленную программу дѣйствія, дать какой-либо идеалъ народу, отданному въ его распоряженіе благодаря побѣдѣ. Подчиняясь грубому вліянію элементарныхъ, возбужденныхъ имъ силъ, онъ былъ безсознательнымъ работникомъ въ дѣлѣ, ускользавшемъ изъ его рукъ, благодаря его колеблющейся волѣ и недостаточно ясному пониманію.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вмѣшательство Москвы.

1. Страшный годъ.—2. Проектъ имперіи.—3. Пораженіе казаковъ.—4. Подчиненіе Москвѣ.—5. Польскій разгромъ.—6. Поворотъ счастья.

I.

Страшный годъ.

Какого же результата добивался Хмѣльницкій своимъ манифестомъ? Хорошо извѣстная ему, безъ сомнѣнія, исторія неоднократныхъ призывовъ къ оружію въ странѣ съ начала вѣка не могла оставить его также въ невѣдѣніи по поводу ужасающаго взрыва дикихъ страстей, который долженъ былъ неизбѣжно возбудить его манифестъ. Съ начала года новости, получавшіяся изъ Польши, наполняли всю Европу ожиданіемъ сенсаціонныхъ событій, которыя должны были, казалось, завтра разыграться. „Въ Торнѣ .. видно было даже въ воздухѣ изображеніе двухъ большихъ армій“, читаемъ мы въ Gazette de France отъ 10 февраля 1648 года. Народное воображеніе воспроизводило такимъ образомъ столкновеніе одной части христіанства съ мусульманскимъ міромъ. Отвѣчая на призывъ своего новаго вождя, Украйна противопоставила этому химерическому видѣнію дѣйствительность болѣе реальную и гораздо болѣе страшную.

Казацкія возстанія обычно сопровождались народными, хотя и мѣстными; но на этотъ разъ съ одного конца страны до другого поднялись массою крестьяне и бродяги всякаго рода, подобно огромной волнѣ, захлеснувшей „Запорожскихъ рыцарей“ и самого ихъ начальника. Уже повсюду польскія колонны бѣжали предъ бурею „съ одною только душою“, по выраженію современника. Но и съ этимъ несложнымъ

багажемъ бѣгство было не всегда возможно. Каждая деревня дѣлалась западней, не было ни одной узкой тропинки, гдѣ бы не скрывалась засада. Оставивъ свои жилища, очень быстро разоренныя или сожженныя, мелкое дворянство искало убѣжища въ крѣпкихъ замкахъ крупныхъ вельможъ, но возстаніе быстро захватывало и послѣдніе. Слуги, по большей части русинскаго происхожденія, накладывали руки на своихъ господъ, и начались убійства, сопровождавшіяся самою утонченною жестокостью. Несчастныхъ раздавливали между двумя досками, выкалывали имъ глаза буравами, насиловали женъ и дочерей на глазахъ у мужей и отцовъ, которыхъ оставляли еще для другихъ пытокъ. За убійствомъ слѣдовала оргія, мѣшавшая вино и водку съ пролитою кровью, самое гнусное пьянство при агоніи жертвъ. Задушивъ Януса Четвертинскаго, одного изъ рѣдкихъ магнатовъ, оставшихся вѣрными православной церкви, глава шайки, Остапъ Павлюкъ, торжественно женился на княгинѣ, которую онъ принудилъ потомъ отдаться заботамъ о его деревенскомъ хозяйствѣ.

Изъ деревень ураганъ перенесся въ города, захваченные въ свою очередь, и хотя ихъ граждане были по большей части русинами и православными, но и они не находили себѣ пощады. Польскаго костюма, принятаго у большинства ремесленниковъ, было достаточно, чтобы осудить на смерть. Низшій православный клиръ лишь поощрялъ или помогалъ „мстителямъ“, обращая ихъ гнѣвъ главнымъ образомъ на католическія церкви, гдѣ они охотно работали, грабя священные сосуды и украшенія, убивая священниковъ, оскверняя монахинь у подножія алтарей. Но хуже всего досталось евреямъ. Брошюра того времени, написанная евреемъ Массулой, содержитъ на этотъ счетъ подробности, ужасъ которыхъ, почти невѣроятный, подтверждается другими достовѣрными документами. Сыновей Израиля сжигали живьемъ, ихъ тѣла отдавали на съѣденіе собакамъ, сдирали съ нихъ кожу и живыми зарывали въ землю. Разрѣзали животы беременнымъ женщинамъ и ихъ недоношенные плоды бросали въ нечистыя мѣста, или зашивали кошекъ въ ихъ разрѣзанный животъ и если несчастныя пытались прорвать шитье, чтобы положить конецъ своимъ мукамъ, имъ отрѣзали руки.

Среди общаго смятенія возстаніе распространилось до

Бреста съ одной стороны, до Лемберга съ другой, изъ Варшавы даже вельможи уѣзжали по Вислѣ, увозя въ Данцигъ свое имущество. Лишь одинъ изъ видныхъ колонизаторовъ Украйны, владѣлецъ большихъ помѣстій по обоимъ берегамъ Днѣпра, князь Янусъ Висьневецкій, молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ, осмѣлился противустоять урагану. Соединивъ вокругъ себя нѣсколько другихъ дворянъ, слабо ему впрочемъ помогавшихъ, онъ все же не могъ думать о томъ, чтобы напасть на Хмѣльницкаго, но сражаясь съ главами отдѣльныхъ шаекъ, изъ которыхъ особенно отличался своею храбростью и жестокостью Кривоносъ, продѣлывавшій прямо чудеса храбрости, онъ только размѣнивался на безполезныя репрессіи.

Что касается самого Хмѣльницкаго, то онъ попрежнему не зналъ, на что рѣшиться, и уже начиналъ терять почву подъ собой въ этомъ бурномъ потокѣ, имъ же возбужденномъ. Его положеніе становилось затруднительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Татары прежде всего стали угрожать ему измѣной. Такъ какъ польская дипломатія дѣлала свое дѣло лучше, чѣмъ армія, то Константинополь заставилъ хана отозвать отрядъ Тухай-бея. Хмѣльницкій одно время льстилъ себя надеждой, что онъ замѣнитъ его московскимъ войскомъ. Но Москва была связана союзнымъ договоромъ, подписаннымъ въ предыдущемъ году съ Польшею. Тщетно, на самомъ дѣлѣ, вступивъ въ переписку съ пограничными воеводами, брацлавскій палатинъ Кисель просилъ у нихъ помощи противъ казаковъ. Ему отвѣтили, что трактатъ предусматриваетъ только возможность войны съ Турціей или Крымомъ. Казаки такимъ образомъ продолжали одни бороться съ Польшею, которая далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

Вооруженная сила республики состояла главнымъ образомъ изъ многочисленной и опытной въ военномъ отношеніи милиціи, архаической и безъ сомнѣнія плохой организаціи, но которая и въ такомъ видѣ не разъ показала себя способной противостоять побѣдоносно болѣе опаснымъ испытаніямъ. Сначала въ Варшавѣ потеряли голову до такой степени, что стали искать поддержки не только у Франціи, которая не могла помочь ничѣмъ другимъ кромѣ соболѣзнованій и совѣтовъ, но даже у курфирста Бранденбургскаго, который самъ

былъ вассаломъ республики, и могъ бы помочь ей болѣе существенно, но онъ совсѣмъ иначе былъ настроенъ по отношенію къ этому кризису и раздумывалъ только о томъ, какъ бы ему получше использовать создавшееся положеніе, чтобы избавиться отъ непріятнаго подчиненія или округлить свою территорію. Когда прошелъ первый острый моментъ, Польша пришла однако въ себя. Особенно въ провинціи вернувшаяся энергія вылилась въ твердыхъ рѣшеніяхъ, въ усиленномъ призывѣ новобранцевъ, въ щедрой выдачѣ субсидій. Въ нѣсколько мѣсяцевъ республика оказалась способною, какъ она это доказала позже, выставить на поле битвы около ста тысячъ человѣкъ отборнаго войска. Что могъ имъ противопоставить Хмѣльницкій?

Онъ все еще начальствовалъ надъ горстью казаковъ, которые одни только были способны къ серьезному военному дѣлу. Массы народа, преданныя убійствамъ и грабежамъ, совершенно не представляли изъ себя арміи. Враждебные всякой дисциплинѣ, они думали только объ удовлетвореніи своей жажды кровавой мести, легкой добычи и грубыхъ наслажденій. Даже самъ побѣдитель при Крутой Балкѣ, собравшій въ польскихъ лагеряхъ то, чѣмъ онъ могъ вознаградить себя за потерю своей слободы, ловилъ уже на себѣ жадные и завистливые взгляды, обращенные на него по поводу награбленныхъ имъ богатствъ. На головокружительной высотѣ, куда онъ былъ поднятъ однимъ взмахомъ чудесной судьбы, подъ нимъ раскрывалась бездна, въ которой погибло уже такъ много его предшественниковъ. И внезапно онъ перемѣнилъ тонъ.

Написавъ царю на другой день послѣ побѣды, онъ разыгрывалъ изъ себя государя; но теперь онъ принялъ совершенно другой тонъ и совершенно другимъ языкомъ обратился къ польскому королю. Онъ зналъ о смерти Владислава и о томъ, что ему еще не назначили преемника, но, желая отдѣлить государя отъ республики, которая одна только и давала казакамъ поводъ жаловаться, онъ обратился къ этой уловкѣ, чтобы обнаружить свои чувства. И онъ высказывалъ ихъ очень смиренно, умоляя государя о прощеніи, заявляя о своей неизмѣнной вѣрности и называя себя только „временнымъ главою“ запорожскаго войска. Въ то же время онъ отправилъ въ Варшаву депутацію, которой поручено бы-

ло изложить тамъ просьбы, очень умѣренныя: увеличеніе до 12,000 число зарегистрированныхъ казаковъ, уплаты задержаннаго жалованья и возстановленія казаковъ въ ихъ правѣ самимъ выбирать своихъ начальниковъ. Онъ хотѣлъ добиться хорошаго пріема своимъ посланнымъ, и обратился съ мольбою ко многимъ польскимъ вельможамъ. Онъ вернулся, наконецъ, изъ Бѣлой Церкви въ Чигиринъ и занялся подготовленіемъ себѣ отступленія къ Нижнему Днѣпру и поговаривалъ даже о томъ, чтобы достигнуть Дона.

Этотъ маневръ долженъ былъ, увы, стать болѣе роковымъ для Польши, чѣмъ десять пораженій, которымъ подверглась ея армія. Въ этотъ критическій моментъ своей исторической эволюціи республика погибала отъ необычайнаго парламентаризма. Въ этомъ очагѣ, гдѣ все болѣе концентрировалась ея общественная жизнь, она стремилась стянуть различные элементы, наименѣе сбособные. Опьяненная чрезмѣрнымъ потокомъ краснорѣчія въ своихъ многочисленныхъ сеймахъ и сеймикахъ, шляхта убѣдила себя въ томъ, что всѣ проблемы могутъ быть разрѣшены исключительно при помощи словъ. Когда Хмѣльницкій, казалось, вступалъ на этотъ путь, она безъ труда дала убѣдить себя въ томъ, что обращеніе къ оружію лишено уже смысла.

Кисель человѣкъ мало воинственный и краснобай, пользуясь своимъ авторитетомъ на посту, который онъ занималъ въ одномъ изъ украинскихъ палатинатовъ, своимъ происхожденіемъ и своей религіей съумѣлъ поддержать въ ней это мнѣніе.

Когда онъ началъ по собственнной иниціативѣ переговоры съ мятежниками черезъ одного бродячаго монаха, его стали считать ангеломъ мира, и его слезлиное миролюбіе вливалось смягчающими струйками въ души его согражданъ.

Въ Варшавѣ сеймъ вотировалъ однако выступленіе большой арміи, но назначилъ въ то же время комиссію для продолженія начатыхъ переговоровъ и постановилъ парламентаризировать даже командованіе войсками посредствомъ другой комиссіи изъ тридцати пяти членовъ, назначенной руководить ихъ движеніемъ, черезъ посредство трехъ делегатовъ. Одинъ

изъ нихъ былъ дряхлый старикъ, другой эфебъ, а третій ученый лингвистъ. Казаки смѣялись надъ ними, называя ихъ периной, дѣтиной и латиной.

Можно себѣ легко представить исходъ этой двойной кампаніи, дипломатической и военной, такимъ образомъ задуманной. Остановленные по дорогѣ возставшими бандами, посланные для переговоровъ не могли даже добраться къ назначенному мѣсту свиданія, и въ то время, какъ они продолжали вести переговоры о пропускѣ, успокоенный Хмѣльницкій снова проявлялъ свой организаторскій талантъ, сгруппировавъ своихъ казаковъ въ регулярные полки, назначенные для дисциплинированія крестьянскихъ шаекъ, набранныхъ въ тѣхъ же мѣстахъ. Онъ воспользовался также и другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ: дворцовая революція, происходившая въ то время въ Константинополѣ, возвратила ему его татаръ, и при ихъ помощи ему удалось болѣе прочно захватить въ свои руки такимъ образомъ создавшіеся элементы своего военнаго могущества.

Что-же касается польскихъ „военныхъ делегатовъ", то они привели съ собою къ Украйну цѣлую массу дворянъ, которые, все болѣе убѣждаясь въ томъ, что сражаться не придется, явились туда, какъ на праздникъ, блистая роскошью и весельемъ, „принеся съ собою больше золота, чѣмъ свинца", говоритъ одинъ современникъ. При первой же тревогѣ они разбѣжались, оставивъ казакамъ, татарамъ и крестьянамъ огромную добычу и предоставивъ имъ совершенно беззащитными нѣсколько тысячъ регулярныхъ войскъ.

Послѣ этого второго дня (20 сентября 1648 г. подъ Пилавцами), когда униженіе Польши дошло до своего апогея, Хмѣльницкій снискалъ себѣ репутацію полубога, и въ Украйнѣ стали ждать отъ него чудесъ. Но что могъ онъ сдѣлать? На мѣстахъ нечего было уже больше брать и почти некого было убивать. Въ своемъ манифестѣ изъ Бѣлой Церкви гетманъ говорилъ, что пойдетъ на Варшаву, и, такъ какъ его приближенные напоминали ему объ этомъ, то онъ показалъ видъ, что принимается за это дѣло; по дорогѣ онъ осадилъ Лембергъ, но, хотя тамъ не было ни хорошихъ укрѣпленій, ни сильнаго гарнизона, онъ удовлетворился лишь наложеніемъ контрибуціи, лучшую часть изъ которой получили татары. Гетманъ двинулся потомъ на сѣ-

веръ, пытался захватить Замостье и на этотъ разъ потерпѣлъ полное пораженіе. Въ это время произошло избраніе на вакантный тронъ Яна-Казиміра, брата умершаго государя, и Хмѣльницкій воспользовался этимъ фактомъ, чтобы вступить въ переговоры съ новымъ королемъ.

Онъ сталъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что, какъ ни блестящи были его побѣды, онѣ не приводили его ни къ чему. Мысль о томъ, чтобы объявить себя великимъ княземъ въ Украйнѣ, уже бродила въ его умѣ, но она соединялась со смутно сознаваемымъ чувствомъ, что, временно по крайней мѣрѣ, эта страна, предоставленная самой себѣ, не можетъ быть управляема. Среди военноплѣнныхъ, взятыхъ на Желтыхъ Водахъ, побѣдитель отличилъ среди другихъ и отнялъ у татаръ, въ обмѣнъ на лошадь, одного православнаго дворянина русинскаго происхожденія Ивана Выховскаго, котораго сдѣлалъ своимъ совѣтникомъ и который склонялъ въ эту сторону его нерѣшительность. Для начала, освобожденная Украйна должна была сохранить прежнюю политическую организацію, гдѣ она могла бы черпать необходимые элементы для своего существованія. И вотъ, когда новый король потребовалъ прекращенія враждебныхъ дѣйствій, въ цѣляхъ попытки соглашенія, казаки, татары и крестьяне не двинулись на Варшаву.

На дѣлѣ, собственно говоря, имъ было бы трудно къ ней добраться. Событія при Лембергѣ и при Замостьѣ доказали это достаточно хорошо. Одна только численность дѣлала страшной эту сбродную армію; причемъ, говоря о двадцати двухъ казацкихъ полкахъ по двадцати тысячъ въ каждомъ, находившихся въ то время подъ знаменами Хмѣльницкаго, украинскіе или польскіе лѣтописцы преувеличиваютъ вдвое это число. Въ іюлѣ 1648 года рапортъ польскихъ комиссаровъ указываетъ всего лишь 20,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе въ возставшей арміи. Что же касается татаръ, то Хмѣльницкій располагалъ однимъ лишь отрядомъ Тухайбея въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ всадниковъ.

Онъ отступилъ и, въ видѣ вознагражденія, устроилъ себѣ тріумфальный въѣздъ въ Кіевъ. Но тамъ другія впечатлѣнія должны были направить въ совершенно другую сторону его подвижную и безпокойную мысль.

Жители города, во главѣ съ митрополитомъ Косовымъ, устроили ему восторженный пріемъ. Находившійся тамъ про-

ѣздомъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій расточалъ передъ нимъ самыя лестныя изъявленія своихъ чувствъ и въ видѣ высшаго реванша женилъ его на прежней его любовницѣ, ставшей женой Чаплинскаго. Великолѣпно одѣтая, г-жа Хмѣльницкая раздавала водку казакамъ въ золотыхъ кубкахъ и пьянствовала вмѣстѣ съ ними.

Для грубой натуры гетмана все это представляло необыкновенное наслажденіе, но среди этихъ мелочей торжественность мѣста и пріемъ, встрѣченный имъ, поразили его не менѣе сильно. Онъ находился въ Кіевѣ, въ этой древней колыбели русскаго владычества, первомъ русскомъ очагѣ православнаго христіанства и въ этой столицѣ св. Ольги и св. Владиміра его принимали, какъ царя! Льстецъ Паисій, воспитанный на восточныхъ гиперболахъ, сравнивалъ его въ своей рѣчи съ Константиномъ Великимъ и величалъ его „русскимъ великимъ княземъ“.

Русскимъ великимъ княземъ? Почему же нѣтъ? Развѣ вмѣстѣ съ Кіевомъ онъ не держалъ въ рукахъ столицу древней имперіи Мономаха? Но несомнѣнно также, что Польша не согласилась бы съ такимъ поворотомъ исторической судьбы безъ борьбы, изъ которой Хмѣльницкій не могъ собственными средствами разсчитывать выйти побѣдителемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ посвящалъ Паисія въ тѣ затрудненія, которыя эта увѣренность вызывала въ его умѣ, а „двуличный прелатъ, рабъ въ Константинополѣ, нищій въ Москвѣ“, какъ его назвалъ Кулишъ, на этомъ перекресткѣ восточнаго міра, гдѣ запуталась среди многотрудныхъ компромиссовъ его жалкая судьба, этотъ Іерусалимскій патріархъ оказался болѣе искуснымъ руководителемъ, чѣмъ Выховскій. Польша? Москва? Турція? До самаго конца своего Хмѣльницкій попеременно или въ одно и то же время обращалъ свои безпокойные взоры къ этимъ тремъ точкамъ украинскаго горизонта, не зная, накакой изъ нихъ остановить свой выборъ.

II.

Проектъ имперіи.

До этого времени религіозные интересы не занимали никакого мѣста въ инсурекціонномъ движеніи. Требованія, представленныя незадолго до того въ Варшавѣ казацкими депу-

татами, имѣли въ виду въ одномъ изъ своихъ параграфовъ передачу отнятыхъ въ Украйнѣ церквей православному культу, но лично Хмѣльницкій, казалось, совершенно не интересовался этимъ вопросомъ. Въ Кіевѣ, на другой день послѣ долгихъ разговоровъ съ Паисіемъ, „великій князь русскій" былъ уже не „тѣмъ человѣкомъ". Онъ выставляетъ себя горячимъ защитникомъ „истинной вѣры", онъ намѣренъ предоставить ей на берегахъ Днѣпра самыя обширныя привилегіи и такимъ образомъ поворачивается спиною къ католической Польшѣ. Прибывъ въ Переяславль въ 1649 году, уполномоченные Польши тотчасъ же замѣтили происшедшую въ немъ перемѣну. Они думали, что будутъ имѣть дѣло съ раскаявшимся бунтовщикомъ, который по дорогѣ въ Варшаву „склонился передъ величіемъ новоизбраннаго короля", какъ любила выражаться по этому поводу шляхта,—теперь они очутились передъ вторымъ государемъ, который третируетъ ихъ съ высоты своей власти, оставаясь тѣмъ не менѣе казакомъ, дикимъ, грубымъ и почти постоянно пьянымъ.

Брацлавскій палатинъ, неизмѣнный Кисель, все еще находившійся на своемъ посту, никакъ не могъ добиться даже переговоровъ объ этомъ со свирѣпымъ повелителемъ. Въ тотъ день, когда аудіенція уже была назначена, она была отложена въ послѣдній моментъ: гетманъ занятъ, онъ принимаетъ другихъ иностранныхъ пословъ. На другое утро Кисель заставляетъ дать себѣ пропускъ и его принимаютъ, осыпая градомъ ругательствъ:

— Завтра! Приходите завтра! Сегодня я слишкомъ много пилъ! Да эти переговоры не приведутъ ни къ чему! Черезъ три или четыре недѣли я выступлю въ походъ и я всѣхъ васъ вздерну! Я васъ раздавлю и кончу тѣмъ, что передамъ васъ султану!.. Король! Что мнѣ до короля? Я самъ больше значу, чѣмъ онъ, такъ какъ у меня нѣтъ шляхты, которая заставляла бы меня плясать по своей дудкѣ. Я русскій и самодержавный государь... Вы воображаете, что можете испугать меня шведами? Я имъ надѣлаю хлопотъ... Пусть ихъ будетъ 500.000, они не устоятъ передъ моими казаками и татарами... Теперь не время для договоровъ. Дѣлая раньше то, чего я не думалъ, я долженъ, наконецъ, сдѣлать то, что я задумалъ. Я долженъ освободить весь русскій народъ отъ польскаго рабства... Я вынулъ

саблю въ видѣ мести за личное оскорбленіе, но вложу ее въ ножны, лишь отомстивъ за православную вѣру... Чернь поможетъ мнѣ дойти до Кракова, а Тухай-бей, мой братъ, моя душа, мой безподобный соколъ меня не оставитъ... Я не буду воевать заграницею: съ меня довольно Украйны, Подоліи и Польши; я буду достаточно богатъ и силенъ въ своемъ отечествѣ, границы котораго я отодвину до Хельма, Лемберга и Галича и, разбивъ лагерь на Вислѣ, я скажу полякамъ: Спокойно, ляхи! Замолчите, ляхи!

Было совершенно невозможно спорить съ человѣкомъ, способнымъ на такія уклоненія мысли и говорившимъ подобнымъ языкомъ. Даже натощакъ Хмѣльницкій не умѣлъ придать своимъ честолюбивымъ замысламъ благоразумную форму. Имперія, которую онъ думалъ ввести въ концертъ европейскихъ державъ, представлялась ему лишь въ результатѣ счастливыхъ битвъ, плодотворныхъ грабежей и необузданныхъ кутежей. Никакая идея организованнаго существованія еще не появлялась въ его умѣ среди этой военной оргіи, которую онъ сдѣлалъ непрерывной и въ которой заключалась вся его дѣятельность. Въ остальномъ Украйна оставалась лишь развалиной польской культуры, поскольку ее пощадилъ этотъ вихрь, при чемъ революціонный потокъ успѣлъ вырыть пропасть между увлеченными имъ народными массами и верхними слоями, которые тѣмъ болѣе были готовы подчиниться притягательной силѣ польской культуры.

Подъ вліяніемъ обстоятельствъ гетманъ долженъ былъ снова притти къ мысли о соглашеніи съ Польшею, но въ этотъ моментъ вліяніе Паисія взяло верхъ надъ мнѣніемъ Выховскаго и онъ послѣдовалъ другому направленію. Онъ кончилъ тѣмъ, что вступилъ въ разговоръ съ Киселемъ и сообщилъ ему свои условія, думая, безъ всякаго сомнѣнія, что они явятся непріемлемыми. Онъ требовалъ именно уничтоженія уніи, желалъ, чтобы польскіе подданные не исполняли никакихъ функцій въ Украйнѣ и требовалъ для кіевскаго митрополита второго мѣста въ польскомъ сенатѣ послѣ гнѣзненскаго архіепископа, примаса королевства. Но, когда Казиміръ поспѣшилъ подписать эти требованія, онъ объявилъ, что измѣнилъ свое намѣреніе. Спустя нѣсколько дней вмѣстѣ со своими казаками и татарами, болѣе многочисленными теперь подъ личною командою хана, Исламъ-

Гирея, онъ окружилъ и осадилъ въ маленькомъ городѣ Збаражѣ горсть польскихъ дворянъ и солдатъ, собравшихся вокругъ храбраго начальника, котораго мы уже знаемъ и который нашелъ тамъ освященіе своей нарождающейся славы, Іереміи Висьневецкаго.

Извѣстный романистъ Сенкевичъ пустилъ въ ходъ всѣ чары своего таланта, чтобы воспроизвести этотъ эпизодъ, который, даже въ исторіи, даетъ обиліе эпическихъ чертъ почти сверхъестественнаго героизма, и показываетъ, какая сокровищница благородныхъ порывовъ еще хранилась въ нѣдрахъ уже клонившейся къ упадку Польши.

Въ теченіе шести недѣль, съ 9 іюля до 15 августа 1649 года, истощаясь въ тщетныхъ усиліяхъ взять эту маленькую крѣпость, Хмѣльницкій увидѣлъ съ своей стороны еще разъ, что искусство Поліоркета ему чуждо. Когда явился польскій король съ силами, которыя были попрежнему до смѣшного незначительны, благодаря деморализаціи шляхты, едва доставившей 25.000 человѣкъ,—гетманъ пустилъ въ дѣло настоящіе рессурсы своего военнаго ума: не снимая осады съ Збаража и не подавая осажденнымъ даже вида, что окружающее ихъ кольцо ослабло, онъ снялся съ лагеря, уведя съ собою свои лучшія войска, какъ и ядро татаръ, и окруживъ подъ Зборовомъ королевскую армію, заперъ ее въ ловушку. Послѣ польскихъ генераловъ онъ долженъ былъ захватить самого государя! Но тщетная надежда! Это значило не считаться съ своими союзниками. Татары того времени любили лишь мелкія побѣды, гдѣ можно было получить больше добычи, чѣмъ сабельныхъ ударовъ. Послѣ цѣлаго дня ожесточенной битвы, въ которой поляки не дали себя окружить, ночью Исламъ-Гирей послушался совѣтовъ канцлера Оссолинскаго, и Хмѣльницкій самъ оказался плѣнникомъ той страшной силы, которую онъ соединилъ съ своею судьбою. Придя въ ярость, но вынужденный согласиться, онъ долженъ былъ подписать договоръ, очень благопріятный для татаръ, но сулившій ему очень скромныя и проблематичныя выгоды: увеличеніе числа зарегистрированныхъ казаковъ до 40.000, запрещеніе королевскимъ войскамъ стоять въ одной части Украйны. Тутъ уже не было вопроса о „великомъ княжествѣ русскомъ“. Столь гордый нѣсколько недѣль тому назадъ, „самодержецъ“

выпросилъ для себя лишь пожизненное гетманство и, обманутый татарами, въ свою очередь обманулъ ту чернь, которую пріобщилъ къ своему дѣлу. Для нея онъ не выговорилъ ничего! За исключеніемъ казаковъ, взятыхъ на службу республикою, трактатъ признавалъ лишь крестьянъ, которые должны были вернуться къ прежнему своему положенію. Ничего лучшаго не выпало на долю и православной вѣры. Въ отношеніи ея договаривающіяся стороны приняли въ разсчетъ прежнія рѣшеній сейма, который отдалъ греческому культу нѣсколько церквей и монастырей, но не уничтожилъ уніи и отказалъ кіевскому митрополиту въ какомъ бы то ни было мѣстѣ въ Сенатѣ.

Соглашеніе носило заглавіе, которое само по себѣ уже и особенно выразительно говорило противъ всякихъ претензій, нѣкогда выраженныхъ однимъ изъ подписавшихся. „Декларація милости Его величества въ отвѣтъ на покорнѣйшую просьбу казаковъ“. Казаки и ихъ начальникъ имѣли все же меньше поводовъ жаловаться, если принять во вниманіе ту плачевную участь, которая была уготована толпѣ бродягъ, такъ легко выброшенныхъ за бортъ. Хмѣльницкій объ этомъ не заботился. Присвоивъ себѣ тотчасъ-же въ областяхъ, предоставленныхъ его товарищамъ по оружію, обширныя помѣстья, гдѣ онъ пользовался всѣми правами старыхъ польскихъ вельможъ, онъ, казалось, занялся созданіемъ изъ другихъ элементовъ той мѣстной аристократіи, противъ которой возставалъ. Забравъ себѣ все наилучшее, онъ распредѣлилъ между своими приближенными въ наслѣдственную собственность другія земли, населенныя рабами, обязавъ ихъ только выполнять военную службу. Неспособный къ попыткѣ устройства оригинальной организаціи, безсознательно относясь къ религіознымъ, соціальнымъ, экономическимъ проблемамъ, которыя составляли настоящую причину того кризиса, которому онъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ, онъ органичился лишь простымъ перемѣщеніемъ привилегій. Вскорѣ онъ такъ проникся этимъ аристократическимъ идеаломъ, что упустилъ изъ виду тотъ принципъ, которому хотѣлъ дать здѣсь приложеніе и не довольствуясь уже тѣмъ, что терпѣлъ въ отведенныхъ ему границахъ присутствіе нѣсколькихъ представителей стараго режима, польскихъ вельможъ, спасшихся отъ общаго погрома, онъ предоставилъ

даже своихъ казаковъ въ ихъ распоряженіе, чтобы привести въ повиновеніе возмутившихся крестьянъ. Взамѣнъ этого, не забывая въ то-же время личныхъ своихъ переживаній подъ Зборовымъ, окруживъ себя многочисленною гвардіей, чеканя въ Чигиринѣ монеты со своимъ изображеніемъ,— онъ продолжалъ играть роль государя „великаго князя“ для льстецовъ, наполнявшихъ его переднія, и „самодержца“, какъ и прежде.

Результатомъ этого явилось то, что возобновленіе враждебныхъ дѣйствій съ Польшею стало казаться неизбѣжнымъ, а подписавшій Зборовскій трактатъ вынужденъ былъ столкнуться въ свою очередь съ народнымъ возстаніемъ, которое инспирировалось и руководилось однимъ изъ прежнихъ его подчиненныхъ, брацлавскимъ полковникомъ Нечаемъ. Гетмана это не убѣдило въ томъ, что онъ до сихъ поръ шелъ по ложному пути. Онъ никакъ не думалъ быть застигнутымъ врасплохъ Польшей и даже Украйной, еслибы она не осталась ему вѣрна. На другой день послѣ прибытія въ Кіевъ, когда Паисій отправился въ Москву, онъ отправилъ съ нимъ вмѣстѣ одного изъ своихъ офицеровъ, нѣкоего Мужиловскаго, съ нѣсколькими казаками, которымъ поручено было просить помощи у царя. Получивъ какъ и раньше отказъ, онъ обратился уже формально въ 1649 г. съ оффиціальнымъ предложеніемъ о подчиненіи, посланнымъ съ чигиринскимъ полковникомъ, Ѳеодоромъ Вишнякомъ. Отвѣтъ Алексѣя все еще не казался удовлетворительнымъ. Въ умышленно туманныхъ выраженіяхъ царь соглашался взять казаковъ подъ свое покровительство, но подъ условіемъ, чтобы Польша согласилась предварительно на ихъ подчиненіе. Исправленный государемъ, подлинникъ этого документа носитъ на себѣ слѣды его колебаній и свидѣтельствуетъ о тѣхъ мѣрахъ предосторожности, которыми царь считалъ нужнымъ окружить свое рѣшеніе. Слова „принять въ подданство“ замѣнены словами „принять подъ свое покровительство“.

Тогда Хмѣльницкій разсердился, объявилъ московскому эмиссару, что пойдетъ на Москву, и вошелъ въ переговоры съ Портою. Онъ только что велъ переговоры съ Венеціей по поводу похода противъ Турціи и еще въ маѣ 1650 года оказалъ торжественный пріемъ посланному синьоріи, Михаилу Біанчи, венеціанскому священику, бѣжавшему въ Поль-

шу, и болѣе извѣстному подъ именемъ Альберта Вимины. Но въ этотъ моментъ его собственный представитель, кіевскій полковникъ, Антоній Ждановичъ, находился уже въ Константинополѣ съ предложеніемъ союза и съ преднамѣреніями, заставлявшими предполагать, что „русскій великій князь“ готовъ былъ принять оттоманскій протекторатъ. Порта и не желала ничего лучшаго, и осенью посланцы великаго генерала, выпущеннаго на свободу, Николая Потоцкаго, встрѣтились въ Чигиринѣ съ турецкимъ чаушемъ, Османъ Агою, отъ котораго Хмѣльницкій получилъ и тайно принялъ великолѣпные подарки, знамя съ полумѣсяцемъ и предложеніе „герцогства Украйны“, дарованное въ наслѣдственное пользованіе подъ владычествомъ султана. Когда польскіе послы узнали объ этомъ, Хмѣльницкій, всегда пьяный, возразилъ по своему:

— Я буду служить тому, кому мнѣ захочется! Султанъ и царь оба мнѣ помогутъ, если я того захочу. Я возьму и отдамъ, кому мнѣ захочется, не только Польшу, но и римскую имперію!

Онъ этимъ призналъ формально ту сдѣлку, которую только-что совершилъ; затѣмъ, замѣтивъ, что сказалъ уже слишкомъ много, приказалъ повѣсить посланцевъ, снова запилъ и заснулъ. На другое утро, когда Выховскій помѣшалъ исполненію приказанія, онъ извинился, взялъ свои слова обратно, сваливая все на винные пары, но тѣмъ не менѣе написалъ султану письмо, въ которомъ выставлялъ себя открыто его вассаломъ. Такою цѣною онъ надѣялся заполучить татаръ, которые обманутъ Польшу, какъ обманули его, но онъ не отказался и отъ переговоровъ съ Москвою. Когда въ октябрѣ 1650 года въ Чигиринъ явился посланецъ царя Унковскій, гетманъ, какъ могъ, обласкалъ его и заявилъ, что его переговоры съ Портою имѣютъ своею единственною цѣлью поддержаніе мира. Къ несчастью, Унковскому удалось добыть копію съ письма, которое новый вассалъ султана послалъ въ Константинополь.

Хмѣльницкій этимъ не смутился. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ разговорѣ съ Арсеніемъ Сухановымъ, который въ качествѣ представителя религіозной миссіи на Востокъ проѣзжалъ черезъ Украйну, онъ просилъ его передать царю новое предложеніе о подчиненіи, изложенное въ крайне уни-

женныхъ выраженіяхъ. Онъ, правда, прибавлялъ, что, если оно не будетъ принято лучше, чѣмъ предшествующія, онъ соединится съ турками, татарами, валахами, молдаванами и венгерцами, чтобы двинуться на Москву.

Пока съ цѣлью дать развлеченіе своимъ казакамъ, избавиться отъ затрудненій, которыя ему создавали нѣкоторые изъ украинскихъ крестьянъ, снова преданныхъ ужасамъ рабства, и создать почву для своихъ зарождающихся честолюбивыхъ замысловъ основателя династіи, онъ организовалъ экспедицію въ Молдавію, гдѣ хотѣлъ женить своего сына Тимофея. Господарь Лупулъ считался владѣтелемъ огромныхъ богатствъ и славился особенно красотою своихъ дочерей. Старшая изъ нихъ была замужемъ за Радзивиломъ, и отецъ предназначалъ младшую другому крупному польскому вельможѣ, Димитрію Висьневецкому и ни въ какомъ случаѣ не думалъ выдавать ее за казака. Хмѣльницкій получилъ слѣдовательно отказъ. Онъ отвѣтилъ на него, объявляя Лупулю о посылкѣ къ нему всей арміи въ качествѣ сватовъ. Онъ сдержалъ слово и, опустошивъ вмѣстѣ съ татарами всю молдаванскую страну и предавъ Яссы огню, добился объявленія Тимофея женихомъ.

То былъ новый и поразительный тріумфъ, но въ то же время и Польша пришла понемногу къ сознанію своего положенія и опять воспрянула духомъ. Въ виду внутренней сумятицы, препятствовавшей Алексѣю вмѣшаться въ дѣла Украйны, она была увѣрена въ его нейтралитетѣ. Ей удалось выставить на поле битвы силы, болѣе внушительныя, чѣмъ тѣ, съ которыми приходилось мѣриться Хмѣльницкому, и наслѣдникъ Монамаха долженъ былъ отдать себѣ отчетъ въ своемъ настоящемъ величіи.

III.

Пораженіе казаковъ.

Мотивовъ для возобновленія военныхъ дѣйствій было слишкомъ много. Между тѣмъ Хмѣльницкій очень ловко выдвинулъ на первый планъ религіозной вопросъ. Отказавшись уничтожить унію и дать кіевскому митрополиту мѣсто въ сенатѣ, польское правительство придало этой иллюзіи ви-

димую дѣйствительность, и съ той и съ другой стороны начали этимъ проникаться. Когда папа послалъ королю саблю, а королевѣ имъ освященную розу, коринѳскій митрополитъ, Іосафъ, находясь кстати въ Украйнѣ, опоясалъ въ свою очередь Хмѣльницкаго саблею, „освященною у Гроба Господня". Отъ самого Кромвеля, думали тогда, „русскій великій князь" получилъ посланіе, поощрявшее его къ „уничтоженію польской знати, римскаго клира, идолопоклонства и жидовъ". Но этотъ документъ, по всей вѣроятности, апокрифическій.

Обычно очень быстро переходя отъ слова къ дѣйствію, Хмѣльницкій на этотъ разъ потерялъ драгоцѣнное время. Онъ поджидалъ татаръ, а тѣ, мобилизуя всю свою кавалерію, медлили свиданіемъ съ нимъ. Его собственныя войска сильно порѣдѣли. Разочаровавшаяся чернь нехотя отвѣчала на призывъ своего главы, и многіе казаки предпочитали грабить страну независимыми отрядами. Нѣкоторые изъ нихъ даже поступали на службу къ полякамъ.

Указывая цифру въ 100,000 человѣкъ, украинскіе хрописгы, вѣроятно, удваиваютъ число наличныхъ силъ, которыми могъ располагать Хмѣльницкій и достоинство которыхъ было не одинаково. Исламъ Гирей привелъ съ собою лучшихъ и наиболѣе дисциплинированныхъ солдатъ, но ихъ превосходство явилось впослѣдствіи скорѣе роковымъ, чѣмъ полезнымъ для его союзника.

Янъ Казиміръ могъ противопоставить имъ 36,000 человѣкъ регулярнаго войска, 6,000 наемниковъ, ветерановъ тридцатилѣтней войны, и столько же или больше кавалеристовъ, доставленныхъ милиціей. Сконцентрированная въ концѣ мая 1650 года въ Соколѣ на Волыни, эта армія быстро двинулась на Стиръ, который перешла въ половинѣ іюня подъ Берестечкомъ, и очутилась тамъ въ довольно затруднительномъ положеніи. Она, дѣйствительно, не имѣла точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Хмѣльницкій былъ мастеромъ въ дѣлѣ замаскированія своихъ дѣйствій и ему удалось бы еще на этотъ разъ использовать быстроту натиска, которой отличались казаки. Но кромѣ медлительности татаръ, гетмана парализовали еще другія заботы. Мрачный, убитый и постоянно пьянствуя больше, чѣмъ обыкновенно, онъ заливалъ водкою свое домашнее горе. Госпожа Хмѣль-

ницкая только что измѣнила ему съ простымъ часовщикомъ и онъ велѣлъ его повѣсить вмѣстѣ съ его сообщницею, при чемъ виновные были связаны вмѣстѣ sicut erant in actione adulterii.

Кампанія закончилась такимъ образомъ 28 іюня встрѣчею, въ которой побѣдители и побѣжденные одинаково храбро сражались. Три дня длилась кровавая схватка, и рядъ цѣнныхъ передвиженій, „какъ на шахматной доскѣ", указанныхъ польской арміи прусскимъ генераломъ Гувальдомъ, огонь артиллеріи подъ управленіемъ одного изъ учениковъ западныхъ школъ, Пшижемскаго, методическая стремительность эскадроновъ, во главѣ которыхъ носился съ непокрытой головой Іеремія Висьневецкій, взяли верхъ надъ численностью и храбростью противниковъ. На третій день, вмѣсто того, чтобы поддерживать татаръ противъ общаго натиска непріятельскихъ силъ, гетманъ слишкомъ поздно и некстати устроилъ по-казацки „неожиданную аттаку", замаскированную густымъ лѣсомъ и скомбинированную засадами. То была ошибка блестящаго партизана, ясно показавшая, что онъ ничего не понималъ въ крупныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Время было не для засадъ; участь борьбы рѣшалась въ это время на боевомъ фронтѣ, гдѣ, увидя, что къ нему подступаютъ и думая въ свою очередь, что ему измѣнили, Исламъ Гирей обратился въ бѣгство. Когда Хмѣльницкій бросился, чтобы удержать его, татаринъ схватилъ казака и увлекъ его за собою.

Украинская армія, такимъ образомъ лишенная своего главы, защищалась еще нѣсколько дней подъ начальствомъ импровизированныхъ атамановъ. Обстрѣливаемая безъ устали орудіями и отрѣзанная отъ линіи отступленія, она тщетно старалась добыть себѣ условія Зборовскаго договора. Нѣкоторыя банды успѣли вырваться, остальныя были зарублены саблями или взяты въ плѣнъ поляками. Отъ военнаго могущества „русскаго великаго князя" ничего не оставалось и немного позже, подавивъ мятежъ въ Бѣлоруссіи, литовскій отрядъ польскихъ войскъ подъ начальствомъ Януса Радзивилла, раздраженнаго супруга одной изъ дочерей Лупуля, проникъ въ свою очередь въ Украйну и подошелъ къ Кіеву.

Отпущенный ханомъ за большой выкупъ, если вѣрить

польскимъ источникамъ, Хмѣльницкій снова очутился въ Корсуни съ однимъ полкомъ въ 3,000 человѣкъ и московскимъ агентомъ, Георгіемъ Богдановымъ, уполномоченнымъ завязать сношенія, которыми Алексѣй думалъ позже воспользоваться. Побѣжденный подъ Берестечкомъ не показывалъ вида, что унываетъ, и въ этомъ его заслуга. Онъ даже говорилъ, что отомститъ царю, не пришедшему къ нему на помощь, и опустошитъ Москву такъ, что послѣдняя позавидуетъ участи Польши. Гетманъ сдѣлалъ призывъ къ оружію, послалъ казакамъ, избѣжавшимъ пораженія, слова утѣшенія и всяческія обѣщанія и, желая еще болѣе примирить ихъ съ собою, женился на сестрѣ одного изъ нихъ Золотаренко, назначеннаго потомъ корсунскимъ полковникомъ. Но, когда Радзивиллъ соединился съ Потоцкимъ подъ Кіевомъ, онъ рѣшилъ въ свою очередь капитулировать, бросился въ слезахъ въ ноги великому генералу, прежнему своему плѣннику, и сталъ просить пощады.

26 сентября (н. с.) 1651 года подъ Бѣлою Церковью послѣ бурныхъ споровъ, въ которые чернь врывалась съ шумными протестами и даже дѣлала попытки сопротивляться вооруженною силою, былъ заключенъ новый трактатъ. Польша не извлекла, повидимому, всего того, что побѣда эта, казалось, обѣщала ей дать; изъ него не видно было, что казаки находятся въ ея власти. Но на дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ, потому что для этого были необходимы еще продолжительныя усилія, превосходившія мѣру моральныхъ, если не матеріальныхъ средствъ, которыми располагала республика. Между тѣмъ она достигла серьезныхъ выгодъ въ сравненіи съ тѣми, какія она получила у Зборова. Число зарегистрированныхъ было доведено до 20,000; сохраняя за собою титулъ гетмана, Хмѣльницкій подчинился всецѣло авторитету великаго генерала и обязался порвать всякія сношенія съ татарами; евреи опять получили право брать въ аренду въ Украйнѣ королевскія и частныя помѣстья, наконецъ, черта казацкихъ поселеній была ограничена лишь однимъ палатинатомъ Кіева.

Чернь продолжала оставаться жертвой, и съ этой стороны трактатъ вызвалъ двойной потокъ эмиграціи, направлявшійся на востокъ, къ лѣвому берегу Днѣпра, и на сѣверъ, къ московской территоріи. Уже на другой день послѣ

событія тысяча казаковъ, изъ острожскаго полка, просила у царя позволенія поселиться въ окрестностяхъ Путивля и Бѣлгорода. Стараясь въ это время заселить берега, частью пустынные, Дона, Сосны и Оскола, Алексѣй хотѣлъ сначала направить на эти мѣста наплывъ явившихся къ нему колоновъ; однако позже онъ уже позволилъ устраивать болѣе къ западу, или болѣе къ югу многочисленныя слободы, изъ которыхъ нѣкоторыя вскорѣ обратились въ населенныя мѣстечки и города.

Хмѣльницкій завирался по обыкновенію своему, говоря о томъ, будто онъ тоже направится на Москву со своими войсками, въ тоже время отправивъ къ Потоцкому письмо съ протестомъ противъ выраженной имъ преданности, а султану увѣреніе въ своей вѣрности, не оставляя при этомъ ни химерическихъ мечтаній о наслѣдственномъ великокняжествѣ, ни своихъ проектовъ, относящихся къ Молдавіи. Такъ какъ казаки продолжали волноваться, онъ рѣшилъ занять ихъ въ Молдавіи гдѣ Лупулъ медлилъ оказать честь его исканіямъ. Во второй разъ уже Тимофей отправился въ Яссы съ многочисленнымъ отрядомъ и, когда Калиновскій, другой побѣжденный при Крутой Балкѣ, пересѣкъ ему дорогу съ маленькимъ отрядомъ, онъ истребилъ всѣхъ поляковъ.

Благодаря этому, онъ могъ жениться на прекрасной „Домнѣ Розандѣ“, но принудилъ отца къ новымъ отреченіямъ. Хмѣльницкій притворился, будто бы онъ былъ чуждъ этому событію, послалъ извинительное письмо королю и занялся выкупомъ для татаръ поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ благодаря пораженію Калиновскаго. Армія Берестечка была уже распущена, Польшѣ угрожалъ разрывъ со Швеціей, и король былъ вынужденъ послать въ Украйну не войска, которыя отомстили бы за это новое оскорбленіе, а комиссаровъ, которые должны были удовлетвориться извиненіями гетмана. Но они даже не получили и этого удовлетворенія: еще до пріѣзда ихъ гетманъ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Когда поляки заговорили о милости, онъ поднесъ имъ обнаженную саблю подъ носъ и сказалъ: „Вы милостивы! Это я былъ милостивъ по отношенію къ вамъ, такъ какъ могъ бы загнать васъ за Римъ“. Въ это время (6 декабря 1652 г.) казацкая депутація съ военнымъ судьею

Самуиломъ Богдановымъ во главѣ уже находилась въ Москвѣ съ предложеніями, которымъ былъ оказанъ на этотъ разъ лучшій пріемъ. Избавившись отъ заботъ о внутреннемъ порядкѣ, Алексѣй уже могъ теперь помѣряться силами съ Польшею.

IV.

Подчиненіе Москвѣ.

Хмѣльницкій, правда, не остановился еще на мысли о безусловномъ подчиненіи, единственномъ условіи, котораго требовали въ Кремлѣ, и потому переговоры еще тянулись. Но обстоятельства послужили вскорѣ къ тому, что послѣднія колебанія гетмана исчезли. Его сынъ, женившись на Домнѣ Розандѣ, задумалъ покорить Валахію. Весною 1653 года гетманъ оказалъ ему поддержку. Но валахскій господарь, Матѳей Бассараба, добылъ себѣ подмогу отъ князя Трансильваніи, Ракочи, и предпріятіе потерпѣло неудачу. Тимофей вынужденъ былъ спасаться въ Украйну, испытавъ полное пораженіе. Въ то же время прибыло 15,000 поляковъ подъ начальствомъ очень искуснаго полководца, успѣвшаго себя уже проявить въ прошломъ, Стефана Чарнецкаго, за которымъ слѣдовалъ король. Со всѣхъ сторонъ получались предложенія о помощи. Молдавія, Валахія, Трансильванія, Турція и даже татары хотѣли теперь содѣйствовать пораженію неутомимаго воина, который, совершенно не зная окружавшихъ его людей, наталкивался на крайнюю сложность интересовъ, неожиданно для него объединившихся противъ его страны.

Видя, что погибаетъ, Хмѣльницкій въ августѣ 1653 г. направилъ къ царю, при посредствѣ патріарха Никона, слезную просьбу. Онъ почти отдавалъ себя въ распоряженіе царя. Забывая свои польскія симпатіи и кромѣ того уже давно подстрекаемый въ этомъ направленіи московскими агентами, Выховскій самъ поддерживалъ просьбу своего главы. Съ января 1652 года этотъ вопросъ былъ переданъ Земскому Собору и потомъ поддерживаемый другими восточными прелатами, іерусалимскій патріархъ Паисій постоянно убѣждалъ его принять рѣшеніе, согласное съ общими желанія-

ми православнаго востока. При наличности побѣдъ Хмѣльницкаго, при неудачахъ испытанныхъ турками въ ихъ войнѣ съ Венеціей, возникала надежда на полное освобожденіе христіанскихъ народовъ, порабощенныхъ исламомъ. Средства, казалось, изсякали у казаковъ и у поляковъ, впереди была перспектива конфликта съ Швеціей, который сулилъ въ будущемъ раздѣлить силы республики, все это при закончившейся реорганизаціи московской арміи создавало теперь рядъ обстоятельствъ, одинаково благопріятныхъ для вмѣшательства Москвы, которая такъ долго медлила.

Московская дипломатія со своей стороны заботилась о томъ, чтобы придумать мотивы для разрыва съ Польшею, непрестанно изливаясь въ жалобахъ, нѣсколько впрочемъ по-дѣтски, по поводу оскорбительныхъ памфлетовъ, изданныхъ въ Варшавѣ, или по поводу нѣкоторыхъ упущеній въ обычномъ формулярѣ сношеній между обѣими странами. Съ начала этого 1653 года принципіально вмѣшательство было принято въ царскихъ совѣтахъ, формально только былъ созванъ въ октябрѣ новый Земскій Соборъ, и не ожидая его рѣшеній, Алексѣй послалъ уже въ сентябрѣ къ Хмѣльницкому стольника Стрешнева и дьяка Бередкина для полученія отъ казаковъ знаковъ подчиненія и врученія имъ задатка въ счетъ того жалованья, которое они должны были отнынѣ получать.

Хмѣльницкій отвѣтилъ изъявленіями благодарности и изліяніемъ чувствъ. Онъ былъ далекъ еще между тѣмъ отъ того, чтобы приписывать создавшейся такимъ образомъ связи между Украйною и московскимъ государствомъ то значеніе, которое ей придавали въ самой Москвѣ. Гетманъ думалъ обойтись съ царемъ такъ, какъ онъ обходился до сихъ поръ съ двумя другими номинальными государями, натравливая ихъ другъ на друга и играя всѣми тремя. Ему не хотѣлось также упускать Молдавіи. Но пора его побѣдъ уже миновала. Направляясь къ Сочавѣ со своими казаками и съ татарами, которыхъ ему удалось убѣдить отправиться съ нимъ, но которые, играя съ нимъ также двойную игру, подъ шумокъ вели переговоры съ поляками, онъ встрѣтилъ по дорогѣ тѣло своего сына Тимофея, только что умершаго отъ ранъ. Продолжая свой путь, въ октябрѣ 1653 года онъ столкнулся подъ Звонецемъ (въ окрестностяхъ Каменца), съ

объединенной арміей поляковъ, валаховъ и венгерцевъ, подъ личнымъ предводительствомъ польскаго короля, былъ еще разъ выпущенъ ханомъ, и въ декабрѣ очутился въ Чигиринѣ, гдѣ встрѣтился съ посланными Алексѣя, Бутурлинымъ, Алферьевымъ и Лопухинымъ, прибывшими не для переговоровъ съ нимъ, какъ онъ наивно воображалъ, но для того, чтобы взять въ свое подданство Украйну.

Онъ показалъ видъ, что всегда остается господиномъ своего слова, созвалъ совѣты, организовалъ нѣчто вродѣ плебисцита, по вопросу о томъ, какому изъ государей, королю-ли Польши или султану, крымскому-ли хану или царю отдадутъ казаки предпочтеніе, и прочиталъ даже „народу" проектъ предполагаемаго договора съ Москвою для защиты ихъ общихъ свободъ. Но посланные Алексѣя уже успѣли заручиться присягами самодержавному царю, который, какъ говорили они, не похожъ на польскаго короля въ обращеніи со своими подданными. Самуилъ Богдановъ и перея славскій полковникъ Тетеря отправились въ Москву, и должны были въ мартѣ 1654 года удовольствоваться жалованною грамотою, показавшейся при данныхъ обстоятельствахъ впрочемъ очень щедрой. Оригиналъ этого документа, кажется, потерянъ, но протоколъ преній предшествовавшихъ редакціи и послѣдующая хартія, которая въ 1659 году воспроизводила повидимому ея сущность, даютъ намъ достаточно полное о ней представленіе. Прежде чѣмъ будетъ покончено съ поляками, Алексѣй считалъ нужнымъ сохранить хорошія отношенія съ казаками; онъ имъ представилъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, подтвержденіе ихъ старыхъ правъ и свободъ, понимая подъ ними юридическую автономію, свободное избраніе гетмана послѣ смерти Хмѣльницкаго и годовое жалованье въ 1.800,000 флориновъ зарегистрированнымъ, число которыхъ онъ соглашался довести до 60000.

Это было много, сравнительно съ тѣмъ что было дано въ послѣдній разъ Польшею побѣжденнымъ при Берестечкѣ. Но этого было мало для „великаго князя Россіи", который, хотя и получалъ вмѣстѣ съ содержаніемъ значительное количество земли въ окрестностяхъ Гадяча, но увидѣлъ, что ему воспрещены всякія непосредственныя сношенія съ иностранными державами. И здѣсь опять таки ничего не было

даровано массѣ новыхъ подданныхъ царя, которые должны были просто подчиниться общему праву т. е. крестьянъ, обложенныхъ тѣми же повинностями, которыя тяготѣли надъ ихъ собратіями въ Москвѣ. Съ этой стороны новый порядокъ вещей угрожалъ возбудить живые протесты, и Хмѣльницкій старался не дать событію какой-либо огласки.

У него для этого была еще и другая причина. Украинскій клиръ казалось, не былъ лучше удовлетворенъ. Подчиненіе Москвѣ значило также подчиненіе московскому патріархату, подчиненіе, гораздо болѣе дѣйствительное чѣмъ то которое связывало украинскую церковь съ восточными епархіями. Церковь сильно этому сопротивлялась и стала опасаться, только съ другой точки зрѣнія, такого переворота въ ея вѣковыхъ привычкахъ. Четыре вѣка яко-бы независимаго существованія, но близкаго къ очагу латинской цивилизаціи создали въ ея нѣдрахъ совокупность особыхъ идей и преданій. Самый ея ритуалъ отражалъ въ себѣ западное вліяніе, и Петръ Могила поднялъ ея воспитательныя учрежденія, религіозныя и научныя, на такую высоту, что подчиненіе дикой Москвѣ казалось для этого общества актомъ паденія.

Могила уже умеръ; но его преемникъ въ кіевской митрополіи, Сильверстъ Коссовъ, стремился идти по его стопамъ. Дворянинъ изъ польскаго палатината въ Витебскѣ, ученикъ польскихъ школъ и выдающійся польскій писатель, онъ уживался со всемогущимъ Хмѣльницкимъ, въ то время какъ послѣдній казалось былъ предназначенъ для предоставленія Украйнѣ свободнаго режима подъ польскимъ протекторатомъ. Сдѣлаться вмѣстѣ съ нимъ подданнымъ царя ему улыбалось гораздо менѣе, и онъ не скрылъ этого. Когда Бутурлинъ со спутниками прибылъ въ Кіевъ, онъ, казалось, рѣшилъ вначалѣ отказаться вмѣстѣ со своею паствою отъ присяги, которую у нихъ требовали; онъ истощилъ всѣ средства, чтобы избѣжать ея, и покорившись, но не примирившись, удалился въ свое епископское помѣщеніе, выискивая поводовъ для ссоры съ московскими воеводами, которые слѣдовали за посланными и хотѣли выстроить крѣпость по сосѣдству съ церковью св. Софіи.

Но помимо иллюзій, которыя представляла казакамъ жалованная грамота, реальность новаго режима вырази-

лась въ появленіи въ Украйнѣ цѣлой массы воеводъ и чиновниковъ, съ приличной свитой и стремящихся захватить въ свои руки всю страну по московски, по военному, бюрократически, деспотически. Польша никогда и не подумала бы дѣйствовать такимъ путемъ; поступая такимъ образомъ, путемъ нѣкоторыхъ формальныхъ уступокъ и кое на какихъ относительныхъ компромиссовъ, московское государство должно было впослѣдствіи справиться со всякимъ сопротивленіемъ.

Самъ Хмѣльницкій старался еще спасти внѣшнія приличія, не оставляя своей переписки съ ханомъ и султаномъ, называя въ ней лживыми тѣ свѣдѣнія, по которымъ онъ является подданнымъ царя, отклоняя упорно честь быть представленнымъ новому государю и обращаясь часто съ его представителями такъ, какъ онъ привыкъ обращаться съ представителями польскаго короля. Всѣ эти выходки были довольно безобидны, и Алексѣй не показывалъ, что онъ оскорбляется ими. Такъ какъ исходъ предпріятія зависѣлъ отъ поединка съ Польшею, то ему было необходимо во что-бы то ни стало сохранить за собою для этой рѣшительной борьбы казаковъ. Какъ онъ однако и предвидѣлъ, Польша въ тотъ моментъ, когда онъ рѣшился наконецъ бросить ей перчатку, была почти не въ состояніи выступить въ бой.

V.

Разгромъ Польши.

Въ ноябрѣ 1653 года царь офиціально сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ различнымъ европейскимъ дворамъ, съ которыми онъ поддерживалъ болѣе или менѣе постоянныя сношенія. Его жалобы противъ западныхъ сосѣдей были, какъ мы это знаемъ, не особенно серьезны. Такъ, въ посланіи, отправленномъ со спеціальнымъ курьеромъ въ Сенъ-Жерменъ, онъ жаловался, что поляки называли его отца Михаиломъ Филаретовичемъ, вмѣсто того, чтобы называть его Михаиломъ Михайловичемъ! Отвѣтъ заставилъ себя долго ждать. Извѣстны связи, соединявшія въ это время Польшу съ Франціей. Выйдя вторично замужъ за Яна Казиміра, вдова

Владислава IV, Марія Гонзаго, сдѣлала ихъ еще болѣе интимными. Мазарини между тѣмъ совсѣмъ не думалъ принять активнаго участія въ объявленномъ конфликтѣ и, послѣ года молчанія, уже въ ноябрѣ 1654 года, онъ разразился упреками, порицая по мотивамъ религіознымъ споръ, возникшій между двумя христіанскими державами, и предложилъ имъ свое посредничество.

Бранденбургскій курфирстъ имѣлъ болѣе настоятельные мотивы высказаться. Слѣдя со страстнымъ интересомъ за событіями въ Украйнѣ, онъ даже не отказался цѣликомъ отъ своихъ обязанностей вассала, и предложилъ различнымъ германскимъ принцамъ помочь его сюзерену. Но самъ онъ не спѣшилъ подать имъ примѣръ. Теперь онъ только удовольствовался декларацiей о нейтралитетѣ, но предложилъ себя въ то же время посредникомъ. На дѣлѣ Польша осталась изолированной. Но владѣніе Украйной не было, повидимому, единственнымъ козыремъ въ начатой партіи. Алексѣй былъ намѣренъ довести борьбу до конца, и его усилія были направлены сначала на Литву, это оспариваемое наслѣдіе Гедемина и Витовта.

Въ февралѣ 1654 года, въ Вязьмѣ была собрана многочисленная артиллерія; въ маѣ туда прислали образъ Грузинской Божіей Матери съ Аѳонской горы; на нее особенно разсчитывалъ благочестивый государь, и тотчасъ же послѣ этого царь выступилъ въ походъ. Съ польской стороны вся граница почти была лишена защиты. Украйна все поглотила. Дорогобужъ сдался безъ битвы. Невель и Бѣлая едва сопротивлялись, и 23 сентября, послѣ тяжелой осады, капитулировалъ въ свою очередь Смоленскъ, а польскій гарнизонъ, насчитывавшій въ своихъ рядахъ не болѣе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, сложилъ свои знамена къ ногамъ побѣдителя, какъ это сдѣлала въ 1634 году въ томъ же мѣстѣ побѣжденная армія Шеина.

Въ этотъ моментъ явился на помощь полякамъ союзникъ, на котораго они никакъ не могли разсчитывать. Въ іюлѣ еще, по совѣту Никона, царица оставила столицу, убѣгая отъ приближавшейся чумы. Патріархъ вскорѣ послѣдовалъ за нею и искалъ убѣжища вмѣстѣ съ нею въ Калязинскомъ монастырѣ.

Для предохраненія отъ чумы царя съ его войсками были

устроены сильные карантины по дорогамъ, ведущимъ къ Смоленску. Въ Москвѣ забивали наглухо ворота и окна Кремля; въ домахъ, гдѣ уже появилась зараза, запирали ихъ обитателей и повсюду жгли колдуній, подозрѣвая ихъ въ томъ, что онѣ „накликали смерть", тѣмъ болѣе, что несчастныя признавались въ своей винѣ. То были единственныя извѣстныя въ то время средства обеззараживанія. Но ихъ дѣйствіе обнаружилось не раньше зимы, когда обычно распространеніе эпидеміи останавливалось. Разрушеніе, произведенное чумою, было дѣйствительно ужасно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она свирѣпствовала. По собраннымъ свѣдѣніямъ смертность отъ чумы колеблется между 85% и 97%.

Если не военная мощь Алексѣя, то воодушевленіе, которое онъ умѣлъ вложить въ нее, не могло не ослабнуть подъ вліяніемъ этого несчастія. Другой еще шансъ явился у его противниковъ. Въ іюлѣ 1654 года смерть Исламъ-Гирея произвела въ Крыму поворотъ въ ихъ пользу. Новый ханъ, Махметъ-Гирей, ненавидѣлъ Хмѣльницкаго. Онъ склонился къ заключенію союза противъ казаковъ и московитянъ, и въ январѣ 1655 года, когда гетманъ дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви вмѣстѣ съ московскимъ воеводою Шереметьевымъ, они были окружены подъ Ахматовымъ, и хотя спаслись благодаря обычной невыдержанности крымцевъ, но понесли большія потери.

Хмѣльницкій былъ этимъ совершенно обезкураженъ. Возвратившись въ Чигиринъ, онъ не двинулся больше съ мѣста, парализуя скорѣе, чѣмъ поддерживая послѣдующія дѣйствія московскихъ войскъ, которымъ Алексѣй прислалъ подкрѣпленіе, и повелъ двухсмысленные переговоры со шведами, трансильванцами и самими поляками.

Послѣднимъ между тѣмъ судьба перестала уже улыбаться. Шведская королева, Христина, только что отказалась отъ трона въ пользу своего двоюроднаго брата Карла Густава. Онъ былъ коронованъ подъ именемъ Карла X, и Янъ-Казиміръ нашелъ случай подходящимъ, чтобы предъявить хотя бы формально свои собственныя права на шведскій престолъ.

Новый король поспѣшилъ воспользоваться этимъ предлогомъ для осуществленія давно намѣченныхъ аггресивныхъ мѣръ. Поссорившись еще въ 1650 году съ варшавскимъ

дворомъ и убѣжавъ въ Стокгольмъ, прежній довѣренный Владислава IV, сдѣлавшійся позже вице-канцлеромъ, Радзеіовскій вмѣшался въ это дѣло, заведя сношенія съ Ракочи и Хмѣльницкимъ. Успѣхи Алексѣя усилили дѣйствіе этихъ манипуляцій, и въ іюлѣ 1655 года шведскій фельдмаршалъ Виттенбергъ двинулся изъ Помераніи въ Великую Польшу.

Повинуясь совѣтамъ измѣнника, провинціальная милиція, объединенная палатиномъ Христофоромъ Опалинскимъ, капитулировала, открывъ Карлу X, слѣдовавшему за своимъ военачальникомъ, дорогу въ Варшаву и Краковъ. То былъ настоящій разгромъ. Вызванная изъ Украйны часть польской арміи, находившаяся подъ начальствомъ храбраго Чернецкаго, не могла прикрыть обѣихъ столицъ и въ сентябрѣ почти вся Польша оказалась въ рукахъ новыхъ побѣдителей. Въ то же время Алексѣй, выступивъ въ походъ и не встрѣтивъ никого на своемъ пути, занялъ вмѣстѣ съ Вильно, Ковно и Гродно всю сѣверную Литву. Шведы явились туда въ свою очередь подъ начальствомъ Магнуса Делагарди. Вынужденный выбирать между обоими завоевателями, имѣя въ распоряженіи лишь пять тысячъ солдатъ, великій генералъ княжества, Янусъ Радзивиллъ, рѣшилъ въ пользу Карла X, подписавъ 18 августа въ Кайданахъ договоръ о подчиненіи.

Янъ-Казиміръ сохранилъ на дѣлѣ въ этой части своихъ владѣній горсточку преданныхъ ему людей, которые подъ командою витебскаго палатина, Павла Сапѣги, осадили Радзивилла въ Тыкоцинѣ, гдѣ великій генералъ, чуть не взятый въ плѣнъ, умеръ отъ удара. Обѣ знаменитыя фамиліи, Сапѣги и Радзивиллы, постоянно враждовали между собою. Но дѣла несчастнаго короля Польши не улучшились отъ этого. Въ то же время Лембергъ былъ осажденъ московитянами и казаками, при чемъ Бутурлинъ явился туда въ сопровожденіи Хмѣльницкаго. Вся Красноросcія была такимъ образомъ потеряна для Польши и, трудно было догадаться, кто будетъ владѣть ею. Потребовавъ отъ города вторую контрибуцію, гетманъ снялся съ лагеря, заставивъ московскаго генерала сдѣлать то же самое, занявъ крайне двусмысленное положеніе. Онъ продолжалъ свои таинственные переговоры съ Польшею и, при посредствѣ Выховскаго и Тетери, предложилъ лемберцамъ, если они не хотятъ отдаться въ руки казакамъ, противустоять также москови-

тянамъ. Такъ по крайней мѣрѣ поняли его осажденные и это было тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ тотъ же моментъ въ Бѣлоруссіи казацкій полковникъ Иванъ Нечай и другіе украинскіе начальники дѣйствовали по приказу Хмѣльницкаго, доходя даже до изгнанія царскихъ войскъ изъ занятыхъ ими городовъ.

Такой образъ дѣйствій угрожалъ распространиться на всю Украйну, а вмѣшательство шведовъ въ дѣла Литвы разстраивали также планы Алексѣя. Тогда онъ довольно неловко пустилъ въ ходъ дипломатію, которая явилась для Польши, въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ она находилась, якоремъ неожиданнаго спасенія.

VI.

Поворотъ счастья.

Занявъ Вильну, царь по настоянію Никона поспѣшилъ принять титулъ короля Польши. Онъ думалъ сначала удовольствоваться Литвою, но шведы оспаривали у него эту добычу и онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ начать добиваться соглашенія съ поляками. Желая вырваться изъ затягивавшей ихъ петли, послѣдніе естественно были расположены ко всякаго рода соглашеніямъ. Не имѣя къ тому никакихъ ровно способностей, витебскій палатинъ договаривался сначала о перерывѣ военныхъ дѣйствій, причемъ обѣщалъ съ своей стороны очистить Бѣлоруссію и Украйну. Потомъ представители Яна-Казиміра, также совсѣмъ не уполномоченные на подобныя условія, по договору, подписанному въ Вильнѣ въ октябрѣ 1656 года, приняли условія мира, окончательно предоставляя царю право наслѣдованія престоломъ Польши, послѣ смерти нынѣ царствующаго короля. По конституціоннымъ законамъ республики безъ санкціи сейма это обѣщаніе ровно ничего не стоило, но взамѣнъ его Алексѣй оставилъ всѣ свои завоеванія и обязался соединиться съ Польшею въ общемъ походѣ противъ шведовъ!

Этотъ ловкій шагъ былъ дѣломъ вѣнскаго двора, который, по просьбѣ Яна-Казиміра и за недостаткомъ другого средства пустилъ въ ходъ двухъ своихъ лучшихъ дипломатовъ,

Аллегретти и Лорбаха, которые еще въ прошломъ году старались навести на ложный путь царя съ его совѣтниками. Подозрительныя сношенія казаковъ со шведами не были, дѣйствительно, чужды этому событію, но легко себѣ представить, какое дѣйствіе это произвело на Хмѣльницкаго и его товарищей. Тщетно гетманъ требовалъ допущенія его къ переговорамъ. При извѣстіи объ ихъ исходѣ общимъ мнѣніемъ въ Украйнѣ было, что царь отдалъ страну полякамъ. Но императоръ также былъ теперь, повидимому, склоненъ имъ помочь, даже въ военномъ отношеніи, чтобы возстановить ихъ авторитетъ. Ханъ съ своей стороны послалъ въ Чигиринъ требованіе въ томъ же духѣ, угрожая вмѣшательствомъ для возстановленія прежняго порядка вещей. Къ этому моменту, судя по легендѣ, относится поэма Хмѣльницкаго, въ которой подъ видомъ чайки, на которую устремляются двѣ хищныя птицы, онъ представилъ тяжелую участь своего отечества.

Больной, истощенный своей лихорадочной дѣятельностью и пьянствомъ, полусумасшедшій, гетманъ употребилъ между тѣмъ совершенно иначе послѣдніе остатки своего ума.

Въ ноябрѣ 1656 года онъ отвѣтилъ на виленскую конвенцію, заключивъ въ свою очередь договоръ съ Швеціей и съ Георгіемъ Ракочи. Оставаясь вассаломъ Турціи, этотъ государь, (больше въ восточномъ, чѣмъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова) союзнаго государства, гдѣ, между Тиссомъ и Трансильванскими Альпами, соприкасались и дрались между собою до двадцати различныхъ народовъ,—мадьяровъ, нѣмцевъ, румынъ, славянъ, вѣчный врагъ Австріи, главы западной части Венгріи, союзникъ Швеціи съ Тридцатилѣтней войны, въ которой принималъ участіе на сторонѣ протестанской партіи, Ракочи былъ тоже своего рода поэтомъ. Судьба и слава Баторія не выходили изъ его головы, полной всякихъ фантазій, и польскій тронъ сталъ объектомъ его химерическаго честолюбія.

Чтобы добиться его, онъ принялъ участіе въ раздѣленіи республики. На сѣверовостокѣ Европы уже давно носилась идея о раздѣленіи Польши, въ видѣ различныхъ проэктовъ болѣе или менѣе конкретныхъ, выставляемыхъ съ обѣихъ сторонъ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Такихъ случаевъ становилось все больше и больше. На этотъ разъ Карлъ X

сохранилъ за собою Великую Польшу, Померанію съ Данцингомъ и Ливонію, Ракочи получилъ Малороссію, Мазовію и Литву, съ титуломъ короля. Казаки оставили себѣ Украйну. Подляхія наконецъ, обратившаяся въ наслѣдственное княжество, была отдана одному изъ Радзивилловъ, Богуславу, взамѣнъ обѣщанной имъ и его подданными поддержки этому дѣлу.

Курфирстъ Бранденбурга по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ тоже вмѣшался позже въ дѣло раздѣла и, если документы, которыми мы владѣемъ, и не даютъ тому доказательствъ, то этотъ фактъ является тѣмъ не менѣе вполнѣ возможнымъ. Исторія этого времени рисуетъ намъ его всегда настороже, ловкимъ и гибкимъ, лишеннымъ щепетильности и быстро приспособляющимся ко всѣмъ обстоятельствамъ, дающимъ какой-либо шансъ его огромному честолюбію. Но онъ не ожидалъ этого шанса, а прямо вмѣшался въ игру и хотѣлъ урвать лучшій кусокъ. Этотъ эпизодъ стоитъ, чтобы имъ заняться. То былъ рѣшительный поворотъ, благодаря которому должна была получиться держава, господствующая теперь надъ всей Европою. Роль Пруссіи въ этомъ событіи не кажется ни славною въ военномъ отношеніи, ни даже очень блестящею въ дипломатическомъ. Что же касается моральной стороны, то она стремится, безъ сомнѣнія, подражать героямъ этой исторической главы, абстрагируя ихъ. Домъ Гогенцоллерновъ въ этомъ дѣлѣ выказалъ одинъ элементъ превосходства, который вызвалъ, безъ сомнѣнія, его процвѣтаніе,—непоколебимый практическій духъ.

Сознаніе преслѣдуемой цѣли и нахожденіе необходимыхъ средствъ являлись личными свойствами Фридриха-Вильгельма, или по крайней мѣрѣ были инспирированы ему однимъ изъ его совѣтниковъ, графомъ Вальдекомъ. Другіе единодушно высказывались за соблюденіе обязательствъ, соединившихъ участь ихъ страны съ Польшею. Курфирстъ, какъ кажется, дѣйствовалъ вначалѣ, такимъ образомъ, чтобы казалось, будто онъ подчиняется давленію со стороны шведовъ. Собравъ армію въ 15,000 человѣкъ, послѣ кампаніи, которая по свидѣтельству германскихъ историковъ, являлась лишь „чистой комедіей“, онъ добился, хотя и слишкомъ своей цѣли. Въ январѣ 1656 г., на своей собственной территоріи въ Кенигсбергѣ, онъ былъ вынужденъ принять договоръ,

освобождавшій его дѣйствительно отъ польской зависимости, но отдававшій его подъ шведскую и безъ всякаго вознагражденія. Нѣсколькими мѣсяцами позже, когда Карлъ X очутился въ затруднительномъ положеніи, среди своихъ побѣдъ, у которыхъ оказалась и обратная сторона, его новый вассалъ поспѣшилъ этимъ воспользоваться. 25 іюня 1656 года въ Маріенбургѣ онъ выговорилъ себѣ четыре палатината изъ владѣній своихъ прежнихъ господъ. Но онъ оставался попрежнему данникомъ, и въ этомъ отношеніи онъ скорѣе потерялъ при этой перемѣнѣ.

Раздѣленіе Польши, законченное въ 1771 году, нашло себѣ здѣсь первый и значительный прецедентъ. Но въ то время дѣлившіе добычу продавали шкуру медвѣдя, не убитаго еще, и Фридрихъ-Вильгельмъ не дошелъ еще до конца въ своихъ стараніяхъ.

Соединившись съ Карломъ X въ одномъ общемъ дѣлѣ, онъ рисковалъ сначала вступить въ конфликтъ съ Москвою. Въ маѣ къ нему даже явился князь Мышецкій отъ имени Алексѣя, угрожая ему, что армія въ 700,000 человѣкъ готовится разгромить его территорію, если онъ не перейдетъ на сторону царя. Курфирстъ, конечно, не вѣрилъ этой цифрѣ, но, не имѣя возможности узнать ее точно, онъ искусно провелъ Мышецкаго, очень плохого дипломата, пославъ со своей стороны графа Эйленбурга съ изъявленіями дружбы и объясненіями по поводу необходимости, вынудившей его подчиниться союзу со Швеціей. Въ то же время въ маріенбургскомъ трактатѣ онъ очень осторожно вставилъ статью, исключавшую изъ операцій, въ которыя онъ могъ быть замѣшанъ, Литву и восточныя провинціи, единственныя точки его возможнаго соприкосновенія съ московскимъ сосѣдомъ.

Эйленбургу пришлось поработать много. Такъ какъ Хмѣльницкій и Ракочи выполняли заключенный ими договоръ, и казаки соединились съ войсками Карла X, то Алексѣй со своей стороны оказалъ честь договору, заключенному въ Вильнѣ и, пославъ шведскому королю черезъ стольника Алфимова нѣчто вродѣ декларацiи войны, вступилъ въ Ливонію, занялъ Динабургъ и Кокенгаузенъ и послалъ къ курфирсту новаго посланца, Георгія Богданова съ порученіемъ, которое долго сбивало съ толку историковъ, такъ невѣроятенъ казался имъ предметъ его.

Дойдя почти до безумной гордости въ своей претензіи на то, чтобы Фридрихъ Вильгельмъ принялъ его стоя и снялъ предъ нимъ шляпу, этотъ необыкновенный посланникъ, грубо запрашивая его по поводу отказа и самъ не снимая шляпы, предложилъ курфирсту еще разъ перемѣнить государя, сдѣлавшись вассаломъ царя.

Предполагали, что Богдановъ преувеличилъ данныя ему инструкціи. Но онѣ, помѣченныя 16 августа 1656 года въ лагерѣ при Дубенѣ между Динабургомъ и Кокенгаузеномъ, теперь уже принадлежатъ исторіи и освобождаютъ посланника отъ подобнаго подозрѣнія. Курфирстъ вышелъ изъ затрудненія, сославшись на необходимость аппеляціи къ ландтагу, а слѣдующія за тѣмъ перемѣны въ ливонской кампаніи, гдѣ царь испыталъ пораженіе подъ Ригою, а также обѣщаніе Нидерландовъ оказать свою помощь Пруссіи, дали возможность Эйленбургу получить въ ноябрѣ 1656 года простой трактатъ о нейтралитетѣ и дружбѣ. Алексѣй все-же отказался принять посредничество Фридриха Вильгельма между нимъ и Швеціей. То былъ первый дипломатическій актъ, въ которомъ обмѣнялись подписями обѣ сѣверовосточныя державы.

Осаду Риги пришлось снять и въ 1657 году новая серія неудачъ убѣдила Алексѣя въ томъ, что преемство Яну Казиміру въ томъ видѣ, въ какомъ оно было ему предложено, не стоило того, что онъ заплатилъ за него. А шведы между тѣмъ уже пробрались къ окрестностямъ Пскова, разграбивъ тамъ Печерскій монастырь. Въ апрѣлѣ 1658 года Алексѣй завелъ переговоры съ этими противниками, столь безразсудно ведущими себя, и Нащокинъ, прикомандированный къ князю Прозоровскому, получилъ отъ царя тайныя инструкціи подкупить полномочныхъ министровъ Карла X и добиться отъ нихъ по крайней мѣрѣ полученія хотя бы одного пункта на берегу Балтійскаго моря, того самаго, гдѣ Петръ Великій долженъ былъ построить позже С.-Петербургъ. Несмотря на положенные на нихъ труды, эти переговоры привели въ декабрѣ 1658 года лишь къ подписанію договора на три года, совсѣмъ не оправдавшаго желаній царя, но этотъ договоръ, уничтоживъ надежды, осуществленіе которыхъ было возможно, упрочилъ за царемъ всѣ завоеванія, сдѣланныя въ Ливоніи.

Это было однимъ изъ послѣдствій событій, продолжавшихъ ослаблять положеніе шведовъ въ Польшѣ. Въ декабрѣ 1655 года побѣдоносная защита Ченстоховскаго монастыря, знаменитаго мѣста паломничества, осажденнаго ими, воодушевила поляковъ и создала мысль среди нихъ сгруппироваться вокругъ своего государя для освобожденія родной земли. По обычаямъ страны, въ Тишовцѣ, въ люблинскомъ палатинатѣ, образовалась „конфедерація“ и она вызвала къ жизни силы и средства, о которыхъ до тѣхъ поръ никто не подозрѣвалъ. Въ концѣ 1657 года императоръ Фердинандъ рѣшилъ заключить оборонительный союзъ, котораго давно уже требовала энергичная Марія Гонзаго. Нѣсколько позже его подписалъ Леопольдъ, изгнавъ шведовъ изъ Кракова. Въ то-же время, умѣя быстро изворачиваться, курфирстъ Бранденбурга также предложилъ свои услуги. Въ ноябрѣ 1656 г., воспользовавшись замѣшательствомъ Карла X, онъ освободился изъ подъ его вассальства, доведя до одной только Варміи ту часть, которую онъ претендовалъ получить изъ польской земли. Потомъ, благодаря тому, что дѣла Швеціи запутывались все болѣе и болѣе, двумя трактатами, заключенными въ сентябрѣ 1657 года въ Велау и въ слѣдующемъ ноябрѣ въ Бромбергѣ, воспользовавшись въ свою очередь отказомъ Польши отъ своихъ сюзеренныхъ правъ и уступкой нѣсколькихъ мѣстъ,—Эльбинга, Лауенбурга и Бутова—онъ отказался отъ союза со Швеціей. И въ итогѣ, не считаясь и теперь съ моралью, онъ сыгралъ не плохую игру.

При всемъ томъ Польша должна была сама радоваться ходу дѣла. Такимъ образомъ облегченная съ одной стороны, получивъ помощь съ другой, она сейчасъ же освободилась отъ Ракочи, которому казаки испортили всю кампанію, вызванные въ Украйну безпорядками, создавшимися на почвѣ все болѣе неустойчивой политики Хмѣльницкаго. Немного спустя массовое возстаніе шляхты и мѣстами самихъ крестьянъ начало утомлять войска Карла X. Какъ они ни были стойки, но и они не были въ состояніи безконечно выдерживать наступленія всего вооружившагося народа. И удары, заставлявшіе ихъ поддаваться и уходить, являлись похороннымъ звономъ для ихъ украинскаго союзника. Оставшись безъ опредѣленной идеи и безъ всякихъ рессурсовъ, среди различныхъ вѣяній, оспаривавшихъ его умирающую волю и

въ которыхъ по самому ходу дѣла взяло перевѣсъ теченіе, враждебное Москвѣ, т. е. той единственной державы, на которую онъ могъ еще надѣяться, Хмѣльницкій представлялъ ужъ изъ себя только развалину; 27 іюля 1656 г. (ст. ст.) онъ испустилъ духъ.

По легендѣ, онъ былъ отравленъ однимъ польскимъ дворяниномъ, прибывшимъ въ Чигиринъ подъ предлогомъ получить руку одной изъ его дочерей. Обѣ его дочери были замужемъ. Если какой-либо ядъ и прекратилъ дѣйствительно его дни, то онъ былъ ему данъ жестокою дѣйствительностью, замѣнившею для него его честолюбивыя мечты. Москва, желая сдѣлать себѣ послушнымъ инструментъ, сломавшійся въ ея рукахъ, также лелѣяла до извѣстной степени мечты, и опередила естественный ходъ вещей. Пробужденіе должно было наступить сразу для всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этой исторической драмѣ, и въ Украйнѣ особенно оно привело къ жестокимъ разочарованіямъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Раздѣлъ.

1. Наслѣдіе Хмѣльницкаго.—2. Два берега Днѣпра. — 3. Раздѣлъ.— 4. Паденіе.

I.

Наслѣдіе Хмѣльницкаго.

Рискуя, быть можетъ, слишкомъ утомить вниманіе нѣкоторыхъ моихъ читателей, я долженъ былъ на предыдущихъ страницахъ войти въ немного сухія, хотя и необходимыя, какъ мнѣ кажется, подробности для выясненія проблемы, которая во многихъ отношеніяхъ и теперь еще носитъ характеръ современности. Отнынѣ мое изложеніе становится уже болѣе краткимъ, но и тутъ я не могу похвалиться, что смогъ избавить мой разсказъ отъ того тяжелаго впечатлѣнія, которое онъ получаетъ неизбѣжно отъ излагаемыхъ имъ событій. Онъ передаетъ всецѣло ихъ физіономію. Исторія Украйны въ послѣдней четверти семнадцатаго вѣка представляетъ изъ себя картину хаоса. Основу его составляютъ непрекращающіеся удары слѣпыхъ силъ. Цѣною огромныхъ усилій Москва добилась хоть частичной побѣды своей программы національнаго возстановленія, но она могла побѣдить хаосъ лишь пустотой, т.-е. въ нѣкоторыхъ пунктахъ только систематическимъ разрушеніемъ, а въ другихъ безконечными отсрочками наиболѣе важныхъ рѣшеній. Затрудненія, встрѣчаемыя ею еще и теперь въ этой части ея владѣній, происходятъ отъ этой-же отдаленной причины.

Соединяя въ себѣ всѣ ужасы войны и народныхъ возстаній, кризисъ 1648—1658 годовъ только вернулъ эту страну къ ея первоначальной участи служить полемъ

битвъ и хранительницей человѣческихъ костей. Въ ней не создалось ничего прочнаго. Даже самая могила Хмѣльницкаго, мѣсто которой было выбрано имъ въ его миломъ Субботовѣ, не долго почиталась.

Гетманъ оставилъ послѣ себя одного только сына Георгія, едва достигшаго шестнадцати лѣтъ, калѣку тѣломъ и душою. По словамъ лѣтописца, онъ былъ „евнухомъ по природѣ". Отецъ, кажется, передалъ тяжелую наслѣдственность этому печальному наслѣднику. Выховскій не замедлилъ объявить себя адъютантомъ этого новаго управителя, чѣмъ-то въ родѣ опекуна, но тотчасъ же обокралъ своего опекаемаго, отославъ его въ школу и захвативъ богатства, спрятанныя покойнымъ въ Гадячѣ. Когда представитель Алексѣя, Богданъ Хитрово, переѣхалъ въ Украйну слѣдующею зимою, онъ долженъ былъ склониться передъ совершившимся фактомъ. Ему достаточно было своей миссіи, состоявшей въ распредѣленіи московскихъ гарнизоновъ по главнымъ городамъ и лишеніи казаковъ управленія приходами страны. Онъ не могъ даже воспрепятствовать узурпатору въ его стремленіи слѣдовать ошибкамъ своего предшественника, добывая себѣ подкрѣпленіе со стороны татаръ для подавленія новаго мятежа подъ командою полтавскаго полковника Пушкаря.

Между тѣмъ вступленіе Выховскаго въ исполненіе обязанности гетмана имѣло очень угрожающее значеніе для Москвы. Вмѣстѣ съ нимъ, еще при жизни Богдана Хмѣльницкаго, самые вліятельные изъ казацкихъ начальниковъ воспитанные по большей части въ Польшѣ и раздѣлявшіе тамъ политическіе взгляды шляхты, дали соблазнить себя проэктомъ компромисса, которому доставляла рядъ увлекательныхъ примѣровъ исторія республики. Развѣ „русское великокняжество" не могло послѣдовать судьбѣ литовскаго, соединившись съ Польшею такою-же федеративною связью и получивъ то же равенство привилегій и правъ? Какъ ни былъ еще коротокъ опытъ московскаго режима и тяжелыхъ повинностей, онъ усиливалъ тѣмъ не менѣе заманчивыя стороны этого идеала. Царскіе чиновники и генералы, менѣе снисходительные и болѣе грубые, заставляли сожалѣть о прежнихъ польскихъ начальникахъ. Верховный клиръ, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ, буржуазія городовъ, въ силу своей привязанности къ своимъ муниципальнымъ свободамъ,

склонялись къ тому-же. Одни крестьяне, надѣясь получить отъ царя хоть какую-либо помощь противъ польскихъ или казацкихъ господъ, оставались еще въ большинствѣ своемъ преданными новому порядку вещей.

Выховскій 1 января 1658 года, въ своихъ Чигиринскихъ письмахъ къ польскому королю и примасу, довольно недвусмысленно намекалъ на это: „легче бываетъ, говорилъ онъ между прочимъ, придти къ соглашенію свободнымъ людямъ“. Слишкомъ смѣлая предпріимчивость Хитрово, замѣна въ Кіевѣ Бутурлина Василіемъ Шереметьевымъ, человѣкомъ въ общемъ жестокимъ и грубымъ, ускорили неизбѣжную развязку, и 16 сентября (н. с.) 1658 г. подъ Гадячемъ дѣло закончилось трактатомъ, подписанымъ казаками вмѣстѣ съ посланными отъ Яна Казиміра, Бенявскимъ и Іевлашевскимъ, къ которому теперь еще стремятся вернуться украинскіе націоналисты. Около трети страны, а именно палатинаты Кіева, Чернигова и Брацлава (теперешнія губерніи полтавская, черниговская, и кіевская), восточная часть волынскаго палатината и южная часть подольскаго были обращены въ „русское великокняжество“ по образцу литовскаго и должны были на тѣхъ-же условіяхъ войти въ составъ Республики. Равенство правъ въ Сеймѣ и Сенатѣ, отдѣльная и тождественная іерархія всѣхъ функцій и должностей, назначеніе на тѣ и другія однихъ только Украинскихъ жителей, юридическая автономія, какъ и отдѣльная монета, уничтоженіе Уніи, религіозная свобода для православной церкви безъ всякаго вмѣшательства польскихъ властей, основаніе двухъ академій по образцу краковской и неограниченная свобода въ устройствѣ школъ и типографій; въ статутѣ крестьянъ ровно никакихъ измѣненій, но за то обѣщаніе прогрессивнаго пріобщенія всѣхъ казаковъ къ привилегіямъ польской шляхты, немедленное полученіе дворянства для ста человѣкъ на полкъ, и наконецъ полная амнистія—таково было основаніе этого соглашенія, неожиданно превсошедшаго цѣнность концессіи московскаго правительства и ратифицированнаго варшавскимъ сеймомъ, не смотря на очень живыя и энергичныя возраженія, которыя оно встрѣтилъ въ немъ.

Это политическое завѣщаніе Польши семнадцатаго вѣка для этой части ея историческаго наслѣдства, и въ немъ

слѣдуетъ признать прекрасный памятникъ ей свойственнаго благородства, но увы, съ другой стороны чистѣйшую химеру. Проведеніе въ жизнь такой программы представляло огромныя трудности, и добрая воля договаривавшихся сторонъ наталкивалась во всѣхъ ея деталяхъ на эти трудности. Такъ 17-ая статья имѣла въ виду частные польскіе и церковные фонды, цѣлую массу земель и бенефицій, перешедшихъ во время кризиса въ руки казаковъ. Теперь приходилось ихъ возвращать старымъ собственникамъ и не смотря на красоту порыва, что несомнѣнно говоритъ въ ихъ пользу, наслѣдники революціонной традиціи Хмѣльницкаго обѣщали гораздо болѣе, чѣмъ они могли выполнить. Но даже по самому существу своему соглашеніе было неосуществимо. Поляки и казаки вначалѣ не заботились о правахъ, болѣе или менѣе законно пріобрѣтенныхъ въ странѣ московскимъ государствомъ. Виленскій договоръ передавалъ снова Польшѣ во владѣніе всю территорію, отнятую у нея московскою побѣдою, но въ это время эта конвенція была уже недѣйствительной. Сеймъ отказался ее признать и, желая получить помощь отъ императора, Янъ Казимиръ и самъ не поколебался съ такою-же развязностью предложить ему то наслѣдіе трона, которое онъ уступалъ, не имѣя на него ровно никакого права, Алексѣю. На сѣверѣ вновь были открыты враждебныя дѣйствія и приходилось лишь ждать, что событіе въ Гадячѣ вызоветъ ихъ также и на югѣ.

Но кромѣ того, и особенно общее положеніе Украйны не дѣлало возможнымъ такое разрѣшеніе вопроса. Ни политически, ни соціально эта страна не могла найти въ немъ для себя залога сноснаго существованія. Архитектора, вдохновленные благородными чувствами, но абсолютно незнакомые съ реальною стороною самаго дѣла, воздвигали роскошное зданіе на пескѣ, и оно должно было распасться при первомъ порывѣ вѣтра. И противные вѣтры не замедлили явиться.

Ромодановскій, командовавшій уже однимъ важнымъ московскимъ корпусомъ на украинской границѣ, дѣйствительно получилъ подкрѣпленіе съ приказаніемъ проникнуть въ страну и вызвать въ ней возстаніе противъ Выховскаго. Прерванные ввиду приближавшейся зимы, успѣшныя дѣйствія были уничтожены въ слѣдующемъ году жестокимъ по-

раженіемъ. Выступивъ въ свою очередь съ избранной частью московской кавалеріи, ветеранами польской войны, лучшій генералъ Алексѣя, Трубецкой, былъ окруженъ 4 Іюля 1659 года подъ Конотопомъ соединенными силами казаковъ, поляковъ и татаръ и потерпѣлъ полное пораженіе. Одинъ изъ его помощниковъ, князь Пожарскій, былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ, осыпая самой грубой руганью хана въ выраженіяхъ, которыя невозможно передать. Изъ арміи, доходившей, по преувеличеннымъ, конечно, донесеніямъ украинскихъ и польскихъ лѣтописцевъ, до 150,000 человѣкъ, Трубецкой привелъ съ собою въ Путивль лишь нѣсколько калѣкъ.

Но нѣсколько времени спустя послѣ этого побѣжденные въ этотъ день были блестяще отомщены въ томъ инсурекціонномъ движеніи, которое долженъ былъ подготовить Ромодановскій, который дѣйствительно поднялъ самихъ казаковъ противъ ими-же созданнаго дѣла. Одинъ за другимъ переяславскій полковникъ Цюцюра и нѣжинскій, Золотаренко подняли знамя возстанія. Выховскій былъ смѣщенъ и уступилъ свое мѣсто Георгію Хмѣльницкому. Поляковъ было очень немного въ Конотопѣ и они очутились въ такомъ критическомъ положеніи, что ихъ начальникъ Андрей Потоцкій рѣшился на отчаянное дѣло. Въ рапортахъ къ королю, онъ совѣтовалъ оставить Москвѣ лѣвый берегъ Днѣпра и обратить правый въ пустыню. „Польша должна уничтожить Украйну, писалъ онъ, если не хочетъ быть уничтожена ею“. Вотъ къ чему привелъ Гадячскій трактатъ и, какъ мы увидимъ дальше, предложеніе это было въ концѣ концовъ принято.

II.

Два берега Днѣпра.

Вѣянія перемѣнились. Вернувшись въ сентябрѣ 1659 года съ новыми силами, Трубецкой былъ принятъ на лѣвомъ берегу, какъ освободитель. Повсюду звонъ колоколовъ и восторженныя процессіи встрѣчали желаннаго гостя. На правомъ берегу казацкая старшина держалась еще за федеративную автономію, но думала теперь реализировать этотъ идеалъ сообща съ Москвою. Трубецкой не долго оставлялъ

ее въ этомъ пріятномъ заблужденніи; уже 17 октября онъ вручилъ Георгію Хмѣльницкому новую грамоту, опредѣлявшую двѣ основныя черты ранѣе установленнаго режима: военную оккупацію и административное подчиненіе. Она относила кромѣ того на счетъ страны издержки на то и на другое.

Конечно, этимъ нельзя было удержать казаковъ отъ ихъ агитаціи и, такъ какъ они съ ихъ обычною подвижностью обратились въ сторону Польши, то та и воспользовалась этимъ. Въ маѣ 1660 года мирный трактатъ съ Швеціей, подписанный въ Оливѣ благодаря содѣйствію Франціи, далъ ей опытныя и воодушевленныя побѣдою войска для Украинской войны.

Ордынъ Нащокинъ сдѣлалъ все, чтобы помѣшать событіямъ. Родомъ изъ Пскова, гдѣ ненависть къ шведамъ поддерживалась постоянными стычками на границѣ, и предшественникъ Петра Великаго, онъ считалъ существеннымъ захватъ берега Балтійскаго моря. Въ тѣсномъ же союзѣ съ Польшею противъ Швеціи онъ видѣлъ съ другой стороны залогъ общей федераціи славянскихъ народовъ—мечта Крыжанича!—и для этого онъ былъ готовъ не только пожертвовать Кіевомъ на югѣ, но также и Полоцкомъ и Витебскомъ на сѣверѣ. Алексѣй и остальные совѣтники не отличались въ отношеніи поставленныхъ на карту національныхъ интересовъ этихъ двухъ странъ такой дальнозоркостью, за то обладали большей практичностью. Ставъ снова твердою ногою на древнихъ владѣніяхъ первыхъ русскихъ князей, которыхъ она добивалась по праву наслѣдства, Москва уже не могла отступить. Но она должна была выдержать еще сильное нападеніе.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ и въ Украйнѣ любили повторять, что Польша открыта для всякаго желающаго, кому только угодно было войти, „при чемъ ни одна собака не осмѣлиться лаять“, эта страна вдругъ показала себя способной къ чрезвычайнымъ усиліямъ. Ея войска подъ предводительствомъ Чарнецкаго и Павла Сапѣги, въ Лаховицахъ, Слонимѣ, Полоцкѣ, Бѣлоруссіи одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ войсками Хованскаго, пользовавшагося однако репутаціей хорошаго полководца, надъ Долгорукимъ и Золотаренко. Участвовавшій въ этой кампаніи ли-

чно, замѣчательный польскій хронистъ Пасекъ говоритъ, что никогда прежде его соотечественники не сражались подобнымъ образомъ. Въ то-же время Шереметьевъ и Георгій Хмѣльницкій натолкнулись въ октябрѣ 1660 г. подъ Чудновымъ, въ Волыни, на другую коалицію, состоявшую изъ поляковъ, татаръ и казаковъ, соединенныхъ Выховскимъ, и здѣсь повторилась конотопская катастрофа, еще болѣе страшная, чѣмъ та. Московскій генералъ капитулировалъ и остался въ плѣну у татаръ. Москва потеряла на этотъ разъ вмѣстѣ со своимъ лучшимъ полководцемъ всѣ лучшія силы своей реорганизованной арміи. Войска новой формаціи, экипированныя и обученныя по европейски, подъ командою офицеровъ иностраннаго происхожденія, Гордона, Ванъ Г дена, Ванъ Говена, Крафорда, потерпѣли пораженіе.

Эффектъ отъ пораженія былъ таковъ, что въ Кремлѣ проэктировался даже отъѣздъ царя въ Ярославль, гдѣ онъ былъ-бы въ большей безопасности.

Ничто не угрожало впрочемъ Алексѣю и его столицѣ, но послѣ новой кровопролитной неудачи, которую потерпѣлъ Хованскій въ Литвѣ, Яну Казиміру уже не представляло особаго труда вернуть себѣ обратно Вильну, гдѣ въ распоряженіи князя Мышецкаго находилось только семьдесятъ восемь человѣкъ. Въ Украйнѣ Георгій Хмѣльницкій передалъ правый берегъ Днѣпра полякамъ, которымъ былъ тамъ оказанъ восторженный пріемъ. По лѣвому берегу Москва имѣла еще своихъ приверженцевъ, сгруппировавшихся вокругъ наказного гетмана Самко. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе Украйны, рекомендованное въ свое время Потоцкимъ, и продолжалось оно до тѣхъ поръ, пока не исчезли послѣдніе слѣды политической автономіи въ обѣихъ частяхъ страны. Но Польша временно удержала за собою лучшую часть. Ей не удалось однако долго извлекать выгоду изъ своихъ побѣдъ.

Соотечественники Пасека отлично сражались; но описывая свои впечатлѣнія съ грубою откровенностью солдата, хронистъ заявлялъ, „что пасти свиней было бы гораздо пріятнѣе, чѣмъ водиться съ подобною компаніей“. Одержавъ послѣднюю побѣду подъ Глухимъ, Чарнецкій встрѣтилъ возстаніе своихъ собственныхъ войскъ, которыя, возмутившись, вскорѣ умертвили и главу организованной ими-же

военной „конфедераціи“, Жеромскаго и малаго генерала Литвы, Госѣвскаго, пытавшихся призвать ихъ къ долгу. Они пользовались парламентаризмомъ по своему.

Москва получила такимъ образомъ возможность передохнуть, и она воспользовалась этой передышкою, чтобы завести переговоры въ свою очередь со Швеціей, въ Кардисѣ, въ іюнѣ 1661 г., о вѣчномъ мирѣ. И противъ желанія Нащокина, не присутствовавшаго при его подписаніи, замѣненаго князьями Прозоровскимъ и Барятинскимъ, Алексѣй отдалъ всѣ свои ливонскія завоеванія, но взамѣнъ этого онъ получилъ возможность сконцентрировать всѣ свои силы противъ другого своего противника. Обѣ стороны, правда, истощились въ средствахъ почти одинаково. Плохо оплачиваемыя мѣдною монетою, или даже совсѣмъ неоплачиваемыя войска царя также не отличались образцовою дисциплиною. Въ Волыни Мышецкій былъ выданъ полякамъ своими-же солдатами. Повсюду встрѣчавшіяся войска съ трудомъ прокармливались, благодаря систематическому разгрому страны, обѣ арміи, полагая голодомъ взять непріятеля, страдали отъ него первыми. Въ самой Украйнѣ казаки, разбившись теперь на два лагеря, пожирали другъ друга. Но тутъ-то и проявилось превосходство той крѣпкой организаціи, которую представляла изъ себя Москва.

Въ январѣ 1663 года, послѣ смѣны побѣдъ и пораженій, блуждая по Днѣпру и ведя борьбу съ Ромодановскимъ, Георгій Хмѣльницкій, тщетно прождавъ помощи отъ поляковъ, сложилъ гетманскую булаву и поступилъ въ монахи подъ именемъ Гедеона. Ему наслѣдовалъ Павелъ Тетеря, родомъ изъ Переяславля, сынъ простого казака, женатый на дочери Богдана Хмѣльницкаго. Быстрый его переходъ къ власти совпалъ съ послѣдней попыткой соглашенія между казацкимъ міромъ и Польшею. Въ октябрѣ того-же года, Янъ Казиміръ, прибывъ въ Украйну со своими лучшими генералами, участвовалъ въ послѣдней попыткѣ поляковъ встать твердою ногою на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ Самко уже уступилъ мѣсто гетману, который оказался болѣе покорнымъ Москвѣ, Ивану Брюховецкому, покрытому почестями и милостями, и хотя самъ онъ былъ простымъ казакомъ, получившему званіе боярина и женатому на Долгорукой. Казаки были очень чувствительны ко

всѣмъ этимъ событіямъ, и Польша, хотя и была республиканскою, но не сумѣла подражать своей соперницѣ и возстаніе, вспыхнувшее на правомъ берегу, принудило короля отступить назадъ.

Выховскаго стали подозрѣвать въ участіи въ этомъ движеніи. Его заманили въ засаду и одинъ польскій полковникъ приказалъ его разстрѣлять. Одинъ изъ его предполагаемыхъ сообщниковъ, Нужный, приговоренный къ повѣшенію, просилъ, чтобы его посадили на колъ, чтобы умереть, какъ умеръ когда-то его отецъ.

Украйна потерпѣла страшныя потери въ людяхъ и въ средствахъ. Взявъ Субботово, гдѣ по легендѣ была разрушена могила Богдана Хмѣльницкаго и даже останки героя были выброшены изъ нея; подвергнувъ сожженію Ставичъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви и истребивъ всѣхъ жителей въ наказаніе за рецидивъ возстанія, славный Чарнецкій палъ жертвою этой отчаянной борьбы, и его смерть вновь возбудила сопротивленіе, подавленное его энергіей. Тетерѣ пришлось спасаться въ Польшѣ, гдѣ онъ и пропалъ безслѣдно.

Въ 1665 году несчастная Польша была снова лишена защиты. Теперь въ ней вспыхнула гражданская война, вынудившая короля собрать всѣ свои силы противъ одного изъ героевъ побѣдоносныхъ кампаній предшествующихъ годовъ, Георгія Любомірскаго, просившаго помощи изъ Москвы! Украйна праваго берега на нѣкоторое время была предоставлена самой себѣ и это не послужило ей на благо. Казацкія шайки оспаривали другъ у друга владѣніе ею подъ начальствомъ выбранныхъ ими вождей, при чемъ одинъ изъ нихъ, Петръ Дорошенко, хвасталъ, что пойдетъ по стопамъ великаго Богдана.

Обладая меньшими талантами, но тѣмъ-же духомъ лихорадочной интриги, грубой хитрости и постоянной измѣнчивости, предлагая свои услуги одновременно Польшѣ и Москвѣ, пытаясь заполучить на свою сторону татаръ, оставаясь вѣрнымъ султану и вскорѣ завязавъ сношенія съ самимъ Стенькою Разинымъ, онъ думалъ распространить свою власть и на правый берегъ, гдѣ грубость Брюховецкаго и московскихъ воеводъ вызывала уже нѣкоторое недовольство.

Въ концѣ 1666 года онъ, казалось, окончательно остановился на оттоманскомъ протекторатѣ противъ Польши, но

такое положеніе послужило лишь къ тому, что въ Москвѣ было отдано предпочтеніе политикѣ Нащокина, неизмѣнно стоявшаго за сближеніе съ Польшею противъ Турціи и казаковъ.

III.

Раздѣлъ.

Начиная съ 1661 года обѣ стороны, не прекращая борьбы, продолжали въ то же время пускать въ ходъ дипломатію. Возстаніе Любомірскаго сдѣлало Польшу болѣе сговорчивою, и 30 января 1667 г. въ деревнѣ Андрусовѣ (въ теперешней Смоленской губерніи) она заключила перемиріе на тринадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, получивъ въ Литвѣ Витебскъ, Подольскъ и Динабургъ и сохранивъ свои права надъ Ливоніей, но взамѣнъ этого уступивъ Смоленскъ со всею сѣверною областью и на ливонской границѣ шесть мѣстъ: Дорогобужъ, Бѣлую, Невель, Себѣжъ, Красное, Вележъ, когда-то покоренныя Баторіемъ. Въ Украйнѣ она отдала Москвѣ лѣвый берегъ Днѣпра, сохранивъ за собою правый берегъ съ Кіевомъ, который однако долженъ былъ подвергнуться московской эвакуаціи лишь черезъ два года.

Невѣроятно, чтобы заключившіе договоръ поляки предавались иллюзіи насчетъ послѣдняго параграфа. Нащокинъ, конечно, полагалъ, что онъ никогда не будетъ выполненъ. Для того, чтобы ввести его въ трактатъ, онъ съ успѣхомъ, кажется, воспользовался даже подкупомъ, но Украйна праваго берега, все продолжавшая возстаніе вмѣстѣ съ Дорошенко и его покровителями, прибавила болѣе вѣсу къ золотымъ дукатамъ, тайно розданнымъ. Во время переговоровъ московскій уполномоченный не оставлялъ своей любимой идеи о соединеніи обѣихъ странъ, похваляясь не безъ нѣкотораго наивнаго безстыдства тою „свободою“, которою пользовались подданные царя, и опираясь на то, что наслѣдникъ Алексѣя говорилъ бѣгло по-польски. Но его предложенія были вѣжливо отклонены. Польша приняла лишь перемиріе.

Болѣе или менѣе безсознательно она подписалась между тѣмъ подъ окончательнымъ уже рѣшеніемъ. Отъ зданія, со-

крушеннаго Богданомъ Хмѣльницкимъ и воздвигнутаго на другой базѣ гадячскимъ договоромъ, теперь ничего не оставалось. Украинская община раскололась на двое и предполагаемая отдача Кіева Польшѣ угрожала создать для восточной части особенно неблагопріятное положеніе, съ двойной точки зрѣнія какъ вѣры, такъ и культуры. Позже, когда обстоятельства позволили, какъ и думалъ Нащокинъ, не держаться въ этомъ отношеніи принятыхъ на себя обязательствъ, случай повернулся иначе. Оторванная отъ древней столицы, западная часть Украйны являлась тѣломъ безъ души и грозила разложеніемъ въ то время, какъ ея кіевскій очагъ, увлеченный московскою орбитою, потерялъ всякую возможность самобытно развиваться. То былъ первый актъ разрушенія, за которымъ послѣдовали и другіе.

А пока что, какъ и гетманатъ на обоихъ берегахъ Днѣпра, кіевская митрополія сдѣлалась предметомъ постоянныхъ соисканій. Наслѣдуя въ ней Коссову, ни Балабанъ въ 1658 году, ни Тухальскій въ 1663 не были признаны московскимъ правительствомъ. Не осмѣливаясь явно порвать связи съ патріархатомъ Константинополя назначеніемъ митрополита по своему выбору, оно прибѣгло къ способу назначенія временнаго управленія, но администраторы, противупоставленные такимъ образомъ избраннымъ митрополитамъ, должны были бороться кромѣ того, какъ и ихъ соперники, съ епископами, поддерживаемыми Польшею или соединенными съ нею казаками. Въ постоянныхъ спорахъ за мѣста съ архимандритомъ Кіево-Печерскаго монастыря, Гизелемъ, настаивавшимъ въ Москвѣ на назначеніи митрополита, въ надеждѣ, конечно, что онъ самъ займетъ это мѣсто,—Тухальскій получилъ изъ Константинополя черезъ Дорошенко свое собственное назначеніе на оспариваемое мѣсто.

Москва между тѣмъ умѣла довольно искусно использовать всѣ эти недоразумѣнія для осуществленія того дѣла, которое являлось въ этой области наиболѣе интереснымъ для нея. Разбивъ при помощи татаръ и турокъ нѣсколько казацкихъ полковъ на правомъ берегу, Дорошенко доставилъ ей этимъ предлогъ для отсрочки эвакуаціи Кіева. Раздѣлъ, принятый въ Андрусовѣ, увѣряла она, не получалъ такимъ образомъ осуществленія. Находясь въ постоянной нуждѣ и оспаривая ея поддержку другъ передъ другомъ, украинскіе пре-

латы и даже простые попы, вовлеченные въ свою очередь въ борьбу, помогали ей управлять страной со стороны полицейской. Подчинивъ всѣ функціи избирательному принципу, древняя организація православнаго клира поставила себя въ болѣе близкія отношенія съ паствой и, всячески стараясь искоренить подобный демократическій режимъ, московское правительство оказывало временно клиру извѣстное уваженіе и пользовалось имъ въ указанномъ смыслѣ. Назначенный въ 1661 году администраторомъ кіевской митрополіи подъ именемъ Мефодія, старый нѣжинскій протопопъ, Максимъ Филимоновичъ, установилъ тщательное наблюденіе за Брюховецкимъ и поднималъ противъ него народныя массы, когда гетманъ выходилъ изъ повиновенія. Устраненный въ виду недостаточнаго усердія, предшественникъ Мефодія, Лазарь Барановичъ, выказалъ раскаянье, добился возвышенія своего епископскаго поста въ Черниговѣ до степени архіепископства и, полуподчинившись московскому патріархату, показалъ себя ревностнымъ его рабомъ. Самъ архимандритъ Кіево-Печерской лавры, Гизель, вмѣшивался лишь для того, чтобы подчинить Дорошенко московской власти.

Барановичъ, Гизель,—все это были старые ученики коллегіи Могилы! И они не отвергали этого прошлаго. Alma mater Kioviensis, вся пропитанная латинизмомъ и полонизмомъ, оставалась для нихъ дорогою. Они отказывались предоставлять свои типографіи для московскихъ сочиненій. Но подозрительная въ ихъ глазахъ съ точки зрѣнія религіозной и варварская съ точки зрѣнія интеллектуальной, политически Москва оказывала на нихъ неотразимое вліяніе: она умѣла такъ хорошо платить за оказываемыя ей услуги. Подъ вліяніемъ новыхъ внутреннихъ бурь, возникшихъ благодаря отреченію Яна-Казиміра (1668 г.) и выбору ничтожнаго Михаила Висьневецкаго, Польша перестала быть государствомъ, которое могло заставить себя любить или бояться. Послѣдніе оставшіеся вѣрными либеральному идеалу, который она одно время представляла въ этой странѣ, были вынуждены представить на компромиссъ между Москвою и казаками Дорошенко то, что у нихъ оставалось еще отъ вѣры и—преданности—этому благородному дѣлу.

Но казаки уступали со всѣхъ сторонъ теченію, которое влекло ихъ къ другимъ судьбамъ. Москва, показывая видъ,

будто бы принимаетъ предложенія Дорошенко, думала лишь поддержать на берегахъ Днѣпра то смутное положеніе, которое благопріятствовало ея видамъ на Кіевъ. Гетманъ праваго берега въ концѣ концовъ понялъ это и, стараясь увильнуть подобно Богдану Хмѣльницкому, онъ завелъ переговоры съ Брюховецкимъ, своимъ соперникомъ на лѣвомъ берегу, который, ничего не понимая, полагалъ, будто бы онъ находится наканунѣ смѣщенія. Результатомъ подобнаго соглашенія было общее истребленіе московскихъ гарнизоновъ, сопровождавшееся обычными для этой страны жестокостями. Такъ, жену Гадячскаго воеводы Огарева водили по улицамъ полураздѣтую, послѣ чего ей отрубили одну грудь. Самъ Брюховецкій былъ потомъ задушенъ по приказанію своего же сообщника! И это все происходило какъ разъ въ моментъ возстанія Разина на югѣ и бунта въ Соловкахъ на сѣверѣ!

Москва еще разъ взяла верхъ надъ этими волненіями. Управитель кіевскою митрополіей, Мефодій, кажется, игралъ здѣсь какую-то подозрительную роль. Черниговскій архіепископъ, Барановичъ, завидуя ему, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выставить себя умиротворителемъ. Вызванный на правый берегъ бунтомъ казаковъ Запорожья подъ Суховѣемъ, а также, опять-таки подобно Богдану Хмѣльницкому,—невѣрностью своей жены, Дорошенко оставилъ на лѣвомъ берегу своего эсаула Демьяна Многогрѣшнаго, который, предоставленный собственнымъ силамъ, не замедлилъ подчиниться Ромодановскому. Съ этимъ новичкомъ или съ Дорошенко Барановичъ льстилъ себя надеждой всегда провести свою автономную программу и распространить ее на оба берега, но въ то же самое время другой представитель украинскаго клира, новый нѣжинскій протопопъ, Симеонъ Адамовичъ, развилъ въ Кремлѣ взгляды совершенно другого рода, которые были, естественно, лучше приняты.

Высшій и низшій клиръ разошлись по этому вопросу, при чемъ первый раздѣлялъ вкусъ казацкихъ вождей къ независимости, а второй держался общаго дѣла съ народными массами, предпочитавшими грубость московскихъ воеводъ дикой фантазіи Брюховецкихъ и Дорошенко.

Ромодановскій разыгралъ какіе-то выборы, доставивъ титулъ гетмана Многогрѣшному; совѣтъ казаковъ, собранный

въ Глуховѣ, послушно высказался за поддержку воеводъ и вновь утвержденный въ качествѣ управителя кіевской митрополіи и замѣнившій собою Мефодія, заточеннаго въ монастырь, Барановичъ, притворившись удовлетвореннымъ и готовымъ къ услугамъ, разсыпался въ новыхъ изъявленіяхъ своей признательности. Вскорѣ ему пришлось доказать ее на дѣлѣ. Многогрѣшный, хотя и находясь подъ бдительнымъ надзоромъ Адамовича, въ свою очередь сталъ прислушиваться къ предложеніямъ Дорошенко и Тухальскаго. Когда его люди отказались слѣдовать за нимъ въ ночь на 13 марта 1692 г., гетманъ былъ сосланъ, благодаря государственному перевороту, въ оковахъ, сначала въ Москву, а оттуда въ Сибирь. Онъ уступилъ свое мѣсто другой московской креатурѣ, Ивану Самойловичу, но власть послѣдняго была уже значительно ограничена.

То былъ, собственно говоря, конецъ гетманства въ томъ смыслѣ, какой ему придавалъ Богданъ Хмѣльницкій, и Барановичу стоило такого труда отъ него отказаться, что онъ не противостоялъ искушенію завязать сношенія съ Дорошенко. Москва тоже этому не противилась, такъ какъ ей всегда улыбалось держать Польшу въ затруднительномъ положеніи. Во время этихъ переговоровъ управитель кіевской митрополіи и правительство, которому онъ яко бы служилъ, преслѣдовали совершенно различныя цѣли. Самъ Дорошенко выказывалъ себя расположеннымъ къ заключенію трактата, такъ какъ Москва лишила его мѣста на лѣвой сторонѣ, а Польша поставила ему на правой сторонѣ соперника, Хаменко,— „схватить Украйну можно было такимъ образомъ только за хвостъ“, по картинному выраженію хрониста. Онъ между тѣмъ требовалъ выполненія гадячскихъ условій, что исключало всякую возможность соглашенія. Такъ какъ Польшу захватила въ это время огромная турецкая армія, то Ромодановскій, благодаря маневрамъ того же самаго Дорошенки, выдвинулъ планъ соединенія обоихъ береговъ подъ московскою властью. Андрусовскій трактатъ заставлялъ Москву помогать Польшѣ противъ Турокъ. Она выполнитъ эту задачу, занявъ для поляковъ ту самую часть Украйны, которую тѣ не были въ состояніи защищать сами!

Въ апрѣлѣ, 1674 года это стало фактомъ. Съ помощью турокъ и татаръ Дорошенко одинъ нѣкоторое вре-

мя защищался въ Чигиринѣ, но въ октябрѣ 1676 года, получивъ ложныя свѣдѣнія о состоявшемся будто-бы соглашеніи между московитами и поляками, онъ рѣшилъ перейти на сторону болѣе сильнаго, сложить знаки своей власти и присягнуть сыну Алексѣя, Ѳеодору, который только что (10 февраля 1676 году) наслѣдовалъ своему отцу. Доставленный въ Москву, онъ получилъ имѣніе въ Ярополчѣ, въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи), и жилъ тамъ въ неизвѣстности до 1698 г. Адамовичъ и Барановичъ оставались чужды этому событію. Новый „гетманъ обоихъ береговъ" Самойловичъ былъ противъ вмѣшательства клира въ политику. Онъ добился устраненія прелата, возбудивъ противъ него подозрѣнія, приказалъ сослать попа въ Сибирь, представивъ въ дурномъ свѣтѣ его интриги, и приготовилъ то подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріархату, котораго такъ боялись самые опредѣленные сторонники московскаго правительства въ этой странѣ и которое было наконецъ завершено въ 1685 году. Такимъ образомъ осуществилось религіозное объединеніе „всѣхъ частей русскаго государства", и, захвативъ твердою рукою лѣвый берегъ Днѣпра, Москва совершила большой шагъ на пути политическаго объединенія. Но способъ, которымъ она достигла этого, грозилъ скомпрометировать этотъ результатъ. Благопріятствуя предпріятіямъ Турціи противъ Польши, она дала возможность ихъ общему врагу стать твердою ногою въ Украйнѣ, которая, несмотря на блестящій титулъ, данный Самойловичу, оставалась на дѣлѣ раздѣленной на двѣ части. Болѣе того, ее продолжали оспаривать турки, поляки, казаки и московиты, и западная часть страны была временно отдана въ жертву, всецѣло подвергнута дѣйствію разрушительныхъ силъ, которыя надолго еще продолжали свое дѣло уничтоженія. Для этого періода украинской исторіи преданіе сохранило зловѣщее слово, которое и должно служить заглавіемъ для заключительной главы моего разсказа.

IV.

Разрушеніе.

Богданъ Хмѣльницкій могъ безнаказанно вводить своихъ оттоманскихъ покровителей въ сложную игру своей дипло-

матіи. Занятая войною съ Венеціей, Порта удовольствовалась лишь тѣмъ, что направила татаръ на предлагаемую ей такимъ образомъ добычу. Слѣдуя этой тактикѣ, Дорошенко совсѣмъ не учелъ измѣнившагося положенія. Съ захватомъ Кандіи (6 сентября 1669 года) оттоманская держава оказалась въ силѣ придать своему вмѣшательству очень серьезный характеръ, и въ то же время положеніе дѣлъ въ Польшѣ открывало съ этой стороны соблазнительную перспективу ея честолюбію. Янъ Казиміръ только что отказался отъ трона, завѣщавъ его преемнику, который не имѣлъ ровно никакого престижа, кромѣ имени, прославленнаго въ войнѣ съ Украйною. Но сынъ Іереміи Висьневецкаго ни въ чемъ не походилъ на своего отца. Спѣша покинуть Ханенко, Михаилъ отвѣтилъ на полученный имъ изъ Константинополя ультиматумъ только униженными просьбами и въ августѣ 1772 года султанъ занялъ Подолію съ огромною арміей. Вскорѣ, взявъ приступомъ Каменецъ, онъ торжественно вступилъ въ городъ по ковру изъ священныхъ изображеній и знаменъ, взятыхъ изъ разграбленныхъ христіанскихъ церквей. Въ сентябрѣ въ свою очередь былъ осажденъ Лембергъ и чтобы остановить нашествіе, Польша, заключая договоръ въ Бучачѣ, уступила всю Подолію побѣдителямъ, предоставивъ Украйну въ распоряженіе казаковъ Дорошенки, подданныхъ султана.

Несмотря на Андрусовскій трактатъ, Москва не трогалась съ мѣста. Теперь она встревожилась, но, принявъ рѣшеніе не помогать своей западной сосѣдкѣ, желая защититься отъ участи, угрожавшей ей самой, она вздумала сдѣлать призывъ къ другимъ европейскимъ державамъ. Къ концу 1672 года ея посланцы посѣтили Парижъ, Лондонъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ, Гаагу, Берлинъ, Дрезденъ, Венецію и Римъ. Любопытная перемѣна произошла въ отношеніяхъ великаго сѣвернаго государства къ западу. Въ первый разъ призывъ въ крестовому походу шелъ изъ того глухого и нѣмого Кремля, гдѣ столько разъ уже папство и другія христіанскія державы тщетно пытались пробудить откликъ симпатіи и солидарности къ общему дѣлу. Но въ свою очередь и западъ ничего не отвѣтилъ. Московиты и поляки были предоставлены одни милости побѣдоноснаго полумѣсяца. Блестящій успѣхъ, достигнутый Собѣсскимъ

подъ Шосимомъ, 11 ноября 1673 года, остался безплоднымъ. Въ это самое время Михаилъ умиралъ, и Польша была только занята тѣмъ, чтобы посадить на тронъ храбраго солдата, которому она была обязана этой побѣдою. Тщетно Ѳедоръ, поддерживаемый литовскою партіей, оспаривалъ у него свое преемство.

Избранный такимъ образомъ (въ маѣ 1674 г.), Собѣсскій оправдалъ довѣріе своихъ согражданъ; но даже чудеса героизма дали ему только возможность добиться лишь короткаго перемирія, и кромѣ Подоліи онъ предоставилъ Турціи еще добрую треть Украйны отъ праваго берега до Бѣлой Церкви. Такою цѣною Польша, уступая, правда, на дѣлѣ лишь-то, что ей уже больше не принадлежало, отбросила къ Москвѣ нашествіе, которое она остановила по крайней мѣрѣ со своей стороны. И Москва охотно вступала въ конфликтъ. Осадивъ въ Чигиринѣ вассала Порты, Дорошенко, потомъ добившись подчиненія гетмана, она открыла враждебныя дѣйствія. Турція отвѣтила на это назначеніемъ съ своей стороны гетмана и поставила на этотъ постъ Георгія Хмѣльницкаго, который, снявъ рясу, тайно вмѣшивался уже въ интриги и въ борьбу предшествующихъ лѣтъ, но кончилъ тѣмъ, что былъ брошенъ въ Константинопольскую тюрьму. Освобожденный, онъ въ вознагражденіе былъ даже названъ „великимъ княземъ Украйны“, подобно своему отцу, и въ 1677 и 1678 г., во главѣ сильной турецко-татарской арміи осадилъ дважды въ свою очередь въ Чигиринѣ сильный московскій гарнизонъ подъ начальствомъ Ивана Ржевскаго, которому помогалъ своею опытностью шотландецъ Гордонъ. Городъ былъ взятъ послѣ храбраго отпора и Ромодановскій и Самойловичъ, тщетно пытаясь оказать ему помощь, должны были отступить на лѣвый берегъ, гдѣ они едва могли удержаться, оставивъ всякую мысль о переходѣ черезъ Днѣпръ.

Укрѣпившись въ свою очередь въ Немировѣ, утвердивъ своихъ приверженцевъ въ Корсуни и Кальникѣ, производя даже частые набѣги на лѣвый берегъ, чтобы вернуть оттуда эмигрантовъ, которые изъ ненависти къ мусульманскому рабству переселялись сюда толпами,—новый „великій князь Украйны“ могъ продержаться въ своемъ неожиданномъ положеніи до 1681, когда онъ исчезъ съ горизонта исторіи,

казненный, какъ думаютъ, самими турками по причинѣ слишкомъ частыхъ проявленій жестокости съ его стороны. И въ этотъ моментъ страна, которой онъ снова вернулъ мечты объ эфемерной имперіи Богдана, западная Украйна представляла изъ себя лишь пустыню. Хмѣльницкій и Самойловичъ оспаривали посредствомъ набѣговъ немногихъ оставшихся тамъ жителей. Чигиринъ былъ превращенъ въ груду развалинъ, и Черкассы, исключительно казацкій городъ, нѣкогда такой населенный и оживленный, ничего не сохранилъ изъ своего славнаго прошлаго.

Въ 1671 году трактатъ, положившій конецъ турецко-московской войнѣ, подписанный въ Бахчисараѣ и ратифицированный только спустя два года въ Константинополѣ, опредѣляетъ совершенно точно, что все пространство между Дономъ и Днѣстромъ останется пустымъ, т. е. будетъ находиться въ томъ же состояніи, какъ послѣ нашествія татаръ въ 1233 году. На всемъ пространствѣ между Кіевомъ и нижнимъ Днѣпромъ нельзя было строить ни одного города или деревни, ни на томъ, ни на другомъ берегу рѣки, и въ 1686 году окончательный мирный договоръ между Москвою и Польшею долженъ былъ заключать въ себѣ подобную же статью.

Таковъ былъ конецъ казацкой Иліады. На лѣвомъ берегу Самойловичъ и наслѣдовавшій ему въ іюлѣ 1687 года, самъ Мазепа, находясь подъ строгимъ наблюденіемъ московскихъ командующихъ войсками и чиновниковъ, видѣли себя обреченными покрывать тѣнью призрачной власти свое полное ничтожество и реальность полнаго своего подчиненія. На правомъ берегу попытка Собѣсскаго возстановить военную организацію казацкаго братства по плану, принятому Баторіемъ, закончилась лишь новыми вспышками народныхъ волненій, въ которыхъ знаменитый Палѣй предвосхищалъ позднѣйшіе подвиги гайдамаковъ, этихъ украинскихъ хулигановъ восемнадцатаго вѣка.

Біографія и легенда объ этой личности уже принадлежитъ къ исторіи Петра Великаго, и если его защитники и приписываютъ ему ту заслугу, что онъ сыгралъ главную роль при возобновленіи колонизаціи въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви, гдѣ у него были свои участки земли,—ихъ увѣренія находятся въ явномъ противорѣчіи съ единоглас-

нымъ свидѣтельствомъ по этому поводу путешественниковъ, которые посѣтили эту мѣстность въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго вѣковъ и нашли въ ней повсюду только одну пустыню. Она вернулась къ жизни уже послѣ Карловицкаго договора (1699 г.), который, вернувъ Польшѣ Подолію, уничтожилъ также роковыя статьи договоровъ 1680 и 1686 годовъ, продиктованныхъ Турціей.

Но еще прежде, 3 мая 1686 г., подчинившись вліянію Австріи, желавшей сманить на службу своимъ интересамъ освободителей Вѣны, Польша должна была окончательно оставить свои претензіи на Кіевъ и для будущности Украйны, какъ и для позднѣйшаго развитія державы, оставшейся въ немъ госпожею положенія, это являлось капитальнымъ фактомъ. Москва окончательно взяла верхъ. За смутное обѣщаніе помощи противъ татаръ и вознагражденіе въ полтора милліона экю ея соперница продала свое право старшинства. Такимъ образомъ была исчерпана вѣковая распря, въ которой вмѣстѣ съ Украйной гегемонія славянскаго міра служила ставкою между обѣими имперіями и, если, преслѣдуя совершенно другія цѣли, Петръ Великій и его наслѣдники мѣшкали пользоваться выгодами этой побѣды, то послѣдствія ея сдѣлались съ тѣхъ поръ неизбѣжными. Не будучи въ состояніи защищать наслѣдіе литовскихъ князей, какъ и возложенную на нее программу расширенія владѣній на востокъ, отодвинутая съ другой стороны благодаря этому отъ западныхъ базъ своего древняго могущества, отданнаго ею побѣдоносному германизму, — Польша была осуждена на исчезновеніе. А въ то же время, на тѣхъ же берегахъ Днѣпра, наполовину ею оставленныхъ,—съ лучшею частью наслѣдія Рюрика, Москва получила залогъ той удивительной судьбы, которая готовилась для нея уже съ пятнадцатаго вѣка кропотливыми „собирателями русской земли“.

Но въ будущемъ, которое такимъ образомъ обрисовывалось, пріобщенный къ цивилизаціи тою же умирающею теперь Польшею, поднятый ею на уровень культуры, не имѣвшій себѣ равнаго во всемъ русскомъ мірѣ, „Русскій Парижъ“ Могилы и его учениковъ долженъ былъ еще сыграть роль, важность которой становится очевидной при изученіи умственнаго развитія внутри Москвы семнадцатаго вѣка.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Интеллектуальная эволюція.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Религіозный кризисъ.

1. Третій Римъ.—2. Греческій клиръ въ Москвѣ.—3. Наука и традиція.—4. Реформа. 5. Бунтъ. 6. Крещеніе кровью.

I.

„Третій Римъ".

Мы уже видѣли, что, въ свой борьбѣ съ западноевропейскими сосѣдями, Москва не колебалась болѣе, начиная съ середины семнадцатаго вѣка, осаждать другія иностранныя и западныя державы не только просьбами о поддержкѣ, но и заимствовать у нихъ кое-какіе элементы, дававшіе имъ общепризнанное превосходство: научные методы войны и усовершенствованное оружіе, обученныхъ офицеровъ и опытныхъ солдатъ. Такая эволюція была неизбѣжна. Если на самомъ дѣлѣ, жестокія испытанія заставили на минуту этотъ народъ углубиться въ себя, съ единственнымъ желаніемъ защитить поруганныя святыни его національной жизни, то эта дикая изоляція, это noli me tangere, которыя противополагались положенію дѣлъ и идеямъ другихъ странъ, не могли ни оставаться абсолютными, ни продолжаться безконечно. Выбросивъ за предѣлы своихъ очаговъ убитыя и запуганныя жертвы Смутнаго Времени, создавъ имъ рядъ столкновеній съ ихъ сосѣдями,—высшій законъ, царившій надъ ихъ судьбами, непреоборимое стремленіе къ расширенію быстро вырвали ихъ изъ ихъ одиночества.

Движеніе было медленное, зыбкое, шаткое, и выборъ

лицъ, которыхъ оно увлекало, палъ вначалѣ на область матеріальную, техническую, цивилизаціи, внутренній смыслъ которой еще ускользалъ отъ нихъ. Вначалѣ было обращено вниманіе на западъ лишь какъ на магазинъ орудій, которымъ можно было воспользоваться, и довольно удовлетворительно, посредствомъ покупокъ, давая хорошую цѣну. Вскорѣ между тѣмъ уже въ установленныхъ такимъ образомъ коммерческихъ сношеніяхъ духъ успѣлъ оторваться отъ матеріи. Создалась невозможность использовать удовлетворительно такимъ образомъ пріобрѣтенныя средства внѣ одновременнаго приспособленія того самаго умственнаго багажа, результатомъ котораго они явились. Тогда въ глазахъ по крайней мѣрѣ болѣе избранныхъ интеллигентныхъ лицъ, магазинъ принялъ значеніе школы, гдѣ можно добыть нѣчто лучшее, чѣмъ предметы необходимости или роскоши: умѣніе ими пользоваться, находить имъ эквивалентъ въ своихъ собственныхъ способностяхъ и главнымъ образомъ новые способы жить и мыслить.

Если-бы Москва семнадцатаго вѣка была совершенно дикою страною, тогда переходъ ея къ новому міру руководящихъ идей совершился бы безъ страданій и борьбы. Но западное вліяніе встрѣтило здѣсь другую культуру, также иностраннаго происхожденія. Византійскій востокъ опередилъ Западъ. Отсюда неизбѣжный конфликтъ, позже принявшій драматическій характеръ въ борьбѣ противъ реформъ Петра Великаго и продолжающійся еще и до сихъ поръ въ борьбѣ западниковъ съ славянофилами, съ того момента не перестававшій производить тренія и крупные безпорядки.

Эта византійская культура имѣла особенный характеръ: очень поверхностная во многихъ отношеніяхъ, она по нѣкоторымъ пунктамъ глубоко проникала въ народное сознаніе. Она принципіально управляла религіозною и номинально моральною жизнью московскаго народа; она украшала и поддерживала туземный правительственный аппаратъ, но, по картинному и совершенно справедливому замѣчанію Ключевскаго, дѣятельность ея ограничивалась совершеніемъ обѣдни и не входила совершенно въ область политической организаціи. Эта культура ввела нѣсколько принциповъ въ гражданское право, особенно съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній, но проявлялась очень слабо въ нравахъ, и еще сла-

бѣе въ экономической жизни народа. Она регулировала его жизнь въ праздничные дни и пользованіе днями досуга, но не увеличивала суммы практическихъ знаній народа, не создала ничего новаго въ его образѣ жизни и мысли, и въ этой области предоставляла свободу его оригинальной созидательной дѣятельности, какъ и его первобытному невѣжеству. Посредственная она, при господствѣ въ этой странѣ религіозныхъ интересовъ, охватывала сверху до низу все это общество и придала ему видъ крѣпко спаянной единицы.

И въ этой сферѣ религіозныхъ интересовъ прежде всего и разыгрался конфликтъ. Западный духъ ввелъ врываясь туда главный принципъ своей современной дѣятельности: ту мощь критики, которой онъ обязанъ всѣмъ своимъ прогрессомъ. Но это создало глубокую тревогу. Вдругъ старая Москва должна была увидѣть, что даже въ ея sanctum sanctorum, въ которомъ она сконцентрировала всю свою гордость, ея невѣжество доходило до крайности. И это открытіе было для нея тѣмъ болѣе тягостно, что оно разбивало всѣ ея честолюбивые замыслы.

Мои читатели уже знаютъ гордый тезисъ третьяго Рима, связанный съ обращеніемъ московскаго великокняжества въ царство, наслѣдіе римской имперіи, и съ установленіемъ патріархата. Сильно возбужденная и политически и религіозно, стремясь къ лишенію Константинополя его древнихъ привилегій, новая столица православнаго міра чувствовала необходимость подняться умственно до того уровня, который далъ бы ей возможность выполнить столь блестящую миссію. Нѣкоторое время она думала достигнуть этого съ помощью средствъ, аналогичныхъ съ тѣми, которыя поставили ея войска на европейскую ногу. Она заботилась только о томъ, чтобы воспользоваться аксессуарами той роли, которую она думала играть. Однимъ изъ постоянныхъ занятій Алексѣя послѣ смерти Михаила было перенесеніе въ Кремль различныхъ мощей, увезенныхъ изъ святилищъ Востока. Какъ ни былъ экономенъ сынъ Филарета, онъ былъ однако готовъ затратить большія суммы на то, чтобы добыть „крестъ св. Константина“, копію божественной модели, явившейся на разверстомъ небѣ побѣдителю Максентія. Послѣ долгихъ переговоровъ, удовольствовавшись пока временнымъ владѣніемъ имъ, но надѣясь получить его въ владѣніе постоян-

ное, какъ это было съ Кіевомъ, за 20.000 рубл. Алексѣй добылъ передъ началомъ своихъ войнъ съ Польшею главу св. Іоанна Златоуста. Онъ сохранилъ у себя оба эти сокровища, предложивъ взамѣнъ этого годовую ренту въ 500 рублей, которую его преемники уменьшили наполовину. Но, недовольные такимъ торгомъ, монахи Аѳонской Горы отомстили ему, увѣряя, что эти предметы были фальшивые. А они выдавали ихъ за подлинные одураченнымъ паломникамъ.

Но такимъ образомъ пріобрѣтенныя сокровища оказались въ одинъ прекрасный день недостаточными для блеска и авторитета „третьяго Рима". Востокъ продолжалъ сохранять превосходство надъ нимъ, и съ нимъ менѣе, чѣмъ когда-либо могла бороться Москва. Съ точки зрѣнія интеллектуальной въ ней съ шестнадцатаго вѣка замѣтно было скорѣе паденіе, чѣмъ прогрессъ. Знаменитый соборъ 1551 года отмѣтилъ исчезновеніе нѣкотораго количества школъ, существованіе которыхъ подтверждается въ предшествующемъ вѣкѣ многочисленными документами. Онъ обнаружилъ также сильное пониженіе интеллектуальнаго уровня внутри клира и развитіе суевѣрій въ народной средѣ. Однимъ изъ послѣдствій такого положенія вещей явилось распространеніе апокрифическихъ или испорченныхъ текстовъ. Невѣжественные переписчики и глупые переводчики соперничали другъ съ другомъ въ своемъ усердіи, увеличивая количество самыхъ неправильныхъ переводовъ и фантастическихъ вставокъ, часто дискредитировавшихъ тѣ оригиналы, на которыхъ они изощрялись въ своемъ невѣжествѣ. И компрометирующія послѣдствія этого факта приняли въ Москвѣ очень серьезный характеръ.

Одною изъ самыхъ древнихъ и самыхъ постоянныхъ чертъ русскаго ума является тенденція придавать огромное значеніе внѣшней сторонѣ вещей. Ставъ христіанами, Владиміръ и его спутники были слишкомъ склонны видѣть сущность принятой ими религіи въ мелочахъ ритуала и въ благочестивыхъ обрядахъ, которые къ нему относились. Священныя книги интересовали ихъ очень мало, такъ какъ они не умѣли читать. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ во время указаннаго нами интеллектуальнаго регресса индифферентность дошла до того, что чтеніе этихъ самыхъ текстовъ считалось недоступнымъ для массы вѣрующихъ

и даже преступнымъ. Клиръ, имѣя на то свои основанія, совсѣмъ не противился такому образу мыслей. Неспособные по большей части сами прочитать даже по складамъ псалтирь, попы сводили всю церковную службу къ простымъ молитвамъ и колѣнопреклоненіямъ, и, часто не будучи въ состояніи сказать, сколько было евангелистовъ или апостоловъ, самые краснорѣчивые изъ нихъ заводили научные споры о томъ, на какомъ деревѣ повѣсился Іуда.

Вопросъ о пріуроченіи крестныхъ ходовъ къ положенію солнца, о двойномъ или тройномъ повтореніи аллилуйи, о двухперстномъ или трехперстномъ крестѣ приняли, даже въ сравнительно просвѣщенной средѣ, характеръ догматическихъ проблемъ. Форма креста давала мѣсто страстнымъ спорамъ и тѣмъ болѣе безпорядочнымъ, что за отсутствіемъ вѣрныхъ преданій или документовъ отсутствовало также и самое основаніе для серьезнаго спора. Будущій расколъ долженъ былъ тутъ найти одинъ изъ своихъ исповѣдныхъ постулатовъ, которые защищались имъ потомъ съ наибольшей страстью.

Между тѣмъ и самый ритуалъ подвергся также сильнымъ измѣненіямъ. Лишенный религіознаго чувства, выразителемъ котораго онъ являлся, онъ не устоялъ также въ своихъ внѣшнихъ формахъ противъ дѣйствія совращающаго вліянія. Отсутствіе религіознаго вдохновенія прикрывалось крайнею растянутостью службы, но, уже испытывая довольно жестоко терпѣніе церковнослужителей, долгая служба вызвала обычай, по которому служба исполнялась совмѣстно, т. е. раздѣляя между собою части литургіи, чтецы и пѣвцы выполняли ихъ одновременно. Въ постоянномъ чтеніи и пѣніи различныхъ стиховъ, въ быстротѣ ихъ произношенія, въ способности говорить ихъ, не переводя духъ, заключалось главное достоинство священнослужителя. Получавшаяся благодаря этому какофонія еще болѣе усиливалась привычкою виртуозовъ этого рода тянуть голосъ на извѣстныхъ слогахъ и прибавлять гласныя къ концу слова. Это называлось „хомовымъ пѣніемъ“ отъ окончанія „хомъ,“ обращеннаго въ „хомо“. Такимъ образомъ пѣли Христосо вмѣсто Христосъ, Спасо вмѣсто Спасъ.

Такая система исключала для присутствующихъ всякую возможность участія въ службѣ и даже какую-либо сосре-

доточенность. Но не въ этомъ было дѣло. Къ такому шуму и гаму при чтеніи молитвъ и пѣніи ихъ присоединялся въ святомъ мѣстѣ и общій гулъ отъ происходящихъ въ то же время разговоровъ. Сюда-же примѣшивались и другіе звуки: по церкви бѣгали дѣти, играя непринужденно, расхаживали сборщики съ кружками, кривлялись въ судорогахъ идіоты, сопровождая свои конвульсіи пронзительными криками, ругались нищіе, „ханжи, босые и съ длинными волосами“ охали во всю мочь. При этомъ прихожане обмѣнивались руганью, возбуждая громкій смѣхъ окружающихъ, часто тутъ-же происходили драки.

Частые посѣтители Москвы, восточные монахи и прелаты постоянно осуждали подобную непристойность. Но между тѣмъ до половины семнадцатаго вѣка никто не обращалъ вниманія на ихъ замѣчанія. Они не были авторитетны еще по другимъ причинамъ.

II.

Греческій клиръ въ Москвѣ.

Почти неизмѣнно всѣ эти иностранцы являлись попрошайками. Прогнанные со своихъ епископскихъ мѣстъ или съ ихъ игуменствъ турками, они надѣялись получить въ Москвѣ почести и доходы, которые были-бы равны потеряннымъ. Особенно они стали подозрительны здѣсь своею критикою аскетическихъ привычекъ, которыми „третій Римъ“ производилъ еще болѣе неблагопріятное впечатлѣніе на ихъ восточную изнѣженность. Отличаясь, повидимому, лично исключительно душевной чистотою, самъ Павелъ Алепскій стремился подражать въ этомъ отношеніи своимъ соотечественникамъ. Его особенно раздражали строгость постовъ, которые ему пришлось раздѣлять со своими московскими хозяевами и необходимость воздерживаться въ ихъ средѣ отъ куренія опіума. Но характерныя черты большинства изъ его соотечественниковъ еще больше дискредитировали ихъ.

Прибывъ въ Москву въ 1649 году вмѣстѣ съ Паисіемъ, уже извѣстнымъ намъ іерусалимскимъ патріархомъ, монахъ, докторъ богословія Арсеній былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Онъ изучалъ философію и медицину въ

западныхъ школахъ, въ Римѣ, Венеціи и въ Падуѣ и—качество еще болѣе рѣдкое,—онъ зналъ славянскій языкъ. Его оставили въ Москвѣ, въ качествѣ профессора риторики. Но Паисій, при возвращеніи своемъ въ Іерусалимъ не успѣлъ еще перейти границу, какъ послалъ доносъ на своего товарища: Арсеній, молъ, негодяй и вдвойнѣ ренегатъ, принявшій обрядъ обрѣзанія въ Константинополѣ и приверженецъ Уніи въ Римѣ. И его поспѣшили отправить закованнымъ въ цѣпи въ Соловки.

Противникъ Никона, Лигаридъ, былъ однажды обвиненъ подобнымъ же образомъ. Священникъ, впавшій въ расколъ и общепризнанный взяточникъ, лишенный своего мѣста митрополита въ Газѣ и отлученный отъ церкви, онъ также подвергся доносу, использовавъ предварительно то положеніе, котораго онъ достигъ раньше въ Москвѣ, чтобы заняться дѣломъ, близкимъ къ мошенничеству. Но выступая обвинителями противъ дурныхъ своихъ подданныхъ, сами іерусалимскіе патріархи очень плохо зарекомендовали себя предъ своими московскими единовѣрцами. Они знали, предметомъ какихъ искательствъ были восточные престолы, среди конкурентовъ, оспаривавшихъ между собою милость визирей съ помощью взятокъ и низкихъ интригъ, не останавливавшихся часто передъ преступленіемъ, лишь бы побѣдить соперника, а затѣмъ побѣдители вознаграждали себя за издержки и труды торговлею духовными должностями, продавая ихъ съ публичнаго торга.

Знанія этихъ иностранцевъ тоже подлежали сомнѣнію. Изъ какого источника они могли его черпать теперь? Лишенные благодаря турецкому владычеству большинства своихъ древнихъ школъ, они были вынуждены пользоваться западными, и если даже, какъ это сдѣлали Арсеній или Лигаридъ, они и не пошли въ своей вѣрѣ на преступный компромиссъ съ латинизмомъ или протестантствомъ, могли-ли они поручиться, что она всетаки не подпала нѣкоторымъ образомъ подъ вліяніе ихъ нечистаго прикосновенія? Чего стоила, наконецъ, сокровищница священной литературы, которой они такъ гордились? Ихъ древнія рукописи? Они были большею частью уничтожены при взятіи Константинополя! Ихъ новыя сочиненія? Они выходили изъ венеціанскихъ или римскихъ типографій, контролируемыхъ іезуитами! Развѣ

не въ томъ именно состояло назначеніе „третьяго Рима“, чтобы хранить нерушимо, въ виду всѣхъ этихъ заблужденій и порчи нравовъ, запасъ святыхъ истинъ, незыблемость доктринъ и правильность ритуала?

Національная гордость опиралась нѣкоторое время не безъ удовлетворенія на эти соображенія, въ которыхъ нашелъ себѣ приложеніе консервативный инстинктъ, такъ могущественно дѣйствующій въ малоразвитой средѣ.

Между тѣмъ дѣйствовали и внѣшнія вліянія. Критическій духъ, пробужденный ими, дѣлалъ свое дѣло. Въ идеализированной такимъ образомъ чистотѣ мѣстныхъ преданій онъ указалъ имъ несомнѣнные недостатки, были констатированы, наконецъ, и болѣзненные наросты. Онъ показалъ настоятельную необходимось множества исправленій, возстановленій, реформъ, обращенныхъ собственно говоря на довольно незначительныя детали, но здѣсь онѣ не казались таковыми. Путь былъ ложный. Нужно было найти другой. Но какъ? Какимъ образомъ? Съ половины шестнадцатаго вѣка сдѣланы были попытки въ этомъ направленіи, безъ какого либо плана и довольно случайныя. Въ слѣдующемъ вѣкѣ онѣ продолжались съ тѣми же греками, какъ руководителями, за неимѣніемъ лучшихъ. Продолжая относиться къ нимъ подозрительно, все же прибѣгали къ ихъ знаніямъ и шли на удачу.

Соборъ 1618 года осуждаетъ и думаетъ уничтожить дѣло, казавшееся безупречнымъ годъ спустя, въ ожиданіи, что новая перемѣна мнѣній дастъ ему другую оцѣнку. Потомъ даже въ тѣхъ слояхъ, гдѣ живо интересовались подобными вещами, обнаружились двѣ тенденціи: общій лозунгъ требовалъ возвращенія къ буквѣ древнѣйшихъ писаній и къ соблюденію болѣе древнихъ обычаевъ. Разрывъ долженъ былъ совершиться при разъясненіи этой формулы.

III.

Наука и традиція.

Къ половинѣ семнадцатаго вѣка, въ то время когда патріархомъ былъ Іосифъ, суровый и упорный консерваторъ, реформаторское движеніе сконцентрировалось въ кружкѣ, вдохновителями котораго были украинскіе монахи, вызванные въ

Москву Ртищевымъ. Поставленные вмѣстѣ съ самымъ ученымъ изъ нихъ, Епифаніемъ Славеницкимъ, исправлять священныя книги, они привлекли на свою сторону царскаго духовника Степана Бонифатьева, протопопа Казанскаго собора, Ивана Неронова, а также будущаго патріарха и творца великой реформы, Никона и одного изъ будущихъ руководителей раскола, попа Аввакума. Алексѣй увлекался тоже этимъ теченіемъ. Здѣсь выработывалась реформа, но въ виду различія идей и чувствъ, которое вскорѣ обнаружилось между членами группы, невозможно предположить, чтобы общая концепція могла существовать въ ея инкубаціонномъ періодѣ.

Сначала всѣ они были согласны видѣть въ Востокѣ неоспоримый источникъ великихъ истинъ, какъ и соотвѣтствующихъ имъ ученій. И на дѣлѣ Москва получила изъ этого резервуара всѣ вѣрованія и всѣ обряды, и продолжала еще черпать изъ него въ то время. Къ несчастью, греческій канонъ не былъ ни неизмѣннымъ, ни однообразнымъ и, благодаря этому, постоянно возникали затрудненія въ его примѣненіи. Въ одномъ вопросѣ слѣдовали по изолированному пути, въ другомъ—отстали отъ общей эволюціи восточныхъ коммунъ. И тамъ, и здѣсь, напримѣръ, повтореніе аллилуйи приняло двѣ формы: двойную или тройную, смотря по желанію, но вторая предпочиталась греками. Напротивъ, принятый послѣдними трехперстный знакъ креста продолжалъ въ московской обрядности быть двухперстнымъ. И тотъ и другой знакъ были греческаго происхожденія, но объ этомъ не задумывались. Въ принятыхъ въ древности обрядахъ время совершенно изгладило ихъ происхожденіе. Они считались національными.

Цѣною нѣкоторыхъ взаимныхъ жертвъ и извѣстныхъ уступокъ, Епифаній Славеницкій съ товарищами думалъ установить желанное единство между обѣими церквами. Тщетная надежда! Плодъ ихъ трудовъ, посланный на Аѳонскую гору для проведенія въ жизнь среди находившихся тамъ многочисленныхъ монаховъ—славянъ, встрѣтилъ среди нихъ строгое осужденіе. Предложенныя исправленія признаны были непріемлемыми на соборѣ, собранномъ въ святомъ мѣстѣ, и книги, вышедшія изъ московской типографіи вмѣстѣ съ этими указаніями, были осуждены и подверглись уничтоженію.

Сразу произошелъ расколъ въ этой компаніи, душою которой были украинскіе монахи. Никонъ примирился, Бонифатьевъ и Нероновъ еще колебались, а Аввакумъ въ негодованіи разразился протестами. Греческая наука этимъ дѣйствительно доказала свою крайнюю гордость, національная традиція заслуживала совершенно другого отношенія. Слишкомъ мало образованныя лица, принимавшія участіе въ этомъ спорѣ, едва были въ состояніи его поддерживать на археологической почвѣ, гдѣ они ничего не понимали. Путемъ сильныхъ аргументовъ они перенесли этотъ споръ на почву догмы, понимая подъ ней то, во что вѣрили и что исполняли на практикѣ. Не углубляясь въ смыслъ словъ и не объясняя символическое значеніе ритуала, не находя даже большой цѣнности ни въ томъ, ни въ другомъ, они видѣли въ нихъ лишь собирателей божественной благодати, которыхъ нельзя коснуться, не совершивъ преступленія противъ Св. Духа.

Когда споръ разгорѣлся, партія протестантовъ одержала въ немъ верхъ. Іосифъ только что умеръ (1652 г.), полураспавшаяся группа назначила ему Бонифатьева въ преемники противъ Никона, который успѣлъ заранѣе завербовать себѣ избирателей. Такъ какъ Алексѣй не хотѣлъ отказаться отъ своего выбора, то Бонифатьевъ и Нероновъ соединились въ послѣдній моментъ, надѣясь еще сохранить за собою руководство реформаторскимъ движеніемъ, въ которомъ новый патріархъ, заваленный другими работами, долженъ былъ играть довольно жалкую роль. Они настаивали на реформѣ, но по-своему. Это значило совсѣмъ не считаться съ властнымъ характеромъ и темпераментомъ принятаго ими новаго главы.

Никонъ началъ съ того, что отставилъ своихъ друзей отъ исправленія книгъ. Для того, чтобы спорить съ греками по поводу греческихъ текстовъ, ни у Бонифатьева, ни у Неронова, замѣтилъ онъ справедливо, нѣтъ самаго необходимаго: ни тотъ, ни другой не знаютъ ни слова на языкѣ св. Златоуста. Новый патріархъ вызвалъ для этого изъ Соловокъ грека Арсенія. Въ Новгородѣ, какъ мы это знаемъ, Никонъ уже установилъ унисонное пѣніе, употреблявшееся на востокѣ, и ввелъ въ ритуалъ различныя видоизмѣненія, указанныя въ 1649 году Паисіемъ. Онъ занялся, не безъ

нѣкоторой жестокости и крайности, обобщеніемъ и распространеніемъ этихъ принциповъ. Его натура мало была приспособлена къ тому, чтобы останавливаться на полумѣрахъ. Все въ божественной службѣ должно было отнынѣ стать греческимъ, начиная съ формы и ритма церемоній и вплоть до состава священнослужителей. Амвоны и посохи, рясы и головные уборы, архитектура и иконы,—ничто не ускользнуло отъ новаго порядка.

Одна надежда оставалась у прежнихъ сотрудниковъ патріарха, пораженныхъ такимъ революціоннымъ актомъ. Они очень надѣялись на результатъ миссіи, порученной въ 1649 году игумену Епифаньевскаго монастыря, Суханову. Этотъ монахъ получилъ приказъ послѣдовать за Паисіемъ на Востокъ и провѣрить тамъ его указанія. Ярко выраженный типъ стараго московскаго ученаго, онъ являлся сторонникомъ національной традиціи. Вернувшись оттуда въ 1653 году, онъ не обманулъ возложенныхъ на него надеждъ. Изложенныя въ двухъ сочиненіяхъ, его путевыя впечатлѣнія произвели страшный шумъ и они были не въ пользу восточной церкви. Не считаясь, быть можетъ, въ достаточной степени съ тѣми затрудненіями, среди которыхъ она влачила свое существованіе, авторъ видѣлъ въ ея религіозной жизни лишь упадокъ и испорченность. Онъ доставилъ противникамъ реформы сильные аргументы, и оттуда должны были черпать обильный матеріалъ первые раскольники.

Никонъ тѣмъ не менѣе не былъ сбитъ съ позиціи. У московскихъ писателей этой эпохи мысль никогда не была настолько точно выражена, чтобы она не могла подвергнуться самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Патріархъ нашелъ или полагалъ, будто бы нашелъ, въ рапортахъ Суханова совершенно противоположное тому, что открыли въ нихъ противники реформы и, отправивъ ихъ автора на Аѳонскую гору, поручилъ ему собрать документы, которые могли бы послужить къ торжеству греческой доктрины.

Сдѣлавшись такимъ образомъ противъ собственной воли сотрудникомъ въ работѣ, которую онъ самъ отвергалъ, путешественникъ привезъ въ 1655 году пятьсотъ рукописей, изъ которыхъ одной приписывали болѣе тысячи лѣтъ существованія, причемъ вся эта коллекція приняла характеръ грознаго боевого арсенала противъ разрозненныхъ націо-

налистовъ и сторонниковъ традиціи. На дѣлѣ, для разгорѣвшейся борьбы греческая доктрина не получила здѣсь никакого серьезнаго подкрѣпленія, такъ какъ она не одна была представлена въ этомъ багажѣ. Представленная Гомеромъ, Софокломъ, Демосфеномъ, Ѳеокритомъ въ привезенномъ багажѣ имѣлась въ большомъ количествѣ языческая литература и такимъ образомъ это былъ скорѣе классическій элленизмъ, который проникъ съ тріумфомъ въ старую Москву. Никто однако не подумалъ составить инвентарь, который могъ бы учесть эти богатства. Какъ это всегда бываетъ при спорахъ такого рода, за споромъ осмысленнымъ и аргументированнымъ послѣдовалъ слѣпой взрывъ страстей и такимъ образомъ видоизмѣненная борьба приняла рѣшительный оборотъ.

IV.

Реформа.

Московскій Соборъ 1649 года высказался, и очень энергично, противъ измѣненій въ ритуалѣ, которыя были предложены элленистами, и въ частности онъ высказался противъ унисоннаго пѣнія. Только по послѣднему пункту Алексѣй заставилъ принять другое рѣшеніе на Соборѣ 1651 года. Но это было еще до восшествія Никона. Въ февралѣ 1653 года, совершенно не считаясь съ этими фактами, новый патріархъ выпустилъ исправленное изданіе псалтири и послалъ его всѣмъ своимъ подчиненнымъ вмѣстѣ съ указаніями, носившими характеръ приказаній. Тотчасъ же его сообщники взволновались. Неронову явилось видѣніе, которое предупреждало его, что настало время страдать за истинную вѣру. Аввакумъ этому повѣрилъ и воспламенился. Былъ поданъ протестъ царю.

Алексѣй обнаружилъ безпокойство. Поставивъ Никона первосвященникомъ, онъ полагалъ, безъ сомнѣнія, найти въ этомъ созданіи своихъ рукъ послушное себѣ орудіе и обезпокоился, увидавъ, что онъ даетъ личное направленіе дѣлу, предпринятому сообща. Но царь подчинился вліянію страшнаго деспота. Онъ, правда, отказался наказать авторовъ протеста, но игнорировалъ ихъ протестъ, и въ іюлѣ Никонъ, которому царь не посмѣлъ препятствовать, самъ про-

извелъ судъ: арестованный и жестоко избитый, Нероновъ исчезъ въ отдаленномъ монастырѣ. Заступившись за своего друга, Аввакумъ раздѣлилъ его участь.

Въ концѣ этого года или въ началѣ 1654 гораздо болѣе серьезный актъ послѣдовалъ за этой экзекуціей. Собравъ соборъ и указавъ ему на ошибки переписки вплоть до символа вѣры, патріархъ получилъ единогласную санкцію на новыя исправленія, причемъ уполномочивались на это дѣло Славеницкій и грекъ Арсеній. Въ то же время былъ отвергнутъ знакъ двухперстнаго креста съ двойною аллилуйей и другими обрядами, споры о которыхъ доходили до начала пятнадцатаго столѣтія.

Мы едва теперь можемъ понять горячій интересъ, связывавшійся тогда съ этими спорами, пустыми, по нашему мнѣнію, дрязгами пѣвчихъ. Московиты этой эпохи думали совершенно иначе. Самые смѣлые новаторы, самые рѣшительные западники изъ приближенныхъ Алексѣя испытывали въ этой области постоянныя угрызенія совѣсти. Разъѣзжая во французскихъ экипажахъ, одѣваясь въ нѣмецкое или англійское платье, изучая даже свободныя науки по книгамъ, блещущимъ своимъ атеизмомъ, они не уклонялись отъ извѣстныхъ концепцій, заставлявшихъ ихъ, напримѣръ, содрогаться отъ ужаса, когда они нечаянно проглатывали каплю молока во время поста.

Съ другой стороны, научныя основанія реформы, предложенной Никономъ, были всегда, въ этомъ слѣдуетъ сознаться, довольно шаткими. Въ то время, какъ соборъ въ 1654 году живо обсуждалъ представленный на его разсмотрѣніе вопросъ, Сухановъ не вернулся еще изъ своего второго путешествія съ научными цѣлями, и тексты, осужденные Никономъ, не могли быть сравнены съ существовавшими оригиналами! На дѣлѣ патріархъ долженъ былъ основываться на книгѣ, изданной въ 1603 году въ Венеціи. И, опираясь на авторитетъ такого источника, Москва должна была отказаться отъ всего своего религіознаго прошлаго, признать, что независимость, которой она пользовалась въ этой области съ момента паденія Константинополя, обрекала ее на ложныя толкованія, объявить себя отсталой и нуждающейся въ опекѣ, отказаться, наконецъ, отъ тѣхъ идей и честолюбивыхъ замысловъ, на которыхъ она строила свое

настоящее и будущее, свою интимную жизнь и положеніе въ мірѣ!

Это было уже слишкомъ, и ненависть къ новшествамъ а вмѣстѣ съ нимъ самое законное негодованіе національнаго чувства, и естественное возмущеніе религіозной совѣсти вылились въ общемъ отпорѣ страшныхъ элементовъ реакціи.

V.

Бунтъ.

Соборъ 1654 года вынесъ „единогласное“ рѣшеніе. Мы знаемъ уже, что эта формула обычно не соотвѣтствовала истинѣ. Дѣйствительно, распространился слухъ, будто бы нѣсколько членовъ Собора отказались подписать его протоколъ. Коломенскій епископъ, Павелъ, даже подалъ будто-бы на него протестъ. Потомъ этотъ документъ былъ опубликованъ и въ немъ фигурировала подпись прелата съ одной оговоркою по поводу числа поклоновъ, принятыхъ въ ритуалѣ. Мотивы чисто личнаго характера могли кромѣ того внушить такое поведеніе прелату. Онъ былъ близкимъ родственникомъ одного изъ конкуррентовъ Никона на патріаршій престолъ. Между тѣмъ о немъ сообщили, будто бы онъ энергично защищалъ мнѣнія, противуположныя принятымъ рѣшеніямъ, и черезъ нѣкоторое время Никонъ, повѣривъ этой версіи, смѣстилъ епископа съ занимаемой имъ должности и заключилъ его въ монастырь, гдѣ онъ и исчезъ безслѣдно.

Дѣло протестовавшихъ получило своего перваго мученика и Нероновъ вскорѣ занялъ второе мѣсто въ этомъ спискѣ. Въ далекой ссылкѣ онъ измѣнилъ свое поведеніе, обратившись къ царю и къ царицѣ съ письмами, въ которыхъ были выражены нѣкоторыя главныя идеи подготовлявшагося раскола, а именно тезисъ о близкомъ пришествіи антихриста, возвѣщеннаго дѣйствіями Никона. Онъ проповѣдывалъ даже въ этомъ направленіи въ церкви св. Софіи въ Вологодѣ.

Переведенный за это въ еще болѣе отдаленный монастырь и содержимый на этотъ разъ въ заточеніи, онъ убѣжалъ и, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Соловкахъ, которые въ то время представляли собою центръ полуполити-

ческой, полурелигіозной агитаціи, онъ тайкомъ добрался до Москвы и нашелъ тамъ убѣжище у Бонифатьева. Все еще любимый Алексѣемъ и оставаясь по прежнему его духовникомъ, онъ въ то же время сохранялъ также вѣжливыя отношенія съ Никономъ и игралъ въ двойную игру. Но самъ царь сдѣлался его сообщникомъ въ этомъ случаѣ: извѣщенный о присутствіи изгнанника, онъ скрылъ это отъ патріарха. Здѣсь имѣло большое значеніе вліяніе царицы. Будучи нѣжнымъ супругомъ, Алексѣй уважалъ убѣжденія и вкусы своей жены. Занятый кромѣ того въ это время войною съ Польшею, онъ могъ удѣлять очень мало вниманія веденію своихъ домашнихъ дѣлъ. Но когда вмѣшалась въ это дѣло Марія Ильинишна, тамъ образовался новый очагъ оппозиціи. Старый Прокопій Соковнинъ, самый интимный совѣтникъ государыни, управлявшій ея личнымъ состояніемъ, очень вліятельный также сынъ этого боярина, его двѣ дочери, интимныя подруги, товарки по воспитанію царицы, изъ которыхъ одна была замужемъ за воспитателемъ Алексѣя Морозовымъ, а другая за княземъ Урусовымъ, всѣ родственники, наконецъ, Маріи Ильинишны, — Милославскіе, Хованскіе—всѣ были воодушевлены тѣми же чувствами.

Движеніе изъ августѣйшаго терема, гдѣ оно нашло мощную поддержку, распространилось во всемъ высшемъ обществѣ, увлекая за собою самыя значительныя фамиліи: Барятинскихъ, Мышецкихъ, Плещеевыхъ, Львовыхъ. Ртищевъ, занявъ нейтральное положеніе, создалъ изъ своего дома замкнутую арену, на которой съ яростью сражались сторонники и противники новшествъ. Потомъ агитація вышла на улицу. Она распространилась за предѣлами столицы, въ провинціальныхъ городахъ и въ деревняхъ. Находясь въ ежовыхъ рукавицахъ у Никона, клиръ оставался нѣкоторое время чуждымъ этой агитаціи, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ. Участь коломенскаго епископа пугала желавшихъ ему подражать. Въ церквахъ и монастыряхъ недовольство новымъ ритуаломъ выражалось лишь въ глухомъ ропотѣ. Ритуальныя книги новаго стиля, послушно принятыя, открыто клались рядомъ со старыми, но не открывались. Вскорѣ однако антиреформенная пропаганда, перейдя въ эту среду, вызвала среди многочисленныхъ своихъ приверженцевъ изъ поповъ и протопоповъ (Никита въ Суздали, Лазарь въ Романовѣ,

Даніилъ въ Костромѣ, Логгинъ въ Муромѣ, Никифоръ въ Симбирскѣ, Андрей въ Коломнѣ, Серапіонъ въ Смоленскѣ, Варлаамъ въ Псковѣ), уже менѣе двусмысленныя манифестаціи. Въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ расколъ долженъ былъ встрѣтить особенно благопріятныя условія для своего развитія, даже нѣсколько епископовъ, Макарій Новгородскій, Александръ Вятскій и преемникъ Павла въ Коломнѣ, Маркелъ, примкнули, казалось, къ рѣшеніямъ послѣдняго собора.

Но эти мятежныя дѣйствія не встрѣтили того отпора, который должны были бы вызвать. Обнаруживъ вначалѣ крайнюю строгость, Никонъ въ свою очередь сталъ колебаться. Онъ не чувствовалъ поддержки. Алексѣй ускользалъ изъ его рукъ, и конфликтъ, разыгравшійся между царемъ и патріархомъ, имѣлъ для религіознаго кризиса, возникшаго одновременно съ этимъ, послѣдствія, которыя можно было легко предвидѣть.

Москва знала уже достаточно разногласій по поводу догмы и церковной дисциплины. Болѣе одной секты, даже изъ тѣхъ, которыя подобно хлыстовщинѣ или безпоповщинѣ должны были фигурировать на первомъ планѣ въ будущемъ расколѣ, уже зародились въ нѣдрахъ національной церкви. Обыкновенно такіе безпорядки подавлялись посредствомъ строгостей или широкой терпимости. Темпераментъ Никона въ связи съ тѣмъ щекотливымъ положеніемъ, въ которое онъ лично попалъ, повелъ къ тому, что ни одно изъ этихъ средствъ не было принято. Натура его возставала противъ всякихъ компромиссовъ, но съ другой стороны подъ давленіемъ обстоятельстъ, онъ сознавалъ необходимость подчиниться имъ,—тогда онъ сталъ лавировать. Когда въ маѣ 1656 года Нероновъ по совѣту Бонифатьева надѣлъ рясу, Никонъ представилъ его собору и добился на немъ рѣшенія отлученія виновнаго отъ церкви, но въ апрѣлѣ слѣдующаго года, онъ его помиловалъ и пригласилъ даже къ своему столу! Въ то же время, даже въ стѣнахъ Кремля, допускались уклоненія отъ оффиціальнаго ритуала; но тогда же распространился слухъ о трагической кончинѣ прежняго коломенскаго епископа, умершаго по версіи однихъ въ сумасшествіи, явившемся послѣдствіемъ тѣлеснаго наказанія, а по другимъ растерзаннаго хищными животными или сожженнаго живымъ. Легко понять вліяніе этихъ небылицъ на

неразвитые умы. Раздраженная и въ то же время ободренная партія оппозиціи черпала въ нихъ новую силу.

Въ августѣ 1657 года значительное количество исправленныхъ книгъ было послано въ Соловки для распредѣленія ихъ по рѣшенію общины между сосѣдними церквами. Служа въ одно и то-же время мѣстомъ изгнанія и убѣжищемъ для осужденныхъ и бѣглецовъ всякаго рода, этотъ монастырь не имѣлъ ничего общаго съ спокойствіемъ Ѳиваиды. Тамъ постоянно вѣялъ мятежный духъ. Никонъ только что сослалъ туда князя Михаила Львова, стараго управляющаго московской типографіей при патріархѣ Іосифѣ и одного изъ активныхъ вождей реакціоннаго движенія. Соловецкіе монахи точили зубы также на патріарха за старое, помня еще то время, когда онъ, будучи новгородскимъ митрополитомъ, держалъ монастырь подъ своею властью. Развѣ онъ не вмѣшивался тогда въ провѣрку качества просфоры, которая тамъ готовилась въ большомъ количествѣ, и въ которой частенько, повидимому, отсутствовала пшеничная мука?

Лично принадлежа къ партіи, недавно принявшей сторону Неронова, архимандритъ Илья созвалъ соборъ монаховъ и священниковъ, такъ называемый черный или народный соборъ, и на немъ было рѣшено держаться старыхъ книгъ и отправить въ этомъ смыслѣ прошеніе царю. Когда оно прибыло въ Москву, тамъ уже не было Никона, который отвѣтилъ-бы на него такъ, какъ оно этого заслуживало. Въ свою очередь онъ узналъ всю горечь немилости и ссылки. Дѣло такъ и осталось нерѣшеннымъ и, одержавъ видимую побѣду, знаменитый монастырь все болѣе и болѣе обращался въ очагъ агитаціи и пропаганды противъ реформы.

Съ 1657 по 1666 годъ гражданскія и церковныя власти имѣли еще неосторожность скопить въ этомъ мѣстѣ весь горючій матерьялъ, издавая все новые приказы о ссылкахъ и направивъ туда до ста пятидесяти лицъ. Въ 1660 году архимандритъ монастыря Св. Саввы, любимаго мѣста уединенія Алексѣя, Никаноръ фигурировалъ въ ихъ числѣ послѣ того, какъ неразумно домогался наслѣдовать Никону, и бунтъ получилъ вождя, котораго ему недоставало.

Въ 1666 году былъ созванъ соборъ, который долженъ былъ судить Никона и рѣшить въ то же время участь его

реформы. Въ этотъ моментъ, долго колеблясь между противоположными мнѣніями и вліяніями, Алексѣй принялъ наконецъ рѣшеніе. Желая избавиться отъ бывшаго патріарха и отъ кризиса, въ который этотъ второй бунтовщикъ вовлекъ церковь и государство, царь думалъ прибѣгнуть къ помощи восточныхъ патріарховъ. Но призывъ къ ихъ дисциплинарному авторитету влекъ за собою принятіе и ихъ канонической власти. И слѣдовательно Никона пришлось отдѣлить отъ дѣла: послѣднее должно было получить окончательную санкцію въ то время, какъ бывшій патріархъ долженъ былъ получить то наказаніе, котораго онъ заслуживалъ совсѣмъ по другимъ причинамъ. Такова была основная мысль, господствовавшая на собраніяхъ большаго собора 1666—1667 годовъ, и такова исторія и большой части человѣческихъ предпріятій.

Но въ томъ религіозномъ спорѣ, въ который она была вовлечена Алексѣемъ, эта комбинація еще осложнялась цѣлымъ рядомъ очень безпокойныхъ элементовъ. Она подчеркивала экзотическій характеръ реформы и усилила противъ нея негодованіе національнаго чувства. Эта комбинація ввела кромѣ того въ борьбу тѣ насильственныя мѣры, отъ которыхъ она до сихъ поръ была избавлена. Традиція страны склонялась къ пощадѣ и компромиссамъ; востокъ, призванный въ качествѣ третейскаго судьи, долженъ быть принести съ собою совершенно иныя стремленія.

Рѣшенія Собора, продолжавшагося до 1667 года, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, ясно опредѣлившіяся уже при появленіи въ засѣданіи иностранныхъ патріарховъ. До прибытія ихъ, Соборъ принималъ по отношенію къ антиреформенной оппозиціи примиряющую точку зрѣнія. Онъ старается привести отпавшихъ къ повиновенію, и отчасти успѣваетъ въ этомъ. Одинъ за другимъ вятскій епископъ Александръ, архимандритъ монастыря Св. Спасителя въ Муромѣ, Антоній, игуменъ монастыря Св. Іоанна Златоуста, Ѳеоктистъ и самъ Нероновъ заявляютъ о своемъ подчиненіи. Остальные отпавшіе отлучаются отъ церкви; но Соборъ все-же не отчаивается въ ихъ дальнѣйшемъ обращеніи и даетъ среди другихъ попу Лазарю нѣсколько мѣсяцевъ на размышленіе. Онъ не произноситъ ни одной анафемы ни противъ людей, ни противъ дѣла; онъ не принимаетъ ни-

какихъ непоправимыхъ мѣръ, кромѣ какъ противъ нѣкоторыхъ индивидуумовъ, виновныхъ въ прямомъ его оскорбленіи и даже къ нимъ онъ примѣняетъ только церковныя наказанія.

Съ появленіемъ александрійскаго патріарха Паисія и антіохійскаго Макарія картина мѣняется. Соборъ бьетъ двойными ударами, и они широко отзываются, предавая вѣчнымъ проклятіямъ, не допускавшимъ ни суда, ни аппеляціи, всѣхъ теперь или въ будущемъ непокорныхъ; принимается рѣшеніе не только вооружиться божественною властью съ ея духовными наказаніями, но также и свѣтскою властью. Когда эти рѣшенія стали выполняться, расколъ родился окончательно, крещенный кровью, къ той интенсивной жизни, которая воодушевляетъ его еще и теперь.

VI.

Крещеніе кровью.

Противники Реформы подпали теперь подъ дѣйствіе параграфовъ кодекса 1649 г., осуждавшаго на смертную казнь въ огнѣ за всякое нарушеніе божественнаго или церковнаго закона. Ни церковныя власти, ни гражданскія не были вначалѣ расположены примѣнять это послѣдствіе принятыхъ ими мѣръ. Аввакума отправили въ ссылку въ Сибирь. Тоже произошло и съ діакономъ Ѳеодоромъ и съ попомъ Лазаремъ, которымъ только отрубили языки. Никого между тѣмъ не сожгли, и кажется болѣе надѣялись на вліяніе книги, опубликованной въ это время въ пользу Реформы монахомъ, родомъ изъ Бѣлоруссіи, Симеономъ Полоцкимъ, начавшимъ ею свое блестящее будущее. Желая оправдать оказанное ему довѣріе, онъ много трудился, но плохо разсчиталъ свои силы. Представляя собой произведеніе ученой полемики, въ которой схоластика, діалектика, риторика и поэтика, очень почитавшіяся тогда въ польскихъ школахъ, боролись путемъ тонкихъ силлогизмовъ и мудреныхъ прозопопей, этотъ „Жезлъ правленія“, какъ назывался этотъ трудолюбивый трактатъ, не былъ предназначенъ управлять тѣми, къ кому обращался. Но между тѣмъ ему вѣрили, и патріархъ Макарій,

возвращаясь въ Антіохію, долженъ былъ жаловаться на снисхожденіе къ диссидентамъ, все болѣе и болѣе увеличивавшимся въ числѣ.

Тутъ внесла также свою лепту царица Марія Ильинишна, и до ея смерти, въ 1669 году, дѣла оставались въ томъ-же положеніи, хотя легенда, созданная позже въ нѣдрахъ раскола, и увеличила число жертвъ, прибавленныхъ съ этого времени къ мартирологу „старой вѣры". Но кончина первой жены Алексѣя и появленіе пользовавшагося любовью пріемнаго отца новой царицы, Матвѣева, опредѣленнаго западника и реформатора, привели къ роковой развязкѣ неконформистовъ. Такъ какъ съ другой стороны и расколъ принялъ безпокоющіе размѣры, Алексѣй развязалъ руки сторонникамъ репрессіи, нашедшимъ аргументъ въ этомъ фактѣ, и казни начались.

Въ то же время бунтъ въ Соловкахъ, все продолжая разростаться и связавшись съ возстаніемъ Стеньки Разина, приближался къ трагической развязкѣ. Съ этой стороны были исчерпаны всѣ мирныя средства. На всѣ обращенныя къ нимъ увѣщанія монахи отвѣчали болѣе или менѣе смѣлыми критическими сочиненіями. Одно изъ послѣднихъ должно было занять почетное мѣсто въ литературѣ раскола. Какъ на главный мотивъ ихъ оппозиціи къ реформѣ авторы этого документа указываютъ на прибавку одной буквы въ имени Іисусъ, настаивая на томъ, что нужно писать Ісусъ, а не Іисусъ, по новому ученію. И къ этимъ жалобамъ они прибавляли еще и вызовъ: „прикажи, царь, послать противъ насъ твой мечъ, уже обагренный кровью; мы съ радостью перенесемся изъ этой юдоли скорби къ лоно вѣчнаго мира".

Въ 1668 году перчатка была поднята, но маленькій отрядъ войскъ, посланный Алексѣемъ, долженъ былъ отступить. Въ монастырѣ имѣлся сильный гарнизонъ, многочисленная артиллерія и еще въ 1854 году его стѣны устояли отъ огня англійскихъ пушекъ. Началась правильная осада, и она продолжалась до января 1676 года. Тогда измѣна открыла ворота крѣпости, остававшейся такъ долго недоступной для царскихъ солдатъ, и сразу расколъ насчиталъ значительное количество настоящихъ мучениковъ. Мечъ и огонь не пощадили никого.

Нѣкоторымъ изъ осажденныхъ, однако, удалось вырваться до разгрома. Они отправились проповѣдовать евангеліе на берегахъ Онеги и явились основателями знаменитаго убѣжища,—Выговской пустыни, при впаденіи Выга въ Онежскій заливъ, которое впродолженіе двухсотъ лѣтъ служило главнымъ мѣстомъ для новой религіи, окончательно установленной благодаря этому кровавому посвященію.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

„Расколъ“.

1. Начало раскола и его причины.—2. Характерныя черты.—3. Апостольство Аввакума.—4. Женскій элементъ въ расколѣ. 5.—Развитіе раскола. 6.—„Конецъ міра“.—7. Коллективное самоубійство.

I.

Начало раскола и его причины.

Расколъ значитъ схизма. Диссиденты семнадцатаго вѣка не называли себя сами этимъ именемъ, которымъ офиціальная церковь окрестила всѣ ихъ секты и которое было санкціонировано обычаемъ. Они себя называли, какъ называютъ себя и въ настоящее время его послѣдователи, старовѣрами или старообрядцами, т. е. приверженцами старой вѣры или старыхъ обрядовъ. Зародившись въ средѣ людей по большей части невѣжественныхъ и ограниченныхъ, это движеніе представляетъ на первый взглядъ такую бѣдность идей, что развитіе его становится прямо непонятнымъ. На западѣ великіе религіозные конфликты противуполагали обычно различные концепціи, тезисы, основанные на нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ догмы или дисциплины: троичность, божественность Христа, авторитетъ папы. Здѣсь же сражались и умирали за слова, буквы, за простые жесты! Но если между тѣмъ поближе подойти къ этому явленію, то оно совершенно мѣняетъ свой видъ. Подъ этой тривіальною внѣшностью скрываются болѣе серьезныя, болѣе глубокія причины диссидентства, и религіозный кризисъ, заключенный такимъ образомъ въ узкихъ рамкахъ, связывается уже съ великими проблемами политическаго, соціальнаго и интеллектуальнаго порядка, которыя эта эпоха одновременно поставила въ порядокъ дня.

Съ начала своего историческаго существованія славянскій міръ неизмѣнно колебался между двумя противоположными теченіями; между анархіей или силой центробѣжной и между порядкомъ и силой концентраціи. Эта борьба продолжается еще и на нашихъ глазахъ. Унаслѣдовавъ традиціи, выработанныя династіей Рюрика, политика Алексѣя явилась великой попыткой объединенія административнаго, политическаго и религіознаго. Она этимъ вооружила противъ себя всѣ элементы, стремившіеся къ безпорядку и разъединенію. Въ попыткахъ церковной реформы, предпринимавшихся еще до Никона, исправленіе ритуала и священныхъ книгъ являлось лишь одною изъ деталей. Вся организація религіи требовала многочисленныхъ поправокъ. Плохое распредѣленіе эпархій, недостаточность храмовъ, невѣжество и безнравственное поведеніе священнослужителей, монастыри, обращенные въ притоны разврата—все ея зданіе кричало о своемъ ничтожествѣ. Хроники этого времени со всѣхъ сторонъ вопіютъ о скандальныхъ фактахъ. Въ провинціи епископы были, кажется, окружены цѣлымъ дворомъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновниковъ, походившимъ на свиту короля Пето, хотя и не столь веселаго характера. Казначей, дьякъ, два секретаря, шесть регистраторовъ, дѣлопроизводитель, метрдотель, экономъ, ключникъ, хранитель даровъ, столяръ, духовникъ съ дьякономъ, сторожъ канцеляріи, привратникъ, протопопъ съ цѣлымъ клиромъ, церковные сторожа, служки, дюжины звонарей—таковъ былъ личный составъ, которымъ окружалъ себя самый послѣдній изъ этихъ прелатовъ. Прибавьте сюда еще нѣсколько женщинъ, офиціально значащихся въ спискѣ, хотя невозможно указать какую либо ихъ функцію. Всѣ они практиковали симонію въ огромныхъ размѣрахъ и спорили между собою, чуть не разрывая другъ друга на части и эксплуатируя при этомъ безжалостно свою паству. Они подавали примѣръ всевозможныхъ пороковъ. Даже въ самой столицѣ, служащіе при домѣ патріарха были явными взяточниками. У воротъ Кремля пьяные попы спорятъ между собою, обмѣниваясь всякимъ сквернословіемъ или угощаютъ другъ друга ударами кулаковъ. Они рыщутъ по улицамъ, насилуя дѣвушекъ, валяются подъ столами кабаковъ, когда не заняты въ воровскихъ и разбойничьихъ шайкахъ. Назавтра послѣ гнусныхъ оргій, они служатъ обѣдню еще полупьяные и произносятъ всякія гнусности передъ алтаремъ.

Постоянно расширяясь, часто нечестнымъ путемъ, богатство нѣкоторыхъ церквей и общинъ оставляетъ большую часть священниковъ въ крайней нищетѣ, безъ всякихъ средствъ. Многіе обращаются къ тайной продажѣ питей или къ другимъ еще болѣе подозрительнымъ занятіямъ. Ихъ даже не осуждаютъ, потому что въ Новгородѣ митрополитъ увеличиваетъ свои доходы, назначивъ налогъ на дѣтей, рожденныхъ внѣ брака.

Престижъ этого клира совершенно соотвѣтствуетъ его поведенію и законъ самъ санкціонируетъ его унизительное положеніе: подвергшись обидѣ, попъ имѣлъ то же право на правосудіе, какъ какой-нибудь инородецъ, черемисъ или мордвинъ, и за пять рублей можно было его колотить, сколько угодно, лишь бы не убить.

Недостаточное количество храмовъ и развратъ священнослужителей приводятъ къ тому, что задолго еще до отдѣленія расколомъ огромное число православныхъ оказываются исключенными фактически изъ офиціальнаго прихода, никогда не слушая службы и умирая часто безъ исповѣди.

Вотъ противъ этихъ-то безпорядковъ и вопіющихъ злоупотребленій и вооружился первый опытъ реформы. Около 1644 года Никонъ опубликовалъ и послалъ по епархіямъ инструкцію, имѣвшую своей цѣлью подчинить назначеніе клира болѣе строгому выбору.

Открывъ богатыя библіотеки нѣкоторыхъ церквей и монастырей, стараясь пробудить въ тѣхъ же мѣстахъ умственную дѣятельность, заглохшую съ шестнадцатаго вѣка; давъ новый импульсъ школѣ Чудова монастыря, основанной въ 1633 году, субсидируя школу св. Андрея, недавно созданную Ртищевымъ; улучшая и умножая типографіи, онъ надѣялся получить реальный прогрессъ на этомъ пути. Мы видѣли также, съ какой суровостью онъ наказывалъ проступки своихъ подчиненныхъ.

Къ несчастью, ему недоставало въ этой роли судьи авторитета личнаго примѣра, а съ другой стороны въ реорганизацію такой распущенной церкви одновременно производимая реорганизація государства вносила въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разноголосицу. Политическая эволюція семнадцатаго вѣка, какъ мы это знаемъ, имѣла тенденцію слить обѣ эти власти въ одной іерархіи, гдѣ, подчиняясь совершенно естест-

венно свѣтскому авторитету, духовный клонился къ уничтоженію. Въ то же время централизаторское теченіе закончилось съ этой стороны полнымъ переворотомъ въ режимѣ приходовъ. Организмы, до сихъ поръ автономные, основанные до того на принципѣ избранія священнослужителей прихожанами и раздѣленія административной и юридической власти, выполняемой сообща, они стали простыми округами, подчиненными вмѣстѣ съ управляющей ими епархіей главенству свѣтской власти. Логическимъ послѣдствіемъ этого новаго порядка вещей должно было явиться по крайней мѣрѣ то, что, обращая членовъ клира всѣхъ степеней въ чиновниковъ, подчиненныхъ его власти, государство приняло бы ихъ содержаніе на свой счетъ. Но оно этого не сдѣлало, и отсюда между этими приходами, лишенными права выбирать своихъ священниковъ, и между священниками, которыхъ они же продолжали кормить, образовалась глубокая вражда, слѣды которой замѣтны и до сихъ поръ. Отсюда также и другая причина недовѣрія, всегда такъ тяжело отзывавшаяся на несчастныхъ сельскихъ священнослужителяхъ, вдвойнѣ приниженныхъ, какъ властью, такъ и тѣми, отъ кого они ждутъ хлѣба.

Впрочемъ, нужно отмѣтить, московское государство семнадцатаго вѣка не было еще само на высотѣ того положенія, которое оно взялось выполнить. Какъ въ церковныхъ порядкахъ, такъ и въ политическихъ, прибѣгнувъ къ репрессіи, чтобы уничтожить безпорядокъ, оно только замѣнило злоупотребленіе свободою злоупотребленіемъ властью. И ему кромѣ того недоставало авторитета. Въ новой іерархіи власти церковная и гражданская были представлены двумя индивидуальностями—династіей Романовыхъ и патріархатомъ, одинаково возникшими лишь со вчерашняго дня и старавшимися сообща пробить себѣ дорогу путемъ кропотливыхъ нащупываній. Алексѣй раздѣлялъ свои прерогативы государя съ Никономъ, такъ что часто трудно было понять, кому изъ нихъ принадлежитъ иниціатива.

Соборъ 1666 года незадолго до этого осудилъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ рѣшенія Собора 1651 года, обвиняя ихъ авторовъ въ невѣжествѣ и безуміи. Все это не могло создать уваженіе и повиновеніе. И вотъ, наконецъ, это государство и эта церковь, соединившись какъ-то нескладно

въ общемъ дѣлѣ скупа и деспотизма, чтобы лучше подчинить себѣ волю и совѣсть мятежниковъ, сообща апеллировали къ иностранцамъ! Послѣ цѣлой массы нѣмцевъ, голландцевъ, англичанъ, взятыхъ на жалованье для того, чтобы мучить духъ и тѣло бѣднаго московскаго народа, ему нужна была еще цѣлая свора греческихъ или украинскихъ монаховъ для управленія вѣрою! И это было сдѣлано въ тотъ моментъ, когда, слѣдуя близко отъ тѣхъ проломовъ, которые были сдѣланы на границѣ страны польскимъ нашествіемъ, римская унія завладѣвала въ свою очередь религіозною областью святого Владиміра.

Передъ этой двойной атакой духъ безпорядка, инстинктъ самосохраненія и національное чувство соединились въ народныхъ массахъ, и Расколъ нужно разсматривать, какъ неизбѣжное слѣдствіе такого соединенія. Въ теченіе многихъ вѣковъ находившій себѣ послѣдовательно подтвержденіе въ анархической организаціи вѣча, въ бурномъ режимѣ удѣловъ и въ антиполитическомъ и антисоціальномъ явленіи казацкихъ шаекъ и братствъ, духъ независимости, мрачная обособленность и буйство, свойственное славянскому генію, снова появились подъ этою новою формою. То направленіе умовъ, которое было свойственно людямъ этой страны, требовало между тѣмъ, чтобы это движеніе приняло, особенно вначалѣ, характеръ исключительно религіозный. Въ Москвѣ все дѣлалось подъ покровомъ религіи, все къ ней сводилось. И съ другой стороны, обусловленный совокупностью сложныхъ причинъ, смутныхъ историческихъ воспоминаній, плохо проконтролированныхъ впечатлѣній, поспѣшныхъ концепцій, предубѣжденій и сомнѣній—острый пароксизмъ латинофобіи на религіозной базѣ сыгралъ, конечно, значительную роль въ кризисѣ.

Порядокъ политическій и моральный смѣшались тутъ въ одномъ и томъ же осужденіи. Будучи такого же экзотическаго происхожденія, какъ и самодержавіе царей, наука этихъ иностранныхъ учителей казалось лишь однимъ приказомъ больше для того, чтобы увеличить тягость всеобщаго рабства. Мѣстами расколъ долженъ былъ обнаружить сепаратистскія тенденціи, какъ это свидѣтельствуетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ его литературы: „Повѣсть о бѣломъ клобукѣ". Этотъ „бѣлый клобукъ"—эмблема независимости Новгорода.

Большинство диссидентовъ повиновалось на самомъ дѣлѣ лишь безсознательно этимъ главнымъ импульсамъ. Они выставляли въ спорѣ съ противниками совсѣмъ другіе мотивы, которые, безъ сомнѣнія, не были чужды образованію раскола, но играли въ немъ второстепенную роль. Въ ихъ умахъ и въ глазахъ современниковъ, расколъ получилъ въ общемъ значеніе протеста, либо противъ новшествъ, вводимыхъ въ то, что диссиденты называли „своею вѣрою", либо противъ распущенныхъ нравовъ офиціальной церкви. Мы не рискуемъ теперь послѣ близкаго изученія фактовъ ошибиться на этотъ счетъ. Лазарь уличалъ дерзкихъ исправителей священныхъ книгъ, но чаще онъ направлялъ свои нападки противъ „философовъ", окружавшихъ царя, тѣхъ святотатцевъ, „которые думали измѣрять аршиномъ хвостъ звѣздъ". Онъ отдавалъ предпочтеніе мѣстнымъ ученымъ, которые, какъ будущій апостолъ Раскола, исцѣляли на большихъ дорогахъ больныхъ съ помощью порошка, приготовленнаго изъ сушенаго сердца новорожденнаго ребенка. Нероновъ обличалъ въ недостойныхъ выраженіяхъ испорченность клира, но въ то же время въ своей перепискѣ съ Бонифатьевымъ, онъ наивно жаловался на то, что его сына преслѣдовали за кражу драгоцѣнной утвари въ Казанскомъ соборѣ. На дѣлѣ также отказъ подчиниться дисциплинѣ испорченной церкви, которую они покидали, долженъ былъ у большинства раскольниковъ закончиться другими и еще худшими уклоненіями. Аввакумъ первый, какъ ни былъ онъ лично чистъ, сдѣлался впослѣдствіи защитникомъ свободной любви, отожествленной съ „любовью во Христѣ"; различныя секты практиковали ее безъ всякаго стыда, а знаменитая основательница одной изъ самыхъ уважаемыхъ диссидентскихъ коммунъ, Акулина являлась въ сущности лишь сводницею.

Вообще начало Раскола можно связать еще съ особымъ движеніемъ, вызвавшимъ къ жизни на всемъ пространствѣ европейскаго континента монашескія учрежденія среднихъ вѣковъ. Среди общей разрухи, которая явилась наслѣдіемъ Смутнаго Времени, инстинктъ диссоціаціи, такъ сильно свойственный славянскому темпераменту, не могъ также не послѣдовать по этой наклонной плоскости. И на дѣлѣ мы видимъ, что это желаніе изолироваться, уйти изъ общества къ

независимому существованію значительно усилилось втеченіе семнадцатаго вѣка. При девяноста монастыряхъ, основанныхъ въ этой странѣ между одиннадцатымъ и четырнадцатымъ вѣками и при сотнѣ въ пятнадцатомъ, эпоха первыхъ Романовыхъ насчитываетъ до двухсотъ пятидесяти новыхъ учрежденій. Они зарождались здѣсь и развивались самымъ простымъ способомъ. Сосѣди или прохожіе узнавали о существованіи схимника; они присоединялись къ нему, строили вокругъ его кельи свои, затѣмъ строили церковь во имя Богородицы или какого-либо прославленнаго святого; первый встрѣчный игуменъ постригалъ основателя пустыни въ монахи, ближайшій епископъ производилъ рукоположеніе и такимъ образомъ однимъ монастыремъ оказывалось больше.

Но еще чаще эти колоніи схимниковъ не имѣли средствъ или желанія добиться офиціальнаго признанія. Это и не нужно было. Одежда дѣлала монаха; соединяя вокругъ себя около двадцати учениковъ, пришедшій первымъ,—это былъ обыкновенно старикъ,—поучалъ ихъ, какъ понималъ самъ, истинной вѣрѣ, или правильному толкованію священныхъ текстовъ; не будучи священникомъ, онъ служилъ въ построенной имъ церкви, говорилъ съ горечью о мѣстныхъ духовныхъ властяхъ, съ печалью вообще о православной церкви, какъ и объ обществѣ, и такимъ образомъ еще задолго до Никона расколъ свилъ себѣ гнѣздо въ тиши густыхъ лѣсовъ, въ глуши затерянныхъ деревень, на отдаленныхъ пустынныхъ прогалинахъ сѣверо-востока, подъ видомъ скромнаго протеста противъ всего, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, въ центрѣ этого міра непрестаннаго разврата, отъ котораго они оторвались.

Въ области Владиміра, возлѣ города Вязниковъ, въ глуши густыхъ лѣсовъ по берегамъ Клязьмы, монахъ Капитонъ поселился такимъ образомъ въ концѣ 1650 года. Онъ былъ уже очень старъ, думаютъ, что ему было почти сто лѣтъ. Онъ велъ всегда бродячую жизнь, нигдѣ не задерживаясь надолго. Много разъ его заточали и въ настоящихъ монастыряхъ для покаянія; всегда ему удавалось уйти, благодаря своему краснорѣчію, какъ и престижу, созданному упорнымъ воздержаніемъ. За нимъ числилась репутація святого и выдающагося защитника вѣры. Между тѣмъ его доктрина ограничивалась лишь соблюденіемъ правилъ самаго суроваго аскетизма и отрицаніемъ всякой церковной іерархіи.

Такъ родилась безпоповщина, при чемъ идеи Капитона, толкуемыя различно, породили множество и другихъ сектъ. Сектантство, насчитывающее теперь въ Россіи многочисленныхъ приверженцевъ, произошло изъ того же источника, и основатель секты хлыстовъ Даніилъ Филипповъ, родомъ изъ Костромы, тамъ же черпалъ свое вдохновеніе. Эти черты являются общими для большей части религіозныхъ эволюцій. Благодаря другимъ своимъ частностямъ, однако, расколъ принимаетъ особенный и совершенно своеобразный характеръ.

II.

Характерныя черты.

Въ своемъ развитіи эта схизма подчеркиваетъ вначалѣ неслыханнымъ образомъ свой природный мизонеизмъ. Она воздвигаетъ, наконецъ, въ догму абсолютное уваженіе ко всему, что являлось стариннымъ. Кромѣ того она стремится подчинить разъ установленному канону всѣ элементы общественной жизни: государство, общество и семью. Осужденіе всякаго прогресса являлось отсюда естественнымъ послѣдствіемъ.

Ничто не должно больше мѣнять своего положенія. Окончательный типъ національнаго существованія былъ объявленъ отнынѣ готовымъ: ne varietur разъ и навсегда. Онъ соотвѣтствовалъ впрочемъ представленію о Москвѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она рисовалась умамъ въ теченіе всего шестнадцатаго и первой половины семнадцатаго вѣка. Благочестивый царь съ бородой, одѣтый въ золотую парчу и осыпанный драгоцѣнными камнями,—по изображенію, данному художниками того времени Θеодору Іоанновичу, сыну Грознаго. Онъ ходитъ по церквамъ, подолгу молится и не имѣетъ никакихъ другихъ заботъ, ни функцій. Его сопровождаютъ также бородатые и „некурящіе“ бояре, „поддерживающіе его подъ руку“, и въ этомъ заключается все ихъ занятіе. Въ приказахъ другіе бояре, также бородатые и суровые, отправляютъ дѣла, творятъ судъ по канонамъ, но не манкируютъ церковной службой. Они строго соблюдаютъ посты, ходятъ въ баню по субботамъ, принимаютъ участіе

въ воскресенье въ процессіяхъ, совершаютъ частыя паломничества и главнымъ ихъ занятіемъ служитъ запрещеніе народу діавольскихъ игръ и развлеченій, уничтоженіе театровъ, запрещеніе танцевъ, музыки и маскарадовъ и они въ особенности противятся вторженію иностранныхъ наукъ, противныхъ духу русскаго народа и ученію св. отцовъ.

Таковъ былъ идеалъ, призванный вѣчно существовать.

Новшества осуждались не потому, что они по существу своему были плохи, но потому, что они были новы. Тремя вѣками позже въ госпиталѣ раскольничьей Рогожской общины по той же причинѣ воспрещены желѣзныя кровати. Единственныя священныя книги, которыя допускались расколомъ, были тѣ, которыя печатались при пяти первыхъ патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іосафатѣ и Іосифѣ! Въ этихъ текстахъ каждое слово, каждая буква имѣли значеніе догмы. Они содержали въ себѣ лишь ее одну! Главными пунктами доктрины являлись: орѳографія Ісусъ, слово „истинный", уничтоженное Никономъ въ символѣ вѣры, двойное аллилуйя, служеніе обѣдни семью просфорами, восьмиконечный крестъ, шествіе въ ходахъ по солнцу и знакъ двухперстнаго креста.

Старинные обряды чисто мѣстнаго характера такимъ образомъ считаются единственно точными толкованіями вѣчныхъ истинъ, и Расколъ имъ приписываетъ кромѣ того силу спасенія, независимо отъ моральнаго достоинства или отъ силы религіознаго чувства тѣхъ, кто ихъ соблюдаетъ. То была доктрина спасенія не по вѣрѣ, а по обряду.

То было также отрицаніе внутренняго смысла, первоначально связаннаго съ этими формами религіозной жизни, въ которыхъ отмѣчался и солидизировался рядъ моральныхъ элементовъ, способныхъ, думалось, склонить людей къ лучшимъ дѣламъ и въ которыхъ церковь видѣла средство вновь воскресить въ назиданіе вѣрующимъ тотъ или другой важный моментъ ихъ прежняго существованія. Упуская изъ виду эту первоначальную мысль, Расколъ бралъ на себя задачу передѣлать нелѣпымъ образомъ работу древнихъ христіанскихъ коммунъ, чтобы наполнить пустой сосудъ, оживить мертвую букву посредствомъ совершенно произвольныхъ толкованій. И, слѣдуя этому пути, онъ долженъ былъ съ теченіемъ времени перестроить съ помощью смѣлыхъ дедукцій

всю священную исторію, изобрѣсти болѣе новые и болѣе смѣлые символы, чѣмъ всѣ тѣ новшества, которыя онъ осуждалъ. Таково, напримѣръ, было разсужденіе, изобрѣтенное толкователями раскола по поводу воскрешенія Лазаря.

Лазарь никогда не существовалъ. Его смерть—это грѣхи, его сестры—олицетворяютъ собою тѣло и душу его, его могила это мірскія дѣла, его воскресеніе, наконецъ, символизируетъ раскаяніе.

Раціоналистскія или протестантскія идеи не были чужды этой эволюціи. Въ своей борьбѣ съ католицизмомъ православные богословы польскихъ провинцій прибѣгали охотно къ литературѣ реформированныхъ церквей, заимствуя, напримѣръ, у Лютера его тезисъ о папскомъ Римѣ, въ видѣ апокалипсическаго Вавилона, и отожествляя Антихриста съ папою или скорѣе съ принципомъ, представленнымъ въ папствѣ. Болѣе или менѣе непосредственно Расколъ воспользовался этимъ, замѣняя одну гипостазу другою, папу патріархомъ.

Перенеся въ то же время и по той же системѣ свою основную доктрину на политическую и соціальную почву, онъ показалъ себя одинаково враждебнымъ и обычаямъ и порядкамъ, въ которыхъ религія даже не была заинтересована, но въ которые онъ ее впуталъ путемъ ряда уловокъ. Никакихъ переписей, такъ какъ Богъ разгнѣвался на Давида, когда онъ послалъ Якова сосчитать народъ Израиля. Никакой подушной подати, по мѣстной терминологіи, такъ какъ душа сотворена по образу Божію. Никакой военной службы позже, въ виду огнестрѣльнаго оружія, неизвѣстнаго Священному Писанію, или въ виду того, что слово „солдатъ“ имѣетъ отталкивающее сходство съ именемъ Сатаны. Въ пророчествахъ или Дѣяніяхъ Апостоловъ раскольники даже находили аргументы противъ употребленія бритвы, а ношеніе галстуха возбуждало въ нихъ отвращеніе.

Дойдя до этого, расколъ принимаетъ видъ окаменѣвшаго сколка старой Москвы. Между тѣмъ въ немъ билась интенсивная жизнь и обнаруживала свою способность къ силѣ сопротивленія и пропаганды, къ независимому развитію, на которое не могли воздѣйствовать два вѣка преслѣдованія.

Продолжая существовать и расширяясь при этомъ, расколъ и самъ эволюціонируетъ, вопреки своему основному принципу, казалось, налагавшему на него неподвижность; онъ становится разнообразенъ до безконечности; въ его нѣдрахъ зародятся позже крѣпкіе организмы и будутъ стремиться осуществить многочисленные способы существованія, въ гармоніи съ различными способами вѣры. Наступитъ также день, когда революціонеры, свободные отъ всякихъ исповѣданій, а въ то же время и реакціонеры, одинаково индифферентные къ догматическимъ спорамъ, будутъ оспаривать этого загадочнаго союзника, видя въ немъ, одни — орудіе соціалистической и даже антирелигіозной агитаціи, другіе — элементъ зародыша политическаго и соціальнаго возрожденія. Такимъ образомъ нѣкоторые историки, между ними Костомаровъ, а потомъ Милюковъ, видѣли въ адентахъ дикаго мизонеизма работниковъ извѣстнаго прогресса. Осуждая современное имъ общество на вѣчную неподвижность, Лазари и Аввакумы тѣмъ не менѣе вводили въ него, всегда безсознательно, принципы, самые противоположные этому постулату. Остановившіеся въ своемъ ростѣ или ретрограды по отношенію къ интеллектуальному движенію ихъ страны по пути цивилизаціи, они тѣмъ не менѣе принимали участіе въ этомъ движеніи, прибавляя къ пробужденію мысли пробужденіе религіознаго сознанія.

Подчиненіе офиціальной церкви государству было возможно въ эту эпоху лишь благодаря полной индиферентности заинтересованныхъ въ этомъ лицъ. Привлекая къ себѣ вѣрующихъ, относительно наиболѣе ревностныхъ къ свободамъ, такимъ образомъ нарушеннымъ, Расколъ облегчилъ еще это подчиненіе, но онъ далъ въ то же время духу независимости пріютъ, предназначенный для его сохраненія и для развитія въ немъ энергіи. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ великій Расколъ семнадцатаго вѣка былъ олицетворенъ до нѣкоторой степени въ личности и жизни самаго дѣятельнаго и самаго популярнаго изъ его вожаковъ, очень выразительную и привлекательную фигуру котораго будетъ кстати нарисовать здѣсь.

III.

Апостольство Аввакума.

Передъ нами одинъ изъ послѣднихъ представителей той эпической фаланги героевъ, которые, начиная съ легендарныхъ сподвижниковъ Владиміра, не переставали растрачивать съ большой силой, и не безъ эксцессовъ, на дѣла самаго различнаго свойства и часто мало достойныя подобныхъ усилій, свой бурный темпераментъ, въ которомъ бродили ничѣмъ не сдерживаемыя силы. Вокругъ новаго богатыря, какъ въ кіевской эпопеѣ, группируются многочисленные статисты, но на этотъ разъ совершенно иного рода. Это аскеты и юродивые, какъ ихъ тогда называли. По своему они возобновляютъ подвиги Ильи Муромца и Добрыни, борясь босыми ногами и въ одной рубахѣ съ самыми жестокими морозами или влѣзая безъ всякаго колебанія въ истопленныя хлѣбныя печи. Предсказатели, ясновидцы и чудотворцы, они пробиваются чрезъ тройные ряды солдатъ и смѣло говорятъ съ государемъ, подавляя его силою своего слова или ослѣпляя совершаемыми чудесами. Иногда однако имъ не удается заставить себя слушать и ихъ предаютъ жестокимъ испытаніямъ. Ссылаемые въ Сибирь, они сталкиваются тамъ съ другими героями, эксплуататорами и покорителями сѣверныхъ пустынь, московскими Кортесамъ и Писарро, борющимися въ этой странѣ съ жестокостью и дикостью звѣрей и людей. Такъ возникали страшныя столкновенія, въ которыя и тѣ и другіе вмѣшивались не менѣе страстно и сильно.

Родившись около 1620 года въ Новгородской области, по его собственному свидѣтельству, отъ пьяницы попа и матери, исповѣдывавшей самый строгій аскетизмъ, Аввакумъ подпалъ съ колыбели вліянію двухъ нравственныхъ типовъ, раздѣлявшихъ тогда большинство московскихъ семей. Въ двадцать три года онъ женился на дочери кузнеца изъ своей деревни, Настасьѣ Марковнѣ, и тотчасъ же послѣ этого получилъ скромный приходъ. Онъ вскорѣ вооружилъ противъ себя своихъ прихожанъ безпокойнымъ рвеніемъ и крайней строгостью, вошелъ въ распрю съ мѣстными властями, ревностными чиновниками, отвѣчавшими на его ругательства

ударами. Избитый однажды почти до смерти въ своей церкви, вытащенный на другое утро за волосы изъ своего дома, несмотря на священныя облаченія, въ которыя онъ былъ одѣтъ, изуродованный черезъ недѣлю послѣ этого однимъ изувѣромъ, который откусилъ у него палецъ своими зубами, онъ спасается въ Москву, находитъ тамъ покровителей, отсылается обратно въ свой приходъ и начинаетъ снова.

Онъ принимается за вожаковъ медвѣдей, которыхъ онъ прогоняетъ, убивая при этомъ одно изъ животныхъ и освобождая другое къ великому неудовольствію зрителей. Затѣмъ онъ наноситъ оскорбленіе могущественному воеводѣ Василію Шереметьеву, отказавъ въ своемъ благословеніи сыну этого провинціальнаго царька за то, что тотъ отрѣзалъ себѣ бороду. Отецъ приказываетъ бросить въ Волгу дерзкаго попа. Спасшись неизвѣстно какимъ образомъ изъ воды, Аввакумъ добивается перевода въ Юрьевецъ, гдѣ получилъ повышеніе, получилъ также званіе протопопа. Но черезъ два мѣсяца онъ снова возбудилъ противъ себя народъ и клиръ, мужчинъ и женщинъ. Выведенная изъ себя толпа осаждаетъ его въ домѣ патріарха, куда призвали его обязанности службы. Аввакума вытащили наружу, били кнутомъ, топтали ногами, оставили почти мертвымъ на мѣстѣ; ему едва удалось добраться до дому, но и тамъ его окружили съ криками:—смерть сыну б....!—И это кричали въ одинъ голосъ и священники и женщины.

Покинувъ свою жену и дѣтей, онъ находитъ возможность сѣсть въ лодку на Волгѣ и пробраться въ Кострому. Но тамъ жители также выгнали своего протопопа Даніила, котораго они обвиняли въ участіи въ исправленіи святыхъ книгъ и обрядовъ и, заподозрѣвъ и Аввакума въ томъ, что онъ раздѣляетъ подобныя наклонности, они оказываютъ ему непріязненный пріемъ.

Эти событія происходятъ въ 1651 году, и въ этотъ моментъ, какъ помнятъ мои читатели, будущіе раскольники были еще на сторонѣ реформы.

Аввакумъ возвращается затѣмъ въ Москву и входитъ въ интимныя отношенія съ Бонифатьевымъ и Нероновымъ. Онъ не принимаетъ участія, какъ это предполагали, въ ихъ работахъ. Для этого онъ слишкомъ мало знаетъ. Но за неимѣніемъ другого занятія онъ, вѣроятно, завѣдуетъ типографіей.

Поссорившись вскорѣ съ Никономъ, при уже извѣстныхъ намъ обстоятельствахъ, онъ мѣняетъ лагерь и обращается въ яраго защитника стараго ритуала. Арестованный въ 1653 году, еще разъ подвергшись побоямъ и тасканію за волосы, закованный въ цѣпи, онъ проводитъ три дня въ темной камерѣ безъ питья и пищи. У него хотятъ отнять рясу, но царь вмѣшивается въ дѣло, и его ссылаютъ въ Сибирь съ женою и дѣтьми.

Это путешествіе, которое онъ вынужденъ дѣлать сушею и водою, продолжалось тринадцать недѣль. Настасья Марковна рожаетъ въ дорогѣ. Въ Тобольскѣ изгнанникъ сначала былъ хорошо принятъ архіепископомъ Симеономъ, тайнымъ приверженцемъ рождающагося раскола, и воеводою, княземъ Василіемъ Хилковымъ. Но въ отсутствіе архіепископа у его протежэ происходятъ страшныя распри съ діакомъ, Иваномъ Струною, котораго онъ хотѣлъ побить кожанымъ поясомъ. Онъ рискуетъ снова быть зарубленнымъ или брошеннымъ въ воду. Желая его спасти, жена воеводы думаетъ его спрятать, какъ второго Фальстафа, въ большомъ чемоданѣ. Передъ этимъ взрывомъ гнѣва онъ на нѣкоторое время успокаивается, сохраняя непримиримость своего взгляда и невоздержанность своего усердія. Но одно видѣніе заставляетъ его сожалѣть объ этой полукапитуляціи и, когда пропаганда, которую онъ ведетъ съ новымъ жаромъ, начинаетъ становиться безпокоющей, его отправляютъ подальше, въ Енисейскъ. И вотъ онъ въ качествѣ священника назначенъ въ отрядъ Афанасія Пашкова, занятаго въ то время покореніемъ для царя новыхъ земель и новыхъ подданныхъ.

Пашковъ не похожъ на добродушнаго воеводу Тобольскаго. Аввакумъ на этотъ разъ имѣетъ дѣло съ другимъ богатыремъ и между этими людьми, одинаково дѣятельными и предпріимчивыми, въ различныхъ сферахъ, трудно установиться пониманію. Тотъ вынужденъ былъ ввести въ отношенія къ своимъ людямъ желѣзную дисциплину и, пытаясь смягчить строгости, Аввакумъ не обладалъ при этомъ ровно никакою мягкостью и умѣренностью. У него не было авторитета и потому онъ въ глазахъ сибирскаго колонизатора являлся лишь преступникомъ и почти раскольникомъ. Несомнѣнно кромѣ того, что исполняя свою миссію, Пашковъ

обнаруживалъ страшную грубость и тотъ духъ чрезмѣрнаго произвола, который былъ столь свойственъ его соотечественникамъ, и носитъ у нихъ названіе „самодурства“.

Первая ссора, по разсказу Аввакума, вышла изъ-за двухъ женщинъ, изъ которыхъ одной было шестьдесять лѣтъ, а другая была еще старше: онѣ находились въ шайкѣ казаковъ, встрѣченныхъ экспедиціоннымъ отрядомъ. Онѣ были вдовы и искали монастыря, гдѣ онѣ могли-бы постричься, по обычаю того времени. Но Пашкову вздумалось ихъ выдать замужъ, Аввакумъ запротестовалъ противъ этого. Въ это время шли внизъ по Тунгузкѣ. Воевода приказалъ высадить священника, велѣвъ ему слѣдовать за ними пѣшкомъ. Когда онъ сталъ протестовать, Пашковъ бросилъ его ударомъ кулака на землю и оставилъ его въ такомъ положеніи. Лишенный своей одежды, избитый, Аввакумъ оставался всю ночь подъ холоднымъ дождемъ.

Черезъ нѣсколько дней судно, на которомъ ѣхалъ Пашковъ, сѣло на мель. Сынъ воеводы, Іеремія, вступился за священника. Онъ усмотрѣлъ въ этомъ случаѣ небесное наказаніе. Рыча, какъ дикій звѣрь, говоритъ Аввакумъ, Пашковъ схватилъ мушкетъ и три раза выстрѣлилъ въ дерзкаго. И три раза произошла осѣчка. Если этотъ фактъ и вѣренъ, то онъ доказываетъ лишь плохое качество боевого матеріала, которое употреблялось въ то время покорителями Сибири. Нужно предполагать, что все это было разсказано Аввакумомъ не такъ, какъ оно происходило на самомъ дѣлѣ. Если вѣрить ему, то такое чудо вызвало въ воеводѣ чувство раскаянія, однако не помѣшавшее ему употребить противъ чудотворца другія жестокія мѣры. Брошенный въ подземную тюрьму, священникъ чуть не былъ съѣденъ крысами и не каждый день имѣлъ тамъ пищу. Содержимый въ холодѣ зимою, онъ былъ весною переведенъ въ слишкомъ нагрѣваемую камеру, гдѣ чуть не задохся. Онъ не могъ даже ходить за двумя своими больными дѣтьми, которыя умерли одинъ за другимъ, и когда экспедиція тронулась въ путь, ему пришлось сопровождать ее пѣшкомъ, по крутымъ тропинкамъ, гдѣ несчастная Настасья Марковна часто падала.

Среди многочисленныхъ противорѣчій большая доля сильнаго воображенія легко угадывается въ разсказѣ объ этихъ испытаніяхъ, сдѣланномъ ихъ главною жертвою. „Въ продол-

женіе десяти лѣтъ“, говоритъ наивно авторъ, „Пашковъ, право не знаю, мучилъ-ли меня или самъ былъ замученъ мною“. Каждый изъ нихъ, конечно, вкладывалъ свое и „десять лѣтъ“ указываютъ у одного изъ мучителей на рѣшительную долю воображенія. Изгнаніе Аввакума въ Сибирь состоялось въ 1653 году, а уже въ 1661 протопопъ былъ снова призванъ въ Москву. Никонъ палъ и, желая обезпечить немилость, въ которую впалъ патріархъ, бояре считали полезнымъ вернуть одного изъ его самыхъ ярыхъ противниковъ, къ которому къ тому же и Алексѣй сохранялъ большую симпатію.

По свидѣтельству историковъ Раскола, Аввакумъ долженъ былъ быть принятъ въ столицѣ, какъ „посланецъ неба“. Одинъ изъ князей Хованскихъ, можетъ быть, Иванъ Никитичъ, тотъ самый, который никакъ не могъ простить Никону, что онъ заставлялъ его поститься во время путешествія въ Соловки въ 1652 году, предложилъ апостолу гостепріимство въ своемъ домѣ, и мы видѣли уже, что въ этотъ моментъ Расколъ находилъ себѣ дѣйствительно приверженцевъ въ одной части мѣстной аристократіи. Но было еще далеко до того, чтобы Аввакумъ, какъ онъ безъ сомнѣнія воображалъ, явился въ Москву въ качествѣ тріумфатора. Осложненное различными перипетіями, его возвратное путешествіе продолжалось около трехъ лѣтъ и въ это время обстоятельства измѣнились. Никона уже нечего было бояться, такъ какъ дѣло реформы взяло верхъ въ офиціальныхъ сферахъ. Возвращенный изъ Сибири явился лишь помѣхою и теперь уже казался человѣкомъ неудобнымъ.

Въ Тобольскѣ онъ свидѣлся съ другимъ знаменитымъ изгнанникомъ, Крыжаничемъ и далъ въ этомъ случаѣ доказательство крайней узости своихъ идей. Крыжаничъ описалъ послѣдовательно всѣ детали этой короткой встрѣчи. Рѣшившись отдать визитъ протопопу, онъ былъ остановленъ имъ на лѣстницѣ.

— Не двигайся впередъ! Останься тутъ! Какую религію ты исповѣдуешь?

— Благословите меня, отецъ...

— Я не даю благословенія, не зная за что. Исповѣдуй сначала твою вѣру!

— Почтенный отецъ, я вѣрю во всѣ истины, предписан-

ныя святою апостольскою церковью; я принимаю, какъ счастье, благословеніе всякаго священника, и поэтому я и прошу вашего. Въ дѣлѣ вѣры я готовъ объясниться съ епископомъ, но не съ путешественникомъ, заподозрѣннымъ по этому же поводу. Если вы не хотите меня благословить, то Богъ съ вами.

Между католическимъ аббатомъ Крыжаничемъ, готовымъ на компромиссъ, и суровымъ священникомъ Раскола, какая большая разница.

Соблазны, ожидавшіе Аввакума, были такого рода, что по его собственному признанію, искушеніе чуть не заставило его прекратить борьбу. Нѣкоторые бояре его обласкали. Алексѣй самъ далъ ему аудіенцію и назначилъ ему помѣщеніе въ одномъ изъ монастырей Кремля. Сблизившись такимъ образомъ, царь и апостолъ часто видѣлись другъ съ другомъ и государь постоянно низко кланялся при проходѣ прежнему изгнаннику и просилъ его благословенія; Аввакумъ по крайней мѣрѣ это утверждаетъ. Если вѣрить ему, то ему даже предоставляли свободный выборъ занять какое угодно мѣсто, хотя-бы духовника государя, подъ однимъ условіемъ отказа отъ раскола. Въ противномъ случаѣ Стрешневъ былъ уполномоченъ объявить ему рѣшительно: уважая его убѣжденія, ему позволяютъ молиться, какъ онъ хочетъ, но требуютъ, чтобы онъ молчалъ.

Онъ обѣщалъ хранить молчаніе. Въ Сибири однажды его жена, обезсиленная, измученная на скалистой дорогѣ, спросила его:

— Долго-ли еще мы будемъ такъ страдать?

— До самой смерти, Марковна, — отвѣтилъ Аввакумъ сурово.

Онъ дрожалъ теперь, но не за себя, конечно, а за своихъ при одномъ воспоминаніи объ этой скорбной Голгофѣ. Это можно предположить по его исповѣди и этому можно повѣрить. Подъ грубою оболочкою вѣчнаго борца у него было чувствительное и сострадательное сердце.

— Ты и наши дѣти связываютъ мнѣ языкъ! — говорилъ онъ своей спутницѣ.

Но храбрая женщина вскричала:

— Какъ можешь ты такъ говорить, Петровичъ! Иди въ церковь и обличи ошибки еретиковъ!

Онъ медлилъ ей повиноваться, самъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько утомленный. Самъ пощаженный, онъ щадилъ въ свою очередь другихъ, стушевался и скрылся въ тиши укромныхъ монастырей и интимныхъ кружковъ. Но обстоятельства выдвигали его на первый планъ. Бонифатьевъ былъ мертвъ, Нероновъ примирился съ офиціальною церковью. Аввакумъ сдѣлался главою. Окруживъ попа ореоломъ мученичества, женщины выдвигали его впередъ своими демонстраціями. Все болѣе входя въ ту роль, которую онѣ ему намѣчали, уступая все болѣе своей природной наклонности, онъ могъ еще нѣкоторое время укрыться отъ проявленія слишкомъ замѣтной дѣятельности. Онъ вліялъ на терема, революціонизировалъ монахинь Вознесенскаго монастыря и, подпавъ его вліянію, игуменья ихъ, Елена Хрущова, принудила сестеръ этого монастыря отказаться отъ офиціальной литургіи. Въ ожиданіи Собора, который долженъ былъ рѣшить окончательно вопросъ о реформѣ, и среди работъ, созданныхъ выходками Никона, диссиденты пользовались временно довольно большою свободою. Въ различныхъ частныхъ домахъ они безнаказанно устраивали собранія, часто очень воодушевленныя. На нихъ обыкновенно предсѣдательствовалъ Аввакумъ, при чемъ горячій его темпераментъ находилъ себѣ тамъ опасное возбужденіе.

Вернувшись однажды отъ Ртищева, послѣ бурныхъ диспутовъ, съ которыми онъ едва могъ справиться, онъ обрушилъ свой гнѣвъ на протопопицу и на одну вдову, Фетинью, которую онъ пріютилъ у себя. Обѣ женщины также заспорили. Онъ избилъ ихъ, но потомъ, когда подошелъ къ эпилептику Филиппу, который былъ его вторымъ гостемъ въ домѣ и котораго онъ считалъ одержимымъ сатаною и держалъ въ цѣпяхъ, въ надеждѣ, что изгонитъ бѣса, этотъ человѣкъ, обычно тихій, встрѣтилъ его ужасною бранью и ударами, хотѣлъ его задушить и закричалъ ему:

— Я тебя не боюсь!

Аввакумъ понялъ, говоритъ онъ, что божественная милость оставила его по причинѣ той вспышки, которой онъ поддался, и сейчасъ же, собравъ своихъ слугъ, онъ потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ,—а ихъ было двадцать,—далъ ему по пяти ударовъ кнутомъ по голой спинѣ. Его жена, у которой онъ предварительно просилъ прощенія, и

дѣти его тоже должны были принять участіе въ этомъ исправленіи, и били его со слезами, какъ онъ это приказывалъ. И вотъ тогда демонъ оставилъ Филиппа.

Къ концу шести мѣсяцевъ, проведенныхъ такимъ образомъ, апостолъ уже не былъ въ состояніи сдерживаться. „Онъ сталъ снова ругаться“, по его собственному выраженію. Онъ обратился къ царю съ жалобой, текстъ которой не дошелъ до насъ, но смыслъ ея довольно точно установленъ рядомъ показаній. Аввакумъ въ ней говорилъ, какъ власть имущій, указывая на кандидатовъ по своему выбору на разныя епископскія должности, металъ громы противъ новыхъ духовныхъ и умственныхъ вождей, поставленныхъ Москвою, и называлъ ихъ „собачьими сыновьями“. Результатъ былъ таковъ, какого и слѣдовало ожидать: по новому приказу онъ былъ изгнанъ 29 августа 1664 года въ Пустозерскъ, въ самое ужасное мѣсто той Сибири, которую Аввакумъ такъ боялся увидѣть снова.

Онъ не отправился туда тотчасъ же. Эта мѣра, кажется, вызвала протестъ даже со стороны близкихъ къ Алексѣю лицъ и послужила поводомъ къ тяжелой размолвкѣ между нимъ и его женою. Принимая во вниманіе то, что намъ извѣстно о Марьѣ Ильинишнѣ, это свидѣтельство Аввакума вполнѣ допустимо. До 1667 года его таскали изъ монастыря въ монастырь, отдавая его подъ судъ, но все отсрочивая заключеніе, видимо, не зная, что дѣлать съ этою непріятною личностью. Наконецъ его процессъ былъ соединенъ съ таковымъ его единовѣрцевъ, представшихъ въ это время передъ Соборомъ и его поведеніе передъ высокимъ собраніемъ еще усугубило его вину. Поэтому онъ былъ отправленъ въ Пустозерскъ, лишенный предварительно священническаго званія и преданный анафемѣ.

Онъ раздѣлилъ тамъ свое заключеніе съ Лазаремъ и съ другими московскими видными раскольниками; принялъ участіе вмѣстѣ съ ними, какъ мы это увидимъ, въ выработкѣ свода доктринъ, являющихся еще и до сихъ поръ основаніемъ Раскола, и затѣмъ вмѣстѣ съ ними былъ сожженъ живымъ въ 1681 году, ставъ окончательно такимъ образомъ исповѣдникомъ и мученикомъ новой церкви.

Аввакумъ ученикъ Домостроя. Даже на свободѣ его жизнь проходила среди лишеній и всякаго умерщвленія плоти. Онъ

почти не спалъ и всѣ ночи напролетъ молился. Вечеромъ, прочитавъ свой требникъ и потушивъ огонь, онъ еще пятьсотъ разъ простирался въ потьмахъ передъ святыми образами, читалъ шестьсотъ разъ Отче Нашъ и сто разъ Богородицу. Такъ какъ онъ сводилъ благочестіе къ строгому соблюденію старыхъ обрядовъ, то видѣлъ мораль въ отказѣ отъ міра, отъ всякой земной радости. Онъ только не понималъ, что въ религіозной области уваженіе къ догмѣ совершенно поглощаетъ духъ вѣрующихъ: внѣ-же этой сферы онъ не допускалъ никакой области умственной работы. „Риторъ или философъ не могутъ стать христіанами", объявлялъ онъ рѣшительно.

Суровый по отношенію къ другимъ, когда въ дѣло вмѣшивались религія или мораль, какъ онъ ихъ понималъ, онъ не менѣе того былъ суровъ по отношенію къ себѣ. Въ деревнѣ, въ молодости онъ плѣнялся иногда красотою исповѣдуемой имъ молодой женщины. Немедленно-же онъ зажигалъ три лампады, простиралъ одну изъ своихъ рукъ надъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока нечистое желаніе въ немъ не утихало. Еще позже онъ поддался подобному же искушенію. Въ Тобольскѣ, когда одна дѣвушка изъ его домашнихъ близко подошла къ нему, онъ быстро зашелъ за столъ и принялся молиться, „боясь діавольскаго искушенія".

Демократическій инстинктъ, такъ глубоко внѣдрившійся въ народныхъ массахъ его страны, толкаетъ его больше, чѣмъ всякій другой импульсъ, взять на себя защиту, когда ему представлялся къ тому случай, всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, и мы видѣли, что способъ, какимъ онъ это продѣлывалъ, былъ лишенъ всякаго благодушія. Домострой хранитъ въ себѣ гораздо болѣе основаній языческихъ, чѣмъ христіанскихъ и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, расколъ носитъ тотъ-же характеръ. Всѣ главари его насильники. Лишенный священническаго сана еще до Аввакума, Логгинъ плюетъ въ Никона и бросаетъ ему въ лицо свою одежду въ присутствіи царицы. Въ знаменитой пустыни Нила, когда одинъ изъ священниковъ сталъ служить на пяти просфорахъ, церковный сторожъ, преданный Расколу, пустилъ ему въ голову кадильницу съ горящими углями и вслѣдъ затѣмъ началась общая драка. Принимая однажды одного монаха и замѣтивъ, что онъ пьянъ, Аввакумъ живо его спросилъ:

— Чего ты хочешь?

— Царства Небеснаго... и такъ далѣе!

— Другъ, по моему, ты съ утра пропустилъ уже болѣе одного стакана. Не окажешь-ли еще честь напитку, который я тебѣ предложу?

— Конечно!

Схвативъ своего гостя, онъ его растягиваетъ на скамьѣ, крѣпко къ ней привязываетъ и вооружается толстою палкою. Затѣмъ онъ прочитываетъ заупокойныя молитвы, приказываетъ монаху проститься съ присутствующими и наноситъ ему страшный ударъ по затылку. Паціентъ моментально вытрезвился, но палачъ не оставилъ его въ покоѣ. Давъ ему четки въ руки, онъ заставилъ его сдѣлать пятьсотъ поклоновъ, потомъ приказалъ ему раздѣться, оставилъ на немъ одну лишь рубаху и принялся молиться около него вмѣстѣ съ церковнымъ сторожемъ, сопровождая каждое чтеніе „Отче Нашъ“ и Богородицы ударомъ кнута. Монаху удалось наконецъ спастись еле живымъ и полуобнаженнымъ.

Другой разъ Аввакумъ становится случайно свидѣтелемъ прелюбодѣянія. Сцена эта разсказана имъ со всѣми деталями крайняго реализма. Застигнутый врасплохъ, мужчина поднимается и бормочетъ протопопу слова извиненія. Гораздо болѣе смѣлая, оправляя панталоны, женщина безстыдно отрицаетъ совершенный грѣхъ. „Женщины этого сорта носятъ панталоны“ замѣчаетъ Аввакумъ, случайно сообщая намъ одну изъ тайнъ женскаго туалета той эпохи. Этотъ случай происходилъ въ Сибири, и виновная была отдана священнику на исправленіе. Аввакумъ посадилъ ее въ погребъ и выдержалъ въ темнотѣ и холодѣ въ теченіи трехъ сутокъ, лишивъ ее пищи. Когда она ночью принималась кричать, смущая его въ его молитвахъ, онъ выводилъ ее изъ заключенія и говорилъ ей:

— Хочешь водки и пива?

Дрожа, она отвѣчаетъ ему:

— Что мнѣ дѣлать съ этими напитками? Ради Бога, дайте мнѣ кусокъ хлѣба!

Невозмутимо онъ принимается не кормить ее, а поучать.

— Пойми, мое дитя, сущность вещей. Желаніе питаетъ развратъ, а желаніе рождается отъ невоздержности, бла-

годаря отсутствію разума и равнодушію къ Богу. Пьянство и обжорство вызываютъ желаніе наслажденія, какъ телица, ты выжидаешь сильнаго быка, какъ кошка, ты караулишь котовъ въ любовномъ блаженствѣ и забываешь о смерти!

„Послѣ этого, продолжаетъ Аввакумъ, я ей далъ въ руки четки и приказалъ ей творить поклоны Богу. Не будучи въ силахъ кланяться отъ большой слабости, она упала. Я приказалъ тогда церковному сторожу бить кнутомъ. Я плакалъ передъ Господомъ и мучилъ ее“.

Этотъ неисправимый катехизаторъ былъ въ сущности добрымъ человѣкомъ, способнымъ выказать безконечную кротость, обнаружить безконечную чувствительность. Но какъ только религія, т. е. то, что онъ считалъ религіей, выступало на сцену, онъ становился свирѣпымъ. Во всѣхъ тѣхъ поступкахъ, гдѣ ему кажется затронута одна лишь мораль, онъ склоняется еще къ снисходительности, особенно если имѣетъ дѣло съ женщинами, и его отношенія къ нимъ могли вызвать подозрѣнія. Совершенно невинныя, онѣ между тѣмъ носили какой-то сантиментальный характеръ, гдѣ безъ всякаго сомнѣнія принималъ участіе и половой инстинктъ. Такъ, накладывая покаяніе на монахиню Елену, Аввакумъ обращается къ ней со словами, гдѣ состраданіе носитъ оттѣнокъ почти недвусмысленной нѣжности. Если же дѣло шло о томъ, что казалось ему съ его точки зрѣнія ересью, то здѣсь онъ становился неумолимымъ и полнымъ ненависти. Истощивъ весь запасъ церковныхъ проклятій, онъ обрушивался на виновныхъ цѣлымъ народнымъ лексикономъ самой грубой брани. Такъ, при разговорѣ съ никоніанцами, у апостола всегда на языкѣ такія слова, какъ „воры, разбойники, собаки“, не говоря уже о другихъ нецензурныхъ эпитетахъ; онъ не лучше обходится даже со своими собственными товарищами, если находится съ ними въ малѣйшемъ противорѣчіи. „Раскайся, трехголовый змѣй, исповѣдуй твою ошибку, вонючая собака, сынъ б....!“ Вотъ его обычный стиль.

Уступки, которыя сдѣланы были Никону, приводятъ его въ ярость. „Хорошій царь быстро-бы и повыше его повѣсилъ“, пишетъ онъ. Тотъ хорошій царь, къ которому онъ апеллируетъ, былъ, слѣдуетъ думать, „Грозный“. Между тѣмъ Аввакумъ совершенно не походилъ на него.

Его ненависть не имѣла ничего общаго съ инстинктомъ

жестокости. Она не была у него ни слѣпою, ни абсолютною. Среди тѣхъ, на которыхъ она обрушивается, она отличаетъ еретика, достойнаго самой ужасной казни, и человѣка, достойнаго состраданія и любви. Такъ, не впадая на этотъ разъ въ противорѣчіе, въ которомъ его обвинили нѣкоторые изъ его біографовъ, Аввакумъ не перестаетъ жалѣть и любить всѣхъ и все. И онъ молится и хочетъ, чтобы его приверженцы молились за всѣхъ заблудшихъ, и онъ не отчаивается въ ихъ обращеніи.

Но можно тутъ легко и ошибиться. Въ Сибири, пославъ на рекогносцировку маленькій отрядъ казаковъ, Пашковъ рѣшилъ посовѣтоваться съ мѣстнымъ колдуномъ, шаманомъ, будетъ ли имъ удача. Само собою разумѣется этотъ человѣкъ обѣщаетъ полный успѣхъ. Тогда Аввакумъ падаетъ на колѣни въ свиномъ стойлѣ, служившемъ ему помѣщеніемъ. Онъ проситъ у Бога, чтобы отрядъ былъ истребленъ. Пусть ни одинъ изъ нихъ не вернется! И онъ не сомнѣвается, что молитва его будетъ услышана. Совершенно искренно онъ вѣритъ въ постоянное общеніе съ божественнымъ Владыкою и въ то, что тотъ слышитъ его. Все время исповѣдуя полное смиреніе, вѣря въ постоянно являвшіяся ему видѣнія, которыя не покидаютъ его своею милостью, онъ говоритъ безъ всякаго стыда о чудесахъ, которыя онъ совершилъ. По примѣру Спасителя онъ исцѣляетъ больныхъ, изгоняетъ демоновъ, получаетъ чудесные уловы.

Когда его опровергаютъ, это не оказываетъ на него никакого дѣйствія. Наканунѣ своей второй отправки въ Сибирь онъ хвастается, будто бы получилъ отъ неба обѣщаніе, что его не побезпокоятъ. И дѣйствительно, дьякъ Башмаковъ потихоньку сказалъ ему отъ имени государя: „не бойся ничего, довѣряй мнѣ“. Противуположныя событія не сбиваютъ Аввакума съ толку. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, будто бы предсказалъ Пашкову, что онъ однажды попроситъ у него позволенія надѣть рясу, „что и случилось“. Въ 1682 году авторъ предсказанія былъ уже мертвъ, а Пашковъ продолжалъ быть воеводой въ Нерчинскѣ, но пророкъ умеръ, не потерявъ вѣры въ свою сверхъестественную силу. „Святой Духъ такъ говорилъ чрезъ меня, простого грѣшника“. „Святой Духъ и я, мы судимъ“, повторялъ онъ до своего послѣдняго воздыханія.

Пророкъ и чудотворецъ,—въ этой двойной роли онъ

лишь дѣлалъ промахъ за промахомъ, благодаря узости своего ума и недостаточности образованія. Онъ былъ начитанъ въ узкомъ кругу извѣстной церковной литературы.

Обширная память, хотя и не очень твердая, давала ему возможность забрасывать противника текстами настолько, что ему удавалось сбить съ толку менѣе начитанныхъ противниковъ. Онъ былъ страшенъ въ качествѣ полемиста, замѣчательно одаренный природою, вдохновеніемъ, оригинальностью, умѣніемъ картинно выражаться, ловко подбирать сравненія, обороты рѣчи, яркія пословицы, языкомъ страстнымъ, колоритнымъ, вибрирующимъ, всегда простымъ, часто блестѣвшимъ юморомъ, въ одно и то же время нѣжнымъ и пріятнымъ или сжатымъ и энергичнымъ, всегда легко понятнымъ, безъ всякой искусственности, безъ слѣда риторики, безъ всякой заботы о діалектикѣ, безъ всякой задней мысли,—умѣньемъ говорить народнымъ языкомъ, да притомъ съ настоящею силою виртуоза слова.

Въ качествѣ догматическаго писателя онъ шелъ уже по пробитой дорогѣ, при чемъ ему приходилось воспроизводить лишь обычные обороты славянской литературы,—но повсюду, гдѣ онъ только затрогивалъ реальную жизнь, разсказывая о своей участи, бесѣдуя со своими друзьями, онъ непосредственно черпалъ слова въ источникахъ національной рѣчи. Онъ можетъ поразить современнаго читателя грубостью нѣкоторыхъ выраженій. Онъ часто тривіаленъ, охотно обращается въ циника и всегда называетъ вещи ихъ именами. Но онъ одаренъ жизненной энергіей и рѣдкой силой возбудимости.

Монахиня Елена согрѣшила, внеся смуту въ одну семью. Аввакумъ склоняетъ сестеръ избѣгать ее, какъ зачумленную. Она должна ихъ сама избѣгать, какъ оскверненная. Но ничто не должно измѣниться между нею и имъ, такъ какъ и онъ также зараженъ. Былъ ли онъ тронутъ ея чарами? Или, можетъ быть, она внушила ему, если не слабость, то по крайней мѣрѣ тотъ трепетъ пробужденнаго желанія, котораго онъ такъ страшился и который умѣлъ смирять въ себѣ такъ сурово? Неизвѣстно. Можетъ быть въ силу утонченной чувствительности и смиренія онъ не опровергалъ тѣ дурные толки, которые вызвали ихъ невинное общеніе. Онъ ей писалъ: „мнѣ нечего бояться чумныхъ

язвъ, покрывающихъ твое тѣло, такъ какъ я покрытъ ими самъ. Пошли мнѣ малины: я могу ее ѣсть, такъ какъ если на тебя былъ доносъ, то доносъ былъ и на меня, въ нашихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего постыднаго, мы стоимъ другъ друга!"

Внѣ области богословія, въ исторіи, въ географіи, въ естественныхъ наукахъ его невѣжество было грубо, и даже въ избранной имъ области онъ дѣлалъ множество ошибокъ, какъ въ терминологіи, которую онъ употребляетъ, такъ и въ существенныхъ пунктахъ той догмы, которую онъ защищалъ. Такимъ образомъ въ своей полемикѣ съ дьякономъ Ѳеодоромъ, увлеченный своею страстью въ область самыхъ нелѣпыхъ глоссъ и тезисовъ, онъ не встрѣчаетъ сочувствія даже своихъ собственныхъ соратниковъ. И онъ не заботится объ этомъ. Послѣ мукъ, которымъ подверглось его тѣло, настало время страданій его души и онъ этому не противится. Въ его коронѣ мученичества недоставало одной жемчужины: онъ ее принимаетъ съ радостью и ничего не боится. Держась Христа, онъ не боится ни царя, ни какого-либо князя, ни богатыхъ, ни знатныхъ, ни даже самого Сатаны.

Онъ всегда абсолютно вѣруетъ. Его автобіографія, смѣсь высокихъ религіозныхъ вдохновеній и самыхъ вульгарныхъ суевѣрій, деликатнѣйшихъ чувствъ и самыхъ постыдныхъ тривіальностей, широкаго пониманія извѣстныхъ христіанскихъ истинъ и большого количества пустяковъ,—свидѣтельствуетъ объ этомъ съ начала до конца.

Въ качествѣ свода доктрины его писанія не выдерживаютъ никакой критики. Онъ считается главнымъ участникомъ въ выработкѣ принциповъ безпоповщины и въ общемъ его ученіе цѣликомъ направлено противъ офиціальной іерархіи, противъ всякой іерархіи, которую расколъ не былъ въ состояніи найти въ своей средѣ. Аввакумъ не допускаетъ даже молитвы иконѣ Христа въ никоніанской церкви. Если насильно тебя вводятъ въ такое мѣсто, должно ему молиться, но стараясь не слѣдить за службой. Принимая посѣщеніе никоніанскаго священника, хозяинъ дома долженъ приказать дѣтямъ спрятаться за печку; онъ долженъ избѣжать благословенія приверженца сатаны, объявляя себя нечистымъ, и пытаться отдѣлаться отъ него, предлагая ему водки и денегъ. Его жена должна сдѣлать то же самое,

сказавъ непрошенному гостю: „отецъ, что ты за человѣкъ? Развѣ ты не можешь понять, по твоей попадьѣ, что мнѣ недосугъ тебя теперь принять?“ Оба они, наконецъ, послѣ ухода посѣтителя должны хорошо вымести свое жилище.

Кажется ясно. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ апостолъ выражаетъ мысль, что нельзя обходиться безъ священниковъ, и что попъ, исповѣдующій ненависть къ никоніанцамъ и любовь къ старому, заслуживаетъ презрѣнія, хотя бы и былъ рукоположенъ офиціальною церковью. Кромѣ того совершенно вопреки мнѣнію одного изъ своихъ товарищей по изгнанію въ Пустозерскѣ, Ѳеодора, котораго мы уже знаемъ, онъ доходитъ до того, что признаетъ бракъ, совершенный никоніанскимъ священникомъ.

Правду говоря, въ его литературномъ наслѣдствѣ подобнаго рода тексты оспаривались, объявлялись апокрифическими. Но это заключеніе кажется голословнымъ, да и самъ Аввакумъ не обнаружилъ большей послѣдовательности по многимъ пунктамъ. Предавая висѣлицѣ Никона и его адептовъ, онъ самъ обвинялъ ихъ въ нетерпимости! „Какъ? Чтобъ дать восторжествовать вашей вѣрѣ, вы прибѣгаете къ костру и огню, къ веревкѣ и къ кнуту! Какой апостолъ вамъ преподалъ подобное наставленіе? Гдѣ вы видѣли, чтобы Христосъ совѣтовалъ обращать людей такимъ способомъ?“

Вся исторія раскола должна была пострадать отъ этихъ колебаній безпорядочной мысли. Людямъ этого времени было не трудно къ ней приспособиться, а большой процентъ женскаго элемента, участвовавшаго въ развитіи раскола, вносилъ страстность вмѣсто разсудительности.

IV.

Женскій элементъ въ расколѣ.

Аввакумъ часто говоритъ о Троицѣ совершенно не божественнаго происхожденія. Этимъ именемъ онъ называетъ трехъ женщинъ, игравшихъ важную роль внутри зарождавшейся коммуны. Онъ называетъ эту троицу также „святою, блаженною и мученическою“ или символизируетъ ихъ въ трехъ драгоцѣнныхъ камняхъ: въ яхонтѣ, въ изумрудѣ и въ яшмѣ. Это были Ѳедосья Морозова, урожденная Соковнина,

ея сестра княжна Евдокія Урусова и жена одного стрѣлецкаго полковника Марія Данилова. Всѣ онѣ подпали подъ вліяніе нѣкоей Маланьи, монахини того Вознесенскаго монастыря, гдѣ Аввакумъ пользовался одно время вліяніемъ, это была таинственная личность, о которой до насъ не дошли точныя свѣдѣнія.

Выйдя замужъ въ семнадцать лѣтъ и овдовѣвъ въ тридцать, боярыня Морозова познакомилась съ Аввакумомъ двумя годами позже по его возвращеніи изъ Сибири, и уже вся преданная строгому соблюденію религіозныхъ обрядовъ, при громадной религіозной экзальтаціи, она была одной изъ самыхъ горячихъ сторонницъ „апостола". Морозовы были очень близки къ трону. Зять царя, братъ мужа Ѳедосьи Прокопьевны, Борисъ Ивановичъ покрывалъ свою семью блескомъ этого союза и престижемъ совершенно исключительнаго положенія. Высокопоставленные при дворѣ, обладая значительнымъ состояніемъ, ея родители пользовались самою завидною участью, но Ѳедосья Прокопьевна никогда ею не пользовалась.

Удаленная отъ общественной жизни, московская женщина не имѣла, внѣ религіи и нравственности, другой сферы, гдѣ бы она могла эволюціонировать, проявить какую-либо дѣятельность. Домострой заключалъ ее въ кругъ, откуда должно было ее вывести лишь новаторское теченіе семнадцатаго вѣка, проломивъ стѣну древней традиціи. Но было неизбѣжно, что и она смутилась на порогѣ новаго міра, который призывалъ ее и что эмансипація сначала смутила, а затѣмъ вооружила противъ нея печальные затворы мрачныхъ покоевъ.

Ѳедосья Прокопьевна была убѣжденной сектанткой и горячей сторонницей аскетической жизни. Послѣ молитвъ и благочестивыхъ чтеній съ самаго ранняго утра, она посвящала долгое время пунктуальному исполненію своихъ обязанностей хозяйки дома. Внимательно относясь какъ къ нуждамъ, такъ и къ проступкамъ своей многочисленной челяди или своихъ крестьянъ, она прибѣгала по отношенію къ нимъ къ правамъ патріархальной юрисдикціи, „наказывая однихъ палками", по свидѣтельству Аввакума, „побуждая другихъ добротою и любовью къ исполненію воли Божіей". Остатокъ своего времени она посвящала благотворительности.

Она пряла, ткала полотно и шила рубахи, раздавая ихъ нищимъ на улицахъ Москвы. Тайкомъ, сопровождаемая вѣрною служанкою, она посѣщала по ночамъ тюрьмы и госпитали и распредѣляла помощь и натурою и деньгами.

Большая часть ея имущества оказалась поглощенною такою благотворительностью. Она раздѣлила остатокъ его между огромною толпою своихъ гостей обоего пола, собравшихся въ ея дворцѣ, больныхъ, увѣчныхъ и идіотовъ, среди которыхъ находилось два юродивыхъ, Ѳеодоръ и Кипріанъ, призванные сыграть извѣстную роль въ исторіи Раскола. Ѳедосья Прокопьевна ѣла вмѣстѣ съ ними изъ одной чаши. Она удѣляла свои заботы всѣмъ, сама обмывала раны нѣкоторыхъ изъ нихъ и кормила ихъ изъ своихъ рукъ.

Она носила на себѣ власяницу, проводила часть ночи въ молитвѣ и даже отказалась прибавлять медъ въ свой квасъ. Аввакумъ въ свое пребываніе въ Москвѣ, а позже, переписываясь съ нею изъ Пустозерска, въ этомъ смыслѣ направлялъ эти самостоятельныя наклонности молодой женщины. „У насъ тутъ иногда не бываетъ воды, а мы между тѣмъ живемъ,—писалъ онъ ей,—почему же вы лучше насъ, хотя и боярыня? Богъ разостлалъ одно небо надъ нашими головами“. Это, однако, не мѣшало ему быть очень чувствительнымъ къ щедрой денежной помощи, которую боярыня оказывала его семьѣ. Не переставая прославлять по этому поводу щедрость благотворительницы, онъ все-таки не воздерживался отъ грубостей, напоминая ей при случаѣ, „что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ“. Онъ былъ по своему ловкій куртизанъ.

При такомъ образѣ жизни Ѳедосья Прокопьевна мало-помалу была вынуждена порвать всѣ другія связи дружбы или даже родства. Княгиня Урусова избѣгла такой немилости, лишь послѣ того, какъ послѣдовала примѣру своей сестры; но та не могла простить своему двоюродному брату, Михаилу Ртищеву, его снисходительный отзывъ о Никонѣ. Желая совратить ее съ намѣченнаго ею пути, онъ попробовалъ указать на интересы ея единственнаго сына, карьеру котораго она рисковала скомпрометировать.

— Я люблю больше Христа, чѣмъ моего сына,—отвѣтила она.

Когда этотъ сынъ выросъ, его мать, въ 1671 году, тайно постриглась въ монахини подъ именемъ Ѳеодоры и оставила управленіе своимъ домомъ. Эта тайна не могла долго сохраняться. Черезъ годъ, когда Алексѣй праздновалъ свой бракъ съ Наталіей Нарышкиной, боярыня Морозова отказалась принять участіе въ празднествахъ, и вниманіе государя было направлено на маленькую группу женщинъ, гдѣ до сихъ поръ свободно производилось исповѣданіе и распространеніе Раскола. Долго задерживаемая гроза наконецъ разразилась. Князь Петръ Урусовъ, не зная о томъ, что и его жена принимаетъ участіе въ опальной общинѣ, сообщилъ ей, что Ѳедосья Прокопьевна будетъ арестована. Княгиня попросила позволенія пойти проститься со своею сестрою и уже болѣе ее не покидала. Ихъ обѣихъ арестовали ночью, увезли въ подземную тюрьму, потомъ раздѣлили. Переходя изъ одной тюрьмы въ другую, проходя мимо царскаго дворца и думая, что Алексѣй смотритъ на нее, Ѳедосья Прокопьевна подняла съ усиліемъ свою руку, отягченную цѣпями, и осѣнила себя двуперстнымъ крестомъ.

Обѣ сестры жили около года, заключенныя въ двухъ монастыряхъ, гдѣ строго охранялись, и несмотря на это находили средство видѣться другъ съ другомъ. Болѣе или менѣе преданные расколу, сторожа и монахини ухитрялись не выполнять приказовъ своихъ начальниковъ. Нѣкоторые священники изъ ихъ лагеря даже посѣщали арестованныхъ, и по легендѣ даже самъ Алексѣй часто ѣздилъ въ тотъ монастырь, гдѣ была заключена княгиня Урусова. Подолгу простаивая подъ окнами ея кельи, онъ сожалѣлъ ее, говоря, что не знаетъ, дѣйствительно-ли она страдаетъ за правду.

Изъ всѣхъ своихъ богатствъ боярыня Морозова не сохранила ровно ничего. Все было конфисковано. Сынъ ея умеръ съ горя. Она же не слабѣла. Назначенный еще недавно патріархомъ, новгородскій митрополитъ Питиримъ, вмѣшался въ ея пользу и льстилъ себя надеждой, что приведетъ ее на добрый путь.

— Вы не знаете, что это за женщина,—сказалъ ему Алексѣй. Впрочемъ попытайтесь!

Патріархъ истощилъ все свое краснорѣчіе съ Ѳедосьей, мягко предлагая ей исповѣдаться и причаститься.

— Мнѣ некому исповѣдаться, ни причаститься.

— Есть достаточно священниковъ въ Москвѣ!

— Ни одного хорошаго!

— Я васъ самъ исповѣдаю...

— Вы ничѣмъ не отличаетесь отъ другихъ; у васъ тіара римскаго папы.

Одѣвъ свои священныя одежды, Питиримъ велѣлъ принести святое муро. Оно служило для исцѣленія людей, одержимыхъ безуміемъ. Боярыню Морозову пришлось внести въ комнату патріарха. Она говорила, что не въ состояніи держаться на ногахъ. Но она притворялась, потому что не хотѣла оставаться стоя передъ никоніанцами. Въ 1667 году во время собора, судившаго его, Аввакумъ тоже сдѣлалъ видъ, что хочетъ лечь. Вдругъ крутицкій митрополитъ въ качествѣ ассистента патріарха подошелъ къ ней съ жезломъ, омоченнымъ въ священное масло, и хотѣлъ съ нея снять головной уборъ. Ѳедосья Прокопьевна вскричала:

— Не трогайте меня! Не заставляйте погибнуть бѣдную грѣшницу!

Она такъ сильно отбивалась, что, согласившись съ царемъ и уступая своему гнѣву, Питиримъ велѣлъ выгнать вонъ „бѣшеную". По словамъ Аввакума, стрѣльцы, караулившіе несчастную, выполняя приказаніе, вытащили ее во дворъ, схвативъ ее за цѣпь, висѣвшую у ней на шеѣ, „да такъ, что она пересчитала головою всѣ ступени лѣстницы".

Въ свою очередь княгиня Урусова подверглась той же пыткѣ, но, сорвавъ покрывало, покрывавшее ея голову, что считалось въ то время безстыдствомъ, она вскричала:

— Что вы дѣлаете, безстыдные люди! Развѣ не видите, что я женщина?

На слѣдующую ночь обѣ сестры, какъ и Марія Данилова, были подвергнуты допросу въ присутствіи князей Ивана Воротынскаго и Якова Одоевскаго и дьяка Думы, Илларіона Иванова. Раздѣтыя до пояса, онѣ подверглись вздергиванію на дыбу и испытанію огнемъ, но не проявили ни малѣйшей слабости. Съ вывихнутыми руками, со спинами, покрытыми ужасными ранами, онѣ оставались три часа на снѣгу, не обратившись, по свидѣтельству Аввакума, ни съ одной жалобой къ своимъ мучителямъ.

Алексѣй былъ смущенъ, патріархъ высказался за примѣненіе закона, и монахиня Маланья объявила своимъ со-

товаркамъ, что онѣ будутъ непремѣнно сожжены. Но было не такъ легко примѣнить къ Морозовой такое наказаніе! Бояре взволновались, и Печерскій монастырь, гдѣ была заключена Ѳедосья Прокопьевна, сталъ предметомъ тревожныхъ манифестацій. Передъ его воротами ежедневно происходили бурныя собранія. Сестра царя, особенно нѣжно любимая имъ Ирина, упрекала Алексѣя въ жестокости, припоминала ему заслуги Бориса Морозова, въ которомъ онъ видѣлъ второго отца. Судя по легендѣ, Алексѣй еще разъ пытался перейти къ увѣщаніямъ. Одинъ стрѣлецкій капитанъ получилъ приказъ предложить Ѳедосьѣ только поднять руку съ тремя сложенными пальцами, обѣщая ей, что въ такомъ случаѣ царь пришлетъ ей свою собственную карету съ великолѣпными лошадьми и свитою изъ бояръ для возвращенія домой.

— У меня были великолѣпные экипажи,—возразила она, —и я о нихъ не сожалѣю. Велите меня сжечь: это единственная честь, которой я не испытала и которую сумѣю оцѣнить.

Этотъ эпизодъ кажется сомнительнымъ, по крайней мѣрѣ въ подробностяхъ. Государь, безъ всякаго сомнѣнія, послалъ бы для выполненія порученія болѣе достойнаго посредника. Но Ѳедосья не была сожжена. Ее отправили въ Боровскъ вмѣстѣ съ обѣими подругами. Три эти женщины тамъ жили изолированно въ тюрьмахъ, вырытыхъ въ землѣ, въ землянкахъ и, такъ какъ онѣ упорно держались своего, то имъ давали съ каждымъ днемъ все меньше пищи. Страданія ихъ возбудили общую симпатію, а въ нѣдрахъ Раскола Аввакумъ дѣятельно восхвалялъ ихъ достоинства. Сравнивая ихъ теперь съ „стоглазыми херувимами“, съ „шестикрылыми серафимами“ и еще съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ и св. Григоріемъ, онъ почти дошелъ до ихъ обоготворенія. Особенно Ѳедосья возбуждала въ немъ удивленіе и страстное поклоненіе. Удѣляя ей особое мѣсто въ „единствѣ божественной троицы“, назвавъ ее благословенной среди всѣхъ женщинъ, онъ сравнивалъ ее съ Христомъ и примѣшивалъ къ этимъ крайнимъ гиперболамъ болѣе простые звуки, исходившіе изъ глубины его сердца.

— „Милый другъ, живы ли вы еще или васъ сожгли, или задушили? Я ничего не знаю, я ничего не слышу! Жива ли она? Или она мертва?“

Онъ иногда начиналъ упрекать ее, когда она, какъ ему казалось, спускалась съ высотъ, куда онъ хотѣлъ ее возвести. Развѣ она не должна была быть самою совершенною между всѣми? Но въ то же время онъ писалъ ея товаркамъ: она ангелъ, а вы только бабы.

Евдокія Урусова умерла въ октябрѣ 1675 года, а ея сестра мѣсяцемъ позже. Одинъ современникъ описалъ въ трогательной формѣ послѣднія минуты „святой", упоминая о величайшей просьбѣ, съ которой она обратилась къ своимъ стражамъ, прося ихъ снять тайно и вымыть единственную рубашку, которая была на ней, такъ какъ она желала въ чистомъ видѣ явиться передъ лицомъ Господа.

Такіе примѣры со всѣми тѣми трогательными и страстными чертами, которыя были имъ приданы легендой, дали Расколу импульсъ, котораго не могли уже остановить никакія мѣры строгости. Казалось, что первые вѣка христіанства ожили въ исторіи новыхъ исповѣдниковъ истинной вѣры. Бунтъ нѣсколькихъ фанатиковъ обряда принялъ характеръ большого народнаго движенія, предназначеннаго дѣйствительно распространиться съ неудержимою силою.

V.

Развитіе раскола.

Аввакумъ и его товарищи не оставались бездѣятельными въ ихъ отдаленномъ пустозерскомъ изгнаніи, не переставали привлекать къ себѣ вниманіе своихъ единовѣрцевъ. Содержимые въ мрачныхъ тюрьмахъ, получая въ день лишь по полутора фунта плохого хлѣба съ небольшимъ количествомъ квасу, они не теряли энергіи. Аввакумъ и Лазарь писали царю посланія, остававшіяся безъ отвѣта, но получившія огромную извѣстность. Въ то же время въ Москвѣ распространился слухъ, будто бы у Лазаря и Епифанія вновь чудесно отросли языки, отрубленные палачемъ, такъ что эти иноки могли говорить. Мы обязаны самому Аввакуму естественнымъ объясненіемъ этого чуда: можетъ быть, преданный дѣлу своихъ жертвъ, палачъ произвелъ лишь по виду экзекуцію. Но, если вѣрить апостолу,

то процессъ отрубанія былъ снова выполненъ въ Пустозерскѣ и съ тѣмъ же результатомъ; черезъ три дня языки приняли ихъ первоначальную форму. У Лазаря также была отрублена правая рука и, когда она упала на землю, то ея пальцы сложились въ двухперстный крестъ.

Черты изъ біографіи Іоанна Дамаскина и Максима Исповѣдника не были, очевидно, чужды подобнымъ выдумкамъ.

На дѣлѣ когда усилилась агитація, распространяемая изгнанниками, въ Пустозерскъ былъ посланъ въ 1670 году стрѣлецкій капитанъ, присутствовавшій тамъ при новыхъ казняхъ, которыя не оказали никакого вліянія. Лазарь, Епифаній и Ѳеодоръ послѣ того, какъ имъ дѣйствительно уже вырвали языки, оставались попрежнему непоколебимыми въ убѣжденіяхъ, которыя они исповѣдывали.

Аввакумъ былъ пощаженъ палачами, но раздѣлилъ усиленныя строгости общаго заключенія, увеличивая ихъ еще добровольнымъ умерщвленіемъ плоти. Отказавшись отъ одежды, даже зимою, воздерживаясь отъ всякой пищи впродолженіе цѣлыхъ недѣль, онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ уже громко молиться. Тогда онъ впалъ въ экстазъ, почувствовалъ, что онъ необыкновенно увеличился въ размѣрѣ, вообразилъ, что самъ Богъ „вложилъ въ него землю, небо и все твореніе“, и написалъ Алексѣю: „живя на свободѣ, ты владѣешь лишь одной Россіей, а мнѣ плѣнному Христосъ далъ небо и всю землю“.

Благодаря сообщникамъ, находившимся вокругъ нихъ, плѣнники могли переписываться и сообщаться почти свободно съ внѣшнимъ міромъ. Аввакумъ поддерживалъ переписку съ Москвою, Мезенью, гдѣ жила его семья, и Боровскомъ, гдѣ умирала бѣдная Морозова. На клочкахъ бумаги, заботливо собираемыхъ приверженцами раскола, онъ излагалъ продукты своихъ размышленій. Среди его сочиненій автобіографія, въ двухъ собственноручныхъ изданіяхъ, извѣстное количество комментаріевъ на псалмы, различные труды по богословію и полемикѣ и нѣсколько десятковъ писемъ относятся къ этой эпохѣ. Его товарищи подражали ему, обсуждая съ нимъ различныя проблемы доктрины или дисциплины и опубликовывая многочисленныя посланія, въ которыхъ они излагали свое мнѣніе.

Такимъ образомъ Пустозерскъ становился центромъ религіозной пропаганды, горячимъ очагомъ, распространявшимъ далеко свои лучи.

Первые проповѣдники раскола, относительно самые образованные, слѣдуетъ замѣтить, и самые одаренные: Ѳеоктистъ, Нероновъ, Никита Пустосвятъ оставили сцену, мертвые или вынужденные молчать отъ ужаса. Нѣкоторые изъ нихъ должны были позже снова получить голосъ, но, пока что „отцы Пустозерска", какъ ихъ называли, одни пользовались авторитетомъ. Ихъ слова собирали, какъ слова какого нибудь оракула, къ нимъ обращались во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ.

Одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ и наиболѣе тяготѣвшихъ надъ расколомъ вопросовъ былъ вопросъ о священствѣ. Мы видѣли уже неувѣренность, съ которой Аввакумъ блуждалъ въ этомъ вопросѣ; Пустозерскіе оракулы стремились установить различіе среди членовъ клира, смотря по тому, получили-ли они свою санкцію до или послѣ Никона. Только къ первымъ можно было прибѣгать въ религіозныхъ нуждахъ, хотя тоже съ осторожностью и въ случаѣ абсолютной необходимости. Аввакумъ и его товарищи въ то время совершенно не заботились о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя вытекали изъ такого принципа. По примѣру первыхъ христіанъ они не думали о будущемъ, такъ какъ они не признавали его. Они вѣрили въ скорый конецъ міра. Мы еще возвратимся къ этому пункту.

Ихъ мнѣніе въ этомъ вопросѣ дошло до насъ въ трехъ редакціяхъ, дающихъ разницу только въ деталяхъ. Оно должно было послужить базою для доктрины безпоповцевъ, проповѣдующихъ конецъ всякой іерархіи, необходимость второго крещенія и замѣну „духовнымъ причастіемъ" таинства евхаристіи. Лично Аввакумъ однако не принялъ эти идеи, и вынужденъ былъ позже опровергать ихъ очень энергично, но его голосъ, обыкновенно властный, совсѣмъ не былъ рѣшительнымъ въ данномъ случаѣ. Его товарищи по заключенію занялись составленіемъ раскольничьего credo и разногласіе между ними касалось самыхъ существенныхъ пунктовъ христіанской догматики, но чаще предметовъ значительно меньшей важности.

Именно по поводу Троицы, не той, гдѣ фигурировали

яхонтъ, изумрудъ и яшма, но другой, Аввакумъ дошелъ до того, что назвалъ Θеодора „щенкомъ“, и проклиналъ его. Другой разъ онъ упрекалъ его за то, что тотъ поддерживалъ недопустимое предположеніе, будто бы Христосъ вошелъ къ Богоматери въ ухо и вышелъ изъ бока, когда текстъ Іезекіиля (XLIV, 2) устанавливаетъ, напротивъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что Онъ шелъ обыкновеннымъ путемъ, „пробивая себѣ проходъ“. На дѣлѣ Θеодоръ не говорилъ ничего подобнаго. Очень корректно онъ удовольствовался принятіемъ матеріальнаго воплощенія тогда, какъ Аввакумъ училъ простое вхожденіе божественной благодати, причемъ Сынъ остается безусловно нераздѣльнымъ отъ Отца,—тезисъ противоположный общему ученію всѣхъ христіанскихъ церквей и между тѣмъ принятый большею частью раскольниковъ.

Въ дѣлѣ полемики апостолъ меньше всего заботился о лойяльности, а большинство его учениковъ совсѣмъ не были къ ней пріучены. Значительно умнѣе и образованнѣе своего противника, Θеодоръ тѣмъ не менѣе дважды былъ осужденъ своими единовѣрцами и исключенъ изъ числа „отцовъ“. Желая оправдаться, онъ написалъ маленькую книгу, но Аввакуму удалось ее захватить, онъ вырвалъ изъ нея и опубликовалъ нѣсколько отрывковъ, компрометировавшихъ въ такомъ отрывочномъ видѣ автора. Остальное онъ уничтожилъ и наложилъ на несчастнаго дьякона жестокую эпитемію, при которой онъ самъ присутствовалъ.

Для торжества своихъ идей, воодушевленный абсолютной своей убѣжденностью, Аввакумъ не разбирался въ средствахъ и еще менѣе въ аргументахъ. Онъ черпалъ ихъ широко въ апокрифической литературѣ, какъ и въ своемъ собственномъ воображеніи, обнаруживая при этомъ свою очень оригинальную, но временами довольно грубую фантазію. Этому способствовало прогрессивное измѣненіе его умственныхъ способностей. Менѣе устойчивый, чѣмъ его физическая структура, его духъ не могъ противостоять извѣстному намъ режиму. Обратясь въ 1669 году къ Алексѣю съ жалобой, которую онъ называлъ послѣднею, хотя за ней послѣдовало нѣсколько другихъ, путаясь въ дебряхъ лиризма, не лишеннаго своеобразнаго краснорѣчія, Аввакумъ, впрочемъ, соблюдалъ еще нѣкоторую мѣру и пускалъ въ ходъ нѣкоторую дипломатію.

„Теперь,—писалъ онъ,—изъ моей тюрьмы, какъ изъ

могилы, въ слезахъ я обращаю къ тебѣ это послѣднее воззваніе... Сжалься не надо мною, но надъ твоею душою! Скоро, не оказавъ намъ справедливаго суда съ такими отступниками, ты предстанешь вмѣстѣ съ нами передъ лицомъ Верховнаго Судьи. Тамъ твое сердце въ свою очередь будетъ сковано страхомъ, но мы не будемъ въ состояніи помочь тебѣ. Ты отказалъ намъ въ гробницахъ у святыхъ церквей, хвала тебѣ за это! Развѣ лучше былъ удѣлъ святыхъ мучениковъ? Чѣмъ больше ты насъ осуждаешь, мучаешь и заставляешь томиться, тѣмъ больше мы тебя любимъ, о, государь! рѣшивъ молиться за тебя до смерти... Но на небѣ мы не сможемъ тебѣ больше помочь, такъ какъ ты отказался отъ спасенія. Оставивъ твое призрачое царство, желая достигнуть вѣчнаго пристанища, ты унесешь съ собою только гробъ и саванъ. Что касается меня, то я обойдусь безъ того и другого. Мое тѣло будетъ растерзано собаками и хищными птицами. Что же изъ этого! Мнѣ будетъ хорошо спать на голой землѣ, пользуясь свѣтомъ въ видѣ одежды и небомъ вмѣсто крыши. И, несмотря на то, о, господинъ, что ты хотѣлъ этого, я тебя благословляю еще разъ моимъ послѣднимъ благословеніемъ".

Въ 1681 году наслѣдовалъ своему отцу царевичъ Ѳеодоръ. Аввакумъ рѣшилъ, что можетъ теперь измѣнить свой тонъ, и на этотъ разъ обнаруживается уже очень явно смятеніе его ума. Обращаясь отъ отца къ сыну, онъ говорилъ, будто бы ему было свыше сообщено, что умершій государь искупилъ ужасными мученіями преступленія, въ которыя вовлекли его никоніанцы и въ наивныхъ выраженіяхъ онъ требуетъ своего освобожденія, чтобы, на подобіе Ильи, истребить всѣ исчадія сатаны.

Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ приказъ, осуждавшій къ сожженію на кострѣ автора этого посланія съ тремя изъ его товарищей: Лазаремъ, Епифаніемъ и Никифоромъ. Дата казни (10 апрѣля 1681 г.) сомнительна и детали ея, дошедшія до насъ только въ литературѣ Раскола, становятся благодаря этому, подозрительны. Аввакумъ будто бы предвидѣлъ свой конецъ, распорядился кое-какимъ оставшимся у него имуществомъ и распредѣлилъ свои книги. Уже на кострѣ онъ обратился съ рѣчью къ своимъ слушателямъ, поднявъ два пальца и говоря: „молитесь и креститесь такъ,

и божественная милость будетъ съ вами; въ противномъ случаѣ песокъ покроетъ тѣ мѣста, гдѣ вы живете, и наступитъ конецъ міра". Когда пламя окружило его съ его товарищами и одинъ изъ нихъ сталъ кричать, онъ будто бы наклонился къ нему и сталъ его утѣшать.

Вѣрно лишь то, что событіе это произвело огромное впечатлѣніе и далеко не остановило движенія, душою котораго были эти жертвы; оно, наоборотъ, еще расширилось. Это аутодафе составляло только часть цѣлаго ряда репрессивныхъ мѣръ, которыя были приняты на Соборѣ 1681 года: какъ-то созданіе новыхъ эпархій для укрѣпленія вліянія офиціальнаго клира; организація спеціальной полиціи; запрещеніе всѣмъ подданнымъ царя давать у себя убѣжище диссидентамъ; уничтоженіе пустынь и церквей, принадлежавшихъ расколу и суровое примѣненіе духовныхъ и гражданскихъ законовъ по отношенію къ схизмѣ. Поражая, съ одной стороны, ея вождей, думали, съ другой стороны, сдѣлать невозможной жизнь для ихъ учениковъ. Всюду выслѣживая ихъ черезъ массу агентовъ, гоня ихъ изъ одной деревни въ другую, раскрывая ихъ убѣжища даже въ лѣсахъ, думали, что они исчезнутъ совершенно.

Но они размножались. Строгости прежде всего начались слишкомъ поздно. Какъ это и констатировалъ Соборъ 1681 года, раскольники до сихъ поръ пользовались полною терпимостью и даже въ Москвѣ могли свободно заниматься дѣятельною пропагандою, при чемъ публичная продажа ихъ сочиненій всюду распространяла ученіе Раскола. Кромѣ того дѣйствіе репрессивныхъ мѣръ, вновь принятыхъ, парализовалось непослушностью пущенныхъ въ ходъ орудій. На дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, этотъ походъ приводилъ лишь къ широкой эксплуатаціи преслѣдуемыхъ преслѣдователями. Въ одной деревнѣ оставляли въ покоѣ диссидентовъ, потому что они уплатили карточный долгъ старосты. Въ другомъ мѣстѣ шуба, поднесенная женѣ воеводы, служила выкупомъ для многихъ запрещенныхъ общинъ. Въ первый моментъ раскольники переходили массами границу, находя себѣ убѣжище въ Швеціи, въ Крыму, на Кавказѣ, особенно въ Сибири или даже въ Турціи, въ Молдавіи, въ Пруссіи и въ Австріи. Но исчезнувшіе немедленно замѣнялись новыми прозелитами и въ концѣ концовъ, благодаря преслѣдованіямъ, расколъ

развивался не по днямъ, а по часамъ, по выраженію одного историка.

Политическое, соціальное и моральное положеніе страны, самое ея географическое положеніе помогали этому, разстраивая самое энергичное противодѣйствіе. Еще разъ, послѣ смерти Ѳеодора, Москва впала въ кризисъ, ставившій на карту самое существованіе имперіи. Въ маѣ 1682 года разыгрывается знаменитый Стрѣлецкій бунтъ, въ которомъ Расколъ играетъ значительную роль. Диссиденты собираются громадными массами на улицахъ столицы, всячески помогая возставшимъ.

Осужденный многократно и помилованный, наружно примирившійся съ офиціальною церковью, но выжидая лишь момента порвать съ нею, бывшій суздальскій попъ, Никита Пустосвятъ, фигурируетъ во главѣ ихъ. Одно время онъ и его приверженцы были хозяевами города. Разставивъ аналои со своими книгами на Красной площади, съ зажженными свѣчами, они проповѣдуютъ свою вѣру, потомъ процессіей входятъ въ Кремль и завязываютъ тамъ бурные споры. Въ присутствіи патріарха и правящей царевны Никита бьетъ по лицу холмогорскаго архіепископа Аѳанасія.

Приведенные въ повиновеніе путемъ убѣжденій и щедрости Софіи, стрѣльцы оставили своихъ союзниковъ, и 21 іюля 1682 года Никитѣ Пустосвяту отрубили голову.

Но расколъ уже царилъ повсюду.

Съ 1667 года ученики Капитона проповѣдывали его по-своему въ Костромской области; старый типографъ Иванъ распространялъ его ученіе во Владимірской области; Ефремъ Потемкинъ и іеромонахъ Авраамъ вербовали себѣ прозелитовъ въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода, Ветлуги и Балахны. Въ Смоленскѣ протопопъ Серапіонъ, дальше на сѣверъ—отцы изъ монастыря св. Кирилла, дальше къ югу, на Дону, монахи Досифей и Корнилій организовали другіе центры пропаганды. Повсюду появлялись святые, пустынники, странствующіе проповѣдники, постники, ясновидцы, предсказывавшіе единодушно пришествіе царства Антихриста и конецъ міра.

На обширномъ сѣверномъ берегу, въ частности, въ области Олонеца и Каргополя, среди огромныхъ лѣсовъ и пустынныхъ земель, недоступныхъ озеръ и болотъ, Расколъ

нашелъ себѣ неприступную крѣпость. То же и по тѣмъ же причинамъ въ окрестностяхъ Вологды, Владиміра, Ярославля. Въ Вологдѣ пропаганда нашла себѣ въ ежегодной ярмаркѣ благопріятное поле дѣятельности. Казаки открыли расколу свободный доступъ въ Саратовскія степи, вдоль маленькой рѣчки Кумишанки, соединяющей Донъ съ Волгою,—готовые быстро откликнуться на всякое революціонное слово. Расколъ вошелъ этимъ путемъ на востокѣ въ сношеніе съ областью Воронежа, гдѣ Москва еще не успѣла встать твердою ногою, а на западѣ съ польскою Украйною, гдѣ власти республики тайно сочувствовали ему.

По берегамъ Днѣпра мѣстное населеніе держалось въ сторонѣ отъ движенія, подчиняясь восточнымъ патріархамъ, напротивъ того, великорусскіе эмигранты, очень многочисленные въ этихъ мѣстахъ, пристали къ нему съ воодушевленіемъ, и на Дону, въ традиціонномъ убѣжищѣ всѣхъ бунтовщиковъ, диссиденты нашли себѣ вторую родину.

У насъ почти отсутствуютъ свѣдѣнія о первыхъ проповѣдникахъ раскола въ бассейнѣ этой великой рѣки,—о Корниліѣ и Досифеѣ. Въ этой мѣстности расколъ вступаетъ въ исторію лишь съ Іовомъ Тимофеевымъ, сыномъ одного литовскаго дворянина, стариннымъ слугою Филарета, во время плѣна будущаго патріарха въ Польшѣ, и основателемъ въ 1672 году монастыря на берегу Чира, въ 50 верстахъ отъ его соединенія съ Дономъ.

Уже очень старый,—онъ умеръ въ 1680 году почти ста лѣтъ отъ роду,—Іовъ, повидимому, не занимался прозелитизмомъ въ этомъ убѣжищѣ и искалъ лишь въ немъ уединенія и личнаго покоя. Но въ 1685 году, прибывъ на Чиръ, другой Досифей, уже игуменъ монастыря, сожженнаго нижне-новгородскимъ митрополитомъ Питиримомъ, привлекъ къ ученію большое количество казаковъ. Появились еще пустыни на сосѣднихъ теченіяхъ Хопра и Медвѣдицы; размножились и новыя секты. Извѣстный Ѳеодосій занимался вторымъ крещеніемъ своихъ приверженцевъ; основываясь на текстѣ, приписываемомъ Эздрѣ, знаменитый попъ Самойла проповѣдывалъ въ Черкассахъ близкій конецъ міра и, основываясь на той же базѣ эсхатологическихъ вѣрованій, Кузьма Ларіоновъ, называемый Косымъ, насчитывалъ до двухъ тысячъ учениковъ.

Въ этой средѣ политическій элементъ не замедлилъ взять верхъ надъ религіознымъ. Вызванная Стрѣлецкимъ бунтомъ и поддерживаемая безпрестанными волненіями, слѣдовавшими за этимъ во все время регентства Софіи,—сильная агитація закончилась въ 1688 году всеобщимъ возстаніемъ. Но отъ этого не выиграло религіозное единство раскола.

Расколъ существовалъ повсюду, но въ видѣ маленькихъ общинъ, изолированныхъ, часто разсѣянныхъ, связанныхъ лишь смутною, полною шатаній и противорѣчій догмою, лишенный съ исчезновеніемъ „отцовъ Пустозерска" центральнаго очага своего. Матеріальная разбросанность по огромной территоріи и моральная шаткость исповѣдующихъ его неорганизмовъ, постоянно мѣняющихъ свою физіономію, создавали для русскаго раскола еще больше, чѣмъ для протестантства на западѣ, условія, при которыхъ ему пришлось неизбѣжно подчиниться дѣйствію этихъ разлагающихъ силъ.

VI.

Секты.

Вскорѣ должна была произойти первая распря между центромъ имперіи и южною Украйною, съ одной стороны, и сѣвернымъ берегомъ и Сибирью съ другой, по поводу щекотливаго вопроса о церковной іерархіи. Со смертью въ 1656 году Павла Коломенскаго, единственнаго прелата, оставшагося до конца вѣрнымъ Расколу, у послѣдняго уже не осталось ни одного епископа. Только получившіе санъ до реформы Никона допускались Аввакумомъ, но такихъ оставалось уже немного и проблема становилась чрезвычайно острой. Она разрѣшалась различно не только въ разныхъ общинахъ, но давала мѣсто жестокимъ спорамъ въ средѣ каждой изъ нихъ. Однѣ изъ нихъ утверждали возможность спасенія внѣ обращенія къ правильно установленному церковному авторитету, другія думали, что неотложная нужда можетъ заставить вѣрующихъ принимать священниковъ, поставленныхъ никонианствомъ, но порвавшихъ потомъ связи съ офиціальною церковью.

Первая доктрина господствовала на сѣверѣ и въ Сибири, какъ въ странѣ, гдѣ недостатокъ церковной организаціи уже

давно пріучилъ большую часть жителей манкировать церковною службою и таинствами. Насчитывая нѣсколько адептовъ въ центрѣ и на югѣ, хотя и связанная исторически съ проповѣдью Капитона въ Костромѣ и Вязникахъ, безпоповщина нашла себѣ тѣмъ не менѣе наибольшее развитіе въ менѣе населенной сѣверовосточной области. Вліяніе протестантства сыграло тамъ извѣстную роль, хотя на дѣлѣ безпоповцы просто замѣняли одну іерархію другою, свидѣтельствуя о своемъ крайнемъ уваженіи къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыхъ они сами себѣ назначали.

Аввакумъ однажды отождествилъ съ прелюбодѣяніемъ бракъ, не заключенный офиціальнымъ священникомъ. Безпоповцы же рѣшили, что за исключеніемъ крещенія и исповѣданія, которыя по нѣкоторымъ произвольно толкуемымъ текстамъ могутъ быть производимы свѣтскими людьми, для всѣхъ другихъ таинствъ совсѣмъ не нужны священники. Отсюда произошелъ постулатъ и объ общемъ безбрачіи, породившій впослѣдствіи много безпорядковъ. Вожди Раскола были искренни. Одинъ изъ нихъ, Семенъ Денисовъ, желая дать этому личный примѣръ, дошелъ до того, что воздерживался отъ разговора наединѣ даже съ собственною сестрою Саломеей, игуменьею одного монастыря. Но примѣръ не имѣлъ подражателей. Опираясь на авторитетъ Аввакума, теорія и практика свободнаго соединенія имѣли болѣе многочисленныхъ приверженцевъ. Въ сектѣ дьякона Степана, въ Степановщинѣ, монахи и монахини жили въ однѣхъ кельяхъ, т.-е. „клали огонь возлѣ лѣса“, по выраженію св. Димитрія Ростовскаго. Образовались новые обряды, гдѣ за неимѣніемъ священниковъ службу отправляли уже женщины.

На югѣ цѣною цѣлаго ряда непослѣдовательностей поповщина избѣжала этихъ заблужденій, но оказалась въ явномъ противорѣчіи съ общей точкою зрѣнія на положеніи церкви, пришествіе Антихриста и конецъ міра. Впрочемъ, въ обоихъ центрахъ раскола никогда не состоялось соглашеніе, даже въ томъ пунктѣ, который ихъ раздѣлялъ на отдѣльные организмы. Въ принципѣ одинъ изъ нихъ крестилъ второй разъ своихъ приверженцевъ, а другой объявлялъ эту церемонію излишнею; мѣстами между тѣмъ второе крещеніе употреблялось и поповцами, а также бывали случаи, когда безпо-

повцы выбирали себѣ священниковъ. Въ 1709 году уже насчитывалось до двадцати сектъ, слѣдовавшихъ обѣимъ системамъ, каждая по своему.

Съ теченіемъ времени поповщина должна была практически придти къ созданію автономной іерархіи, соперницы офиціальной. Теоретически она оставалась долго вѣрной эсхатологическимъ вѣрованіямъ, исключавшимъ эту организацію и составлявшимъ къ концу семнадцатаго вѣка самую характерную черту раскола и почти единственный пунктъ доктрины, на которомъ объединялись диссидентскія группы.

VII.

„Конецъ міра".

Эти вѣрованія связывались, какъ мы это уже знаемъ, съ тезисомъ „третьяго Рима". Понятно, что, наслѣдуя Константинополю, православная Москва сдѣлалась въ нѣдрахъ христіанства единственнымъ убѣжищемъ истинной вѣры и лишь она одна задерживала появленіе Антихриста. Слѣдовательно, въ дѣлѣ Никона и его реформы русская церковь не была въ состояніи выполнить этой высокой миссіи, и Антихристъ долженъ былъ появиться. И онъ пришелъ. Уже въ 1596 году, подъ вліяніемъ впечатлѣнія Брестской Уніи, Стефанъ Зизаній въ комментаріи на пятнадцатую главу Св. Кирилла Іерусалимскаго отнесъ это событіе къ восьмитысячному году отъ сотворенія міра. Въ 1648 году другая работа, обнародованная въ Москвѣ подъ названіемъ Книги вѣры, очень популярная, воспроизводила ту же идею. Вспомнили, что, по Апокалипсису, Сатана скованъ пришествіемъ Христа на тысячу лѣтъ и рѣшили, что моральное паденіе Рима совпало съ этимъ указаніемъ. Послѣ этого надо было ждать и другихъ болѣе ясныхъ знаковъ побѣдоносной мощи проклятаго. Посредствомъ фантастическихъ вычисленій согласили дату, принятую прежде для пришествія Антихриста, съ Соборомъ 1666 года, на которомъ была окончательно рѣшена реформа. Нѣсколько апокалипсическихъ данныхъ и форма звѣря объяснялись именно въ этомъ смыслѣ. Аввакумъ утверждалъ, будто бы онъ видѣлъ чудовище и давалъ ему описаніе; его видъ былъ ужасенъ; тѣло его распространяло

отвратительное зловоніе, изъ носа и ушей оно метало ядовитое пламя.

Большая часть раскольниковъ отождествляла его сначала съ Никономъ и примѣняла къ бывшему патріарху тексты Писанія, приписывая ему родителей-язычниковъ, окружая всѣ событія его жизни демонами и змѣями. Но когда Никонъ умеръ, не получивъ власти надъ міромъ, эти выдумки были оставлены. Одни упорно держались того мнѣнія, что онъ продолжаетъ жить, скрываясь въ Псковѣ, другіе предполагали, что онъ воскреснетъ. Аввакумъ кончилъ тѣмъ, что утверждалъ, что бывшій патріархъ былъ лишь предтечею. Но тогда пришлось пересмотрѣть вычисленія, относящіяся къ концу міра. Выросшія изъ вѣрованій, общихъ первымъ христіанамъ и тысячелѣтнихъ вѣрованій среднихъ вѣковъ, они ограничивали царствованіе Антихриста двумя годами съ половиною, послѣ чего все должно было быть уничтожено. Къ этому уже давно готовились въ различныхъ слояхъ. Когда въ 1644 году протестантскій духовникъ датскаго принца Вальдемара, Фельгаберъ, сталъ упрекать московитовъ въ невѣжествѣ, старый священникъ Вознесенскаго собора, Иванъ Пасѣдка, отвѣтилъ ему, что близкій конецъ міра дѣлаетъ безполезнымъ всякое созданіе школъ. Въ 1668 году многіе крестьяне отказались засѣвать свои поля. Черезъ годъ они оставили свои дома. Соединившись въ группы, они молились, постились, исповѣдовали другъ друга, пріобщались св. даровъ, освященныхъ еще до никоновскихъ новшествъ и ожидали звуковъ трубы архангела.

По старому преданію это событіе должно было произойти въ полночь, въ тотъ трагическій моментъ, когда луна потухнетъ, а звѣзды попадаютъ съ неба, какъ дождь урагана. Когда день кончался, ожидавшіе событія надѣвали саваны, ложились въ гробы и читали сами по себѣ заупокойныя молитвы, которымъ, какъ траурное эхо, вторилъ жалобный ревъ скота, бродившаго безъ корма.

Но прошелъ и 1669 годъ, а звѣзды все еще сіяли на своемъ мѣстѣ. Тогда исправили недавно сдѣланныя вычисленія. Явленіе Антихриста со всѣми послѣдствіями, которыя оно влекло за собою, считалось теперь отсроченнымъ жизнью Спасителя, который по новымъ представленіямъ однимъ своимъ рожденіемъ прервалъ все сатанинское дѣло. Но Никонъ былъ уже

мертвъ, и вся работа воображенія по поводу чудовища, которое являлось Аввакуму, перенеслась на другіе предметы. Постепенно Алексѣй, или вообще самодержавіе, а позже, минуя кроткаго и безобиднаго Ѳеодора Алексѣевича, Петръ Великій заняли мѣсто бывшаго патріарха.

Между тѣмъ, такъ же, какъ нѣкоторыя израильскія коммуны дѣлаютъ это по отношенію Мессіи, самые образованные раскольники кончили тѣмъ, что одухотворили это представленіе. Царствованіе Антихриста уже не имѣло въ ихъ глазахъ значенія матеріальнаго владычества. Они стали его считать положеніемъ вещей, абсолютно не соотвѣтствующимъ Царству Божью и добрыхъ христіанъ на землѣ. И добрые христіане не должны были уже ждать такой катастрофы. Она уже осуществилась и имъ оставалось одно средство для спасенія: смерть.

VIII.

Коллективное самоубійство.

Почва уже была давно подготовлена для развитія подобной идеи. Практика коллективнаго самоубійства, какъ кажется, родилась въ Волосатовщинѣ, одной изъ сектъ, создавшейся благодаря проповѣди Капитона. Простой крестьянинъ безъ всякаго образованія, родомъ изъ маленькаго мѣстечка Сокольска, въ теперешней Владимірской губерніи, основатель этой общины Василій Волосатый лишь закрѣпилъ обычныя формы аскетизма, столь почитаемаго въ пустыняхъ. Онъ воздерживался даже отъ стрижки и расчесыванія своихъ волосъ, оттуда и его прозвище—Волосатый. Но, доведя до послѣдней крайности доктрину своего учителя, съ своею неотразимою логикою онъ замѣнилъ умерщвленіе плоти полнымъ ея разрушеніемъ.

Способъ самоуничтоженія, принятый почти всѣми учениками этого „законодателя самоубійства“, какъ его называютъ писатели раскола, состоялъ въ постѣ до самой смерти, и первые случаи подобнаго рода, извѣстные намъ, относятся къ 1660 году. Мы не знаемъ подробностей коллективныхъ жертвоприношеній, организованныхъ на этомъ основаніи Воло-

сатымъ въ Вязникахъ, но зато знаемъ, что позже, въ Ветлугѣ или въ Выгозерѣ, одинъ старикъ основалъ для этой цѣли спеціальное учрежденіе, правильно функціонировавшее. Добровольныхъ постниковъ вводили черезъ крышу въ зданіе безъ дверей и оконъ. Ихъ насчитывали сотнями. Мрачный жертвоприноситель закрывалъ отверстіе послѣ того, какъ туда входила послѣдняя жертва, и для большей вѣрности ставилъ вдоль стѣны пять или шесть сторожей, снабженныхъ дубинами. Послѣ двухъ дней, проведенныхъ въ молитвѣ, плѣнники обыкновенно просили ѣсть. Тщетно. Ни просьбы, ни мольбы, ни крики, ни сама агонія жертвъ не трогали молчаливаго старика. Большая часть запертыхъ умирала между третьимъ и шестымъ днемъ, но нѣкоторые держались гораздо дольше.

Однажды двѣ родныя сестры попали въ эту башню Уголино, о которой нельзя вспомнить безъ содроганія; третья отправилась ихъ спасти, она возмутила населеніе сосѣднихъ деревень, и жертвоприноситель долженъ былъ подвергнуться той самой казни, на которую онъ обрекалъ столько заблуждавшихся. Но ему все-таки удалось избѣжать гнѣва крестьянъ и найти даже подражателей, среди которыхъ фигурировала одна женщина.

Впослѣдствіи, развиваясь, это безумство приняло различныя формы: кончали съ собой въ водѣ, рѣзали себѣ горло ножомъ, погребали себя заживо и наконецъ сжигали себя. Послѣдній способъ взялъ потомъ верхъ, и этому особенно способствовали казни, совершенныя въ Пустозерскѣ тѣмъ же путемъ. Костры, зажженные тамъ для осужденныхъ, обратились здѣсь въ добровольныя аутодафе. Однако, несмотря на крайне дѣятельную пропаганду и очень искусную организацію, эта эпидемія самоубійства не распространялась повсюду. Свирѣпствуя со страшною интенсивностью на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ, по верхней Волгѣ до Нижняго, а также въ окрестностяхъ Новгорода, въ области Онеги, на всемъ сѣверномъ побережьѣ и въ Сибири, она почти пощадила центральныя области, гдѣ царила поповщина.

Главный очагъ этой эпидеміи былъ сосредоточенъ въ мѣстѣ ея происхожденія, въ теперешнихъ губерніяхъ: Владимірской, Костромской и Ярославской, именно въ Вязьникахъ, въ Пошехоньѣ и въ Романовѣ. Служа колыбелью мо-

сковскаго государства, центромъ его самой дѣятельной промышленной и торговой жизни, эта область являлась вообще мѣстомъ зарожденія большинства политическихъ, соціальныхъ и моральныхъ ферментовъ. Но, исходя оттуда, это движеніе распространилось главнымъ образомъ по окраинамъ.

Первая идея о самоубійствѣ посредствомъ огня явилась у Волосатаго; его ученики всегда любили ссылаться на авторитетъ Аввакума, одобрявшаго дѣйствительно въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писаній этотъ обрядъ. Такъ въ первомъ (или въ третьемъ по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ) изъ своихъ посланій къ Симеону, онъ высказывался по поводу одного аутодафе, въ 1672 г., которое составило эпоху въ Нижнемъ-Новгородѣ. Но „апостолъ", кажется, по этому случаю впалъ въ ошибку: Симеонъ убѣдилъ его, что раскольники Нижняго предали себя смерти, желая избавиться отъ матеріальнаго насилія, угрожавшаго ихъ вѣрѣ, тогда какъ на дѣлѣ они совершили это благодаря вспышкѣ религіозной экзальтаціи.

Трудно уловить въ этомъ отношеніи мысль Аввакума, такъ какъ защитники самоубійства осложнили эту проблему, распространяя за подписью „апостола" ими же составленныя писанія. Не одобряя по временамъ самоуничтоженія въ качествѣ орудія духовнаго спасенія и рекомендуя его только, какъ крайнее средство сохраненія чистоты вѣры, въ другое время онъ говоритъ о немъ, какъ о средствѣ, избираемомъ истинными вѣрующими „для спасенія души". Всегда при этомъ—можетъ быть, намѣренно—онъ выражается неточными терминами. Между тѣмъ онъ не признавалъ невозможнымъ бороться съ царствомъ Сатаны, ни необходимости вслѣдствіе этого избавиться отъ его власти путемъ смерти. Самъ Антихристъ признался ему въ своемъ безсиліи подчинить себѣ энергичную волю. Но самоубійство было популярно, и „апостолъ" вначалѣ даже не смѣлъ высказаться опредѣленно противъ него. Это случалось со многими, подобными ему. Потомъ онъ, кажется, былъ увлеченъ общимъ теченіемъ и къ концу своей жизни безъ всякихъ оговорокъ вдругъ остановился на идеѣ добровольнаго мученичества, подтверждая этотъ тезисъ историчекими примѣрами. „Что дѣлать, писалъ онъ тогда, для живущихъ нѣтъ могилъ". И онъ принялъ самъ рѣшеніе умереть съ голоду, но потомъ позволилъ себя разубѣдить.

Подобно ему, защитники и организаторы самоубійства рѣдко сами подавали тому примѣръ. Въ 1687 году одинъ изъ самыхъ энергичныхъ изъ нихъ, Игнатій, былъ побужденъ къ тому лишь силою. Признавая достоинство „очистительнаго огня“, другіе изъ нихъ обольщали молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ они приговаривали къ смерти. Въ Романовѣ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ соревнователей Волосатаго считался даже содомитомъ. Другіе изъ нихъ были воодушевлены самымъ гнуснымъ личнымъ интересомъ, безстыдно присваивая себѣ имущество своихъ жертвъ.

Аутодафе 1672 года въ Нижнемъ Новгородѣ является первымъ извѣстнымъ въ исторіи случаемъ коллективнаго самоубійства этого рода. Появленіе въ сосѣднихъ пустыняхъ и болотахъ пророка Ефрема Потемкина, объявлявшаго о пришествіи Антихриста, сильный голодъ, опустошавшій въ то же время страну, созданіе новой эпархіи, предназначенной для борьбы съ Расколомъ, и наконецъ казнь одного раскольника, сожженнаго по приказу новаго митрополита, являлись причинами, побуждавшими къ этому событію.

Считали, что Антихристъ не только испортилъ церковь, государство и общество, но даже самые элементы, воду, воздухъ, землю. Поэтому было необходимо умереть, такъ какъ жизнь являлась невозможною! Эта идея потомъ эволюціонировала. Образовались два теченія, одно—вышедшее изъ общей доктрины старовѣровъ, другое — изъ частнаго ученія Волосатаго: здѣсь это былъ актъ благочестія, замѣнившій собою другіе религіозные обряды, которыхъ нельзя было исполнять за недостаткомъ священниковъ. Второе крещеніе, какъ его тогда называли, это коллективное самоубійство было напротивъ понято въ видѣ средства умереть, не поступаясь своими религіозными обязанностями и „не отказываясь отъ освященія крещеніемъ“. И, доставляя удовлетвореніе самымъ различнымъ чувствамъ этими тонкими различіями, страшный обрядъ распространился въ самыхъ различныхъ кругахъ, закончивъ однако свое развитіе на новой базѣ: на вѣрѣ въ близкій конецъ міра.

Отъ 1672 до 1691 годовъ насчитываютъ тридцать семь коллективныхъ самоубійствъ, при чемъ число ихъ жертвъ было болѣе 20,000 человѣкъ. Пропагандисты иногда употребляли прямо преступныя средства. Часто они изобрѣтали

преслѣдованія, чтобы довести до сумасшествія населенія. Они пускали въ ходъ наркотическія средства, самое гнусное насиліе. Молодые люди прибѣгали къ такому средству, желая избавиться отъ своихъ женъ. Мѣстныя лѣтописи сообщаютъ при этомъ ужасающія подробности. Вотъ загорѣлся костеръ въ загородкѣ. Уже охваченный огнемъ, одинъ старикъ стремится перепрыгнуть черезъ ограду, его собственные сыновья отрубаютъ ему руки топоромъ и онъ падаетъ въ пламя. Ребенокъ десяти лѣтъ зоветъ свою мать, которой удалось спастись „изъ могилы", но его отецъ удерживаетъ его силою. Прибѣжавъ посмотрѣть на это зрѣлище, какая-то женщина рожаетъ со страху тутъ же на мѣстѣ, церковный служитель, играющій роль надсмотрщика, бросаетъ сначала въ огонь родильницу, потомъ креститъ ребенка и отправляетъ его за матерью.

Такія заблужденія, вѣроятно, неотдѣлимы отъ всѣхъ движеній, гдѣ выступаютъ на сцену человѣческія страсти. Во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи религіозный фанатизмъ вызывалъ подобные факты. Переживъ такія безумства, расколъ въ Россіи доказалъ могучую жизненную силу, которая его воодушевляла. Но онъ былъ и является въ настоящее время разрушительною силою, а въ общемъ кризисѣ, который переживала Москва въ концѣ этого вѣка, онъ былъ для нея хотя и въ другомъ смыслѣ концомъ міра, который болѣзненно отразился на этой странѣ. Вскорѣ обнаружившаяся полная невозможность создать на основаніи прошлаго новый порядокъ вещей, могущій удовлетворить законнымъ желаніямъ всего населенія, обязанность завѣщать отдаленному будущему столько безпокоющихъ проблемъ, все это создало для Россіи внутренній переломъ такой жестокій, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ раздавался только ужасный призывъ къ полному уничтоженію.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Моральный кризисъ.

1. Нравы.—2. Просвѣщеніе.—3. Двѣ школы.—4. Пріобщеніе къ европейской жизни. 5.—Литературная эволюція.—6. Искусство.—7. Революціонный духъ.

I.

Нравы.

Въ эволюціи общества нравы обыкновенно составляютъ тотъ пунктъ, гдѣ новаторскія и мизонеистическія тенденціи, стремленіе къ прогрессу и консерватизмъ особенно живо борятся другъ противъ друга. И именно въ эту эпоху, несмотря на всѣ нападки, которыя ему пришлось претерпѣть, сопротивленіе стараго московскаго духа проявилось съ особенной силой. Въ вопросахъ вѣры религіозная реформа раздѣлила всю страну на два лагеря, и въ общемъ сторонники statu quo не были въ большинствѣ. Въ образѣ жизни до появленія Петра Великаго, за нѣсколькими исключеніями, царило полное единодушіе,—если не принципіальное, то по крайней мѣрѣ фактическое—въ вѣрности традиціи. Въ сущности даже если религіозный кризисъ и достигъ подобной интенсивности, то потому, что религія сотавляла часть нравовъ и потому, что реформа нападала еще больше, чѣмъ на элементы вѣры, на образъ жизни.

Сравнивая наблюденія двухъ путешественниковъ, собранныя по этому поводу, одни въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка, а другія въ концѣ его, мы получаемъ впечатлѣніе, что образъ жизни не измѣнился.

„Дурное воспитаніе, которое они (москвитяне) получаютъ молодыми, доводитъ ихъ до того, что они слѣдуютъ слѣпо такъ называемому животному инстинкту. По природѣ своей

испорченные и совращенные, они неизбѣжно дѣлаютъ свою жизнь полной постояннаго ослѣпленія и излишествъ. Я совсѣмъ не говорю о фантазіяхъ вельможъ, но о самыхъ обыкновенныхъ расходахъ (sic...), гдѣ только слышишь о совершенныхъ ими же гнусностяхъ, или о томъ, что дѣлали другіе въ ихъ присутствіи, при чемъ они даже хвастаютъ преступленіями, которыя здѣсь были бы искуплены огнемъ. Болѣе того, такъ какъ они предаются всякому разврату и даже противоестественнымъ порокамъ, то тотъ, кто можетъ разсказать больше объ этомъ, считается у нихъ самымъ умѣлымъ человѣкомъ. Ихъ пѣсенники слагаютъ пѣсни на эти темы, а ихъ шарлатаны и скоморохи публично все это изображаютъ и не стыдятся . . . . . Вожаки медвѣдей, сопровождаемые жонглерами и маріонетками, устраиваютъ театры въ одинъ мигъ изъ простыни и въ нихъ показываютъ свои куклы и заставляютъ ихъ воспроизводить ихъ скотство и содомію, представляя эти мерзкія зрѣлища передъ дѣтьми".

Таково сообщеніе Олеарія, посѣтившаго Москву въ 1634 году, Стрюйсъ послѣдовалъ за нимъ въ 1669 году и вотъ нѣкоторыя изъ его замѣтокъ:

„У нихъ (т. е. московитянъ) видъ грубый и животный и если они всѣ сильны и крѣпки, то походятъ больше на животныхъ, съ которыми имѣютъ много общаго. Народъ этотъ родился для рабства и такъ привыкъ къ усталости и къ работѣ, что обыкновеннымъ ихъ ложемъ является скамья или столъ, а изголовьемъ солома. Ихъ образъ жизни, какъ и все остальное, носитъ естественный характеръ, и вы увидите отца, мать, дѣтей, слугъ и служанокъ у одного очага, гдѣ они производятъ свою пачкотню, не заботясь ни о какомъ благоустройствѣ. Они по природѣ такъ лѣнивы, что работаютъ лишь въ крайней необходимости, или когда ихъ принуждаютъ къ тому силою. Какъ всѣ грязныя душонки, они любятъ лишь рабство, и, становясь благодаря смерти или добротѣ своихъ господъ свободными, немедленно продаютъ себя снова, поступаютъ въ услуженіе, какъ и прежде. При всемъ своемъ трудѣ они питаются такъ плохо, что берутъ, гдѣ могутъ то, въ чемъ нуждаются. Они охотно крадутъ все, что попадается имъ подъ руку и даже убиваютъ тѣхъ, кто стоитъ на ихъ дорогѣ. Кромѣ того они очень неучтивы,

дики и невѣжественны, измѣнники, задиры, жестокіе и такъ грубы въ своихъ страстяхъ, что содомія даже не кажется имъ очень большимъ преступленіемъ и они предаются ей открыто".

Эти двѣ картины совершенно совпадаютъ, и другіе иностранные путешественники повторяютъ все это слово въ слово.

Въ 1696 году Перри замѣчаетъ—но въ этомъ онъ ошибся, —будто бы русскіе не имѣютъ на своемъ языкѣ слова для обозначенія понятія „честь". „Иностранцы, писалъ онъ, обыкновенно говорятъ, что для того, чтобы узнать, честенъ ли русскій, надо посмотрѣть, нѣтъ ли у него волосъ на ладони. Если ихъ нѣтъ, то онъ, очевидно, мошенникъ. У нихъ отсутствуетъ всякій стыдъ по отношенію къ самымъ гнуснымъ дѣламъ"...

Дневникъ Гордона приблизительно той же даты, и онъ представляетъ изъ себя какъ бы репертуаръ всякихъ гнусностей: воровства, взятокъ, мотовства, поддѣлки подписей. Люди всякаго званія, чиновники всякаго рода конкурировали между собою въ безчестіи, и самъ авторъ дневника сталъ имъ подражать, и этотъ фактъ вполнѣ доказываетъ его искренность. Мейербергъ, Нейгебауеръ, Тектандеръ, Петреюсъ, Коллинсъ, Ла Невиль, Авриль, Корбъ, Карлайль щеголяютъ такими же свѣдѣніями. Петреюсъ говоритъ о бѣдныхъ дворянахъ, которые на улицахъ вербовали любовниковъ для своихъ женъ...

Это пишутъ иностранцы, которыхъ могутъ заподозрить въ недоброжелательствѣ. Пусть такъ. Но вотъ Котошихинъ, московитъ, говоритъ намъ, что присутствовать на похоронахъ царя чистое горе, такъ какъ рискуешь тамъ быть ограбленнымъ или убитымъ. Хотя и иностраннаго происхожденія, Крыжаничъ является болѣе, чѣмъ безпристрастнымъ свидѣтелемъ, доходя до энтузіазма во всемъ, что касается его пріемной страны, но и онъ даетъ почти тѣ-же свѣдѣнія. Какъ на наиболѣе характерныя черты мѣстныхъ нравовъ, онъ указываетъ на общую лживость, грубость и дикость жителей, на ужасающее развитіе пьянства и содоміи qui habetur pro joco. Этимъ порокомъ даже публично хвастаютъ, предаются ему при свидѣтеляхъ.

По этому частному пункту у насъ имѣются впрочемъ

документы. Въ то время, когда патріархомъ былъ Никонъ, произведенная анкета сообщила объ одномъ фактѣ содоміи, совершенной архимандритомъ надъ поддъякономъ въ церкви и во время церковной службы. Возмутившіеся монахи въ Соловкахъ предъявили противъ своего игумена Варфоломея обвиненіе въ такомъ-же родѣ.

По поводу общей нечестности мы видѣли выразительное доказательство въ лицѣ самого Алексѣя по случаю смерти патріарха Іосифа.

Умершій былъ съ своей стороны довольно печальною личностью, а церковь ни въ коемъ случаѣ не давала лучшаго примѣра. Въ 1642 году протопопъ Вологодскаго собора, Ѳеодоръ, подвергся преслѣдованію за участіе въ шайкѣ разбойниковъ. Въ одномъ письмѣ, адресованномъ въ 1632 году архіепископу Сибирскому, патріархъ Филаретъ обличаетъ большое число священниковъ въ участіи въ самыхъ гнусныхъ проступкахъ, противоестественныхъ порокахъ, насиліяхъ.

Пьянство царило одинаково во всѣхъ классахъ общества. „Водка служила утѣхою обоихъ половъ, каково-бы ни было ихъ положеніе, пишетъ Олеарій; во всякій часъ и все время пьянствовали; пили даже дѣти, не морщась. Наконецъ они къ этому такъ привыкли, что по мѣрѣ увеличенія холодовъ люди закладывали все свое состояніе и готовы были скорѣе ходить нагишемъ, чѣмъ отказаться отъ вина. Женщины также не отличаются большею воздержанностью, и чтобы достать вина, онѣ занимаются проституціей даже на виду у всѣхъ“.

Секретарь посольства, посланнаго въ Москву императоромъ въ 1676 году, Лисекъ, свидѣтель исключительный. Совершенно противорѣча впечатлѣніямъ всѣхъ иностранцевъ, онъ находитъ лишь льстивыя рѣчи по адресу офиціальнаго міра и другихъ сферъ столицы: князей, бояръ, чиновниковъ, какъ и самого государя. Но люди изъ народа вызываютъ въ немъ совершенно другія воспоминанія: онъ видѣлъ ихъ грубыми и жестокими, ловкими и хитрыми въ торговлѣ, не возбуждающими никакого довѣрія: враждебными къ иностранцамъ до того, что входили съ ними въ сношенія крайне неохотно и предающимися пьянству до полной потери сознанія. Ежедневно, читаемъ мы въ его рапортѣ, мы видѣли на

повозкахъ трехъ или четырехъ мертвецки пьяныхъ. Часто также мы наблюдали, какъ мужья лежали уже безъ всякаго сознанія, жены ихъ снимали съ себя одну одежду за другою, отдавая ихъ за водку, и доводили себя до того, что падали совершенно нагими и мертвецки пьяными около своихъ мужей.

Тогда, какъ и теперь, этотъ порокъ являлся главною язвою страны и такъ-же, какъ и теперь, по тѣмъ-же причинамъ, показывая видъ, что они борются противъ этого зла, ни духовныя, ни гражданскія власти не употребляли никакихъ серьезныхъ средствъ для уничтоженія его. Въ монастыри посылались циркуляры съ запрещеніемъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, но у епископовъ были прекрасные запасы въ погребахъ и самъ реформаторъ Никонъ напивался до пьяна. Самъ непьющій, Алексѣй любилъ иногда, чтобы бояре, окружающіе его, напивались. Съ одной стороны, оказывали сопротивленіе старыя привычки, а съ другой стороны правительство не рѣшалось ограничить потребленіе спиртныхъ напитковъ, такъ какъ пользовалось отъ нихъ большимъ доходомъ. Такимъ образомъ шахматистовъ наказывали кнутомъ, а потребители водки пользовались на дѣлѣ широкою терпимостью. Строго соблюдаемые приказы заставляли служащихъ во всѣхъ канцеляріяхъ поститься на Страстной недѣлѣ и ходить въ церковь ежедневно въ постъ. Воскресный отдыхъ не претерпѣвалъ никакихъ уклоненій, всякая работа должна была прекращаться въ субботу вечеромъ во время вечерни, и во всѣ дни года было воспрещено развлекаться съ паяцами и гадателями, играть съ собаками, качаться на качеляхъ и даже смотрѣть на луну съ начала ея первой четверти или купаться во время грозы. Но и въ воскресенья, и въ другіе дни можно было безнаказанно пьянствовать; мужчины и женщины купались вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ, или обмѣнивались по выходѣ сквернословіемъ съ самыми неприличными жестами.

Жестокость нравовъ соотвѣтствовала ихъ распущенности. Очень краснорѣчивымъ указателемъ первой является большое число женщинъ, принявшихъ монашество, чтобы избавиться отъ безчеловѣчнаго обращенія ихъ мужей, запрягавшихъ ихъ въ сохи или, избивъ ихъ предварительно кну-

томъ до крови, натиравшихъ имъ раны солью! Но кромѣ этихъ варварствъ несчастныя могли ожидать еще худшаго. Убійство мужа женою навлекало на виновную страшное наказаніе,—погребеніе заживо, но законъ совершенно не предвидѣлъ обратнаго случая. Юриспруденція впрочемъ иногда дѣлала дополненія къ этимъ установленіямъ, и въ 1664 году мы сталкиваемся съ такимъ случаемъ, когда мужъ наказанъ кнутомъ за то, что убилъ свою жену, хотя она и была уличена въ прелюбодѣяніи. Но этотъ фактъ является исключительнымъ.

Насиліе царило повсюду. Въ теченіе всего царствованія Алексѣя даже столица представляла собою разбойничій притонъ. Дома самыхъ важныхъ вельможъ походили на притоны бандитовъ, такъ какъ многочисленная челядь, плохо питаемая и плохо одѣтая, мало или даже совсѣмъ не получавшая жалованья, не имѣла другого выхода, какъ кормиться разбоемъ. Цѣлый кварталъ, на Дмитровкѣ, былъ почти непроходимъ благодаря людямъ Родіона Стрешнева, князей Голицина и Татьева, которые работали тамъ, вооруженные, днемъ и ночью.

Звѣрскіе поступки свойственны даже лучшимъ, самымъ культурнымъ и самымъ мягкимъ людямъ того времени. Получивъ извѣстіе, что сынъ Ордынъ-Нащокина прошелъ черезъ границу безъ разрѣшенія, Алексѣй далъ отцу инструкцію, предписывая ему истратить до 10,000 рублей, чтобы привести назадъ бѣглеца и, если это не удастся, то даже убить его. Человѣческая жизнь цѣнилась крайне низко, и это презрѣніе къ жизни было общимъ, какъ для убивающихъ, такъ и для убиваемыхъ. Одинъ нѣмецъ, Рингуберъ, присутствуя въ 1684 году на одной изъ капитальныхъ экзекуцій, былъ пораженъ простотою, съ которою ее производили „ohne viele compliments zu machen“. Казни прямо ужасны. Продолжаютъ допрашивать осужденныхъ чуть не до эшафота, ихъ снимаютъ съ колеса съ переломанными уже членами, чтобы привести въ комнату допросовъ, и все это не возмущало никого, даже самихъ осужденныхъ на казнь.

Абсолютное подчиненіе индивидуума государству, одна изъ характерныхъ чертъ эпохи, объясняетъ отчасти это явленіе. Индивидуумъ часто возмущается, вступаетъ въ борь-

бу съ господствующей властью, но, побѣжденный, подчиняется своей участи и заботится лишь о томъ, чтобы умереть прилично и праведно, какъ еслибы онъ былъ въ своей избѣ. Часто осужденныхъ приводятъ къ эшафоту несвязанными, они спокойно кланяются присутствующимъ, повторяя: „простите, братцы“! Затѣмъ они сами помогаютъ палачамъ. Зарытыя въ землю заживо, обвиненныя въ прелюбодѣяніи, женщины благодарятъ кивкомъ головы тѣхъ милостивцевъ, которые бросали въ колоду, спеціально предназначенныя для этой цѣли, монеты на ихъ погребеніе.

Такой-же грубой и дикой является матеріальная жизнь народныхъ массъ, и даже болѣе образованныхъ классовъ, безъ слѣда какого-бы то ни было изящества, или хотя-бы самаго элементарнаго комфорта, даже въ жилищахъ вельможъ. Крестьяне и рабочіе живутъ подобно животнымъ и ѣдятъ не лучше послѣднихъ. „Вся ихъ кухонная утварь, говоритъ Стрюйсъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ горшковъ и глиняныхъ или деревянныхъ блюдъ, которыя мылись одинъ разъ въ недѣлю, изъ оловянной кружки, изъ которой они пили свою водку, и изъ деревяннаго кубка для меда, который они почти никогда не ополаскивали“. Обыкновенно даже вельможи жили не иначе. Крыжаничъ замѣчаетъ, что они правда начали замѣнять деревянные дома каменными или кирпичными постройками, но что внутренность ихъ лишена по-прежнему всякаго комфорта; серебряная посуда сводится лишь къ нѣсколькимъ чашамъ, глиняные горшки и деревянныя блюда фигурируютъ исключительно на всѣхъ столахъ и рѣдко чистятся. Нигдѣ Крыжаничъ не могъ открыть и слѣда той блестящей оловянной посуды, которая такъ часто встрѣчалась въ то время въ Германіи, даже въ домахъ бюргеровъ. На стѣнахъ онъ не видѣлъ никакихъ украшеній, кромѣ паутины. Перинъ не было, только шерсть или солома; дневная ихъ одежда служила ночью простыней и одѣяломъ; никакой тонкости въ пищѣ; каша, капуста, огурцы, соленая рыба, часто испорченная, служили обыкновеннымъ меню, при чемъ приправою имъ служилъ лукъ и чеснокъ, запахъ которыхъ наполнялъ даже дворецъ царя. Крыжаничъ тамъ присутствовалъ на парадномъ банкетѣ и видѣлъ, что его посуда не была мыта по крайней мѣрѣ въ теченіе года.

На такихъ пирахъ угощеніе было обильное, количество яствъ и питій прямо огромное, но на Мейерберга это производитъ только отталкивающее впечатлѣніе.

„Одно опьяненіе кладетъ конецъ ихъ манерѣ пить, и никто изъ нихъ не покидаетъ стола, пока не свалится мертвецки пьяный. Во время обѣда отрыжка, выходившая у нихъ изо рта съ запахомъ водки, лука, чесноку и рѣпы, вмѣстѣ съ..... такъ портили воздухъ, что можно было умереть, сидя вблизи ихъ. Платки у нихъ не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и такъ какъ они садятся за столъ съ непокрытыми головами и имъ лѣнь тащиться за шапкою, то они сморкаются въ руку и обтираютъ потомъ носы скатертью“.

Картина, дѣйствительно, отталкивающая получается изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, полная тождественность которыхъ исключаетъ всякую возможность ошибки. Вдумчивый и вполнѣ безпристрастный наблюдатель не только по свойствамъ своего ума, но и благодаря тягостнымъ испытаніямъ, пережитымъ имъ въ его пріемной странѣ,—Крыжаничъ—не ограничился тѣмъ не менѣе однѣми мрачными красками, которыя онъ сообщилъ своей кисти. И мы должны, безъ сомнѣнія, послѣдовать его примѣру. У этого народа—дикарей, лѣнтяевъ и пьяницъ онъ прежде всего констатируетъ полезный духъ строгой политической дисциплины. Она казалась, по его мнѣнію, способной развить во всѣхъ классахъ общества чувство долга. Онъ замѣтилъ, что, хотя по природѣ склонные болѣе грабить, чѣмъ сражаться, солдаты этой страны никогда между тѣмъ не убѣгали, если ими хорошо командовали, и, защищая крѣпости, скорѣе умирали съ голоду, чѣмъ сдавались. Ему казалось также, что, налагая на тѣхъ-же людей рядъ другихъ суровыхъ принудительныхъ мѣръ, моральная дисциплина Домостроя охраняла ихъ отъ сибаритства, которое наложило свой отпечатокъ на болѣе свободную и болѣе роскошную жизнь западныхъ народовъ. Много путешествуя, Крыжаничъ не могъ съ другой стороны слишкомъ пугаться нѣкоторыхъ чертъ распущенности, замѣченной имъ въ нравахъ этой страны, видѣть въ нихъ дѣйствія исключительной испорченности. Другія страны оставили въ немъ на этотъ счетъ далеко не благопріятное впечатлѣніе. Посѣщенный въ 1684 году Рингуберомъ, европейскій кварталъ Москвы далеко не показался

этому нѣмцу оазисомъ добродѣтели. Прибавимъ, что даже Парижъ въ это время еще не былъ городомъ благоустроеннымъ. Буало написалъ въ 1660 году слѣдующіе стихи:

Le bois le plus funeste et le moins frequenté
Est auprès de Paris un lieu de sûreté [1])

Въ Москвѣ кроатскій писатель получилъ тяжелое впечатлѣніе отъ другихъ свойствъ, тормозившихъ развитіе этого народа и причиной которыхъ, по мнѣнію этого автора, служатъ внутреннія противорѣчія, въ которыхъ бьется его сознаніе. При великой простотѣ ума и сердца большинство московитянъ отличалось чрезмѣрною, парадоксальною національною гордостью. Они презирали всѣхъ иностранцевъ, а между тѣмъ покорно и послушно подчинялись ихъ руководству. Ксенофобія и ксеноманія доводятъ ихъ поочередно до самыхъ ужасныхъ эксцессовъ. Они не знали ни въ чемъ чувства мѣры, и это мѣшало имъ найти правильную середину между самой распущенной анархіей и самымъ абсолютнымъ деспотизмомъ.

Вмѣстѣ съ другими иностранцами Крыжаничъ констатировалъ различіе уровня, очень мало замѣтное съ матеріальной точки зрѣнія, но очень чувствительное въ интеллектуальной жизни,—между народными массами, предоставленными развращающему и гибельному вліянію невѣжества, суевѣрія и рабства, и аристократическимъ классомъ, уже затронутымъ отчасти освободительнымъ движеніемъ цивилизаціи. Самъ Алексѣй, и среди его приближенныхъ такіе люди, какъ Ртищевъ, не могли сойти за варваровъ, съ какой угодно европейской точки зрѣнія. Мейерберги и Карлайли едва ли могли указать на какомъ-либо изъ западныхъ троновъ государя, равнаго второму Романову, по величію и чистотѣ нравственной. Что касается Ртищева, то, будучи настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, онъ—этотъ неразлучный сотрудникъ царя,—былъ въ то же время положительно святой. Конституціональный гиперболизмъ, констатированный Крыжаничемъ въ темпераментѣ его расы, нашелъ здѣсь поразительное подтвержденіе.

Этотъ справедливый человѣкъ одинъ могъ снискать про-

---

[1]) Самый темный и наименѣе посѣщаемый лѣсъ является по сравненію съ Парижемъ безопаснымъ мѣстомъ.

щеніе многимъ ужасамъ своей родины. Какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни своей, за исключеніемъ коекакихъ ошибочныхъ сужденій, это христіанинъ, превосходившій даже евангельскій идеалъ, такъ какъ, дойдя до полнаго самоотреченія, его любовь къ ближнему являлась въ то же время дѣятельною и созидательною. Сопровождая государя на войну, Ртищевъ предоставляетъ свой экипажъ для раненыхъ и больныхъ, несмотря на то, что самъ больной, онъ съ трудомъ держится на лошади; онъ устраиваетъ военные госпитали; снѣдаемый болью, онъ предсѣдательствуетъ при ихъ организаціи, смотритъ за ихъ штатомъ, неизвѣстно какимъ образомъ находитъ медиковъ и хирурговъ, на которыхъ тратитъ часть своего состоянія. Въ Московіи семнадцатаго вѣка онъ основываетъ Красный Крестъ! Потомъ, какъ слѣдствіе принятой имъ иниціативы, онъ устраиваетъ систему выкупа плѣнныхъ съ помощью кассы, собранной изъ спеціальнаго налога, создаетъ богадѣльню для нищихъ и прокаженныхъ. Когда былъ голодъ въ Вологдѣ, онъ распродаетъ свое платье, чтобы помочь голодающимъ! Въ своемъ завѣщаніи онъ рекомендуетъ своимъ наслѣдникамъ обращаться хорошо съ крестьянами, „такъ какъ они наши братья“, и уже на смертномъ одрѣ въ 1673 году требуетъ, какъ послѣдней радости, дать ему возможность изъ собственныхъ рукъ раздать еще нѣсколько подаяній! Умеръ онъ всего сорока семи лѣтъ и почти разоренный своими добрыми дѣлами. А лучшая часть его наслѣдства содержится въ тѣхъ законодательныхъ мѣрахъ, которыя, вдохновленныя имъ, явились послѣ его смерти началомъ систематической организаціи благотворительности въ тотъ моментъ, когда западъ только вышелъ на эту дорогу.

Но и въ этомъ отношеніи Москва семнадцатаго вѣка остается вѣрной самой себѣ. Біографія Ртищева является почти повтореніемъ другой, оставленной намъ благочестіемъ одного современника, описавшаго въ началѣ этой эпохи полную героической благотворительности жизнь одной придворной дамы, Ульяны Осориной, урожденной Лазаревской. Занятая цѣлый день домашними заботами, помогая своимъ слугамъ въ самой тяжелой работѣ и принимая ихъ услуги лишь передъ гостями, она по ночамъ шьетъ, продаетъ свои работы, а деньги, вырученныя за нихъ, раздаетъ бѣднымъ.

Но въ началѣ этого вѣка,—Ульяна умерла очень старой въ 1604 г.,—какъ и въ концѣ его всѣ эти высокія добродѣтели захватывали лишь верхушки. Въ низахъ масса, терзаемая барщиной и рабствомъ, нищая и огрубѣвшая, только пассивно подчинялась невообразимой тираніи дѣйствительныхъ или воображаемыхъ силъ, тяготѣвшихъ надъ ея судьбою. Среди насилій и лихоимства, въ жертву которымъ она отдана своими хозяевами, среди бѣдствій, которыя она приписывала воображаемымъ колдунамъ, существованіе ея представляло собою сплошной ужасъ. На западѣ процессы о колдовствѣ были еще часты въ эту эпоху; но въ 1670 году смертный приговоръ, произнесенный руанскимъ парламентомъ по этому поводу, былъ кассированъ по приказу короля. А тутъ, четырьмя годами позже, сожгли одну колдунью въ Тотьмѣ и обвиненія подобнаго рода не щадили даже самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Воспитатель матери Петра Великаго явился жертвою такой подозрительности, и народное суевѣріе даже открыло діавола въ одномъ бокалѣ у чиновника департамента иностранныхъ дѣлъ Иванова, который имѣлъ неосторожность сохранить въ немъ моллюска.

Возвышенный Ртищевъ хотѣлъ, чтобы съ его крестьянами хорошо обращались, но, будучи сторонникомъ развитія образованія, онъ не позаботился даже научить ихъ грамотѣ. Вмѣстѣ съ нимъ самые преданные дѣлу прогресса московитяне полагали, что вообще эта роскошь является совершенно излишней. Сама аристократія владѣла этимъ искусствомъ въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ.

II.

Просвѣщеніе.

Какъ и пьянство, невѣжество было общее во всѣхъ классахъ до конца вѣка, хотя уже и тогда стала прорываться пропасть, которая и теперь еще въ Россіи отдѣляетъ избранныхъ отъ большой массы. Но тогда разстояніе было огромно даже между этими избранниками и европейскою культурою. Иностранные наблюдатели объясняютъ это явленіе различно, указывая на корыстную роль клира, прави-

тельства и бояръ. За исключеніемъ Павла Алепскаго, всѣ они единогласно доказываютъ общее отсутствіе самыхъ элементарныхъ знаній, даже въ отношеніи религіи. Главиничъ, принимавшій участіе въ 1661—1664 гг. въ посольствѣ барона Мейерберга, замѣтилъ, что въ большинствѣ случаевъ жители этой страны знаютъ только самыя простыя молитвы, удовольствуясь лишь повтореніемъ по двѣсти разъ въ день: „Господи, прости намъ наши прегрѣшенія!“ Спрошенные по этому поводу, они смѣло заявляли, что „Отче Нашъ“ и „Богородица“ дѣло высшей науки, которую знаетъ лишь царь, патріархъ и вельможи. Въ цѣлой толпѣ Рейтенфельсъ нашелъ лишь одного московитянина, знавшаго, кто былъ Іуда.

Исчезновеніе въ семнадцатомъ вѣкѣ первоначальныхъ основъ школьной организаціи, ранѣе устроенной, является дѣйствительнымъ фактомъ, какъ онъ ни покажется страннымъ. Въ этихъ предоставленныхъ самимъ себѣ учрежденіяхъ обученіе также было, повидимому, очень скудно. Тамъ не учили даже катехизису. Ученики этихъ школъ, впрочемъ, выносили оттуда нѣкоторые обрывки изъ всеобщей исторіи, а готовившіеся стать священниками изучали кромѣ того новый завѣтъ, отцовъ церкви, а въ частности св. Іоанна Златоуста. Но число и тѣхъ и другихъ было крайне ограничено, такъ какъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ по всѣмъ свидѣтельствамъ на 1000 московитянъ едва одинъ умѣлъ читать.

Эти школы были созданіемъ приходского духовенства и были погребены въ семнадцатомъ вѣкѣ подъ развалинами автономныхъ организацій, которыя ихъ создали. Нѣкоторые историки полагаютъ, что ихъ воспитательную миссію взяли на себя въ эту эпоху религіозныя братства. Но эти братства проявляли жизненную силу лишь въ тѣхъ русскихъ областяхъ, которыя находились подъ властью Польши. Въ Москвѣ же изъ научныхъ учрежденій, созданныхъ по ихъ иниціативѣ, мы находимъ лишь школу св. Іоанна Богослова, существованіе которой, довольно проблематичное, было во всякомъ случаѣ очень эфемернымъ, и школу монастыря св. Андрея, созданную Ртищевымъ съ помощью монаховъ, вызванныхъ изъ Польши.

Это не были, впрочемъ, первоначальныя школы. Вмѣстѣ съ преподаваніемъ риторики и философіи они приняли про-

грамму школы Чудова монастыря, которая была основана Михаиломъ Θеодоровичемъ и которая должна была ихъ поглотить и послужить подготовкою къ будущей Славяно-Греко-Латинской Академіи, гдѣ по странному сочетанію обстоятельствъ должна была найти свою точку отправленія къ концу этого вѣка законченная организація просвѣщенія.

Въ Россіи очень рѣдко начинаютъ что бы то ни было съ начала. Въ теченіе этого вѣка мы тамъ видимъ математиковъ, изъ которыхъ даже самые ученые знали лишь первые элементы. Заимствованныя изъ Византіи буквы алфавита для обозначенія чиселъ создавали рядъ трудностей въ приложеніи ихъ на практикѣ. Въ общемъ употребленіи приходилось ограничиваться лишь сложеніемъ и вычитаніемъ, и Крыжаничъ совершенно справедливо видитъ въ этомъ причину отсталости коммерческой жизни.

Заключавшіяся лишь въ нѣсколькихъ руководствахъ по ариѳметикѣ, три дѣйствія, носившія названіе „золотой строки", считались послѣднимъ словомъ науки. До восшествія на престолъ Петра Великаго въ Москвѣ была напечатана лишь одна работа по элементарной математикѣ, а что касается геометріи, то элементы Евклида, проникшіе на западъ уже въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, являлись еще долго тайною для русскихъ.

Подъ геометріей тутъ понимали точно и буквально лишь измѣреніе земли. Способъ ея приложенія на основаніи самыхъ элементарныхъ принциповъ начальной геометріи, давалъ поводъ къ самымъ грубымъ ошибкамъ. Смѣшивая самыя различныя поверхности, геометры того времени разрѣшали по своему квадратуру круга.

Подъ астрономіей тогда понимали только календарь. Въ космографіи считали оракуломъ Козьму Индоплавателя, египетскаго монаха шестого вѣка, который считалъ землю четырехугольной по образцу скиніи Моисея. Максимъ Грекъ являлся его горячимъ поклонникомъ. Въ царствованіе Алексѣя кіевскимъ монахамъ удалось разбить это ученіе, но они замѣнили его лишь астрологическими теоріями среднихъ вѣковъ, которыя пользовались кредитомъ въ самой просвѣщенной московской средѣ въ тотъ моментъ, когда на западѣ Ньютонъ далъ системѣ Коперника, Кеплера и Галилея ту форму, въ которой мы его теперь знаемъ.

Карамзинъ говоритъ, что у него въ рукахъ была московская рукопись второй половины семнадцатаго столѣтія подъ заглавіемъ: Геометрія или измѣреніе земли, но онъ не даетъ никакого указанія по поводу ея содержанія. Олеарій упоминаетъ съ своей стороны о нѣкоемъ Савичѣ Романчиковѣ, который, занимаясь изученіемъ математики, пользовался астролябіей. Но у насъ нѣтъ ровно никакихъ свѣдѣній по поводу работъ этого ученаго, который умеръ преждевременной и очень трагической смертью. Встрѣтивъ немилость царя по возвращеніи своемъ изъ путешествія въ Персію, онъ отравился.

Въ области естественныхъ наукъ ихъ украинскіе адепты сильно боролись съ знаніями византійскаго происхожденія, относившимися къ третьему вѣку, гдѣ серьезно разсуждали о физіологіи „единорога", но они могли имъ противупоставить лишь тотъ научный багажъ, который былъ ими собранъ въ энциклопедіяхъ тринадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ.

Медицина, которой занимались почти исключительно иностранцы, находилась на томъ же уровнѣ. Во второй половинѣ семнадцатаго вѣка нѣсколько аптекъ, устроенныхъ тѣми же врачами въ Москвѣ, выпустили русскихъ учениковъ и сдѣлались очагами науки и свободной мысли. Но какъ ихъ учителя, такъ и ученики, знали лишь очень отдаленно элементы анатоміи и физіологіи, пріобрѣтенные западною наукою съ эпохи Везалія и Гарвея. Правда, книга Везалія была переведена въ 1650 году Епифаніемъ Славеницкимъ, но только для личнаго употребленія царя, и единственный ея экземпляръ, кажется, такъ и не вышелъ изъ рукъ государя. Публика должна была ограничиваться руководствомъ, переведеннымъ съ латинскаго въ пятнадцатомъ вѣкѣ, но составленнымъ, вѣроятно, гораздо раньше, и передававшимъ ей тѣ указанія о лѣчебномъ свойствѣ драгоцѣнныхъ камней, въ которое такъ вѣрилъ Иванъ Грозный.

Въ 1647 году, замѣтивъ, что вода изъ колодцевъ становилась нездоровой, жители Карпова не представляли себѣ другого средства для предотвращенія катастрофы, какъ добыть крестъ съ мощами, а немного позже жители Курска обратились къ Алексѣю съ просьбою по тому же поводу.

Исторіографія тоже совсѣмъ не двинулась впередъ, пользуясь постоянно въ видѣ источниковъ старинными хронографами

пятнадцатаго вѣка, нѣсколько разъ передѣланными по „Луцидарію“ и апокрифамъ. Кіевскіе монахи создали болѣе современныя компиляціи, хотя и проникнутыя идеями среднихъ вѣковъ. Съ этой цѣлью они затронули самыя древнія эпохи національной исторіи, прославляя ихъ историческія событія исключительно съ точки зрѣнія религіи. Составленное и напечатанное въ 1674 году самое древнее руководство по русской исторіи, названное Синопсисомъ, пропитано этими идеями. Эта тенденція встрѣтилась съ другою, также развивавшейся въ шестнадцатомъ вѣкѣ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ сербскихъ ученыхъ и имѣвшей предметомъ своимъ систематическое искаженіе фактовъ въ политическихъ цѣляхъ. Къ герою христіанской легенды, св. Владиміру, она присоединила, также въ фантастическомъ апоѳеозѣ, героя имперской легенды, Владиміра Великаго, наслѣдника Византіи. Въ приказѣ внѣшнихъ сношеній занимались въ то же время составленіемъ экстрактовъ изъ иностранныхъ сочиненій, выдвигая на первое мѣсто генеалогію и дипломатію. Приложеніе этого метода къ національной исторіи создало позже Государственную Книгу, съ біографіями великихъ князей и царей Москвы, иллюстрированную иконописцемъ Иваномъ Максимовымъ, и сборникъ, въ которомъ въ 1663 году дьякъ Грибоѣдовъ пытался установить родство дома Романовыхъ съ царствующимъ домомъ въ Пруссіи, происходившимъ по прямой линіи отъ римскихъ цезарей.

Для того, чтобы найти трудъ, лишенный этихъ странностей, нужно взять Исторію Россіи, составленную въ 1727 г. княземъ Куракинымъ. Она напоминаетъ собою Сенъ-Симона, но этотъ опытъ такъ и остался единственнымъ.

Главнымъ предметомъ научной работы въ семнадцатомъ вѣкѣ и главнымъ изданіемъ того времени является грамматика. Православные ригористы не признавали почти ничего другого. Начиная съ 1648 г. по 1651 г. азбука выдержала четыре изданія. То былъ самый большой и даже единственный успѣхъ тогдашней книжной торговли. Въ 1648 году московская типографія напечатала грамматику Смотрицкаго, по оригиналу, напечатанному въ Вильнѣ въ 1619 году, но это изданіе такъ и осталось единственнымъ

до 1721 года. Что касается двухъ другихъ частей тривіума латинской школы, діалектики и риторики, то объ этомъ даже не было вопроса.

Прибывъ изъ Греціи въ 1685 г., братья Лихуды, Іоанникій и Софроній, первые сдѣлали починъ введенія жителей Москвы въ область философіи. Они излагали логику и физику по Аристотелю, но ученіе показалось тотчасъ же слишкомъ смѣлымъ и потому навлекло на себя немилость начальниковъ. Добрые московитяне любили называть такія изысканія „измѣреніемъ аршиномъ хвоста звѣздъ".

При первыхъ Романовыхъ особенное развитіе получили старыя азбуковники, ставшіе изъ простыхъ словариковъ энциклопедическими словарями и окончательно смѣстившіе со сцены какъ Козьму Индоплавателя, такъ и византійскихъ писателей. Они черпали преимущественно свой матеріалъ въ латинской или польской литературѣ, пользуясь также авторитетами древности и среднихъ вѣковъ, Плиніемъ и Альбертомъ Великимъ.

Съ помощью образовательныхъ очаговъ Аѳонской горы и Кіева, это все, что старой Московіи удалось получить изъ всего того, что она считаетъ своимъ собственнымъ фондомъ. Эти знанія на дѣлѣ получились съ одной стороны изъ Византіи, а съ другой изъ средневѣковой Европы, но она дѣйствительно вновь обрѣтаетъ тамъ первоначальные источники своей цивилизаціи и не перестаетъ черпать ихъ оттуда до появленія Петра Великаго, колеблясь, въ виду послѣдовательнаго торжества то одного, то другого вліянія, между этими полюсами своей эволюціи: восточнымъ и западнымъ.

III.

Двѣ школы.

Торжество церковной реформы и апеляція противъ Никона къ юрисдикціи восточныхъ патріарховъ, казалось, должны были вначалѣ утвердить главенство эллинизма. Онъ на самомъ дѣлѣ надолго воцарился въ религіозной области. Но греки этой эпохи, деморализованные и огрубѣвшіе отъ рабства,

не были способны работать надъ моральнымъ и интеллектуальнымъ возрожденіемъ, которое давали чувствовать, какъ нѣчто необходимое, сама реформа и возбужденный ею расколъ. Наука и дисциплина ученыхъ, вродѣ Максима или Арсенія, ограничивались мелочами въ текстѣ или въ формѣ,— тѣмъ, что родило расколъ. Учителя этого рода главнымъ образомъ старались, какъ мы это уже видѣли, по возможности дороже продать свои услуги или содѣйствіе, которое требовалось отъ нихъ.

Обладая болѣе современнымъ знаніемъ, кіевскіе монахи показали себя болѣе честными, и съ первой половины семнадцатаго вѣка ихъ отличаютъ и въ Москвѣ, куда они переносятъ основаніе культуры, которую проводили неуклонно въ своей странѣ Голятовскіе, Радивиловскіе и Барановичи. То была культура исключительно польская, начиная особенно съ Могилы. Она пробивала дорогу болѣе прямой ассимиляціи съ западомъ, откуда она и вышла. Алексѣй съ своими приближенными вскорѣ подчинился ея все растущему вліянію. Духовникъ царя Андрей Савиновъ переписываетъ космографію поляка Бѣльскаго. У самого Никона были поляки среди его домашнихъ, между ними Николай Ольшевскій. Съ 1668 г. по 1670 г. всѣ работы по скульптурѣ, рисованію и позолотѣ во дворцѣ государя производились поляками. Нѣсколько позже роскошный отель Василія Голицина былъ выстроенъ и украшенъ артистами той же національности. Польскіе кисти и рѣзцы работали даже въ московской иконографіи. Въ большихъ московскихъ домахъ, у Ордына-Нащокина, у Матвѣева, воспитаніе дѣтей сосредоточилось въ тѣхъ же рукахъ. Польское вліяніе чувствуется въ эту эпоху даже въ народной поэзіи.

Начиная съ 1649 года школа грека Арсенія нашла себѣ сильнаго конкурента въ Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ завербованные Ртищевымъ Эпифаній, Славенецкій и другіе малороссы обрѣли большое количество учениковъ. Сохраняя характеръ исключительно духовный, ни то, ни другое изъ этихъ двухъ учрежденій не соотвѣтствовало свѣтскимъ требованіямъ общества. Но въ 1665 году бѣлорусскій бѣглецъ Симеонъ Полоцкій основываетъ школу Св. Спасителя, и тамъ молодые чиновники департамента внѣшнихъ сношеній, получаютъ свѣтскія знанія, необходимыя для ихъ

службы, получаютъ потомъ среднее и даже высшее образованіе по нѣкоторымъ предметамъ.

Въ 1672 году, когда Полоцкій сдѣлался воспитателемъ царевича, школа эта исчезла и въ этотъ моментъ опыты мирнаго разрѣшенія этого вопроса вылились въ проектѣ, который долженъ въ былъ одинъ прекрасный день создать Славяно-Греко-Латинскую Академію, а пока началомъ этого осуществленія служила приходская школа Св. Іоанна Богослова.

Алексѣю не суждено было довести до прочнаго конца эти начатки. Обстоятельства мало способствовали этому. Консервативная партія сохраняла еще очень прочное положеніе, поддерживая будущій тезисъ славянофиловъ, выработанный въ началѣ этого вѣка Иваномъ Вишнею, воспрещая на основаніи этого принципа всякую свѣтскую науку, какъ могущую уничтожить самое существованіе страны. Наука порождаетъ лишь только гордость, отъ которой погибъ первый Римъ; третій долженъ поэтому держаться только одной вѣры.

Старшій сынъ второго Романова, Ѳеодоръ, не оказался болѣе счастливымъ въ этомъ отношеніи. Въ 1679 году его царствованіе знаменуетъ собою скорѣе регрессъ, чѣмъ прогрессъ основаніемъ новой типографіи, которая, казалось, представляла изъ себя зародышъ все еще будущей Академіи, въ которомъ снова отражается вліяніе Греціи. Вплоть до просвѣщенныхъ круговъ самые серьезные представители науки, малорусскіе или бѣлорусскіе учителя, стали теперь предметомъ живѣйшей вражды. Можно при этомъ отмѣтить, что они совершенно не владѣли той книжной традиціей, которая составляла когда-то гордость московскихъ ученыхъ. Самого Симеона Полоцкаго считаютъ невѣжественнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ очень мало былъ знакомъ съ литературою и языкомъ греческихъ отцовъ.

Онъ и его соотечественники имѣютъ, однако, право на болѣе справедливую оцѣнку. На дѣлѣ они были, мы это знаемъ, лишь архаическими передатчиками устарѣлой культуры; они бродятъ въ схоластическихъ заблужденіяхъ, почти недоступны новымъ теченіямъ, совершенно переработавшимъ, начиная съ протестантской реформы, европейскій умъ. У нихъ даже нѣтъ собственнаго языка, такъ какъ пишутъ они по-церковно-славянски, по-латыни и по-польски. По части документовъ они остаются данниками польской литературы.

Въ своихъ богословскихъ работахъ и въ рѣчахъ, какъ и въ начинаніяхъ свѣтскихъ, въ прозѣ и въ стихахъ, Полоцкій шокируетъ старыхъ московитовъ не только употребленіемъ формъ и утилизированіемъ источниковъ чуждыхъ ихъ умственному кругозору: онъ беретъ цитаты изъ классической миѳологіи, изъ Св. Августина или изъ Беллармина. Онъ не только подрываетъ ихъ вѣру католическими тенденціями, въ чемъ его часто обвиняли. Даже съ точки зрѣнія Запада этотъ языкъ и эта эрудиція являлись уже вышедшими изъ моды. Малорусская группа, сорганизовавшись прочно съ помощью братства Чудова Монастыря, гдѣ ей удалось создать центръ интеллектуальной жизни, не была впрочемъ однообразна. Полоцкій представляетъ въ ней Кіевскую Академію съ тѣмъ направленіемъ, которое далъ ей Могила, т. е. съ оріентаціей почти исключительно польскою и латинскою. Его ученикъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, держится того же направленія. Епифаній Славеницкій, напротивъ, преданъ по прежнему болѣе старымъ традиціямъ той же Академіи: эллинскимъ и болѣе строго православнымъ. Въ этомъ направленіи онъ развиваетъ большую активность, переводя на славянскій не только отрывки изъ Священнаго Писанія, но также нѣсколько свѣтскихъ произведеній греческой литературы, трактаты по географіи и исторіи, по политикѣ и педагогикѣ. Не забывая филологіи, онъ обнародываетъ греко-латино-славянскій словарь, другой словарь сравнительной литературы. Онъ безусловно болѣе образованъ, чѣмъ его соперникъ, и нѣкоторыя изъ его оригинальныхъ сочиненій, какъ напр. его трактатъ о милостынѣ, съ выдающимся проэктомъ общественной помощи бѣднымъ, обнаруживаютъ въ немъ благородство и большую проницательность.

Послѣ его смерти его ученикъ, монахъ Евфимій, слѣдуетъ тому же направленію, и еще подчеркиваетъ въ немъ восточную тенденцію. Полоцкій, напротивъ, еще больше удаляется отъ нея. Учитель царскихъ дѣтей, поэтъ и драматургъ двора, стараясь ввести даже въ литургію элементы поэзіи и драматическаго искусства, напыщенный, наконецъ, проповѣдникъ,—онъ размѣнивается на занятія, которыя должны въ немъ показаться фривольными. Онъ сѣетъ въ нихъ прекрасныя мысли, проповѣдуя необходимость образованія, какъ главнаго орудія нравственнаго перерожденія, указывая

на невѣжество, какъ на главную причину раскола, нападая на самый Домострой въ той его части, гдѣ онъ слишкомъ сурово трактуетъ о домашней жизни, и особенно объ отношеніи къ женщинѣ. Будучи священникомъ, онъ на дѣлѣ работаетъ на пользу перехода къ свѣтской наукѣ и литературѣ. Но къ этому плодотворному сѣмени, которое возрастетъ, давъ полезный плодъ, онъ примѣшиваетъ и довольно безплодныя и нелѣпыя мысли, какъ напр. разсужденіе о томъ, могъ ли Христосъ говорить сейчасъ послѣ своего рожденія, или почему онъ былъ пригвожденъ къ кресту тремя, а не четырьмя гвоздями. Онъ говоритъ о трехъ небесныхъ сферахъ, изъ которыхъ одна кристальная. Онъ спрашиваетъ себя, возродимся ли мы при послѣднемъ судѣ съ ногтями и приходитъ къ положительному выводу; но ногти будутъ обрѣзаны.

Во всемъ этомъ не было ничего достаточно заманчиваго, достаточно захватывающаго, чтобы побороть сопротивленія, которыя эта пропаганда латинскаго и польскаго происхожденія, слѣдовательно вдвойнѣ подозрительная, должна была встрѣтить въ православныхъ и консервативныхъ кругахъ. Патріархъ Іоакимъ терпѣлъ Полоцкаго лишь благодаря расположенію, которымъ этотъ иностранецъ пользовался у государя. Въ 1673 году смерть украинофила Ртищева, а въ 1675 крутицкаго митрополита Павла, которому Полоцкій помогалъ въ составленіи рѣчей, отняли у малорусской группы могущественныхъ покровителей, и греческая партія взяла верхъ. Полоцкій вынужденъ былъ основать въ Кремлѣ частную типографію, гдѣ его изданія ускользали отъ цензуры патріарха. Малороссами же продолжали пользоваться въ качествѣ церковныхъ пѣвчихъ, но, когда въ 1681 году знаменитый проектъ академіи сталъ приближаться къ окончательному его осуществленію, Медвѣдевъ сталъ думать, что не найдетъ себѣ мѣста въ этомъ учрежденіи и сталъ мечтать о созданіи другой, въ которой онъ могъ бы приложить къ дѣлу программу, принятую имъ въ наслѣдство отъ его учителя.

Вскорѣ между тѣмъ обѣ партіи оказались передъ лицомъ общаго противника. То былъ профессоръ философіи и богословія, Иванъ Бѣлобродскій, объединившій теперь вокругъ себя всѣхъ непримиримыхъ націоналистовъ, рѣшительныхъ

враговъ всякаго иностраннаго вліянія. Между ними произошло соглашеніе, и плодомъ его явилась построенная, наконецъ, Славяно-Греко-Латинская Академія. Тамъ царили греки, и въ статутахъ учрежденія фигурировало даже формальное порицаніе уже умершему въ 1680 г. Полоцкому и самому Медвѣдеву. Но, тѣмъ не менѣе, программа проектируемыхъ занятій была составлена въ духѣ украинскихъ идей, и Медвѣдеву въ 1685 году была предоставлена честь представить эти статуты на утвержденіе царевны Софіи. Напротивъ, выборъ профессоровъ былъ порученъ константинопольскому патріарху Досифею, который рекомендовалъ братьевъ Лихудовъ.

Такимъ образомъ Москва, казалось, вернулась къ традиціямъ девятаго вѣка, возродила тѣ отдаленные дни, когда другой іерусалимскій патріархъ послалъ ей „двухъ ѳессалоникскихъ братьевъ", чтобы пріобщить ее къ истинамъ вѣры. И, въ общемъ, греческая партія господствовала въ этомъ институтѣ, владѣвшемъ огромными привилегіями и между прочимъ очень широкимъ правомъ цензуры. Утвержденіе Академіи стало необходимымъ хотя бы для того, чтобы имѣть у себя на дому учителей иностранныхъ языковъ. Изученіе всѣхъ свободныхъ наукъ было подчинено ея надзору и ея юрисдикціи, которая пользовалась даже правомъ осудить виновныхъ на ссылку въ Сибирь или даже на костеръ! Эта школа обратилась въ трибуналъ инквизиціи, о чемъ замѣчаетъ прибывшій въ Москву въ 1689 году ученикъ Якова Бема, Кольманъ. Завоевавъ себѣ нѣсколькихъ адептовъ въ нѣмецкомъ кварталѣ, онъ былъ осужденъ Академіей и сожженъ.

Съ научной точки зрѣнія это учрежденіе только прозябало. Въ старомъ разрушенномъ домѣ братья Лихуды нашли всего семь учениковъ и, несмотря на всѣ ихъ усилія примѣнить Аристотеля къ принципамъ самаго чистаго православія, они не избѣжали подозрѣній въ ереси. То были впрочемъ очень посредственные ученые и, какъ большинство ихъ соотечественниковъ, главнымъ образомъ искатели карьеры. Такъ какъ они учились въ Падуѣ, то несмотря на всѣ усилія съ ихъ стороны держаться подальше отъ латинизма, онъ вторгся въ ихъ лекціи, незамѣтно возбудивъ противъ нихъ законныя подозрѣнія. Чисто греческая программа высшаго образованія являлась въ эту эпоху неосуществимой химерой. Въ своемъ возбужденіи противъ своихъ противни-

ковъ, Медвѣдевъ сталъ самъ, чтобы погубить ихъ, играть въ игру старой московской партіи. Въ 1694 году, наконецъ, константинопольскій патріархъ дезавуировалъ имъ же выбранныхъ учителей. Они были отставлены, и Академія, предоставленная двумъ изъ ихъ учениковъ, Николаю Семенову и Ѳеодору Поликарпову, еще не окончившимъ своего ученья, доведенная до преподаванія одной только грамматики, почти совсѣмъ не дѣйствовала нѣсколько лѣтъ.

Такъ еще разъ непримиримость защитниковъ стараго режима доказала свою безплодность, подготовивъ радикальную работу Петра Великаго.

Являясь по происхожденію своему греческими или латинскими, малорусскими или польскими, элементы науки и культуры, перенесенные въ эту страну въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она находилась, не соотвѣтствовали самымъ настоятельнымъ ея нуждамъ. Тутъ дѣло шло не о томъ, чтобы дѣлать выборъ между Аристотелемъ и св. Іоанномъ Златоустомъ, или Плиніемъ и Белларминомъ, а чтобы завести у себя армію, флотъ, дипломатію, весь аппаратъ европейской державы; мануфактуру, фабрики, мастерскія, всѣ продуктивныя ремесла Запада; жилища удобно или даже артистически устроенныя какъ тамъ, и поучительныя или развлекающія зрѣлища, на подобіе нѣмецкихъ, французскихъ или итальянскихъ театровъ, весь комфортъ и роскошь цивилизованныхъ народовъ. Даже такой націоналистъ, какъ Крыжаничъ, тоже хвалилъ преимущество западнаго костюма, со стороны его легкости, удобства и экономіи.

Становилось ясно также, что въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, гдѣ такъ горячо боролись приверженцы Полоцкаго и Славеницкаго, латинисты и эллинисты, — они должны будутъ замѣниться въ ближайшее время тѣми западниками новаго типа, офицерами, инженерами, ремесленниками, коммерсантами, которыми окружилъ уже себя Алексѣй и которые сдѣлались истинными воспитателями его родины.

IV.

Пріобщеніе къ европейской жизни.

Пріобщеніе къ европейской жизни должно было создаться здѣсь черезъ ихъ посредство, и прошло оно какъ-то плохо, вкривь и вкось, потому что старая Москва въ нихъ

нашла только довольно посредственныхъ въ этомъ смыслѣ учителей и людей съ очень плохой репутаціей во многихъ другихъ отношеніяхъ. Какими мы ихъ видимъ на работѣ, это были послѣдніе кондотьеры Европы, люди предпріимчивые, дѣятельные, иногда очень одаренные, но всегда очень сомнительной нравственности.

Шотландецъ Патрикъ Гордонъ былъ однимъ изъ лучшихъ, и уже по немъ можно судить объ остальныхъ. Самый младшій въ младшей линіи своей фамиліи, воспитанникъ іезуитской коллегіи въ Браунсбергѣ, онъ поступилъ въ 1655 году на службу къ Карлу X Шведскому и отправился на войну съ Польшей. Взятый въ плѣнъ поляками, онъ поступилъ къ нимъ на службу, а когда его взяли въ плѣнъ шведы, онъ безъ малѣйшаго колебанія вступилъ снова въ ихъ ряды. Очевидно, онъ былъ совершенно индиферентенъ въ этомъ отношеніи и готовъ былъ продать свою шпагу кому угодно, такъ какъ въ 1658 году мы его видимъ снова въ польскомъ лагерѣ, а черезъ два года онъ назначенъ майоромъ москвовитовъ. Едва прибывъ въ Москву, онъ требуетъ отставки, такъ какъ, по обычаю страны, вербовщикъ, который долженъ былъ выдать ему авансъ изъ жалованья, вздумалъ удержать часть изъ него. Тогда вновь прибывшему объяснили, что, уходя, онъ рискуетъ не попасть ни въ Польшу, ни въ Швецію, а добыть себѣ паспортъ въ Сибирь. Онъ рѣшаетъ тогда остаться, и въ области пьянства и палочныхъ ударовъ, раздаваемыхъ своимъ высшимъ и низшимъ служащимъ, онъ вполнѣ освоился съ обычаями страны. Въ этомъ отношеніи онъ взялъ на себя роль иниціатора, и его соотечественники усиливаютъ скорѣе, чѣмъ ослабляютъ порчу мѣстныхъ нравовъ.

Въ другихъ областяхъ, тѣ, которые такимъ образомъ учатъ его жить, не много могутъ усвоить отъ этого иностранца. Онъ видѣлъ войну, и у шведовъ, по крайней мѣрѣ прошелъ хорошую школу, но ни пріобрѣтенная имъ опытность, ни его природныя способности не сдѣлали изъ него мастера этого искусства. Впрочемъ безсильные понять его настоящія способности, его новые хозяева требуютъ отъ него другихъ, ему несвойственныхъ, какъ напр. инструкторской роли, поручая ему обучать солдатъ управленію копьемъ и мушкетомъ!

Результаты, полученные съ помощью вывезенныхъ изъ заграницы мануфактуристовъ, оказались не лучше, почти ничтожными въ дѣлѣ національнаго воспитанія, по различнымъ, но одинаково рѣшительнымъ причинамъ. Притокъ этихъ иниціаторовъ увеличивается. По сосѣдству съ Олонецомъ, одинъ голландецъ Денисъ Іовисъ, начинаетъ эксплуатацію мѣдной руды. Два предпріятія того же рода поручаются очень предпріимчивому и богатому Пьеру Марселису, датскаго происхожденія, у котораго были также желѣзныя кузницы въ окрестностяхъ Тулы, конкурировавшія съ кузницами устроенными однимъ нѣмцемъ Тильманемъ Акемой, въ окрестностяхъ Калуги. Такимъ же образомъ возникли фабрики пороха и селитры, стеклянные заводы.

Французъ Миньо управлялъ стеклянною фабрикою, существовавшей на личныя средства государя. Еще одинъ нѣмецъ, Гансъ Фалькъ изъ Нюрнберга, организовалъ въ Москвѣ литейню пушекъ и колоколовъ. Но техническій персоналъ ихъ былъ, какъ и они сами, исключительно иностраннаго происхожденія.

Если они и утилизируютъ кое-кого изъ туземныхъ рабочихъ, они стараются скрыть отъ нихъ самый процессъ фабрикаціи. И довольно долго имъ это удавалось безъ особеннаго труда. Крыжаничъ, дѣйствительно, сдѣлалъ такое наблюденіе, что одаренные большою смѣтливостью и такой же способностью все быстро усваивать, русскіе, въ ихъ сношеніяхъ съ иностранцами, колебались между почти суевѣрнымъ уваженіемъ къ знаніямъ этихъ своихъ учителей и такимъ же къ нимъ недовѣріемъ, заставлявшимъ ихъ быть съ ними настороже. Они смотрѣли на нихъ какъ на колдуновъ и были склонны думать, что могутъ больше потерять, чѣмъ выиграть отъ ихъ выучки. Тутъ рискуешь прежде всего скомпрометировать ту чистоту вѣры, которой Москва сдѣлалась отвѣтственной хранительницею, и въ глазахъ діакона Ѳеодора различныя попытки запада войти въ сношенія съ третьимъ Римомъ граничатъ съ усиліями злого духа установить свое царство въ очагѣ истинной христіанской вѣры!

Нѣкоторые продукты западной литературы, широко распространенные въ эту эпоху, способствуютъ сами распространенію подобныхъ идей. Изъ чтенія одной „космографіи“, переведенной для ихъ обихода,—московитяне узнаютъ на-

примѣръ, что въ третьей части свѣта отданной сыну Ноя, Іафету, называемому здѣсь Афетомъ, люди очень ученые и очень искусные во всѣхъ отрасляхъ промышленности, устроили многочисленныя школы, большая часть изъ которыхъ находится въ Галліи, въ городѣ, называемомъ Парижемъ. Тамъ долго изучали всѣ науки, грамматику, философію и астрономію. Но однажды 80,000 учениковъ возмутились противъ государя, по подстрекательству папы, и всѣ они были убиты въ одинъ часъ. И въ то же время, вѣрная нѣкогда истинной православной вѣрѣ, эта страна была охвачена всѣми родами ересей, между прочимъ среди другихъ ересью Кольвина (sic) и Мелентова (Меланхтона).

Способы, употребляемые для набиранія экзотическихъ воспитателей, способствуютъ такому направленію умовъ. Они не руководятся никакимъ методомъ, и серьезныя занятія у нихъ перемѣшиваются съ самыми фривольными стремленіями. Посланный въ 1675 году заграницу съ миссіей подобнаго рода, голландецъ Ванъ-Стаденъ былъ уполномоченъ привезти оттуда рудокоповъ, трубачей и комедіантовъ. И на дѣлѣ западная цивилизація стала проникать и прививаться въ центрѣ старой Московіи прежде всего и особенно, при помощи развлеченій. Если Петръ Великій и могъ хвалиться, что онъ ударомъ топора пробилъ окно въ Европу, то слуховое окно было уже продѣлано въ нее до него, и чрезъ него прошелъ европейскій театръ. Посредствомъ этой первой бреши, проломивъ строгія рамки Домостроя, новые идеи и нравы проникли до нерушимой ограды терема, какъ струя свѣжаго воздуха, какъ оживляющій и будящій свѣтъ. Въ той парадоксальной кривой, которой слѣдовала здѣсь интеллектуальная эволюція, Славяно-Греко-Латинская Академія предшествовала устройству первоначальныхъ школъ, но комедіанты появились еще раньше, чѣмъ академики.

Они также пришли изъ заграницы. Подъ тяжестью режима, основывавшагося на безпощадномъ отрицаніи всякой независимости въ области искусства, какъ и въ области мысли, самъ Табаринъ не могъ найти въ этой странѣ дерева для своего балагана. Шутки скомороховъ, шуточные фарсы вожаковъ медвѣдей заключали уже въ себѣ нѣкоторые элементы національной комедіи; принципіально запрещенные, часто пре-

слѣдуемые, находясь постоянно подъ строгимъ наблюденіемъ, они не доставляли матерьяла для оригинальнаго искусства, способнаго развиваться.

V.

Развитіе литературы.

Съ 1660 года, Алексѣй былъ живо заинтересованъ описаніями, которыя, по возвращеніи изъ Италіи и изъ Польши, дѣлалъ ему обо всемъ видѣнномъ имъ при посѣщенныхъ имъ дворахъ—его посланецъ Лихачевъ. Занявшись нѣсколько позже и быть можетъ подъ вліяніемъ другихъ впечатлѣній, полученныхъ изъ этого-же источника, украшеніемъ своей резиденціи въ Коломенскомъ, государь, кажется, попытался воспроизвести тамъ сценическія феерія Флоренціи и Варшавы. Присутствіе при немъ очень строгой Марьи Ильинишны между тѣмъ являлось препятствіемъ для осуществленія такихъ стремленій. Но въ 1668 году Потемкинъ привезъ, на этотъ разъ уже изъ Франціи, еще болѣе заманчивыя сенсаціонныя новинки. Онъ видѣлъ представленіе „Ударовъ любви и судьбы", съ чудесною перемѣною декорацій и поразительнымъ балетомъ. Онъ присутствовалъ на представленіи Амфитріона, данномъ Мольеромъ съ его труппой, и былъ охваченъ полнымъ восторгомъ, особенно, слѣдуетъ думать, благодаря нѣкоторымъ интермедіямъ, о которыхъ Рифмованная Газета упоминаетъ такимъ образомъ:

La troupe où préside Molière
Par une chére toute entière
Leur donna son Amphitrion
Avec ample collation,
Pas de ballet et symphonie
Sans aucune cacophonie.

Амфитріонъ удостоился вскорѣ чести быть переведеннымъ на русскій языкъ и, хотя Лихачевъ въ своемъ рапортѣ благоразумно не упоминаетъ ни о Мольерѣ, ни о его произведеніи, распространяясь только объ упражненіяхъ въ вольтижировкѣ, устроенныхъ въ его присутствіи въ Сенъ-Жерменскомъ паркѣ, но уже близокъ былъ моментъ, когда

его государь могъ свободно предаться своимъ давнишнимъ желаніямъ. Въ январѣ 1672 года живая и веселая Наталія Нарышкина вошла въ Кремль, и къ концу того-же года, за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія Петра Великаго, нѣмецкіе комедіанты устроились уже въ Москвѣ.

Предполагаютъ, что воспитатель Наталіи Матвѣевъ вызвалъ ихъ, но онъ не посмѣлъ бы это сдѣлать безъ согласія царя. Увидѣвъ ихъ представленіе въ домѣ своего любимца, Алексѣй пригласилъ комедіантовъ играть при его дворѣ. Ихъ появленіе не возбуждало безпокойства, такъ какъ режиссеръ труппы, Іоганнъ Годфридъ Грегори, соединялъ свои функціи съ должностью пастора въ европейской слободѣ! Но государь все таки еще нѣсколько смущался на этотъ счетъ.

Пусть ужъ комедія, но музыка! Церковь особенно осуждала скрипки и флейты, считая ихъ діавольской выдумкой. Комедія? Грегори вѣроятно еще не осмѣливался поставить на сцену пьесы, сюжеты для которыхъ были взяты изъ Священной Исторіи и которыя онъ игралъ уже въ Германіи. Церковь считала-бы это святотатствомъ! Для начала у него были въ программѣ лишь дивертисменты, между которыми фигурировалъ поющій и танцующій Орфей между двумя движущимися пирамидами. Но какъ танцовать или пѣть безъ музыки? Алексѣй кончилъ тѣмъ, что уступилъ, и Наталія сыграла въ этомъ, конечно, нѣкоторую роль. Она присутствовала на спектаклѣ въ ложѣ, закрытой рѣшеткою, и уже это было цѣлою революціей.

Такое событіе произвело, конечно, скандалъ, но спустя немного великій постъ прекратилъ всѣ свѣтскія удовольствія. Этотъ дебютъ ничего не обѣщалъ. Но между тѣмъ то, что послѣдовало за этимъ, трудно было предвидѣть. Въ іюнѣ 1673 года, обрадованный рожденіемъ сына, царь приказалъ выстроить спеціальную залу, гдѣ давали Эсфирь еще до появленія пьесы Расина. Сюжетъ ея представлялъ нѣкоторую аналогію съ романической интригой, которая возвела на тронъ дочь Кирилла Нарышкина; слѣдуетъ допустить, что это сходство предопредѣлило выборъ, или даже служило главнымъ мотивомъ составленія пьесы, авторомъ, которой могъ быть Полоцкій, и отсюда видно, какіе горизонты от-

крывались зарождавшемуся искусству такимъ смѣлымъ вторженіемъ въ область современности. Эта страна всегда была родиной гиперболъ.

Изъ предосторожности новая зала была заложена въ селѣ Преображенскомъ, въ будущей колыбели всѣхъ реформъ Петра Великаго; но въ слѣдующемъ году, вторая зала была устроена уже въ самомъ Кремлѣ, и отнынѣ спектакли смѣнялись въ этихъ двухъ залахъ, смотря по сезону, съ правильными промежутками. Переносили изъ одной въ другую декораціи, нарисованныя Энгельсомъ; Грегори сформировалъ учениковъ, набранныхъ сначала среди прихожанъ слободы, онъ не боялся больше воспроизводить здѣсь свой обычный репертуаръ, уже давно популяризированный въ Польшѣ: Товитъ слѣдовалъ на сценѣ за Эсфирью и Юдифью; возмущеніе національнаго или религіознаго чувства по немногу затихало. Театръ одержалъ верхъ.

Въ Польшѣ представленія этого рода, побѣдоносно бравируя оппозицію клира, относятся къ двѣнадцатому вѣку. Въ болѣе близкую эпоху они приняли форму „діалогическихъ сценъ“, составленныхъ по образцу старинныхъ нѣмецкихъ мистерій съ тѣмъ-же господствомъ комическаго элемента. Когда іезуиты приняли этотъ репертуаръ для своихъ коллегій, онъ проскользнулъ этимъ путемъ въ кіевскую академію Могилы и былъ очень близокъ Полоцкому и его украинскимъ собратьямъ. Въ Преображенскомъ или въ Кремлѣ онъ сохранялъ тотъ-же средневѣковый колоритъ, но подчеркивая комическую сторону для зрителей, которыхъ расхолодилъ бы ихъ прежній серьезный стиль. То былъ комизмъ довольно грубый, какъ и слѣдовало ожидать: передъ трупомъ, напримѣръ, Олоферна, служанка разсуждаетъ о затрудненіи, въ которомъ долженъ былъ очутиться вождь, когда увидѣлъ, что Юдифь уноситъ его голову. Пораженный въ затылокъ лисьимъ хвостомъ, какъ пьяный монахъ при допросѣ Аввакума, солдатъ воображаетъ, что ему отрубили голову и поэтому начинаетъ бѣсноваться. Языкъ этихъ глупыхъ шутокъ пестрѣлъ тривіальными выраженіями и обычно былъ такъ затемненъ, что становился непонятнымъ.

Ни по формѣ, съ другой стороны, ни по существу своему этотъ репертуаръ не являлся здѣсь результатомъ націо-

нальнаго духа; онъ даже не былъ связанъ съ тѣми символами Священной Исторіи, которые вводила иногда въ свою службу національная церковь, сопровождая ихъ діалогами и соотвѣтствующими пѣснопѣніями. Представляя изъ себя нѣкоторое сходство съ западными мистеріями, эти священныя драмы отличались отъ нихъ между тѣмъ и своимъ духомъ и своимъ стилемъ, сохраняя всегда ритуальный характеръ. Этотъ театръ, въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ былъ насажденъ на берегахъ Москвы-рѣки, не представлялъ изъ себя ничего народнаго и не обращался къ народу. Въ началѣ онъ являлся лишь развлеченіемъ для двора, привилегіей царя, его семьи и его приближенныхъ. Подражаніе иностраннымъ образцамъ въ нихъ было абсолютно рабскимъ, обнаруживая лишь въ нѣсколькихъ чертахъ вліяніе окружающей среды. Но это не могло долго продолжаться. Вскорѣ,—и очень быстро, если считаться съ тѣми волненіями, которыя послѣ смерти Алексѣя временно уничтожили интересъ возбужденный къ этой сферѣ въ московской публикѣ,—національный духъ завоевалъ себѣ въ нихъ мѣсто. Къ концу вѣка уже попадаются типы, взятые изъ мѣстной жизни, въ драматическихъ произведеніяхъ Св. Димитрія Ростовскаго, а нѣсколько лѣтъ спустя появляется одна трагедія, берущая свой сюжетъ изъ самой исторіи страны.

На извѣстной ступени умственнаго развитія народы подобны малымъ дѣтямъ: ихъ можно заинтересовать, научить чему-нибудь и возбудить въ нихъ работу ума лишь посредствомъ образовъ. Театръ въ Преображенскомъ и въ Кремлѣ и былъ именно такою книгою изображеній, сначала открытою передъ замкнутымъ кругомъ избранныхъ лицъ, но не преминувшей распространить дальше свое возбуждающее и воспитательное вліяніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ ту эпоху литература страны и тоже ея народная поэзія.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ народная поэзія занимаетъ еще въ русской жизни довольно значительное мѣсто. Она охватываетъ два отдѣла: одинъ свѣтскій, связанный съ эпическимъ цикломъ Кіева и переносимый изъ одного мѣста въ другое странствующими скоморохами, и другой, религіозный, черпавшій свое вдохновеніе въ христіанскихъ легендахъ на почвѣ апокрифической, привитой переводами съ сербскаго или съ болгарскаго; посредниками здѣсь являются нищіе,

слѣпые, калики, какъ ихъ здѣсь называютъ. Церковь одинаково ихъ преслѣдуетъ и, такъ какъ въ концѣ этого вѣка почти совершенно исчезаютъ барды перваго типа, то ихъ соперники смѣшиваютъ оба репертуара, дѣлая изъ Ильи Муромца святого, а изъ Соломона героя былины.

Дружинникъ Владиміра между тѣмъ продолжаетъ оставаться любимцемъ публики и все болѣе обращается въ казака. Часто онъ именно такъ квалифицируется и, уже игнорируя хронологію, его опредѣленно называютъ „донскимъ казакомъ". Онъ принялъ даже всѣ характерныя черты послѣдняго: такъ, разгнѣванный за то, что его не пригласили на пиръ, Илья стрѣляетъ изъ своего мушкета въ чудотворныя иконы; онъ хочетъ убить Владиміра съ женою, и всегда является представителемъ вѣковой борьбы между кочевымъ и воинственнымъ населеніемъ степи и осѣдлымъ и трудолюбивымъ населеніемъ деревень и городовъ. Онъ мѣняетъ лишь свое имя, не измѣняя своего характера, и какъ Ермака начинаютъ считать племянникомъ Владиміра, Илью заставляютъ сражаться въ качествѣ эсаула въ шайкѣ Стеньки Разина.

Но вотъ, пройдя черезъ горнило польской литературы, другія историческія фигуры входятъ въ область народной фантазіи. Исторія Трои, Гвидо Мессинскаго появляется въ русскомъ переводѣ: уже устарѣлый для Запада, рыцарскій романъ сдѣлался предметомъ легкаго чтенія въ высшихъ московскихъ сферахъ, и подъ названіемъ Бовы Королевича, Буово д'Антона, нашелъ себѣ страстныхъ поклонниковъ.

Несмотря на господство византійскаго элемента, римское вліяніе всегда чувствовалось въ литературѣ страны, но теперь оно взяло верхъ. Мѣстный поэтическій фондъ былъ имъ обезцѣненъ въ то самое время, какъ движеніе противъ суевѣрія въ борьбѣ съ расколомъ пробило брешь въ эпопеѣ на почвѣ чудеснаго у національныхъ поэтовъ. Чувствуется необходимость ввести въ нее историческую правду, реалистическое теченіе бродитъ въ умахъ, поэзія теряетъ свое значеніе передъ прозою, и романъ наслѣдуетъ театру.

Нѣсколько мѣстныхъ писателей уже пробовали имъ заняться. Со второй половины этого вѣка всюду циркулирова-

ли анекдотическіе разсказы, фантастически обрисовывающіе факты и личности, близкіе къ еще живой современности. Не достигая своего образца, эти сказки однако напоминаютъ собою Декамерона. Въ нихъ чаще всего выведенъ Иванъ Грозный. Странствуя по своему государству въ переодѣтомъ видѣ, подобно второму Гаруну Аль-Рашиду, онъ получаетъ въ подарокъ отъ крестьянина, для котораго онъ остается незнакомцемъ, пару грубыхъ лаптей и брюкву. Царь надѣваетъ лапти и, заставивъ всѣхъ бояръ носить такія-же, богато одаряетъ находчиваго мужика. Послѣ этого одинъ изъ бояръ думаетъ снискать милость государя великолѣпною лошадью, надѣясь получить награду, соотвѣственно подарку, но царь даритъ ему въ обмѣнъ сохраненную имъ брюкву. Въ другой разъ мы видимъ Ивана Грознаго уже въ обществѣ разбойниковъ, которымъ онъ поручаетъ ограбить одну изъ государственныхъ кассъ, какъ это дѣлаютъ экспропріаторы нашего времени. Но эти личности въ семнадцатомъ вѣкѣ оказываются, однако, болѣе совѣстливыми. Одинъ изъ нихъ ударяетъ царя по лицу, говоря, что безчестно грабить государя, которымъ не нахвалятся бѣдняки. Совсѣмъ другое дѣло нападать на бояръ, которые сами обогощаются, грабя своего государя.

Эта морализующая тенденція, такимъ образомъ выраженная, совершенно чужда Декамерону, и она связываетъ эти произведенія съ мѣстной народной поэзіей, гдѣ она всегда появлялась. Примѣромъ этому служитъ знаменитая Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи, открытая въ 1856 году Пыпинымъ и много разъ издавшаяся съ тѣхъ поръ. Хотя и начиная съ сотворенія міра, эта поэма является лишь передѣлкой басни о мотѣ, приспособленной къ мѣстнымъ вкусамъ, благодаря символической фигурѣ Горя-Злосчастья, олицетворенія духа зла, злого ангела или демона. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить типичную черту: моральное паденіе и матеріальныя лишенія, въ которыя попадаетъ герой разсказа, благодаря внушеніямъ своего фатальнаго товарища, имѣетъ источникомъ своимъ—пьянство. Здѣсь оно представляетъ изъ себя главное зло, и Аввакумъ въ своихъ опытахъ толкованія Священной исторіи отождествлялъ даже первородный грѣхъ съ пьянствомъ. Не заключая въ себѣ никакого указанія ни на дату, ни на мѣсто, эта поэма по языку и по ходу разсказа,

можетъ быть отнесена ко второй половинѣ семнадцатаго вѣка.

Какъ и сказки въ прозѣ, относящіяся къ тому же времени, она не даетъ мѣста любви. Домострой не зналъ этой области наслажденій. По тѣмъ идеямъ, которыми онъ вдохновлялся, женщина являлась низшимъ существомъ во всѣхъ отношеніяхъ и по существу своему развращенной. Одинъ изъ сборниковъ этого времени Пчела, трактовавшій объ этой темѣ, ограничивается лишь обсужденіемъ вопроса о томъ, на чемъ слѣдуетъ остановиться въ своемъ выборѣ: на непріятностяхъ, сопряженныхъ съ жизнью съ дурной спутницею жизни или на трудностяхъ, съ которыми связала необходимость—отъ нея отвязаться. Авторъ, ея кажется, и не допускаетъ, что можно встрѣтить добрую и милую женщину. И чѣмъ кромѣ того женщина можетъ нравиться? По духу Домостроя, самая ея красота, если она ею обладаетъ, является ея главнымъ недостаткомъ. Уродливая, она менѣе соблазнительна, ее и слѣдуетъ предпочесть. Это одна изъ причинъ того, почему рыцарскій романъ, принявшій на западѣ артистически утонченный видъ у Боккачіо, Сервантеса и Шекспира, сохранилъ здѣсь самую примитивную и самую грубую форму.

Судя по нѣкоторымъ мелочамъ, по прологу объ Адамѣ и Евѣ, по заключительной молитвѣ, Горе-Злосчастье входило, такимъ образомъ, само въ репертуаръ каликъ. Съ другой стороны въ немъ можно найти черты сходства съ Мейеромъ Гельмбрехтомъ Wernher'a Gaertner'a—этой пасторалью четырнадцатаго вѣка; какъ въ фигурѣ злого духа, тяготѣвшаго надъ участью героя, выражаются здѣсь демонологическія теоріи западнаго средневѣковья. Очень неискусная и особенно устарѣлая копія! Но нѣсколько позже тотъ же литературный фондъ даетъ намъ „исторію Саввы Грудцына“ и здѣсь мы неожиданно встрѣчаемся съ произведеніемъ, если не совсѣмъ оригинальнымъ, то по крайней мѣрѣ развитымъ очень свободно на заимствованной имъ канвѣ и почти совершенно свободнымъ отъ традиціонныхъ формулъ. Савва ужъ больше не миѳъ и не экзотическій герой. Онъ выросъ на настоящей московской почвѣ и, капитальная новость, онъ влюбленъ! Возлюбленный жены друга своего отца, онъ ее оставляетъ и за это наказанъ. Красавица даетъ ему сначала снадобье, которое вновь

воспламеняетъ его любовью къ ней, а потомъ выдаетъ его обманутому мужу, такъ что герой является заодно и болѣе влюбленнымъ, чѣмъ когда либо, и разлученнымъ съ предметомъ своей страсти. Желая обрѣсти снова потерянное, онъ отдается діаволу, и Сатана, принявъ видъ его родственника, соглашается служить ему за расписку, по которой влюбленный долженъ заплатить значительную сумму, но отдаетъ ему дѣйствительно свою душу. Какъ всякій истинный московитъ, Савва не умѣетъ читать. Несмотря на все сходство положеній, которыя не трудно тутъ узнать, въ этомъ героѣ нѣтъ ничего общаго съ виртембергскимъ докторомъ нѣмецкой легенды. Онъ сынъ купца и солдатъ. Сопровождаемый своимъ Мефистофелемъ, сдержавшимъ слово и вернувшимъ ему его возлюбленную, Савва принимаетъ участіе въ войнѣ съ поляками и покрываетъ себя славою подъ стѣнами Смоленска. Пули не могутъ пронзить его, и воды Днѣпра расходятся и даютъ ему возможность пройти. Но послѣ того, какъ его узнаютъ, его отсылаетъ домой въ Великій Устюгъ генералъ, который не хочетъ, чтобы сынъ богатаго купца собиралъ лавры, предназначенные для болѣе бѣдныхъ людей. Любопытная иллюстрація демократическихъ идей, появившихся здѣсь въ извѣстныхъ кругахъ. Получивъ отставку, Савва заболѣваетъ отъ печали и зоветъ къ себѣ священника. Но тотчасъ же комната, гдѣ онъ лежитъ въ послѣдней агоніи, наполняется демонами, и среди нихъ Мефистофель, снявъ съ себя маску, представляетъ умирающему документъ, подъ которымъ онъ имѣлъ неосторожность поставить крестъ. Савва впадаетъ въ безумство и видитъ Богородицу, обѣщающую ему прощеніе подъ тѣмъ условіемъ, что онъ сдѣлается монахомъ. Придя въ себя, Савва повинуется ей и находитъ себѣ спасеніе и миръ душевный.

Старина захватываетъ снова свои права въ этой развязкѣ, но это уже послѣдняя побѣда. Отъ него не остается и слѣда въ приключеніяхъ, сообщенныхъ въ 1680 году о русскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и Аннушкѣ, дочери стольника Нардына. Нардынъ — это Ордынъ-Нащокинъ, и здѣсь мы имѣемъ уже дѣло съ законченнымъ романомъ, безъ всякаго аскетизма или дидактическаго направленія. Этотъ разсказъ скорѣе не моральный или вѣрнѣе аморальный. Молодой дворянинъ изъ Новгорода, одаренный вмѣсто всего

иного большимъ талантомъ интриги, обращаетъ свое вниманіе на дочь богатаго стольника. Не добившись того, чтобы понравиться ей, онъ подкупаетъ кормилицу, увозитъ наслѣдницу и женится на ней. Желая утишить гнѣвъ отца, онъ старается перевести на свою сторону одного изъ пріятелей послѣдняго и такъ отлично устраиваетъ свои дѣла, что стольникъ, все еще считая его отъявленнымъ негодяемъ, принимаетъ его въ свой домъ, отдаетъ ему одно изъ своихъ имѣній и кончаетъ тѣмъ, что завѣщаетъ ему все свое состояніе.

Теперь мы уже далеки отъ Домостроя. Разсказанное съ большимъ жаромъ, это галантное, и пикантное приключеніе отодвигаетъ насъ отъ него на сто верстъ. Аскетическій принципъ отреченія отъ міра замѣняется въ немъ радостью жизни, стремленіемъ къ матеріальнымъ наслажденіямъ, практическимъ умомъ честолюбца. Но и этотъ второй идеалъ также не высокой пробы. И въ силу постояннаго гиперболизма, управляющаго въ этой странѣ всѣми явленіями, мы попадаемъ съ головокружительной высоты въ пропасть. Какъ у Фрола Скобѣева, такъ и у Саввы Грудцына, самая любовь, чисто чувственная, не облагорожена ни малѣйшимъ намекомъ на чувства, а прекрасная Аннушка только рабыня или одалиска, вырвавшаяся изъ терема. Но во всякомъ случаѣ эта крайняя тривіальность имѣетъ все же больше значенія, чѣмъ излишекъ противуположнаго, такъ какъ, будучи болѣе близкой къ человѣческой природѣ, она является и болѣе плодотворной. И дѣйствительно, первая четверть слѣдующаго вѣка не прошла безъ того, чтобы изъ этого грубаго натурализма не выросъ болѣе нѣжный цвѣтокъ, и чтобы, введеніе въ литературу лирическаго и сантиментальнаго элемента, уже выраженнаго на западѣ Данте, реализированнаго Петраркою, не сдѣлалось и здѣсь совершившимся фактомъ.

Подъ скрывавшею ихъ старою и грязною оболочкою, Савва Грудцынъ и Фролъ Скобѣевъ уже объявляютъ и приготовляютъ расцвѣтъ, ибо тѣмъ способомъ, какъ они представлены были русской публикѣ, они въ видѣ мощнаго ростка дали ей образчикъ до того невѣдомаго искусства. Эти разсказы отличаются живостью и составлены очень талантливо. Остальное должно было явиться въ свое время.

VI.

Искусство.

Западное искусство стало теперь зарождаться подъ всякими формами, во всѣхъ направленіяхъ на почвѣ, такъ долго остававшейся безплодной благодаря византійской культурѣ. Хотя Аввакумъ и обвинялъ Никона въ томъ, что тотъ покровительствовалъ западной живописи, „такъ преступно сходной съ природою“, но этотъ послѣдній направлялъ еще остатки своей энергіи противъ новаторскихъ тенденцій, вторгавшихся даже въ священную иконографію, и Соборъ 1667 года подписался самъ подъ анаѳемою патріарха. Но все было тщетно! Вкусы публики одержали верхъ надъ постановленіями церкви и такіе извѣстные художники, какъ знаменитый Семенъ Ушаковъ, для удовлетворенія вкусовъ своихъ заказчиковъ должны были раздѣлить свою кисть между православными канонами и итальянскими моделями. Михаилъ Ѳеодоровичъ уже принялъ къ своему двору нѣмцевъ и поляковъ, живописцевъ свѣтскихъ картинъ и портретовъ. Въ царствованіе его сына, у нихъ уже были русскіе ученики, которые гораздо смѣлѣе напали на незыблемую святыню византійскихъ типовъ. Въ мастерской Семена Ушакова разгораются диспуты по поводу кающейся Магдалины, неотразимыя прелести которой заставляютъ отплевываться отъ отвращенія сербскаго архидіакона, Ивана Плесковича. На почвѣ такихъ противорѣчій просыпается критическій духъ, и само религіозное чувство обновляется имъ. Новаторы блуждаютъ еще въ мелочахъ, но отвергнутое византійское вліяніе оказывало еще свое дѣйствіе,—хотя они этого и не замѣчали,—отъ котораго они не могли уберечься. Такъ въ традиціонномъ изображеніи рожденія Христа, Богоматерь изображается въ кровати. Развѣ это не ошибка, спрашивали они себя, разъ родовой процессъ у Богоматери долженъ былъ пройти совершенно безболѣзненно? Но одинъ изъ друзей и соперниковъ Ушакова, Іосифъ Владиміровичъ обращается къ нему съ посланіемъ, въ которомъ, защищая новую эстетику, осмѣливается назвать варварскимъ эстерическій канонъ Стоглава. И итальянская школа снискала себѣ такое почетное мѣсто, что подъ руководствомъ грека Николая Спафари была при-

готовлена къ напечатанію въ 1671 году по приказу Алексѣя „Книга Сивиллъ“. Лица, даже наиболѣе преданныя культу прошедшаго, были возбуждены этими нововведеніями.

Какъ спектакли, на которыхъ присутствовали московскіе посланцы при иностранныхъ дворахъ, ихъ также поразилъ и привелъ въ восторгъ видѣнный ими блескъ западныхъ дворцовъ. И такимъ образомъ другое искусство, пришедшее изъ Италіи, развившееся во Франціи, заявляетъ свое право на участіе въ переустройствѣ древней Москвы. Алексѣй и приближенные къ нему вельможи, не удовольствовавшись однимъ украшеніемъ и меблировкой своихъ жилищъ на европейскій манеръ, принялись еще украшать ихъ роскошными цвѣтниками. Они выписываютъ изъ заграницы садовниковъ и получаютъ за большія деньги рѣдкія растенія.

Все это движеніе увлекаетъ за собою настоящимъ образомъ лишь очень небольшое число избранныхъ лицъ, а рядомъ съ ними оставалась все еще нетронутою вся масса устарѣвшихъ привычекъ и предразсудковъ. Для того, чтобы ихъ разрушить тѣмъ путемъ, какимъ это произошло на западѣ, между тринадцатымъ и четырнадцатымъ вѣками, не хватало религіознаго чувства, которое могло бы развить здѣсь достаточную силу: оно было сильно лишь въ нѣдрахъ раскола, откуда всякая мысль объ искусствѣ была изгнана. Оставаясь еще въ рамкахъ древности, благодаря близкой связи съ нею, сторонники прогресса не могли сами совершенно освободиться отъ нея. Послѣ Книги Сивиллъ, Алексѣй отдаетъ приказъ въ 1676 году сдѣлать новый переводъ Великаго Зерцала, этой компиляціи матерьяловъ, заимствованныхъ изъ тринадцатаго и четырнадцатаго вѣка съ яркой аскетическою тенденціей.

Этотъ расцвѣтъ искусства, экзотическаго по своему происхожденію, аристократическаго въ своихъ первыхъ проявленіяхъ, изолированнаго въ кругу общества невѣжественнаго во всѣхъ отношеніяхъ, — представлялъ изъ себя тепличное растеніе, заставлявшее лишь чувствовать сильнѣе общую дикость той среды, въ которой оно возникло. Заводится театръ, начинаютъ писать романы, устраиваютъ картинныя галлереи, а между тѣмъ остаются, какъ и прежде, оторванными во всѣхъ другихъ отношеніяхъ отъ цивилизаціи, которая принесла всю эту роскошь. Желаніе болѣе

тѣснаго сближенія увеличивается благодаря этому, но нѣтъ еще никакихъ средствъ къ его достиженію и отсюда получается жалкое впечатлѣніе.

Впечатлѣніе это еще усиливается въ моментъ смерти Алексѣя передъ очевидностью экономическаго и нравственнаго ничтожества, которое было замаскировано внѣшностью этого почетнаго царствованія. Нужно было болѣе радикально раздѣлаться съ вѣковой рутиной. Но какъ? Неизвѣстно. Для того, чтобы взять на себя иниціативу въ этомъ направленіи, соціальные классы слишкомъ слабы, слишкомъ чужды одинъ другому, слишкомъ раздѣлены радикальнымъ антагонизмомъ идей, инстинктовъ, интересовъ. Правительство не менѣе смущено. Неспособное намѣтить путь или удержаться на немъ, оно дѣлало видъ, будто проситъ народныя массы сообщить руководящую линію поведенія, которую оно будто бы хочетъ отъ нихъ получить. Оно выслушиваетъ всѣ пожеланія, собираетъ всѣ петиціи, показываетъ себя расположеннымъ принять всѣ рекомендованныя имъ мѣры, но вызываетъ этимъ лишь полный хаосъ противуположныхъ мнѣній. Оно созываетъ соборы, но ему не удается добыть на нихъ какого-либо большинства за ту или иную опредѣленную программу.

Такимъ образомъ создалось положеніе вещей, воспроизведеніе котораго мы видѣли въ болѣе близкой къ намъ эпохѣ, заключавшее въ себѣ настоятельную необходимость революціи, при радикальной невозможности ее осуществить.

VII.

Революціонный духъ.

Крыжаничъ, русскій по духу и убѣжденный, восторженный поклонникъ своей новой родины, можетъ служить иллюстраціей къ этому болѣзненному кризису. Родившись около 1618 года въ очень благородной, но очень бѣдной кроатской семьѣ, жертва бѣдствій, созданныхъ въ его родной землѣ чужеземнымъ господствамъ, онъ былъ доведенъ, какъ это и теперь бываетъ со многими его братьями по расѣ, до убѣжденія въ необходимости соединенія всѣхъ славянъ противъ общаго врага, остающагося тѣмъ же и теперь, и ему казалось,

что большое сѣверное государство призвано служить центромъ общаго союза. Будучи первымъ апостоломъ панславизма, послѣ посѣщенія Москвы въ 1647 и 1650 годахъ въ качествѣ прикомандированнаго къ посольству, онъ въ 1659 году возвращается въ нее для того, чтобы работать въ томъ же направленіи.

Подчинялъ ли онъ это дѣло, какъ это предполагали, какой-либо высшей цѣли религіознаго порядка? Утверждать это, кажется, было бы слишкомъ смѣло. Подробности, сообщенныя имъ объ его встрѣчѣ съ Аввакумомъ, не обнаруживаютъ въ немъ очень горячаго рвенія къ католическому прозелитизму. „Геніальный диллетантъ", какъ его назвалъ одинъ изъ его біографовъ, богословъ и полемистъ, но также и главнымъ образомъ, грамматикъ, историкъ, географъ, этнографъ, соціологъ, экономистъ, финансистъ, музыкантъ, философъ,—онъ занимался слишкомъ многимъ и притомъ главнымъ образомъ свѣтскими дѣлами, чтобы какая-либо господствующая мысль въ этомъ родѣ могла руководить его дѣломъ.

Послѣ болѣе продолжительнаго пребыванія своего въ Москвѣ онъ долженъ былъ однако увидѣть, что то довѣріе, которое онъ оказывалъ этой странѣ, даже въ смыслѣ защиты одного только славянскаго дѣла, было по крайней мѣрѣ преждевременно. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что еще до того, какъ играть роль первой скрипки въ антигерманской конфедераціи, Россіи нужно было переждать подготовительный этапъ чисто революціонный, въ смыслѣ ряда радикальныхъ реформъ въ идейномъ и нравственномъ отношеніяхъ, въ политической, соціальной и экономической организаціяхъ.

Онъ не скрылъ своихъ убѣжденій, и это прямодушіе стоило ему ссылки въ Сибирь. Большая часть изъ его сочиненій была составлена въ Тобольскѣ, гдѣ онъ прожилъ пятнадцать лѣтъ. Въ томъ числѣ его Политическія мысли, которыя вмѣстѣ съ неосуществимой программой будущаго заключаютъ для настоящаго итогъ полнаго банкротства. Активъ въ нихъ заботливо выведенъ, но, несмотря на всѣ усилія защитить его, о чемъ мы уже имѣемъ представленіе, пассивъ приводитъ его къ констатированію ужасающей бѣдности.

— Какъ мы могли-бы не быть жалкими,—пишетъ Крыжаничъ, храбро отождествляя себя со своими новыми соотечественниками,—когда даже языкъ нашъ недостаточно удовлетворителенъ, чтобы выражать идеи цивилизованнаго міра? Нашъ языкъ бѣденъ, какъ наша мысль, и такъ же мы чувствуемъ. Въ насъ нѣтъ естественнаго мужества, ни законной гордости, ни благородныхъ порывовъ, ни сознанія своего достоинства. Благодаря нашимъ нравамъ мы служимъ позоромъ для всей Европы, потому-что мы обнаружили въ себѣ склонность къ воровству, къ убійству, къ безчестію во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ, къ распущенности во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ.—Сдѣлавъ такое плачевное признаніе, Крыжаничъ доискивался причины подобнаго положенія вещей и находитъ ее въ отсутствіи всякой свободы. Онъ повсюду видитъ солдатъ, полицейскихъ, доносчиковъ, приставовъ,—словомъ цѣлую армію, занятую исключительно тѣмъ, чтобы препятствовать людямъ дѣлать, что они хотятъ. Поэтому всѣ привыкаютъ жить скрытно, укрывать отъ нескромнаго взгляда свои поступки; и не выгадывая отъ этого ни въ отношеніи нравственности, ни въ отношеніи чести, общество теряетъ отъ этого всякую возможность утилизировать самые благородные свои порывы. Недостаточно хорошо вознаграждаемыя кромѣ того мѣстныя власти не имѣли другихъ средствъ къ жизни, какъ принимать самимъ участіе въ преступленіяхъ, которыя они призваны были искоренять, и грабить воровъ. Такая организація представляетъ изъ себя лишь взаимный договоръ грабежа.

А лѣкарство? Необходимо перестроить до основанія все политическое и соціальное зданіе. Но кто возьмется за это? Хорошій пророкъ во всемъ, что касается семнадцатаго столѣтія, а быть можетъ и болѣе близкой намъ эпохѣ, Крыжаничъ не полагается въ данномъ случаѣ на самихъ московитянъ. „Они не захотятъ сдѣлать добро, пока ихъ къ тому не принудятъ“. Къ счастью для нихъ у нихъ есть провиденціальное орудіе необходимыхъ реформъ—это самодержавіе. Безъ него и внѣ его нѣтъ спасенія.

Но каковы должны быть эти необходимыя реформы? Программа Крыжанича выдвигаетъ четыре главныя мѣры, которыя, довольно плохо согласуясь между собою, довольно странно кромѣ того противорѣчатъ его руководящей идеѣ объ анти-

германскомъ панславизмѣ. Онъ хочетъ развитія просвѣщенія, но, самъ писатель, онъ питаетъ странное презрѣніе къ „мертвой буквѣ книги". Онъ стремится привить широкое техническое воспитаніе и, врагъ нѣмцевъ, онъ считаетъ лишь ихъ, инженеровъ и ремесленниковъ, годными быть учителями его соотечественниковъ по родинѣ, въ которой онъ нашелъ себѣ пріютъ, и надѣется лишь на ихъ капиталы для развитія въ московской странѣ промышленности и торговли. Онъ объявляетъ себя сторонникомъ политической свободы, административной автономіи классовъ, но въ то же время видитъ въ государѣ и его самодержавной власти источникъ и необходимое условіе всякаго прогресса, въ самой педантической регламентаціи—единственное средство его реализировать и, наконецъ, въ расширеніи права петиціи, въ прямомъ обращеніи къ тому же государю—единственное средство противъ всѣхъ злоупотребленій.

Въ общемъ ея духѣ, если не въ подробностяхъ практическаго ея приложенія—это почти программа другого панслависта, Ордына-Нащокина, т.-е. та именно, которую Петръ Великій употребилъ въ дѣло, съ ея парадоксальной идеологіей и внутренними ея противорѣчіями. Но за исключеніемъ одной ея черты, обнаруживающей окончательное истощеніе соціальныхъ силъ, это программа всѣхъ мятежей, извѣстныхъ въ этой странѣ съ XVI-аго вѣка: революція за царя, но на этотъ разъ устроенная также царемъ противъ всѣхъ, кто раздѣлялъ его авторитетъ.

И Крыжаничъ не одинъ думалъ такъ, хотя онъ одинъ осмѣлился написать это. Если присмотрѣться поближе, это общее чувство. Довольно ясно, хотя и не совсѣмъ понятно, оно выражается во всѣхъ коллективныхъ или индивидуальныхъ манифестаціяхъ московскаго ума на этомъ поворотѣ національной исторіи. Спрошенные объ ихъ положеніи, податные крестьяне заявляютъ себя „сиротами царя" и говорятъ, что они ожидаютъ отъ него облегченія наложенныхъ на нихъ тягостей. Спрошенные о мѣрахъ, необходимыхъ для улучшенія состоянія страны, служилые люди отвѣчаютъ, что они „рабы царя" и ожидаютъ лишь его приказаній. Здѣсь мы очутились въ какомъ-то заколдованномъ кругу и до Петра Великаго изъ него невозможно найти выходъ.

Что касается Крыжанича, помилованнаго въ 1676 году

сыномъ Алексѣя, послѣ новой попытки не измѣненія условій мѣстной жизни, но только приспособленія къ нимъ, онъ пришелъ въ полное отчаяніе и отправился въ Польшу, чтобы поступить тамъ въ орденъ Братьевъ Рыбарей. Онъ добровольно на этотъ разъ самъ отправился въ изгнаніе и онъ не единственный, котораго постигла такая участь.

Мы знаемъ уже о приключеніи сына Ордына-Нащокина. Какъ и этотъ молодой человѣкъ, вкусившій заграничнаго воздуха, не одинъ русскій съ тѣхъ поръ сталъ задыхаться въ атмосферѣ своей страны. Таковъ былъ случай съ Григоріемъ Котошихинымъ, который, служа въ приказѣ внѣшнихъ сношеній и стоя на порогѣ блестящей карьеры, отказывается отъ нея и въ 1664 году переходитъ границу, желая избѣгнуть мести одного начальника, которому онъ отказалъ въ соучастіи въ низкой интригѣ, или просто чтобы, развить свою сознательность. А можетъ быть онъ скрылся, желая избѣгнуть риска быть вторично наказаннымъ кнутомъ, какъ это случилось съ нимъ въ 1660 году изъ-за какого-то незначительнаго проступка.

Въ Польшѣ, и позже въ Швеціи, гдѣ его ожидала трагическая смерть, онъ составляетъ въ свою очередь очеркъ политической и соціальной среды, въ которой онъ не могъ жить, и приходитъ почти къ тѣмъ же выводамъ. Сѣть произвола, жадности и грубости, убивающая всѣ жизненныя функціи, дикая роскошь въ верхахъ, ужасная нищета въ низахъ, одинаковая испорченность повсюду, все это создавало невыносимый режимъ.

Между всѣми мыслящими людьми это было общее мнѣніе. Одни бѣгутъ, другіе ссылаются, всѣ сходятся въ одномъ,—что все это не можетъ продолжаться такимъ образомъ. Нѣкоторымъ придворнымъ удается скрыть свое внутреннее возмущеніе подъ видомъ внѣшняго подчиненія, какъ, напр., князю Николаю Ивановичу Одоевскому. Увлекаясь всѣми новшествами, не исключая самыхъ смѣлыхъ изъ нихъ, ему удается, однако, безъ затрудненія просуществовать, занимая высокія должности въ теченіе трехъ царствованій: Михаила, Алексѣя и Ѳеодора. Онъ представлялъ изъ себя характерный типъ боярина этой эпохи, опредѣленный продуктъ московской политики, матеріальнаго и нравствен-

наго выродка безъ всякой связи ни съ традиціями своей семьи, уничтоженными іерархіей ранговъ, ни съ почвой, не бывшей уже больше его родиной, ни съ маленькимъ міркомъ своихъ крестьянъ, представлявшихъ для него лишь скотъ въ образѣ человѣческомъ, типъ соціальнаго отброса, въ которомъ олицетворяется полный разрывъ между аристократіей и народомъ на развалинахъ древней патріархальной организаціи этой страны, и въ которомъ обнаружились первые результаты общаго распаденія органическихъ элементовъ, являющагося еще и теперь существеннымъ препятствіемъ ко всякому гармоническому построенію и всякой возможности не только прогресса, но сносной жизни.

Онъ скептикъ даже въ дѣлѣ религіи. Между тѣмъ онъ вмѣстѣ съ фанатиками раскола вѣритъ въ неизбѣжный конецъ того міра, въ которомъ онъ живетъ. Можетъ быть, вѣроятно даже, по ихъ примѣру, онъ представляетъ себѣ его въ видѣ катастрофы, такъ какъ въ виду многочисленныхъ проблемъ, съ которыми столкнулась его страна, онъ уже не можетъ представлять себѣ прогрессивную и мирную развязку. Можетъ быть за недостаткомъ другого исхода, который онъ могъ бы увидѣть, этотъ скачекъ въ область неизвѣстнаго кажется ему, какъ и имъ, единственно желательнымъ. Но онъ не рѣшился бы пошевельнуть пальцемъ, чтобы ускорить это событіе. Невѣрующій или почти невѣрующій, онъ уже говоритъ не о Провидѣніи, а о фатальности. Провидѣніе или судьба должны вмѣшаться въ дѣло. И эта ожидаемая, желанная катастрофа уже подготовлялась—въ колыбели младшаго сына Алексѣя. Нужно было, чтобы въ дѣло вмѣшался царь, государь, который при всемъ томъ всемогуществѣ, которымъ владѣлъ уже второй Романовъ, имѣлъ бы другое направленіе ума и другой темпераментъ. Но Провидѣніе или судьба хотѣли, чтобъ эта обязанность выпала на долю человѣка, неспособнаго работать иначе, какъ съ помощью ураганов и землетрясеній.

Дѣло Петра Великаго являлось между тѣмъ лишь результатомъ прошлаго. Разрушительный или созидательный геній мощнаго революціонера состоялъ главнымъ образомъ въ замѣчательной способности связывать все вмѣстѣ и переводить отъ отрицательнаго полюса къ положительному всю ту массу коллективныхъ силъ, которую приготовила вся

исторія семнадцатаго вѣка, направляя ихъ даже въ нѣкоторыхъ пунктахъ уже по проторенным дорогамъ. И это то, что хотѣлъ доказать авторъ этой книги.

Въ этой исторіи Алексѣй занимаетъ столь значительное мѣсто, его фигура является настолько выразительной для своей эпохи и своей среды, онъ, наконецъ, до сихъ поръ, даже въ Россіи, такъ мало обратилъ на себя вниманія, по сравненію съ тѣмъ интересомъ, который онъ внушаетъ, съ его заслугами и обаяніемъ,—что необходимо посвятить ему здѣсь нѣсколько дополнительныхъ страницъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Второй Романовъ и его наслѣдіе.

1. Темпераментъ и характеръ Алексѣя.—2. Его умъ.—3. Его дворъ.—4. Его приближенные.—5. Его наслѣдіе.—6. Восшествіе на престолъ Ѳеодора.—7. Конецъ Никона.—8. Правленіе фаворитовъ.—9. Первый ударъ мотыкой.—10. Общій взглядъ.

I.

Темпераментъ и характеръ Алексѣя.

Всѣ современники рисуютъ отца Петра Великаго очень красивымъ мужчиною, высокаго роста, сильнымъ, но немного тучнымъ, не по лѣтамъ, что умаляло нѣсколько его величественную осанку, совершенно соотвѣтствуя, впрочемъ, тому миролюбивому и добродушному темпераменту, благодаря которому онъ получилъ прозвище „тишайшаго царя". Румяный цвѣтъ лица, очень кроткіе голубые глаза, улыбающееся лицо, съ темною бородою нѣсколько рыжеватаго оттѣнка—такимъ рисуютъ его намъ его портреты. Что касается его дородства, то оно явилось у него чертою атавизма, такъ какъ онъ не подражалъ, сидя на тронѣ, священной неподвижности и физической лѣни большинства изъ его предшественниковъ. Неутомимый путешественникъ и безстрашный охотникъ, онъ былъ постоянно въ движеніи и постоянно былъ въ трезвомъ видѣ. Ревностно соблюдая столь частые и столь строгіе посты православнаго канона, онъ, во время великаго поста, если вѣрить Коллинсу, обѣдалъ лишь три раза въ недѣлю: въ субботу, въ воскресенье и въ четвергъ. Въ другіе дни онъ довольствовался кускомъ ситнаго хлѣба и нѣсколькими солеными огурцами и грибами, запивая ихъ небольшимъ стаканомъ меду. Обыкновенно онъ пьетъ только немного вина и иногда примѣшиваетъ немного масла или

корицевой воды къ своему обычному напитку, т. е. этому самому меду, который представляетъ изъ себя напитокъ очень мало хмѣльный. Между тѣмъ, по свидѣтельству англійскаго путешественника, „желая угостить своихъ бояръ, онъ садился въ кресло и давалъ имъ изъ своихъ собственныхъ рукъ маленькій кубокъ съ жидкостью такою тонкой и такъ много разъ дистиллированною, что она могла причинить вредъ каждому, кто къ ней не привыкъ. Онъ иногда примѣшивалъ туда ртуть и ему нравилось, когда его подчиненные пьянѣли“.

Несмотря на свою мягкость и добродушіе, являющіяся особыми чертами его характера и, несмотря на то, что ко всякому человѣческому страданію онъ обнаруживалъ чувствительность, поразительную для того времени и для его среды,— Алексѣй любилъ злыя шутки. Къ его веселости примѣшивались тутъ деспотическіе инстинкты его расы до того, что онъ часто вносилъ жестокость въ забавы, которыя сами по себѣ были невинны. Въ своемъ письмѣ отъ 13 марта 1657 года изъ Коломенскаго къ своему главному ловчему, Матюшкину, онъ сообщаетъ ему, что главнымъ его развлеченіемъ въ этой любимой его резиденціи является купать каждое утро приближенныхъ къ нему бояръ. Если кто-либо изъ нихъ опаздывалъ вставать къ очень раннему часу, его окунали въ прорубь въ сосѣднемъ пруду. Послѣ этой процедуры его приглашали къ царскому столу и, прибавляетъ государь, эти плуты рискуютъ предварительнымъ испытаніемъ, чтобы хорошо поѣсть.

Но можетъ быть мы должны здѣсь видѣть нѣчто другое, чѣмъ насмѣшку и личную фантазію.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ „баня“ Болеслава Храбраго славилась въ Польшѣ и славится еще и теперь на народномъ нарѣчіи страны, обозначая собою радикальное исправленіе. Король имѣлъ привычку, думаютъ, наказывать банею собственноручно молодыхъ людей, находившихся при дворѣ. Нѣкоторые историки между тѣмъ затруднялись опредѣлить эту привычку и не были далеки отъ того, чтобы вообразить, будто эта мѣра являлась знакомъ милости или отличія. На западѣ баня предшествовала обязательно церемоніи посвященія въ рыцари, откуда въ Англіи и произошелъ орденъ

Бани. Извѣстно, что этотъ обычай встрѣчался особенно въ странахъ, подпавшихъ подъ норманское завоеваніе.

Во всякомъ случаѣ, у Алексѣя если это и было подражаніемъ или пережиткомъ, то по всей вѣроятности очень безсознательнымъ. Мы обязаны Павлу Алепскому анекдотомъ, въ которомъ та же черта принимаетъ уже другую форму. Во время одного паломничества, когда понадобилось перейти Москву-рѣку, вмѣсто того, чтобы поискать моста или брода, Алексѣй погналъ свою лошадь въ рѣку и приказалъ своей свитѣ слѣдовать за нимъ. Толстые и жирные по большей части бояре думали, что они погибнутъ тамъ. Они должны были между тѣмъ повиноваться и присутствовать потомъ на обѣднѣ въ одеждѣ, съ которой стекала вода. Но этотъ хронистъ зналъ также о коломенскихъ баняхъ и, быть можетъ, сочинилъ только новую варіацію на эту тему.

Доброта и человѣколюбіе Алексѣя вошли въ Россіи въ пословицу. Тотъ же Павелъ Алепскій рисуетъ намъ его посѣщающимъ основанный имъ госпиталь, гдѣ запахъ былъ такъ ужасенъ, что греческому монаху стало дурно. Государь между тѣмъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, разспрашивалъ больныхъ, цѣлуя ихъ въ ротъ, утѣшая ихъ и ведя за собою антіохійскаго патріарха, который не могъ сдержаться, чтобы не выказать свое отвращеніе. Этотъ госпиталь находится въ любимомъ монастырѣ царя подъ покровительствомъ Св. Саввы, но Алексѣй устроилъ еще и другой въ своемъ собственномъ дворцѣ. Онъ тамъ собиралъ множество стариковъ, съ которыми любилъ бесѣдовать. Монахи Св. Саввы его любимыя дѣти, а Павелъ Алепскій присутствовалъ еще на обѣдѣ, устроенномъ имъ въ этой пустыни для нищихъ, при чемъ онъ самъ прислуживалъ своимъ гостямъ.

При случаѣ однако тотъ же человѣкъ способенъ наказывать суро́во и безпощадно даже невинныя провинности. Онъ приказываетъ примѣнять въ дѣло кнутъ до смерти за простое упущеніе въ охотничьей службѣ, особенно если оно повторяется. Но, сіяя на его веселомъ лицѣ, въ его улыбающихся глазахъ, въ обыкновенно любезномъ пріемѣ, въ шуткахъ, которыми пестритъ его корреспонденція, снисходительная доброта всегда беретъ у него верхъ. Она мѣшаетъ ему даже примѣнить достаточную строгость въ отношеніи

къ нѣкоторымъ близкимъ къ нему лицамъ, которыхъ онъ лично знаетъ за очень дурныхъ подданныхъ и которыхъ онъ благодаря этому третируетъ иногда, но не рѣшается ни удалить ихъ отъ себя, ни согнать съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Таковъ случай съ его тестемъ, Ильею Милославскимъ, неисправимымъ воромъ, интриганомъ самаго низкаго пошиба: къ преступленіямъ его государь относится терпимо.

Онъ подверженъ вспыльчивости. Въ 1661 году его войска, сражаясь съ поляками, потерпѣли нѣсколько пораженій. Тотъ же Илья Даниловичъ, который ни съ какой стороны не могъ быть великимъ полководцемъ, предложилъ свои услуги главнаго начальника, обѣщая привести плѣнникомъ польскаго короля. Это было уже слишкомъ! Алексѣй отвѣчаетъ пощечиной нахалу; онъ вырываетъ у него часть бороды и прогоняетъ ударомъ ноги. Но этимъ дѣло ограничилось, и на другой день уже все прошло. Алексѣй всегда раскаивался въ своей вспыльчивости, заставлявшей его забываться и являвшейся лишь послѣдствіемъ его огромной впечатлительности. Ля Мартиньеръ вскользь замѣчаетъ, что вынужденный однажды утвердить смертный приговоръ, произнесенный противъ дезертира, царь отказался это сдѣлать, ссылаясь въ своемъ рѣшеніи на то, что „Богъ не даетъ мужества всѣмъ людямъ“.

Онъ легко раздражается, такъ какъ не можетъ быть безразличнымъ ни къ чему. Все интересуетъ его почти одинаково, и польская война, и болѣзнь придворнаго и государственныя дѣла, и домашнія дѣла патріарха Іосифа, и вопросы церковнаго пѣнія, и садоводство, и удовольствія соколиной охоты, и устроенныя имъ во дворцѣ театральныя представленія, и ссоры, возникшія въ его любимомъ монастырѣ. Онъ постоянно смѣшиваетъ всѣ эти разнообразныя занятія, какъ и соотвѣтствующія имъ ощущенія. Сообщая Матюшкину объ охотѣ, онъ входитъ въ лирическій пафосъ, разсказывая какъ „по милости Божіей, по молитвамъ охотника и по его счастью“ соколъ, долго колеблясь, схватилъ наконецъ свою добычу.

Въ этой физіономіи обнаруживается поразительное сходство съ Петромъ Великимъ; та же любознательность ко всему, соединенная съ постоянной необходимостью вмѣшиваться во все, хотя и болѣе скромно и скрытно, всегда

работать самому и никогда не оставаться спокойнымъ. Алексѣй самъ зажигаетъ свѣчи въ своей церкви до службы и часто дѣлаетъ то же въ другихъ, посѣщаемыхъ имъ, церквахъ. Прибывъ на освѣщеніе новаго дворца Никона, онъ не позволяетъ никому отнести патріарху свои подарки, несмотря на то, что они были довольно объемисты.

Въ то время, какъ Никонъ находился въ глубинѣ залы, царь вошелъ въ дверь съ цѣлымъ ворохомъ драгоцѣнныхъ соболей, прошелъ черезъ всю комнату и вернулся, чтобы взять дюжину пироговъ. Послѣ подарковъ государя послѣдовали подарки государыни, а потомъ ихъ дѣтей. Онъ ничего не упускаетъ изъ виду, потѣетъ, вытираетъ лобъ и продолжаетъ свое дѣло. „У него былъ совсѣмъ видъ раба, производящаго тяжелую работу“, замѣчаетъ Павелъ Алепскій.

Прибавимъ сюда еще слѣдующую интересную подробность: по обычаю, послѣ Вербной процессіи, въ которой ему приходилось вести на поводу лошадь патріарха,—именно лошадь, а не осла,—царь въ свою очередь получаетъ подарокъ отъ патріарха въ размѣрѣ ста дукатовъ. Алексѣй приказываетъ отложить эти деньги на погребеніе, какъ „заработанные своимъ трудомъ“.

Въ противоположность предшественникамъ, мы видѣли его также во главѣ своихъ войскъ во время первыхъ польскихъ кампаній, раздѣляющимъ со своими солдатами, если не опасности, то по крайней мѣрѣ лишенія. Между тѣмъ, когда счастье отъ него отвернулось послѣ первой побѣды, онъ больше не участвовалъ въ битвѣ. Онъ снова вернулся тогда къ традиціи не столько героической здѣсь, сколько практической. Государь не долженъ подвергаться никакому риску, онъ долженъ присутствовать лишь при побѣдахъ, и его слѣдуетъ предохранять отъ всякихъ матеріальныхъ лишеній и непосредственнаго униженія. Какъ и его предшественникъ, Алексѣй не былъ военнымъ человѣкомъ. Нужно вернуться къ Дмитрію Донскому (1363—1389), чтобы найти такого на русскомъ тронѣ. Съ тѣхъ поръ московскіе государи совершенно не похожи на французскихъ, которые, дойдя даже до такой женственности, какъ Генрихъ III, охотно обнажали свою шпагу, и болѣе мужественные, умирали подобно Генриху II на турнирѣ, или, какъ Францискъ I, сражались пѣшими для спасенія хотя бы

чести. Никто изъ нихъ не показывалъ въ кровавыхъ схваткахъ бѣлаго султана Генриха IV.

Подобно Петру Великому, у Алексѣя была тоже деспотическая склонность заставлять всѣхъ вокругъ него думать, чувствовать и дѣлать по-своему. Подвергшись однажды кровопусканію, онъ потребовалъ, чтобы всѣ присутствующіе сдѣлали себѣ то же самое. Когда же одинъ изъ его любимцевъ, старикъ Родіонъ Стрешневъ, сталъ колебаться, онъ вскричалъ съ негодованіемъ: „развѣ твоя кровь драгоцѣннѣе моей?“ Онъ разразился гнѣвомъ: ругань и удары, вслѣдъ за которыми послѣдовали впрочемъ ласки и щедрыя даянія.

Какъ и умственный его горизонтъ, сфера его дѣятельности между тѣмъ гораздо болѣе узка. Дѣтство его было такъ же мирно, какъ бурно протекло оно у его сына. До пяти лѣтъ онъ росъ въ теремѣ среди женщинъ. Въ этомъ возрастѣ порученный надзору Бориса Морозова, онъ началъ учиться, т.-е. онъ научился читать Часословъ, Псалтирь и отцовъ церкви. Съ семи лѣтъ онъ занялся изученіемъ письма, затѣмъ церковнаго пѣнія, и на этомъ его воспитаніе, хотя и порученное свѣтскому лицу Василію Прокопьеву, что представляло изъ себя уже замѣчательное нововведеніе, считалось законченнымъ. Предполагалось, что онъ уже знаетъ все, что прилично было знать будущему государю и кромѣ того у него была библіотека изъ 13 книгъ. Эти общія и очень спеціальныя знанія Алексѣй дополнилъ потомъ тщательнымъ чтеніемъ; но его умъ навсегда сохранилъ полученныя такимъ образомъ черты.

II.

Его умъ.

Хотя и обнаруживая въ своей корреспонденціи относительно даже обширную эрудицію, артистическіе вкусы и даже кое-какую научную любознательность, отецъ Петра Великаго долженъ былъ навсегда остаться служителемъ церкви, особенно углубленнымъ въ вопросѣ литургіи, вдохновлявшимся ими даже въ вопросахъ, совершенно чуждыхъ этой области идей. Павелъ Алепскій рисуетъ намъ его еще въ качествѣ руководителя церковной службы, чтеца, учителя пѣвчихъ.

Забывъ о присутствіи антіохійскаго патріарха, одинъ изъ священнослужителей даже обратился къ нему съ обычною формулою: „благослови меня, отецъ!“ Тотчасъ же голосъ царя раздался, подобно удару грому: „....., развѣ ты не видишь, съ кѣмъ ты говоришь? Или же ты не знаешь, что нужно сказать: „благослови меня, государь?“

Глубокая религіозность, граничащая иногда съ экстазомъ, но искренняя и служащая для развитія самыхъ благородныхъ свойствъ его существа, соединялась съ этимъ ребячествомъ. Альбертъ Вимина, полный недоброжелательства къ государю говорящій о страшной жадности, которая дѣлала его совсѣмъ неразборчивымъ въ употребляемыхъ средствахъ для пополненія своей казны, самъ соглашается съ этимъ. Весь проникнутый въ качествѣ царя достоинствомъ своего званія, Алексѣй въ качествѣ христіанина полонъ смиренія. Онъ часто говоритъ о своихъ грѣхахъ, испытываетъ постоянно угрызенія совѣсти. Совсѣмъ не претендуя, подобно своему современнику, на сравненіе себя съ солнцемъ, онъ хотѣлъ быть лишь маленькой звѣздочкой „не здѣсь, но тамъ“. У него бываютъ видѣнія. Въ 1656 г. въ моментъ приступа Кокенгаузена онъ видитъ двухъ мучениковъ, Бориса и Глѣба, приказавшихъ ему посвятить этотъ день Св. Дмитрію.

Даже внѣ монастыря Св. Саввы, постоянно имъ посѣщаемаго, жизнь его обыкновенно регулировалась такъ, какъ будто бы она происходила въ религіозной коммунѣ. Вставая въ 4 часа утра, онъ начинаетъ молитвами святому даннаго дня, наноситъ только короткій и церемоніальный визитъ царицѣ и спѣшитъ на заутреню, въ ожиданіи ежедневной службы. На пиру, данномъ имъ въ честь антіохійскаго патріарха, греки не мало были удивлены, услышавъ чтеца, который тотчасъ же послѣ благословенія принялся читать главу изъ житія Св. Алексѣя и продолжалъ ее читать впродолженіе всего обѣда.

Среди всѣхъ заботъ, волновавшихъ его мысль, этого государя больше всего волновала забота о спасеніи своей души. Соотвѣтственно общему чувству этой эпохи въ этой странѣ, онъ видитъ лучшее средство для достиженія царствія Божія въ полномъ выполненіи ритуала и въ извѣстной аскетической обрядности.

Его религіозное сознаніе не довольствуется уже однако

однимъ этимъ, и съ другой стороны оно не удерживаетъ его отъ цѣлаго ряда свѣтскихъ удовольствій, даже изъ числа тѣхъ, которыя подвергнуты церковью анаѳемѣ. Въ немъ слишкомъ ясная интеллигентность съ слишкомъ большою долею здраваго смысла для того, чтобы принять православную доктрину во всей ея строгости и внѣ ея не искать также въ религіи элемента нравственности, болѣе широкой и болѣе глубокой.

Его концепція міра была исключительно религіозная Онъ судилъ обо всемъ съ этой точки зрѣнія. Но профильтрованный сквозь душу, до основанія добрую, свѣтлую и мягкую, даже самый аскетизмъ Домостроя смягчался и получалъ жизненную силу. Какъ у большинства страстныхъ охотниковъ, у Алексѣя была сильно развита наблюдательность, и изъ первыхъ своихъ уроковъ онъ почерпнулъ вкусъ къ размышленію, привычку сосредоточиваться. Отсюда та тонкость чувства, которую нельзя было-бы ожидать отъ московита того времени. Его мораль и его философія принимаютъ при случаѣ очень симпатичный тонъ и характеръ. Этотъ толстякъ являлся артистомъ въ умѣньи утѣшать. Людовикъ XIV считалъ себя проводникомъ божественнаго милосердія. „Мы обязаны, пишетъ онъ, воздавать подчиненнымъ намъ народамъ тѣ же знаки отеческой доброты, которые мы получаемъ отъ самого Бога. Мы ничего такъ не желаемъ, какъ подать нуждающимся въ немъ утѣшеніе въ ихъ горѣ“. Въ письмѣ Алексѣя къ князю Одоевскому мы находимъ такую фразу: „Богъ насъ поставилъ на это мѣсто для того, чтобы помогать тѣмъ, у кого нѣтъ другой помощи“. Это та же мысль, переданная почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Только одни и тѣ же слова прилагаются съ той и съ другой стороны къ совершенно различнымъ предметамъ. Алексѣй обращается къ отцу, убитому горемъ по поводу смерти своего сына, предъ нимъ горе, котораго Король-Солнце не удостоилъ бы соотвѣтствующаго сожалѣнія.

Въ другихъ случаяхъ, желая высказать свое одобреніе или свой гнѣвъ, корреспондентъ князя Одоевскаго умѣлъ также придать своему языку выразительную форму, часто очень образную или напротивъ полную сентенцій, обыкновенно сильную и глубокую. Онъ чрезмѣрно любилъ писать письма. Простому казначею монастыря по поводу грѣшка, со-

вершеннаго имъ въ пьяномъ видѣ, онъ посылаетъ цѣлое посланіе, написанное имъ собственноручно на четырехъ страницахъ: въ немъ онъ призываетъ виновнаго къ суду Божіему и св. Саввы, говоря о потокахъ слезъ, пролитыхъ имъ по поводу этого случая, и призывая всѣ громы небесные противъ этого пьянчушки.

Его обильная рѣчь бываетъ иногда несвязной. Упрекая князя Георгія Ромодановскаго въ дурномъ выполненіи понятаго имъ въ противоположномъ смыслѣ приказанія, онъ его называетъ „врагомъ креста Христова и новымъ Ахитофеломъ“ (?). Онъ его осыпаетъ всѣми проклятіями Израиля. „Да воздастъ тебѣ Богъ за твой дьявольскій способъ служить мнѣ, какъ онъ это сдѣлалъ Дафану (?) и Авирону (Аарону ?), Ананіи и Сапфирѣ! Пусть твоя жена и дѣти плачутъ такимиже жестокими слезами, какъ тѣ, которыхъ ты заставлялъ плакать!“

Помимо очень объемистой корреспонденціи, Алексѣй оставилъ еще разсказъ (неоконченный) о своихъ кампаніяхъ и нѣсколько тетрадей, заключающихъ въ себѣ описаніе произведенныхъ имъ осмотровъ, рѣчей, произнесенныхъ по этому случаю и т. д.; все это было написано его рукою и снабжено замѣчаніями и исправленіями. Пользуясь посредственно прозой, хотя и не зная тонкостей языка и стиля, онъ пробуетъ свои силы также въ поэзіи. У насъ имѣется среди другихъ его сочиненій, посланіе въ стихахъ тому же князю Ромодановскому. Стихи эти представляютъ изъ себя еще только очень плохую прозу, гдѣ геометрически размѣренныя строфы замѣняютъ собою отсутствующее расположеніе: въ нихъ нѣтъ никакого слѣда размѣра или рифмы и преобладаетъ большая тривіальность. Въ общемъ, особенно принимая во вниманіе время и мѣсто, это литературное произведеніе не слѣдуетъ игнорировать.

Алексѣю удалось изъ своей философіи создать очень ясную концепцію власти, которая ему завѣщана, какъ намѣстнику Божіему, при чемъ онъ обязанъ судить людей по справедливости. Но онъ допускалъ раздѣленія этой власти съ боярами и исключалъ изъ нея,—по крайней мѣрѣ, въ принципѣ—какъ фанатизмъ, такъ и нетерпимость. Когда Никонъ хотѣлъ принудить свѣтскихъ людей изъ своей свиты къ крайней набожности, царь протестовалъ противъ этого въ выра-

Ч 50 — 410 т. 2

женіяхъ, которыя-бы одобрилъ самъ Бодэнъ, хотя Алексѣй его не могъ читать: „мы не должны никого принуждать молиться Богу“. Извѣстно, однако, что онъ прибѣгалъ иногда къ принудительнымъ мѣрамъ въ такомъ-же родѣ. Заявляя себя истолкователемъ мудрости Бога и божественнаго правосудія, всегда рискуешь впасть въ такую непослѣдовательность.

Не имѣя никакого понятія объ искусствѣ, онъ тѣмъ не менѣе имѣлъ очень ясно выраженные артистическіе вкусы, даже извѣстный источникъ поэтическаго вдохновенія и притязанія на эстетику. Онъ не переставалъ перестраивать и украшать свой деревянный дворецъ въ Коломенскомъ, гдѣ онъ наслаждался всѣми прелестями его живописнаго вида, не величественнаго, но тихаго и спокойнаго, какъ и его собственная натура, оставляющаго, какъ большинство русскихъ деревень, впечатлѣніе тишины и покоя. Онъ ввелъ отпечатокъ искусства и поэзіи даже въ организацію своей любимой охоты, составивъ цѣлый кодексъ ухода за соколами, обсуждая въ немъ красоту птицъ, гармоничность ихъ полета и драматическій характеръ ихъ борьбы. Послѣдній великій соколиный охотникъ Франціи, Людовикъ XIII даже не помышлялъ ни о чемъ подобномъ. Но эти свои вкусы и эту свою виртуозность, которою онъ такъ хорошо пользовался, Алексѣй умѣлъ удовлетворять, особенно величественно обставляя религіозныя церемоніи и придворныя празднества. Онъ наслаждался, какъ тонкій любитель, службою съ хорошимъ пѣніемъ и восхищался строго обдуманной торжественностью при пріемахъ посланниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ занимался мельчайшими подробностями и приписывалъ имъ огромную важность.

Его взгляды на жизнь и на свѣтъ были взглядами безусловнаго оптимиста и безсознательнаго детерминиста. Въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, которыя онъ себѣ позволялъ, въ театрѣ или въ охотѣ, онъ видѣлъ лишь полезное и необходимое средство для разгона скуки, такъ какъ Богъ, думалъ онъ, хочетъ, чтобы люди были веселы и они его оскорбляютъ, если предаются неумѣренной печали. То же толковалъ онъ князю Одоевскому, убѣждая его не слишкомъ плакать о своемъ сынѣ. Онъ отказывался признавать, что наша жизнь земная является тяжелымъ испытаніемъ. Перемѣшивая въ опредѣленныхъ дозахъ и въ соотвѣтствующемъ порядкѣ за-

нятія и развлеченія, религіозные обряды и удовольствія, мы должны при такомъ прохожденіи жизненнаго пути достигнуть безъ всякаго страданія вратъ вѣчности. Гранича съ раціонализмомъ и приправленная эпикуреизмомъ, эта доктрина согласовалась съ его очень твердою христіанскою вѣрою, такъ какъ въ его душѣ царило главнымъ образомъ примиряющее начало.

И такимъ образомъ, безъ всякой враждебности по отношенію въ западной культурѣ, откликаясь сочувственно на всѣ призывы новой эры, открывавшейся для его страны, онъ не принималъ ничего абсолютно. Осторожный эволюціонистъ, онъ быть можетъ избавилъ бы свою страну отъ ужаснаго толчка революціи, если бы онъ лучше умѣлъ согласовать свои чувства со своими поступками. Но здѣсь его духъ соглашенія терпѣлъ неудачу. Старая Москва могла удовлетворить тому усилію, которое требовалось отъ нея, только быстро европеизируясь.

Но довелъ ли Алексѣй свои мирныя тенденціи до желанія религіознаго соединенія съ Римомъ? Рейтенфельсъ утверждаетъ это, но не даетъ никакихъ доказательствъ своему утвержденію, которому, какъ кажется, противорѣчатъ всѣ извѣстные до сихъ поръ факты.

Ни идеи, ни жизнь отца Петра Великаго не даютъ впрочемъ примѣра полнаго единства. Въ первые годы своего царствованія, подчиняясь вліянію Морозова, духовенства и своей первой жены, онъ старался въ общемъ поддерживать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ уклоненій, старинный домашній и соціальный идеалъ. Но тѣмъ не менѣе онъ пріоткрылъ теремъ и въ 1654 году, вопреки всѣмъ обычаямъ, онъ потребовалъ, чтобы царица присутствовала при отправленіи войскъ въ польскій походъ. Онъ заставилъ даже бѣдную Марію Ильинишну устраивать у себя вечера, нѣчто вродѣ салона. Но только выступленіе на сцену Матвѣева и Натальи Нарышкиной должно было начать новую эру въ этомъ отношеніи.

Въ домашней жизни какъ съ первою, такъ и со второю женою Алексѣй былъ примѣрнымъ супругомъ. Легенда дала ему любовницу, жену боярина Ивана Мусина-Пушкина, одинъ изъ сыновей которой, Платонъ Ивановичъ, считался вторымъ братомъ Петра Великаго. Реформаторъ обращался

Ч 50 / 410 т. 2

съ нимъ какъ съ роднымъ, потому что относился къ такимъ вещамъ очень снисходительно. Платонъ Ивановичъ обязанъ былъ, повидимому, позже этому предполагаемому происхожденію немилостью со стороны Бирона. Но эта легенда ни на чемъ не основана и вся физіономія Алексѣя говоритъ абсолютно противъ нея. Онъ былъ по преимуществу человѣкомъ семейнымъ. Во время вынужденныхъ отлучекъ изъ дому вся его переписка съ членами его семьи указываетъ на его чрезвычайно горячее къ нимъ отношеніе. Въ ноябрѣ 1654 года во время первой польской кампаніи, назначивъ свиданіе со своими въ Вязьмѣ, онъ пишетъ имъ: „я радуюсь свиданью съ вами, какъ слѣпой радуется увидѣть свѣтъ".

Отъ его перваго брака у него было восемь дочерей, изъ которыхъ шесть остались въ живыхъ, и пять сыновей. Создавъ ему уютъ и теплоту, эта многочисленная семья защищала его противъ любовныхъ похожденій, и его дворъ не имѣлъ никогда ничего общаго со дворомъ Людовика XV, ни даже со дворомъ его современника, „Великаго Короля".

III.

Его дворъ.

Отсутствіе женскаго элемента, по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ представительствѣ, составляло именно для этой эпохи характерную значительной важности черту русскаго двора. Не соглашаясь съ Мишле въ его признаніи въ исторической роли королевскихъ метрессъ во Франціи очень полезнаго и благодѣтельнаго вліянія демократіи,—можно однако допустить, что отъ Агнессы Сорель до мадамъ де-Ментенонъ, сквозь всѣ совращающія и гибельныя вліянія, женская грація и чуткость не переставали сказывать въ этомъ отношеніи выгодное дѣйствіе на интеллектуальное и моральное развитіе страны. И здѣсь были не однѣ только метрессы. Вокругъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, королевъ и нѣкоторыхъ принцессъ, любезныхъ, умныхъ, блестящихъ, очень рано образовалось при французскомъ дворѣ ядро выдощеннаго, элегантнаго общества, любознательнаго въ вопросахъ умственныхъ. И этотъ свѣтъ отразился на всей французской культурѣ.

Здѣсь ничего подобнаго. Теремъ, въ которомъ заперта

семья государя, не представляетъ изъ себя части двора, и дворъ остается исключительно мужскимъ, пышнымъ, но холоднымъ и мрачнымъ, кромѣ того крайне населеннымъ. Въ принципѣ всѣ „служилые люди“, находящіеся въ Москвѣ, составляютъ часть его и должны каждый день являться во дворецъ и отдавать себя въ распоряженіе государя. Такимъ образомъ, кромѣ чиновниковъ перваго ранга, обладавшихъ высокими титулами, болѣе трехъ или четырехъ тысячъ лицъ ежедневно по утрамъ осаждаютъ Кремль. Пріемныя залы, довольно мало помѣстительныя, могутъ вмѣстить ихъ, очевидно, въ очень ограниченномъ количествѣ, и только нѣкоторые избранные приглашались въ покои царя. Менѣе счастливые остаются на улицѣ, иногда въ теченіе многихъ часовъ, подъ дождемъ и снѣгомъ. Устанавливается изъ покоевъ на улицу непрерывное хожденіе взадъ и впередъ. Въ покояхъ все время оставались стоя, и усталые старики выходятъ, чтобы присѣсть гдѣ-либо на ступенькахъ дворца или прямо на землѣ. Другіе поспѣшно занимаютъ ихъ мѣсто, въ надеждѣ обратить на себя вниманіе государя, который обыкновенно обходилъ присутствующихъ. Въ этой компактной толпѣ обмѣниваются новостями, затѣиваются интриги. Часто здѣсь даже происходятъ драки. Но никто не обнажаетъ сабли, такъ какъ ношеніе оружія воспрещено при дворѣ, да и въ другихъ мѣстахъ не назначаются рыцарскіе поединки. Рыцарства здѣсь никогда не существовало, тонкости фехтованія еще неизвѣстны, и дуэль въ ея западной формѣ еще не вошла въ обычай. Ссоры рѣшались на мѣстѣ ударами кулака. Но какъ? Кровь течетъ, человѣкъ падаетъ хрипя. Это ничего. Разгорячившись въ дракѣ, противники не довольствуются потасовкой, и однажды у одного изъ нихъ, у стольника, голова оказалась разбитой кирпичемъ.

Картина эта далеко уноситъ насъ отъ Версаля.

Эти придворные, дерущіеся, какъ извозчики, между тѣмъ одѣты, какъ важные короли. Съ этого времени, даже съ точки зрѣнія внѣшняго вида, самодержавіе приняло свой окончательный видъ. Вмѣстѣ съ духомъ умѣренности, бережливости и благочестиваго смиренія, Алексѣй наслѣдовалъ также большую страсть къ пышности и внѣшнему блеску. Сохраняя во внутренней обстановкѣ своего дома крайнюю скромность, какъ и всѣ Романовы до послѣдняго времени,

Ч 50 — 410 т.2

онъ хотѣлъ, чтобы его публичныя появленія, какъ и празднества его двора были окружены наибольшимъ блескомъ. Вотъ почему ему было тѣсно во всѣхъ его резиденціяхъ, которыя онъ наслѣдовалъ, и, расширяя ихъ, онъ увеличивалъ ихъ великолѣпіе, независимо даже отъ своихъ артистическихъ наклонностей. Вниманіе его было прежде всего обращено на внѣшній эффектъ. Эстетика слѣдовала за этимъ. Но и религія не была забыта. Онъ примѣшивалъ ее ко всему и отдавалъ большое мѣсто среди новыхъ и роскошныхъ построекъ церквамъ для царицъ, царевичей и царевенъ. Одна изъ этихъ церквей, названная „за золотой рѣшеткой", получила даже значеніе „каѳедральнаго собора". Рѣшетка была само собой разумѣется просто позолочена, а мѣдь ея получилась изъ монетъ, изъятыхъ изъ обращенія послѣ монетнаго кризиса.

Что касается убранства комнатъ, то Алексѣй отдавалъ предпочтеніе живописи, скульптурѣ и обоямъ изъ кожи или шелка. Украшеніе стѣнъ было поручено его иконописцамъ, въ работахъ которыхъ чувствовалось, какъ мы это знаемъ, и иностранное вліяніе. Послѣ первыхъ польскихъ кампаній, оказавшись побѣдителемъ, но соблазнившись всѣмъ, что онъ видѣлъ въ покоренной имъ странѣ, царь не брезгалъ ея художниками и рабочими, и потолокъ столовой съ изображеніемъ двѣнадцати знаковъ зодіака носитъ на себѣ отпечатокъ ихъ искусства.

Въ такомъ видѣ Кремль всегда—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—представлялъ изъ себя хаотическую массу зданій различныхъ эпохъ, неуклюже нагроможденныхъ другъ подлѣ друга или соединенныхъ открытыми и закрытыми галлереями. Большая часть изъ нихъ строилась теперь изъ кирпичей, но они сохраняли въ своей постройкѣ характерныя черты прежнихъ деревянныхъ дворцовъ. Дерево употреблялось также исключительно и съ сохраненіемъ того же типа въ лѣтнихъ резиденціяхъ царя. Заново перестроенная Алексѣемъ, коломенская резиденція отличалась какъ размѣрами своими, такъ и оригинальностью своей архитектуры.

Расположенное на берегу Москвы, въ семи только верстахъ отъ столицы, это село уже въ предшествующемъ вѣкѣ обратило на себя вниманіе Василія III. Михаилу оно тоже нравилось. Съ 1667 по 1671 годъ Алексѣй нанялъ для

работы въ немъ бѣлорусскихъ архитекторовъ и плотниковъ, приглашенныхъ Никономъ для постройки его Воскресенскаго монастыря, а также московскихъ живописцевъ, которыхъ вдохновляли книги, вѣроятно нѣмецкія, взятыя изъ библіотеки патріарха. Имъ помогалъ одинъ армянскій художникъ, Салтановъ, выписанный изъ Персіи, и въ новомъ дворцѣ обнаружилось это сотрудничество въ странной смѣси западныхъ и восточныхъ, религіозныхъ и свѣтскихъ мотивовъ. Въ большой залѣ царскій тронъ, какъ и въ Византіи, былъ снабженъ двумя львами, которыхъ искусный механизмъ заставлялъ ревѣть. Увидѣвъ въ 1673 году это образцовое произведеніе тогдашняго искусства, Рейтенфельсъ заявляетъ, что оно было похоже на милую дѣтскую игрушку, но Симеонъ Полоцкій опредѣляетъ его въ очень дурныхъ стихахъ, какъ восьмое чудо міра. И здѣсь мы еще далеки отъ Версаля.

Очень дѣятельный государь занялся также украшеніемъ и другого своего помѣстья, Измайлова, гдѣ рядомъ съ мѣстнымъ менѣе великолѣпнымъ дворцомъ онъ хотѣлъ создать образцовую ферму съ научными культурами, плодовымъ садомъ, виноградниками и плантаціями шелковичныхъ деревьевъ. Коломенское между тѣмъ сохранило за собой привилегированное положеніе, благодаря особенно его обширнымъ лугамъ, гдѣ весною появлялось много перелетныхъ птицъ, лебедей и дикихъ гусей, утокъ и журавлей, открывая такимъ образомъ возможность соколиной охоты. Это была главная страсть Алексѣя и, представляя любимое занятіе съ самыхъ отдаленныхъ временъ великихъ князей и царей, искусство соколиной охоты, пришедшее въ упадокъ въ то время на западѣ, получило въ эту эпоху въ Москвѣ самое большее развитіе. Въ одномъ Потѣшномъ Дворѣ столицы болѣе ста сокольничьихъ вмѣстѣ съ многочисленными помощниками занимались дрессировкою многихъ тысячъ отборныхъ птицъ.

Напротивъ, второй Романовъ совсѣмъ не одобрялъ другихъ развлеченій, болѣе свойственныхъ традиціямъ страны, хотя иногда и принималъ въ нихъ участіе, а именно: борьбы медвѣдей, игры скомороховъ, къ тому же Матвѣевъ, развивъ въ царѣ вкусъ къ театру, еще увеличилъ его отвращеніе къ подобнымъ зрѣлищамъ.

Алексѣй сдѣлалъ хорошій выборъ, взявъ себѣ въ сотрудники, сдѣлавъ своимъ другомъ и путеводителемъ воспитателя

прекрасной Наталіи. Этотъ старый стрѣлецкій капитанъ былъ такъ любимъ своими солдатами, что, по лѣтописи того времени, когда ему недоставало камней для постройки своего дома, эти люди не поколебались вынуть ихъ изъ могилъ своихъ родителей, чтобы доставить ихъ ему! Супругъ Наталіи, окруженный слугами, друзьями или родственниками, не могъ настолько похвалиться своими приближенными.

IV.

Его приближенные.

Дочери его отъ перваго брака всѣ отличались здоровымъ тѣлосложеніемъ, и одна изъ нихъ, Софья, должна была проявить, даже въ политикѣ, мощный темпераментъ. Сыновья напротивъ были всѣ болѣзненны. Трое изъ нихъ умерло при жизни ихъ отца, изъ двухъ другихъ, старшій, Оедоръ, болѣлъ скарбутомъ, а второй, Иванъ, соединялъ съ сильною физическою слабостью недостаточное умственное развитіе. Въ 1670 году царь, рѣшивъ жениться снова, послѣдовалъ только для формы обычаю, установленному при такихъ обстоятельствахъ, т. е. онъ только для видимости выбиралъ невѣсту изъ нѣсколькихъ сотенъ молодыхъ дѣвушекъ, собранныхъ на скорую руку со всѣхъ концовъ государства. На дѣлѣ же онъ уже остановилъ свой выборъ на очаровательной воспитанницѣ Матвѣева. Въ послѣдній однако моментъ интрига при дворѣ противупоставила ей довольно сильную соперницу, Бѣляеву. Но относительно ея доказали, что у нея „слишкомъ худыя руки“ и благодаря этому инциденту уже рѣшенный въ принципѣ бракъ съ Наталіей принялъ только характеръ таинственности и галантнаго приключенія. То былъ единственный романъ въ жизни Алексѣя.

Артамонъ Матвѣевъ былъ сыномъ простого дьяка, и мы не знаемъ, какимъ образомъ ему удалось сдѣлаться интимнымъ другомъ государя. Безъ сомнѣнія, въ этомъ повинны Морозовъ вмѣстѣ съ Ордынъ-Нащокинымъ, Ртищевымъ и другими parvenus такого-же темнаго происхожденія.

Матвѣевъ показалъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ западныхъ нововведеній. Домъ его былъ разукрашенъ и меблированъ по-европейски, картинами, предметами искус-

ства. Онъ не держалъ своей жены въ теремѣ. Сынъ его получилъ тщательное воспитаніе. Рѣшительный, но осторожный карьеристъ, даже послѣ того, какъ онъ сталъ любимцемъ государя, его отецъ скромно стушевывался въ незначительномъ рангѣ офиціальной іерархіи; добившись преемства Ордынъ-Нащокину во внѣшнихъ сношеніяхъ и въ департаментѣ Малороссіи, онъ фигурируетъ въ Думѣ только въ качествѣ простого дворянина, и только черезъ два года послѣ рожденія Петра Великаго онъ получаетъ званіе боярина.

Алексѣй по слабости своего характера, легко отдававшаго его во власть всякаго господствующаго вліянія, не могъ похвалиться большинствомъ своихъ другихъ сотрудниковъ. Къ счастью для него привычка ума, о которой мы уже знаемъ, создала такое положеніе, при которомъ царя никогда не обвиняли за ненависть, возбужденную его агентами. Для человѣка изъ народа виновнымъ являлся „бояринъ". И бояре всегда подозрѣваемые тѣсно окружали государя, единственно способнаго оказать имъ покровительство. Этому была обязана молодая династія тѣмъ, что пережила безнаказанно рядъ бунтовъ и страшныхъ возстаній. Для того, чтобы они стали для нея роковыми, необходимо было согласіе между постоянно возбужденнымъ народомъ и нѣсколькими исключительно популярными вельможами, вродѣ Никиты Романова, или князя Якова Черкасскаго. Но ни тотъ, ни другой не были достаточно честолюбивы для такой крупной роли, да они и не были способны сыграть ее.

Вообще въ эту эпоху высшая аристократія была очень бѣдно представлена. Она переживала послѣдствія политической системы, которая, начиная съ Ивана Грознаго, постоянно стремилась ее энервировать и унижать. И кончила она тѣмъ, что стушевывалась среди горячихъ споровъ за „мѣста" и все больше недоставало лицъ, достойныхъ занять ихъ. При Алексѣѣ, среди Черкасскихъ, кромѣ князя Якова, князь Григорій отличался лишь физическою силою и своей страстью къ лошадямъ. Воротынскіе были представлены княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ, полнымъ ничтожествомъ. Трубецкіе похоронили при Конотопѣ вмѣстѣ съ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ остатокъ ихъ славы. Въ фамиліи Голицыныхъ, назначенныхъ позже къ высокой роли, князь Василій Васильевичъ лишь только начиналъ свою карьеру, обреченную

на столь роковыя несчастія. Нѣкоторое время болѣе выдѣлялся глава второй линіи Патрикѣевыхъ, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, но его репутація великаго воина была выдумана и обязана его умѣнію врать. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его прозвище Тараруй, въ которомъ созвучіе съ именемъ „Тартарена", вѣроятно, не случайность, и Алексѣй былъ совершенно правъ, когда сказалъ ему однажды: „Кромѣ меня всѣ считаютъ тебя за дурака".

Среди Морозовыхъ, фамиліи уже теперь исчезнувшей, воспитатель Алексѣя былъ послѣднимъ историческимъ лицомъ. Очень одаренные по общему признанію, и не безъ нѣкотораго мужества, оба Шереметьевы, Василій Борисовичъ и Петръ Васильевичъ, имѣли несчастіе исполнять въ Украйнѣ неблагодарныя роли. Одоевскіе, уже успѣвшіе обѣднѣть, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Рѣпнины не дали изъ своей среды ни одного выдающагося лица. Среди Хилковыхъ князь Иванъ Андреевичъ считался неподкупнымъ, но то было его единственнымъ достоинствомъ. Отодвинутые на второй планъ, благодаря превратностямъ политической жизни, Долгорукіе, Ромодановскіе сами постарались еще больше стушеваться. „Мѣста", единственный предметъ ихъ честолюбія, постепенно уходили отъ этихъ дегенератовъ. Силой вещей на нихъ проходили выскочки, которыя по крайней мѣрѣ сумѣли быть полезными. Они, правда, не всегда были въ состояніи удержать свое нравственное достоинство на уровнѣ своихъ талантовъ. Милославскіе, Илья Даниловичъ, Иванъ Михайловичъ и Иванъ Богдановичъ были искусные люди, но зато ужасные мошенники. Сильно хвалимый иностранцами за свою уступчивость и человѣчность, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, виновникъ инцидента, вызвавшаго споръ между Алексѣемъ и Никономъ, заставлялъ платить себѣ за оказанныя имъ услуги даже тѣхъ, кто его хвалилъ. Его близкая родственница, кормилица наслѣдника цесаревича, Анна Петровна Хитрово, вполнѣ и съ самой плохой стороны оправдывала свое прозвище Хитрой. Въ этомъ мірѣ Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ, Ордынъ-Нащокинъ и Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ являлись единицами. Нужно между тѣмъ отдать справедливость Алексѣю, что онъ ничего не жалѣлъ, чтобы дать имъ достойныхъ сотрудниковъ, не колеблясь, подобно Людовику XVI, спуститься въ низы для поисковъ второго Кольбера.

Ошибкою его было неумѣнье подражать „великому королю“ въ поддержкѣ тѣхъ, кого онъ возвышалъ. Онъ не смогъ создать министерскихъ династій и, желая спастись съ выбранными имъ сотрудниками отъ ихъ титулованныхъ соперниковъ, онъ сумѣлъ лишь прибѣгнуть къ той тайной канцеляріи, гдѣ онъ игралъ въ темную, не безъ ущерба для своего достоинства. Возвысивъ Ордынъ-Нащокина послѣ Матвѣева въ званіе боярина, онъ этимъ фактомъ преслѣдовалъ то-же дѣло демократической нивеллировки, которую началъ Грозный и которую завершилъ Петръ Великій со своими преемниками.

Несмотря на свой внушительный видъ, второй Романовъ обладалъ хрупкимъ здоровьемъ, и при приближеніи пятидесятилѣтняго возраста его силы стали значительно падать. Въ 1674 году онъ занялся своимъ преемствомъ и около двухъ лѣтъ спустя, въ ночь съ 29 на 30 января 1676 года, онъ умеръ 47 лѣтъ отъ роду, оставивъ наслѣдіе, которое сильно оспаривалось.

V.

Его наслѣдіе.

Какъ въ этомъ придется убѣдиться дальше въ исторіи современной Россіи, катаклизмъ, называемый реформою Петра Великаго, не былъ безусловно необходимымъ, и неизбѣжное обновленіе великой имперіи въ смыслѣ западной цивилизаціи могло быть выполнено не революціоннымъ путемъ, если бы нашлись люди, болѣе счастливо одаренные, чтобы сумѣть отдалить отъ нея такое испытаніе. Былъ моментъ, когда эта возможность казалась обезпеченной для старой Москвы. Послѣ смерти старшаго сына Алексѣя, Димитрія († 1651 г.), его преемникомъ былъ назначенъ царевичъ Алексѣй, который, родившись въ 1654 г., достигъ бы 22 лѣтняго возраста въ моментъ смерти своего отца. Однимъ изъ его воспитателей былъ Ртищевъ, онъ считался примѣрнымъ ученикомъ и почти чудомъ. Преждевременно развившись, слишкомъ серьезный для своихъ лѣтъ, онъ десяти лѣтъ совершенно не интересовался игрушками, привезенными изъ Германіи. Онъ предпочиталъ чтеніе. Въ его библіотекѣ грамматики, словари,

книги по математикѣ и географіи, карты и земные глобусы чередовались съ русскими лѣтописями.

Иностранные хронисты, естественно ожидавшіе чуда отъ этого соперника Пико-де-ля-Мирандолы, можетъ быть немного и преувеличили такое раннее развитіе его интеллекта. Двѣнадцати лѣтъ онъ будто въ совершенствѣ владѣлъ латынью и составлялъ стихи. Онъ читалъ классиковъ и изучалъ философію. Къ несчастью, его учителя совершенно упустили физическія упражненія въ его воспитаніи и исключили изъ него всякое занятіе искусствомъ, но болѣе разумно они внушали своему воспитаннику уваженіе къ національнымъ обычаямъ. Комнаты молодого царевича отражали на себѣ эту смѣсь консервативнаго духа съ прогрессивными стремленіями. Его спальня была загромождена иконами и физическими приборами, наряду съ европейскою меблировкою и цѣлою массою свѣтскихъ бездѣлушекъ.

Также очень рано царевичъ былъ пріобщенъ къ дѣламъ, и въ 1666—1667 годахъ Крыжаничъ, сосланный въ Сибирь, пытался войти въ сношенія съ этимъ будущимъ государемъ, подававшимъ такія надежды. Въ ту же эпоху сынъ Алексѣя сдѣлался кандидатомъ на тронъ Польши, и уже тринадцати лѣтъ произнесъ передъ польскими посланцами пространную рѣчь наполовину по-латыни, наполовину по-польски. Ей могъ бы апплодировать Крыжаничъ. Увы! преждевременно открытая могила должна была поглотить всѣ эти надежды. Царевичъ умеръ въ январѣ 1670 года и 1 сентября 1674 года его младшій братъ Ѳеодоръ, 14 лѣтъ, былъ объявленъ наслѣдникомъ. Въ совокупность причинъ, вызвавшихъ революціонный кризисъ восемнадцатаго вѣка, вмѣшался еще одинъ роковой случай.

Это событіе было чревато послѣдствіями. Ѳеодору нельзя было отказать въ интеллигентности и образованіи, но онъ былъ больнымъ человѣкомъ, ходилъ, лишь опираясь на палку, былъ вынужденъ просить помощи у придворнаго, чтобъ снять свою шапку передъ иностраннымъ посланникомъ, и совсѣмъ не могъ управлять. Но онъ наслѣдовалъ своему отцу по крайней мѣрѣ безъ всякаго затрудненія и, кажется, на этотъ разъ безъ всякихъ симулированныхъ выборовъ.

VI.

Восшествіе на престолъ Өеодора.

Правленіе досталось на дѣлѣ Матвѣеву, а оно могло попасть въ худшія руки. Къ несчастью, этотъ замѣститель новаго государя былъ также пріемнымъ отцомъ мачехи царя, и между дѣтьми отъ обоихъ браковъ загорѣлись скоро во дворцѣ споры, невиданные до тѣхъ поръ. Вскорѣ безъ всякой метафоры возродилась Византія въ третьемъ Римѣ. Дочь покойнаго государя отъ перваго брака, Софья Алексѣевна, командуетъ цѣлымъ батальономъ царевенъ, пятью сестрами и тремя тетками, которыхъ уже не запирали въ теремъ по старинной модѣ, такъ какъ на этотъ счетъ Наталія пріучила обитателей Кремля къ новому духу. Власть Софіи опиралась на прочное положеніе, созданное Милославскими во время долголѣтняго брака Алексѣя съ его первою женою. Наталія умѣетъ стоять на своемъ, но политика не была ея дѣломъ, а сынъ ея былъ слишкомъ малъ. Авторъ очень любопытнаго сообщенія о стрѣлецкомъ бунтѣ, одинъ польскій хронистъ, говоритъ, что Матвѣевъ сначала скрывалъ смерть Алексѣя и хотѣлъ воцарить Петра съ помощью этого мятежнаго войска. Между тѣмъ это не вмѣнялось ему въ вину среди главныхъ обвиненій, предъявленныхъ потомъ противъ предполагаемаго творца этого заговора.

Во всякомъ случаѣ, преданный Өеодору, Матвѣевъ сохранилъ еще нѣкоторое время свое высокое положеніе, но власть постепенно ускользала изъ его рукъ. Постоянно болѣя, новый царь тѣмъ болѣе легко отдавалъ себя на попеченіе своимъ близкимъ и, наперерывъ заботясь о немъ, тетки и сестры сумѣли отставить ненавистную мачеху, скромную дочь стрѣлецкаго капитана, который въ Смоленскѣ носилъ еще лапти. Самъ выскочка и благодаря этому еще болѣе ревниво наблюдая за всякимъ счастливымъ соперникомъ, управитель двора Богданъ Хитрово, хотя и былъ когда-то интимнымъ другомъ Матвѣева, дѣятельно помогалъ ихъ усиліямъ, пользуясь вліяніемъ управительницы двора, той самой Анны Петровны Хитрово, которая благодаря своей репутаціи постницы пользовалась большой любовью въ маленькомъ женскомъ міркѣ, хотя и эмансипированномъ, но все еще очень набожномъ, который теперь царилъ въ Кремлѣ.

Матвѣевъ потерялъ сначала управленіе аптекарскимъ приказомъ, очень важнымъ учрежденіемъ въ то время, такъ какъ лѣкарства играли большую роль въ жизни царствующаго государя. Потомъ, грубый предлогъ, жалоба датскаго резидента на неоплаченную доставку рейнвейна, послужилъ поводомъ къ смѣщенію несчастнаго (въ іюлѣ 1676 года) подъ рукоплесканія черни, считавшей Матвѣева колдуномъ. Сосланный вглубь Сибири, въ плачевной памяти ужасный Пустозерскъ, онъ еще имѣлъ наивность забрасывать прошеніями и оправдательными письмами царя и его приближенныхъ, не забывая въ нихъ и бѣдную Наталію. Онъ не зналъ, что въ это же время собственный братъ второй жены Алексѣя, Иванъ Нарышкинъ, также подвергся пожизненному изгнанію послѣ долгаго пребыванія въ застѣнкѣ.

Въ то же время патріархъ Іоакимъ сводилъ свои личные счеты съ духовникомъ Алексѣя, Андреемъ Савиновымъ. Онъ лишилъ его священства и заключилъ въ отдаленномъ монастырѣ. Но для стараго злопамятнаго священнослужителя, нашедшаго въ этомъ свое удовлетвореніе, это было только началомъ другихъ репрессій, предметомъ которыхъ явились болѣе крупныя лица.

VII.

Конецъ Никона.

При извѣстіи о смерти „тишайшаго“ царя взволновался и другой изгнанникъ. Въ своей тюрьмѣ Ферапонтовскаго монастыря Никонъ проливалъ слезы, но отказался прислать письменное свидѣтельство прощенія, которое по обычаю просили у него для усопшаго. Кромѣ того, обратившись съ просьбою къ новому государю по незначительному поводу, онъ даже подписалъ ее: Никонъ, патріархъ. Правящій патріархъ воспользовался этимъ, чтобъ собрать новый реквизитъ противъ смѣлаго соперника. Комиссаръ, назначенный для наблюденія за арестованнымъ, князь Самуилъ Шайссуновъ, отдался этому дѣлу съ большимъ рвеніемъ. Излишества всякаго рода, варварское обращеніе съ различными членами общины, наложеніе наказанія на одного служителя,

повлекшаго за собою его смерть: всѣ эти преступленія, въ которыхъ обвинялся неисправимый мятежникъ сыпались, какъ изъ рога изобилія. Послѣ смерти Алексѣя Никонъ не переставалъ пить во время поста, позволяя себѣ въ пьяномъ видѣ особенныя выходки, соединенныя съ грубымъ развратомъ. Онъ напоилъ водкою одну молодую дѣвушку двадцати лѣтъ до того, что она потеряла разсудокъ и даже жизнь. Его заточеніе сдѣлалось иллюзорнымъ. Такъ напр., онъ приказалъ выстроить себѣ домъ въ двадцать пять комнатъ и велъ тамъ жизнь, никоимъ образомъ не могущую быть терпимою. Очень рѣдко отправляясь въ церковь, по свидѣтельству прислуживавшаго ему брата Іоны, онъ уже три года не говѣлъ, подъ предлогомъ совѣтовъ врачей, водилъ къ себѣ молодыхъ женщинъ, запирался съ ними съ глазу на глазъ и совершенно ихъ раздѣвалъ. Онъ очень любилъ совершать свадьбы, водилъ молодыхъ женщинъ послѣ церемоніи въ свою келью, напаивалъ ихъ и держалъ тамъ у себя до полуночи. Одинъ мірянинъ служилъ для него сводникомъ и многіе изъ его почитателей приходили къ нему ночью со своими женами и отдавали ихъ ему.

Предполагаемое участіе бывшаго патріарха въ бунтѣ Стеньки Разина было поставлено на видъ, и соборъ, созванный по этому поводу Іоакимомъ, кажется, призналъ очевидность всѣхъ фактовъ, отягчавшихъ обвиняемаго. Никонъ ихъ энергически отрицалъ. Ухаживая за больными женщинами, онъ, какъ онъ утверждалъ, никогда не касался „срамныхъ частей“, а только предписывалъ употреблять для нихъ подходящія мази. Исключая Іоны, всѣ его приближенные его оправдывали. Но въ маѣ 1676 года, по декрету Собора, онъ былъ тѣмъ не менѣе отправленъ въ монастырь Св. Кирилла, гдѣ тщательно выбранные два монаха должны были жить съ нимъ въ одной кельѣ и внимательно наблюдать за нимъ.

Онъ однако нашелъ себѣ защитниковъ даже въ семьѣ Ѳеодора. Одна изъ сестеръ Алексѣя, Татьяна Михайловна, сохраняла съ дѣтства глубокую привязанность къ старому другу своего брата. Въ 1678 году она побудила своего племянника посѣтить Воскресенскій монастырь. На Ѳеодора произвела сильное впечатлѣніе красота этого учрежденія. Онъ много разъ ѣздилъ туда и въ концѣ концовъ предложилъ общинѣ подать ему просьбу въ пользу его основателя.

Но для дарованія ему правъ, необходимъ былъ новый Соборъ, и Іоакиму было не трудно повліять на его рѣшеніе. Ѳеодоръ ограничился посылкою Никону собственноручнаго письма съ изъявленіемъ ему своего сочувствія. Нѣсколько позже архимандритъ монастыря Св. Кирилла, Никита послалъ заявленіе о близкой смерти бывшаго патріарха, на что Іоакимъ отвѣтилъ приказаніемъ похоронить его, какъ простого монаха.

Ѳеодоръ былъ слишкомъ слабъ, чтобы обуздать главу своей церкви. Между тѣмъ въ 1681 году онъ вздумалъ подражать своему отцу, сдѣлавъ призывъ къ восточнымъ патріархамъ и послѣ кропотливыхъ переговоровъ добился отмѣны приговора, произнесеннаго надъ бывшимъ патріархомъ въ 1666 году. Въ то же время архимандритъ Воскресенскаго монастыря Германъ передалъ царю письмо, въ которомъ Никонъ прощался съ монахами основанной имъ обители и, прочитавъ его, Ѳеодоръ такъ взволновался, что Іоакимъ счелъ за благоразумное уступить.

Съ большой поспѣшностью дьякъ изъ конюшеннаго приказа, Иванъ Чепелевъ, былъ посланъ въ монастырь Св. Кирилла, чтобъ взять оттуда арестованнаго и перевезти его въ Воскресенскій. Судя по легендѣ, за нѣсколько дней до прибытія этого агента, о которомъ не было еще ничего извѣстно, Никонъ приготовился къ отъѣзду, такъ что думали, что онъ потерялъ разсудокъ. Онъ сѣлъ на барку на Шекснѣ въ состояніи крайней слабости. Вмѣсто того, чтобы подняться вверхъ по Волгѣ, какъ его уговаривалъ Чепелевъ, онъ спустился по рѣкѣ до Ярославля и среди огромнаго стеченія населенія, жившаго по берегамъ Волги и изъявлявшаго ему знаки своей симпатіи, 16 августа 1681 г. онъ достигъ монастыря Св. Дѣвы, по сосѣдству съ городомъ. Чувствуя себя плохо, онъ приказалъ тамъ высадиться и на слѣдующій день умеръ. Ему было около семидесяти пяти лѣтъ. Отложенный, благодаря слабости Ѳеодора, приказъ о помилованіи, подъ которымъ молодой царь хотѣлъ подписать свое имя, пришелъ слишкомъ поздно. Печальный наслѣдникъ Алексѣя и самъ недолго жилъ послѣ этого, и послѣ Матвѣева фактическая власть продолжала ускользать изъ его рукъ, раздѣленная между фаворитами, которые, впрочемъ съ бо́льшимъ достоинствомъ, разыграли прелюдію къ будущей роли Меньшикова, Бирона и Шувалова.

VIII.

Правленіе фаворитовъ.

Милославскіе теперь стушевались передъ другими выскочками. Иванъ Максимовичъ Языковъ, будучи, какъ и Адашевъ при Иванѣ Грозномъ, первымъ камергеромъ, достигъ перваго ранга вмѣстѣ съ Алексѣемъ Тимофеевичемъ Лихачевымъ, старымъ наставникомъ царевича Алексѣя, и своимъ братомъ, Михаиломъ. Эта троица устроила при дворѣ полный переворотъ, принудивъ Ѳеодора къ очень странному браку съ молодой дѣвушкой темнаго происхожденія, Агафьей Грушецкой. Не обладая ни выдающеюся красотою, ни обаяніемъ, которыя могли бы ее рекомендовать выбору государя, очень плохо воспитанная своею теткою, женою простого думскаго дьяка Семена Заборовскаго, эта личность имѣла за собою лишь привилегію польскаго происхожденія, какъ залогъ возможнаго желанія оказывать свое вліяніе въ пользу особаго западничества, соблазнявшаго временщиковъ.

Языковъ и Лихачевъ были полонофилами. Они думали пріучить Москву къ этой близкой цивилизаціи, уже привычной для этой страны. Она соблазняла ихъ картинами культуры, открытой иностраннымъ вліяніямъ, но сохранявшей при томъ свою славянскую самобытность. Вокругъ этого брака, въ который они вовлекли свою предполагаемую сообщницу, оказавшуюся безплодной благодаря умирающему мужу, разгорѣлась борьба между тенденціями, которыя они надѣялись сдѣлать господствующими, и всесторонней европеизаціей, исповѣдуемой многочисленными сторонниками болѣе радикальной перемѣны національной жизни. Ее должно было рѣшить восшествіе на престолъ Петра Великаго.

Уступивъ Алексѣю Лихачеву мѣсто перваго камергера и перейдя на положеніе окольничаго, Языковъ, ставшій одно время всемогущимъ, былъ вынужденъ посчитаться съ крупнымъ человѣкомъ ближайшей эпохи, Василіемъ Васильевичемъ Голицинымъ, мощный духъ котораго и властный темпераментъ стали уже проявляться.

Между тѣмъ правленіе Ѳеодора, отданное въ руки этихъ людей, встало лицомъ къ лицу со страшными проблемами внѣшняго и внутренняго порядка страны. Извнѣ то были

послѣдствія долгой войны противъ Польши за обладаніе Украйной. Завоеваніе части этой провинціи поставило новыхъ владѣльцевъ въ необходимость бороться съ непослушаніемъ казаковъ, а миръ, наконецъ подписанный съ Польшею, открывалъ грозныя перспективы со стороны Турціи. Передъ смертью Алексѣя московскій резидентъ въ Варшавѣ, Тяпкинъ, указалъ на возможность польско-турецкаго соглашенія, начатаго при посредствѣ Франціи, и Собѣсскому улыбалась перспектива идти по слѣдамъ Баторія. Король просилъ напротивъ помощи московской арміи противъ общаго врага христіанства: онъ осуждалъ интриги „французской партіи", но Москва оставалась глухою. Тогда онъ дошелъ до того, что пригрозилъ палкой резиденту, и въ октябрѣ 1676 года подписалъ съ Портою Зуравновскій трактатъ.

И тотчасъ же, боясь столкновенія съ Турціей, Москва стала жаждать союза, который ей тщетно предлагали. Но старый Андрусовскій договоръ ставилъ обѣимъ странамъ непреоборимыя трудности. Отказавшись отъ Кіева, Польша требовала по крайней мѣрѣ компенсаціи. 3 августа 1678 г. произошло соглашеніе, продолжившее Андрусовское перемиріе, причемъ полякамъ было отдано нѣсколько мелкихъ мѣстъ и контрибуція въ 200,000 рублей. Но тутъ совершенно отсутствовали соглашеніе желаній, объединеніе силъ ради высшаго и общаго интереса, которыя могли бы оправдать уступчивость одной изъ договаривавшихся сторонъ. Такимъ образомъ антиоттоманская лига, сближавшая обѣ половины славянскаго міра, осталась въ области мечты. Предпринятые въ 1678 и продолжавшіеся до 1680 года при помощи легата папы, Франческо Морелли, новые переговоры лишь обнаружили тотъ антагонизмъ, который разъединялъ ихъ.

Когда позже Тяпкинъ былъ посланъ изъ Варшавы въ Бахчисарай, то съ нимъ при дворѣ хана обращались хуже, чѣмъ со свиньями и собаками обращаются въ Москвѣ. Съ крымскимъ ханомъ въ качествѣ посредника Москва приняла въ 1681 году условія, продиктованныя ей Портою: перемиріе на двадцать лѣтъ, Днѣпръ, какъ граница, продолженіе обычныхъ „подарковъ", считавшихся въ Константинополѣ данью, и уплата имъ недоимокъ за два года.

Отъ правительства фаворитовъ нельзя было и ожидать ничего лучшаго, но должно ему отдать все же справедли-

вость, что, не пожертвовавъ во внѣшнихъ сношеніяхъ ни однимъ изъ существенныхъ интересовъ страны, оно къ концу, упрочивъ свой авторитетъ, выполнило во внутренней жизни нѣсколько благодѣтельныхъ и благотворныхъ реформъ. Отъ 1679 до 1682 года оно участвовало въ частичной передѣлкѣ уголовнаго кодекса, стремясь при этомъ смягчить нѣкоторую часть наказаній, а именно отмѣнить изувѣченіе, замѣнивъ его бичемъ, кнутомъ и ссылкою въ Сибирь. Этой иниціативой объясняются въ 1677 и 1682 годахъ декреты, остановившіе выполненіе приговора надъ двумя женщинами, совершившими прелюбодѣяніе. Онъ состоялъ, какъ извѣстно, въ зарываніи живьемъ въ землю. Несчастныхъ выкопали изъ земли и заперли въ монастырь.

Въ различныхъ пунктахъ дѣятельности законодательной или административной этихъ временныхъ управителей, нельзя не отмѣтить либеральной тенденціи, какъ разъ недостающей бурному и насильственному дѣлу великаго реформатора ближайшаго будущаго. Рядомъ указовъ, направленныхъ противъ профессіональнаго нищенства, но обращавшихъ также вниманіе, какъ на главную его причину, на истощеніе отъ бѣдности, Языковъ со своими сотрудниками протянули руку помощи церкви для систематической организаціи благотворительности; они устроили всеобщую перепись бѣдняковъ, основали больницу и рабочій домъ, проектировали устройство цѣлаго ряда благотворительныхъ убѣжищъ на подобіе устроенныхъ уже по иниціативѣ Ртищева. Какъ и много другихъ проектовъ, и этотъ остался подъ сукномъ, но у его иниціаторовъ, можетъ быть, лишь не хватило времени для проведенія въ жизнь по крайней мѣрѣ, самаго начала его выполненія. 1679 годъ былъ ознаменованъ крупной реформою въ провинціальномъ управленіи, имѣвшей цѣлью уменьшеніе тягостей плательщиковъ налоговъ. Но на этотъ разъ принятыя мѣры плохо соотвѣтствовали имѣвшейся въ виду цѣли. Онѣ состояли главнымъ образомъ въ отмѣнѣ избранныхъ чиновниковъ или комиссіонеровъ, органовъ мѣстной автономіи или агентовъ центральной власти, оспаривавшихъ у воеводъ, т. е. у „служилыхъ людей“, поставленныхъ для управленія провинціей, ихъ администрацію, иначе говоря эксплуатацію добычи. Отъ этой перемѣны управляемые не получили никакой выгоды.

Большой заботою этого правительства являлся фискальный порядокъ. Изъ года въ годъ недоимки увеличивались при погашеніи всѣхъ оброковъ. Ни одна провинція, ни одинъ уѣздъ не доставляли цѣликомъ оброка. Въ 1679 году замѣна многочисленныхъ податей назначенныхъ для содержанія стрѣльцовъ, однимъ налогомъ не помогла злу, какъ это полагали; созванныя въ Москвѣ между 1680 и 1681 годами два собранія депутатовъ по поводу болѣе общей реформы, пришли только къ тому печальному заключенію, что не платили, потому что нечѣмъ платить и что единый налогъ слѣдуетъ уменьшить.

Съ другой стороны неудовлетворительность самихъ стрѣльцовъ и всего военнаго состава, бывшаго на лицо, становилась все болѣе и болѣе чувствительною въ виду новыхъ, встрѣтившихся на пути нуждъ; Василій Голицинъ, съ помощью делегатовъ отъ „служилыхъ людей“ занимался въ этой области выработкой проекта полной реорганизаціи, и пришелъ къ тому убѣжденію, что точкою отправленія въ этомъ дѣлѣ должна служить отмѣна мѣстничества.

Но это значило нанести страшный ударъ мотыкою всему зданію старой Москвы. Предаваясь еще въ это время играмъ дѣтства, полнаго волненій и интересовъ, великій созидатель близкаго будущаго самъ не рѣшался на болѣе смѣлые, чѣмъ этотъ. Но подрытое со всѣхъ сторонъ и шатающееся подъ собственною тяжестью, еще не тронутое его рукою, зданіе уже наклонилось на бокъ. И надъ соннымъ народомъ, только что пробудившимся къ новой жизни, предвѣщаемая тысячью лучей заря великаго дня, который онъ долженъ былъ принести съ собой, уже поднялась въ темныхъ сумеркахъ, гдѣ потухало хрупкое существованіе и меланхоличная судьба старшаго брата Петра.

IX.

Первый ударъ мотыкою.

Какъ это уже было указано, съ тѣхъ поръ, какъ принципъ договора уже не фигурировалъ въ ихъ оношеніяхъ къ государю, институтъ мѣстничества являлся для московскихъ бояръ послѣднею точкою опоры. Они знали это и когда въ

концѣ шестнадцатаго вѣка настоятельныя требованія службы побуждали ихъ главу прекратить на время, для кампаніи или церемоніи, примѣненіе іерархической ариѳметики мѣстъ, заинтересованныя лица не тотчасъ же замѣчали, что для нихъ „быть безъ мѣстъ“ значило совершенно не существовать. Конечно, этотъ послѣдній остатокъ потерянныхъ привиллегій дѣлалъ ихъ лишь призрачной аристократіей, но для нихъ это было все, и внѣ этого имъ уже ничего не оставалось. Боярство совершенно уничтожилось.

Оно не остановилось передъ бездной, оно даже не боролось на краю ея, такъ какъ не доставало уже кандидатовъ для защиты мѣстъ. До того, какъ быть убитымъ этой послѣднею немилостью, боярство уже умерло. Переживъ его, Боярская дума сохранила въ восемнадцатомъ вѣкѣ тѣнь существованія. Несмотря на весьма явное противорѣчіе между его организаціей и соціальнымъ составомъ, оно продолжало функціонировать въ старомъ порядкѣ и въ старой формѣ, но съ совершенно другимъ характеромъ; это былъ теперь правящій институтъ, сохранявшій за собою лишь имя правящаго класса, отъ котораго онъ происходилъ; собраніе послушныхъ правительству чиновниковъ, замѣнившихъ въ видѣ простыхъ работниковъ прежнихъ дружинниковъ государя.

Но мѣстничество истощило также свою жизненную энергію, прежде чѣмъ умереть. Съ середины семнадцатаго вѣка оно стало разлагаться, выбрасывая въ любопытномъ процессѣ свои составные элементы, т. е. старыя фамиліи, снова возстановленныя въ ихъ прежнемъ положеніи, но при этомъ противоставляя имъ новый аггрегатъ, аристократію двора, и примѣняя къ тѣмъ и другимъ спеціально аристократическій принципъ, абсолютно противуположный его собственному духу, почестей и правъ, принадлежащихъ такому-то и такому-то по рожденію.

Вначалѣ это учрежденіе отличалось отъ всѣхъ аристократій древности и современнаго міра уже тѣмъ именно фактомъ, что ни одна фамилія и ни одно лицо тамъ не пользовались никакимъ личнымъ правомъ, имъ индивидуально присвоеннымъ. Заинтересованые могли лишь сдѣлать продуктивнымъ то назначеніе опредѣленнаго количества правъ и обязанностей, которыя составляли коллективную собственность всѣхъ „служилыхъ людей“, каковы бы они ни были,

и распредѣлять ихъ между собою въ извѣстномъ порядкѣ. Но въ такомъ видѣ этотъ организмъ пережилъ свою эволюцію, и обстоятельства постарались ввести въ него раздѣленіе, вначалѣ совершенно отсутствовавшее, на классы и категоріи, въ то время, какъ фамиліи снова заняли въ немъ свое мѣсто, образуя уже совершенно отдѣльныя единицы.

Этому способствовалъ кризисъ Смутнаго Времени. Послѣ этого всеобщаго переворота какая-то непреоборимая тенденція установилась, закрѣплять людей и порядокъ, въ то самое время, какъ учрежденіе территоріальной собственности и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ создавали привилегированное положеніе опредѣленнаго класса. Могъ ли этотъ классъ доставить элементы новой аристократіи? Нѣкоторые историки такъ думали. Если фениксъ и не родился изъ этого горячаго пепла, который между тѣмъ не переставалъ охлаждаться, то лишь благодаря тому, что онъ не заключалъ въ себѣ никакого зародыша жизни. Потерявъ единственную оригинальную черту, дающую ему историческую физіономію, мѣстничество потеряло весь свой смыслъ, и новые классы, являясь продуктомъ механическаго распредѣленія функцій и привилегій, явились лишь канцелярскими формулами.

Въ ноябрѣ 1681 года, когда вопросъ о реорганизаціи арміи принялъ характеръ настоятельной необходимости ввиду унизительнаго положенія и денежной нужды, создавшихся благодаря послѣднему договору съ Портою. Ѳеодоръ созвалъ Соборъ. Это собраніе состояло исключительно изъ однихъ „служилыхъ людей“, какъ единственно компетентныхъ въ такомъ дѣлѣ, и оно же, по внушенію Василія Голицына, единодушно высказалось за уничтоженіе мѣстничества. Царь соединилъ тогда совѣтъ, бояръ и высшее духовенство, создавъ нѣчто въ родѣ верхней палаты, которая въ свою очередь высказалась въ томъ же смыслѣ, и въ тотъ же день генеалогическая и іерархическая отчетность этого учрежденія, разрядныя книги, были сожжены.

Уничтоженіе мѣстничества повлекло за собою окончательное оставленіе всякой идеи о дружинѣ, лежавшей еще въ основаніи организаціи „служилыхъ людей“, этихъ безразлично и заодно чиновниковъ и солдатъ, занимавшихъ гражданскія должности, которыя ихъ кормили, и взамѣнъ

этого обязанныхъ сѣсть на коня по первому призыву. Необходимость регулярной арміи требовала напротивъ спеціализаціи службы и къ тому времени былъ составленъ проектъ въ этомъ смыслѣ. Еще до вмѣшательства въ это дѣло Петра Великаго, старая Москва вышла и въ этомъ отношеніи изъ своей первоначальной формаціи. Предполагавшееся въ проектѣ раздѣленіе всѣхъ служилыхъ людей на тридцать четыре класса подготовило одну изъ главныхъ реформъ будущаго царствованія, которая главнымъ образомъ и придала Россіи ея современную физіономію. Любопытная черта: проектъ отдавалъ предпочтеніе гражданскому элементу. Онъ ставилъ на первое мѣсто одного боярина, который вмѣстѣ съ двадцатью коллегами того же ранга, какъ и онъ, членами Думы, былъ уполномоченъ контролировать юстицію. Послѣ него уже слѣдовало военное лицо, являвшееся начальникомъ гвардіи и генеральнаго штаба. Такимъ образомъ установленное чередованіе было проведено сверху до низу.

Но уже дни Ѳеодора были сочтены. Въ іюлѣ 1681 года у него родился сынъ, царевичъ Илья; его мать умерла отъ родовъ, и дитя пережило ее только на нѣсколько недѣль. Царица Агафія отвѣчала тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней предъявлялъ Языковъ: при дворѣ польскіе кунтуши быстро замѣнили московскія ферязи; у самыхъ воротъ Кремля увеличилось число польскихъ и латинскихъ школъ, хотя онѣ и вызывали собою непріятное воспоминаніе о Димитріи и Маринѣ и возбуждали противъ себя недовольство. Но полонофильской партіи не осталось времени для того, чтобы торжествовать. Послушный ея вліянію, Ѳеодоръ въ февралѣ 1682 года снова женился на родственницѣ покойной Марфѣ Апраксиной, такого же скромнаго происхожденія, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ (27 апрѣля), какъ онъ умеръ двадцати одного года отъ роду.

Послѣдовавшія за этимъ событія уже выходятъ за рамки настоящаго сочиненія.

X.

Общій взглядъ.

Отношеніе русскихъ историковъ къ семнадцатому вѣку очень различно. Одна школа видѣла въ этой эпохѣ золотой вѣкъ націо-

нальнаго прошлаго и хотѣла бы къ нему вернуть будущее. Но у нея мало приверженцевъ. Противники ея напротивъ рисуютъ этотъ періодъ самыми мрачными красками и даютъ ужасную картину политическаго и соціальнаго разложенія. Они изъ него выводятъ атомическое распыленіе всѣхъ классовъ, растерянное бѣгство всѣхъ индивидуумовъ за предѣлы органической связи и отсюда ихъ убѣжденіе въ необходимости подчиненія единому существенному принципу объединенія: абсолютной власти самодержавія. Крестьянинъ бѣжитъ отъ судьи, административнаго чиновника, воеводы и помѣщика, объединившихся, чтобы его эксплуатировать; горожанинъ бѣжитъ отъ чиновниковъ всякаго рода, спеціально существующихъ для того, чтобы выманивать у него взятки. Сгибаясь подъ общею тягостью, остатки разрозненныхъ элементовъ потеряли всякое сознаніе своей солидарности: всюду конфликтъ частныхъ интересовъ доходитъ до остраго состоянія; повсюду восторжествовалъ голый эгоизмъ, жадное стремленіе завладѣть чужимъ добромъ, ревнивая ненависть къ ближнему; даже религія не въ состояніи ихъ сдержать; соціальное тѣло разлагается и распространяетъ трупный запахъ.

Эти факты совершенно неоспоримы, и вмѣстѣ съ другими вышеуказанными причинами объясняютъ послѣдовавшій за ними катаклизмъ. Между тѣмъ Москва эпохи трехъ первыхъ Романовыхъ не была совсѣмъ разложившейся: въ области политики она является даже укрѣпленной, расширившей свои размѣры, благодаря значительнымъ аннексіямъ.

Ушедшее на ликвидацію печальнаго наслѣдія Смутнаго Времени, царствованіе Михаила оставило въ наслѣдіе Алексѣю положеніе дѣйствительно тяжелое: страна, все еще измученная и истощенная, звала къ новымъ жертвамъ для того, чтобы поддержать честолюбивые замыслы и содержать армію, обученную по-европейски.

Этимъ и объясняется возстаніе 1648 года. Новый кодексъ, уничтоженіе закладничества, какъ средство болѣе справедливаго распредѣленія повинностей и уничтоженіе привилегій, предоставленныхъ иностранной торговлѣ, служили съ одной стороны для успокоенія наиболѣе сильнаго недовольства, но съ другой стороны вызывали новые мятежи. Въ

Сольвычегодскѣ и Устюгѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ эти послѣдніе остались однако мѣстными, какъ и разгорѣвшіеся въ эту эпоху на французской почвѣ, въ Бретани и Гіеннѣ, въ Реннѣ и Бордо. Они и были подавлены, потому что оставались изолированными. Но въ тотъ моментъ, когда Алексѣй занялся ихъ подавленіемъ, на юго-западной границѣ вспыхнула Украйна, и Хмѣльницкій просилъ вмѣшательства царя.

Тамъ открывалась великолѣпная перспектива. Невозможно было ее игнорировать. Между тѣмъ она требовала и новыхъ усилій. Не имѣя даже времени передохнуть, залѣчить свои раны, бѣдная Москва должна была выказать огромную силу энергіи. Успѣхъ сначала соотвѣтствуетъ ея мужеству, потомъ оставляетъ ее; чума, враждебныя дѣйствія, совершенно неразумно начатыя на другомъ боевомъ фронтѣ со Швеціей, возмущеніе дикихъ племенъ на востокѣ, все это остановили завоеванные или почти завоеванные результаты. Средства истощаются. Нѣтъ больше и денегъ. Кредитомъ злоупотребляютъ самымъ противузаконнымъ и безразсуднымъ образомъ.

Попытка монетной реформы оказалась мертворожденной и повлекла за собою новые мятежи.

Въ 1667 году Андрусовскій договоръ далъ относительно выгодный миръ, но въ томъ-же году выступаетъ на сцену Стенька Разинъ, а черезъ годъ отпаденіе Брюховецкаго на югѣ, Соловецкій бунтъ на сѣверѣ привели къ новому критическому положенію. Потомъ наступилъ религіозный кризисъ со всѣми его послѣдствіями политическаго и соціальнаго порядка. Страна еще держится однако и въ нѣдрахъ провозглашеннаго раскола никѣмъ не подозрѣваемая сила идей и чувствъ поднимаетъ массы.

Все это не даетъ абсолютнаго впечатлѣнія недостатка жизненныхъ силъ. Можно даже утверждать, что извѣстнымъ образомъ эта эпоха является даже плодотворною или творческою уже въ одномъ томъ крайнемъ напряженіи энергіи, которая сконцетрировалась на дѣлѣ и утилизировалась лишь въ одномъ направленіи. Сквозь всѣ безпорядки и среди всевозможнаго разрушенія, грозный и творческій динамизмъ былъ отданъ на служеніе единственнаго принципа, государства съ его исключительными политическими, военными, фи-

нансовыми и династическими интересами, поглотившими всѣ соціальныя функціи. Законодательная или административная дѣятельность, которую оно возбуждало и поощряло, имѣла одну только цѣль: реализировать единство власти, укрѣпить авторитетъ, собрать богатую казну, создать мощную армію. Остальное, т. е. соціальные интересы, какъ ихъ теперь понимаютъ, индивидуальныя права, все то, съ чѣмъ все болѣе и болѣе считаются въ современныхъ коллективахъ, считалось тогда ничѣмъ передъ увлекавшимъ всѣхъ единымъ дѣломъ: величія, безопасности, престижа всемогущаго государства.

На этомъ пути, и съ этимъ идеаломъ, который она послушно приняла и передала потомству, Москва семнадцатаго вѣка не только добилась большого приращенія территоріи, но посредствомъ законченнаго развитія самодержавія, полнаго установленія крѣпостничества, кодификаціи 1648 г., она опредѣлила на очень долгое время въ извѣстномъ смыслѣ эволюцію отечественной исторіи.

Разрушенное до основанія съ точки зрѣнія соціальной жизни, потрясенное въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ даже съ точки зрѣнія политической жизни, архаическое строеніе минувшей эпохи разваливалось, но лежавшая въ основѣ его внутренняго строенія, самодержавная и бюрократическая бастилія московскихъ великихъ князей и царей поддерживалась и даже укрѣплялась среди этого разрушенія, и перешла нерушимо отъ прошедшаго къ отдаленному будущему. Но ей не удалось охватить цѣликомъ всю національную жизнь.

Преслѣдуя единственную цѣль, поставленную общимъ усиліямъ, государство и его агенты не брезгали никакими средствами, уважая такъ же мало мораль, какъ и свободу. И та, и другая, между тѣмъ, имѣли нѣсколько защитниковъ, иногда героевъ, иногда разбойниковъ, которые даже цѣною эксцессовъ и одинаково преступнаго насилія противъ этого тиранническаго и всепожирающаго духа государства, требовали правъ личной или коллективной независимости и, жертвы настоящаго, представляли со своей стороны залогъ будущаго.

Такимъ образомъ задуманное и организованное правительство первыхъ Романовыхъ побѣдосно вышло изъ страшныхъ испытаній и совершило значительную работу; оно не

смогло выполнить невыполнимую задачу, взятую имъ на себя, желая постепенно возвести старую Москву на положеніе европейской державы. Западная цивилизація, введенная въ слишкомъ узкія соціальныя и умственныя рамки, въ которыхъ ей пытались дать мѣсто, пробила ихъ и ввиду того, что какъ Алексѣй, такъ и его наслѣдники не были способны распространять ее постепенно, явилась необходимою быстрая и насильственная ломка. Ускоряя ее, Петръ Великій въ главныхъ его чертахъ поддержалъ, даже укрѣпилъ унаслѣдованный имъ политическій аппаратъ и, завершивъ имъ совершенно архаическимъ путемъ постройку преобразованнаго общества, онъ создалъ тотъ отчаянный парадоксъ, въ которомъ еще и сейчасъ бьется современная Россія.

Но преобразованіе, въ своихъ существенныхъ чертахъ подготовленное всею работою семнадцатаго вѣка, уже начатое въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, въ другихъ начертанное въ проектахъ и мечтахъ, въ которыхъ предшественники великаго реформатора, Ордынъ-Нащокинъ, Ртищевъ, Крыжаничъ и Голицынъ, ушли даже дальше, чѣмъ самъ Петръ хотѣлъ или осмѣливался идти—было неизбѣжно.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Образованіе имперіи.

ГЛАВА I.

Основаніе династіи. Михаилъ Ѳедоровичъ.

1. Первый Романовъ. 2. Наслѣдіе Смутнаго Времени. 3. Миръ со Швеціей. 4. Перемиріе съ Польшей.

ГЛАВА II.

Реставрація.

1. Двуглавое правительство. 2. Бракъ Михаила. 3. Дипломатическая кампанія. 4. Попытка военной реформы. 5. Смоленское несчастье. 6. Новое появленіе самозванцевъ. 7. Реставрація. 8. Реорганизація администраціи. 9. Соціально-экономическая эволюція. 10. Прогрессъ.

ГЛАВА III.

Отецъ Петра Великаго.

1. Восшествіе Алексѣя. 2. Московская Фронда. 3. Церковный реформаторъ Никонъ. 4. Новое уложеніе. 5. Псковское и Новгородское возмущеніе. 6. Апофеозъ московскаго патріархата. 7. Монетный кризисъ.

ГЛАВА IV.

Царь и патріархъ.

1. Никонъ. 2. Разрывъ. 3. Борьба. 4. Процессъ патріарха. 5. Ссылка.

ГЛАВА V.

Возмущеніе Стеньки Разина.

1. Казаки. 2. „Донское войско“. 3. Стенька Разинъ. 4. Персидская эпопея. 5. Диктатура Стеньки. 6. Возстаніе. 7. Казацкое правительство. 8. Пораженіе. 9. Конецъ „хорошихъ временъ“. 10. Легенда о Стенькѣ. 11. Астраханское безуміе.

ГЛАВА VI.

Внутренняя политика Алексѣя.

1. Торжество самодержавнаго принципа. 2. „Приказъ тайныхъ дѣлъ". 3. Русскій парламентаризмъ. 4. Законодательство. 5. Административная организація. 6. Фискальный режимъ. 7. Соціально-экономическая эволюція. 8. Военная реформа. 9. Созданіе флота.

ГЛАВА VII.

Внѣшняя политика.

1. Московская дипломатія. 2. „Первый русскій канцлеръ". 3. Англо-голландское соперничество. 4. Первыя посольства во Францію. 5. Сношенія съ Италіей. 6. Успѣхи на востокѣ. 7. Завоеваніе Сибири. 8. Первыя столкновенія съ Китаемъ. 9. Политика расширенія.

ЧАСТЬ II.

Возстановленіе національности.

ГЛАВА VIII.

Польско-русская Украйна.

1. Украйна. 2. Смѣшеніе расъ. 3. Украинскіе казаки. 4. Запорожскіе рыцари. 5. Польская культура. 6. Украинскій вопросъ. 7. Національный и религіозный вопросы.

ГЛАВА IX.

Конфликтъ.

1. Торжество плуга и реваншъ сабли. 2. Двѣ церкви и двѣ культуры. 3. Обращеніе къ Москвѣ. 4. Хмѣльницкій. 5. „Великій проектъ" Владислава IV. 6. Катастрофа.

ГЛАВА X.

Вмѣшательство Москвы.

1. Страшный годъ. 2. Планъ имперіи. 3. Пораженіе казаковъ. 4. Подчиненіе Москвы. 5. Разгромъ Польши. 6. Поворотъ счастья.

ГЛАВА XI.

Раздѣлъ.

1. Наслѣдіе Хмѣльницкаго. 2. Два берега Днѣпра. 3. Раздѣлъ. 4. „Разгромъ".

ЧАСТЬ III.

Интеллектуальная эволюція.

ГЛАВА XII.

1. Третій Римъ. 2. Греческое духовенство въ Москвѣ. 3. Наука и традиція. 4. Реформа. 5. Возмущеніе. 6. Крещеніе огнемъ.

ГЛАВА XIII.

„Расколъ“.

1. Происхожденіе и причины. 2. Характерныя черты. 3. Апостольство Аввакума. 4. Женскій элементъ въ Расколѣ. 5. Развитіе схизмы. 6. „Конецъ міра“. 7. Коллективное самоубійство.

ГЛАВА XIV.

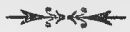
Моральный кризисъ.

1. Нравы. 2. Образованіе. 3. Двѣ школы. 4. Пріобщеніе къ европейской жизни. 5. Литературная эволюція. 6. Искусство. 7. Революціонный духъ.

ГЛАВА XV.

Второй Романовъ и его наслѣдіе.

1. Темпераментъ и характеръ Алексѣя. 2. Его умъ. 3. Его сердце. 4. Его окружающіе. 5. Его наслѣдіе. 6. Восшествіе Ѳедора. 7. Конецъ Никона. 8. Правленіе фаворитовъ. 9. Первый ударъ заступомъ. 10. Общій взглядъ.



К-во „Современныя Проблемы".

Москва, Садовники, д. 16, Телеф. 177-14.

I. ОТДѢЛЪ НАУЧНЫЙ И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

К. Валишевскій. Иванъ Грозный. Большой роскошно издан. томъ. Ц. 3 р. въ полукожан. перепл. 4 р.

Прив.-доц. В. М. Фриче. Западно-европейская литература XIX вѣка.

Т. I. Краткое содержаніе: Романтизмъ и его разложеніе. Англія, Франція, Германія, Испанія и Скандинавія. Цѣна 2 р. (печ.).

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментальное изслѣдованіе. Цѣна 1 рубль.

Поразительные выводы автора открываютъ новые, въ настоящее время почти необозримые горизонты. März, № 14, 1909. (Dr. Bergmann).

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни.

Содержаніе: Забываніе собственныхъ именъ. Забываніе иностранныхъ словъ. Забываніе именъ и словосочетаній. О воспоминаніяхъ дѣтства и о воспоминаніяхъ, служащихъ прикрытіемъ. Обмолвки. Очитки и описки. Забываніе впечатлѣній и намѣреній. Дѣйствія, совершаемыя по ошибкѣ. Симптоматическія и случайныя дѣйствія. Ошибки. Комбинированныя дефектныя дѣйствія. Детерминизмъ. Вѣра въ случайности и суевѣрія. Общее замѣчаніе. Цѣна 1 руб.

Проф. Эрнстъ Махъ. Принципъ сохраненія энергіи. Цѣна 30 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Естествознаніе и міросозерцаніе— Проблема жизни. (Двѣ лекціи). Ц. 50 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Вопросъ о границахъ познанія. Ц. 30 к.

Достоинство брошюры—въ большомъ мастерствѣ популярнаго изложенія. („Р. Вѣд." 1909 г. № 21).

Проф. Оппенгеймъ. Воспитаніе и нервныя страданія дѣтей. Ц. 30 к.

Докладъ заслуживаетъ широкаго вниманія интеллигентныхъ родителей. (Д-ръ Каплан).

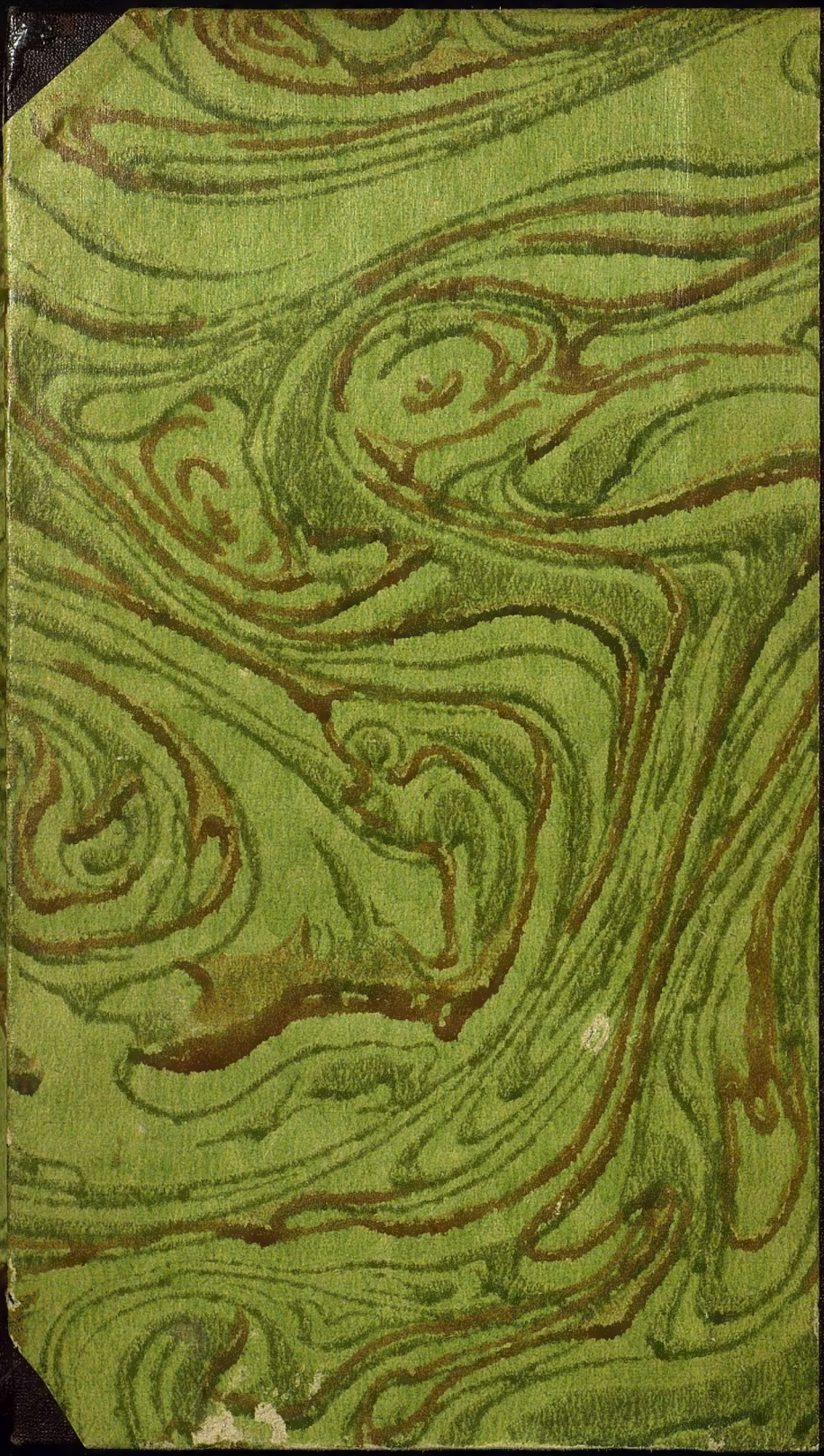
Марія Лишневская. Половое воспитаніе дѣтей. 2-е изданіе. Ц. 30 к.

Брошюра Маріи Лишневской можетъ сослужить всему человѣчеству громадную пользу. („Утро Россіи").

Элленъ Кей. Мать и дитя. Цѣна 30 коп.

Небольшую работу Элленъ Кей мы горячо рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей. Брошюра написана сжато, конспективно, но очень живо и ярко. Переводъ сдѣланъ хорошимъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ. („Рѣчь", 13 окт. 1908 г.).

Проф. Мантегацца. Современная женщина. Цѣна 1 рубль.

I. П. Мюллеръ. Новѣйшая гигіена. (распрод.)

К